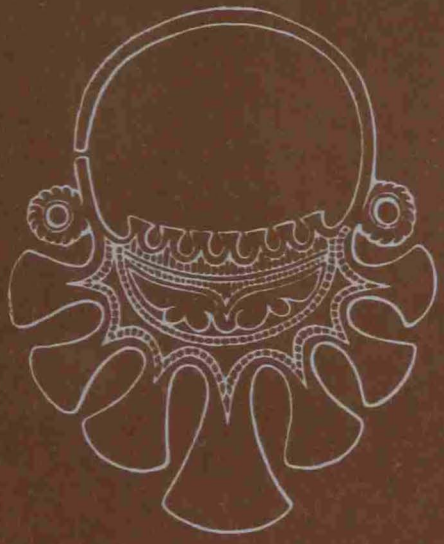
ISSN 0038-5034

Советская Археология



1991

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе,
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич,
Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский (отв. секретарь),
Т. М. Потемкина, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
П. П. Толочко, В. Л. Янин

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1991 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П., Куликов О. А. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа. 5
Сергин В. Я. Скопления костей мамонта на палеолитических поселениях 9
Козенкова В. И., Багаев М. Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибутики в позднекобанской культуре 25
Кузнецов В. Д. Кепы: ионийская керамика 36
Смирнов К. А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи 53
Кызласов И. Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов 62
Рыбина Е. А. Из истории шахматных фигур 86
Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А. Строительные растворы древнего Новгорода 102
Мержанова К. А. Численность населения средневекового города: возможности реконструкции (на примере Пскова) 108

Дискуссии

Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья 123
Шилов В. П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья 132
Мыськов Е. П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья 145

Публикации

Заверняев Ф. М. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки 164
Пясецкий В. К. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов 182
Сайгин Ф. И., Юдин А. И. Каменные орудия Кушумской стоянки 192
Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) 206
Бахшалиев В. Б. Могильник эпохи раннего железа на территории древней Нахичевани 217
Бунятян Е. П., Зубарь В. М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса 228

© Отделение истории АН СССР, Институт археологии АН СССР,
Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1991 г.

Заметки

Арефьев В. А. О методике обработки орнамента керамических сосудов 240
Сунгатов Ф. А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье 243
Шавкунов Э. В., Ивлиев А. Л. Бохайская плакетка из Приморья с изображением буддийской кумирни 245

Критика и библиография

Клосинска Э. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины / Ред. *О. Г Шапошникова.* Киев, 1988 249
Герасимова М. М., Медведев Г. И., Яблонский Л. Т. *Балуева Т С., Веселовская Е. В., Лебединская Г. В., Пестряков А. П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988 256
Гохман И. И. *Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Лебединская Г. В., Пестряков А. П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988 262
Синицын А. А. The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East / Ed. *Hoffecker J. F., Wolf C. A.* // British Archaeological Reports. International Series. Oxford, 1988 267
Васильев С. А. *Pigeot N.* Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organisation sociale. XXVe Suppl. á «Gallia Préhistoire». P., 1987. *Olive M.* Une habitation Magdalénienne d'Étiolles. L'Uité. P. 15. // Mémoires de la Societe préhistorique française. T. 20. P., 1988. 274
Всевиов Л. М. Советская археологическая литература за 1989 г. 279

Хроника

Лихтер Ю. А., Мастыкова А. В., Станюкович А. К. V Всесоюзная конференция по применению методов естественных наук в археологии «Комплексные методы исследования археологических источников» (Москва, 1989). 290

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология», за 1991 год. 299

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1991 4

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Lyubin V. P., Kulikov O. A. On the date of the earliest Palaeolithic sites in the Caucasus 5
Sergin V. Ya. The accumulations of the mammoths' bones at the Palaeolithic sites . . . 9
Kozenkova V. I., Bagaev M. Kh. On some features of sacral martial attributes in late Koban culture . . 25
Kuznetsov V. D. Kepoi: the Ionian pottery 36
Smirnov K. A. On the connections of Gorodets and Dyakovo cultures with the inhabitants of steppe and forest-steppe 53
Kyzlasov I. L. Palaeographic study of Asiatic runic alphabets 62
Rybina Ye. A. On the history of chess 86
Mednikova Ye. Yu., Rappoport P. A. Groutings of ancient Novgorod . . . 102
Merzhanova K. A. The number of population in a Mediaeval town: the possibilities of reconstruction (the example of Pskov) 108

Discussions

Morgunova N. L. On Polavka culture in the Urals area 123
Shilov V. P. On the Poltavka-type burials in the Southern Urals 132
Myskov Ye. P. On the problem of periodization of timber-grave culture on the Lower Volga and the territory between Volga and Don 145

Publications

Zavernyaev F. M. Flint industry of Khotylevo Upper Palaeolithic site 164
Pyasetsky V. K. The middle cultural layer of the Palaeolithic site of Zhornov 182
Saygin F. I., Yudin A. I. Stone tools from the Kushum settlement 192
Cherednichenko N. N., Pustovalov S. Zh. Chariots and charioteers in the catacomb culture society (the excavations in the Lower Dnieper area) 206
Bakhshaliev V. B. The cemetery of the Early Iron Age in the territory of ancient Nakhchevan. 217
Bunyatyan Ye. P., Zubar V. M. A new area of late Classic necropolis with children' burials 228

Notes

Arefyev V. A. About the working methodics for pottery ornamentation 240
Sungatov F. A. A late Sarmatian burial in Eastern Urals 243
Shavkunov E. V., Ivliev A. L. A Bohay plaque from Primorye with the image of Buddhist shrine 245

Critics and bibliography

Klosinska E. New sites of pit-grave culture from the steppic zone of the Ukraine / Ed. by *O. G. Shaposhnikova*. Kiev, 1988 249

Gerasimova M. M., Medvedev G. I., Yablonsky L. T. *T S. Balueva, E. V Veselovskaya, G. V Lebedinskaya, A. P. Pestryakov*. Anthropological types of ancient population in the territory of the USSR. On the materials of the anthropological reconstruction. Moscow, 1988 256

Gohman I. I. *T S. Balueva, E. V Veselovskaya, G. V. Lebedinskaya, A. P. Pestryakov*. Anthropological types of ancient population in the territory of the USSR. On the materials of the anthropological reconstruction. Moscow, 1988 262

Sinitsyn A. A. The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East / Ed. *Hoffecker J. F., Wolf C. A.* // British Archaeological Reports. International Series. Oxford, 1988. 267

Vasilyev S. A. *Pigeot N.* Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organisation sociale. XXVe Suppl. à„Gallia Préhistoire" P., 1987 *Olive M.* Une habitation Magdalénienne d'Etiolles. L'Uité P15. // Mémoires de la Societe préhistorique française. T 20. P., 1988. 274

Vseviov L. M. Soviet archaeological publications for 1989. A guide for bibliography 279

Chronicle

Likhter Yu. A., Mastykova A. V., Stanyukovich A. K. The Fifth All-Union conference on the usage of scientific methods in archaeology «Complex methodics of study of archaeological sources» (Moscow, 1989) 290

Guide for articles published in the journal «Sovetskaya Arkheologia» in 1991 299

В. П. ЛЮБИН, О. А. КУЛИКОВ

О ВОЗРАСТЕ ДРЕВНЕЙШИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА

Вопрос о времени первоначального заселения Кавказа, возрасте древнейших (домустьерских) памятников на его территории является одним из самых неясных и дискуссионных. Немногочисленные даты, полученные, в основном за последние годы, с помощью радиологических (неравновесного урана) и физических (палеомагнитного и радиотермолюминесцентного) методов, позволяют все же наметить первые контуры абсолютной геохронологии раннего палеолита кавказской области. В настоящее время такие даты имеются для некоторых базальных уровней пещеры Азых в Азербайджане, стоянки (?) открытого типа Дманиси в Южной Грузии и пещеры Кударо 1 в Юго-Осетии (Западная Грузия). Эти данные позволяют предложить следующий рабочий набросок хронostратиграфической шкалы нижнего палеолита Кавказа.

Книзу от палеомагнитного «рубежа» Брюнес-Матуяма (690 тыс. лет назад), судя по обратной намагниченности, оказались самые древние уровни мощной (до 14,5 м) толщи культурных напластований в пещере Азых в Нагорном Карабахе. Граница палеомагнитных зон Брюнес-Матуяма установлена здесь в пределах горизонта 15, что позволило отнести самые нижние горизонты (16 и 17) к верхнеапшеронскому веку (эоплейстоцен), т. е., по мнению А. А. Величко и его соавторов [1, с. 22—31], ко времени около 1 млн. лет назад. В обоих горизонтах обнаружены гальки и фрагменты галек, часть которых носила следы искусственной обработки [2, с. 25—27, рис. 7—9] В период образования горизонтов 17 и 16, по палинологическим данным, вокруг пещеры произрастали широколиственные леса из лапины, грецкого ореха, бука, дуба, каштана, вяза, дзельквы. Редколесные ценозы были образованы грабинником, фисташкой и энгельгардтией [3, с. 34—37]

Кверху от «рубежа» Брюнес-Матуяма, но видимо, близко к нему располагается недавно выявленная стоянка (?) открытого типа Дманиси, о которой ввиду малой доступности местных публикаций следует рассказать подробнее. Следы пребывания древнего человека обнаружены здесь в костеносных озерных и аллювиально-пролювиальных отложениях, подстилаемых четвертичными лавами (долеритовое плато между ущельями рек Машавера и Пинезаури). Остатки ископаемых животных обнаружены при расчистке стен глубоких ям-зернохранилищ на средневековом Дманисском городище. В 4-метровой толще отложений здесь отмечены (в м, снизу вверх): 1) долеритовая лава; 2) вулканический песок с примесью алевритов — 0,5; 3) грубозернистый песок вулканического происхождения — до 0,3; 4) крупнозернистый песок с включением гравия (линза речных образований) — 0,25 — 0,5; 5) коричневатые песчаные глины с карбонатными прожилками и редким гравием — до 0,5; 6) светло-коричневые карбонатные песчанистые глины 0,2—0,25; 7) светло-коричневые карбонатные песчанистые глины с обломками лав и мелким гравием — 0,2; 8) белая карбонатная корка — 0,2—0,22; 9) суглинки светло-коричневые слабопесчанистые, с лавовыми обломками и гальками — 0,43 — 0,45; 20) суглинки светло-коричневые карбонатные сцементированные, «со следами человеческой деятельности»; 11) «довольно мощный культурный слой средневековой эпохи» [4]

© В. П. Любин, О. А. Куликов, 1991 г

Ископаемые кости встречены в слоях 2—9, однако наибольшие скопления их наблюдаются в вулканических песках (слои 2, 3), непосредственно соприкасающихся с долеритовыми лавами.

Судя по находкам черепов с нижними челюстями и частей посткраниального скелета, а также отсутствию на костях следов окатанности, они, по мнению грузинских ученых, находятся в первичном залегании или снесены в водоем с близкого расстояния [4, с. 96] Установлены остатки следующих животных: какой-то поздней формы крупного слона (Archidiskodon meridionalis), мало отличающейся по признакам костей конечностей от апшеронского Archidiskodon meridionalis taribanensis; двух видов ископаемых лошадей: одного — близкого к мелкой Equus altidens, второго — близкого к представителям группы поздних стеноновых лошадей (Equus ex gr. stenonis), встречаемых в самых верхах вилафранка Франции и Испании; крупной формы бовин, близкой к представителям рода Eobison, известной из позднего плиоцена и низов плейстоцена Евразии; носорога, принадлежащего скорее всего к Dicerorinus etruscus etruscus; собачьих (Canis cf. etruscus); мелких оленей (один из них близок к Dama nestii); крупной кошки, напоминающей Panthera pardus; крупного представителя страусовых (Struthio).

Состав фауны отражает довольно большое разнообразие ландшафтных условий, что вполне согласуется с результатами выполненного Э. В. Квавадзе исследования дманисских копролитов на содержание пыльцы и спор. Последние в целом указывают на преобладание в Дманиси довольно теплых и относительно влажных климатических условий с элементами сухих стаций. Дманисская фауна, по мнению Л. К. Габуния, и А. К. Векуа, скорее всего принадлежит времени, отвечающему верхам апшерона или низам бакинского яруса (эоплейстоцен — нижний плейстоцен). Датировка эта, однако, по суждению названных исследователей, находится в противоречии с данными магнитостратиграфии, согласно которым, возраст долеритов, подстилающих костеносные отложения, определяется в 0,5—0,69 млн. лет [5, с. 22, 23; 6, с. 344—348; 7]

Особый интерес к Дманиси вызван находками в костеносных отложениях немногочисленных каменных орудий (нуклеусы, отщепы). Археолог Т. В. Бугианишвили предположительно датирует их временем раннего ашеля [6]

Хроностратиграфическая позиция этих, безусловно, чрезвычайно ценных палеонтологических и археологических находок нуждается все же в серьезном уточнении, так как: 1) хронометрические исследования самих костеносных и археологических (если их удастся установить) уровней не выполнены; 2) между датированными долеритами и костеносными слоями возможен определенный стратиграфический пробел; 3) фаунистические и палинологические материалы представлены суммарными, не расчлененными по слоям списками; 4) стратиграфическое положение каменных орудий не указано; 6) допускается переотложение бóльшей части костей. Необходимы, конечно, и технико-типологическое исследование, и издание найденных каменных изделий.

Следующие (снизу вверх) ступени намечаемой хроностратиграфической шкалы представлены ашельскими культурными слоями 5в и 5а—б пещеры Кударо 1. Образцы рыхлых отложений из этих слоев были изучены и продатированы в лаборатории радиотермолюминесцентного датирования (РТЛ) кафедр радиохимии и геоморфологии Московского университета по методике, разработанной В. К. Власовым и О. А. Куликовым [1] [8]

По данным О. А. Куликова, РТЛ-дата ашельского слоя 5в (образец из горизонта 3 этого слоя, отобранный из поперечного разреза W—O в средней части южной галереи пещеры в 1986 г.) равна 360 ± 90 тыс. лет (РТЛ-379). РТЛ-дата перекрывающего его ашельского уровня 5а—б (образец из верхов

[1] Радиотермолюминесцентный метод может быть использован для определения возраста в диапазоне от нескольких тысяч до 1—2 млн. лет.

этого уровня, отобранный из того же разреза) равна 350±70 тыс. лет (РТЛ-373). Существенно, что РТЛ-датирование перекликается с определением возраста слоя 5в по изотопам тория, полученным В. В. Чердынцевым еще около 30 лет тому назад (> 250—300 тыс. лет назад).

Палеонтологические материалы подтверждают, как кажется, бóльшую древность слоя 5в: в нем обнаружены остатки таких индикаторных форм тираспольского фаунистического комплекса, как медведь Денингера, этрусский носорог и кости таких теплолюбивых субтропических животных, как черный медведь и макак; пещера находилась в окружении саванноподобных ландшафтов (ксерофильная растительность, экзоты, очень теплый и сухой климат) [9, с. 23—33].

Наиболее поздний датированный нижнепалеолитический уровень в Кударо 1, ашельский слой 5а, имеет (по изотопам тория) дату в 110±10 тыс. лет назад. Образец для датирования этого уровня был отобран из размытых и затронутых почвообразованием верхов этого слоя в восточной галерее пещеры [10, с. 33—38]

Таковы первые, отрывочные конечно, данные о возрасте наиболее ранних палеолитических памятников Кавказа. Помимо хронометрических критериев, которые здесь главенствуют, были привлечены и некоторые климатостратиграфические и археологические сведения об этих памятниках. Предварительность этой наметки безусловна, так как абсолютных дат пока мало и непогрешимость каждой из них должна быть многократно проверена. Нуждается, в частности, в подтверждении «изначальная» дата в 1 млн. лет: расположение горизонтов 16, 17 пещеры Азых книзу от рубежа Брюнес-Матуяма (690 тыс. лет назад) не предопределяет столь древний возраст этих горизонтов и найденных в них изделий. Уязвима, как отмечалось, и датировка палеолитических находок в Дманиси.

Что касается археологических свидетельств, то на современном уровне наших знаний допустимо говорить о том, что древнейшие из датированных индустрий (Азых и, видимо, Дманиси) принадлежат к доашельской «галечной» стадии нижнего палеолита, более поздние (Кударо 1) — к ашелю с ручными рубилами.

Если «изначальная» дата первого появления человека на Кавказе (1 млн. лет назад) со временем будет все же подтверждена, то можно будет говорить о том, что Кавказ и соседние регионы Южной Европы и Ближнего Востока были заселены гоминидами в одно и то же в общих чертах геологическое время. Предположительные миграционные пути при этом простирались с юга на сéвер — из Африки через Левант и Восточную Анатолию (домустьерские индустрии на территории Ирана, как галечные, так и с ручными рубилами, до сих пор практически не обнаружены) в Закавказье.

Вторичный характер ашельских индустрий с бифасами в свете имеющихся датировок кажется несомненным. Неясен, однако, генезис этого явления, его автохтонный или аллохтонный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Величко А. А., Антонова Г В., Зеликсон Э. М. и др.* Палеогеография стоянки Азых — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3.
2. *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку, 1985.
3. *Зеликсон Э. М., Губонина З. П.* Смещение высотной поясности как основа реконструкции климатических изменений в горных странах. Методы реконструкции климатов. М., 1985.
4. *Габуния Л. К., Векуа А. К.* Антропогеновые лошади Грузии. Тбилиси, 1989.
5. *Векуа А. К., Габелая Ц. Д., Векуа З. А.* Дманисская фауна ископаемых позвоночных // Тез. докл. II науч. сессии Груз. отд-ния Всесоюз. териол. о-ва. Тбилиси, 1985.
6. *Габуния Л. К., Векуа А. К., Бугианишвили Т. В.* Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа // Изв. АН ГССР. Серия биол. 1988. Т. 14. № 5.
7. *Майсурадзе Г. М., Сологашвили Д. З., Павленишвили Е. Ш.* О возрасте машаверского долеритового потока // Тез. докл. науч. конф. «Средневековые города и городская жизнь Кавказа». Тбилиси, 1988.
8. *Власов В. К., Куликов О. А.* Радиотермолюминесцентный метод датирования рыхлых отложений. М., 1988.

9. *Любин В. П., Барышников Г Ф., Левковская Г М. и др.* Кударо I // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989.
10. *Ренгартен Н. В., Черняховский А. Г* Состав и условия образования осадочных отложений пещеры Кударо I // Кударские палеолитические пещерные стоянки в Юго-Осетии. Л., 1980.

Ленинградское отделение Института
археологии АН СССР

V. P. LYUBIN, O. A. KULIKOV

ON THE DATE OF THE EARLIEST PALAEOLITHIC SITES IN THE CAUCASUS

Summary

The first chronological and stratigraphic information about the date of the earliest Palaeolithic sites in the Caucasus suggests the emergance of hominides in this area ca. 1st mln. B. P. These data were obtained thanks to radiological and phisical methods for the basal horizons of the Azykh cave in Azerbajan, the Kudaro I cave in the Southern Ossetia and Dmanisi settlement in the Southern Georgia. The earliest stone industries dated by these methods are Azykh and Dmanisi, which belong to pre-Acheulian pebble type, the later one Kudaro I belongs to Acheul with hand-axes.

В. Я. СЕРГИН

СКОПЛЕНИЯ КОСТЕЙ МАМОНТА НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

На ряде позднепалеолитических поселений Восточной и Центральной Европы встречены остатки многих десятков, а в бассейне Среднего Днепра в отдельных случаях и более сотни мамонтов. Изучение возможных путей формирования этих грандиозных скоплений, столь важное для характеристики образа жизни обитателей поселений и взаимоотношения человека с природным окружением, долгое время привлекает внимание исследователей. Но общепринятого суждения пока не выработано.

Довольно большое количество костей мамонта обнаружилось уже в первых раскопках поселений центра Русской равнины в 70-х и 80-х годах XIX в. По остаткам в небольшой расчистке в Гонцах в 1873 г. были определены шесть особей мамонта [1, с. 157], небольшие раскопки И. С. Полякова на площади комплекса 1 верхнего слоя Костенок 1 выявили кости 10 особей [2, с. 26], раскопки А. И. Кельсиева добавили еще не менее шести особей [3, с. 167] С того же времени появились основные гипотезы, объяснявшие образование скоплений остатков мамонта на поселениях. По одной из них, мамонты добывались путем охоты [2, с. 116—119]; по другой, люди находили места, изобиловавшие павшими по разным причинам животными [4, с. 291, 292] или их замороженными трупами [3, с. 175], и употребляли мясо в пищу. Остатки мамонтов на поселениях представлялись также (в частности, И. Стеенструпу) кладбищами животных, которые позднее посещались людьми, использовавшими для своих нужд бивни и другие кости скелета [5, с. 11]

В дальнейшем, с постановкой широких регулярных исследований памятников и значительным пополнением сведений о связанной с ними фауне среди археологов укрепилось представление о промысловом характере накопления всех или основной части остатков животных на поселениях, господствовавшее до 60-х годов XX в. [6, с. 231, 232; 7, с. 279; 8, с. 331; 9, с. 206—208; 10, с. 17; 11, с. 18; 12, с. 38; 13, с. 98; 14, с. 180—182]

Иначе оценивали в 30—40-х годах возрастающее число рассматриваемых фактов палеозоологи. И. Г Пидопличко полагал, что кости мамонта, носорога, а может быть, лошади и бизона из Мезина и Гонцов не был результатом активной охоты, а добывались из тающих глетчеров, возможно, даже в виде частей трупов или целых туш [15, с. 80; 16, с. 115] Однако позже И. Г Пидопличко изменил свое мнение и стал считать массовые накопления костей мамонта на поселениях обусловленными истребительной охотой их обитателей [17, с. 34; 18, с. 148] Точка зрения В. И. Громова сходна с первоначальным мнением И. Г Пидопличко [19, с. 402—404; 20, с. 33, 34] Убедительных доводов в подкрепление того, что скопления костей — результат охотничьей деятельности человека, по мнению В. И. Громова, пока не приведено [20, с. 33] И словно в ответ на его высказывания преимущественно с 70-х годов среди археологов начали широко распространяться представления, согласно которым основная часть костей мамонта на наиболее богатых ими поселениях была собрана в окрестностях последних [21, с. 16; 22, с. 182; 23, с. 118; 24, с. 115; 25, с. 279]. Информация о поселениях считается также слишком недостаточной, чтобы

© В. Я. Сергин, 1991 г.

получить определенное суждение по поводу того, происходят кости от убитых и съеденных животных или от умерших естественной смертью [26, с. 70, 73]

Палеозоологи, изучавшие в последнее время возрастной состав мамонтов с позднеплейстоценовых памятников, придерживаются мнения об охоте как пути появления массы его костей на поселениях, причем охоте загонной [27, с. 138; 28, с. 90] или главным образом посредством нападения артелей копейщиков на небольшие группы и одиночных животных [29, с. 212—216, 229] При этом не отрицается вероятность спорадического использования в пищу трупов мамонта и других животных [30, с. 31]

Естественные скопления трупов животных как источник накопления костей на поселениях. Мысль о широком использовании первобытным человеком трупов естественно погибших мамонтов возникла в период появления первых сведений о палеолитическом человеке, способности и вооружение которого, понятно, представлялись многим слишком убогими, чтобы он мог покуситься на столь мощное животное. Однако В. И. Громов имел в виду иные основания. Наиболее полное их изложение [19, с. 400—404] уже комментировалось археологами [9, с. 206, 207; 14, с. 181, 182; 31, с. 119, 120] Но целостного их рассмотрения не проведено, и к тому же часть возражений В. И. Громову с ростом информации обесценивалась.

По его представлениям, «мамонтовые кладбища» приурочены к древним старицам в широких долинах крупных рек и к большим депрессиям, где находились термокарстовые озера и где могли длительно сохраняться и постепенно вытаивать большие массы материкового льда. Исчезающий ледниковый покров создавал хорошие условия для сохранения трупов животных в мерзлой почве. Наиболее благоприятны они были в эпоху верхнего палеолита на территориях, некогда занимавшихся донским и днепровским ледниковыми языками времени максимального оледенения [19, с. 400, 403, 404; 20, с. 34; 32, с. 26]

В своем исследовании В. И. Громов подчеркивал, что «кладбища» содержали остатки целых трупов животных, а не отдельные их части, которые человек мог бы приносить на поселения, убивая животных в окрестностях. Иначе бы на поселениях отсутствовали черепа, нижние челюсти, зубы, не представлявшие для него интереса (кроме бивней). Транспортировка же целых трупов животных, убитых в разных местах, едва ли была по силам первобытному человеку. Кроме того, подавляющее большинство костей не имеет следов, указывающих на употребление мяса мамонта в пищу, тогда как кости лошади, бизона, оленя и других животных, как правило, разбиты и носят следы многочисленных надрезов, насечек расчленения. Едва ли многие десятки мамонтов могли быть одновременно убиты в одном месте и потому остались не полностью использованными. Наиболее вероятно, что большие массы костей мамонта на поселениях связаны с естественными накоплениями трупов, которые человек находил в замерзшем состоянии, устраивал на их месте стоянки и наиболее сохранившиеся части съедал, а кости использовал на поделки, топливо и как материал для сооружения жилищ. Сюда доставлялась и охотничья добыча, в том числе и мамонты [19, с. 400—404; с. 33, 34; 32, с. 26] Таким образом, доводы В. И. Громова сводятся к отсутствию выборочности в скоплениях костей мамонта; чрезмерной сложности транспортировки целых трупов; малочисленности следов употребления мамонта в пищу на его костях; наличию благоприятных условий сохранения трупов мамонта в верхнем палеолите, естественным путем накопившихся в период максимального оледенения.

Указание на незаинтересованность человека в черепах и нижних челюстях мамонта присутствует только в монографии. Послевоенные раскопки показали скорее особую заинтересованность человека в этих костях в связи с широким использованием их в строительстве. Поэтому состав костей мамонта на поселениях сам по себе не может рассматриваться как свидетельство первичного залегания остатков мамонта в виде целых трупов и скелетов. Столь же правомерно предполагать, что черепа и другие кости доставлялись с мясом с мест охоты.

Само допущение В. И. Громовым частичной охоты на мамонта должно подразумевать также и способность человека как-то доставлять на поселение туши животных, по всей вероятности, в расчлененном виде. Кстати сказать, и на тех поселениях, для которых В. И. Громов предполагал, что кости мамонта оказались там как охотничья добыча (в их числе Гагарино, Мальта), встречены черепа и нижние челюсти мамонта [33, с. 31, 32; 34, с. 6]

Следы использования животных в пищу, которые могут быть прослежены по их костям, еще ждут своего систематического изучения. Имеющаяся статистика разлиных костей мамонта из трех межиричских жилищ показывает, что большая часть трубчатых костей (при подсчете особей по черепам или челюстям) отсутствует [35, табл. 2] Видимо, несмотря на строительные нужды, эти кости разбили в тех же целях, что и кости более мелких животных, а затем они могли быть сожжены.

Несмотря, однако, на увеличившийся объем материала, нарезки и насечки на костях, которые обычно свидетельствуют о расчленении туши, по-прежнему встречаются редко. Но из этого не следует делать вывод, что подавляющая часть животных, от которых происходят кости без нарезок, не использовалась в пищу. Разделывая туши мамонта, человек, вероятно, не стремился, а часто и не мог надрезать мощные связки и вынужден был резать по более мягким частям далеко от костей, не оставляя на них следов, а расчленение производить грубыми орудиями, следы которых могут истолковываться различно. Если считать, что кости разбивались с целью извлечения мозга, то фрагментированное состояние большей части трубчатых костей в Межириче (а судя по описям, планам и отдельным замечаниям, также и на других «костеносных» поселениях) показывает, что мясо снималось с них непосредственно перед раскалыванием. Едва ли мозг мог сохраниться в костях предполагаемых скоплений длительно разлагавшихся трупов.

Тафономические соображения В. И. Громова наименее ясны. Он не высказывался о том, в каких экологических условиях находились мамонты, захваченные льдами максимального оледенения, каков механизм концентрации трупов. Поэтому, исходя из современных палеогеографических представлений, остается отметить, что трупы мамонтов того времени в пределах днепровского и донского ледниковых языков неизбежно разложились бы в теплые периоды, предшествовавшие середине и концу позднего палеолита. Возможно к тому же, что популяции мамонта на Русской равнине в период максимального оледенения были малочисленны и остатки животных подвергались разрозниванию естественными процессами, так как их костей обнаруживается мало [30, с. 10, 11] Как видим, основания гипотезы В. И. Громова не представляются теперь достаточно убедительными.

Коснемся некоторых сторон гибели современных хоботных. Слоны в больном состоянии или имея тяжелые раны, нанесенные человеком или полученные иным путем, стремятся найти укромное место, где нередко и умирают. Их трупы, будучи рассеяны в районе обитания животных, не образуют скоплений [36, с. 205, 209, 210; 37, с. 42, 43] Гибель животных по многим другим причинам не меняет этой картины. Нас же в связи с рассматриваемой проблемой должны интересовать причины, ведущие к образованию скоплений трупов животных.

Массовая гибель слонов наблюдается в засушливые сезоны в областях Африки, имеющих скудные источники питьевой воды. Во время продолжительной засухи 1970—1971 гг в кенийском национальном парке Цаво погибло около 4700, а возможно, и вдвое больше слонов. Их гибель связывают прежде всего с недостатком полноценной пищи вследствие разрушения растительного покрова в местах обитания [38, с. 123, 126] Множество трупов животных лежало в окрестностях источников, и бо́льшая их часть ввиду изобилия фактически не была тронута падальщиками [39, с. 59]

В Евразии наблюдения за копытными показали, что высокая их смертность во время засухи наблюдается редко, затрагивает меньшее число животных

и трупы обычно быстро растаскиваются и уничтожаются хищниками и падальщиками [40, с. 70] То же происходит с трупами животных, павших в период эпизоотии, чаще всего наблюдающейся в теплое время [40, с. 70] Тем меньше оснований проецировать на поздний плейстоцен отмеченные обстоятельства периодической гибели части популяций слонов в Африке.

Поскольку в центре Русской равнины в конце позднего плейстоцена господствовали открытые ландшафты, особый интерес представляет исследование А. А. Слудским причин гибели копытных в пустынях, полупустынях в степях умеренного пояса Евразии и Северной Америки. Свои выводы он распространяет на голоцен и плейстоцен. Основной причиной гибели копытных А. А. Слудский считает джут — массовое истощение и смерть животных от зимней бескормицы и неблагоприятных метеорологических факторов. Джут является следствием ряда метеорологических факторов, нередко действующих в комплексе: необычно высокого и плотного снежного покрова, наста, продолжительной метели или сильного холодного ветра после оттепели. Часто создавая «пастбищную бескормицу», указанные факторы губят животных и своим непосредственным воздействием [40, с. 6].

Спасаясь от ветра, копытные ищут укрытия в промоинах, оврагах, лощинах и других местах, где многие из них погибают. Весной часть трупов в совершенно целом виде сносится многоводными временными потоками в низины и быстро замывается. Некоторые трупы замывает лёссом и гравием на месте [40, с. 73]. Истощенные животные увязают и гибнут в снегу, задерживаются и умирают даже возле такого препятствия, как куст или сугроб [40, с. 76] После снегопадов 1945 г под кустами на о-ве Барса-Кельмес в Аральском море находили по 4—5 сайгаков, а под одним из обрывов — 20 животных, упавших вниз из-за отсутствия видимости [40, с. 22] На Бетпак-Дала весной 1951 г находили до 100 трупов сайгака в одном месте [40, с. 73] Уходя к югу от высокого снежного покрова, копытные гибнут, попадая при переходе через реки в «пустоледник», в «пропревший» под толщей снега леда, проваливаясь под неокрепший лед [40, с. 75, 76]; так, 15 мая 1795 г на берегу р. Ампел в Северной Америке было насчитано 7350 трупов бизонов, погибших при переправе по непрочному льду [40, с. 78]

Размеры скоплений трупов животных, погибших от джута, зависят, вероятно, не только от силы его воздействия на популяции животных, но и от характера их стадности. Хотя стадность сайгаков значительно превосходит стадность слонов, концентрации их трупов на местах падежа, судя по данным А. А. Слудского, как правило, составляли до нескольких десятков. Можно думать, что мамонты, по аналогии с современными слонами находясь обычно в семейных группах в среднем от нескольких до 15 особей или поодиночке (взрослые самцы), а иногда в составе стад [37, с. 70—73], могли гибнуть на одном месте в числе нескольких животных и лишь исключительно — в числе десятков. Причем скопления трупов ввиду значительной площади, требовавшейся для жизни каждого животного, должны были располагаться далеко друг от друга.

Вместе с тем возможно, что мамонт страдал от джута меньше копытных животных: известно, что в противоположность другим копытным благодаря питанию древесной корой и веточным кормом джут переносит лось [40, с. 72], а древесная пища входила и в рацион мамонта. Если же добавить к сказанному, что джут повторяется раз в десятилетие и реже [40, с. 72], то едва ли можно считать, что скопления костей мамонта на поселениях образовывались за счет трупов животных, погибших от джута. Редко возникавшие, отдаленные друг от друга небольшие скопления трупов могли бы служить лишь случайным подспорьем в пропитании обитателей поселений, но никак не основой их существования.

Часть трупов животных, погибающих по разным причинам, в условиях равнины попадает в зону действия полых речных вод. Многие из них транспортируются водою на разные расстояния. При этом некоторые трупы могут захорани-

ваться на дне в местах падения силы течения при достаточно быстром осадконакоплении или, влекомые по дну, они постепенно разлагаются, распадаются и переносятся как обычный донный материал [41, с. 58]. На отдельных прибрежных участках рек трупы и их части образуют концентрации. Одной из них является Берелехское мамонтовое «кладбище», возникшее в позднеплейстоценовое время [42, с. 140].

Для появления подобных концентраций трупов требовалось совпадение ряда обстоятельств: частой гибели единичных животных и небольших групп или, хотя и редкой, гибели стад на определенном отрезке реки, наличие ниже по течению заводей с определенной геоморфологией дна, определенный режим течения в момент гибели животных и т. п. В каждое последующее половодье вода утаскивала некоторые полусгнившие части трупов, другие замывала илом и ветошью, добавляла новые трупы. Через некоторое время сочетание благоприятных условий нарушалось и отложение трупов в данном месте прекращалось.

Концентрации трупов, соответствующие объему остатков мамонта на поселениях, судя по уникальности Берелёха, были редки. Экономика многочисленных поселений не могла основываться на них. А небольшие местонахождения не дали бы того же количества остатков мамонта ввиду своей рассредоточенности. Представляется, что трупы из речных концентраций вообще использовались человеком лишь в случае крайней нужды. Судя по тому, что человек добывал многих других стадных и нестадных животных, по частой встречаемости на поселениях скелетов несъеденных туш песца, волка и другим проявлениям жизнеспособности и своего рода процветания, в целом жизнь общин была далека от крайних проявлений голода.

Накопление костей посредством собирания их на местах естественной гибели мамонтов. Данные представления возникли практически на той же основе, что и соображения о широком пользовании трупами этого животного. И в настоящее время Р Клейн, несомненно, отражает точку зрения ряда авторитетных исследователей, указывая: «Трудность регулярной добычи мамонта очень велика, в связи с чем должна быть рассмотрена вероятность того, что много, если не большая часть костей была изъята из скелетов естественно погибших мамонтов» [24, с. 53] Важную роль в упрочении такого взгляда сыграло также установление потребности людей в большом количестве костей для сооружения жилищ. Предполагая при описании Добраничевского поселения, что большая часть костей, использованных на жилища, собиралась в местах гибели животных, И. Г Шовкопляс указывает на такие преимущества этих костей, отличающие их от костей только что убитых животных, как легкость, отсутствие остатков мяса и запаха [22, с. 182]. С тем же источником связывает он большую часть костей, залегающих в хозяйственных ямах среднеднепровских поселений. О нахождении костей из ям в течение некоторого времени, вероятнее всего, на местах гибели животных, по его мнению, свидетельствуют довольно частые следы погрызов хищниками костей и наличие в ямах черепов мамонта с вынутыми бивнями. При извлечении бивней из свежих черепов альвеолы были бы разрушены [23, с. 118]. Погрызы на костях как свидетельство перетаскивания костей из естественных местонахождений отмечает и Р. Клейн, особо выделяя Мезин и Межирич, «где систематические исследования костей показали, что многие из них погрызены хищниками» [24, с. 53].

Доставка костей на поселения, связанная со строительными нуждами, по мысли Р. Клейна, подтверждается тем, что некоторые части скелета, особенно лопатки, тазовые, некоторые длинные кости, челюсти и черепа, представлены непропорционально [24, с. 53] Р Клейн ссылается также на химические анализы костей Мезина, «указывающие, что в руинах одной постройки могут быть представлены мамонты различной геологической древности» [24, с. 53]

Приведенными соображениями в основном исчерпываются доводы в пользу преимущественного собирательства костей мамонта на местах гибели животных.

Начнем их рассмотрение с вопроса о погрызах костей. В Мезине из 273 крупных костей мамонта из развалин жилища на 28 костях отмечены большие погрызы. Основная их часть, по мнению И. Г. Пидопличко, появилась на костях до их помещения в конструкцию жилища, хотя на некоторых, возможно, и после этого [18, с. 124]. По Межиричу И. Г Пидопличко отметил только, что часть трубчатых костей из конструкции жилища еще до помещения в нее потеряла эпифизы и была погрызена хищниками. Примерно из 400 костей, содержавшихся в хозяйственной яме возле жилища 1 на Добраничевском поселении, следы погрызов имелись лишь на двух костях [43, л. 40]. Из костей Елисеевичского и Юдиновского поселений, просмотренных палеозоологами, погрызенными оказались единицы [44, с. 83]

Ссылаясь на погрызы, авторы, по-видимому, исходят из понятного соображения, что на естественных местонахождениях при доступности трупов животных следы погрызов должна была иметь значительная часть костей (исключение могла составить массовая гибель животных от джута, когда хищники и падальщики не в состоянии использовать многие трупы). Однако по представленности погрызов на костях материалы поселений скорее опровергают, чем подтверждают доставку костей из естественных местонахождений. Но и наличие большого числа погрызенных костей, как в Мезине, нет оснований рассматривать лишь в качестве свидетельства поступления соответствующей доли костей с естественных местонахождений. В ночное время и при отсутствии людей на поселении хищники, несомненно, подходили к самым жилищам. И от конкретной хозяйственно-экологической обстановки зависело, на скольких костях, не сразу попадавших в ямы и конструкции, оставались следы их зубов.

Чистота и отчасти легкость костей, освобожденных от мягких тканей, безусловно, могла быть желательной для построек. Но из этого вовсе не следует, что люди выжидали, когда кости пройдут весь цикл мацерации и что нужная степень очищения может быть связана лишь с естественными местонахождениями. О возможностях сбора очищенных костей на естественных местонахождениях будет сказано несколько ниже.

Указание на присутствие в ямах черепов мамонта с неповрежденными альвеолами как довод в пользу собирания черепов и бивней на местах гибели животных подразумевает, что на естественных местонахождениях бивни извлекались из лежалых черепов, а из черепов убитых и доставленных на поселение мамонтов бивни выламывали, не ожидая ослабления их связи с альвеолами. Первое не вызывает возражений, но хотя следы выламывания бивней на поселениях очень часты, остается неясным, что могло препятствовать черепам вылежать на поселении срок, необходимый для свободного извлечения бивней. Освобождение черепов от мяса значительно ускоряло этот процесс.

Что касается химического анализа (на коллаген) костей Мезина, то проводивший его И. Г Пидопличко не истолковывал разницу показателей отдельных костей как признак различий их геологической древности. Он считал, что кости собирались в течение нескольких сезонов в разных местах и в разное время от животных, добытых на охоте [18, с. 91]. В Межириче И. Г Пидопличко отметил различную степень сохранности костей, прикрытых землей при функционировании жилища и находившихся несколько лет в субаэральных условиях после разрушения жилища [35, с. 63].

Бытовые особенности поселений и характер погребения их остатков, несомненно, сказывались на степени выветрелости костей. В. И. Громов еще при раскопках Афонтовой горы II установил различную сохранность обломков одних и тех же костей, встреченных на соседних участках [45, с. 182]. Худшая сохранность отдельных костей или отдельных небольших локализованных групп, видимо, обычна на поселениях, загроможденных костями мамонта. В целом же сохранность подавляющей части костей с каждого поселения сходна, в чем убеждает осмотр костей в Гонцах, Межириче, Юдинове, Костенках 1 (слой 1, комплекс 2) и на некоторых других поселениях. На идентичность сохранности

остеологического материала Авдеева указала М. Д. Гвоздовер [46, с. 146]. Не отметила разницы в сохранности зубов мамонта из костенковских поселений (главным образом Костенок 1, слой 1, комплекс 2 и Аносовки II) и Е. В. Урбанас при наблюдении за их состоянием в момент вскрытия и в последующее время [28, с. 82].

Однако и сходство в сохранности основной части костей на поселении как таковое не устраняет вопрос о их происхождении, поскольку подавляющая часть костей могла быть получена как посредством сборов, так и посредством реализации охотничьей добычи. Но поскольку естественные местонахождения с обилием одинаково свежих костей были, по-видимому, редким явлением, а массовость таких костей характерна для целого ряда поселений, первый вариант маловероятен.

Мысль Р. Клейна о непропорциональном количестве крупных костей мамонта в развалах построек как свидетельство отбора костей в строительных целях на естественных местонахождениях отражает лишь одну возможную причину диспропорции. Отбор мог производиться и при использовании костей из охотничьей добычи, обуславливаясь прежде всего наличным составом костей и планами строительства. Благодаря подсчетам костей из развалов жилищ в Межириче непосредственно установлено существование распределения костей между постройками [25, табл. 6, *18*; 35, табл. 2], что предполагает и определенную меру предварительного накопления костей. Причем соотношение количества некоторых крупных костей в пределах поселения выравнивается. Очевидно, увязывать вопрос о сборе костей на естественных местонахождениях с соотношением костей в единичных развалах жилищ методически не оправдано. Необходимо исходить из баланса костей целого поселения, учитывая при этом сжигание их части и другие возможные причины, не позволяющие полностью учесть все кости. Поселений с соответствующей полнотой сведений об остатках мамонта пока нет.

Своеобразны построения О. Соффер в пользу преимущественного сбора костей мамонта на естественных местонахождениях. Они сводятся к следующему. В связи с большим объемом потребления мамонтами растительной пищи ни один регион не мог обеспечить своей продуктивностью круглогодичное пребывание популяции мамонта. Поэтому, как полагают и некоторые другие исследователи, животные совершали миграции. В исследованной О. Соффер области (Средний Днепр — Десна до Брянска) июль и август мамонты, по ее мнению, проводили на Десне, октябрь — май на Среднем Днепре, июнь и сентябрь — в основном в пути, проходя расстояние около 500 км в один конец со скоростью около 20 км в день. Популяция мамонта должна была использоваться человеком, если он охотился на это животное, в соответствии со временем ее пребывания в районе поселений. На южных поселениях остатков мамонта должно было накапливаться в 4 раза больше, чем на северных. Но фактически этого не происходило. Отсюда делается вывод, что люди поселялись вблизи мамонтовых «кладбищ» и собирали на них кости. При этом допускается и возможность добывания единичных животных [25, с. 193, 194, 279—281].

Рассмотрим гипотезу, следуя ее положениям. В наиболее благоприятный сезон — в июле и августе — естественная гибель животных, по всей вероятности, была наименьшей. Значительно более суровые условия зимовки, несомненно, приводили к увеличению смертности животных по разным причинам, в том числе и от джута, возникающего у современных копытных на зимовках, обычно на южном их краю [40, с. 79]. За длительный период зимовки в стадах мамонта происходила наибольшая убыль, и соответственно в этом районе должна была накапливаться подавляющая, более четырехкратной часть их костей. Таким образом, в соответствии с гипотезой возможность сбора значительных масс костей мамонта теоретически имелась скорее лишь на среднеднепровских поселениях. В действительности же огромное количество костей обнаруживается и на поселениях предполагаемой северной окраины ареала популяции мамонта —

на Десне. С точки зрения собирания костей мамонта гипотеза тем самым не обладает необходимой убедительностью. Но и с экологической ее стороной едва ли можно согласиться.

Климат отдельных хронологических срезов плейстоцена восстанавливается пока обобщенно, нет возможности и детально сопоставить климат Десны и Среднего Днепра. В настоящее время в районе северной группы палеолитических поселений число дней со среднесуточной температурой выше 0° от 230 до 225 и менее, среднегодовое количество осадков 550—600 мм [47, л. 8, 10] Те же параметры в районе южной группы поселений равны соответственно около 244 и от 500 до 550 [48, л. 9] Сомнительно, чтобы при подобной, не столь глубокой контрастности различных параметров, а с ними и длительности периодов вегетации могли развиться миграции, при которых животные пребывали фактически лишь в двух удаленных друг от друга частях ареала. Вероятнее более полное использование всего ареала, что наблюдается в настоящее время у многих животных.

В качестве примера приведем диких тундровых северных оленей, крайние расстояния между летним и зимним местообитанием которых сходны с расстоянием района Брянска от района Киева. Так, ленско-оленекское стадо покидает устье Лены в сентябре и, медленно передвигаясь и задерживаясь в разных местах, достигает места зимовки уже при начавшейся календарной зиме. Много оленей остается зимовать в дельте Лены и на всем протяжении миграционного пути. Обратное движение начинается в марте — апреле, и на всем его протяжении небольшая часть оленей остается на лето [49, с. 125] В целом сходно с описанным перемещение яно-индигирского стада. На островах Котельном и Фаддеевском олени живут оседло [49, с. 126] Возможность для части оленей зимовать на летнем местообитании и на пути к зимовкам связана с постоянным наличием в тундре небольших малоснежных и бесснежных участков [49, с. 128]

При поздневалдайской сухости климата в подобных же условиях могли находиться и мамонты в центре Русской равнины. Вполне также допустимо, что мамонты копытили неглубокий снег, добывая травяной корм. Трава могла приоткрываться уже при прохождении небольшой группы мамонтов. Вероятно, что и потребность в воде мамонты удовлетворяли, в основном заглатывая снег с травою. При такой реконструкции некоторых аспектов экологии животного возможность охоты на него в разных районах рассматриваемой области должна была сохраняться и в зимний период.

Заканчивая рассмотрение вопроса о преимущественно собирательском пути накопления костей мамонта на поселениях, необходимо отметить, что все имеющиеся положительные утверждения подразумевают наличие неких неиссякаемых источников костей. Между тем собирательская база могла быть довольно узкой. Из числа источников, по-видимому, практически исключаются наземные скопления костей мамонтов, погибших от джута по тем же причинам, что и скопления трупов как продуктов питания: сравнительно редкая повторяемость джутов, гибель животных вероятнее всего поодиночке и небольшими группами на большом расстоянии друг от друга и каждый раз в случайном месте. В таких условиях скопления не могли обеспечить ни единоразовые массовые, ни небольшие, но регулярные многократные сборы.

Вблизи рек и в реках на Русской равнине обнаружено много сотен местонахождений остатков мамонта. Изредка это части скелетов, обычно же более или менее разрозненные кости одного или нескольких мамонтов, нередко с костями других животных. Среди них нет местонахождений, близких по величине к Берелехскому. Видимо, и в палеолитическое время они действительно не были обычным явлением. Но и наличие подобного местонахождения еще не гарантировало, как полагают, возможность сбора множества хорошо очищенных костей. Многолетние замывы и размывы периодически поступавших трупов и их частей образовывали полуприкрытую россыпь, местами конгломерат остат-

Таблица 1

Возрастные группы хоботных (в % определений по общему числу челюстей) *

Объект	Смены зубов			Число челюстей	Источник
	молочные	постоянные			
	2—4 до 9 лет	I 10—23 года	2,3 от 24 лет		
Радомышль	30	16	54	37	[27, табл. 17]
Мезин	20	28	52	44	[27, табл. 13]
Добраничевка	20	60	20	8	[27, табл. 20]
Межирич	46	38	16	109	[44, табл. 5]
Костенки 1, слой 1, комплекс 2 и отчасти Костенки 2 и 11	17	(33)	50	32	[28, с. 89, график]
	32	(33)	35	23	
Берелёх	10	(36)	54	20	Там же
	29	(48)	23	27	
Национальные парки Уганды	56	22	22	5097	[51, табл. 5]

* Сведения связаны со сменами зубов. Разграничения возрастов для большей четкости (по данным Лоуса [50, табл. 4, рис. 2—7]) мною проведены по времени от вступления в работу половины определенного зуба до момента, когда от него остается половина и в работе уже половина следующего зуба. Во всех случаях использованы нижние челюсти. Только в Костенках и Берелёхе в числителе зубы от нижних челюстей, а в знаменателе — от верхних. В скобках дано количество образцов с суммарным определением смены зубов до 23 лет.

ков разной степени разложения, в котором имелись и отделившиеся более или менее очищенные кости. Существование вечной мерзлоты, судя по различным сибирским местонахождениям, чрезвычайно затягивало процесс мацерации, и вполне возможно, что полное очищение костей на относительно крупных поздневалдайских местонахождениях происходило лишь с исчезновением мерзлоты.

Накопление костей в результате охотничьей деятельности. В настоящее время как будто бы нет исследователей, которые полностью отрицают возможность добывания мамонта палеолитическим человеком посредством охоты. Это положение имеет принципиальное значение. Что же касается масштабов добывания, тут пока не выработались устойчивые, достаточно надежные представления. Во всяком случае, отвлеченные поверхностные ссылки на вооруженность и способности человека не содержат в себе ничего конструктивного ни для утверждения больших масштабов охоты, ни для их отрицания. Предшествующее изложение как будто бы позволяет видеть основную причину появления массовых скоплений костей мамонта на поселениях в охотничьей деятельности, однако трудно найти однозначно положительные доводы и объяснить некоторые противоречия.

В течение ряда десятилетий наиболее серьезным доводом в пользу интенсивной охоты на мамонта служит молодой возраст значительной части животных, определяемый по костям на поселениях. Кажется достаточно очевидным, что охотникам легче было добывать детенышей и молодых особей, отбивая их от стада или застигая в стороне от него. Однако, как ни впечатляющи в данном отношении сведения по Добраничевке и особенно более полные сведения по Межиричу (табл. 1), даже и они нуждаются в изучении. Исследование популяций индийского слона на Цейлоне показало, что неполовозрелые и взрослые особи находятся в них обычно в соотношении 1:1, хотя первых иногда больше [37, с. 37] Взросление слонов происходит в возрасте 8—10 лет, что почти совпадает с разграничением животных с молочными и постоянными зубами по африканским материалам (табл. 1).

Если считать по нижним челюстям, неполовозрелые животные почти на всех приведенных в табл. 1 поселениях и на Берелёхском местонахождении не превы-

шают 30%, в Мезине они составляют всего 20% и лишь в Межириче их около 46%. Как видим, доля неполовозрелых животных в предполагаемых промысловых мамонтовых комплексах не только не превосходит долю слонов той же категории в современных неопромышляемых популяциях, но чаще значительно уступает ей. Однако в Костенках 1 (и Берелёхском местонахождении), где имеются сведения по верхним челюстям, использование их дает соотношение основных возрастов около 1:3. Отметив столь существенные различия в информации об одних и тех же памятниках, сравнение мамонтовых комплексов с популяциями индийского слона ввиду отсутствия сведений по дифференциации взрослых животных у слона приходится закончить.

Представляет интерес, каков относительный размер группы молодых, но еще не матерых животных, более или менее соответствующих первой смене постоянных зубов, т. е. также потенциально сравнительно легкой добычи. Данная группа присутствует в сведениях по естественной смертности африканского слона [1] (табл. 1), у которого убыль неполовозрелых животных еще более контрастна по сравнению с мамонтом позднеплейстоценовых памятников, составляя 56%. При сравнении животных до 23 лет с более взрослыми видно, что к африканской выборке (78% против 22%) близки только Межирич и Добраничевка, если по Добраничевке проанализированные кости правильно отражают соотношения во всей коллекции. В Радомышле и Мезине процент животных моложе 24 лет равен соответственно 46 и 48. Соотношения тех же групп по Костенкам 1 (как и по Берелёхскому местонахождению) занимают противоположные позиции в зависимости от того, ведется учет по нижним или верхним челюстям. Видимо, данные по этим памятникам недостаточны, чтобы адекватно отразить фактические соотношения. Таким образом, относительная часть неполовозрелых и молодых мамонтов на приведенных памятниках или близка к проценту естественной убыли слонов в африканских национальных парках, или значительно уступает ему.

Эти противоречия укоренившемуся взгляду на охотничью практику палеолита не означают, конечно, что значительный промысел мамонта был невозможен. Они лишь указывают, что имеющиеся сведения не подтверждают данную линию суждения о развитости промысла и что практика охоты при предполагаемой ее масштабности, видимо, не основывалась исключительно на добыче юных и молодых животных с небольшим добавлением беременных самок и старых особей, а была достаточно разнообразной.

Еще у Ф. И. Каминского при раскопках в Гонцах в 1873 г. сложилось впечатление о кухонном характере остатков животных, включая мамонта [52, с. 147—149] Подобным же образом, встречая множество разбитых костей и костных углей, стали рассматривать их и на многих других поселениях. Выше отмечено отсутствие в целом виде большей части костей конечностей мамонта в Межириче, вероятно, закономерное и для других однотипных поселений. Кроме того, какая-то доля длинных костей конечностей, числящихся целыми,

---

[1] Данные основаны на маршрутных сборах нижних челюстей животных в национальных парках Мерчисон-Фолз и Куин-Елизабет в Уганде в начале 60-х годов [50, с. 33, табл. 5]. Они, конечно, отражают не только естественную смертность слонов. Так, в Мерчисон-Фолз (3840 км^2), где в конце 50-х — начале 60-х годов по авиаучетам фиксировалось от 4 до 8—12 тыс. слонов (колебания связаны с сезонными перемещениями [51, с. 18]), в первой половине 60-х годов за 3 года сняли около 600 петель из металлического троса, поставленных браконьерами, и гораздо больше вдоль границы парка. В конце 60-х годов около 10% популяции слона имели следы ран от копий и стрел браконьеров [51, с. 16]. Все же если учесть, что петли ставились на любых крупных копытных, а следы ран сохраняются в течение ряда лет, в приведенных данных не должно бы содержаться коренных нарушений соотношений естественной смертности. Кроме того, если петли рассчитывались для добывания мясной пищи, то метательные орудия применялись, по-видимому, для овладения бивнями. В пограничной Кении племя лиангулу и его соседи, некогда постоянно охотившиеся на слона исключительно в целях пропитания, переключились на промысел бивней, при котором использовалась лишь небольшая часть туш животных [36, с. 31, 32]. Подобное обстоятельство, естественно, повышает процент зрелых слонов в определениях по собранным костям.

в действительности отчасти повреждена, нередко настолько, что из них мог быть взят костный мозг. В естественно очистившихся костях на местах гибели животных он не сохранялся. Такие кости быстро теряли жировые вещества и едва ли собирались для сжигания в очагах. Тем более это касается мелких костей — ребер, позвонков, костей стоп.

Подобный же состав и облик кости могли приобретать при использовании свежих или замороженных трупов животных. Но поскольку при настоящем состоянии исследований питание трупами мамонтов может рассматриваться лишь как эпизодическое явление, кухонный характер значительной части остатков мамонта — серьезный довод в подкрепление охотничьего пути поступления костей мамонта на поселения. Факт целостности большого числа длинных костей конечностей (в интересующем нас плане характерна главным образом невскрытость диафиза) можно объяснить не только необходимостью сохранить эти кости для строительных нужд, но и длительностью периодов, в течение которых потребности в жировых продуктах удовлетворялись салом, внутренним жиром и мозгом, взятыми из других костей.

Черепа мамонтов обычно находят на поселениях поврежденными. Это давно уже отмечается как свидетельство того, что люди «лакомились» мозгом. Однако при наиболее распространенном варианте положения черепов в развалах жилищ и во вспомогательных сооружениях — носовыми костями вниз — еще необходимо обосновать, что отсутствие свода черепа с частью мозговой капсулы связано с отбиванием свода, а не естественным разрушением костей, торчавших над развалами жилищ заброшенных поселений.

Закладка в конструкции черепов с невскрытой капсулой, возможно, позволила бы предполагать, что черепа собирались на местах естественной гибели мамонтов. Однако, как отмечалось, естественные местонахождения едва ли могли обеспечить сбор комплексов костей мамонта, характерных для поселений. Из крупных костей это в наибольшей мере касается черепов. Очень тонкие костные клетки, слагающие их своды, наиболее подвержены разрушению. Они начинали осыпаться при очищении черепов, если еще раньше не повреждались от механических воздействий.

Фактически целые черепа мамонта на поселениях единичны, они сохраняются благодаря относительно низкому залеганию в слое. Чаще встречаются черепа, капсула которых располагается также ниже уровня эрозии, но лишена части свода (рис. 1), достаточно определенно свидетельствуя о их вскрытии. Последнее касается и черепов, многочисленные обломки которых попадаются в хозяйственных ямах и на площади поселений. Но и невскрытость черепов совместима с рассмотрением их как продукта охоты: мозг, хотя и не полностью, могли выгребать с помощью простейшего приспособления, а в некоторых случаях и рукой через достаточно крупное затылочное отверстие.

О том, что человек имел дело со свежими, не лежалыми черепами, свидетельствует часто наблюдаемая взломанность бивневых альвеол, наличие бивней в альвеолах и следы выламывания зубов. К сожалению, эти детали не получают систематической фиксации при раскопках.

В ограждении гонцовского жилища, по нашим наблюдениям, из 20 черепов 12 или 13 имели повреждения одной или обеих бивневых альвеол, которые можно связать с выламыванием бивней. С ними совпадает семь случаев выламывания зубов. В одном случае зубы выломаны из черепа с целыми бивневыми альвеолами. Еще два черепа ограждения представлены отбитыми по мозговую полость и ниже бивневыми альвеолами, причем в одном случае альвеолы были повреждены, а в другом одна альвеола содержала короткий бивень. Таким образом, по приведенным признакам около $^2/_3$ черепов ограждения жилища поступили на поселение в свежем виде. Вполне возможно, что остальные черепа, бивни из которых вынуты аккуратно, пролежали необходимый для этого срок на поселении.

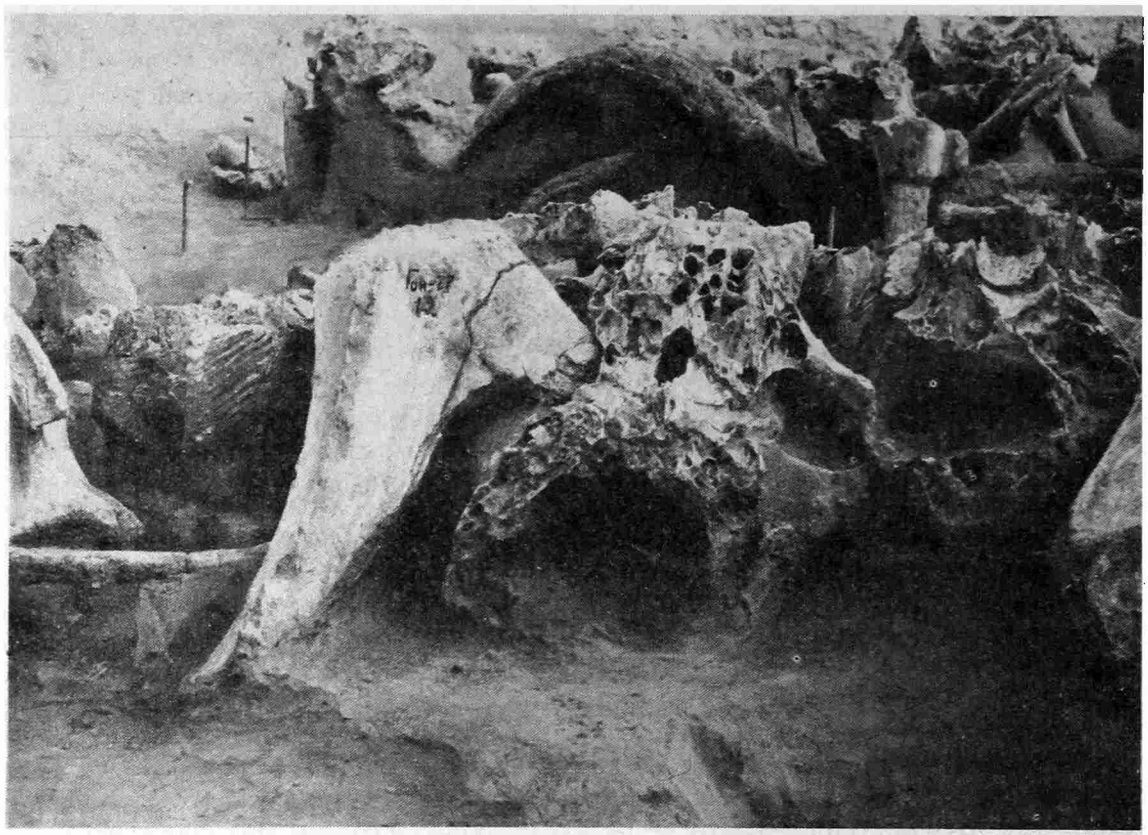


Рис. 1 Черепа мамонтов с частично сохранившейся мозговой полостью в ограждении гонцовского жилища. Вид с запада

В жилище 1 Мезина из 15 черепов ограждения три сохранили бивни и среди шести черепов, ростральная часть которых видна на иллюстрациях, не менее четырех имеют повреждения бивневых альвеол [13, с. 39—47, рис. 22]. Из 16 несколько более подробно описанных черепов в ямах 3 и 4 Елисеевичей семь черепов содержали бивни, в одном случае бивневые альвеолы были отбиты [53, с. 16—22] Вероятно, имелись и черепа с поврежденными альвеолами. В Межириче выламывание зубов из черепов отмечается как обычное явление [35, с. 67]

Существенное значение в выяснении источника поступления костей мамонта на поселения имеют некоторые детали состава костей и связь костей с бытовым контекстом поселений. На поселениях встречается довольно много не использованных в постройках ребер, а также позвонков, костей стоп и обломков этих костей, хотя относительная численность их (по соотношению в скелетах) невелика. Иногда они образуют обширные концентрации в пределах поселения [54, рис. 9] или вне их [10, рис. 41] Сомнительно видеть в этих костях что-либо иное, кроме продуктов разделки и использования туш животных, тем более что на каждом поселении позвонки нередко встречаются в виде анатомических групп. В естественной связи попадаются и кости стоп, вероятно, отчленявшиеся как несъедобные части туши. Значительному уменьшению числа мелких костей способствовало разбивание ребер при разделке туши, использовании в простейших приспособлениях и для изготовления поделок, разбивание костей стоп для извлечения мозга, сжигание мелких костей.

Велики на поселениях накопления «строительных» костей. В комплексе 1 Мезина крупные кости из ям и с поверхности составляют $^1/_3$ и $^1/_4$ часть костей, использованных при сооружении жилища и заслона [55, табл. 1. с. 17—32; 56, л. 121—154] В яме возле жилища комплекса 1 Добраничевки не обнаружены черепа (одних крупных кусков черепа было около 20), но относительно целых костей содержалось столько же, что и в развале жилища (табл. 2).

Таблица 2

Крупные кости мамонта в комплексах Добраничевского поселения

№ комплекса	Объект	Кости						Всего	Источник
		черепа	нижние челюсти	бивни	лопатки	тазовые	длинные кости конечностей		
1	Жилище	10	18	30	Общее количество 20			78	[18, с. 69—71]
	Яма	—	10	18	15	8	28	79	[18, с. 74]
3	Жилище	2	—	6—7	5	2	18	33—34	[22, рис. 4]
	Ямы 2—4	1	2	7	5	4	32	51	[43]

А на жилище комплекса 3 костей использовано даже меньше, чем имелось их в окружающих его ямах 2—4 (табл. 2).

В тех случаях, когда кости собирали на местах гибели животных, вполне вероятно, что костей могли запасти больше, чем затем потребовалось. Однако материалы поселений показывают, что образование значительных излишков костей — не спорадическое явление, а обычный результат бытовой практики, т. е. избыток костей возникал не как следствие целенаправленного запасания, а являлся побочным результатом хозяйственной деятельности. Это подтверждается и тем, что заполнение ям, в котором обнаруживаются крупные кости, представляет собой свалки мусора [57]. Несомненное накопление значительной части крупных костей мамонта не путем их сбора позволяет предполагать, что и основная часть костей, использованных в конструкциях, также не стаскивалась с мест естественной гибели животных, а оставалась при разделке туш мамонтов, добытых на охоте.

Если собирание костей все же производилось, то, вероятно, лишь при основании поселений. Далее необходимый материал могла поставлять охота. Накопление большого количества костей и нагромождение их на постройки возникало, по всей вероятности, за счет многократного добавления их по мере поступления туш животных. Но с какого-то момента нараставшее количество костей уже превышало строительные потребности и кости сбрасывали в ямы, опустевшие из-под запасов, а частично оставляли на поверхности.

Возможность добывания значительного числа мамонтов путем охоты подкрепляется наличием многочисленных остатков его на некоторых поселениях, где кости мамонта мало или вовсе не применялись при сооружении жилищ. Так, в раскопках свалки возле поселения Дольни Вестонице найдены 6335 костей мамонта (3553 определимых), в том числе 7 черепов, 2 верхние и 48 нижних челюстей, 69 бивней, 75 лопаток, столько же тазовых, 69 плечевых, 66 больших берцовых, 153 ребра и другие кости [58, табл. 1] Остатки 54 мамонтов указаны в верхнем слое Вороновицы I [59, с. 58], однако характер костных остатков мамонта на этом поселении и способ подсчета особей А. П. Чернышом не указаны.

Таким образом, формирование массовых скоплений костей мамонта на некоторых палеолитических поселениях преимущественно за счет использования человеком трупов павших животных или собирания их костей имеющимися данными подтвердить не удается. Видимо, эти пути поступления костей могли играть лишь эпизодическую роль при основной, связанной с охотой. Охотничий путь подкрепляется независимым рассмотрением нескольких различных деталей поселения.

Вместе с тем принятие охотничьей гипотезы требует объяснения некоторых фактов и следствий. Кремневый материал поселений кажется слишком небольшим по отношению к значительной длительности обитания на поселениях, устанавливаемой по мясной диете. Не имея здесь возможности остановиться

на данном вопросе детальнее, ограничусь несколькими замечаниями, которые должны ослабить остроту противоречия.

Дневной рацион потребления мяса на человека, предполагаемый С. Н. Бибиковым и И. Г Пидопличко, соответственно 0,6—0,7 кг [60, с. 14] и 0,8 — 1 кг [18, с. 152], вероятно, преуменьшен. Для взрослого человека он скорее мог приближаться к рациону эскимосов-инуитов в период ранних контактов — около 3 кг [61, с. 251] Столь большое его значение представляется более верным не только по эколого-этнографическим соображениям, но также в связи с вероятной низкой упитанностью, а с нею и низкой калорийностью мяса мамонтов в течение значительной части года. Известно, что мясо скота ниже средней упитанности по калорийности более чем вдвое уступает мясу скота высшей упитанности [62, с. 174] К тому же обстановка поселений (наличие скелетов и анатомических групп костей средних и мелких животных, нередкая целость трубчатых костей мамонта) свидетельствует о таком достатке мяса, при котором едва ли использовались наиболее жесткие части мяса мамонтов.

Необходимо отметить также, что в отдельных случаях в силу применявшейся методики подсчетов на поселениях учтено больше особей мамонта, чем оказывается при более строгом подсчете. В частности, в Мезине, согласно описям И. Г Пидопличко и другим данным [55, табл. 1, с. 17—32; 56, л. 121—154, 178, 196, отд. листки], по-видимому, обнаружены остатки 70—74, а не 116 мамонтов. Можно думать, что и по Добраничевке подсчеты даны с существенным преувеличением.

Что касается объема кремневого инвентаря, он значительно варьировал в зависимости от доступности сырья. Поэтому на поселениях, где он невелик, а его источники далеки или скудны, необходимо допускать намного большую экономность его расходования, компенсировавшую сравнительную малочисленность кремня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Феофилактов К. М.* О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на р. Удае Лубенского уезда Полтавской губернии // Тр. III АС. Т. 1. Киев, 1878.
2. *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию // Зап. Академии наук. Т. XXXVII. СПб., 1880. Приложение № 1.
3. *Кельсиев А. И.* Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках Воронежского уезда // Тр. Имп. Моск. археол. о-ва. Т. IX. М., 1883. Вып. 1.
4. *Докучаев В. В.* Рец. Археология России. Каменный период. Т. I и II графа А. С. Уварова // Докучаев В. В. Сочинения. Т. I. М.; Л., 1949.
5. *Скутил И.* История исследований четвертичного периода в Чехословакии // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Т. V Л.; М., 1934.
6. *Городцов В. А.* Археология. Т. I. Каменный период. М.; Л., 1923.
7. *Ефименко П. П.* Дородовое общество. М.; Л.: Соцэкономиздат, 1934.
8. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40.
10. *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121.
11. *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону // МИА. 1955. № 45.
12. *Шовкопляс И. Г* Добраничевская стоянка на Киевщине // КСИИМК. 1955. Вып. 59.
13. *Шовкопляс И. Г* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.
14. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
15. *Пидопличко И. Г* Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки // Природа. 1935. № 3.
16. *Пидопличко И. Г* Фауна Гонцовской палеолитической стоянки // Природа. 1936. № 2.
17. *Пидопличко И. Г.* О ледниковом периоде. Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1951. Вып. 2.
18. *Пидопличко И. Г* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1969.
19. *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
20. *Громов В. И.* Поисковые критерии в археологии // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
21. *Рогачев А. Н.* Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине // КСИА. 1962. Вып. 92.
22. *Шовкопляс И. Г* Добраничевская стоянка на Киевщине // МИА. 1972. № 185.

23. *Шовкопляс И. Г.* Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение // Бюл. КИЧП. 1977. № 47.
24. *Klein R. G.* Ice-Age Hunters of the Ukraine. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1974.
25. *Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando etc: Acad. Press, 1985.
26. *Dennell R.* European Economic Prehistory: A new approach. L. etc.: Acad. Press, 1983.
27. *Корніець Н. Л.* Про причини вимирання мамонта на Україні // Викопні фауни України і суміжних територій. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. Вип. 1.
28. *Урбанас Е. В.* Зубы мамонта из палеолитических стоянок села Костенки Воронежской области // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1980. Т. 93.
29. *Верещагин Н. К.* Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1971. Т. 49.
30. *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Вымирание млекопитающих в четвертичном периоде Северной Азии // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1985. Т 131.
31. *Векилова Е. А.* Палеолитическая стоянка Борщево I // МИА. 1953. № 39.
32. *Громов В. И.* Поисковые критерии в археологии // Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.
33. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979.
34. *Герасимов М. М.* Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск: Власть труда, 1931.
35. *Пидопличко И. Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наук. думка, 1976.
36. *Holman D.* The Elephant People. L.: Camelot Press Ltd., 1967.
37. *Mc Kay G. M.* Behaviour and Ecology of the Asiatic Elephant in South-Eastern Ceylon. Washington: Smithsonian Inst. press, 1973.
38. *Myers N.* Tsavo National Park, Kenya, and its Elephants: 19 An Interim Appraisal // Biol. Conservation. 1973. V. 5. № 2.
39. *Coe M.* The role of modern ecological studies in the reconstruction paleoenvironments in sub-Saharan Africa // Fossils in the making. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980.
40. *Слудский А. А.* Джуты в Евразийских степях и пустынях // Тр. Ин-та зоол. АН КазССР. 1963. Т. XX.
41. *Янин В. Т.* Основы тафономии. М.: Недра, 1983.
42. *Верещагин Н. К.* О происхождении мамонтовых кладбищ // Природная обстановка и фауны в прошлом. Киев, 1972. Вып. 6.
43. *Пидопличко И. Г.* Дневник Добраничевской археологической экспедиции 1953 г. // Архив АН УССР. Ф. 139. Тетрадь в терракотовом переплете.
44. *Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1977. Т. 72.
45. *Громов В. И.* Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора II // Тр. КИЧП. Т. I. Л., 1932.
46. *Гвоздовер М. Д., Сулержицкий Л. Д.* О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки // Бюл. КИЧП. 1979. № 49.
47. Атлас Брянской области. М.: ГУГК, 1976.
48. Атлас Киевской области. М.: ГУГК, 1985.
49. *Егоров О. В.* Дикие копытные Якутии. М.: Наука, 1985.
50. *Laws R. M.* Age criteria for the African elephant, Loxodonta A. Africana // East African Wildlife J. 1966. V. 4.
51. *Насимович А. А.* Африканский слон. М.: Наука, 1975.
52. *Каминский Ф. И.* Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам // Тр. III АС. Т. I. Киев, 1878.
53. *Грехова Л. В.* Костно-земляные конструкции на позднепалеолитической стоянке Елисеевичи // Тр. ГИМ. 1985. № 60.
54. *Левицький І. Ф.* Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. Т. I. Київ, 1947.
55. *Сергин В. Я.* Структура Мезинского палеолитического поселения. М.: Наука, 1987.
56. *Пидопличко И. Г.,* Мізин, 1954. II // Архив АН УССР. Ф. 139. Общая тетрадь.
57. *Сергин В. Я.* О назначении больших ям на палеолитических поселениях // КСИА. 1983. Вып. 173.
58. *Klima B.* Die grosse Anhäufung von Mammutknochen in Dolni Věstonice. Praha: Academia, 1969.
59. *Черныш А. П.* Поздний палеолит Среднего Поднепровья. М.: Наука, 1959.
60. *Бибиков С. Н.* Палеоэкономическое моделирование палеолита // СА. 1969. № 4.
61. *Bliss L. C., Richards J. H.* Present-Day Arctic Vegetation and Ecosystems as a Predictive Tool for the Arctic-Steppe Mammoth Biome // Paleoecology of Beringia N. Y.: Acad. Press, 1982.
62. *Руденко Н.П., Багрий В. А.* Мясное скотоводство России. М.: Россельхозиздат, 1981.

Институт археологии АН СССР, Москва

V. Ya. SERGIN

THE ACCUMULATIONS OF THE MAMMOTHS' BONES AT THE PALAEOLITHIC SITES

Summary

A number of Palaeolithic sites in Eastern and Central Europe contains considerable for this epoc quantity of mammoths' bones — hundreds of individuals. For a long time the scolars try to answer how these bones appeared at the sites. According to the first hypothesis primitive people found frozen bodies of animals and took the eatable ones for food and used bones for constructing dwellings, carving artefacts and as a fuel. The are other points of view on the question, namely that the bones were picked in places of natural death of the animals, or they were got to the settlements with meat as a bag of hunters. This question is considered on the materials of the sites situated in the central part of Russian plain (Mezhirich, Mezin, Gontsy, Kostenki 1 and other), some information on contemporary elefants is used. Though large accumulations of bodies and bones of mammoths are known, taking into account their small chronological and spatial density they hardly could serve as a constant source of food or explain the concentration of bones of similar state of preservation. The character of bones' damages such as getting out teeth and tusks from the skulls, a large number of bones not used for constructions and carving artefacts allow the author to support the hypothesis of hunting as a cause for accumulation of bones.

В. И. КОЗЕНКОВА, М. Х. БАГАЕВ

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ САКРАЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ АТРИБУТИКИ В ПОЗДНЕКОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

И дики тех ущелий племена
Им бог — свобода, их закон — война,

Там поразить врага не преступленье.
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

М. Ю. Лермонтов. «Измаил-бей»

О существовании ранжирования в воинском деле носителей кобанской культуры Кавказа исследователи [1, с. 27—34; 2, с. 23—28] судят в основном по наличию в памятниках оружия, конского снаряжения и многообразию их форм. Однако не только этот несомненный фактор служит подтверждением определенной социальной зрелости в области ведения войны. Не менее важны и другие атрибуты, свидетельствующие об имевшей место градации и регламентации в мужской среде древних кобанцев.

К такой атрибутике вполне может быть причислен и костюм, точнее — те части мужского воинского облачения, которые неоднократно встречены в могилах всего ареала кобанской культуры. Нет нужды перечислять все известные факты находок на территории Большого Кавказа великолепных комплексов с особыми формами фибул, нагрудных блях, боевых бронзовых гравированных поясов и массивных поясов-цепей, шлемов и т. п. Более важно рассмотреть неизвестные комплексы такого облачения, не только доказывающие его утилитарные цели, но и предполагающие сакральные функции его владельцев как представителей высшего общественного ранга, сочетающих воинскую и духовную власть.

Летом 1982 г. на южной окраине аула Элистанжи Веденского района Чечено-Ингушетии (горная Ичкерия), на территории современного кладбища, местными жителями был выкопан комплекс предметов середины I тыс. до н. э.[1] К сожалению, данных о погребальном обряде нет. Но сам комплекс заслуживает специального рассмотрения (рис. 1, *1*—*7*). В него входили следующие изделия.

1. Бронзовая дисковидная выпукло-вогнутая нагрудная бляха диаметром 9,5 см (рис. 1, *1*—*2*). Бляха литая, ажурная. На лицевой ее стороне орнамент, также литой, состоял из чередующихся концентрически вписанных поясов с индивидуальным узором на каждом из них. Два пояса были украшены поперечными косо расположенными параллельными насечками, а один имел вид бегущей спирали. Третий пояс, очерчивавший гладкий выпуклый центр бляхи, состоял из двух полос, пространство между которыми было заполнено попереч-

[1] Вещи были переданы одному из авторов, М. Х. Багаеву, жителем селения Саид-Хамзатом Нунуевым.

© В. И. Козенкова, М. Х. Багаев, 1991 г

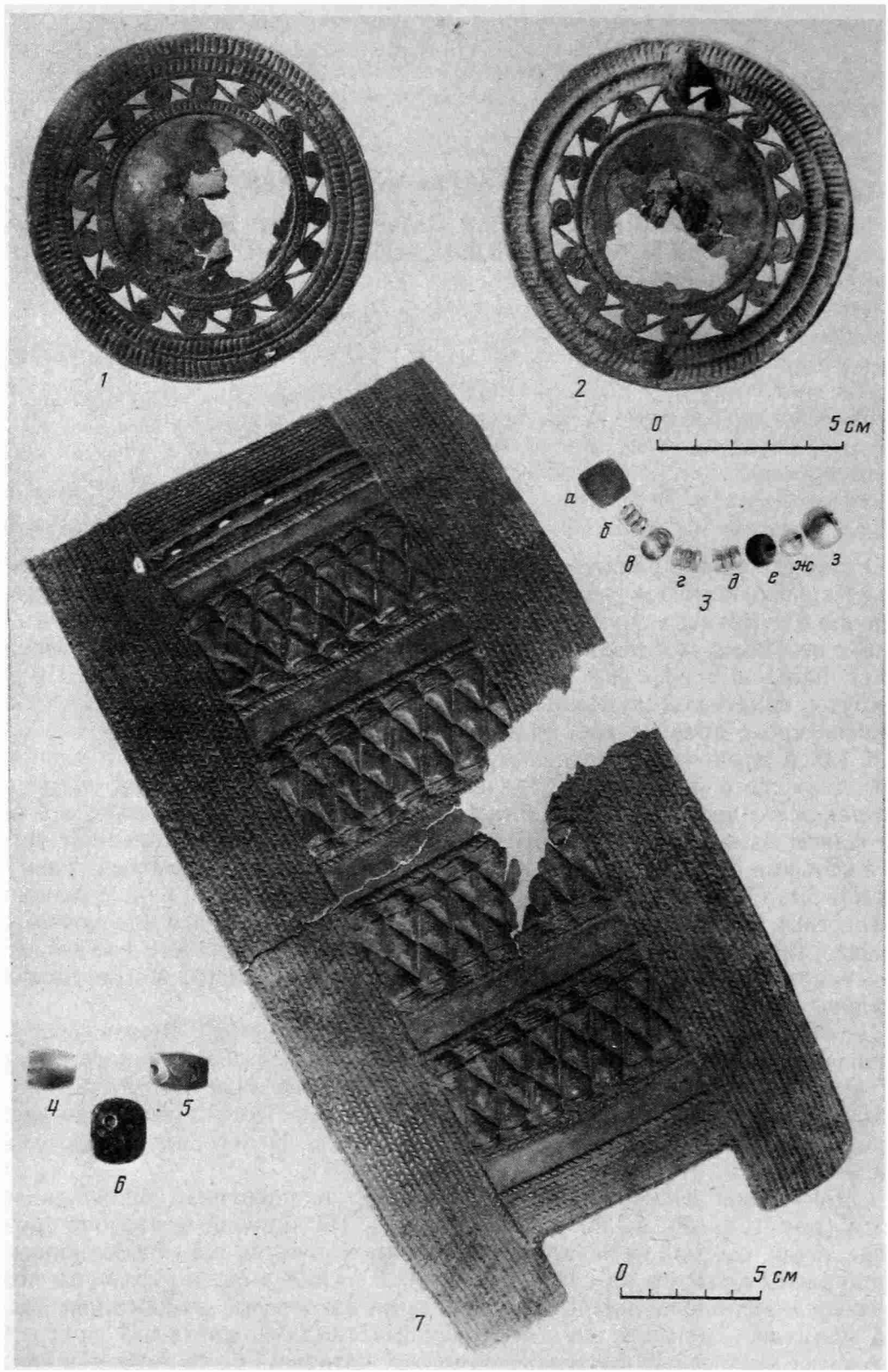


Рис. 1. Комплекс украшений воинского костюма из сел. Элистанжи. *1, 2* — нагрудная бляха; *3, а—з, 4—6* — бусы; *7* — барельефно-ажурная поясная пряжка (*1, 2, 7* — бронза; *3, а—з, 6* — стекло; *4, 5* — сердолик)

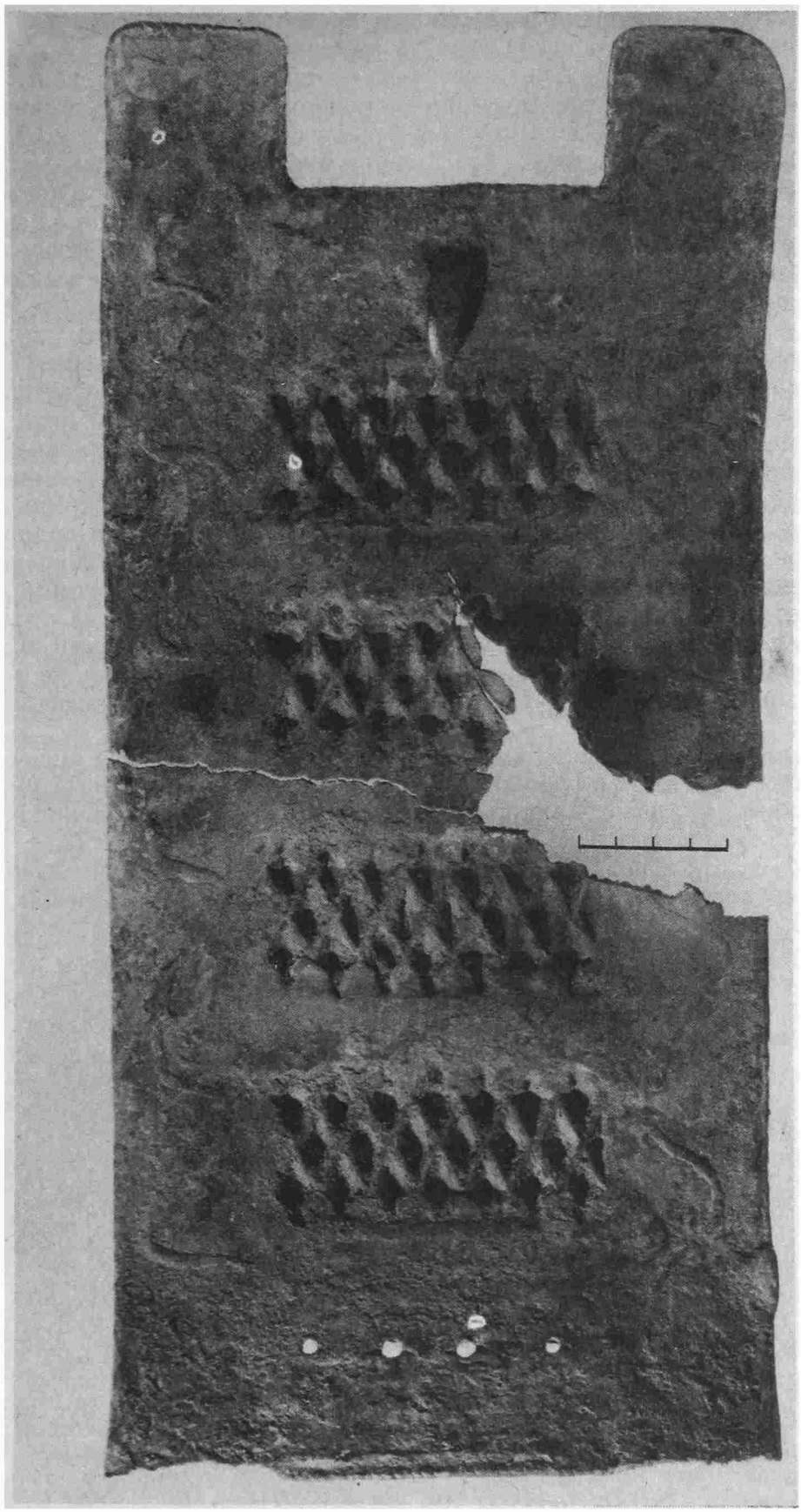


Рис. 2. Пряжка из Элистанжи. Оборотная сторона

ными насечками. На оборотной стороне весь орнамент вогнут. От застежки сохранились железный крючок и часть железной иглы.

2. Стеклянные и сердоликовые бусы — остатки ожерелья (рис. 1, *3—6*). Всего сохранилось 11 бусин. Большая часть их стеклянные, бочковидной формы. Размеры и цвет различные. 1 крупная бусина синего цвета с белыми глазками имела диаметр 1,8 см (рис. 1, *6*). 2 синие бусины имели несколько меньший диаметр — 0,9—1,1 см. Остальные шесть стеклянных бусин бесцветного прозрачного стекла с внутренней позолотой имели диаметр от 0,5 до 1,2 см, причем 3 из них были трехчастными (рис. 1, *3, б, г, д*). 2 крупные, цилиндрической формы бусины из буро-красного сердолика имели длину 1,4—1,5 см и диаметр 1 см. Продольный канал для нити имел двустороннее цилиндрическое сверление (рис. 1, *4—5*).

3. Бронзовая поясная пряжка прямоугольной формы размером 17,5×33 см имела вид массивной литой пластины (рис. 1, *7*), слегка изогнутой лицевой (парадной) стороной наружу. На одном конце узкой стороны пять неровных сквозных отверстий для пришивания к ремню, а на другом с тыльной стороны массивный крючок-застежка (рис. 2). Пряжка была отлита в индивидуальной литейной форме, скорее всего по восковой модели, так как односторонне выпуклый тонкий и сложный орнамент не имел следов последующей подправки или ювелирной отделки. Орнамент «коврового» типа сочетал в себе зоны из разных декоративных элементов — из плетеных в виде веревки полос, которые обрамляли центр поля пластины; последний же в свою очередь состоял из четырех зон с ромбовидными и стреловидными выпуклыми рельефными фигурами. В целом общий вид предмета своим размером, узором, массивностью (вес — не менее 1 кг) был явно рассчитан на то, чтобы подчеркнуть значимость и величие его владельца.

Все предметы комплекса из Элистанжи имеют более или менее близкие параллели в других памятниках изучаемого региона. Нагрудные умбоновидные орнаментированные бляхи (VI тип, по В. И. Козенковой) хорошо известны в ареале кобанской культуры уже с рубежа II—I тыс. до н. э. [3, с. 55, табл. XXXIII, *5*; 4, с. 8, рис. 55, *2*]. Наиболее близкие публикуемой разновидности массово представлены в памятниках восточного варианта кобанской культуры (Луговой, Исти-су, Шуаны, Ножай-юрт, Старые Атаги и др.) и датируются по закрытым могильным комплексам VI—IV вв. до н. э. [3, табл. XXXIII, *4, 7*]. Крупные сердоликовые бусы цилиндрической формы, весьма сходные по размерам и пропорциям с бусами из Элистанжи, известны в слое поселения Серженьюрт, а также в Луговом и Хорочоевском могильниках [3, табл. XXXVIII, *15;* 5, с. 76, рис. 33, *2*]. Все публикуемые стеклянные бусы аналогичны тем, что входили в наборы ожерелий из погребений VI—IV вв. до н. э. в могильниках центральной и восточной частей Северного Кавказа [3, табл. XXXIX, *6, 28, 49*]. Например, в погребении 46/110 Лугового могильника бочковидные прозрачные бусы сочетались с подквадратной бронзовой пряжкой с кругами (VI тип, по В. И. Козенковой) и с бронзовыми биконическими серьгами (V тип, 2-й вариант, по В. И. Козенковой), надежно датирующимися скифскими (Волковцы), савроматскими (Бишоба), северокавказскими (Нартан) и закавказскими (Квирильское ущелье) аналогиями VI—V вв. до н. э. [6, с. 151, 152; 7, 151, табл. IX; *4*; 8, табл. 14, *9—11,* 25, *19*]. Наиболее поздние из стеклянных бус публикуемого комплекса — тройные прозрачные бусы с внутренней позолотой. Они не отмечены в памятниках V — начала IV в. до н. э. Специалисты по древнему стеклоделию считают, что этот сложный прием внутренней позолоты бус появляется не ранее IV в. до н. э. [9, с. 17, 18] и продолжает бытовать, например, на Северном Кавказе вплоть до первых веков нашей эры [10, с. 116, 118; 11, с. 108, рис. 49, *17*]. Следовательно, для уточнения абсолютной хронологии они не представляются надежным аргументом. Можно лишь полагать, что тройные с позолотой бусы из Элистанжи, судя по характеру остальных предметов,— наиболее ранней генерации.

Согласно признакам, положенным в специальную разработку относительной хронологии различных разновидностей так называемых ажурно-барельефных блях, а точнее — пряжек, и прямоугольных, и дисковидных, довольно успешно проведенной В. А. Петренко, пряжка из Элистанжи может быть включена в наиболее раннюю группу, датирующуюся в пределах V—IV вв. до н. э. [12, с. 41]. Однако кроме стилистических признаков можно, по нашему мнению, привести еще некоторые косвенные аргументы в поддержку этой ранней даты всей группы. Важным звеном в цепи рассуждений является привлечение комплекса из погреб. 2 кург. 6 близ сел. Китаевка в бассейне р. Томузлавка на Ставропольском плато [13, с. 235, рис. 4]. В. А. Кореняко и А. В. Найденко, опубликовавшие комплекс, отмечали [13, с. 241, 242] несомненную значимость его для уточнения относительной хронологии и связи с позднекобанскими памятниками Северо-Восточной Чечни. Ичкеринский характер ажурной дисковидной бляхи, находившейся в составе инвентаря погребения из Китаевки, признал и В. А. Петренко, включив ее в общий перечень находок [12, с. 36]. Однако по стилистическим признакам она относится к ранней группе (по В. А. Петренко) и не соответствует дате «около II в. до н. э.», предложенной авторами публикации для погр. 2 в кург. 6 [13, с. 243, 246]. Внимательное рассмотрение всех составных комплекса этого погребения заставляет усомниться в столь однозначно поздней дате. То, что находка бус не является решающим фактом при ее определении, доказывают многочисленные случаи попадания ранних бус в более поздние памятники. Если же обратиться к факту находки в данном погребении бронзового браслета с тройными шишечками по окружности, а также учесть его сочетание с крестовидной привеской, то следует вспомнить, что именно такое же характерное сочетание точно таких же предметов известно во многих погребальных памятниках именно IV—III вв. до н. э., входящих в широком смысле в кельто-иллирийский культурный пласт позднегаллштатского и латенского (НаД—LTA) времени Центральной Европы [14, табл. XIX; *1, 10*; 15, табл. VI, *16;* 16, с. 113, рис. 108, 109]. С влиянием Латена связывают их появление в скифских памятниках IV—III вв. до н. э. в Северном Причерноморье [13, с. 242, 243, сноски 23—27] и в сарматских III—II вв. до н. э. Северного Кавказа [17, с. 84—86; рис. 8, *2;* 18, с. 202—203, рис. 14, *41*] Именно для периода IV—III вв. до н. э. неудивительно присутствие в погреб. 2 кург. 6 и стержневидного, круглого в сечении оселка веретенообразной формы (III тип, по В. И. Козенковой), т. е. разновидности, довольно часто встречающиеся в позднекобанских памятниках V—IV вв. до н. э. [3, с. 11, табл. V, 13]. О возможности ранней даты свидетельствует и набор из 60 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел, более характерных, как справедливо полагают В. А. Кореняко и А. В. Найденко, для меото-сарматского времени [13, с. 231], т. е. для периода VI—III вв. до н. э. В наборах стрел из могил III—II вв. до н. э. Прикубанья и Северного Кавказа они лишь единичны [19, с. 187]. Таким образом, вполне возможно, что погр. 2 кург. 6 в Китаевке датируется не II в. до н. э., а в пределах IV—III вв. до н. э., что делает более понятным присутствие в этом комплексе предмета, морфологически и стилистически характерного для украшений местной позднекобанской культуры. Типичные сочетания их характерны для тех памятников, где еще нет предметов очевидно сарматского облика, главным образом среднелатенских фибул и зеркал. Таким образом, наиболее вероятно, что комплекс из Элистанжи датируется не ранее IV в. до н. э.

Наиболее интересный предмет из комплекса Элистанжи, поясная пряжка, заставляет обратиться к вопросу о происхождении в позднекобанских памятниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа пластинчатых подквадратных и прямоугольных пряжек с кругами и без них. Несмотря на существование ряда предположений по поводу их генезиса (О. А. Артамонова-Полтавцева, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов), вопрос по сути остается открытым [20, с. 90—95; 21, с. 216—219]. Ясно одно: если для круглых умбоновидных пряжек четко прослеживаются более ранние местные корни, то для подквадратных и прямо-

угольных разного типа «пока что невозможно построить полный эволюционный ряд от раннекобанских пряжек...» [21, с. 218]. Рискнем высказать некоторые соображения по этому немаловажному вопросу.

Р. Вирхов в конце 80-х годов XIX в., во время археологических путешествий в Каринтии (юго-восточная часть Альп в пределах Австрии), в местечке Фрёг на правом берегу р. Драва раскопал погребение, содержавшее ряд предметов из бронзы (фигурки животных, людей и всадников), как он полагал, близких закавказским эпохи поздней бронзы [22, с. 654, рис. 1]. Среди найденных предметов выделялась бронзовая литая пряжка (рис. 3, *1*) в виде ажурного прямоугольника, близкого к квадрату, с двумя кругами на одной поперечной стороне. В настоящее время, как известно, в Фрёге открыты многочисленные погребения VII в. до н. э. (HaC) местной, собственно гальштаттской культуры, содержащие ряд блестящих материалов, так называемого «фрако-киммерийского» облика [23, с. 35, 39, 190, рис. 3, *14—21*]. Среди них — наборы конской узды, представляющие поздние модификации тех, что известны и в кобанской культуре (Сержень-Юрт), например бронзово-железные псалии с большими грибовидными шляпками и трубчатыми отверстиями [23, с. 190, рис. 3, *14*] Позднее в этом регионе Альп оказались характерными памятники VI—V вв. до н. э. (Ваче, Магдаленска гора и др.), содержащие в могилах наборы оружия (кельты, мечи, наконечники копий) и воинского снаряжения в виде бронзовых шлемов этрусского типа и, что особенно важно для нашей темы, массивных бронзовых, удлиненно-прямоугольных поясных пряжек, пропорциями, размерами и зональным характером расположения рельефного орнамента [23, с. 201—202, рис. 4, *26, 36*] напоминающих пряжки из Юго-Восточной Чечни, типа публикуемой из Элистанжи и других памятников (Шали, Галайты, Гуни, Аллероя, Курен-Беноя и др.). Любопытно, что здесь, как и на Кавказе, прослеживается та же линия развития: от пряжек с кругами к прямоугольным «барельефного» облика (рис. 3, *1—4*). Но начало этого процесса фиксируется надежно по средиземноморским вещам на 100—150 лет раньше, кавказские же параллели синхронизируются как бы поздними проявлениями этой среднеевропейской воинской моды. Именно гальштаттские пряжки типа Фрёг (Фрёгг) VII в. до н. э., возможно, послужили истоком для дальнейшего развития уже местных кавказских пряжек с кругами типа Лугового, Кобани, Тли и др. А позднее, так же как и в Альпийском регионе, они явились образцом для формирования барельефно-ажурных прямоугольных пряжек V—III вв. до н. э. (рис. 2).

Таким образом, неоднократно высказывавшаяся одним из авторов этой статьи, В. И. Козенковой, гипотеза о постоянном взаимодействии кобанской культуры Кавказа с центральноевропейскими культурами, принимающем на разных этапах разные формы [24, с. 52—73; 25, с. 32—34; 26, с. 28—33], получает вопреки скептицизму некоторых исследователей, не пытающихся рассмотреть разрозненные факты в целостном контексте [27, с. 297, 298; 28, с. 39], дополнительные аргументы и для более позднего периода, представленного памятниками скифского времени. Напомним, что к этим аргументам мы относили бронзовые бляхи от конского набора фрако-скифского облика V—IV вв. до н. э., в виде свастикообразных ажурных предметов с головками птиц, возможно орлов, из могильника Галайты [29, с. 108—111]. Следует упомянуть стрелку-монетку VI—IV вв. до н. э. фракийского типа из могильника «Сосновая горка» в Кисловодске [21, с. 332, рис. 16, *11*], а также бронзовые фибулы из Теберды, иглодержатели которых оформлены в подражание фибулам типа Чертоза V—IV вв. до н. э. [30, с. 199, рис. 2, *6, 7*]. По мнению С. А. Скорого и Ф. Б. Рахимкуловой, в пользу карпато-дунайского влияния на вооружение VI—V вв. до н. э. племен кобанской культуры свидетельствуют находки двух мечей из Нестеровского могильника и из погребения у сел. Марух. Примеры обратного воздействия кобанской культуры скифского времени в Подунавье кроме приведенных М. Пардуцем, Д. Газдапустаи и В. И. Козенковой авторы дополнили выразительным боевым ножом из могильника Сентеш-Векерзуг — почти полной

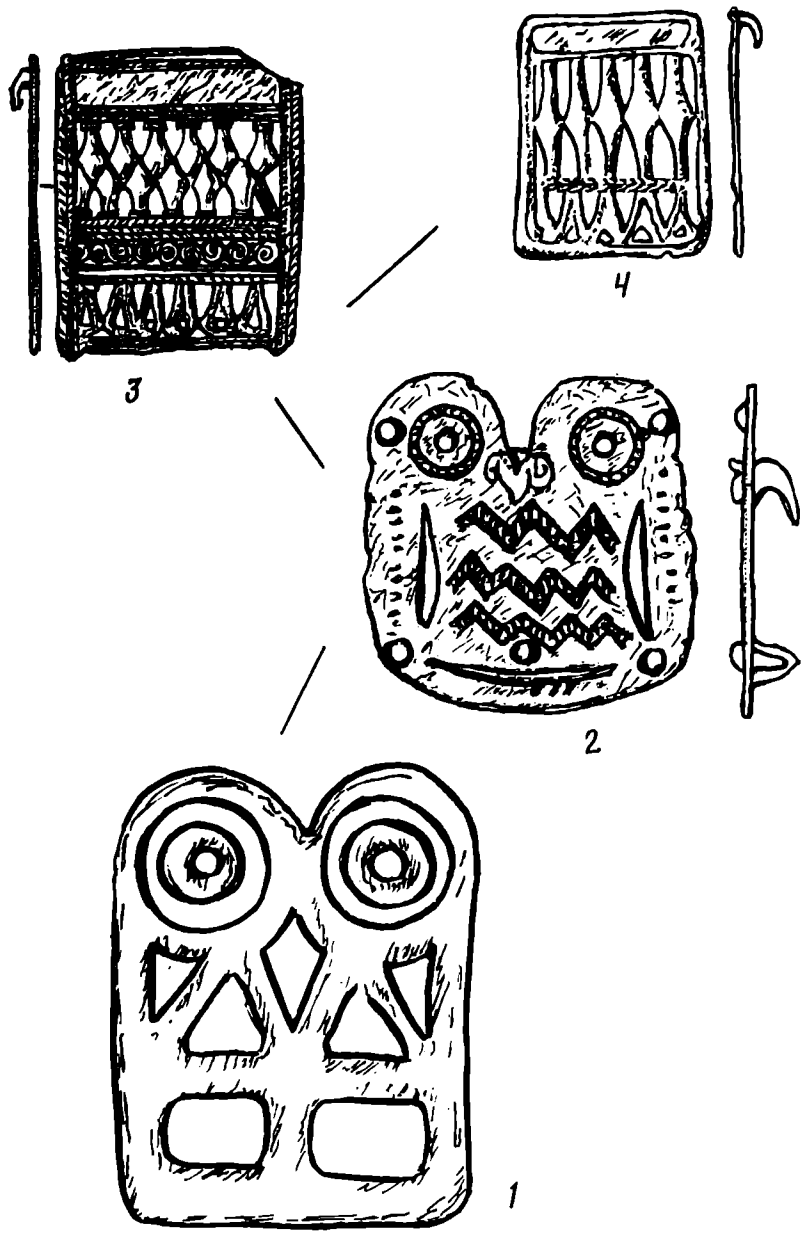


Рис. 3. Схема эволюции бронзовых поясных пряжек VIII—IV вв. до н. э. *1* — Фрёг (Австрия, по Р. Вирхову); *2* — могильник Луговой; *3* — сел. Курен-беной; *4* — сел. Шали (Чечня)

репликой ножа из Аллероевского 1 могильника [21, с. 361, рис. 45, *1;* 28, с. 39, 40]. Нельзя не вспомнить латенский браслет с шишечками и бронзовый италийский шлем IV—II вв. до н. э.— разновидности наиболее близкой кельским шлемам с козырьком и шишаком III в. до н. э. [14, табл. XXVIII; 31, с. 29, рис. 29] из погребений 10 и 81 [18, с. 198, 199, рис. 6, *1*] Чегемского кургана-кладбища. Хотя оба предмета найдены в могилах сарматского времени, но вполне могли попасть в местную среду значительно раньше, т. е. во второй половине IV — первой половине III в. до н. э. (LTB_2), по мнению специалистов, в период наиболее массового попадания латенских импортов на территорию Скифии [32, с. 111].

Комплекс из Элистанжи является еще одним археологическим подтверждением целого ряда материальных свидетельств о существовании специфики воинского костюма в различных частях зоны расселения мелких групп кобанского

населения. Эта специфика отражалась и в похоронном костюме, значимость которого для маркирования ранга его владельца донесли до нас сказания о нартах. В легенде «Смерть Созырко» тяжело раненный герой думает не о предстоящей кончине, а о похоронном облачении [33, с. 346]:

«Хотел бы я, о родичи мои,
Чтоб вы во имя дружбы и любви
Мне показали траурный наряд,
В котором будет совершен обряд»
Его волненье удивило нартов:
«Наряд тебе готовим мы богатый,
Тебя с большим почетом похороним
И честь твою во веки не затронем».

В кобанских древностях VII—IV вв. до н. э. в настоящее время можно выделить не менее четырех разновидностей такого «похоронного наряда» при общем в целом сходстве видов оружия. Все разновидности воинского облачения отличает при всей специфике и ряд общих черт, главная из которых — внешняя пышность и вычурность в деталях. Особенности сохранившихся элементов костюма свидетельствуют о большой затрате труда на их изготовление, по нашим современным понятиям, даже неразумной. Сакральный характер подчеркнут орнаментацией в виде неоднократного повторения изображений солярных знаков и различных символов плодородия. Особая значимость в воинском костюме придавалась, судя по всему, некоторым оригинальной формы предметам. Это могли быть пояс (Кобань, Душети, Теберда), птицеобразная форма орнаментированной нагрудной бляхи типа Ца-Ведено, Воздвиженская, Исти-су, Лермонтов-юрт [34, с. 150; 35, с. 113, 114], Майртуп, Элистанжи [2] или сочетание пояса с оригинальной формы фибулами (Луговой, Теберда) и т. п. Анализ направления моды в воинской атрибутике VI—V и особенно IV — начала III в. до н. э. довольно определенно показывает переориентацию местного общества от переднеазиатских «ассирийских канонов» в воинском костюме более раннего периода к в широком смысле европейским «гальштаттско-латенским» канонам на поздних этапах развития кобанской культуры, перед накатом «сарматской волны» ираноязычных кочевников на Северный Кавказ [37, с. 19].

Формирование нового комплекса связано с периодом особо интенсивного перемещения кочевых племен скифского происхождения равнинной зоны центральной части Северного Кавказа в Северное Причерноморье через восточные районы Днепровского Левобережья в конце VI — первой половине V в. до н. э. [38, с. 62—64, 78], но точнее — особенно во второй половине V в. до н. э. [39, с. 137, 138]. Именно для этого периода по всей восточной части Европы, а также в Карпатском регионе, в Трансильвании и далее на запад многие зарубежные исследователи (М. Пардуц, З. Буковский, В. Василиев, С. Габровец, И. Тодорович, Е. Ерем и др.) отмечали так называемый «восточный импульс», давший мощный толчок дальнейшей трансформации местных культур [40, с. 419—423; 41, с. 34—41; 42, с. 601, 602], в том числе и собственно гальштаттской (НаД-

[2] Можно только выразить сожаление, что авторы публикации новых находок блях [36, с. 10, 13, 14, рис. 3—5] настаивают на ошибочном отнесении их к так называемому «предгорно-плоскостному» варианту. Не украшают в целом неплохую статью и грубый упрек в адрес В. И. Козенковой в «недостаточном знании географии республики...» [36, с. 18] и при этом отнесение знаменитого горного аула Элистанжи к «предгорно-плоскостному району» [36, с. 6]. Ведь по сути у С. Л. Дударева и его соавторов речь идет об отстаивании правомерности употребления некорректного, несерьезного в научном отношении и устаревшего понятия «плоскость». Если бы они придерживались более строгих географических ориентиров высоты, как это принято в отношении других горных регионов, псевдоспорность картины локализации птицеобразных блях была бы очевидной. Новое картографирование недвусмысленно приближает нас к тому, чтобы определять эти бляхи как особый «сунженский тип», характерный для гор и предгорий и не встреченный пока в равнинной зоне Надтеречья Чечено-Ингушетии.

LTA). Различают исследователи в этом процессе, как мы отмечали выше, и проникновение элементов северокавказского происхождения, во многом уже осложненного, окрашенного степным влиянием в результате не менее чем полуторавекового близкого контакта с ираноязычными степняками в Предкавказье. В промежуточной же между Северным Кавказом и Средней Европой Северопричерноморской зоне такие элементы отмечались и советскими исследователями, особенно в лесостепи (В. А. Ильинская, В. Б. Виноградов, С. А. Скорый, В. Ю. Мурзин и др.). Не исключено, что наличие некоторых бесспорно северокавказских или синкретизированных элементов материальной культуры обусловлено не только причинами разного рода обмена, но и непосредственным участием воинских групп, носителей позднекобанской культуры, в каких-то военно-политических акциях скифов при их вторичной попытке укорениться в Северном Причерноморье (В. Ю. Мурзин). Естественно, подобное обоюдное взаимовыгодное партнерство могло быть налажено только между хорошо организованными в воинском отношении обществами. Таковыми предстают, с одной стороны, судя по археологическим данным, близкородственные роды и племена V—IV вв. до н. э., ареала кобанской культуры, в том числе и те, что включили и растворили в себе к этому времени культурные и этнические элементы скифосавроматского происхождения; а с другой — могущественные, стоявшие на пороге подлинной, хотя и своеобразной, государственности скифы [43, с. 31—35]. Возможно, поддержанию связей и совместных действий могли способствовать и возникшие в результате долгого сосуществования степняков и коренного населения родственные взаимоотношения, а также такие, которые обозначены в более поздние времена, как куначество, или побратимство. Благодаря многообразию всех этих связей и происходили «выплески» в северном и северо-западном направлениях северокавказцев из среды обитания с последующим возвращением обратно (и той же дорогой), с попутным обогащением собственной материальной культуры инновациями, весьма быстро приспосабливаемыми к местным вкусам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ковалевская В. Б.* Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.
2. *Дударев С. Л.* Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX—VII вв. до н. э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
3. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В 2—5.
4. *Техов Б. В.* Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
5. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969.
6. *Козенкова В. И.* Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976—1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
7. *Надирадзе Д. Ш.* Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси: Мецниереба, 1975 (на груз. яз., резюме — на русском).
8. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985.
9. *Алексеева Е. М.* Массовые украшения населения античных государств Северного Причерноморья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1972.
10. *Козенкова В. И.* Погребения сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
11. *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М., 1987
12. *Петренко В. А.* Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
13. *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузлавке // СА. 1977. № 3.
14. *Todorović J.* Kelti u jugoistočnj Evropi // Dissertationes. T. VII. Beograd, 1968.
15. *Todorović J.* Praistoriyska Karaburma // Dissertationes et Monographiae. T. XIII. Beograd, 1972.
16. *Todorović J.* Skordisci. Istoriya i kultura. Novi sad-Beograd, 1974.

17. *Козенкова В. И.* Комплексы сарматского времени из станицы Новотитаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
18. *Керефов Б. М.* Чегемский курган — кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985.
19. *Игнатов В. Н., Скрипкин А. С.* Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988. № 3.
20. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. 1950. XIV
21. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972.
22. Zeitschrift für Ethnologie. T. XIX. Berlin, 1887.
23. *Gabrovec St.* Der Beginn der Hallstattkultur und der Osten // Die Hallstattkultur. Frühformen europäischer Einheit. Katalog. Steyr, 1980.
24. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975.
25. *Козенкова В. И.* Контакты населения Карпато-Дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья (предварительные материалы, тез. докл.). М., 1980.
26. *Козенкова В. И.* Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) // СА. 1989. № 3.
27. *Vasiliev V.* Citeva observaţii asupra unui Tip de vas aslmanater cesţii Dacia // Memoriom Constantini Daicoviciu. Editura. Dacia. Cluj, 1974.
28. *Скорый С. А., Рахимкулова Ф. Б.* К вопросу о контактах Северного Кавказа и Карпато-Подунавья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Археология и краеведение — вузу и школе. Тез. докл. и сообщ. II регион. научно-практ. конф. Грозный, 1985.
29. *Багаев М. Х., Козенкова В. И.* Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника (Чечено-Ингушетия) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
30. *Козенкова В. И., Ложкин М. Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 1981. № 4.
31. *Акимова Л. И., Борисковская С. П., Мавлеев Е. В. и др.* Мир этрусков. Каталог выставки. М., 1990.
32. *Еременко Е. В., Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
33. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957.
34. *Козенкова В. И.* Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
35. *Козенкова В. И., Кантемиров Э., Череповская О. В.* Работы Северо-Кавказского отряда // АО-1974. М., 1975.
36. *Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И.* Новые находки скифского времени из селений Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
37. *Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1989.
38. *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
39. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Превобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.
40. *Bukowski Z.* Zachodni zasieg oddzéálywań tzw. scytyjskch i ich Charakter // Archeologia Polski. T. XXIII. Z. 2. Warszawa, 1978.
41. *Скорый С. А.* К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. 1990. № 1.
42. *Hrala J.* «Skytsky» nález z Břežánek u Biliny // Archeologické rozhledy. T. XXYIII/6. Praha, 1976.
43. *Махортих С. В.* Соціально-політичный аспект звязків скіфив з племенами Кавказского регіону // Археологія. 1989. № 1.

Институт археологии АН СССР,
Москва

Чечено-Ингушский государственный университет
им. Л. Н. Толстого, Грозный

V. I. KOZENKOVA, M. KH. BAGAEV

ON SOME FEATURES OF SACRAL MARTIAL ATTRIBUTES IN LATE KOBAN CULTURE

Summary

In the article some data on the specific features of costume of the tribes of eastern variant of Koban culture are presented (Figs. 1, 2). New materials from the eastern part of Checheno-Ingushetia are published, among them very rare types of ornaments dated to the 5th and 4th centuries B. C. with special attention to their chronology and localization. The authors have analysed the form of the belt-buckle from Elistanzhi settlement and express their opinion about the Hallstattand La Tene influence in the 7th—5th centuries B. C. on the formation of such type of artefacts (Fig. 3, *1*). The detailed study of rich sacral elements of military costume popular among the warriors of late Koban culture suggests a conclusion about advanced social stratification and reglamentation in this part of population. Martial costume attributes of late 6th and the 5th centuries B. C. and especially of the 4th and early 3rd centuries B. C. demonstrated that orientation to the «Assyrian style» in local society was replaced by that to European Hallstatt — La Tene one This process took place in the late period of Koban culture before the penetration of Sarmatian hordes of Iranian-speaking nomades to the North Caucasus.

В. Д. КУЗНЕЦОВ

КЕПЫ: ИОНИЙСКАЯ КЕРАМИКА

Древнегреческий город Кепы, известный по письменной традиции (Ps.-Scymn. 988; Plin. NH VI, 18; Strabo 495 и др.) обычно идентифицируется еще с XIX в. с древним городищем, расположенным на восточном берегу Таманского залива [1, с. 292]. Однако до сих пор мы не можем быть абсолютно уверены в том, что это соответствует действительности. За все время археологических раскопок (с 1957 по 1989 г.) не получено никаких данных, подтверждающих правильность идентификации названия «Кепы» с этим городищем. Тем не менее мы будем пользоваться этим названием древнего памятника, результаты раскопок которого здесь частично представлены, поскольку оно общепринято в археологической литературе. Раскопки Кеп впервые начал Н. И. Сокольский в 1957 г. и продолжал их до 1970 г. Им было найдено небольшое количество архаической керамики (восточногреческой, Фикеллура, аттической). Частично она была опубликована [2, с. 58, рис. 24, *1—4, 8—11;* 3, рис. 6—11; 4, с. 101, рис. 3]. Сокольский установил дату возникновения поселения, отнеся это событие ко второй четверти — середине VI в. до н. э. Основанием для этому ему послужили «отдельные фрагменты» восточногреческой керамики [4, с. 101 сл.]. К этому мнению присоединилась Э. Я. Николаева, опубликовавшая несколько фрагментов ионийской керамики [5, с. 150—153] В 1984 г. раскопки Кеп были возобновлены экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора. В течение шести полевых сезонов (1984—1989 гг.) была вскрыта площадь более 900 м^2 Место для раскопок было выбрано в северо-западном углу городища, на краю холма, спускающегося к морю (в 20—30 м к северу от раскопа «А» Сокольского, где им была найдена практически вся архаическая керамика). На этом участке культурные слои сохранились очень плохо. Хотя в античное время город просуществовал около тысячи лет (VI в. до н. э.— IV в. н. э.), почти повсеместно на материковом песке лежит слой II—III вв. н. э. Слои более раннего времени оказались уничтоженными еще в древности. Это замечание относится и к слою архаического времени, который был практически полностью снивелирован на раскапываемом участке. Исключение составляют лишь ямы VI в. до н. э., которые были впущены в материковый песок. Именно нижние части этих ям, оказавшиеся ниже поверхности материка, хорошо сохранились. Всего на исследованном участке было обнаружено около 40 ранних ям. Материал из их заполнения составляет значительную часть кепской коллекции архаической керамики. Остальная же ее часть была обнаружена в слоях более позднего времени, прежде всего в слое над материком. Как известно, ранним типом жилища греческих эмигрантов, поселившихся на северном берегу Черного моря, были землянки и полуземлянки. Они найдены во многих греческих городах Понта. Некоторые из кепских архаических ям тоже могли быть землянками, построенными первоселенцами. Однако говорить об этом уверенно невозможно, потому что в своем большинстве они были разрушены другими ямами, синхронными или более позднего времени. Очень трудно использовать кепские архаические ямы для уточнения датировок керамики, найденной в них. Причина заключается в том, что в третьей четверти

© В. Д. Кузнецов, 1991 г.

VI в. до н. э. в городе произошло какое-то событие, следствием его стали пожары, в которых погибло несколько домов. Наиболее четко следы этих пожаров зафиксированы в нескольких ямах (не менее чем в шести). В них обнаружены сырцовые кирпичи, часто обгоревшие до ярко-оранжевого цвета, значительное количество обуглившихся кусков дерева, зола и прокалившаяся дочерна земля. Многие обломки керамики также обгорели в огне. Некоторые другие ямы тоже содержали угли, золу и обгоревшую землю. Совершенно очевидно, что в эти ямы были сброшены остатки погибших в огне домов, построенных из сырцовых кирпичей, а также часть культурного слоя, снивелированного для нового строительства (слой, предшествующий времени катастрофы). В результате этого керамика второй и третьей четвертей VI в. до н. э. оказалась перемешанной в ямах, которые были засыпаны при нивелировке поверхности. Поэтому нередки случаи, когда обломки одного и того же сосуда оказывались в разных ямах и были разбросаны на довольно большой площади. О произведенной нивелировке свидетельствует и тот факт, что некоторые ямы, функционировавшие к моменту катастрофы, были затем специально засыпаны материковым песком или культурным слоем.

В нескольких десятках метров от места нашего раскопа Н. И. Сокольский обнаружил в 1970 г. подвал дома, сложенного из сырцовых кирпичей; он был построен в третьей четверти VI в. до н. э. [3, с. 616 сл.] Возможно, он был сооружен уже после указанных событий. Дом погиб в сильном пожаре в конце VI в. до н. э. Интересно, что по соседству с ним был обнаружен сырцовый дом, построенный в первой половине этого же столетия, прекративший свое существование до начала строительства дома с подвалом. Таким образом, археологические материалы дают основание говорить о том, что в Кепах не позже середины VI в. до н. э. уже имелись дома из сырцовых кирпичей. Кроме того, не исключено, что были и каменные постройки; об этом могут свидетельствовать находки в архаических ямах нескольких обломков черепиц и камней. Судьба города в VI в. до н. э. не была, видимо, легкой. Он пережил по крайней мере два пожара. Первый из них, о котором речь шла выше, приходится по всей видимости, на время не позднее 30-х годов. Это заключение основано на том, что расписная керамика из ям со следами пожаров, наиболее поздние образцы которой представлены аттическими киликами, не переходит границу между третьей и четвертой четвертями столетия. То же самое можно сказать и об амфорной таре. Причина, в реультате которой в недавно основанном поселении произошли пожары, не может быть выяснена точно на основе имеющихся археологическх данных. Одним из возможных предположений может быть конфликт первопоселенцев с вновь прибывшими в эти места эмигрантами. О новой волне переселенцев свидетельствует появление по соседству с Кепами в 540-х годах Фанагории. Однако это не более чем гипотеза.

За время наших раскопок были найдены многие сотни фрагментов архаической керамики. Основную ее массу составляет ионийская расписная посуда. На втором месте по количеству находится аттическая керамика, представленная почти исключительно киликами (в том числе с комастами и типа Сиана), а также редкими фрагментами других сосудов (например, «тирренская» амфора, крышка леканы, принадлежащая мастерской Полоса) Найдено также небольшое количество обломков хиосской (расписные кубки с белой облицовкой с изображением быка, льва, сфинкса, которые датируются второй четвертью VI в. до н. э.) и коринфской керамики (скифосы, амфора). Довольно многочисленны фрагменты амфорной тары архаического времени. Она представлена несколькими типами: хиосские с белой облицовкой, с воронкообразным горлом и пухлогорлые рубежа VI—V вв. до н. э. (последние — только в одной яме), ионийские с широкими полосами, лесбосские, à la brosse, самосские, со стаканообразными ножками.

Перейдем теперь к описанию ионийской расписной керамики. При раскопках в Кепах зафиксировано около 200 фрагментов закрытых сосудов разнообразных

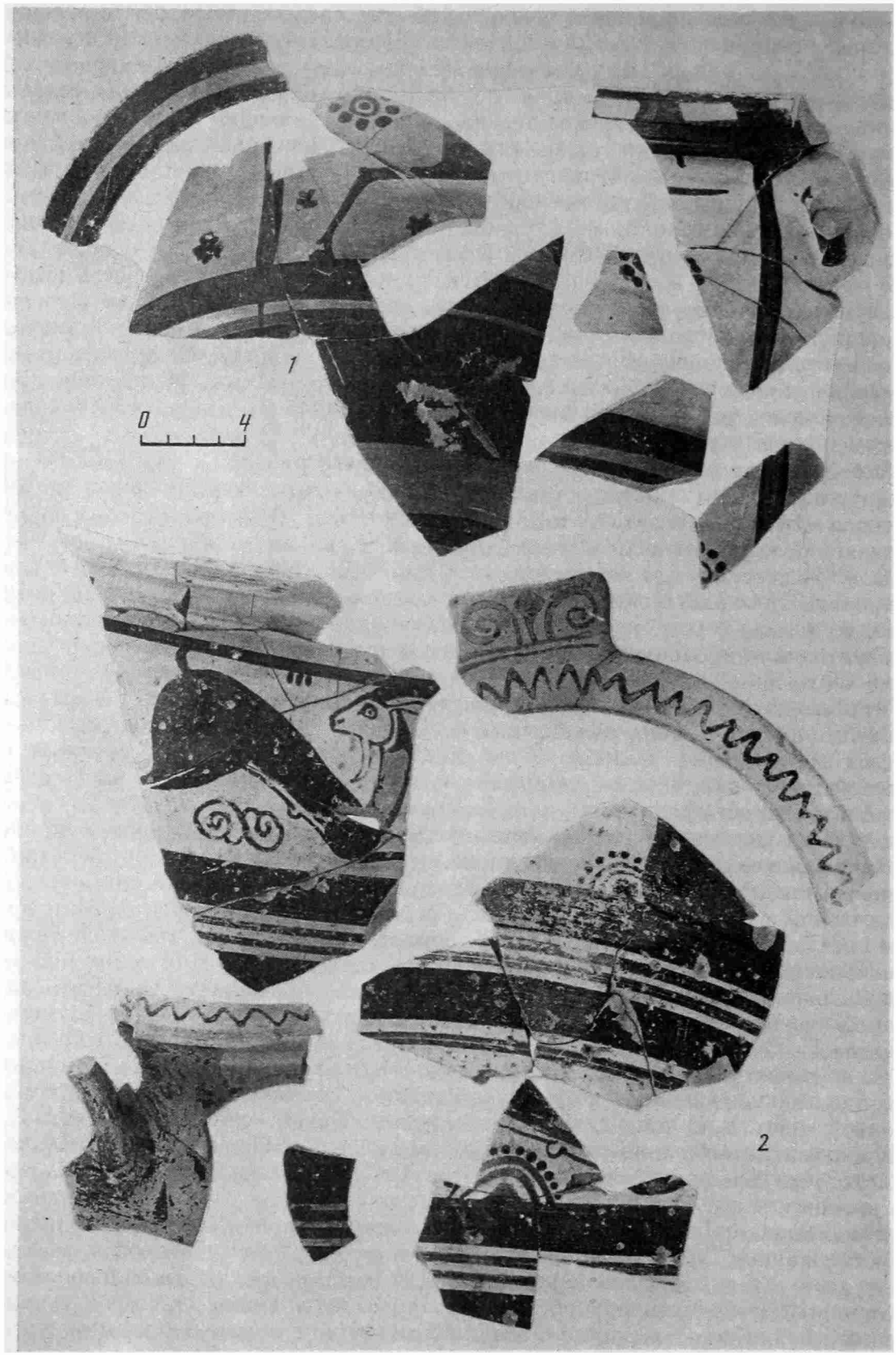


Рис. 1. Кратеры

форм, произведенных в Восточной Греции (в подавляющем большинстве — в Северной Ионии). К сожалению, далеко не всегда удается определить форму сосуда. Большинство тех, которые поддаются такому определению, являются амфорами. Это вполне естественно, потому что именно в это время они становятся наиболее распространенными за всю историю восточногреческой керамики [6, с. 5, 79; 7, с. 27 сл.] Вся эта керамика относится к последнему этапу существования стиля диких козлов [8, с. 120 сл.] Как известно, одной из характернейших черт этого стиля является изображение на сосуде козла. В кепской коллекции имеются обломки нескольких кратеров, на которых представлено это животное. К одному такому кратеру относится несколько фрагментов, найденных в различных местах раскопа (рис. 1, *1*). У него розовато-коричневатая глина с сероватым закалом посередине черепка, со слюдой. Лак черный, густой (коричневый там, где он более жидкий). Значительная часть сосуда (но не весь) покрыта светло-серым ангобом. На плече кратера, в метопе, образованной двумя вертикальными линиями, помещено изображение скачущего козла, от которого сохранилась только задняя нога, а также кончик рога, свидетельствующий о том, что голова животного была повернута назад. Заполнительный орнамент состоит из точечных и кляксообразных розетт. По тулову сосуда под рисунком козла проведены узкая и широкая полосы. От второго кратера также сохранилось несколько фрагментов (рис. 1, *2*). Глина светло-коричневая ровного тона, с известковыми частицами и слюдой. Лак черный, густой, в некоторых местах с оливковым оттенком. В некоторых местах ангоб отсутствует. Сверху по венчику нарисован волнообразный орнамент, на ручках — цветок с бутоном. На плече кратера нарисован помещенный в метопу скачущий козел с повернутой назад головой. Рисунок сделан в технике пропущенных линий, традиционной для восточногреческой керамики. На шее и боку животного пятна пурпурной краски. На обратной стороне сосуда находится еще один рисунок скачущего козла, выполненный в той же технике. Заполнительный орнамент состоит из трех вертикальных черточек над спиной и двойной волюты под животом одного козла и полукругов, обрамленных точками, под животом другого.

Помимо описанных было обнаружено еще некоторое количество ионийских кратеров, главным образом ручек и венчиков, украшенных меандром (рис. 3, *1—3*). Они находят многочисленные аналогии в ряде средиземноморских и причерноморских центров [9, с. 138, рис. 6; 10, табл. 6; 11, табл. XIV, кат. 266—269, 271, 272; 12, с. 114, рис. 4, *1*; 13, с. 114, рис. 3, *д*; 14, табл. 65, *1, 2*]. Традиционная восточногреческая техника пропущенных линий постепенно начинает сменяться в первой половине VI в. до н. э. новой чернофигурной техникой. Одним из центров производства чернофигурных кратеров была Северная Иония [6, с. 80; 15, с. 104] В кепской коллекции имеются фрагменты нескольких чернофигурных кратеров. Обломки одного из них были обнаружены в различных частях раскопа (рис. 2). Он был изготовлен из светло-коричневой тонкой глины, в которой имеются включения слюды. Ангоб светлый, зеленоватого оттенка. Лак меняется в цвете от черного до коричневого. И лак, и ангоб плохо сохранились, в некоторых местах они совершенно исчезли. Однако на некоторых черепках их сохранность великолепна (в частности, на фрагменте тулова с изображением меандра). Это свидетельствует о разных условиях, в которых оказались обломки кратера после того, как он был разбит. На плече сосуда в метопе помещен рисунок, изображающий козла влево, от которого сохранились голова с мордой, рогом и ухом, часть спины и задняя нога. Над спиной и под животом козла находятся кляксообразные розетты коринфского типа, перечеркнутые крест-накрест. Напротив козла стоит лев, от которого сохранились хвост, три лапы и часть груди. Ниже идет полоса меандра, а затем несколько узких и широких полос лака. Вокруг несохранившейся ножки нарисован венок лучей. Сверху по венчику нарисован меандр, на ручках — лепестки. Все описанные выше кратеры датируются второй четвертью VI в. до н. э. [11, с. 54, сл.; 16, с. 166].

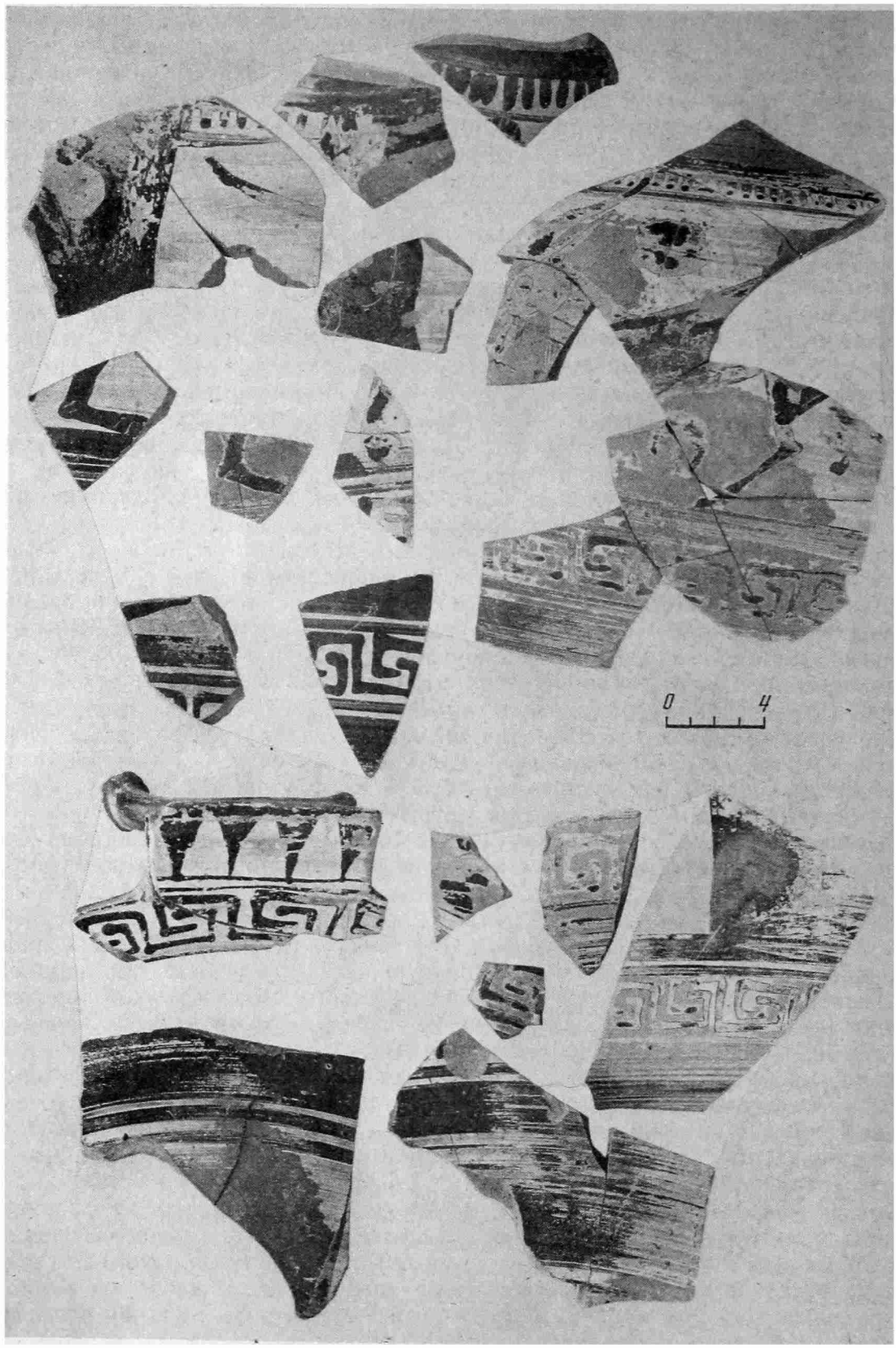


Рис. 2. Чернофигурный кратер

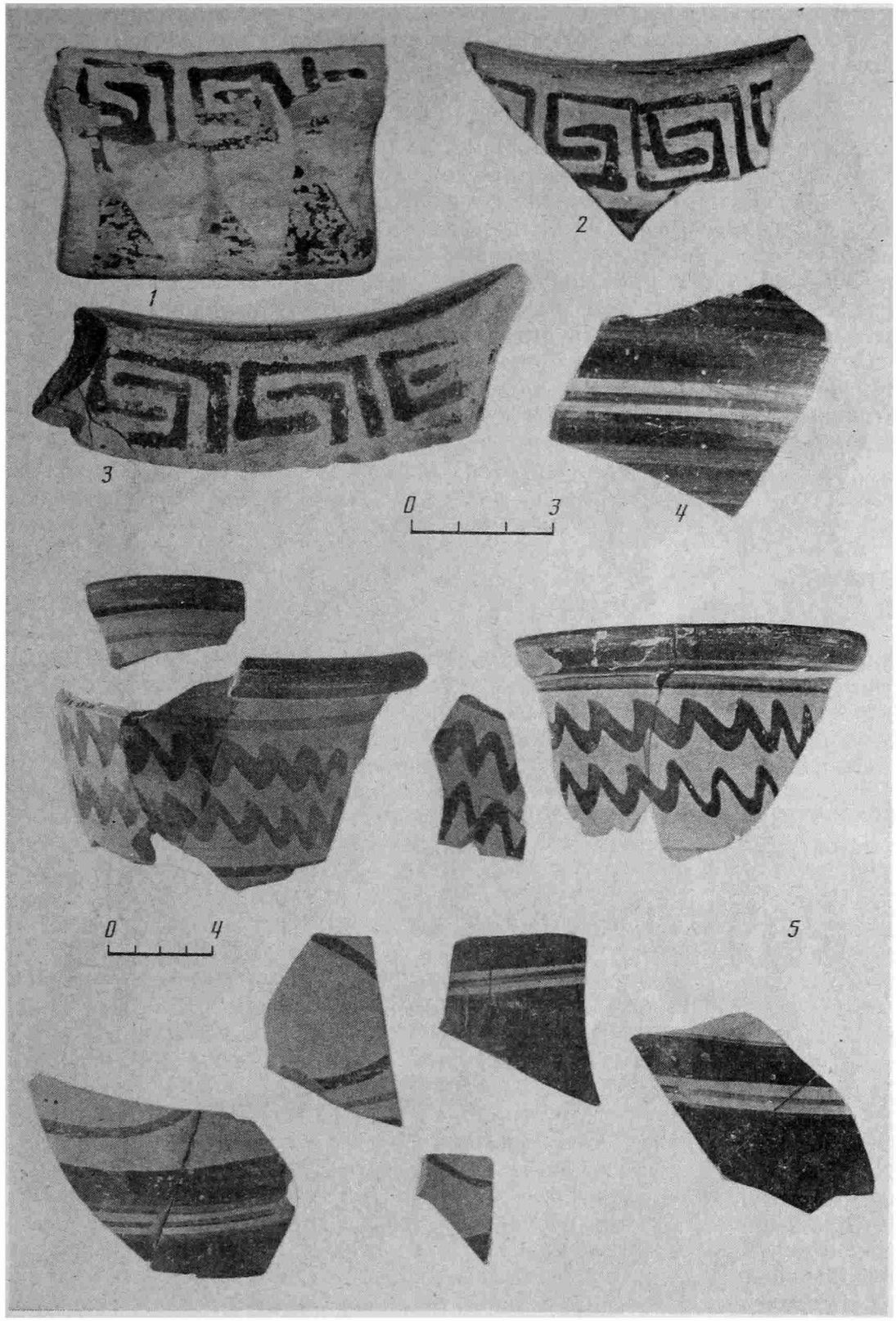


Рис. 3. Кратеры и амфоры

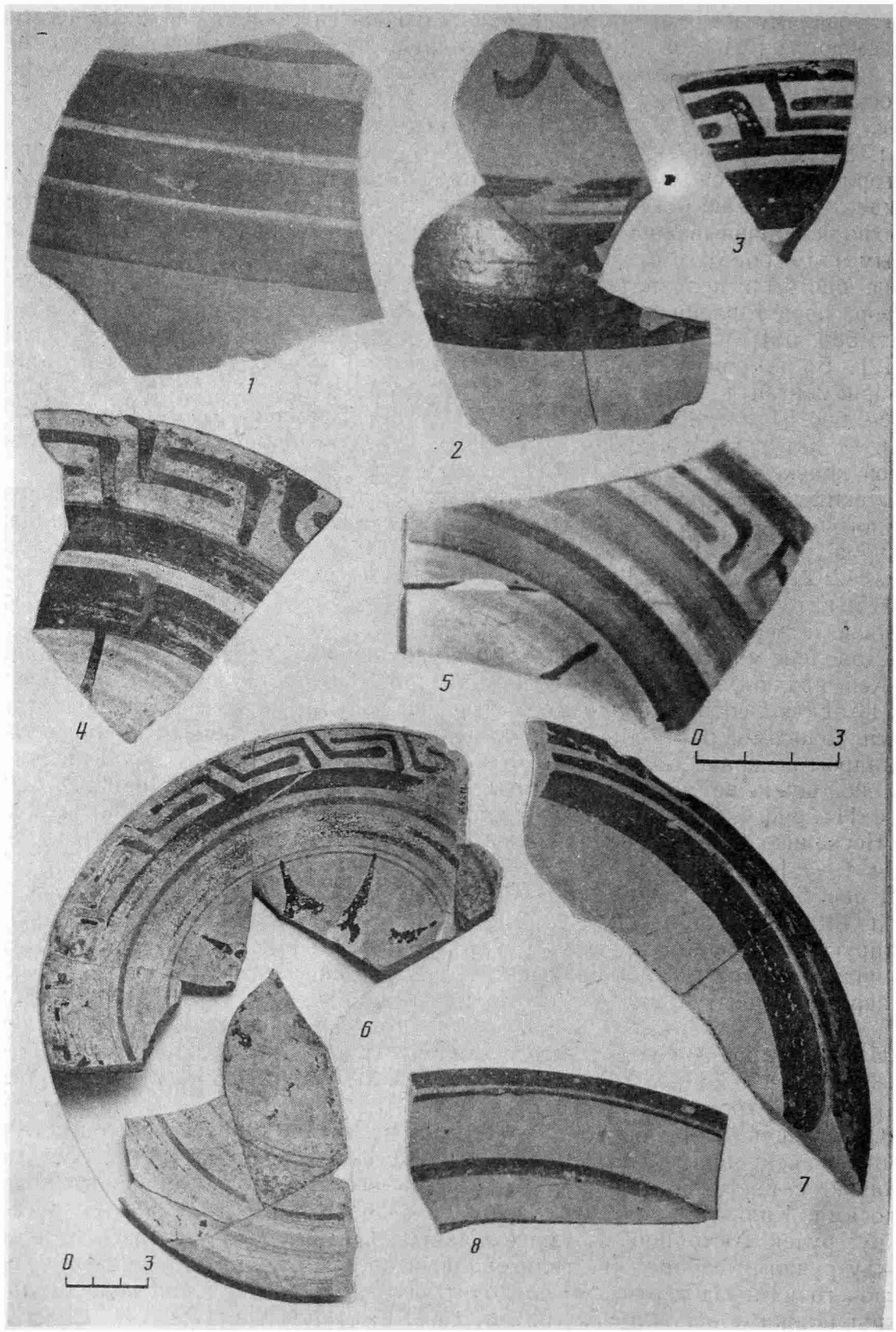


Рис. 4. Амфора, лекиф, тарелки и миски

К позднему этапу стиля диких козлов относятся также фрагменты нескольких амфор, на двух из которых сохранились изображения козлов, выполненные в технике пропущенных линий. Но большинство амфор украшены только полосами и волнистыми линиями (рис. 3, *5*; 4, *1*) [10, табл. 30, *569*, 31, *579*; 11, с. 23 сл.; 12, с. 144, рис. 19; 17, с. 176 сл.; 18, табл. 29, *587*, 48, *843*; 19, табл. XI, *44, 46—48;* 20, с. 89. рис. 2, *1*] Схема росписи обычно такова: на горле находятся две волнистые линии, на плече изображен орнамент либо в виде лежащей на боку латинской буквы S, ниже которой проведены полосы, либо волнообразный орнамент. Глина этих амфор — коричневых тонов с красноватым или сероватым оттенком. Почти все амфоры покрыты ангобом. Судя по глине, они были произведены в нескольких североионийских центрах. Одна из амфор, представленная на рис. 3, *5*, по форме близка амфорам из Токры (кат. 580, 581, 587), которые Дж. Хейес датирует 580—560 гг. до н. э. [18, с. 42]. Во второй половине столетия у амфор такого типа исчезает ангоб, их орнаментация упрощается [21, с. 232, рис. 11, *2*; 22, с. 167, рис. 15, *2, с. 184,* рис. 54; 23, табл. 140, *3;* 24, с. 69, кат. 87]. Временем около середины VI в. до н. э. датируются амфоры, у которых по широкой полосе лака проведены белой краской разделительные полосы (рис. 3, *4,* 4, *1*) [8, с. 122].

Лекифы, часто украшенные полосами и волнообразным орнаментом, немногочисленны (рис. 4, *2*). Аналогии им можно найти в ряде колониальных центров, в том числе и в Причерноморье [10, с. 105, рис. 23; 18, табл. 48, *840, 842*; 21, с. 233, рис. 13; 22, с. 167, рис. 15, *1*; 24, с. 61, кат. 71, с. 70, кат. 90, с. 115, кат. 174, с. 154, кат. 236, с. 162, кат. 252] Они датируются второй-третьей четвертью VI в. до н. э.

Довольно многочисленной категорией архаической керамики, происходящей из Кеп, являются тарелки и миски. Найдено более 50 их фрагментов. Тарелки представляют собой хорошо известный тип посуды, украшенной горизонтальными полосами, растительным орнаментом в виде цветов и бутонов лотоса, меандром по краю. Большинство покрыто ангобом светлых тонов. Тарелки на высокой ножке немногочисленны (рис. 4, *3*) [6, табл. 32, *247*, табл. 33, *249, 250;* 12, с. 118, рис. 6,*б,* 7, 10; 18, табл. 34, *617;* 25, табл. XIII, *62, 65, 67*; 26, табл. XII, *9*]. Несколько больше тарелок на низком кольцевом поддоне с отогнутым краем (рис. 4, *4*) [10, табл. 12, *118, 121—123, 126*; 11, табл. XV, *296—305*; 12, с. 117, 118, рис. 6,*а, б,* 8; 18, табл. 35, *635, 636, 638*, табл. 36; 21, с. 229, рис. 8; 23, табл. 140, *9*; 27, табл. 6, *27*; 28, с. 286—289, рис. 270, 272, 276, 277]. Все они датируются второй четвертью VI в. [6, с. 14 сл.; 11, с. 57; 18, с. 44]. Миски, отличающиеся от тарелок большей глубиной, можно разделить на две группы. К первой относятся миски с отогнутым венчиком (рис. 4, *7*) [18, табл. 37, *705, 706*; 24, с. 117, кат. 178; 29, с. 232, табл. 50 (внизу); 30, табл. 11, *2004, 2005*], ко второй — без отогнутого венчика (рис. 4, *8*) [18, табл. 37, *716; 28,* с. 180, рис. 132—134, с. 184, 185, рис. 146, 147; 31, табл. 25, *12—14*] Они относятся ко второй-третьей четверти VI в.

Следующей большой группой керамики являются ионийские килики. Всего нами зафиксировано более 200 их обломков. Имеется по крайней мере три типа киликов: с цветками лотоса, с точечными розеттами и украшенные только полосами. Килики с лотосом с внешней стороны имеют палочный орнамент вокруг ручек, состоящий из узких и частых вертикальных черточек, в центре между ручками изображен стилизованный цветок лотоса, окруженный с двух сторон точками. Под ручками проходят узкая и более широкая полоска лака, вокруг ножки — венок лучей (рис. 5, *1—3;* 6, *1*) [10, табл. 21, *234;* 12, с. 115, рис. 3; 21, с. 224, рис. 2 (вверху); 28, с. 59, 60, рис. 28—30; 32, табл. 25, *1*, с. 139, рис. 46; 33, с. 187, рис. 9; 34, с. 231, рис. 1, *3*; 35, табл. 11, *170—172*] Килики с лотосом из Кеп могли быть изготовлены в одном центре, в пользу чего свидетельствует сходство лака и глины у них. Обычно этот тип киликов датируют первой половиной VI в. до н. э., а иногда — даже первой третью столетия [11, с. 42] Археологический контекст не дает возможности уточнить датировку

наших экземпляров, хотя можно говорить, о том, что они не выходят за пределы второй четверти VI в. до н. э. Следующий тип — килики с розеттами. Можно считать общепринятым, что их производство прекращается около середины VI в. до н. э. [6, с. 21, 53; 36, с. 170; 37, с. 10 сл.] Они изготавливались во многих городах Ионии. Килики из Кеп имеют единообразный характер росписи: палочный орнамент вокруг ручек, с каждой стороны чаши на равном удалении от ручек изображено по одной точечной розетте (исключение составляет фрагмент, представленный на рис. 6, *9*, у которого розетта находится около ручки). Под ручками проведены две горизонтальные полоски. Внутри чаша покрыта лаком, поверх которого идут красные полоски (на наиболее ранних экземплярах они проходят по белой полосе). Одним из самых ранних является фрагмент венчика (рис. 6, *4*), имеющий довольно толстые стенки (около 4 мм), широкую незакрашенную полосу на уровне ручек (около 2,5 мм), в которой была помещена розетта из крупных точек. Палочный орнамент состоит из толстых вертикальных штрихов, под ручками — две узкие горизонтальные полосы. Внутри проведены две или три горизонтальные ленты, каждая из которых состоит из белой полосы и проведенной по ее середине красной полоски [10, табл. 21, *211, 214*; 14, табл. 64, *2*; 18, табл. 38, *734*; 19, табл. VIII, *5*; 37, табл. 2, *43—45*; 38, табл. X, *11*] Такие килики можно отнести еще к первой четверти или к началу второй четверти VI в. до н. э. [18, с. 12, 44 сл; 10, с. 59, кат. 211, 214] Одновременными или чуть более поздними являются фрагменты на рис. 6, *2, 3, 8—11*. Фрагмент края килика на рис. 5, *4* мог принадлежать, судя по гвоздевидному палочному орнаменту, киликам с глазами [6, табл. 125, *1024, 1025*] К наиболее поздним относятся килики, у которых более тонкие, чем у предыдущей группы, стенки (2,5—3 мм), розетта состоит из мелких точек и помещена в узкой (1,3—2 мм) незакрашенной полосе на уровне ручек (рис. 6, *5—7*). Они датируются временем около середины VI в. до н. э. [9, с. 134, рис. 2 (вверху); 11, с. 42; 12, с. 115, рис. 5, *1, 2*; 13, с. 113, рис. 2; 18, табл. 38, *736, 742*; 20, с. 89, рис. 2, *14*; 21, с. 230, рис. 9, *1, 2*; 24, с. 64, кат. 79; 35, табл. 10, *128, 131*; 39, с. 42, рис. 16, *5*]. Килики, украшенные с внешней стороны двумя или тремя горизонтальными полосами и покрытые внутри лаком, по которому проведены красные полоски, немногочисленны в нашей коллекции (рис. 6, *12, 13*) [13, с. 112, рис. 1, *а, в*; 24, с. 44, 45, кат. 28, 29, с. 117, кат. 178; 35, табл. 13, *204, 206, 207, 213*]. В целом их можно датировать VI в. до н. э.

Последней категорией керамики, которую мы здесь рассмотрим, являются ионийские чаши (ionian cups). Они изготавливались на протяжении длительного периода времени и известны по раскопкам от Восточного Средиземноморья до Испании, от Северной Африки до Причерноморья. Как известно, ионийские чаши производились во многих восточногреческих центрах; одним из наиболее важных среди них был Самос [6, с. 22; 11, с. 28; 40, с. 81]. В Кепах найдено около 150 фрагментов таких чаш. Глина у них — коричневых тонов, иногда с красноватым оттенком, тонкая. Все они содержат большее или меньшее количество слюды. Лак имеет преимущественно темно-коричневый и черный цвет, обычно блестящий. Классификация ионийских чаш предложена несколькими исследователями [11, с. 27, сл.; 17, с. 167 сл.; 18, с. 111 сл.; 41, с. 14 сл.] Чаши из Кеп можно разделить на три типа. К первому (B1 по Вилляру-Валле) относятся фрагменты на рис. 7, *1, 2* [6, с. 22; 18, с. 112; 28, с. 91 сл.; 41, с. 23 сл.; 42, табл. 1, *13*, табл. XIII, *1*, табл. XIV, *3*]. Эти чаши отличаются высоким качеством изготовления. Изнутри они покрыты лаком, за исключением узкой полоски на венчике, оставленной в цвете глины. Снаружи венчик покрыт лаком, на уровне ручек — полоса в цвете глины, ниже — лаковая полоса [22, с. 170, рис. 25; 28, с. 92, рис. 60, 61; 31, с. 43, табл. 22, *1*; 35, табл. 16, *246, 253*; 43, табл. XI, рис. 71, табл. XII, рис. 73; 44, с. 115, табл. VII (внизу)] Ж. Валле и Ф. Вилляр датируют этот тип 620—580 гг до н. э. Дж. Хейес считает, что он прекращает свое существование несколько позднее [41, с. 26; 18, с. 112; см. также:

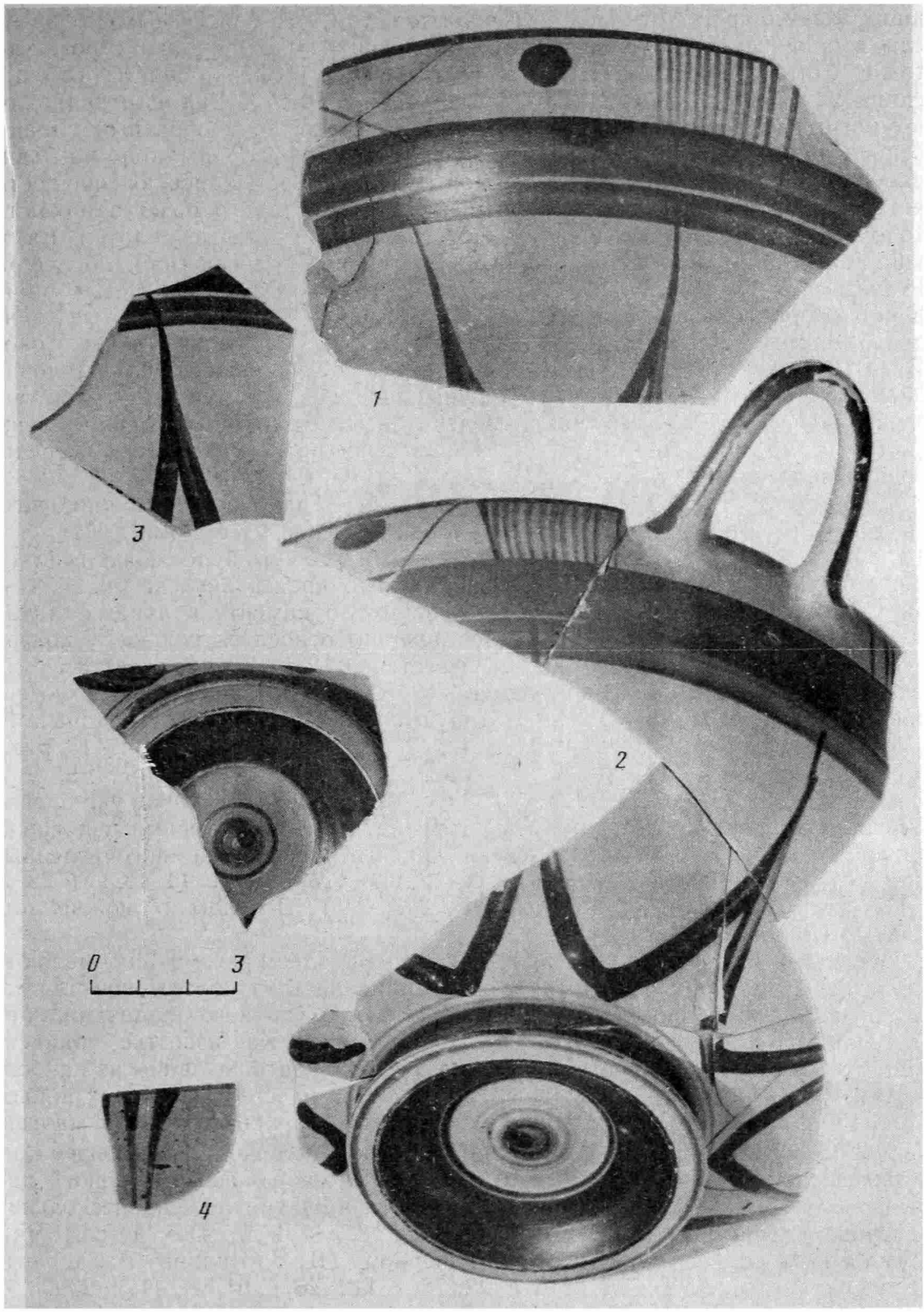


Рис. 5. Ионийские килики

Рис. 6. Ионийские килики

45, с. 138]. Местное подражание рассматриваемому типу в некоторых районах, например в Италии, могло продолжаться вплоть до середины столетия [40, с. 79]. Археологический контекст, в котором были обнаружены наши чаши, не позволяет уточнить их датировку. Но поскольку на них отсутствуют красные полоски, проведенные по лаку внутри и снаружи, что является для них характерной чертой, то можно полагать, что чаши из Кеп относятся к концу существования этого типа (начало второй четверти VI в. до н. э.). Самой многочисленной в нашей коллекции группой являются чаши А2—В2 (рис. 7, *3, 5, 6*) [11, с. 29, 30; 17, с. 170; 41, с. 18 сл.; 42, с. 30—36, 44, 52—55; 46, с. 285 сл.] Они делятся на две подгруппы. К первой (тип VIII Токры) относятся чаши, имеющие следующую орнаментацию: снаружи венчик не закрашен, кроме полоски по верхней его части, венчик отделен от тулова чаши узкой полоской лака, на уровне ручек оставлена полоса в цвете глины. Ниже вся чаша покрыта лаком. Внутри венчик закрашен, ниже находятся узкие и широкая полосы [6, табл. 43, *345*; 10, рис. 31, *757—759*; 11, табл. V, *106*; 18, с. 113, табл. 87, *1204;* 22, с. 161, рис. 6; 23, табл. 140, *6*; 27, табл. 9, *43*, табл. 10, *43*, табл. 11, 47; 42, табл. VI, *22,* табл. VIII, *27,* табл. XX, *22,* табл. XXI, *27*; 47, прил. 14, *531—533*]. Ко второй подгруппе (тип IX Токры) принадлежат чаши, имеющие снаружи такую же орнаментацию, как и предыдущие, но внутри они полностью покрыты лаком, за исключением узкой полоски в верхней части венчика (имеется большое количество аналогий, из которых мы приведем лишь некоторые [10, рис. 31, *764*; 11, табл. V, *105, 107*; 18, с. 113, 114, табл. 87, *1222, 1253, 1263,* рис. 55, *1218,* рис. 56, *1219, 1222, 1228, 1263*; 31, табл. 21, табл. 22, *3*, табл. 23, *4, 5*, табл. 45, *8, 9*; 46, табл. 96, *1402*; 48, с. 220, табл. III, рис. 9]). Чаши А2—В2 производились с конца VII в. до н. э. и до начала третьей четверти VI в. до н. э. [6, с. 22; 18, с. 113; 41, с. 29; 42, с. 32, 53; 45, с. 138] Кепские экземпляры датируются в основной своей массе второй четвертью VI в. до н. э., но некоторые из них (с глубоким вместилищем, низкой конической ножкой) могут относиться еще к первой четверти или ко времени формирования типа В2, т. е. к рубежу первой и второй четвертей VI в. до н. э. (рис. 7, *3*).

Орнаментация чаш В3 аналогична орнаментации аттических мелкофигурных киликов с незакрашенным или закрашенным снаружи венчиком [6, табл. 43, *377—379, 381,* табл. 48, *427*; 11, табл. V, *111, 112, 114*; 27, табл. 11, *45*; 35, табл. 27, *419, 420, 422*; 37, табл. 4, *59—71;* 43, табл. XII, *79,* табл. XIII, *80—85,* табл. XIV, *86—89*] На дне чаши обычно находится медальон, в центре которого поставлена точка, обведенная кружком. Тип В3 появился, по всей видимости, еще во второй четверти и продолжил свое существование в третьей четверти VI в. до н. э. [18, с. 115; 41, с. 28 сл.; 42, с. 58, 64, 65] Часть чаш этого типа из Кеп можно отнести ко времени раньше середины столетия (тип Сиана) В частности, наша чаша на рис. 7, *7* почти идентична по форме той, которую Е. Вальтер-Кариди датирует временем около 560 г до н. э. [6, с. 22, табл. 48, *427*]. Ножки таких чаш еще не получили законченной формы, характерной для мелкофигурных киликов [43, табл. XIV, *86, 88*] Фрагмент на рис. 7, *4* повторяет орнаментацию мелкофигурных киликов и должен быть датирован третьей четвертью VI в.

В данной работе исследовалась только одна категория архаической керамики — восточногреческая. Представленные образцы с достаточной полнотой отражают разнообразие типов этой посуды, полученной при раскопках в Кепах. В отношении этих типов, принадлежащих VI в. до н. э., Кепы стоят в одном ряду с другими причерноморскими колониальными центрами (Березань, Истрия, Ольвия, Пантикапей и др.). Кепский материал соответствует известному выводу о том, что ионийская керамика господствует в бассейне Черного моря и некоторых других регионах примерно до середины VI в. до н. э., а затем сменяется аттической. В советской историографии восточногреческая расписная керамика часто называлась (и называется) родосско-ионийской, поскольку считалось, что одним из главных центров ее производства был Родос [39, с. 35 сл.] Одна-

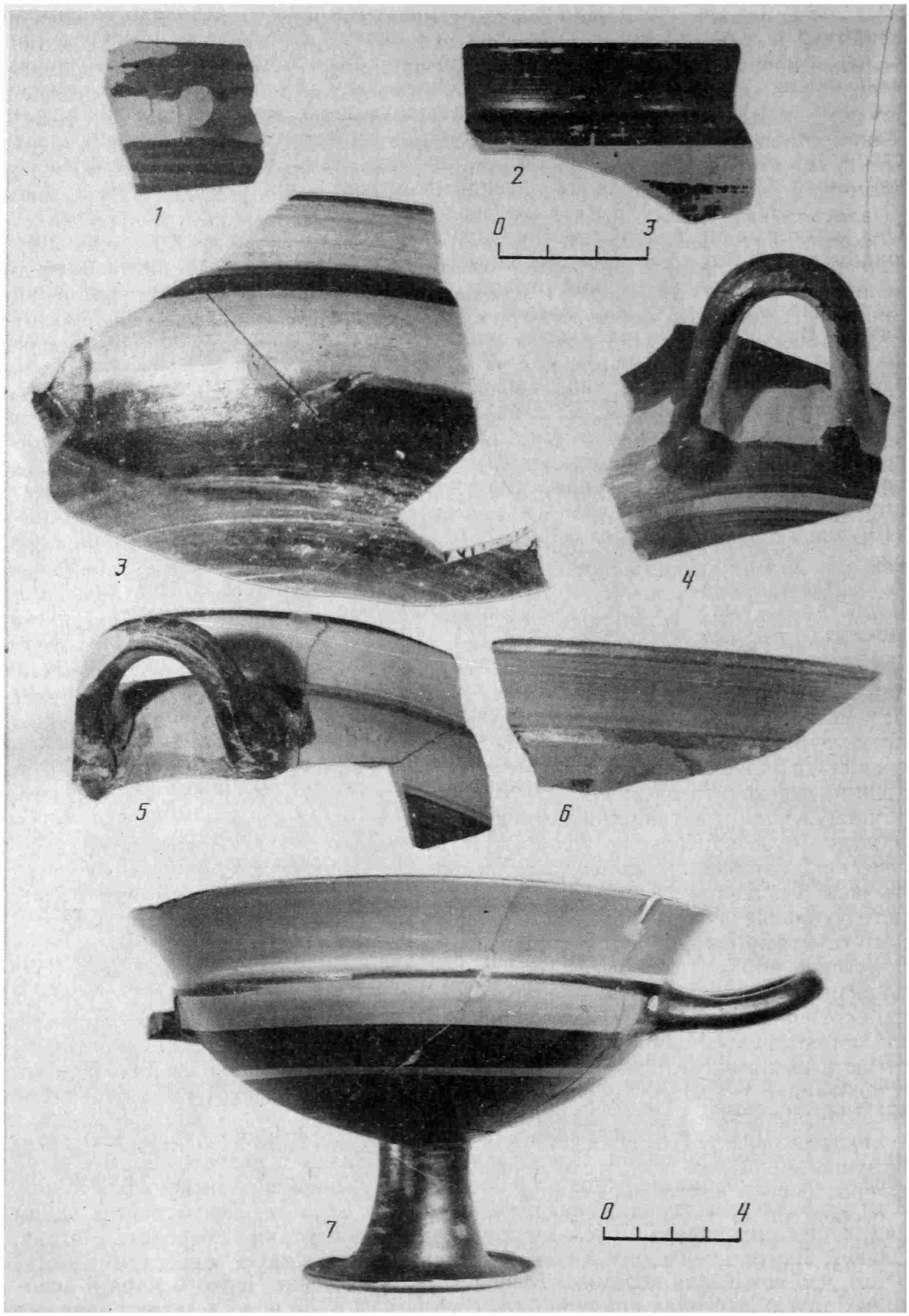


Рис. 7. Ионийские чаши

ко в последнее время становится ясным, в частности после анализов ионийской керамики в лабораторных условиях, что Родос не был сколько-нибудь значительным производителем этой посуды. Основная масса керамики, относящейся к позднему этапу стиля диких козлов, в том числе рассмотренная нами здесь, происходит из городов Северной Ионии [49, с. 39 сл.; 50, с. 290 сл.; 51, с. 54] Таким образом, мы имеем довольно любопытный факт, заключающийся в том, что в милетской апойкии среди ранних типов керамики значительное ее количество является по происхождению североионийской. Можем ли мы, основываясь на этом, делать какие-либо выводы? Например, о том, что среди милетских эмигрантов находились и выходцы из городов Северной Ионии [52, с. 32]? Или речь должна идти об утере Милетом своего лидерства в торговле среди ионийских городов [49, с. 40]? Соглашаясь с тем, что среди милетских эмигрантов, переселившихся на берега Черного моря, могли быть представители и других ионийских городов [53, с. 81 сл.], необходимо все же признать, что керамика не может быть в этом отношении достаточным аргументом, поскольку сама по себе она не в состоянии удостоверить «национальность» людей, которые ее привезли. К тому же далеко не всегда легко выделить ту часть этой керамики, которая была взята с собой первопоселенцами при отплытии с родины. Ведь в число наиболее ранней посуды могут попасть и те экземпляры, которые могли быть доставлены в апойкию спустя короткий промежуток времени, причем не обязательно — из того города, откуда вышли эмигранты.

Рассмотрение наиболее раннего археологического материала из апойкий так или иначе связано с проблемами греческой колонизации. Может ли этот материал (а речь, конечно же, идет в первую очередь о керамике, поскольку именно она не исчезает со временем в земле) помочь в их решении, в частности в ответе на такие существенные вопросы, как причины и движущие силы колонизации? Ряд исследователей положительно отвечают на эти вопросы, привлекая к анализу также палеографическую и палеодемографическую ситуации в осваиваемом эмигрантами районе [54; 55, с. 44—57, особ. с. 49] Такой подход представляется неверным. Причины выведения колоний кроются в проблемах социально-экономического, а также политического развития метрополии. Необходимо переходить от признания этого факта к непосредственному и всестороннему анализу ситуации в метрополии, а не подменять его изучением материалов, относящихся к колонизуемому району. Исследование археологических материалов, палеографической и палеодемографической ситуаций во вновь осваиваемом греками регионе может дать лишь более или менее адекватную картину обустройства переселенцев на новом месте, но не даст правильного ответа на вопрос о том, почему же они покинули родину. В самом деле, появление апойкии, например, на острове может свидетельствовать о страхе подвергнуться нападению со стороны возможного неприятеля, о чувстве самосохранения в чужой земле, но никак не о причинах, заставивших эмигрантов оставить свой родной город. То же самое относится и к вопросу о контактах с местным населением: их изучение может помочь вскрыть формы взаимоотношений с туземцами и различные следствия этих контактов, но не более того. Интерпретация археологического материала является делом чрезвычайно деликатным в силу его специфики, заключающейся, в частности, в том, что этот источник молчалив, и поэтому она (интерпретация) многовариантна. Очень важно точно и корректно ставить ему вопросы и отдавать себе отчет в том, способен ли он дать правильный ответ на тот или иной вопрос. Например, может ли керамика дать решающие аргументы все для той же проблемы причины выведения апойкии? На мой взгляд, положительный ответ на этот вопрос ведет лишь к построению чисто умозрительных гипотез.

Одной из первостепенных задач, в решении которой архаической керамике принадлежит важнейшая роль (особенно при отсутствии письменных источников), является определение времени выведения апойкии. При этом основополагающий принцип состоит в полном опубликовании наиболее ранних мате-

риалов, происходящих из раскопок. Различные типы архаической керамики, в частности ионийской, часто имеют довольно широкие хронологические пределы, в которых они существовали. Поэтому неизбежно встает вопрос о том, какую границу — верхнюю или нижнюю — существования наиболее ранней керамики необходимо принять в качестве времени появления поселения. Разные исследователи решают этот вопрос по-разному. Например, В. В. Рубан при определении даты Ягорлыцкого поселения исходит из нижней, наиболее древней границы бытования некоторых категорий керамики (в частности, хиосских амфор с белой облицовкой и ионийских чаш B1 и датирует поселение последней третью VII в. и первой половиной VI в. до н. э. [56, с. 289; 57, с. 112]. Такой подход вызывает возражения: почему нужно относить время появления Ягорлыцкого поселения к последней трети VII в., если все типы керамики, на которые опирается В. В. Рубан, продолжают существовать по крайней мере в первые 20—30 лет VI в. до н. э.? [1] С другой стороны, некоторые археологи повышают дату основания поселения, несмотря на наличие более ранней керамики, предлагая в качестве объяснения малочисленность последней. Так, С. Д. Крыжицкий и В. М. Отрешко датируют Ольвию серединой VI в. до н. э., хотя имеется некоторое количество керамики более раннего времени [9, с. 131—142; 58, с. 5 сл.]. Справедлив ли такой подход к датировке поселения, при котором элиминируется часть археологического материала под тем предлогом, что его мало? Ведь нет никаких критериев, при помощи которых можно было бы определить, какое количество керамики необходимо для того, чтобы правильно датировать появление поселения. Очевидно, что в каждом конкретном случае нужен индивидуальный подход. Тем не менее учитываться и приниматься в расчет должен весь материал. Его же малочисленность может быть вполне логично объяснена недостаточной изученностью городища, эфемерностью и плохой сохранностью самого раннего культурного слоя и, наконец, тем обстоятельством, что небольшая группа первопоселенцев вряд ли брала в такое рискованное предприятие, как выведение апойкии, большое количество столовой посуды.

В отношении Кеп проблема определения даты основания апойкии при помощи вновь полученных материалов представляется вполне разрешимой. Некоторые категории керамики дают возможность говорить о довольно узких хронологических рамках. В частности, кратеры и амфоры позднего этапа стиля диких козлов, ионийские чаши B1 и ранние B2, некоторые килики с розеттами, а также аттические килики с комастами, хиосские кубки с изображениями сфинксов и животных (они будут опубликованы в другом месте) позволяют говорить о времени появления апойкии на месте Кеп около 570 г. до н. э. [53, с. 71]

[1] Следует также отметить, что некоторые ионийские чаши идентифицированы В. В. Рубаном неверно. Так, чаши, изображенные в его статье на рис. 3, *1, 3, 5, 7, 8, 11* [57, с. 111], которые автор относит к типу A2 по Вилляру-Валле, в действительности принадлежат к типу B2 (тип VIII Токры) [18, с. 113; 41, с. 21—23]. Кстати, в другой работе В. В. Рубан аналогичные чаши относит именно к типу B2 [56, с. 288, 289, рис. 3, *1, 3*]. Соответственно должна быть изменена датировка: эта керамика относится не к рубежу VII—VI вв., а примерно ко 2-й четверти VI в. до н. э. Отсюда следует, что поселение датируется 1-й половиной века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
2. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепах в 1959 году // КСИА. 1961. Вып. 86.
3. *Сокольский Н. И.* Новые раскопки в Кепах // Actes de la XII conférence internationale d'étude classique «Eirene». Bucuresti; Amsterdam, 1975.
4. *Сокольский Н. И.* Кепы // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
5. *Николаева Э. Я.* Фрагмент архаического сосуда из Кеп // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
6. *Walter-Karydi E.* Samische Gefässe des 6. Jahrhunderts v. Chr. Samos VI, 1. Bonn, 1973.
7. *Schiernig W* Werkstätten orientalisierenden Keramik auf Rhodos. Berlin, 1957.
8. *Cook R.* Greek painted pottery. London, 1972.
9. *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
10. *Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaique et classique (VII e—IV e siècle). Histria IV. Bucureşti, 1978.
11. *Ploug G.* The aegean, corinthian and eastern greek pottery and terracottas. Sūkās II. Kobenhavn, 1973.
12. *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея // Пантикапей. МИА. 1962. № 103.
13. *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // Сообщ. ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1987. Вып. 8.
14. *Vallet G., Villard F.* La céramique archaique. Mégara Hyblaea 2. Paris, 1964.
15. *Копейкина Л. В.* Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ. 1970. № 1.
16. *Скуднова В. М.* Родосская керамика с о. Березань // СА. 1960. № 2.
17. *Hanfmann G. M. A.* On some eastern greek wares found at Tarsus // The Eagean and the Near East. Locust Valley; New York, 1956.
18. *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra, 1963—1965. The archaic deposits I. Oxford, 1966.
19. *Ghali-Kahil L.* La céramique grecque. Études Thasiennes VII. Paris, 1960.
20. *Секерская Н. М.* Архаическая керамика из Никония // Матер. по археологии Северного Причерноморья. 1976. Вып. 8.
21. *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 1956. № 50.
22. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
23. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
24. *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988.
25. *Dugas Ch.* Les vases de l'Heraion. Exploration archéologique de Délos. Fasc. X. Paris, 1928.
26. *Boehlau J.* Aus ionischen und italischen Nekropolen. Leipzig, 1898.
27. *Metzger H.* Les céramiques archaiques et classiques de l'acropole lycienne. Fouilles de Xanthos IV. Paris, 1972.
28. *Lambrino M.* Les vases archaiques d'Histria. Bucureşti, 1938.
29. *Schiarelly G. T* L'espansione di Siris tra l'Agri e il Sinni 33 Siris e l'enfluenza ionica in Occidente. Atti del ventecesimo convegno di sulla Magna Graecia. Taranto, 1981.
30. *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra, 1963—1965. The archaic deposits II. London, 1973.
31. *Villard F.* La céramique grecque de Marseille. Paris, 1960.
32. *Kinch K.* Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914.
33. *Price E.* Pottery of Naucratis // JHS. 1924. V. 44.
34. *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. МИА. 1952. № 25.
35. *Dimitriu S.* Gartierul de locuinte din zona de Vest a cetatii in epoca archaica // Histria II. Bucureşti, 1966.
36. *Boardman J.* Excavations in Chios 1952—1955. Greek Emporio. London, 1967.
37. *Walter-Karydi E.* Ostgriechisce Keramik. Alt-Agina II, 1. Mainz, 1982.
38. *Petrie F.* Naukratis. Pt. I. 1884—1885. London, 1886.
39. Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наук. думка, 1987.
40. *Isler H.-P.* Samos: la ceramica archaica // CGE, 1978.
41. *Villard G., Vallet F.* Megara Hyblaea V. Lampes du VII e siècle et chronologie des coupes ioniennes // Mélanges d'archeologie et d'histoire. 1955. V 67.
42. *Pierro E.* Ceramica «ionica» non figurata e coppe attiche a figure nere. Roma, 1984.
43. *Martelli Cristofani M.* La ceramica greco-orientali in Etruria // CGE, 1978.
44. *Lo Porto F. G.* Penetrazione greca nel retroterra metaponntino // Metaponto. Atti del tredicesimo convegno di studi suppla Magna Graecia. Napoli, 1974.
45. *Johanowsky W.* Importaziono greco-orientali in Campania // CGE.
46. Excavations at Gözlükule, Tarsus / Ed. H. Goldman. V III. Princeton, 1963.
47. *Isler H.-P.* Das archaische Nordtor und seine Umgebung im Heraion von Samos. Samos IV. Bonn, 1978.
48. *Visentini F. B.* Le ceramiche decorate di importazione greco-orlentale di Gravisca // CGE, 1978.
49. *Dupont P.* Glassification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaiques d'Istors. Rapport préliminaire // Dacia. 1983. V 27.

50. *Dupont P.* Une approche en laboratoire des problèmes de la céramique de Grèce de l'Est // CGE, 1978.
51. *Alexandrescu P.* La céramique de Grèce de l'Est dans les cités pontiques // CGE, 1978.
52. *Копейкина Л. В.* Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 1986. Вып. 27.
53. *Kochelenko G., Kouznetsov V.* La colonisation grecque du Bosphore Cimmérien // Le Pont-Euxin vu lar les Grecs. Sources écrites et archéologie. Paris, 1990.
54. *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
55. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. М.: Наука, 1985.
56. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. 1983. № 1.
57. *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
58. *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев: Наук. думка, 1986.

Институт археологии
АН СССР, Москва

V. D. KUZNETSOV

KEPOI: THE IONIAN POTTERY

Summary

The article is devoted to the Ionian painted pottery from Kepoi, a classic fortified settlement situated on the eastern bank of Taman gulf. The main part of archaic pottery was found in pits of domestic character sunked in the sandy virgin soil. Hundreds of sherds include different types of vessels: amphorae, oinochoai, kraters, plates, bowls, cups. As a whole the pottery should be dated to the secon quarter of the 6th century B. C., so the period of foundation of the apoikia is dated to ca. 570 B. C.

К. А. СМИРНОВ

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ГОРОДЕЦКОЙ И ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУР С НАСЕЛЕНИЕМ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ

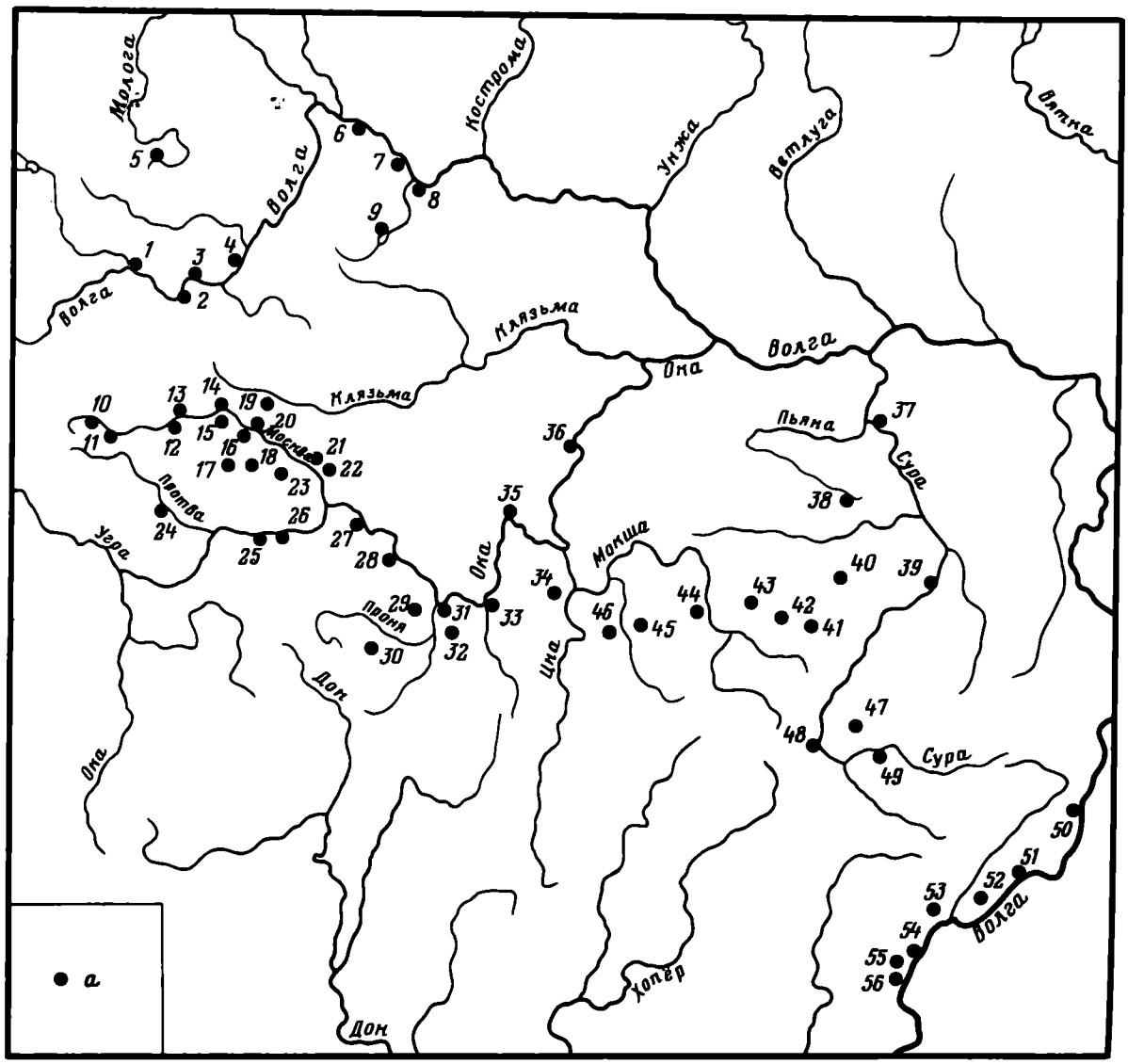
Проблема экономических и культурных связей между различными группами населения в древности относится к числу важнейших в истории и археологии. Поэтому понятен интерес к контактам финно-угорских племен с населением степи и лесостепи.

В продолжение ряда лет исследователи решали этот вопрос по-разному. Довольно широко было распространено мнение, что финно-угорские народы, населявшие лесную полосу Восточной Европы в I тыс. до н. э., были изолированы от своих южных соседей. Это в первую очередь касалось племен дьяковской и городецкой культур, так как при изучении памятников ананьинской культуры были найдены вещи южного происхождения. Сторонники этой концепции, которая излагалась главным образом в докладах, считали, что жители лесов имели низкий культурный уровень, бедную и примитивную материальную культуру. Хотя в процессе полевых исследований накапливался материал, свидетельствующий об ошибочности этой концепции, она пользовалась признанием до недавнего времени. Другая концепция была сформулирована В. А. Городцовым, который каждое явление рассматривал на широком историческом фоне и стремился выявить экономические и культурные связи. Еще в самом начале столетия он писал, что жители степей были знакомы с культурными и техническими достижениями своего времени и имели постоянные контакты с жителями лесной полосы начиная с эпохи бронзы, хотя леса и затрудняли эти связи, способствовали некоторому культурному отставанию [1, с. 251, 371, 372, 384] Несколько позднее, при публикации материалов Старшего Каширского городища, В. А. Городцов для ряда находок указал параллели в скифских древностях и использовал их при датировании [2, с. 24]. По мнению Б. Н. Гракова, после этого значение скифо-сарматского инвентаря как основного датирующего материала для лесных городищ эпохи раннего железа стало очевидным [3, с. 140]. В настоящее время в процессе исследования накоплен обширный материал, свидетельствующий о том, что финно-угорские племена лесной полосы Восточной Европы в I тыс. до н. э. были тесно связаны со своими южными соседями. Наличие торговых связей между причерноморскими портовыми городами и населением лесной полосы отмечал Б. Н. Граков [4, с. 12]

Письменные источники середины I тыс. до н. э. ничего не сообщают о населении лесной полосы. Исключением является «История» Геродота, который сообщал о народах, живущих в лесах и занимающихся охотой. Среди них упомянуты фиссагеты и йирки, описание которых, сделанное Геродотом, может быть сопоставлено с дьяковской культурой [5, с. 40] Факт, что Геродот упоминает эти народы, свидетельствует о том, что в греческих городах Северного Причерноморья, где он собирал информацию для своей криги, знали о населении лесной полосы (рисунок).

О связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи свидетельствуют многочисленные находки, относящиеся ко времени появления городищ. Если сопоставить количество предметов южного происхождения, найденных на памятниках ананьинской культуры, с находками с дьяковских и

© К. А. Смирнов, 1991 г.



Распространение южных предметов в памятниках Волго-Окского междуречья. *1* — находки в г. Твери; *2* — городище Топорок; *3* — Корчевское городище; *4* — городище Графская Гора; *5* — находки у д. Загородье; *6* — городище Березняки; *7* — Попадьинское селище; *8* — находки у д. Угодичи; *9* — находка в Ростове Великом; *10* — Троицкое городище; *11* — Бородинское городище; *12* — Бушаринское городище; *13* — Успенское городище; *14* — Дьяково городище; *15* — Сетуньское городище; *16* — Барвихинское городище; *17* — Щербинское городище; *18* — городище Кузнечики; *19* — городище Соколовая Гора; *20* — городище Круглица; *21* — Боршевское городище; *22* — Селецкое городище; *23* — находка у д. Заборье; *24* — Огубское городище; *25* — Мутенковское городище; *26* — Старшее Каширское городище; *27* — Полецкое городище; *28* — городище Старая Рязань; *29* — Троице-Пеленицкое городище; *30* — находки у г. Ряжска; *31* — Льговское городище; *32* — Карцевское городище; *33* — городище Вышгород; *34* — городище Мокшан; *35* — Городецкое городище; *36* — находки у г. Мурома; *37* — городище Пичке-Сарче; *38* — Андреевский курган; *39* — городище Ош-панда; *40* — находки у д. Мордовские Карагужи; *41* — находка у д. Кулишейка; *42* — находка у д. Шильниково; *43* — находка у д. Старые Печеуры; *44* — находка у д. Лебежайки; *45* — находки у г. Маршанска; *46* — Карагашинское городище; *47* — находка у д. Городище; *48* — находка у г. Пензы; *49* — находка у д. Верхозим; *50* — Березняковское городище; *51* — находки у г. Вольска; *52* — Чердымское городище; *53* — Танавское городище; *54* — находки у д. Средняя Липовка; *55* — находка у д. Хмелевка; *56* — Алексеевское городище

городецких памятников, то их большее количество будет очевидно. Можно ли на основании этого сделать вывод о большой интенсивности связей ананьинских племен со степью? По-видимому, нет. Различие в количестве находок обусловлено характером памятников.

Ананьинская культура представлена как поселениями, так и могильниками,

из которых происходит основная масса находок. Дьяковская культура представлена только материалами поселений, а городецкая — в основном поселениями и только на поздней стадии — частично материалами могильников. Богатейшие могильники ананьинской культуры дали по сравнению с городищами огромное количество находок. Если сравнивать только материал городищ, исключая могильники, то он будет примерно одинаков с поселениями ананьинской, дьяковской и городецкой культур, что, по-видимому, свидетельствует об одинаковой интенсивности контактов с населением степей.

Как было отмечено выше, начало изучению экономических и культурных связей племен дьяковской культуры с населением степи положил В. А. Городцов. При исследовании Старшего Каширского городища среди находок были скифские синие глазчатые бусы. В. А. Городцов определил их культурную принадлежность и датировал IV в. до н. э. [2, с. 45]. В. Г Петренко омечала, что такие бусы встречаются в скифских погребениях V—III вв. до н. э. [6, с. 33]. Они позднее были найдены на городищах Щербинское, Круглица и Боршево.

Среди костяных наконечников стрел, найденных на Старшем Каширском городище, В. А. Городцов выделил два типа: однокрылые и шпорцовые, которые он рассматривал как подражания бронзовым скифским оригиналам [2, с. 24] Он же описал клад, найденный в 1830 г. в Московской обл., у д. Заборье, включавший несколько наконечников скифских бронзовых стрел и кельт киммерийского типа [2, с. 25]. К сожалению, клад не сохранился. Наконечники стрел указанных типов являются подражанием скифским бронзовым образцам и датируются тем же временем — VII—V вв. до н. э. [2, с. 23, 25] или VII—VI вв. до н. э. [7, с. 18]. По мнению Б. Н. Гракова, аналогия и ее дата указаны правильно [8, с. 4]. Надо отметить, что шип на конце черешка костяных наконечников шпорцовых стрел, несомненно, копирует скифские бронзовые образцы и копирует неудачно, так как при изготовлении шипа кость приходилось резать поперек волокна, и поэтому он получался хрупким.

Шпорцовые костяные наконечники стрел пока были найдены лишь на двух городищах: на Старшем Каширском и Сетуньском.

Однокрылые костяные наконечники стрел найдены на городищах Старшее Каширское, Кузнечики, Щербинское, Графская Гора, Круглица, Боршево, Мутенковское, Городецкое.

Вероятно, подражанием бронзовым скифским образцам является костяной наконечник стрелы с трехгранным пером и уплощенным черешком. При переходе от пера к черешку имеются шипы. Такие стрелы были найдены на городищах Троицкое и Вышегородское [9, табл. 11, *5—8*]. Аналогичный наконечник известен среди находок с памятников ананьинской культуры [10, с. 52]. А. В. Збруева рассматривала его как подражание скифским трехгранным, которые датируются в пределах VII—III вв. до н. э. [11, табл. 8, 9].

Надо отметить железные наконечники стрел с ланцетовидным пером и двумя шипами на черешке (в виде «ласточкина хвоста»), найденные по 1 экз. на городищах Топорок, Селецкое, Кузнечики. Судя по аналогиям в скифских и сарматских памятниках, их следует датировать IV—III вв. до н. э. [11, табл. 9; 12, табл. 17]. Под влиянием этих наконечников изготовлялись аналогичные из кости. Они найдены на городищах Троицкое, Щербинское, Кузнечики, Борщевское и Селецкое. Судя по условиям нахождения они одновременны железным.

Говоря о наконечниках стрел, надо упомянуть спекшийся комок из 12 наконечников, найденный в предматериковом слое Троицкого городища. Их форма была сильно искажена коррозией, однако можно было определить, что они близки к наконечникам с памятников Среднего Дона. По составу металла они резко отличаются от прочих вещей с городищ и находят аналогии в скифских памятниках. Х. И. Крис на основании их формы и состава металла пришла к выводу, что их следует рассматривать как свидетельство связей с населением Среднего Дона в IV—III вв. до н. э. [13, с. 160, 161]

Несомненно, с сарматским влиянием связаны железные трехлопастные че-

решковые наконечники стрел, имеющие аналогии в памятниках IV—II вв. до н. э. [14, с. 142; 15 табл. 13]. Один такой наконечник был найден на Троицком городище и восемь — на городище Пичке-Сарче [16, с. 180, 181]. Н. В. Трубникова связывала со скифским влиянием костяной трехгранный наконечник стрелы с Алексеевского городища [17, с. 128]. Два бронзовых втульчатых наконечника стрел скифских типов VI—V вв. до н. э. были найдены на Карагашинском городище [3, с. 147]

В южной части рассматриваемого ареала известна серия находок, точное местонахождение которых неизвестно. Среди них надо назвать бронзовую литую рукоять меча с сохранившимся обломком железного клинка, найденную в окрестностях Мурома. По мнению Б. Н. Гракова, он должен быть датирован едва ли позднее середины IV в. до н. э. [3, с. 147]. К V в. до н. э. должен быть отнесен скифский кинжал, найденный в г. Вольске [17, с. 123]. В. И. Гуляев отмечает находку скифского меча VI в. до н. э. у с. Средняя Липовка и двух мечей из Пензенской обл. [18, с. 262]. Один из них интересен тем, что бронзовое навершие у него сочетается с железной рукоятью и клинком. По форме он близок скифским образцам VI—IV вв. до н. э. Однако сочетание бронзы и железа — явление для скифского мира редкое. По мнению В. И. Гуляева, этот меч происходит из Прикамья и может быть датирован в пределах VI—IV вв. до н. э.

Близ г. Аткарска, в с. Озерки, были найдены железные копье и меч, относящиеся к V—IV вв. до н. э. [19, с. 261]

Среди других предметов надо отметить скифский котел, хранящийся в Маршанском музее [20, с. 84] Аналогичный котел находится в Муромском музее. С южным влиянием следует связывать железные и роговые пряжки некоторых типов. Среди них застежки, изготовленные из круглого в сечении железного дрота со спиральными концами, лежащими в той же плоскости, что и кольцо. Они были найдены на городищах Троицкое, Щербинское и Соколовая Гора. Аналогичные застежки известны на скифских памятниках. Их неоднократно находили на Каменском городище на Днепре, где они датируются IV—III вв. до н. э. [21, с. 87] Находки аналогичных предметов из Частых Курганов (I и II) датированы С. Н. Замятниным второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э. [22, с. 16, 41]. Пряжка из кург. 8 у Калиновки была найдена в погребении, датируемом IV—II вв. до н. э. [23, с. 427]

Многие исследователи связывают с сарматским влиянием роговые однопрорезные пряжки с неподвижным язычком. Самая большая их серия происходит с Троицкого городища — семь целых пряжек и обломки. Кроме того, один обломок был найден на Старшем Каширском городище и один — на Мутенковском. Исследователи датируют эти пряжки по аналогиям в сарматских памятниках. Действительно, там широко распространены пряжки аналогичной схемы с одним отверстием и неподвижным язычком, но в отличие от пряжек с памятников лесной полосы они, как правило, изготовлены из бронзы или железа. Датируются такие пряжки III—I вв. до н. э. [24, с. 297]. Аналогичная роговая пряжка с одним прорезом и неподвижным язычком была найдена в кургане у с. Усатово. М. Г Мошкова датировала погребение III—II вв. до н. э. [25, табл. 25].

Из украшений надо отметить найденную на Старшем Каширском городище бронзовую булавку с биконической головкой. В скифских памятниках аналогичные булавки встречаются в период VI—III вв. до н. э. [26, с. 15] Несомненно, со скифским влиянием надо связывать серьги, имеющие умбоновидный конический щиток, с обратной стороны которого припаян стержень для петли. Они были найдены всего 2 раза — на городищах Щербинское и Боршевское [27, с. 78]. Аналогичные украшения в скифских памятниках встречаются в комплексах VI—III вв. до н. э. [26, с. 27]

Совершенно особое место при изучении связей древнего населения лесной полосы со скифо-сарматским миром занимают предметы звериного стиля. Хотя первые костяные изображения животных были обнаружены при раскопках Дьякова городища и опубликованы В. И. Сизовым [28, с. 257, 260], должное вни-

мание им уделил только В. А. Городцов. Описывая материалы Старшего Каширского городища, он отметил уникальный характер рукояти фигурного типа. Он писал, что сохранилось ее самая характерная часть, «вырезанная в форме головы хищного зверя, может быть медведя, с глазами, выраженными вбитыми железными гвоздиками. Голова моделирована схематично, но в общем недурно» [2, с. 30]. Эта находка много раз привлекала к себе внимание исследователей. А. П. Смирнов на основании трактовки ушей и общей композиции рассматривал этот предмет как результат влияния скифского звериного стиля на искусство населения лесной полосы [29, с. 54] В. И. Гуляев, проанализировав изображение, пришел к выводу, что оно изготовлено под влиянием не скифского, а камско-уральского звериного стиля, в котором образ медведя был широко распространен. Он отметил, что трактовка глаз животного вставками — прием, не известный пока ни в скифском, ни в камско-уральском искусстве. На основании аналогий В. И. Гуляев датировал рукоять V в. до н. э. [30, с. 101—103] И. Г Розенфельдт обратила внимание на конструктивные особенности рукоятки: в ней имелся сквозной продольный паз, рассчитанный на зажим пластины, и сохранилось отверстие для заклепки. На основании этого она рассматривала вещь или как подражание скифским образцам, или как предмет импорта. По ее мнению, изображенное животное — медведь [31, с. 93, 95] Несомненно, вывод И. Г Розенфельдт верен, так как аналогичные по устройству рукояти встречаются в скифских памятниках [32, с. 71, табл. 16], а в лесной полосе они не известны. По-видимому, рукоять была изготовлена под сильным влиянием скифских образцов, но на Оке, так как трактовка глаз животного при помощи гвоздиков — прием, совершенно не известный в скифском искусстве.

На городище Боршево было найдено два предмета, выполненные в зверином стиле: костяной футляр для наконечника копья в виде припавшего к земле зверя и колчанный крюк. Проанализировав футляр, Х. И. Крис пришла к выводу, что он был изготовлен на Среднем Дону и датируется IV—III вв. до н. э. По ее мнению, как футляр, так и колчанный крюк свидетельствуют о связях обитателей городищ со скифским населением Среднего Дона [33, с. 177] С этим выводом нельзя не согласиться.

Роговой наконечник с Дьякова городища, по-видимому изображение кабана, Х. И. Крис связывает с савроматским влиянием [33, с. 187] По мнению А. П. Смирнова, костяной кочедыг из коллекции Н. А. Самгина, имеющий навершие в виде фигурки животного, может быть сопоставлен с памятниками скифского звериного стиля. Орудие было найдено на одном из городищ, но точное место находки неизвестно. Исследователь отметил, что «искусство скифов и племен лесной зоны Восточной Европы тесно связаны между собой» [34, с. 169]

Говоря о связях обитателей лесов со степью, надо упомянуть детали конской узды. К числу наиболее ранних находок надо отнести псалии, найденные на городищах Графская Гора [35, с. 182], Корчевское [36, с. 136] и на Старшем Каширском [37, с. 242]. Все они относятся к раннему периоду жизни городищ, к VII—V вв. до н. э. Это — эпоха начала верховой езды, освоения коня под седло. По-видимому, эти процессы в лесной полосе Восточной Европы и в степи были связаны. К. Ф. Смирнов отмечал, что коневодство и связанная с ним верховая езда появились у населения Поволжья и Казахстана не позже середины II тыс. до н. э. В этот период применялись мягкие удила, сделанные из ремней или сухожилий. Они просуществовали до VIII—VII вв. до н. э. [38, с. 46]. Вероятно, процессы начала верховой езды в лесной полосе и степях были связаны, хотя в лесу это происходило несколько позднее. Кроме псалиев раннего типа есть несколько находок, которые или были завезены из степи, или изготовлены местными мастерами по южным образцам. К их числу относится костяной трехдырчатый псалий, найденный на городище Ошпанда [9, табл. 13, *4*]. По мнению Б. Н. Гракова, он относится к первой половине VI в. до н. э. [3, с. 147] Он же упоминал находки железных скифских удил на городецких

памятниках. Бронзовые стремевидные удила, относящиеся к VII—VI вв. до н. э., были найдены у сел Лебежайка и Мордовские Карагужи [39, с. 117].

Надо отметить находку бронзового литого шлема у с. Старые Печеуры. В. И. Гуляев, так же как и его предшественники, считает его меотским и датирует VI в. до н. э. [39, с. 117]. К. Ф. Смирнов относил шлем к числу вещей савроматского происхождения [40, с. 144, рис. 42, *4*]

Надо отметить найденное у с. Хмелевка на окраине Саратова бронзовое зеркало с вертикальной ручкой в виде двух столбиков, накрытых сверху плоской бляшкой. Судя по аналогиям в скифском мире, оно должно быть отнесено к VI—V вв. до н. э. [39, с. 117]

В. А. Городцов отмечал, что в Ростове Великом на оз. Неро была найдена золотая монета Филиппа Македонского. Он рассматривал ее как свидетельство деловых отношений жителей этого района с культурными странами того времени [1, с. 384] Не беря под сомнение правильность выводов В. А. Городцова, надо отметить, что условия нахождения монеты в культурном слое неизвестны. Нельзя исключать, что она попала на оз. Неро значительно позднее.

А. П. Смирнов отмечал, что на городецких городищах Саратовского Поволжья встречается керамика, известная у скифов и сармат. Он высказал предположение, что они могли быть посредниками в торговле между античными городами Северного Причерноморья и жителями лесов [29, с. 47] Н. В. Трубникова писала, что такая посуда известна на городищах Вольское, Березняковское, Карцевское, Льговское, Алексеевское, Чардымское, Танавское [17, с. 125].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в период с VII—VI вв. до н. э. до времени около рубежа нашей эры племена городецкой и дьяковской культур имели тесные контакты с соседями, жившими в степи и лесостепи. В. И. Гуляев отмечал, что главную роль в жизни городецких племен играли непосредственные контакты со «скифским» населением Среднего Дона и савроматами [39, с. 120] Несомненно, совершенные для своего времени формы скифского и савроматского оружия и конского убора служили образцами для местных мастеров. Трудно сказать, чем обусловлено то, что на территории городецкой культуры известно несколько скифских мечей и кинжалов, а на памятниках дьяковской культуры, несмотря на большие раскопки, они пока не найдены. Возможно, это следует объяснить близостью городецких племен к степи.

Большую роль контактов с населением Среднего Дона для племен дьяковской культуры отмечала Х. И. Крис [33, с. 179, 180]. По-видимому, торговой магистралью была Ока, верховья которой были расположены близко от верховьев Дона. В связи с этим большой интерес представляет Сатинское городище на р. Упа, исследованное С. А. Изюмовой [41, с. 122]. При раскопках там было найдено 83 бронзовых предмета, среди которых — вещи, имеющие параллели в скифских памятниках VI—III вв. до н. э. Надо отметить наконечники стрел трехлопастные и двухлопастные с шипом на втулке (шпорцовые), а также булавки с биконической головкой, встречающиеся в скифских комплексах VI—III вв. до н. э.

По мнению Х. И. Крис, наиболее оживленные связи дьяковских племен с населением Среднего Дона относятся к периоду V—III вв. до н. э. Для этого периода они являются основными. После III в. до н. э. эти связи нарушаются и сменяются контактами с обитателями лесной полосы, в частности ананьинскими племенами [33, с. 180]. Эти изменения Х. И. Крис связывает с движением сармат на запад.

Вывод Х. И. Крис относительно значения экономических и культурных связей населения дьяковских городищ с обитателями Среднего Дона не может вызывать сомнения. Однако, безусловно, наряду с ними существовали контакты с племенами лесной полосы, в частности с ананьинскими. Нельзя также говорить, что после III в. до н. э. прерываются экономические и культурные связи лесных племен с южными соседями. Многочисленные находки свидетельствуют о том, что около рубежа и в первые века нашей эры эти связи были весьма интен-

сивными. Среди находок, свидетельствующих об этих контактах, надо отметить железные плоские двушипные наконечники стрел, которые сопоставляются со стрелами из римских лагерей Дунайского лимеса I—III вв. [42, с. 33]. Они были найдены на городищах Троицкое, Щербинское, Кузнечики, Дьяково, Березняки, Огубское, Успенское, Барвихинское, Бородинское, Полецкое, в Андреевском кургане, на Попадьинском селище.

Особого упоминания заслуживают бронзовые фибулы типа «Avcissa», одна из которых была найдена на Троицком городище [43, с. 32] и четыре — в Андреевском кургане [44, с. 222, 223]. Фибулы этого типа были датированы М. И. Ростовцевым I в. н. э. [45, с. 22—24]. По мнению А. К. Амброза, к населению лесной и лесостепной полосы они поступали в перой половине I в. н. э. из причерноморских городов [46, с. 190].

В Андреевском кургане была найдена бронзовая полусферическая чаша, изготовленная, по-видимому, в одном из городов Южной Италии и датируемая рубежом или началом нашей эры [47, с. 194]. Чаша ремонтировалась, что позволяет предположить, что она длительное время была в употреблении.

Особую группу находок составляют монеты. В. А. Городцов отмечал, что на Троице-Пеленицком городище была найдена боспорская монета 276 г. [48, с. 3] Необходимо отметить, что монета была найдена не при раскопках, а крестьянином и у него приобретена исследователем. В ряде мест были найдены римские монеты; не всегда эти находки связаны с конкретными памятниками. Три римские монеты найдены на территории г. Твери [49, с. 44] На городище у с. Загородье на р. Молога была найдена одна монета [49, с. 44] По-видимому, это наиболее северные находки на территории дьяковских и городецких племен. Монеты, найденные на территории Ленинградской обл., вероятно, следует связывать с вещами, проникавшими сюда с запада, с побережья Балтийского моря.

Известна монета, найденная у с. Угодичи Ростовского р-на Ярославской обл. [49, с. 48]. На Бушаринском городище на р. Сетунь при раскопках была найдена римская монета [49, с. 45]. Известны находки античных монет у с. Верхозим на р. Сура [49, с. 45], у сел Городище и Мокшан Пензенской обл. [49, с. 46], а также в Рязанской обл., у г. Ряжска и на городище Старая Рязань [49, с. 46]. На территории Мордовской АССР клад римских монет был найден у д. Шильниково Саранского р-на и несколько монет — у д. Кулишейка Рузаевского р-на [49, с. 48].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что финно-угорские племена, населявшие лесную полосу Восточной Европы, никогда не были изолированы от населения степей. Эти связи отчетливо прослеживаются начиная с VII—VI вв. до н. э.— времени появления городищ и сохраняются в I тыс. н. э. По-видимому, связи в значительной степени осуществлялись по рекам, среди которых главную роль играла Ока, а также ее притоки. Именно по Оке и Москве-реке жители Среднего Дона могли добраться до дьяковских городищ. Большое значение этих связей отмечала Х. И. Крис [33, с. 180].

Говоря о товарах, которые вывозились из лесов, В. И. Гуляев называет золото и пушнину [39, с. 120]. Огромная роль пушнины в торговле лесных племен несомненна. В. И. Цалкин писал, что «охота за пушными зверями была для населения дьяковских и верхнеокских городищ важным источником меновых ценностей» [50, с. 65]. Однако можно предположить, что пушнина была не единственным товаром лесных племен. Наряду с ней могли вывозить мед, деготь, воск и другие продукты. Вероятно, скифские купцы очень хотели в обмен на свои товары получить золото. Но судя по материалу, золото в рассматриваемом регионе не было известно. Судя по находкам, связи городецких племен со степным населением были более интенсивные, чем у дьяковских. Несомненно, прав В. И. Гуляев, отмечавший, что скифское и савроматское оружие и конское снаряжение, весьма совершенные для своего времени, служили для местных мастеров образцами при изготовлении собственных изделий [39, с. 120].

Как отмечалось выше, Х. И. Крис, рассмотрев предметы звериного стиля и

другие материалы, пришла к выводу, что наиболее интенсивные культурные и экономические связи дьяковских племен с населением степи имели место в V—III вв. до н. э. В III в. до н. э., по ее мнению, они теряют свое значение, и решающую роль приобретают культурные связи с населением лесной полосы, в частности с ананьинскими племенами. Эту переориентацию она связывает с движением сарматских племен на запад [33, с. 180].

По моему мнению, рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что экономические и культурные связи племен дьяковской и городецкой культур с населением степи имели место на протяжении всего периода со второй четверти I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Несомненно, исторические процессы, протекавшие в степях, влияли на лесное население. Но при этом связи не прерывались и, по-видимому, не могли прерываться. Лесное население не было изолировано, оно участвовало в общем историческом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910.
2. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище // ИГАМК. 1933. Вып. 85.
3. *Граков Б. Н.* Бронзовая рукоять меча из-под Мурома // СА. 1961. № 4.
4. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
5. *Смирнов К. А.* Геродот о населении Волго-Окского междуречья // СА. 1987. № 4.
6. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д 1—3.
7. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
8. *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей на европейской части территории СССР // СА. 1958. № 4.
9. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура // САИ. 1965. Вып. Д 1—14.
10. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
11. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
12. *Мошкова М. Г* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1—10.
13. *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970.
14. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
15. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д 1—9.
16. *Трубникова Н. В.* Раскопки городища Пичке Сарче в Чувашии. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары, 1964.
17. *Трубникова Н. В.* Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV
18. *Гуляев В. И.* Мечи скифского типа с территории городецкой культуры // СА. 1961. № 4.
19. *Максимов Е. К.* Меч и копье из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1.
20. *Трубникова Н. В.* Племена городецкой культуры. Археологический сборник // Труды ГИМ. 1953.
21. *Граков Б. Н.* Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
22. *Замятин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. 1946. VIII.
23. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
24. *Мошкова М. Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78.
25. *Мошкова М. Г* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1—10.
26. *Петренко В. Г* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д 4—5.
27. *Крис Х. И., Чернай И. Л.* Городища дьякова типа Боршево и Селецкое // КСИА. 1980. № 162.
28. *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы // Труды IX АС. 1897. Т. II.
29. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.
30. *Гуляев В. И.* Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища // КСИА. 1963. Вып. 94.
31. *Розенфельдт И. Г* Итоги раскопок Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112.
32. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д 1—31.
33. *Крис Х. И.* Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. 1981. № 1.
34. *Смирнов А. П.* Новые памятники дьяковской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. XVI.
35. *Смирнов К. А.* Роговой псалий с городища «Графская Гора» // СА. 1972. № 2.
36. *Смирнов К. А.* Находки с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
37. *Смирнов К. А.* Костяной псалий со Старшего Каширского городища // СА. 1988. № 2.
38. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. 1961. № 1.

39. *Гуляев В. И.* К вопросу о связях городецких племен с югом в VII—IV вв. до н. э. // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
40. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
41. *Изюмова С. А.* О бронзовом производстве Сатинского городища // СА. 1967 № 1.
42. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
43. *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище. Древнее поселение в Подмосковье // МИА. 1970. № 156.
44. *Степанов П. Д.* Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
45. *Ростовцев М. И.* Бронзовые фибулы с надписями из Донской области // ИАК. 1918. Вып. 65.
46. *Амброз А. К.* Фибулы зарубинецкой культуры // МИА. 1959. № 70.
47. *Шилов В. П.* Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. 1972. № 2.
48. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 году. Рязань, 1930.
49. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г 4—4.
50. *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М.: Наука, 1962.

Институт археологии АН СССР,
Москва

K. A. SMIRNOV

ON THE CONNECTIONS OF GORODETS AND DYAKOVO CULTURES WITH THE INHABITANTS OF STEPPE AND FOREST—STEPPE

Summary

The questions of economic and cultural contacts between different groups of ancient population are of great importance in history and archaeology. Consequently the links of ancient finno-ugrians with the inhabitants of steppe and forest-steppe is of much interest. There existed the opinion about isolated and low-levelled culture of the forest tribes in Estern Europe. Some scholars, on the contrary, declared them to be familiar with cultural and technical achievements of the time thanks to their constant contacts with the steppe. The archaeological materials of Gorodets and Dyakovo cultures demonstate their close contacts with the southern neighbours. The period of the most intensive connections should be dated as early as the 7th and the 6th centuries B. C. The finds testifying them are iron arrowheads and their bone imitations, Scythian swords and daggers in the territory of Gorodets culture, ornaments, buckles, coins. The artefacts made in aimal style form a specific group which should be interpreted as a result of Scythian influence. These materials support the opinion about the constant economic and cultural connections between the forest tribes (Gorodets and Dyakovo cultures in particular) and steppe inhabitants.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЗИАТСКИХ РУНИЧЕСКИХ АЛФАВИТОВ

С момента открытия в XVIII в. самобытной алфавитной письменности, бытовавшей в раннем средневековье в зоне Великого пояса степей — от Южной Европы до Южной Сибири, давно выяснилось, что название рунической было присвоено ей ошибочно. Ничего общего, кроме весьма поверхностного внешнего сходства, с германскими рунами она не имеет. Однако не соответствующее истине наименование стало давно привычным, и отказаться от него не так просто, да и не столь уж важно. Значительно важнее отказаться от другого безосновательного представления об этих южных рунических надписях — от восприятия их как памятников единой письменности. Сравнительно-типологический анализ облика письменных знаков лишает убедительности даже разделение этих текстов на так называемую восточноевропейскую и центральноазиатскую рунику (ВЕР и ЦАР). Знаменитые надписи сосудов Надь-Сент-Миклоша и примыкающие к ним строки палочки Сарваша представляют тисскую рунической письменность, занимавшую среди известных материалов палеографически обособленное положение. В сходной позиции пребывают и тайнописи Мурфатлара. Надписи Юго-Восточной Европы были начертаны на донском и кубанском алфавитах, составляющих единую группу с тремя другими руническими азбуками: ачикташской, исфаринской (выделяемой пока условно) и южноенисейской, распространенными в Средней Азии и Южной Сибири. В соответствии с ареалом эту группу из пяти алфавитов следует именовать евроазиатской (рис. 1). Ставшие классическими памятники древнетюркской рунической письменности представляют собой три самостоятельных алфавита, составляющих азиатскую группу. Ныне же концепцию множественности рунических алфавитов [1—5] необходимо дополнить анализом надписей именно этой группы.

В 1895 г. палеографический анализ азиатских памятников рунического письма привел акад. В. В. Радлова к выводу о существовании и независимом развитии двух алфавитов: енисейского и орхонского [6, с. 301]. Позднее к этому положению добавились представления о былом наличии третьей рунической азбуки — талассой, яснее всего выраженные С. Е. Маловым уже при первых его прочтениях этих памятников в 1929 г. [7, с. 800, ср.: 8, с. 57].

Анализ различий этих трех алфавитов привлекал внимание в большей степени историков, чем языковедов. Эпиграфисты стремились исследовать состав рунических знаков главным образом в двух направлениях: выясняли и уточняли их фонетическое значение, а также пытались установить происхождения рунической письменности. Сравнительно-палеографическое изучение письмен не только не занимало большого места в рунологических работах, но было, пожалуй, направлено на обоснование незначительности расхождений таласских, енисейских и орхонских памятников (см., например, [9, с. 125]). С одной стороны, это, вероятно, было вызвано влиянием сугубо лингвистического взгляда на рунические памятники Азии как на памятники, близкие или единые в языковом отношении, с другой — воздействием исторических схем, недостаточно учитывающих конкретно-исторические различия в богатых процессах развития местных раннесредневековых обществ. Так или иначе, но наиболее серьезную аргу-

© И. Л. Кызласов, 1991 г.

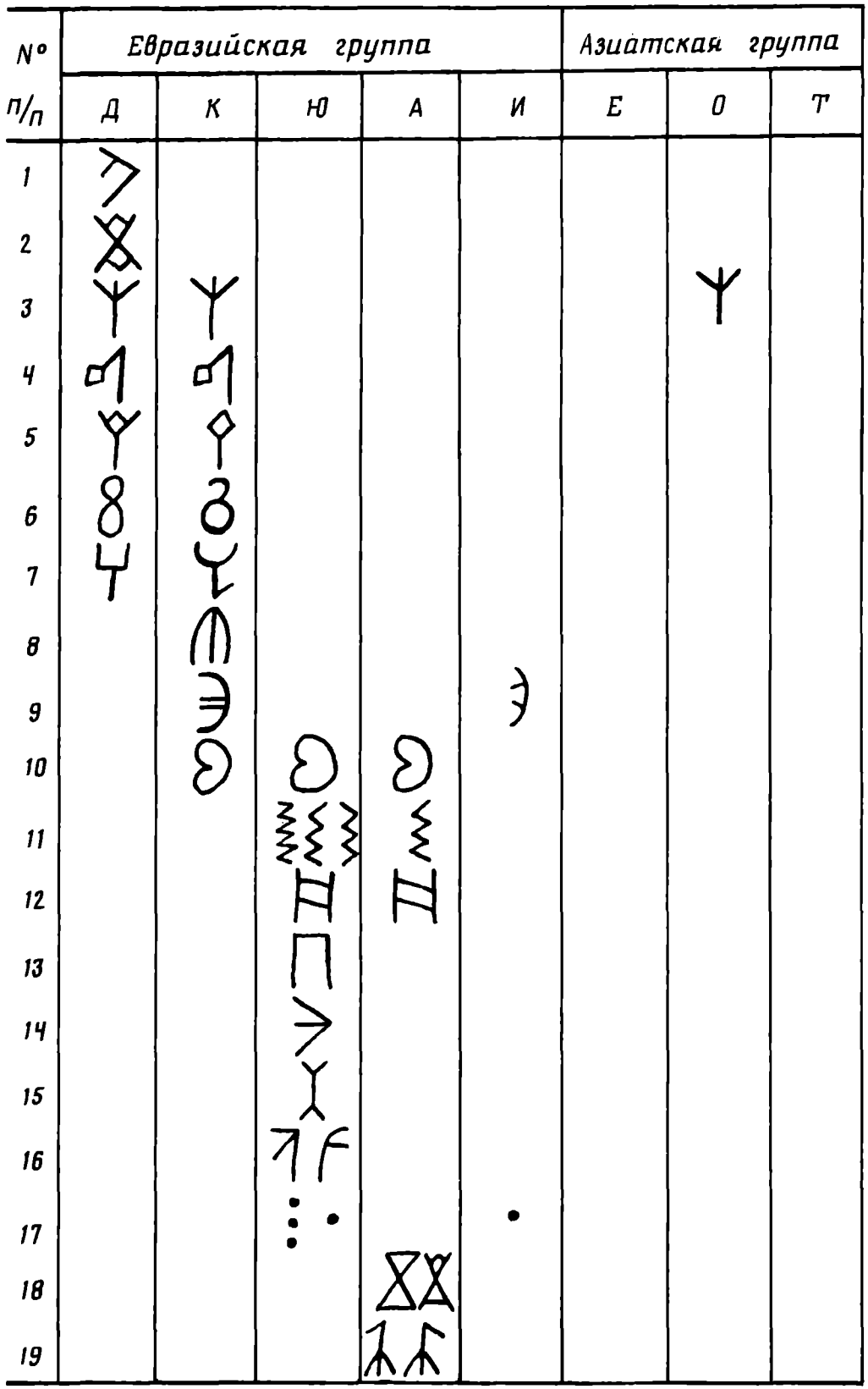


Рис. 1. Знаки рунических алфавитов степной зоны Евразии: Д — донского; К — кубанского; Ю — южноенисейского; А — ачикташского; И — исфаринского; Е — енисейского; О — орхонского; Т — таласского

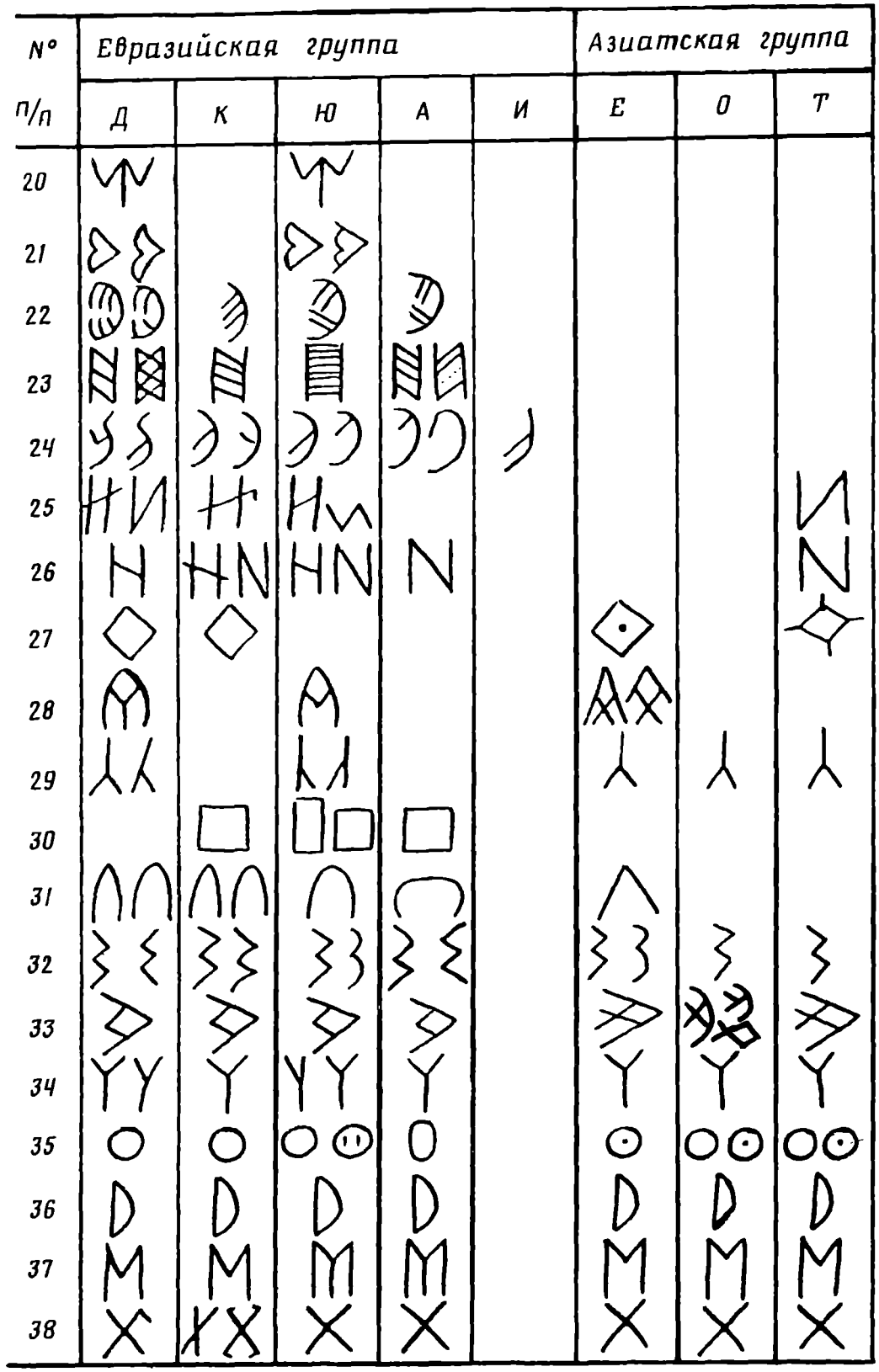

№ п/п
Евразийская группа
Азиатская группа
Д
К
Ю
А
И
Е
О
Т
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38

Рис. 1.

№ п/п	Евразийская группа					Азиатская группа		
	Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
39								
40								
41								
42								
43								
44								
45								
46								
47								
48								
49								
50								
51								
52								
53								
54								
55								
56								
57								

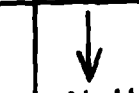
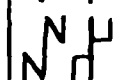
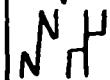
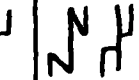
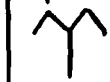
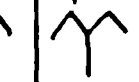
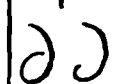
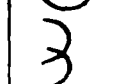
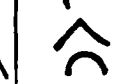
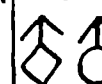
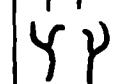
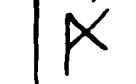
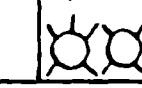
№ п/п	Евразийская группа					азиатская группа		
	Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
58								
59								
60								
61								
62								
63								
64								
65								
66								
67								
68								
69								
70								
71								
72								
73								
74								
75								
76								
77								

Рис. 1

ментацию в 1975 г. под пером И. В. Кормушина получила гипотеза о палеографически последовательном, преемственном развитии орхонского письма в енисейское (таласское привлекалось в меньшей степени) [10], т. е. отмечавшиеся расхождения надписей в составе примененных знаков были по большей части объяснены эволюцией единого рунического алфавита. Обобщающая известные формы рунических знаков Азии работа Д. Д. Васильева исходила из этого положения и в интересующем нас аспекте была направлена лишь на поиски местных письменных школ [11, с. 70—76]

Выявление хронологических изменений облика рунических знаков, произведенное И. В. Кормушиным, имеет весьма важное значение как для палеографического датирования каждой надписи, так и для постижения основ развития древнетюркских письменностей. Однако и та и другая процедура служат в конечном счете осознанию тех конкретно-исторических условий, в которых создан определенный письменный памятник или данное явление культуры. Памятуя об этом, нельзя оставлять без объяснения другую известную и характерную особенность рунических текстов — применение в одних надписях тех знаков, которые не используются в других.

И в орхонской, и в енисейской, и в таласской письменности есть не только эволюционирующие разновидности знаков, отличающие каждую из этих совокупностей памятников и подвергнутые исследованию И. В. Кормушиным, но и совершенно самобытные формы, соотносимые с другими письменами лишь по передаче одинаковых или сходных звуков. Часть из них выделена И. В. Кормушиным в группу вспомогательных палеографических показателей, часть отнесена к ювенильному слою рунических знаков [10, с. 44, 45]

На рис. 1 выделяются пять знаков таласского письма, неповторимых для енисейского и орхонского (№ 27, 53, 75—77), четыре самобытных орхонских (№ 70—72, 74) и три енисейских руны (№ 27, 28, 31). Только в таласских памятниках № 35 (левый) имеет значение «m», только в орхонских № 54 передает «b^2» [10, с. 40].

Именно существование таких самобытных знаков, не имеющих среди других памятников ни аналогов, ни прототипов или производных, позволяет расценивать енисейскую, орхонскую и таласскую письменности как очень близкие, но все же различающиеся по составу букв алфавиты. Сказанного вполне достаточно для признания этого положения. Однако как вновь полученные источники, так и сам палеографически дифференцированный взгляд на совокупность известных материалов позволяют отметить в них некоторые особенности, выявляющие новые пути исследования. Ступая на них, следует прежде всего проверить хронологические основы.

Орхонский и енисейский алфавиты. Полевые изыскания Ц. Доржсурена, других монгольских археологов и С. Г Кляшторного увеличили серию уйгурских стел с надписями середины VIII — первой трети IX в. до пяти памятников. Изданные палеографические таблицы [12, с. 86; 13, с. 156; 14, с. 22] указывают на принадлежность надписей к орхонскому алфавиту.

Показательно употребление характерной руны «b^2» без «навеса» (рис. 1, № 73) в Тэсинской надписи, как предполагается, несколько более поздней, чем стела Моюн-Чура (Могон Шине Усу). Подобная форма буквы встречена и в самом тексте стелы Моюн-Чура (далее — везде МЧ) параллельно с иным начертанием. Употребление этого знака в рунических рукописях Восточного Туркестана [11, с. 103, № 20; 12, с. 86; 13, с. 156; 14, с. 22; 15, с. 97—100, 182, 183; 16, табл. V, *3b*, № 7; 17, рис. 6, 8] свидетельствует о том, что данная палеографическая особенность сохранилась по крайней мере до X в. (сводку мнений о датировке рунических рукописей, прежде всего «Irq bitig», см.: [10, с. 37, 38, прим. 22, 24]. Последняя может быть отнесена к периоду позднее 925 г. [18, с. 314, прим. 22]). Следовательно, подобная форма буквы «b^2» не может расцениваться как определенный хронологический показатель, а является признаком орхонского алфавита на всем известном протяжении его существования (20-е годы VIII — 30-е годы X в.).

Сказанное позволяет иначе воспринимать палеографическое значение формы «b²» с «навесом» (рис. 1, № 28). Столь характерная для надписей, выполненных енисейским алфавитом [1], она, вероятно, появляется в эпитафии МЧ (759/760 г.) как определенное влияние енисейской письменности (далее везде Е). В IX в. это влияние продолжает возрастать, что, полагаем, отразилось в употреблении подобного знака в Карабалгасунской надписи (821 г.) и в ряде восточнотуркестанских рукописей [16, табл. V, *3в*, № 7].

Указанное для уйгурских текстов явление не является обособленным. Концом VIII — началом IX в. (уйгурским периодом истории Тувы) датируются две эпитафии чиков, полностью выполненные енисейской письменностью [20, с. 97—100, 119, 120; 21, с. 79, 80; 22, с. 194, 195] и тем самым демонстрирующие активное влияние древнехакасского алфавита в период, предшествующий выходу Кыргызского каганата за пределы Саянских хребтов. О существовании у древних хакасов во времена Уйгурского каганата рунической письменности в общей форме свидетельствует Синь Таншу: «... письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», т. е. уйгурскими [23, с. 353, 24, с. 77—79]. Сами надписи этого периода говорят о применении именно енисейского алфавита. Для первой половины IX в. таковы резные строки сосудов Копёнского чаатаса (Е 81, Е 82) [25, с. 35 сл.: 26, с. 41—43; 27, с. 601—602, табл. LV; 28, с. 56; 29, с. 49, рис, 28, II, *23*] и, по-видимому, скалы близ Мугур-Саргола (Е 136) [30, с. 286—289]; для VIII в.— стелы Ташебинского (Е 40) и Алтынкульского (Е 28, Е 29) чаатасов и, вероятно, Третий памятник с Уйбата (Е 32). Возможно, три последние эпитафии были созданы в начале VIII в. [20, с. 96; 29, с. 49, 52, рис. 28, II, *1*; 31, с. 260, 266] (о допустимости датировать Е 32 концом VII в. см.: [20, с. 94, 96]) [2]

После разгрома Уйгурского каганата (840 г.) отмечавшееся уже для середины VIII — начала IX в. влияние енисейского алфавита вместе с ростом политического значения его носителей приобретает наибольшее воздействие. Это зафиксировано не только значительным числом камнеписных текстов, но и рунических рукописями. Таким образом, заключение И. В. Кормушина о енисейской форме «b²» (с «навесом») как временном показателе надписей, относящихся к периоду позднее середины VIII в., является справедливым более всего по отношению к памятникам, находящимся за пределами Хакасско-Минусинской котловины, а в общем виде не имеет абсолютного значения. Время и условия появления этого знака в бассейне Среднего Енисея еще предстоит выяснить. В подобном же положении находятся и другие проявления енисейского алфавита, встречаемые в рунических надписях Азии.

В частности, выводы, полученные из наблюдений над взаимоотношением орхонской и енисейской форм букв «b²» (рис. 1, № 28, 73), подтверждается особенностями употребления знаков этих алфавитов для «t¹». В той же надписи МЧ употребляются не только характерные орхонские разновидности этого знака (рис. 1, № 69), но и енисейский его вариант (рис. 1, № 68, слева) [12—14]. Поскольку более поздний карабалгасунский рунический текст и восточнотуркестанские рукописи содержат орхонскую букву для «t¹», то названную особенность стелы МЧ следует, видимо, также расценивать как воздействие енисейского алфавита. Именно одновременное существование двух алфавитов, отразившееся в рунических памятниках уйгурского периода, позволяет понять

---

[1] Единственное начертание без «навеса» (Е 13, *1*), по-видимому, случайность. В том же тексте еще трижды употреблена енисейская форма знака (стк. 4, 5). О палеографических особенностях Е 94 говорить сложно [19, с. 41, 75]

[2] Отнесение С. Г Кляшторным к этой группе Е 26 (Очуры) и вслед за Л. Базеном Е 30 (Уйбат I) нуждается в подтверждениях. Подобная датировка Е 37 (Туба III) и Е 42 (Бай-Булун I) [31, с. 260, 266] ошибочна, так как не учитывает важного эпиграфического элемента этих памятников — тамговых знаков, которые определяют время создания эпитафий соответственно второй половиной IX в. и серединой X в. Последний случай подтвержден и археологическими материалами [20, с. 101, 102, 119, рис. 6, *4—9*; 7, *10*; 9, *14*; 32, рис. 1, *14*, 5, *7*, с. 47].

редкую палеографическую ситуацию, отмечаемую на эпитафии Означенное II (E 104) [19, с. 24, 77, 101; 33, с. 93—96] [3] Три строки ее лицевой части высечены обычными енисейскими резами с характерной формой «t^1» в сочетании u(o)zt^1pm, а три другие строки — курсивными начертаниями с употреблением «позднеорхонской» разновидности «t^1» в том же сочетании u(o)zt^1pm и, вероятно, в предшествующей строке 4. Подобный облик руна «t^1» имеет на Тэсинской стеле (около 762 г.) и Карабалгасунском памятнике (около 821 г.). Означенский текст по тамге следует отнести к первой половине IX в.

Очень показательно употребление особой буквы для «$s^1/\check{s}^1$» (рис. 1, № 67) только в енисейских и уйгурских надписях, что подтверждено и новыми находками в Монголии. Та же форма бытует и в поздних рунических рукописях. В надписях тюрок-тугю VIII в. применялся знак иного облика [10, с. 39, 42] (рис. 1, № 71). Приведенные наблюдения над «b^2» и «t^1» позволяют предположить и здесь енисейское влияние на графику орхонских надписей уйгурского периода. Примеры же сохранения ранних орхонских форм в поздних рукописных памятниках, столь показательные для понимания целостности этого алфавита в рассматриваемых временных пределах, следует дополнить буквой для (ö/ü)k, имеющей вид ствола с парой коленчатых отводов [11, с. 119, № 2] (рис. 1, № 70).

Сказанное позволяет сделать два рода выводов. Во-первых, для второй половины VIII в. отмечается влияние енисейского алфавита за пределами Хакасско-Минусинской котловины, прежде всего на территории Уйгурского каганата. На севере этой державы оно выразилось в применении енисейского письма чиками Тувы, в центре — в восприятии облика отдельных знаков («b^2», «t^1»), применявшихся параллельно с орхонскими формами. Возможно даже, что некоторые енисейские знаки вытеснили из употребления орхонские формы («$s^1/\check{s}^1$»). Во всяком случае, для показанных енисейских букв вывод об их более позднем (позднее первой трети или даже первой половины IX в. [10, с. 45]) и производном от орхонских знаков происхождении уже не представляется обоснованным. Характерные палеографические черты этих знаков отмечаются уже в середине или даже в начале VIII в. и определенно увязываются с енисейским письмом. Во-вторых, некоторые характерные буквы орхонских текстов, воспринимавшиеся как палеографически ранние формы («b^2», «t^1», «ö/ü)k»), продолжали бытовать позднее, вплоть до X в. (относительно «t^1» без штамба этот вывод сделан ранее И. В. Кормушиным [10, с. 38]). Если для объяснения первого вывода предстоит, вероятно, отыскать ранее не учитываемые обстоятельства исторического (прежде всего политического и культурного) порядка, то для ясного осознания второго положения, подводящего нас к заключению о сохранении особенностей орхонского письма как особого алфавита даже в эпоху гибели центральноазиатских тюркоязычных государств, необходимы новые наблюдения. Их предоставляют камнеписные тексты Алтая.

Литературные и архивные источники ныне позволяют учесть 28 эпиграфических памятников Горного Алтая, в которых отмечается употребление 53 разновидностей рунических знаков, не вызывающих сомнения (рис. 2). Решаемая нами задача вынуждает представлять в таблице отдельно различные формы одной и той же буквы. Общее впечатление от палеографического облика этих надписей не оставляет сомнения в том, что они выполнены енисейским письмом (ср. широко употребимые знаки № 13, 15, 17, 24, 28, 29), что позволяет относить тексты к периоду не ранее середины VIII в. Сейчас для нас особенно важно, что в четырех надписях вместе с енисейскими рунами употреблены знаки для «b^2», типичные для орхонского алфавита (№ 35). И хотя в шести текстах знаки для «m» по-енисейски угловаты (№ 32), более характерна для Горного Алтая руна «m» с дугообразной правой частью (№ 19). Несмотря на то, что угловатая форма «m» известна уже в надписях первой трети VIII в.— КЧ (около

[3] В работе Д. Д. Васильева [19, с. 24] выпущена транслитерация пятой строки текста.

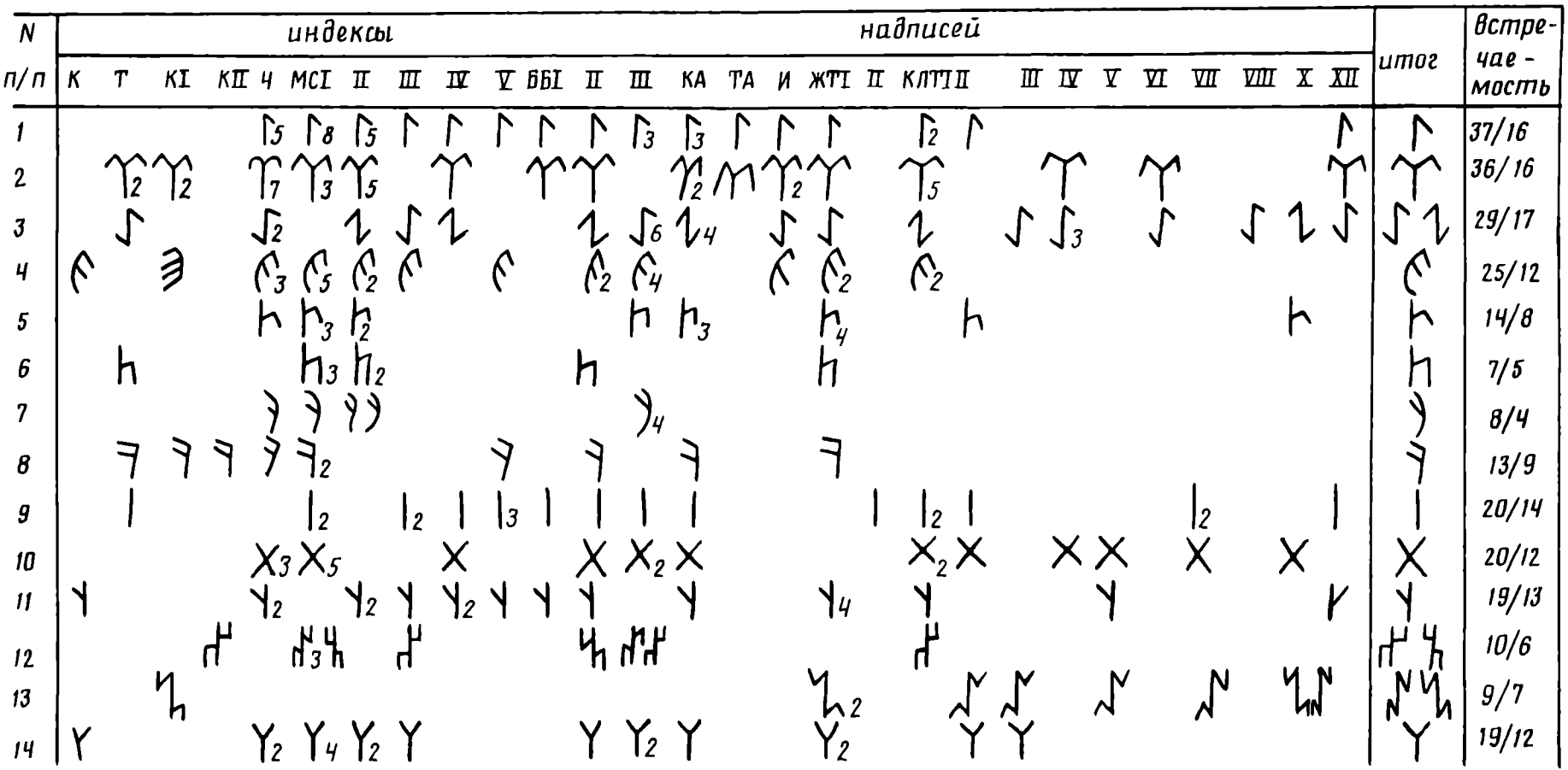
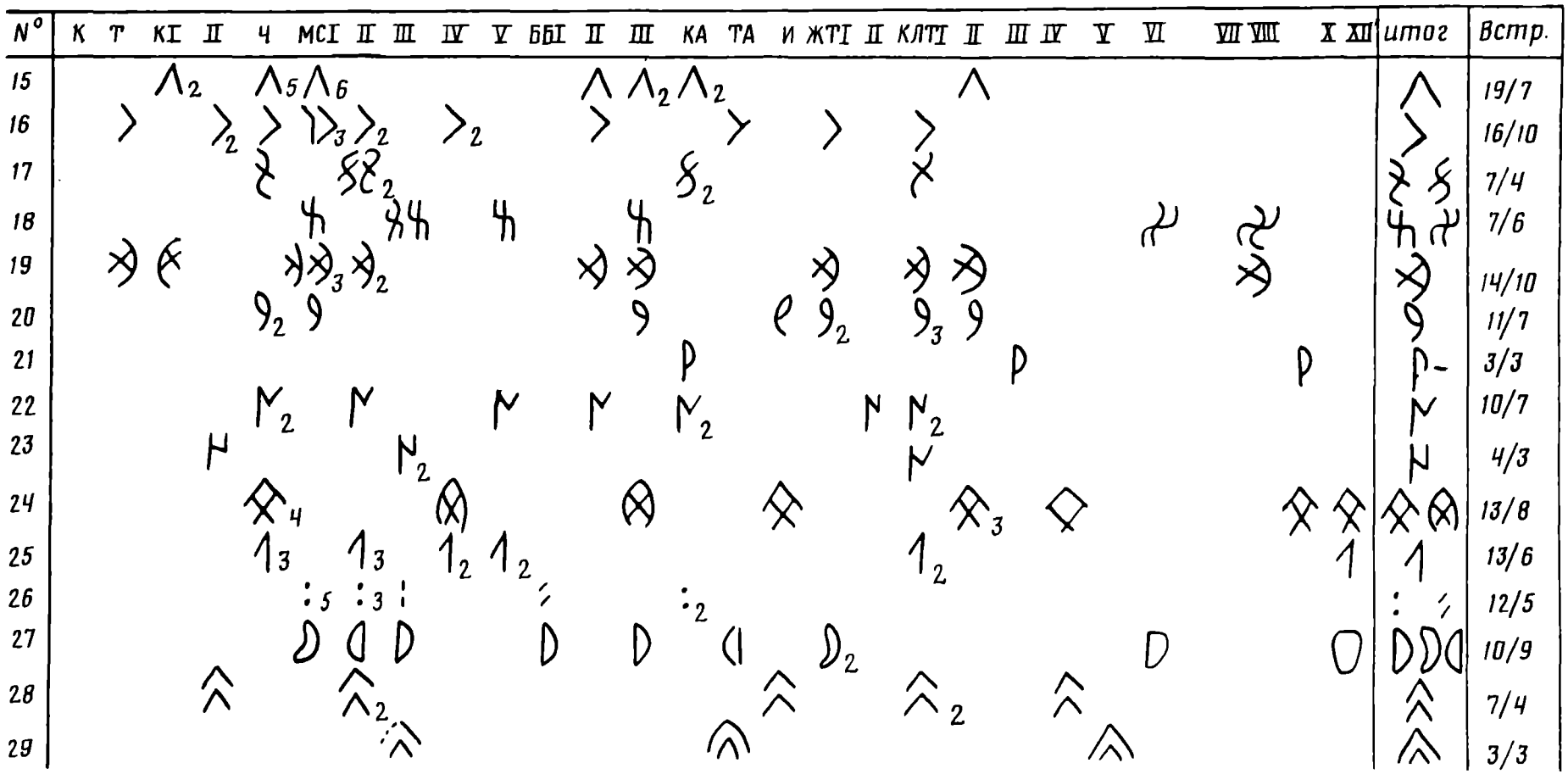
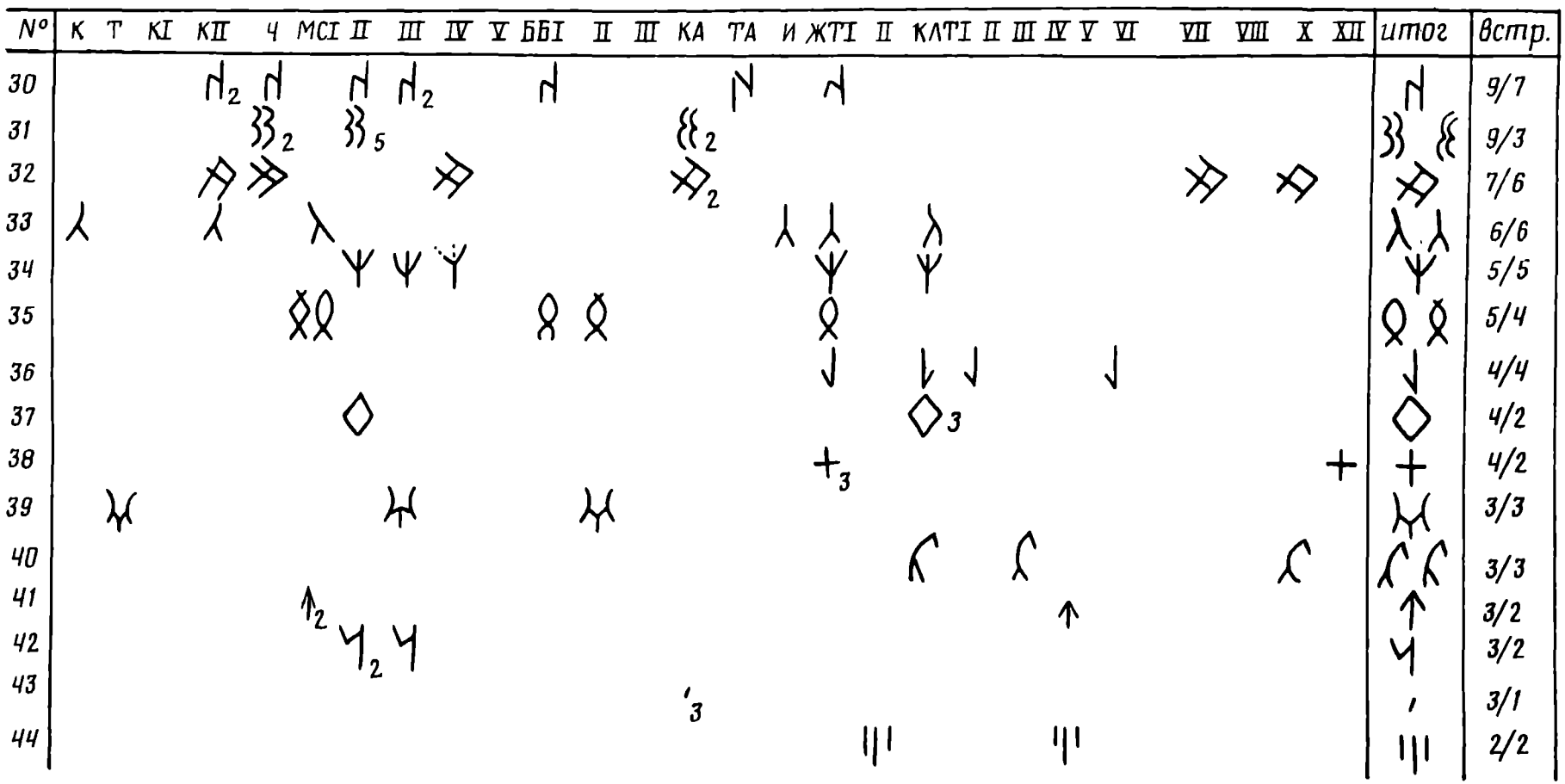


Рис. 2. Начертания рунических надписей Горного Алтая. Пояснения индексов надписей см. в тексте, цифра у письменного знака указывает число его употреблений в данной надписи, дробь в графе «встречаемость» указывает на общее число известных употреблений знака и количество содержащих его надписей


№
К Т КІ ІІ Ч МСІ ІІ ІІІ ІУ У ББІ ІІ ІІІ КА ТА И ЖТІ ІІ КЛТІ ІІ ІІІ ІУ У УІ УІІ УІІІ Х ХІІ
итог
Встр.
15 19/7
16 16/10
17 7/4
18 7/6
19 14/10
20 11/7
21 3/3
22 10/7
23 4/3
24 13/8
25 13/6
26 12/5
27 10/9
28 7/4
29 3/3


№
К Т КІ КІІ Ч МСІ ІІ ІІІ ІУ У ББІ ІІ ІІІ КА ТА И ЖТІ ІІ КЛТІ ІІ ІІІ ІУ У УІ УІІ УІІІ Х ХІІ
итог
встр.
30 9/7
31 9/3
32 7/6
33 6/6
34 5/5
35 5/4
36 4/4
37 4/2
38 4/2
39 3/3
40 3/3
41 3/2
42 3/2
43 3/1
44 2/2

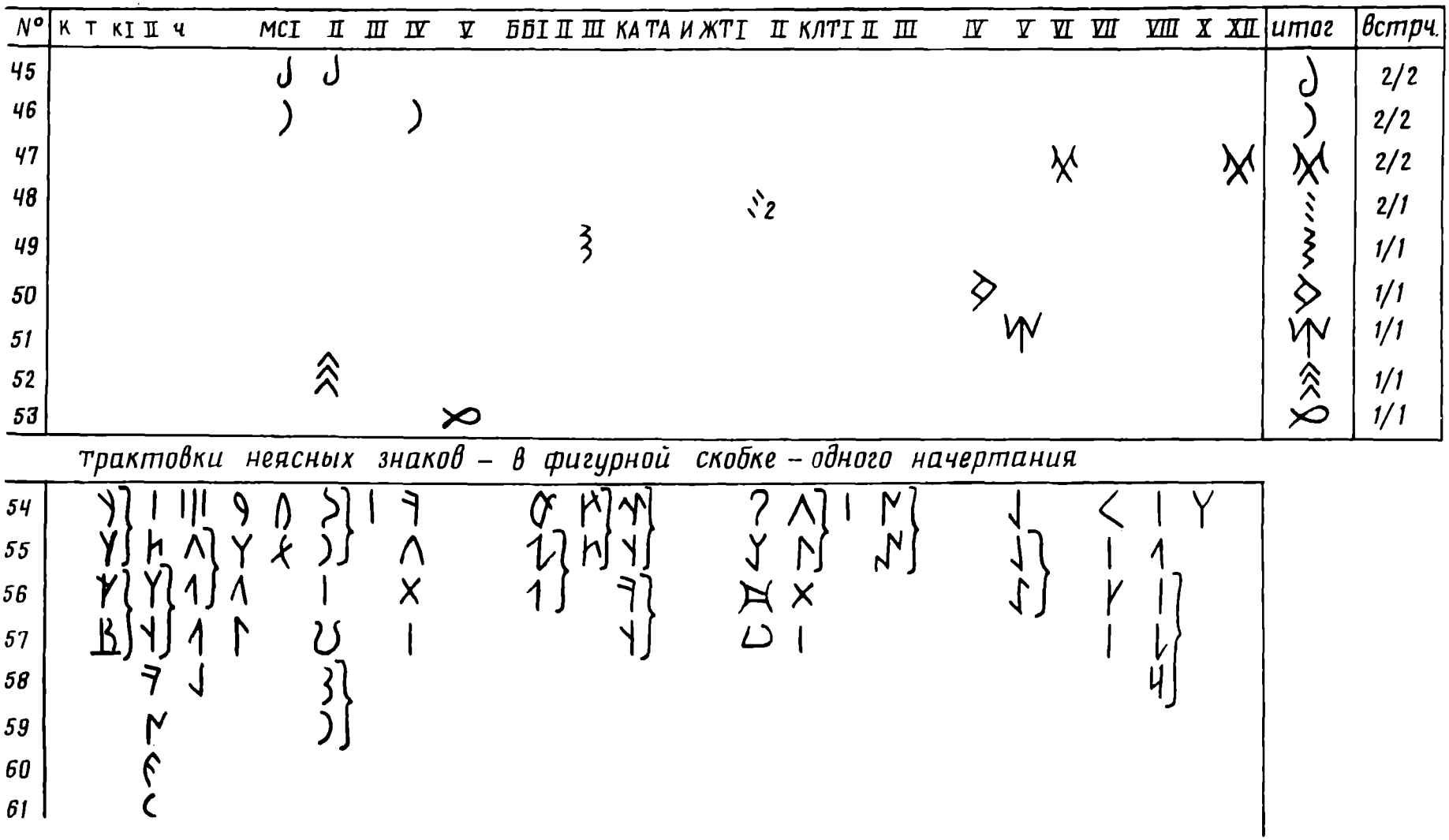


Рис. 2 *Окончание*

722 г.), КТ и БК[4] (732—735 гг.), именно дугообразность правой части отличает орхонскую разновидность этого знака [10, с. 41—43], что подтверждается и новыми уйгурскими камнеписными текстами.

В орхонском письме существовали две главные формы руны «m» — с крестовидной и некрестовидной левой частью (рис. 1, № 33). Памятники отмечают их параллельное употребление по крайней мере с 20-х до 60-х годов VIII в. (надписи Второго Восточнотюркского каганата: КЧ, Чойрэнская — крестовидный знак, Тон [5], О — некрестовидный, на оборотной стороне ИА обе формы применяются попеременно; тексты Уйгурского каганата соответственно: МЧ и Терхин, Тэс). В более поздних памятниках (КБ и рунические рукописи) применяются буквы «m» енисейского типа с угловатой правой частью [10, с. 41—43; 12—15; 16, табл. V, № 17; 17] (рис. 1, № 33), что возможно расценивать как еще одну черту влияния енисейского алфавита на орхонский. Наиболее определенно такое влияние вновь заметно в тексте МЧ, соединяющем в себе и орхонскую, и енисейскую формы для «m» [12—14] Следует указать на енисейский облик «m» в КЧ, КТ и БК (БК — стела Бильге-Кагана), но говорить о соответствующем влиянии столь рано у нас нет оснований.

В горноалтайской надписи Мендур-Соккон I [6] крестовидная форма орхонского «m», употребленная трижды, соседствует с некрестовидной (рис. 2, № 19). Две другие особенности этого текста — использование орхонского «b^2» (№ 35) и енисейского «š» (№ 15) — позволяют отнести надпись к эпохе сильного воздействия на орхонскую письменность енисейского алфавита; т. е. ко второй половине VIII — началу IX в. К этому же уйгурскому периоду следует, вероятно, причислить еще три горноалтайские надписи (ББ I, ББ II и ЖТ I), в которых при заметном влиянии енисейского письма отмечается использование орхонских рун «b^2». Все остальные надписи Алтая по палеографическим признакам можно отнести ко времени наиболее сильного влияния енисейского алфавита, т. е. к древнехакасскому периоду (середина IX—X в.). Между тем в этих надписях продолжала систематически применяться традиционно орхонская руна «m» с дугообразной правой и крестовидной левой частями (№ 19). Именно она является одной из характерных палеографических черт, позволяющих нам различать местную алтайскую разновидность енисейского письма. Подобный знак встречен и в енисейской надписи на монете, найденной в Монголии [34] и относящейся, вероятно, к X—XI вв. [35, с. 98, 99] Добавим к этим наблюдениям факт бытования в поздних восточнотуркестанских рукописях своеобразной пережиточной формы некрестовидной буквы «m» [10, с. 42]. Выходит, обе характерные буквы для обозначения «m» сохраняли свой облик весь период существования орхонской письменности и в виде пережитка — в ряде надписей периода вытеснения орхонского алфавита в Азии.

Весьма существенно, что новые уйгурские материалы позволяют выделить для этого периода существования орхонского письма и третью особую форму буквы «m». Ее курсивный вариант, отличающийся скругленной петлей, фиксирует Сэврейская надпись (763 г.) [14, с. 22], линейный — с ромбической петлей — Хойто-Тамир V и ХТ X [6, с. 260—268] По палеографическим особенностям (формы «t^1», «b^2», «š») тексты ХТ [7] также относятся к памятникам уйгурского времени. Очевидно, третья разновидность «m» (рис. 1, № 33) была менее распространена, чем две другие. В надписях ХТ она употребляется параллельно

---

[4] Далее везде: КЧ — стела Кули-Чура, КТ — стела Кюль-Тегина, КБ — Карабалгасунская стела; БК — стела Бильге-Кагана (Могиляна).

[5] Далее везде: Тон — стела Тоньюкука, О — Онгинский памятник, ИА — надписи Ихэ-Асхете.

[6] На рис. 2 применены следующие обозначения надписей: К — Катанда; Т — Туяхта; К — I—II — Курай I—II; Ч — Чарыш; МС I—V — Мендур-Соккон I—V; ББ I—III — Бичикту-Бом I—III; КА — Кош-Агач; ТА — Талду-Айры; И — Иня; ЖТ I—II — Жалгыс-Тюбе I—II; КЛТ I—XII — Калбак-Таш I—XII.

[7] ХТ — надписи Хойто-Тамира.

с «m» енисейского типа. Встречен подобный знак и в одной из наскальных строк Мендур-Соккона на Горном Алтае [11, с. 122] (рис. 2, № 53), для которых, как показано, характерно употребление ряда позднеорхонских знаков.

В целом рассмотрение рунических надписей Горного Алтая (а их палеографические особенности отмечены здесь лишь частично, в связи с интересующим нас вопросом) укрепляет вывод, полученный на основании анализа уйгурских текстов Монголии. Характерные особенности орхонского алфавита не плавно эволюционируют в енисейское письмо как хронологически последующее явление, а в течение длительного времени — вплоть до X в.— сохраняются без радикальных изменений или, подчас испытывая воздействие этого письма, бытуют в своеобразных пережиточных формах одновременно и параллельно с енисейскими знаками. Все это свидетельствует о наличии в раннем средневековье орхонского и енисейского письмен как двух самостоятельных алфавитов. Именно былое наличие устойчивых самостоятельных наборов букв в каждой из этих письменностей позволяло сохраняться атавизмам орхонских начертаний в эпоху широкого распространения и господства в Южной Сибири и, по-видимому, в Центральной Азии енисейской рунической письменности. Это явление нашло яркое отражение в енисейских по примененному алфавиту горноалтайских надписях, содержащих в качестве орхонского пережитка характерную форму буквы «m». Данная особенность (наряду с употреблением ряда букв южноенисейского алфавита — рис. 2, № 43, 48—51; ср. рис. 1) позволяет полагать, что известные наскальные письмена Алтая созданы его аборигенным населением (алтайскими тюрками), а не пришлыми носителями енисейского письма — древними хакасами.

Приведенные материалы порождают новый взгляд на возможные процессы развития ряда букв рунических алфавитов азиатской группы (рис. 3). Изменение форм правомерно представить не прежней схемой плавной эволюции от типов первой трети VIII в. к разновидностям уйгурского периода и через них к знакам енисейского облика, а (при добавлении характерных форм новонайденных уйгурских надписей) результатом воздействия взаимонаправленных процессов, при которых влияние изначально различных букв двух алфавитов (рис. 3, А — *1, 2, 4*; Б — *2, 4, 9*) привело к созданию своеобразных, гибридных по виду знаков в пределах орхонской письменности (рис. 3, А — *3*, Б — *7, 8* и, вероятно, *5, 6*). Возможно, в намеченном процессе значительную роль сыграли недостаточно знакомые нам курсивные написания. Согласно датированным памятникам письменности, относить это явление следует к середине VIII в.

Представления о природе ряда специфических орхонских и енисейских букв также нуждаются ныне в уточнениях. Знак «(i)č» (рис. 1, № 3) не принадлежит к обычным рунам обоих этих алфавитов и встречается лишь в четырех орхонских памятниках [10, с. 44, 45]. Дело не столько в том, что эта буква употреблена только в нескольких словах обширных многострочных текстов (в Тон дважды — стк. 28, 34; в БК дважды — стк. 25, 37; в МЧ — 6 раз: стк. 17, 19, 26, 28, 34); важнее, пожалуй, явная непоследовательность в ее применении. В тех же текстах (Тон, *2, 3* и др.; БК, *28,* Ха, *14*; Хв, *14;* МЧ, *7, 29*) «ič» неоднократно написано двумя обычными рунами. В памятнике МЧ сбив отмечен даже в передаче этнонима čik: типичное написание через обычную руну (МЧ, *19, 23, 26*) однажды заменено (МЧ, *26*). В свое время именно эта закономерная заменяемость редкого знака более употребимыми дала В. Томсену возможность определить фонетическое значение руны «трезубец» [36, с. 39]. Хотя принадлежность этой буквы к орхонскому алфавиту подтверждается рукописной азбукой из Восточного Туркестана (Тойок I [15, с. 24; 16, табл. V, № 37]), приведенные примеры первой половины VIII в. позволяют подозревать возможность привнесения данной руны в эту письменность.

Единственная енисейская эпитафия, содержащая знак «трезубец», относится к концу X в. [20, с. 119] и фиксирует регулярность употребления буквы

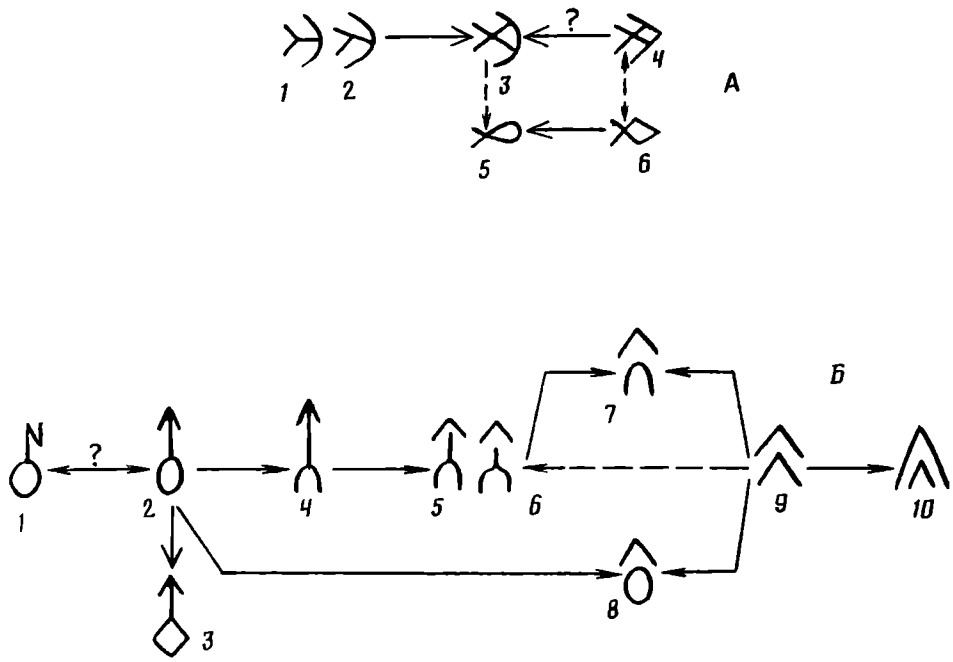


Рис. 3. Возможные пути видоизменения знаков для «m» (А) и «t^{l}» (Б) в орхонском (А, 1—3, 5, 6, Б, 1—8) и енисейском (А, 4, Б, 7, 9, 10) алфавитах

в качестве «č» как в палатальной, так и в велярной позиции (Е 41, *6—8*). По-видимому, это дало основание С. Е. Малову назвать букву енисейской [37, с. 75]. Однако, как увидим, данный текст принадлежит к особой палеографической группе, отличающейся применением неенисейских по происхождению письменных знаков. Именно к таким буквам и относится рассматриваемая руна. Между тем ко времени создания Е 41 уже, вероятно, сложилась зона письменности, в которой применение буквы «трезубец» было вполне обычным. Об этом свидетельствуют пять относительно поздних наскальных надписей Горного Алтая (МС II — МС IV, ЖТ I, КЛТ I — рис. 2, № 34). Возможно, к этому кругу надписей следует отнести и наскальный текст из Тувы (Е 140) [19, с. 46, 79, 125], в котором наряду с употреблением того же знака отмечается регулярное зеркальное размещение некоторых букв, присущее и ряду горноалтайских надписей (рис. 2, № 4, 11, 19, 20, 31, 36).

Приведенные данные не согласуются с имеющимся мнением о типичности знака «(i)č» для «старших монгольских надписей» и подкрепляют осторожно высказанные И. В. Кормушиным сомнения [10, с. 44, 45].

Редкий знак «п» («j̃») (рис. 1, № 66), согласно сводке Д. Д. Васильева [11, с. 144, табл. 32], встречен в пяти орхонских (КТ, Тон, БК, КЧ, МЧ), семи енисейских (в том числе Аруханской и Улангомской надписях в МНР) текстах, в одном, представляющем алтайский вариант енисейского письма (Хэнтэй I) [8] и в рукописном фрагменте из Дуньхуана (ℱhS III). Кроме того, этот знак употреблен и в одной из строк стелы из Эль-Бажи (Е 68, *19*). Основная часть данных енисейских памятников по высеченным вместе с текстами тамгам получила дату от первой (Е 48) и второй половины IX в. (Е 45) до начала (Е 5), середины (Е 42) и конца X в. (Е 41) [9] [20; 32]. Все это, несомненно, указывает на то, что знак не может быть ни хронологическим, ни алфавитным

[8] Д. Д. Васильев не различает надписи по алфавитной принадлежности, членение памятников произведено автором этих строк.

[9] Хотя Е 68 отнесен к концу IX в. [32, с. 48, № 37], эта дата относится к древнехакасскому тексту и тамге, нанесенным на оборотную сторону стелы, вероятно, позднее интересующей нас горизонтальной надписи.

показателем (ср.: [10, с. 44, 45]), а причины его появления и условия употребления в орхонских и енисейских надписях нуждаются в изучении. То же самое следует сказать и о другом редком знаке, который употреблялся для обозначения «q» при «ï» (рис. 1, № 74). Он встречен в двух орхонских камнеписных (Тон, БК) и трех рукописных текстах, а также в трех енисейских эпитафиях (Е 2, Е 41, Е 49) середины VIII — конца X в. [20] Однако, как увидим, три последних надписи не служат основанием для включения названного знака в состав енисейского алфавита.

Вслед за признанием факта существования двух различных рунических алфавитов Южной Сибири и Центральной Азии неизбежно встает вопрос о причинах появления тех знаков, которые характерны лишь для орхонского или только для енисейского письма. Среди обычных для употребления букв таких рун немного. Думается, считать раннеорхонскую форму «š» (рис. 1, № 72) «сугубо кошоцайдамской инновацией» [10, с. 44] мешает ее широкое применение в надписях Второго Восточнотюркского каганата (О, Тон, КТ, БК, ИА). Нельзя не учитывать и ее применение в рукописи «Ïrq bitig», имеющей ряд признаков позднеорхонского письма. Второй особенностью, отличающей раннеорхонские надписи, оставленные этим каганатом, от текстов Уйгурского государства VIII—IX вв., служит форма «s[1]» (рис. 1, № 71) (О, Тон, КЧ, КТ, БК). В позднеорхонских надписях применяется уже знак иного облика, воспроизводящий и «š» (рис. 1, № 67) [10, с. 39, 42; 14, с. 22] Именно эта руна (в нескольких разновидностях) встречается в енисейских надписях (по данным Д. Д. Васильева — в 25 памятниках [11, табл. 25, 26]), включая и наиболее поздние надписи — от второй половины IX до рубежа X—XI вв. (Е 6, Е 7, Е 10, Е 11, Е 42, Е 44, Е 52, Е 59, Е 70 [20, с. 119, 120; 32; с. 46—48]). Происхождение этого знака не вполне ясно [10, с. 39]. Если принять датировку Алтынкульских эпитафий, предложенную С. Г Кляшторным (711 г.) [31, с. 266], то следует признать одновременность енисейских надписей, в которых бытует эта форма (Е 28, Е 29, Е 32), памятникам Второго Восточнотюркского каганата. Исходя из этого, можно поставить вопрос о возможном привнесении данной руны в позднеорхонскую письменность из енисейской.

В енисейских текстах параллельно с этой буквой для передачи «s/š» бытовал и своеобразный знак, не известный в орхонском алфавите (рис. 1, № 31) [16, с. 64, табл. V, № 28; 10, с. 45]. Эта форма была чрезвычайно употребимой (она отмечена Д. Д. Васильевым в 38 памятниках [11, табл. 25, 26], но Е 74 не является текстом) и вместе с распространением енисейского алфавита была воспринята алтайскими тюрками, о чем свидетельствуют упоминавшиеся горно-алтайские надписи (рис. 2, № 15), а также находка псалия с надписью в погребении кургана Аржан II в Туве, совершенном по характерному обряду трупоположения с конем [38] Показательно, что енисейское «s/š» встречается в МС I и ББ I, т. е. в тех наскальных текстах Алтая, которые по другим, уже показанным палеографическим признакам могут быть отнесены к уйгурской эпохе. Существуют и прямые подтверждения бытования этого знака в раннеенисейских надписях. Он применен в двух чикских эпитафиях Тувы (Е 2, Е 51), эпиграфически и археологически датированных 745—840 гг. [20; 32], и в древнехакасских надписях VIII в. (Е 28, Е 32). Следовательно, этот знак не может служить поздним датирующим признаком для надписей Среднего и, менее уверенно, Верхнего Енисея, а за пределами этого района, по-видимому, определяет тексты позднее рубежа 50-х и 60-х годов VIII в.

Последующие буквы присущи только енисейским надписям и встречаются в них редко. Форма № 27 на рис. 1 («ŋ/nt») встречена в семи памятниках. Пять их них (Е 6, Е 9, Е 10, Е 13, Е 16) относятся к концу XI—X в. и найдены в Туве [32, с. 46], что, по-видимому, свидетельствует о распространении данной формы в письменности вышедших за Саяны средневековых хакасов.

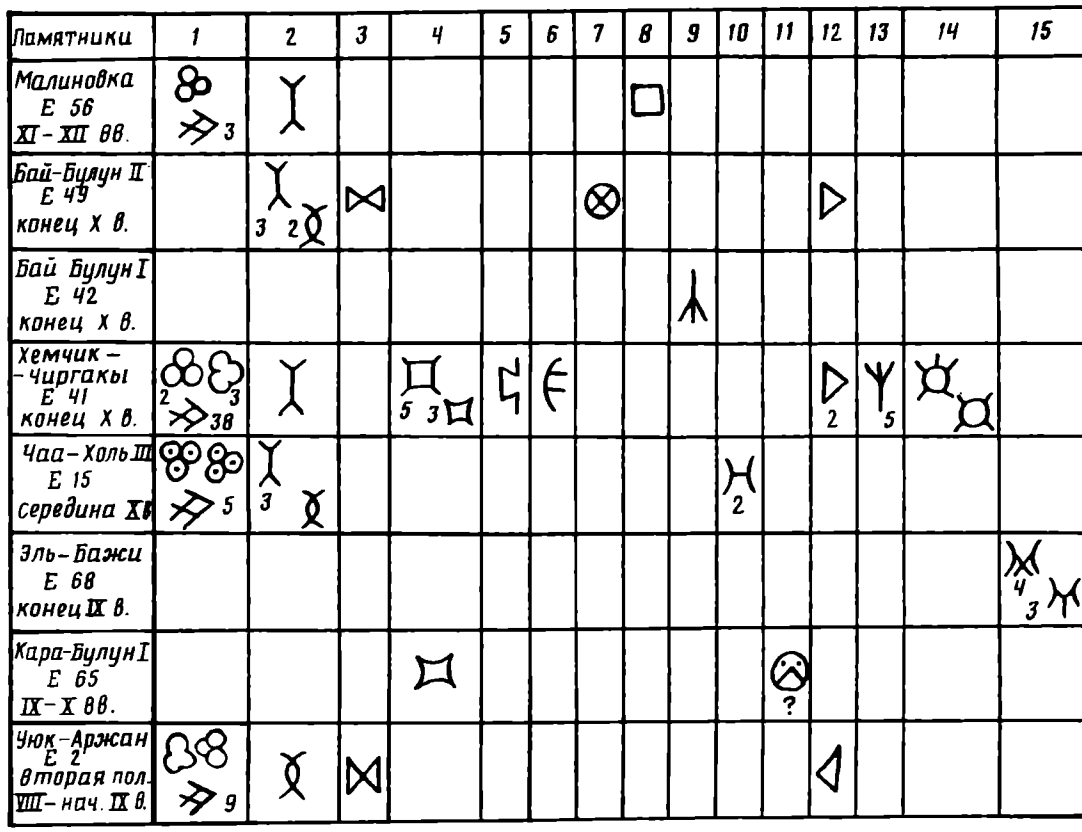


Рис. 4. Особая группа знаков в енисейских надписях. Следы верхнеенисейского алфавита. В дробной позиции указано параллельное употребление правильных енисейских букв, цифра у письменного знака указывает число его употреблений в данной надписи

Однако лишенный даты текст E 71 (Подкунинский) найден на территории Хакасии.

Там же встречен и памятник E 26 (Означенное I), относящийся к первой половине IX в. Ныне это — наиболее ранняя дата употребления знака, несомненно, являющегося производным от более употребимой формы № 35. Возможно, о бытовании формы № 27 уже в уйгурское время свидетельствует редкая разновидность рун, встреченная в надписях XT [11, с. 145, № 10], палеографически определяемых, как было показано, именно этим периодом. Наиболее вероятно сопоставление хойтотамирской разновидности с енисейским знаком № 27

Неенисейские знаки в енисейских надписях: следы верхнеенисейского алфавита. Другие интересующие нас знаки не являются производными известных форм, а редкость их употребления ставит вопрос о правомочности их включения в состав енисейского алфавита. Эти формы представлены отдельно на рис. 4. Часть из них (№ 1—3, 12) встречается как на ранних (E 2), так и на поздних памятниках (E 15, E 41, E 49, E 56), что не позволяет говорить о хронологических особенностях данных начертаний.

Учитывая взаимовстречаемость столь характерных знаков, как № 1, 3, 4, 12, следует отметить, что включенные в таблицу восемь письменных памятников составляют в общем массиве енисейских текстов некую своеобразную группу.

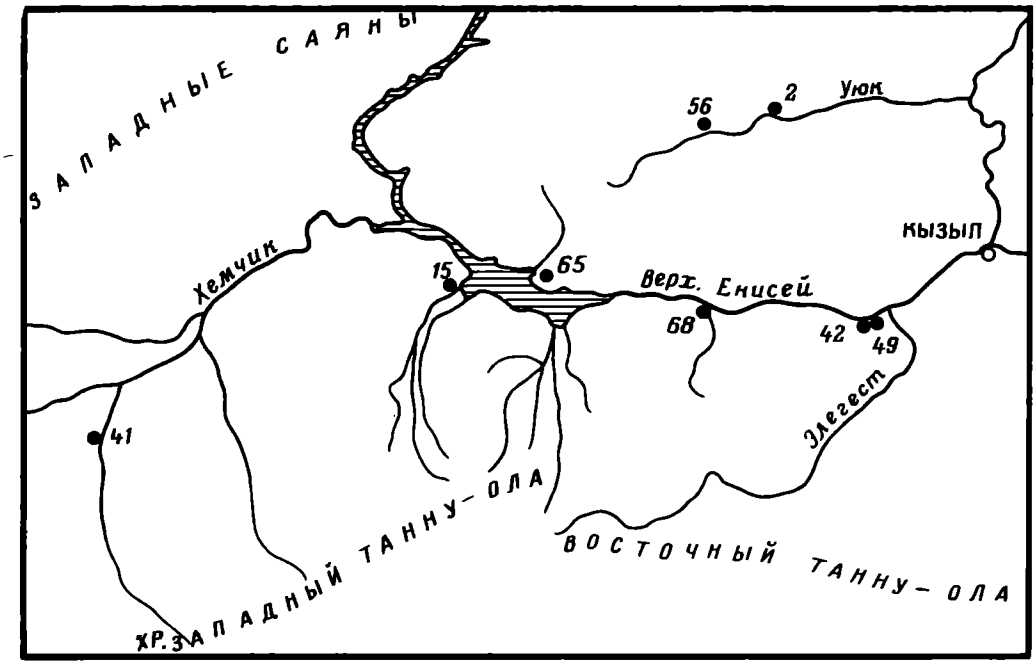


Рис. 5. Схема расположения енисейских памятников, содержащих знаки верхнеенисейского алфавита. Цифры соответствуют индексам на рис. 4

Вся она находится в пределах Тувинской котловины (рис. 5). Лишь в двух памятниках IX—X вв. этой же территории (Е 46, Е 96), не вошедших в табл. (рис. 4), употреблен знак № 2 [10], причем как и в Е 15, и в Е 49, в Е 46 он применен параллельно с обычным енисейским знаком для «а» (рис. 1, № 54). Этот факт согласуется с подобным применением знака № 1 одновременно с обычным енисейским «m» в надписях Е 2, Е 15, Е 41 и Е 56. Единственный раз за пределами выделяемой группы памятников встречен знак № 12 (Е 45, середина IX в., Тува). Ряд специфических рунических форм встречается лишь в какомлибо одном тексте нашей группы (рис. 4, № 5—11) [11] Облик не позволяет считать их производными от известных знаков.

Выявленная ситуация позволяет полагать, что перед нами надписи, отразившие смешение разных рунических азбук: енисейской и некой иной, до сих пор не вычленявшейся. Кроме применения неведомых буквенных знаков (фонетическое значение которых определяется, не всегда уверенно, исходя из енисейского знакового окружения), в нашей группе текстов применены также руны, знакомые по орхонским надписям (рис. 4, № 12, 13). Однако не забудем уже отмеченные редкость и непоследовательность их применения в этих текстах. Знак № 13 встречен и в одной енисейской надписи из Тувы (Е 140) На рис. 4 находим параллели и специфическим таласским знакам (№ 14, 15, ср. рис. 1, № 53, 77) — нигде более в енисейских надписях нет ничего подобного [12] Как видим, палео-

[10] В тексте Е 112 [11, с. 96] этот знак отмечен ошибочно. См.: [39, с. 68, 69], а также [19, с. 43, 44, 78 (на с. 78 текст случайно отмечен индексом Е 111); 40, с. 80, 81, рис. 5]

[11] Употребление ряда своеобразных форм в надписи Е 68, отмеченное Д. Д. Васильевым [19, с. 35, 72], не подтвердилось при изучении оригинала памятника.

[12] Знакомство с оригиналом надписи Е 109 не подтверждает применения там знака № 15, указанного в «Корпусе» Д. Д. Васильева [19, с. 77]

графическая смешанность выделенных памятников весьма значительна.

Смешение различных алфавитных систем на территории Сибири и Средней Азии ясно выявилось при вычленении южноенисейского и ачикташского рунических алфавитов [1, 2, 5] По-видимому, настала пора отметить аналогичное явление и в среде енисейских текстов, ранее представлявшихся в этом отношении хотя и пестрым, но однородным массивом. Писцы и резчики, владея несколькими руническими алфавитами, неосознанно проявили свои знания, допуская нежелательные, с точки зрения алфавита конкретного текста, описки. Подобное обстоятельство, впервые отмечаемое здесь в отношении рунических памятников, встречает общетипологическое подобие в употреблении семитского знака в руническом тексте из Турфана (В. Томсен полагал, что это буква he̯, использованная в цифровом значении [41, с. 302, 303, табл. III], ср. ситуацию в кубанской надписи из Маяков [42, с. 273, 274, рис. 3, № 6]) и весьма хорошо известно для других регионов, лучше изученных в палеографическом отношении. Укажем, например, на случайные употребления глаголических знаков в кириллических рукописях или кириллических букв в глаголических текстах (а позднее, в XV в., проникновение и пермских письмен) Такие случаи расцениваются палеографами-славистами как свидетельства знания и употребления писцами обеих азбук, часто — как следствие переписки текста с глаголического письма на кирилличе-ское или наоборот [43, с. 160, 211—213, 252, 361] Ситуация, сходная с последним объяснением, очень возможна и для енисейских надписей, содержащих знаки других рунических алфавитов. Резчик мог переносить на камень енисейскими буквами текст, написанный по-орхонски, по-южноенисейски или по-верхнеенисейски. Примером подобного случая в среде орхонских памятников, думается, может служить стела МЧ, текст на которой вырезал человек, знавший, судя по палеографическим особенностям надписи, и енисейский рунический алфавит.

В литературе уже стало едва ли не общим местом объяснение перебоев в употреблении знаков общей примитивностью, своего рода незрелостью енисейской письменности. Как видим, возможно совершенно иное объяснение известной ситуации. Надо полагать, что енисейское письмо, постепенно распространяясь в Южной Сибири, включало в свой ареал и земли, население которых к тому времени уже владело той или иной системой другой рунической письменности и, вытесняя эти субстратные алфавиты в сферу неофициального применения, сосуществовало с ними по крайней мере во второй половине VIII—XI в. Так было с орхонским и южноенисейским алфавитами у тюрок Южной Сибири и Центральной Азии; так, вероятно, произошло и с той рунической азбукой, былое существование которой позволили ощутить описанные памятники Тувинской котловины. Именно сосуществование различных систем рунической письменности привело к отмечавшемуся видоизменению ряда орхонских знаков под влиянием енисейского алфавита, к сложению палеографически смешанных текстов Горного Алтая и Тувы, имеющих общую енисейскую алфавитную основу.

Местное доенисейское происхождение специфических рунических знаков, включенных в таблицу (рис. 4), подтверждается важными эпиграфическими и археологическими наблюдениями. Особый погребальный обряд кургана, к которому относилась эпитафия Е 2, сопутствующий погребенному инвентарь и личный тамговый знак на самой стеле позволили определить принадлежность всего комплекса представителю местного раннесредневекового населения Тувы — тюркоязычных чиков. Особенности тамги указали вторую чикскую эпитафию Е 51 [20, с. 97—100, 119, 120] На третью чикскую эпитафию Е 109 также указывает высеченная на ней характерная тамга. Памятник Е 2, таким образом, указывает носителей того алфавита, которому присущи знаки рис. 4, № 1—3, 8. Столь важные композиционные особенности, как размещение текста на стеле горизонтальными строками (чуждые как орхонской, так и енисейской камнеписной традиции [44, с. 60, 61; 45]), позволяют считать надписи на обороте Е 68, включенные в таблицу на рис. 4, еще одним памятником чикского круга. Все

другие эпитафии (рис. 4) были поставлены в память средневековых хакасов, погребенных по типичному обряду трупосожжения. Они, кроме Е 56, отмечены и личными древнехакасскими тамгами [20, 32] Кроме правдоподобного допущения, что к созданию этих надписей были привлечены резчики из местного населения, попадание этих памятников в нашу палеографическую группу следует, вероятно, объяснить тем, что поселившиеся в Туве древние хакасы освоили местную письменную систему, что и привело к отмечаемому перебиву в употреблении ряда знаков в данных енисейских памятниках. Не выпуская из внимания численное преобладание памятников, найденных к югу от Саян, над известными среднеенисейскими надписями, следует вновь напомнить, что описанные палеографические особенности енисейских текстов присущи лишь надписям, встреченным на территории Тувы.

Изложенное позволяет рассматривать таблицу на рис. 4. как начальный этап выявления третьей рунической письменности бассейна Енисея, некогда присущей местному населению Тувинской котловины и проявившейся в существовании ряда специфических памятников тувинского варианта енисейской письменности, строго говоря являющихся смешанными в алфавитном отношении. По-видимому, существование определенного контакта этой автохтонной письменности, которую можно именовать верхнеенисейской, с таласским алфавитом отражают знаки № 14, 15. Знаки № 12 и 13 могут восходить к некоему общему субстрату, на базе которого они независимо проникли в орхонское и верхнеенисейское письмо. Однако весьма интересно применение двух верхнеенисейских знаков (№ 3, 8) в Тон, *8, 26* [46, с. 57, 58, 70] Возможно, будущие находки не подтвердят регулярность некоторых форм — прежде всего № 11 и 9 (рис. 4), чье включение в эту таблицу (а следовательно, и Е 42 в группу тувинского варианта енисейского письма) формально и в высшей степени условно; однако специфичность основных письменных знаков, даже и единожды встреченных, весьма определенна.

Рассмотрение памятников енисейской письменности не как некоего палеографического единства, а с позиции учета многообразия применявшихся в Южной Сибири и сопредельной Азии самостоятельных рунических алфавитов позволяет в значительной степени очистить облик енисейского алфавита от посторонних для него знаков (рис. 4), примененных в ряде надписей смешанного письма и столь долго смущавших исследователей. Новый подход позволяет наметить основные особенности истории енисейской письменности, ныне более всего проявляющиеся в области взаимоотношений с иными руническими письменными системами азиатского средневековья. Палеографическое отражение данных историко-культурных процессов состоит в вычленении собственно енисейского алфавита и двух его вариантов: алтайского и тувинского, сложившихся в условиях вытеснения енисейским письмом из официальной сферы применения других, местных рунических азбук. Этапы подобного вытеснения предоставляют отличительные особенности и для выявления основных периодов видоизменения орхонской письменности. Начавшись в Южной Сибири и Центральной Азии, по-видимому, в середине VIII в. и завершившись к началу X в., эти процессы вытеснения иных рунических систем енисейской позволяют увязывать выявленные палеографические данные со свидетельствами политической истории — ростом могущества Древнехакасского государства. Вероятно, Восточный Туркестан явился наиболее поздним очагом употребления орхонской письменности в связи с созданием там уйгурских княжеств и сохранением этого письма в манихейских общинах.

Таласский алфавит. Сильнейшее воздействие енисейского письма на таласский алфавит отмечается всеми исследователями. Вместе с тем регулярное применение в надписях Семиречья ряда совершенно самобытных знаков (рис. 1, № 27, 53, 75—77 и 35, левого, для «m») не требует развернутых доказательств существования здесь своеобразного таласского алфавита. Его былую регулярность и распространенность подтверждают находки за пределами известного

урочища Айыртам-Ой. Подобный валун с текстом, палеографическому определению которого как таласского способствует, пожалуй, лишь знак типа № 26 (рис. 1) и не противоречат прочие буквы, особенно подобные № 33 и 68, был обнаружен в 1927 г. [13] на южном берегу Иссык-Куля (урочище Кой-Сары) [7, с. 804, 805; 47, с. 79, 80; 48, с. 78—81; 49, с. 7, 33; 50, с. 7, 25, 26; 51, с. 12, 13]. Уже в 1897 г. были открыты и наскальные надписи Терек-Сая [52, с. 7, 12], которые могут быть отнесены к таласским [48, с. 32; 49, с. 16; 53, с. 27, 28; 54, с. 103, 104] по тем же особенностям, что и койсаринский текст. И если подобные же, не вполне определенные черты позволяют считать таласской первую надпись Куру-Бакайыр (см. облик первого и третьего знаков), то вторая строка надписи из этого ущелья служит палеографически наиболее ясным свидетельством применения таласского алфавита для создания наскальных начертаний. Хотя первые попытки прочтения этих найденных в 1981 г. надписей не лишены сложностей [50, с. 30—34; 54; 55], нет сомнения, что они являются записью личных имен. Эти письменные памятники свидетельствуют о широкой сфере применения таласского алфавита. Распространенность его бытования может быть подтверждена палеографическими особенностями ряда надписей Южной Сибири. Они не исчерпываются приведенными выше случаями применения таласских «m» и «γ» в надписях Тувы — как енисейских (Е 41, Е 68), так и южноенисейских (Ю 13) [2, рис. 10, табл. I, № 40; 5. рис. 33, *1*, табл. XVIII, *40*].

По использованию необработанного камня в качестве писчего материала, по технике нанесения знаков и их «безыскусной форме» Э. Р. Тенишев сближал надписи Горного Алтая с руническими памятниками Таласа. Однако такое сравнение было произведено скорее в виде общего противопоставления алтайских написаний классическим орхонским эпитафиям [56, с. 265]. Оно миновало значительную группу ближайших аналогий — памятники енисейской письменности. Неоднократно исследователями в различных надписях Алтая отмечались и конкретные формы знаков, свойственные таласской письменности [57, с. 159, 160]. Однако зачастую эти указания относились к неясным или неверно понятым знакам [58, с. 192; 59, с. 109; 60, с. 66; 61, с. 83, 84] Несомненным остается лишь факт применения характерного таласского «γ» в двух наскальных надписях (КЛТ VI и КЛТ XII — рис. 2, № 39).

Таковы немногочисленные, но несомненные факты применения специфических таласских букв на территории Алтая и Тувы. Они являются косвенными свидетельствами вхождения этих частей Южной Сибири в зону былого распространения таласской письменности. Палеографический облик тех южносибирских надписей, в которых встречены таласские буквы, позволяет относить их ко второй половине VIII—X в., скорее к IX—X вв. Таким образом, енисейские надписи предоставляют сравнительно-типологические возможности для датирования таласских текстов на основании своих палеографических особенностей. Историку культуры, вероятно, следует добавить к перечню сосуществовавших в раннесредневековой Южной Сибири рунических алфавитов и таласское письмо. Наиболее полно такое сосуществование и взаимодействие орхонского, енисейского, таласского, южноенисейского и, по-видимому, верхнеенисейского алфавитов отразили, пожалуй, краткие камнеписные надписи Горного Алтая.

Изложенное позволяет считать наиболее вероятной зоной формирования таласского алфавита если не саму Южную Сибирь, то сопредельную с ней территорию. Базой формирования явилось енисейское письмо.

Отказ от восприятия рунического письма раннесредневековых тюркоязычных народов Азии как палеографически единого явления заставляет по-новому

---

[13] Другие исследователи [48—50] указывают 1926 г., что противоречит словам самого первооткрывателя памятника [47, с. 71]

подойти к проблеме происхождения самой этой письменности. Поиски следует вести не в направлении обнаружения единого прототипа якобы единой системы. Предстоит выявить те различные алфавиты, которые послужили основой создания показанных здесь нескольких самостоятельных рунических письменностей. Ныне представляется вероятным наибольшее генетическое родство орхонского и енисейского алфавитов, производных от единого корня (время бытования которого пока неясно) и видоизмененных благодаря включению знаков различных субстратных письменных пластов, сегодня не известных науке. Свидетельством существования таких субстратных письменностей служит выделение южноенисейского алфавита [2; 5], относящегося к евроазиатской группе рунических письменностей, и обнаружение следов верхнеенисейского письма, для классификационного определения которого пока еще недостаточно данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кызласов И. Л.* Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1987.
2. *Кызласов И. Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
3. *Кызласов И. Л.* Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
4. *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы. Новые аспекты изучения // Матер. II Междунар. конф. «Праболгары в Восточной и Центральной Европе VI—X вв.». Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.
5. *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990.
6. *Radloff W* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. L. 3. Spb., 1895.
7. *Малов С. Е.* Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // ИАН. Отд-ние гуманитарных наук, 1929. № 10.
8. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
9. *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.
10. *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2.
11. *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. Опыт систематизации. М., 1983.
12. *Кляшторный С. Г* Терхинская надпись. Предварительная публикация //Советская тюркология. 1980. № 3.
13. *Klyashtorny S. G.* The Tes Inscription of the Ujghur Bögü qaghan // AOH-1985. XXXIV. 1. 1985.
14. *Кляшторный С. Г* Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
15. *Orkun H. N.* Eski türk yazıtları II. Istanbul, 1938.
16. *Clauson G.* The Origin of the Turkish «Runic» Alphabet // Acta Orientalia. Copenhagen. 1970.
17. *Sertkaya O. F.* Fragmente in Alttürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funde // Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985.
18. *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973.
19. *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
20. *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.
21. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
22. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979.
23. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
24. *Супруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века // ИАН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1963. Т. V Вып. 1.
25. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Чаатас у с. Копёны // ТГИМ. Вып. XI. М., 1940.
26. *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
27 *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
28. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
29. *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Археология СССР Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
30. *Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979. № 3.
31. *Кляшторный С. Г* Стелы Золотого озера. К датировке енисейских рунических памятников // Turcologica. Л., 1976.

32. *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
33. *Васильев Д. Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
34. *Кляшторный С. Г* Монета с рунической надписью из Монголии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
35. *Кызласов И. Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями: К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве // Нумизматика и эпиграфика. XIV. М., 1984.
36. *Мелиоранский П.* Памятник в честь Кюль-Тегина // Записки Восточного отделения РАО. Т. XII. Вып. II—III. СПб., 1899.
37 *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
38. *Кляшторный С. Г* Рунические надписи из кургана Аржан II // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
39. *Кляшторный С. Г* Руническая эпиграфика Южной Сибири. Наскальные надписи Тепсея и Турана // Сов. тюркология. 1976. № 1.
40. *Васильев Д. Д.* Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея // Сов. тюркология. 1977. № 2.
41. *Thomsen V.* Ein Blatt in Türkischer «Runen» schrift aus Turfan // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Der Phif.-Hist. Classe. XV. Berlin, 1910.
42. *Кляшторный С. Г* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. 1979. № 1.
43. *Карский Е.* Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
44. *Кызласов И. Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба // Сов. тюркология. 1985. № 1.
45. *Кызласов И. Л.* Отражение этнополитических традиций в памятниках рунической письменности // Маргулановские чтения. Сб. матер. конф. Алма-Ата, 1989.
46. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1951.
47. *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды ин-та истории АН КиргССР. 1957. Вып. III.
48. *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963.
49. *Батманов И. А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.
50. *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.
51. *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Матер. Узкомстариса. Вып. 6—7. М.; Л., 1936.
52. *Малов С. Е.* Таласские эпиграфические памятники // Матер. Узкомстариса. Вып. 6—7. М.; Л., 1936.
53. *Сыдыков С.* Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай // Матер. по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1969.
54. *Джумагулов Ч.,* Кожомбердиев И. К. Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр // АО-1981. М., 1983.
55. *Джумагулов Ч., Кляшторный С. Г* Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // Сов. тюркология. 1983. № 3.
56. *Тенишев Э. Р.* Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М., 1966.
57. *Убрятова Е. И.* Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
58. *Боровков А. К.* Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
59. *Наделяев В. М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973. № 1. Вып. 1.
60. *Наделяев В. М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3.
61. *Наделяев В. М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984.

Институт археологии
АН СССР, Москва

I. L. KYZLASOV

PALAEOGRAPHIC STUDY OF ASIATIC RUNIC ALPHABETS

Summary

The author stresses that Yenisey, Orkhon and Talas runic inscriptions represent three connected but independent alphabets. The study of new inscriptions demonstrates that a number of signs close in their shape do not reflect some chronological periods of certain evolutionary process. The peculiarities of Orkhon letters of the 8th century existed up to the 10th century without any changes. The forms of Yenisey letters dated to the same time differed from them and were used independently. In some late Orkhon sources of late 8th — early 9th century the influence of the Yenisey system of writing is

noticed in the shapes of the letters (Fig. 3). The inscriptions of the Altay Mountains of the 9th — 10th centuries are of palaeographically mixed nature, as they are written in Yenisey alphabet but with some Orkhon traditions (Fig. 2). Yenisey alphabet mixed with some local maybe Achiktash system of writing resulted in formation of Talas alphabet of the 9th — 10th centuries (Fig. 1). The palaeographic diversity of the inscriptions of the 8th — 10th centuries suggests the replacement of local runic alphabets by the Yenisey one. In Tuva some sets of signs of Yenisey inscriptions were outlined (Fig. 5) which were not known in Khakasia, Mongolia and Altay (Fig. 4). These sings seem to be the traces of some unknown system of writing practiced by the inhabitantsof Tuva in the 8th — 10th centuries replaced by the official Yenisey alphabet. The archaeological context of the inscription E2 proves that this alphabet (called by the author the Upper Yenisey one) belonged to Turk-speaking tribes of Chiks. In the Fig. 1 the signs of all independent runic alphabets of Euroasiatic steppes are presented. There are two groups of sings of different origin. The first one includes the Don, Kuban, Achiktash, Isfara and South Yenisey alphabets, spread from the Don to the Yenisey rivers. The second one consists of the Orkhon, Yenisey and Talas alphabets, practiced from the Selenga river to Talas.

Е. А. РЫБИНА

ИЗ ИСТОРИИ ШАХМАТНЫХ ФИГУР

Игра в шахматы зародилась в Индии около второй половины VI в. Оттуда она попала в Персию, а затем в страны арабского Востока. Существует обширная специальная литература, в которой наряду с главными проблемами происхождения и развития шахматной игры рассматриваются вопросы возникновения и эволюции шахматных фигур. Одной из значительных работ по истории шахмат является книга Й. Петцольда [1], в которой автор рассматривает шахматы как один из компонентов культуры человеческого общества на всех этапах его развития.

С самого начала своего появления шахматная игра отражала реальную жизнь. На шахматную доску как бы переносилось военное сражение, в котором участвовали предводитель войска, его помощник, всадники, боевые слоны, колесницы, пешие воины. На родине шахмат, в Индии, сформировались изобразительные шахматные фигуры и их названия, отражающие реальные предметы и фигуры: раджа (король), фарзи (ферзь), хасти (слон), ашва (конь), ратха (колесница) и на́ука (лодка), обозначающие одну фигуру (ладью), падати (пешка).

С проникновением шахмат в иную географическую и культурную среду названия и форма фигур трансформировались в зависимости от местных традиций и условий. Индийские названия фигур были переведены сначала на персидский, потом на арабский язык: раджа стал называться шахом, а фигуры ферзя, слона, коня, пешки получили соответственно наименования — фарзин или фирзан, фил, асп или фарас, пияда или байдак. Индийская ратха превратилась в многозначное слово «рух», этимология которого до сих пор не выяснена лингвистами [1, с. 43, 44]

Самое же существенное заключалось в том, что арабы заменили индийские изобразительные шахматные фигуры абстрактными, поскольку ислам запрещает изображение живых существ. В основе арабских символических фигур находится цилиндр или усеченный конус с различными добавлениями, отдаленно напоминающими реальные прототипы (рис. 1, *1—8*). Фигура шаха сохраняла еще элементы трех частей изобразительной фигуры: король на троне, восседающий на слоне. Ферзь имел аналогичную форму: в первоначальной шахматной игре функции короля и его помощника, ферзя, совпадали, поэтому и по форме эти фигуры были практически одинаковыми. Ферзь отличался от короля только меньшим размером и в некоторых случаях отсутствием верхнего выступа (рис. 1, *1, 2, 7, 8*) Два выступа абстрактной фигуры слона символизировали два бивня реального животного. Для фигуры коня характерен один выступ, означающий голову коня. Самой простой в этом ряду фигурой, без каких-либо дополнений, была пешка. Только абстрактная фигура, названная у арабов «рух», имела не круглое, а прямоугольное основание, что схематически отражало четырехугольную колесницу. Абстрактные фигуры арабского типа часто снабжались глазковым орнаментом, имевшим, по мнению исследователей, магическое значение.

В Западной Европе шахматная игра появилась после завоевания арабами Испании и широко распространилась с XI—XII вв. Здесь форма шахматных

© Е. А. Рыбина, 1991 г.

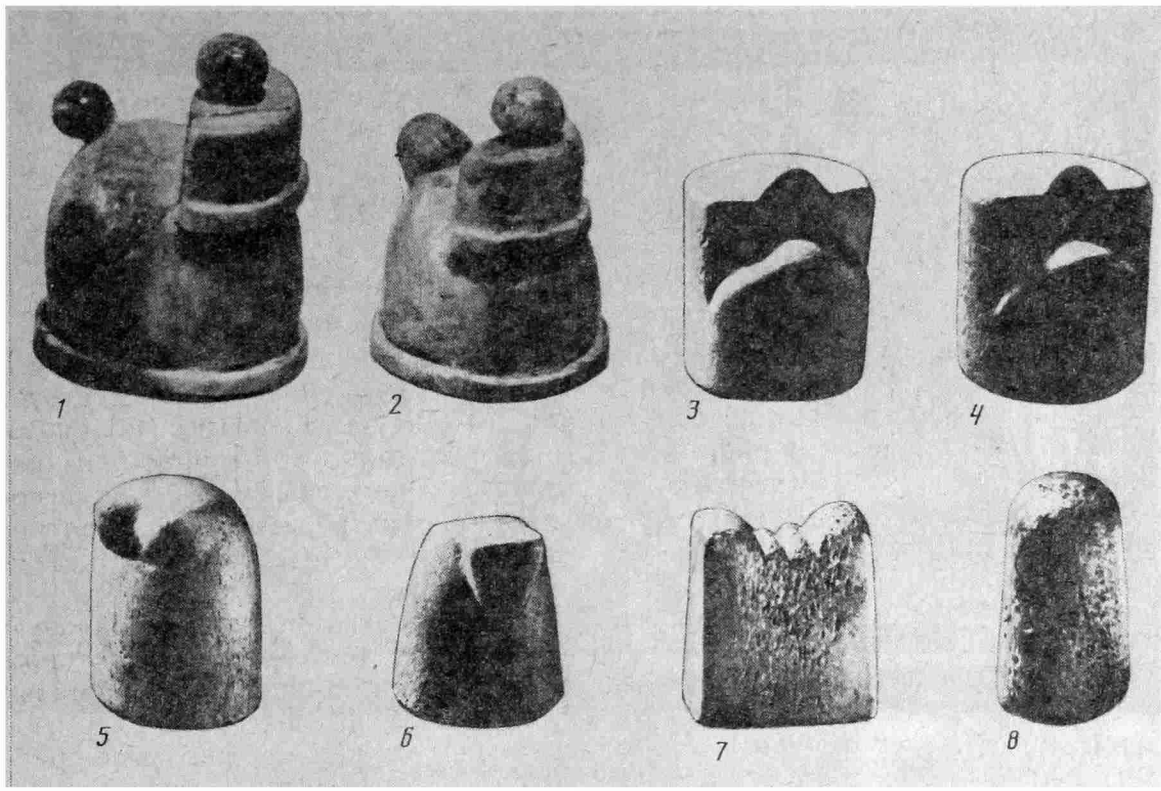


Рис. 1 Арабские шахматные фигуры (кость). *1, 3* — король; *2, 4* — ферзь; *5* — слон; *6* — конь; *7* — ладья; *8* — пешка (*1,2* — по Петцольд, *3,8* — по Вихман)

фигур и особенно их названия значительно видоизменились в соответствии с условиями европейского феодального общества. Во всех европейских языках шах стал называться королем, а ферзь — королевой (позднее — дамой). Слон сохранил свое название в арабской форме только в Италии (alfiere) и Испании (alfil), имевших прямой контакт с арабской культурой. Во всех остальных европейских странах, незнакомых с диковинным животным и арабами, слон был заменен разными фигурами и соответственно названиями: в Англии это был «епископ», во Франции — «шут», в Германии — поначалу «старший» (Alten), реже — «епископ», а позднее, с изменением правил игры и хода этой фигуры, он стал называться «бегун» (Läufer). Конь превратился у европейцев в конного рыцаря с разными названиями: «прыгун» (Springer) в Германии и северных странах, «кавалер» — в Южной Европе. Непонятная фигура «рух» стала называться «башня» (Turm) Первоначальные «пешие воины» из индийских и арабских шахмат превратились в «крестьян» (Bauern) [1, с. 75, 76]

Форма шахматных фигур, распространенных в средневековой Европе, хорошо известна из средневековых миниатюр, картин, гравюр и по материалам археологических раскопок. Абстрактные шахматные фигуры арабского типа поначалу были широко распространены в Европе, о чем свидетельствуют их археологические находки, относящиеся к XI—XII вв., в Англии, Германии, Италии, Польше, Испании [1, с. 65, 69; рис. 14—17, 19; 2—4] и изображения в миниатюрах [1, рис. 37, 43; 5, рис. 23] Наряду с перенятыми у арабов абстрактными фигурами в европейских странах, где были сильны традиции изобразительного искусства, бытовали и изобразительные шахматы. Особенно замечательна находка на о-ве Льюис (Шотландия) 78 изобразительных фигур рубежа XII—XIII вв., среди которых короли, королевы, епископы, рыцари, пешие воины [6, рис. 129] В некоторых случаях абстрактные по форме фигуры арабского типа заполнялись различными изображениями и сценами из рыцарской жизни и даже из библейской истории. Известна, например, абстрактная ладья, храня-

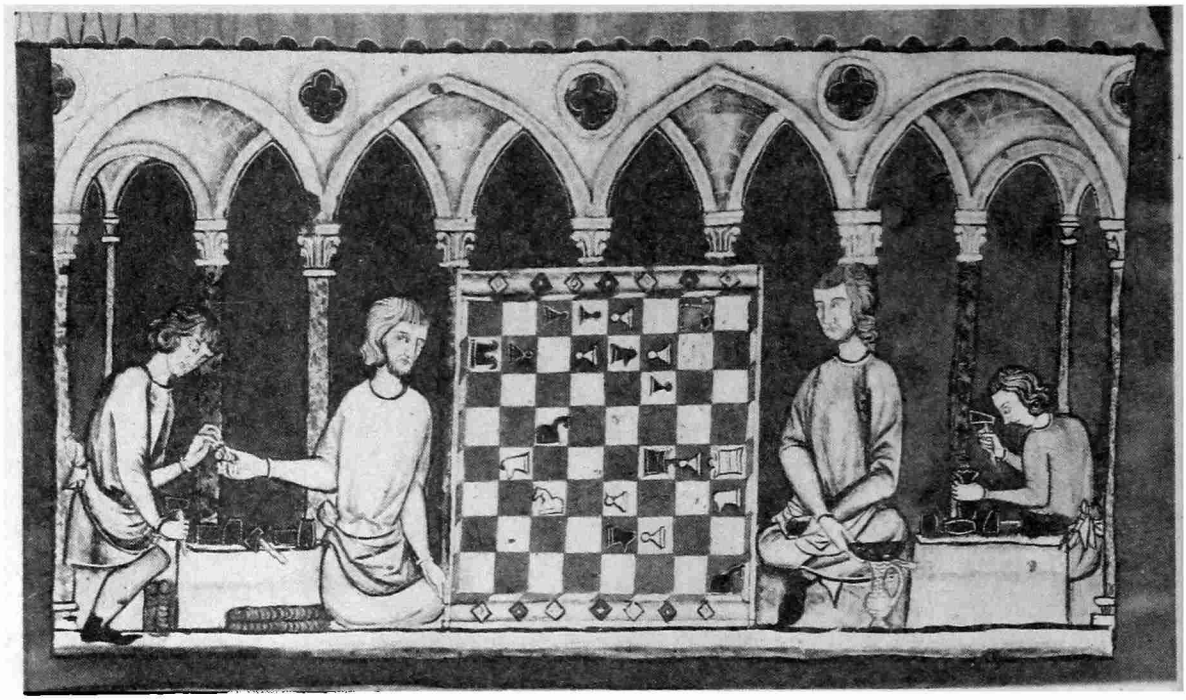


Рис. 2. Миниатюра из «Кодекса Альфонсо» (по Петцольд)

щаяся в Лувре, на одной стороне которой изображен рыцарский турнир, на другой — грехопадение Адама и Евы [5, рис 31, 32]

Интерес к шахматной игре в Европе был так велик, что очень рано стали появляться книги о шахматах. Самым первым шахматным руководством можно назвать «Кодекс Альфонсо», созданный в 1283 г испанским королем Альфонсо. Эта рукописная книга богато иллюстрирована миниатюрами (150 экз.), посвященными шахматной игре [1, с. 77—91] Кодекс по праву может считаться энциклопедией средневековой шахматной игры. В нем наряду с описанием правил игры и партий автор указывает, как должны выглядеть шахматные фигуры в идеальном варианте: «король» сидит на троне с мечом в руках; «ферзь» изображен в виде мужской фигуры, несущей знак короля; «слоны» — с башнями на спинах, в которых находятся вооруженные мужчины; «кони» изображаются как конные рыцари; «башни» должны символизировать рыцарский замок, а «крестьяне» изображаются как пехота рыцарского войска [1, с. 89]

Однако сам автор «Кодекса», видимо, понимал, что изготовление таких шахмат очень дорого и трудоемко, и поэтому в действительности использовались упрощенные и, следовательно, более дешевые формы шахмат, изображенные в многочисленных миниатюрах «Кодекса» [1, рис. 25, 27—31, 33, 34]. Большинство фигур в них имеет несомненное сходство с арабскими образцами, однако у пешки иные очертания, а фигура коня изображена в виде реальной головы коня (рис. 2). Заметим, что и дорогостоящие изобразительные фигуры, и абстрактные фигуры арабского типа делались вручную, что нашло отражение в одной из миниатюр «Кодекса» (рис. 2) [1, рис. 30]

В XIII в. в Европе стала вырабатываться новая форма абстрактных шахматных фигур, которая хотя и была связана с арабскими прототипами, но существенно от них отличалась. Из-за недостатка материала трудно проследить последовательное развитие форм от арабских прототипов к фигурам новой абстракции, но общую тенденцию уловить можно. Шахматы новой конфигурации постепенно утратили присущее арабским фигурам смысловое значение, когда каждая фигура несла в себе какой-то символ и вызывала ассоциации с тем или иным предметом.

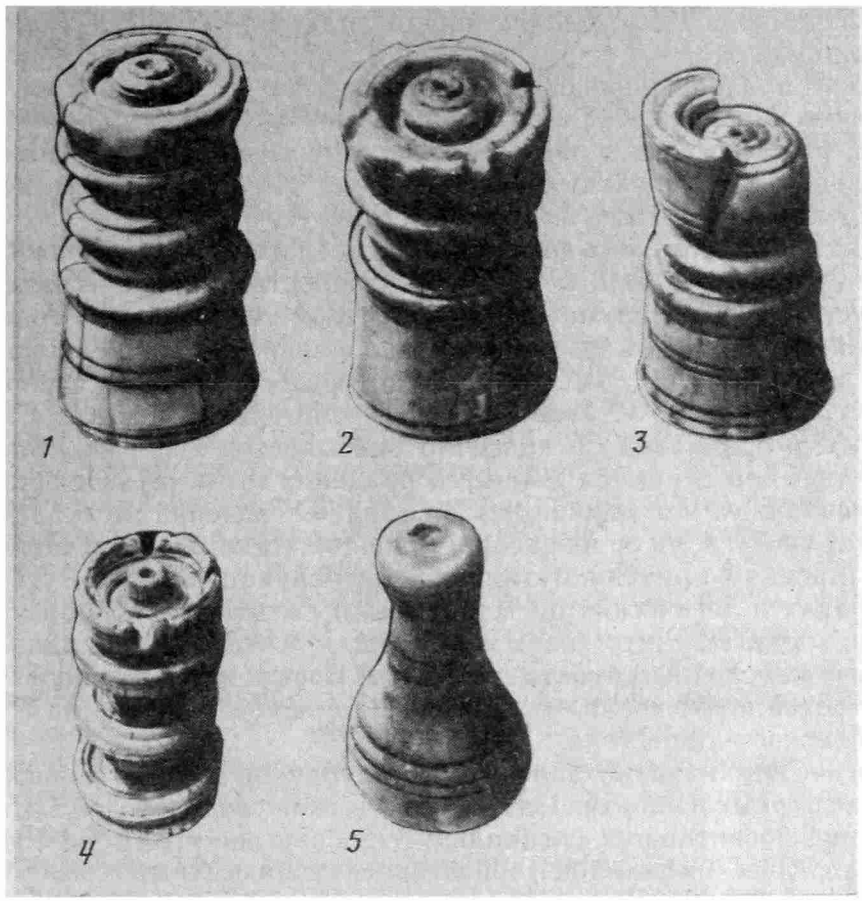


Рис. 3. Западноевропейские абстрактные шахматные фигуры (кость), Скандинавия (по Вихман)

В отличие от арабских фигур новые шахматы имели ярко выраженный геометризированный облик, были многоярусными и не связывались с реальными предметами (рис. 3) [5, рис. 74] В шахматной литературе этот тип фигур получил название konventionell, обозначающее одновременно традиционность и условность данной формы фигур [5, с. 45] Для всех фигур новой абстракции характерно массивное круглое основание, на котором помещались основные компоненты фигуры, чаще всего — цилиндр с ярусами чашеобразной формы или другими дополнениями. Из всех фигур «ладья» (в Европе — «башня») долгое время сохраняла связь с арабской формой, имея прямоугольную основу и расчлененный верх, напоминающие арабскую фигуру «рух» [5, с. 48, 49].

«Конь» в этом новом типе абстрактных шахмат был изобразительным, точнее — условно-изобразительным: на круглой подставке находилось изображение головы животного. Трудно сказать, чем обусловлено реальное изображение коня в новом типе фигур. Возможно, это связано с эпохой рыцарских походов (именно в это время возникает новый тип), когда конь был постоянным спутником жизни.

Возникшая в XIII в. новая абстрактная форма[1] постепенно вытеснила шахматы арабского типа и с конца XV в. стала господствующей. Будучи приспособлена для изготовления на токарном станке, она была способна удовлетворить все увеличивающийся спрос на шахматные фигуры в связи с широким распространением в это время шахматной игры. В новое время эта форма стала общепризнанной и в модифицированном виде дошла до наших

[1] Очевидно, в «Кодексе Альфонсо» зафиксировано зарождение отдельных фигур новой абстракции: пешки и коня.

дней. Не случайно в современном наборе шахматных фигур «конь» остался изобразительным.

Эволюция западноевропейских шахматных фигур хорошо прослеживается по археологическим находкам и разнообразному изобразительному материалу. Необходимо отметить, что в разных странах существовали местные варианты изобразительных и абстрактных шахмат, в чем легко убедиться, познакомившись с коллекциями шахмат из разных стран [1, 3].

Древнерусские шахматные фигуры. До археологических находок шахматных фигур почти ничего не было известно о распространении шахматной игры в Древней Руси. Термин «шахматы» впервые упоминается в 80-е годы XIII в. в Новгородской Синодальной Кормчей в связи с запретом священникам играть в шахматы и другие игры [7, стб. 1584] Некоторые сведения об игре в шахматы содержатся в былинах о Ставре Годиновиче, Михайло Потыке, Садко, Илье Муромце, где эмоционально и красочно описывается ход игры, упоминаются шахматные термины, имеются данные о правилах игры [8] Однако из былин и других письменных источников нельзя извлечь сведений ни о времени появления шахмат на Руси, ни об их распространении, ни тем более о форме шахматных фигур. Мнения о времени, путях проникновения шахмат на Русь, построенные на догадках и логических посылках, были самыми разнообразными. Одни исследователи считали, что шахматы пришли к нам из Западной Европы, другие называли исходным пунктом арабский Восток или Армению, Грузию или Византию, третьи доказывали, что шахматная игра появилась на Руси только после монгольского нашествия.

Археологические находки дали в руки историков шахмат новый материал для решения спорных вопросов. Один из ведущих исследователей в этой области И. М. Линдер, посвятивший специальную работу шахматам на Руси [9], на основе археологических находок и сопоставления шахматных терминов в разных языках пришел к выводу, что шахматы на Руси появились и распространились с арабского Востока не позднее IX—X вв. [9, с. 54]. Знакомство с фактическим материалом убеждает в неправомерности некоторых выводов этого исследователя, в частности о раннем распространении шахмат на Руси, о создании здесь новой формы шахмат, об общей типологии шахматных фигур. Собранный материал пока не дает оснований для окончательных выводов о времени появления шахмат на Руси и особенно о конкретных путях их проникновения.

Древнерусские названия шахматных фигур неизвестны [2], поэтому для их обозначения используются более поздние термины, происходящие из рукописных материалов XVII в. и зафиксированные впервые в изданиях XVIII в. [9, с. 34—54]. При этом русские названия: «царь», «конь», «слон», «пешка» — есть прямой перевод с арабского. Впоследствии термин «царь» из этикетных и политических соображений был заменен термином «король», окончательно утвердившимся в XIX в. Термин «ферзь» заимствован с восточного без перевода и в таком виде существует только в русском языке. Точно так же только в русском языке известен термин «ладья», который, с одной стороны, напоминает об аналогичном названии на родине шахмат (на́ука — лодка), с другой — отражает сходство арабской символической фигуры с древнерусской ладьей. Таким образом, русские шахматные термины обнаруживают непосредственную связь с арабскими наименованиями и свидетельствуют о восточном происхождении древнерусских шахмат [9, с. 54].

При раскопках древнерусских городов обнаруживаются чаще всего абстрактные фигуры, но встречаются и изобразительные.

К **изобразительным** шахматам И. М. Линдер относит костяные фигурки короля из Берестья, ферзя из Лукомля, короля из Старой Рязани, слона из

[2] Долгое время шахматы назывались в России шашечной игрой, и, возможно, фигуры для игры именовались шашками. Вместе с тем, если исходить из того, что шахматы отражают местные условия, можно предположить, что в Древней Руси бытовали иные названия шахматных фигур, особенно для фигур короля и ферзя, чем их поздние аналоги.

Белой Вежи, пешего воина и ладьи из Волковыска, коня из Новгорода и каменную ладью из Гродно [9, с. 89—96]

Костяная фигурка из Берестья подробно описана автором раскопок П. Ф. Лысенко, отнесшим находку к XIII в. и отметившим ее связь с романским искусством [10, с. 197], что снимает вопрос о местном происхождении этой фигурки. Она представляет собой поясное изображение воина в круглой плоской шапочке, со щитом в одной руке и булавой (?) в другой. Вряд ли она может быть идентифицирована с фигуркой «короля», поскольку в ней отсутствуют обязательные атрибуты, присущие шахматным «королям»: корона, меч или скипетр. Щит в королевских фигурках никогда не изображался и был атрибутом пешего воина — «пешки» [1, рис. 21, 24] Очевидно, данную фигуру следует отождествлять или с «ферзем» или скорее с «пешкой», выполненной в традициях западноевропейского изобразительного искусства.

Костяная фигурка из Лукомля, названная первоначально «королем», позднее была определена как фигура «ферзя» [9, с. 91—93] Обращает на себя внимание восточный характер фигурки, изображающей мужчину в восточном одеянии, сидящего в характерной восточной позе. Стиль изображения ставит под сомнение местное ее изготовление.

Не имеет аналогов ни на Западе, ни на Востоке находка из Старой Рязани, которую И. М. Линдер считает изобразительным «королем» [9, с. 89, 90] Эта находка представляет собой круглый костяной кружок диаметром 2,8 см, толщиной — 0,5 см, на одной стороне которого изображен в полный рост воин со щитом и мечом [11, с. 71]. Наличие щита не позволяет отождествлять это изображение с изображением короля, а атрибуция самого предмета как шахматной фигурки останется спорной до тех пор, пока не будут найдены веские аргументы для этого.

Что касается фигурки слона из Белой Вежи, то она носит откровенно привозной характер и, кроме того, имеет косвенное отношение к древнерусским древностям.

Две изобразительные фигурки происходят из Волковыска [12, с. 57, 58] Одна из них изображает пешего воина с бубном и изогнутой колотушкой, т. е. представляет собой музыканта. Трактовка этой фигурки как древнерусской также не бесспорна. Дело в том, что бубен с изогнутой колотушкой не был распространен в Древней Руси, а имел хождение в Византии и на Западе. Поэтому изображение музыканта несет в себе «не столько древнерусские, сколько общеевропейские элементы с очевидным византийским импульсом» [13] Возможно, к этому же набору шахмат относится и изобразительная фигурка ладьи. Отмечу, кстати, что изображенные на ней щиты миндалевидной формы широко бытовали в Европе до конца XIII в. [14, с. 438].

Замечательна тщательно вырезанная из камня фигурка ладьи, происходящая из случайных находок в Гродно [15, с. 65—76, рис. 37]. Ладья с четырьмя воинами и щитами на бортах покоится на высокой ножке, стоящей на прямоугольном основании длиной 5,5 см, шириной 1,5 см. Она отражает, по мнению Н. Н. Воронина, тип реального судна. Затрудняясь в определении назначения этого предмета, он признал, что она может являться «фигурой богатого художественного набора шахматной игры» [15, с. 76] Однако вызывают недоумение отверстия в подставке — ведь прикреплять устойчивую каменную фигуру к шахматной доске нет необходимости. Вместе с тем эти отверстия не могут быть случайными. В связи с этим следует признать необходимым дополнительный тщательный источниковедческий и искусствоведческий анализ как этой фигуры, так и похожей на нее костяной ладьи из Волковыска, прежде чем делать окончательные выводы об их происхождении и назначении.

Еще 1 изобразительная фигура происходит из раскопок 1986 г Верхнего замка в Слуцке [48, с. 367]. Она выполнена из кости и представляет собой сидящую на троне (?) мужскую фигуру с положенными на колени руками. Данное изображение отдаленно напоминает изобразительные фигуры с о-ва Льюис и фигуру короля из Трондхейма в Норвегии.

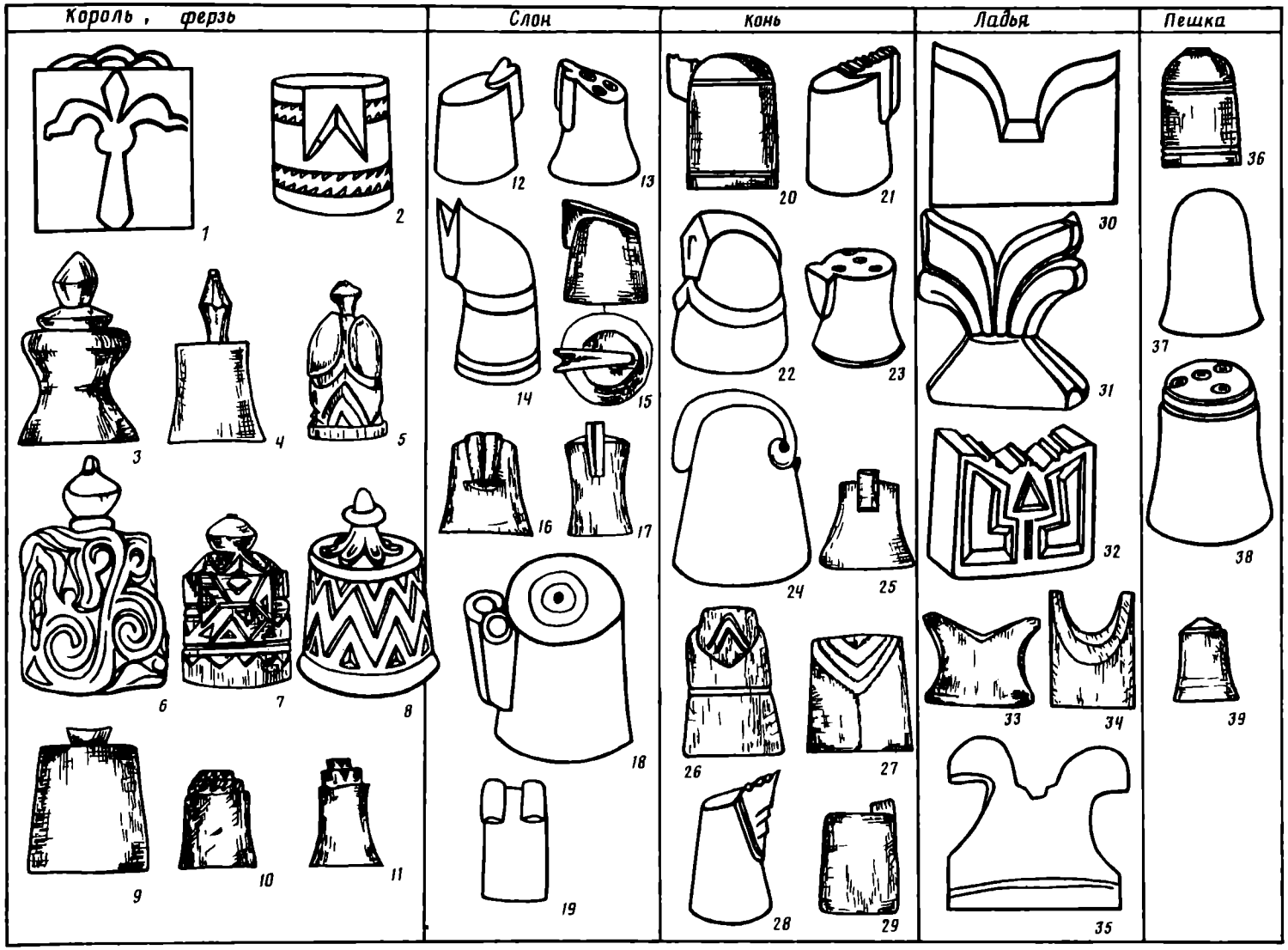


Рис. 4. Новгородские шахматные фигуры арабского типа. *1, 13, 18, 20, 36* — кость, остальные — дерево

Краткий обзор перечисленных изобразительных фигур показывает, что изобразительные шахматы не были распространены на Руси. В этом нас убеждают небольшое количество изобразительных фигур, которые надежно определяются как шахматные, и привозной характер большинства из них.

Две фигурки коней из Новгорода вряд ли относятся к типу изобразительных шахмат. Одна из них, костяная миниатюрная фигурка коня с подогнутыми ногами, опущенной головой, с седлом и стременами, обнаружена в слое рубежа XIII—XIV вв. Другая, найденная в слое XV в., представляет собой вырезанную из дерева голову коня и всем обликом напоминает современную шахматную фигуру коня. Несомненно, она происходит из шахматного набора фигур новой абстракции, в которой конь оставался условно-изобразительным. Возможно, к подобному набору относится и костяная фигурка коня, тем более, что она не содержит в себе непременных элементов изобразительного шахматного коня, который всегда изображался в виде фигуры всадника.

Абстрактные фигуры. Коллекция абстрактных шахматных фигур, собранная при раскопках древнерусских городов, насчитывает около 170 экз. и содержит набор всех шахматных фигур: короля, ферзя, слона, коня, ладьи, пешки. Самая большая, четко датированная коллекция шахмат собрана в Новгороде (126 экз.) [3], поэтому обратимся сначала к ее обзору.

Большую часть новгородских абстрактных фигур составляют фигуры, выполненные по арабскому образцу. При раскопках в разных районах города их собрано более 100 экз., в подавляющем большинстве вырезанных из дерева.

Король, ферзь. 26 экз. (1 — кость, 25 — дерево), (рис. 4, *1—11*) Поскольку арабские абстрактные фигуры короля и ферзя были одинаковой формы, отличить их друг от друга по размеру или по отсутствию верхнего выступа можно только в полном комплекте шахматных фигур или в частичном, но сохранившем фигуры и короля, и ферзя. Атрибуция новгородских королей и ферзей усложнена тем, что они представлены единичными находками и в силу этого не могут быть определены достаточно надежно, поэтому рассматриваются вместе.

Самые ранние фигуры (2 деревянные и 1 костяная) происходят из слоев второй половины XIII в; 2 из них имеют близкое сходство с арабскими прототипами (рис. 4, *1, 2*) Изображение лилии на костяной фигурке свидетельствует скорее всего об ее западноевропейском происхождении, так как лилия была геральдическим цветком в Западной Европе и часто изображалась на печатях немецких купцов [16, рис. 8] Третья ранняя фигура знаменует зарождение местного варианта абстрактных фигур (рис. 4, *3*). Эта несколько усложненная форма превратилась к началу XIV в. в простой усеченный конус с биконическим завершением и стала самой устойчивой формой королей и ферзей на протяжении XIV—XV вв. (рис. 4, *4*). Всего известно 13 фигур этой разновидности, но существуют и другие варианты завершения таких фигур (рис. 4, *5, 9—11*).

Несомненно, к числу «королевских» относятся 3 фигуры XIV в., богато орнаментированные растительным и геометрическим узором (рис. 4, *6—8*). При этом 2 из них сохраняют трехчастность арабского абстрактного короля, а 1 тяготеет к местному варианту.

Слон. 20 экз. (1 — кость, 19 — дерево) (рис. 4, *12—19*). Все фигуры происходят из слоев XIV—XV вв. Хотя фигуры слонов из новгородской коллекции сделаны по арабскому образцу, среди них нет ни одной фигуры, имеющей близкие аналогии с арабским прототипом. Выступы у слонов оформлены разнообразным способом, чаще — сбоку, но иногда возвышаются над верхней пло-

---

[3] Необходимо отметить, что количество шахматных фигур как из новгородской коллекции, так и из других городов не совпадает с опубликованными ранее данными ввиду того, что к шахматным фигурам относили предметы, принадлежащие другим категориям; навершия ножей, заостренные палочки и др. В данной работе все сомнительные предметы из разбора исключены.

щадкой фигуры. Есть экземпляры с одним выступом, но обязательно раздвоенным. Обращает на себя внимание фигурка слона с Троицкого раскопа, из слоя рубежа XIV—XV вв. (рис. 4, *14*), тщательно отделанная, с орнаментом в виде параллельных полос и остатками красной краски. Костяная фигурка слона рубежа XIV—XV вв. имеет выступы в виде раструба с отверстиями (рис. 4, *18*), назначение которых неясно.

Конь. 24 экз. (7 — кость, 17 — дерево) (рис. 4, *20—29*). Только 1 костяная фигура из слоя второй половины XIII в. имеет непосредственное сходство с арабским образцом (рис. 4, *20*), остальные фигуры являются местными вариантами и происходят в основном из слоев XIV—XV вв. Один выступ «коня» символизирующий голову животного, как правило, имеет простую форму, но встречаются индивидуальные экземпляры с особым устройством выступа и орнаментом.

Ладья. 22 экз. (1 — камень, 21 — дерево) (рис. 4, *30—36*). Самую близкую аналогию арабским «ладьям» имеет фигура из слоя второй половины XIII в. (рис. 4, *30*), остальные экземпляры относятся к XIV—XV вв. и представляют собой разнообразные местные варианты. «Ладья» со сквозной резьбой с Троицкого раскопа (рис. 4, *32*), так же как и слон с этого раскопа, содержит остатки красной краски. Возможно, обе фигуры относятся к одному комплекту шахмат. Кроме фигур с прямоугольным основанием, характерным для абстрактных «ладей» арабского типа, обнаружен 1 экз. незамысловатой формы, представляющий собой простой цилиндр с выемкой в верхней части (рис. 4, *34*).

Пешка. 23 экз. (9 — кость, 14 — дерево) (рис. 4, *37—41*). Так же как и в предыдущих случаях, ближайшую аналогию арабским фигурам имеет «пешка» второй половины XIII в. (рис. 4, *37*). Все остальные фигуры относятся к XIV—XV вв. и представляют собой усеченный конус (реже — цилиндр) с закругленным или срезанным верхом. Некоторые фигурки украшены одним или несколькими рядами сдвоенных параллельных линий.

Некоторые фигурки «коней», «слонов», «пешек» содержат на верхней площадке глазковый орнамент, не только имеющий очевидно декоративный характер, но несущий и смысловую нагрузку.

Размеры большинства новгородских шахмат колеблются в высоту от 2—2,5 до 3—3,5 см, отдельные фигуры, особенно «короли» и «ферзи», достигают 4—5 см, а некоторые экземпляры, напротив, представляют собой шахматы-малютки высотой всего 1—1,5 см.

Главным и в известной степени неожиданным в хронологической характеристике новгородских шахматных фигур стало то обстоятельство, что вопреки распространенному в литературе мнению о существовании в Новгороде шахмат с XI в. [9, с. 108; 17, с. 52] в новгородском собрании шахмат не обнаружено ни одной четко атрибутированной шахматной фигурки ранее второй половины XIII в. В хронологическом отношении новгородские шахматы распределяются следующим образом: вторая половина XIII в.— 9 экз., первая половина XIV в.— 26, вторая половина XIV в.— 46, первая половина XV в.— 32 экз. Слои XV в. в Новгороде изучены неравномерно из-за плохой сохранности или отсутствия напластований второй половины XV в., поэтому количество находок в слоях XV в. не отражает реального состояния шахматной игры в это время.

Обзор новгородской коллекции абстрактных шахматных фигур демонстрирует их заметное отличие от арабских прототипов, за исключением самых ранних экземпляров. Возможно, именно они служили образцами для изготовления в Новгороде местных вариантов абстрактных фигур арабского типа. В форме фигур не удалось проследить динамики развития, преобладания той или иной формы или каких-то устойчивых форм фигур. Исключение составляют приведенные выше фигуры короля и ферзя с биконическим завершением — форма, существовавшая в течение всего средневековья.

Среди новгородских шахматных фигур абстрактного типа выделяется группа точеных костяных фигур, совершенно отличных от только что рассмотренных форм (рис. 5, *1—4, 9, 12, 13, 19*).

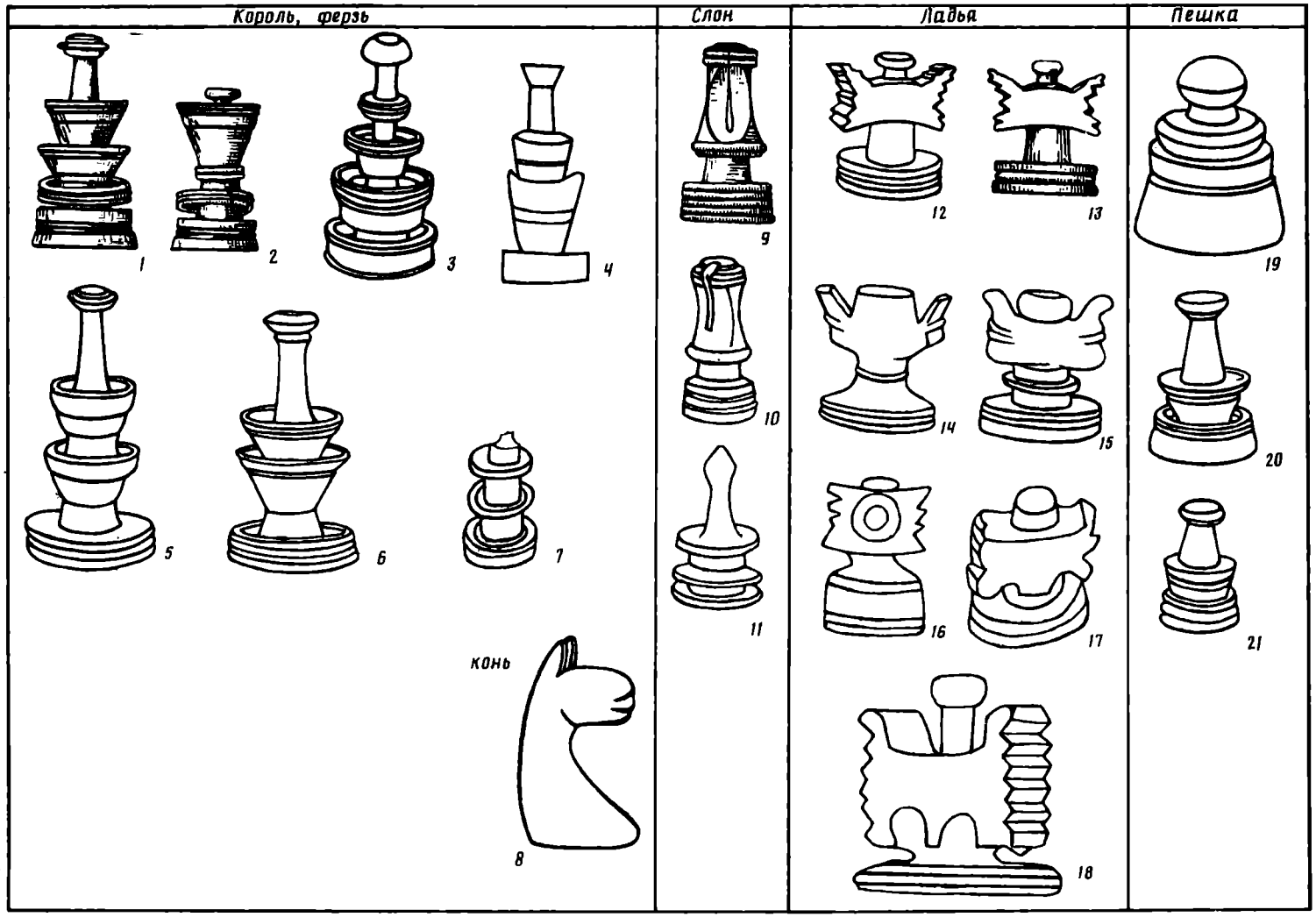


Рис. 5. Древнерусские шахматные фигуры западного типа (кость). *1—4, 9, 12, 13, 19* — Новгород; *5, 11* — Полоцк; *6* — Друцк; *7, 14, 16* — Киев; *10* — Николо-Ленивец; *15* — Витебск; *17* — замок Лида; *18* — Мстиславль; *20* — Новогрудок; *21* — Торопец

Самой ранней находкой среди них является пешка, обнаруженная в раскопе на Михайловой улице, в слоях второй половины XIII в. Она напоминает пешки из миниатюр «Кодекса Альфонсо» и вместе с тем содержит элементы многоярусности (рис. 5, *19*). Подавляющее большинство этой группы шахматных фигур происходит с Готского раскопа, где они обнаружены в слое рубежа XIV—XV вв. (8 экз.). У фигур короля и ферзя на массивном круглом основании устроен цилиндр с двумя чашеобразными ярусами. Две фигуры имеют свободно вращающееся выточенное кольцо (рис. 5, *1, 2*). Фигура слона также имеет массивное круглое основание, на которое поставлен цилиндр с двумя полукруглыми выемками и вырезом в середине (рис. 5, *9*). Две фигуры ладьи в основе содержат плоскую фигуру с характерными боковыми выступами, с выступающей верхней частью, покоящуюся на цилиндре, который в свою очередь поставлен на круглую подставку (рис. 5, *12, 13*), т. е. наблюдается принцип многоярусности, отмеченный для других фигур этого комплекта. Одна фигура короля многоярусной композиции происходит из раскопок 1947 г. в Ярославовом Дворище, еще один подобный король обнаружен в подъемном материале, собранном у гребного канала.

Представляется несомненным сходство указанных фигур с западноевропейскими шахматами новой абстракции, возникшей в Европе в XIII в. и широко распространившийся в конце XV в. Ближайшие аналогии этим фигурам находятся в шахматах, происходящих из северных стран Европы (рис. 3) [5, рис. 35, 74; 18, рис. 36, 37] Принимая во внимание, что главным местонахождением указанной группы шахмат является Готский раскоп, на котором была исследована часть гостиного двора ганзейских купцов [19], следует признать западноевропейское происхождение этого типа шахмат для Новгорода. Не противоречат этому выводу и находка «короля» на Ярославовом Дворище, по соседству с которым устраивались иноземные дворы, и фигурка из подъемного материала, в составе которого находится много западноевропейских предметов.

Вместе с тем за все время раскопок ни на одной новгородской усадьбе не обнаружено подобных или хотя бы отдаленно их напоминающих шахматных фигур, хотя, как мы помним, в слоях XIV—XV вв. собрано наибольшее количество шахмат. Исключение составляет упомянутая абстрактная пешка с Михайловского раскопа. Она, действительно, может считаться исключительной находкой, поскольку найденная в слоях второй половины XIII в. осталась единственным экземпляром этого типа шахмат в собственно новгородской коллекции и не стала образцом для изготовления в это время шахматных фигур. Новгородцы восприняли прежде всего восточную традицию в изображении абстрактных шахмат. До сих пор в Новгороде не найдено шахматных фигур новой абстракции местного производства. Вместе с тем 2 изобразительных коня, о которых речь шла выше, судя по всему, происходят из комплектов шахмат новой абстракции, где фигура коня оставалась условно-изобразительной, и свидетельствуют об усвоении новгородцами новой традиции.

Рассмотрим теперь находки абстрактных шахматных фигур в других древнерусских городах. По сравнению с Новгородом шахматные фигуры в них являются единичными находками: к настоящему времени зафиксировано около 50 шахматных фигур в 20 пунктах (рис. 5, *5—7, 10, 11, 14—18, 20, 21*; 6) [4] Подавляющее их число сделано из кости; исключение составляют деревянные фигурки из Минска (3 экз.) и Слуцка (2 экз.) и каменная фигурка из Звенигорода (1 экз.).

Витебск. В 1966 г., во время раскопок посада Нижнего замка, в слое XIII в. обнаружена ладья, имеющая ближайшую аналогию в фигурках Готского раскопа (рис. 5, *15*) [20, рис. 21; 9, с. 73]. Еще одна подобная фигурка ладьи

[4] Уже отмечалось, что из обзора исключены все сомнительные, не поддающиеся четкому атрибутированию предметы. Наша работа не претендует на исчерпывающую полноту, поскольку в ней использованы главным образом уже изданные материалы и не исключено, что еще не все находки шахматных фигур опубликованы.

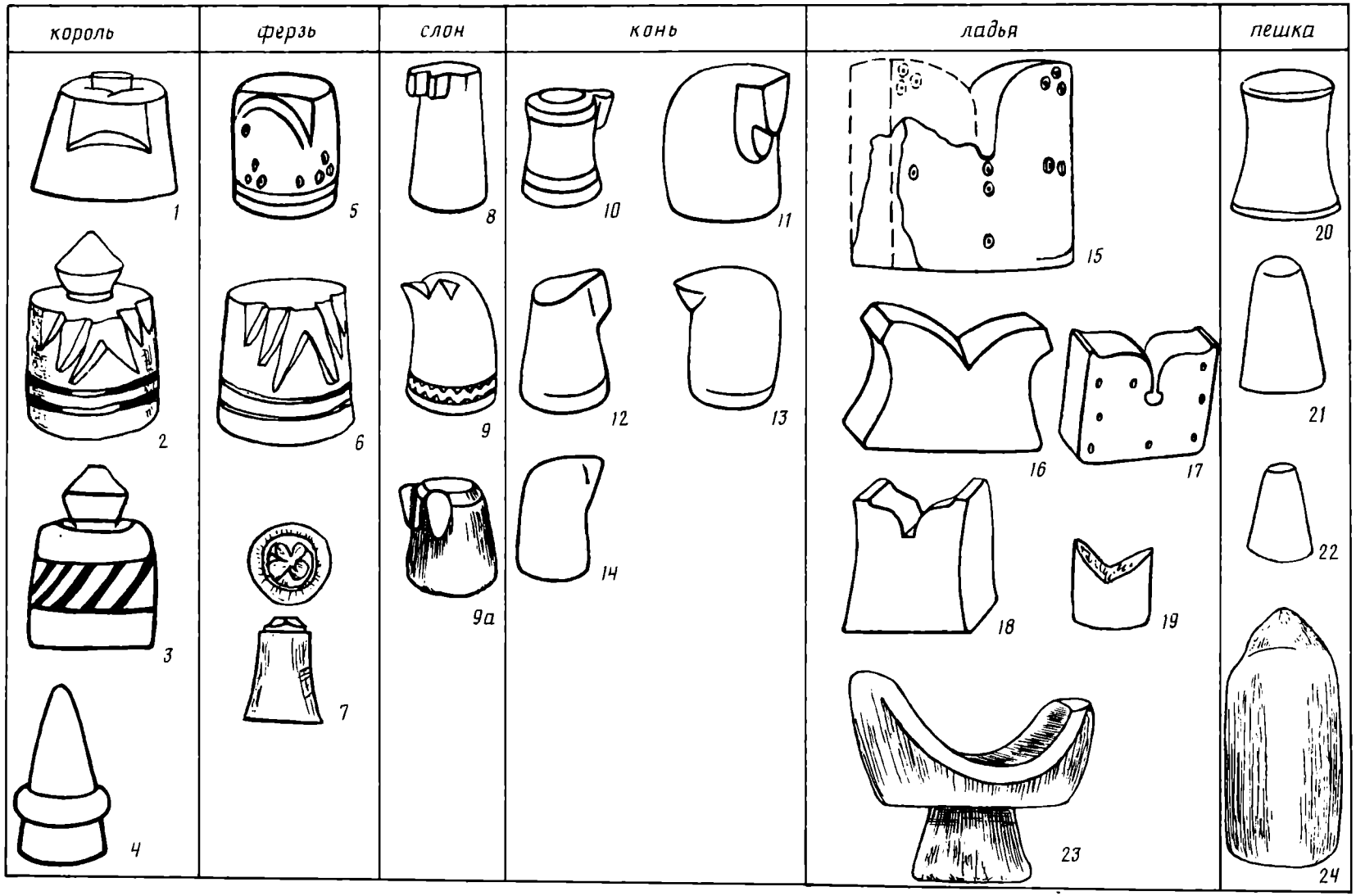


Рис. 6. Древнерусские шахматные фигуры арабского типа. *1, 5, 10, 15* — Киев; *2, 6, 11, 16* — Смоленск; *3* — Звенигород, *4, 19* — Минск; *12* — селище на р. Менка; *13* — Новогрудок; *8, 20, 21* — Друцк, *9, 14* — Туров; *17* — Копысь; *18* — Волковыск; *22* — Суздаль; *9а, 23, 24* — Слуцк (*4, 19* — дерево, остальные — кость)

обнаружена в 1977 г. в слое XIII—XIV вв.

Волковыск. Кроме 2 изобразительных фигур отсюда происходит и абстрактная ладья арабского типа из слоя XII в (рис. 6, *18*) [21, с. 57, 58, рис. 19, *3*].

Друцк. При раскопках этого города найдены 4 целые и 1 обломанная фигуры, из которых 3 относятся к арабскому типу (рис. 6, *8, 20, 21*) и датируются XII—XIII вв. Фигурка короля или ферзя аналогична готским находкам и стратиграфической даты не имеет (рис. 5, *6*) [22, с. 234, рис. 68, *9—13*]

Звенигород. При раскопках городища в слое XIII—XIV вв. найден «король» из известняка, относящийся к арабскому типу [23, с. 52—57]. По форме фигурка очень близка новгородским с биконическим завершением (рис. 6, *3*).

Изяславль. В одном из раскопов детинца в слое XIV в. обнаружена точеная фигура в виде усеченного конуса в выступом наверху в виде горошины. Боковая поверхность фигурки изрезана бороздками [9, с. 117; 24, с. 88]. И. М. Линдер определил ее как пешку новой абстракции [9, с. 125], однако по форме эта фигурка напоминает скорее шахматы арабского типа (рис. 6, *22*).

Киев. Несколько шахматных фигур известно из раскопок 30-х годов [25, с. 196—199, рис. 2]. Среди них ферзь (возможно, король) сохраняет архаические черты, роднящие его с арабским прототипом (рис. 6, *5*). Две «ладьи» и трехъярусный «король» (рис. 5, *7, 14, 16*) находят ближайшие аналогии среди шахмат Готского раскопа в Новгороде. Две фигурки из этой публикации относятся ко времени не ранее XVI—XVII вв., а 3 предмета вообще не являются шахматными фигурами. Из раскопок 1932 г происходит фигурка коня арабского типа [26, с. 120, рис. 5, *3, 6, 10*]. Как указывает автор публикаций перечисленных фигур, ферзь обнаружен в недатированном подъемном материале, а все остальные фигуры — в древнерусском слое, широко датированном XII—XIII вв. Отсутствие сведений об условиях залегания этих предметов, нерасчлененность слоя на более узкие и четкие в хронологическом отношении прослойки не дают оснований для надежных датировок указанных находок.

При раскопках «города Ярослава» в 80-ые гг. в одном из срубов найдены шахматные фигуры арабского типа (рис. 6, *1, 15*) [27, с 43; рис. 10]. Авторы публикации датируют постройку XII в., хотя приведенный ими список находок не позволяет ограничиваться только этой датой.

Копысь. Шахматная фигурка ладьи арабского типа (рис. 6, *17*) обнаружена в хозяйственной яме с большим количеством находок XII—XIII вв. [28, с. 309]. Фигурка, найденная в этом городе в 1972 г. и атрибутированная как пешка новой абстракции [29, с. 359], вряд ли может быть признана шахматной

Замок Лида. Неподалеку от Гродно, при раскопках в Лидском замке, в слое XIV—XVI вв. найдены ладья и круглое основание другой фигуры [30, с. 446]. Фигурка ладьи (рис. 5, *17*) является вариантом того типа ладей, который происходит с Готского раскопа с Новгороде и находит ближайшую аналогию в фигуре ладьи Стокгольмского музея.

Селище на р. Менка. При раскопках селища в одной из многочисленных ям хозяйственного назначения среди других находок обнаружена фигурка коня арабского типа (рис. 6, *12*) [24, с. 67, рис. 43, *3*]. По керамике и некоторым другим находкам селище датируется X—XI вв., однако наряду с ранними формами керамики здесь встречаются фрагменты керамики XII—XIII вв.— 1,4% и XIV—XVI вв.— 9,3% [24, с. 67]. Кроме того, культурный слой селища нарушен перекопами и вспашкой и не имеет стратиграфически четкой картины.

Минск. В городской усадьбе второй половины XII в. найдены 4 деревянные фигуры: сигарообразная высотой 6 см, конусообразная с пояском, 2 цилиндра с выемкой в верхней части [31, с. 195]. Все они атрибутированы как шахматные фигуры, хотя в первой из них трудно усмотреть признаки шахматной фигуры. Остальные предположительно определены как фигура короля — 1 экз. и ладьи — 2 экз. (рис. 6, *4, 19*).

Мстиславль. В перепаханном огородном слое детинца обнаружена ладья [32, с. 399] которая напоминает ладьи с Готского раскопа, но имеет конфи-

гурацию близкую по форме ладье из Лидского замка и Стокгольмского музея (рис. 5, *18*)

Николо-Ленивец В хозяйственной яме городища XII—XIII вв. найден «слон» (рис. 5, *10*), ближайшей аналогией которому является фигура слона с Готского раскопа [33, с. 237, 239].

Новогрудок. В одной из построек, относящейся к рубежу XII—XIII вв., обнаружена фигурка коня арабской абстракции (рис. 6, *13*) [34, с. 71; рис. 55, *10*]. Кроме того, при раскопках детинца в слое XIV в. найдена пешка новой абстракции (рис. 5, *20*) [9, с. 117].

Орешек. При раскопках крепости в слое XIV в. найден «конь», сделанный по арабскому образцу [35, с. 17]

Полоцк. Среди находок обнаруживаются шахматные фигуры короля и слона, напоминающие по форме подобные фигуры с Готского раскопа (рис. 5, *5, 11*). Фигура короля датируется концом XIII в., слона — рубежом XIV—XV вв. [36, с. 35, рис. 18 *7* с. 94, рис. 48]

Слуцк. При раскопках Верхнего замка здесь найдено 3 деревянные шахматные фигуры: слон, ладья и пешка [5] Слон происходит из слоя XIII в [37, с. 453] и чрезвычайно напоминает арабского слона (рис. 6, *10*) Ладья имеет индивидуальную форму, непохожую на ладьи арабской и западной абстракции (рис. 6, *23*) Конструктивно она имеет большое сходство с изобразительными ладьями из Гродно и Волковыска (помещена на круглой подставке), но выполнена без изобразительных элементов. Пешка представляет собой закругленный вверху цилиндр По мнению автора раскопок, 2 последние фигуры относятся к рубежу XI—XII вв

Смоленск. При раскопках города в слое второй половины XIII в. найдено 4 фигуры арабского типа, происходящих, несомненно, из одного набора [38] (рис. 6, *2, 6, 11, 16*). Кроме того, здесь в слое XIV в. обнаружена точеная костяная фигура, аналогичная «королевским» фигурам Готского раскопа, а также «королям» из Полоцка и Друцка.

Суздаль. В 1980-е годы в слоях XIII—XIV вв. найдено несколько шахматных фигур арабского типа (рис. 6, *7, 22*) [39] Кроме того, здесь обнаружена фигура короля новой абстракции, которую следует датировать не ранее XVI в. по аналогии с подобными фигурами из других городов

Торопец. При раскопках городища в слое XIII в найдена пешка многоярусной композиции (рис. 5, *21*) [9 с 117 121]

Туров. Здесь обнаружены фигуры коня и слона арабского типа (рис. 6, *9, 14*) Они происходят из слоя, не имеющего четкой стратиграфии и датировки, в котором встречаются предметы XI—XIV вв Шахматные фигуры найдены в верхней части 4-го слоя, который датируется XIII в. [40, с. 59; рис. 11, *2, 3*].

Обзор шахматных фигур древнерусских городов показывает несомненное знакомство их жителей с шахматной игрой однако говорить о широком распространении шахмат в Древней Руси, кроме Новгорода, пока не приходится. Что касается времени появления шахмат на Русь, то пока нет ни одной надежно датированной шахматной фигуры ранее XIII в Те из них, которые обнаружены в непотревоженном культурном слое, в четко датированных прослойках, относятся авторами раскопок и публикаций к XIII в или к его второй половине (Смоленск, Звенигород, Слуцк, Орешек) В других случаях (Друцк, Киев, Новогрудок, Копысь, Туров и др) шахматные фигуры происходят из стратиграфически нечетких слоев или ям хозяйственного назначения и датируются в широких хронологических рамках XII—XIII вв. [6]

Пользуясь случаем благодарю Л В Колединского за предоставление неопубликованных материалов

[6] Замечу попутно, что датировка одних и тех же фигур по мере изучения археологического материала уточнялась самими авторами публикаций. В первоначальных публикациях шахматные фигуры из различных городов издатели относили к раннему времени. В последующих публикациях тех же памятников эти даты уточнены и шахматные фигуры отнесены уже к более позднему периоду

В связи с исследуемым материалом представляется неправомерным утвердившейся в литературе вывод о широком бытовании шахмат на Руси в XI—XII, тем более в IX—X вв., от которых вообще не дошло ни одной фигуры.

Свидетельством распространения шахматной игры, на мой взгляд, является появление и бытование местных вариантов фигур, что особенно характерно для Новгорода, где фигуры, близкие арабским прототипам, насчитываются единицами, зато преобладают местные варианты арабских абстрактных шахмат. Среди других древнерусских городов местные варианты символических арабских фигур найдены в Смоленске (4 экз.), Минске (3 экз.), по 1 экз. в Киеве, Изяславле, Суздале, Орешке, Звенигороде, где они датируются главным образом XIII в. Шахматные фигуры из Волковыска, Друцка, Киева, Копыси, селения р. Менка, Новогрудка, Турова имеют непосредственное сходство с арабскими фигурами и датируются в рамках XII—XIII вв. Не исключено, что эти фигуры были завезены на Русь.

Многоярусные фигуры западного типа в древнерусских городах происходят из слоев не ранее XIII в., а чаще относятся к XIV в. и более позднему времени. Они являются единичными находками, преимущественно в городах, тесно связанных с ганзейской торговлей.

Ахеологические находки шахматных фигур в Новгороде и других древнерусских городах позволяют говорить о появлении и распространении шахматной игры на Руси не ранее XIII в. Не случайно первое письменное упоминание шахмат в виде запрета священникам играть в них относится к концу XIII в. Отмечу, кстати, что «Вопрошание Кириково» (1130—1150 гг.), составленное в форме вопросов и ответов, регламентирующих правила поведения, нормы морали в средневековом обществе, дающее священникам рекомендации в решении самых разнообразных жизненных вопросов, не знает игры в шахматы.

По археологическим находкам устанавливается два типа абстрактных шахматных фигур, бытовавших в Древней Руси: арабский и западный. Первый из них известен в виде арабских образцов, но больше распространен в виде местных вариантов арабской абстракции. Фигуры этого типа бытовали на протяжении XIII—XV вв. Шахматные фигуры новой абстракции, возникшие в Западной Европе, появились у нас на рубеже XIII—XIV вв.; местных вариантов этого типа фигур пока не обнаружено. Вместе с тем археологические находки шахматных фигур XVI—XVII вв. показывают, что данная форма послужила образцом для изготовления шахмат на Руси в позднейшее время. В результате раскопок в Москве [41, с. 302, 303], Пскове [42, с. 131; рис. 5, *5*; 43], Суздале [144], Великом Устюге [9, с. 159], археологических исследований русских поселений XVII в. на о-ве Фаддея [45, рис. 1], в Мангазее [46, табл. 45, 46], на о-ве Шпицберген [47, с. 513] была собрана большая коллекция костяных и деревянных шахматных фигур XVI—XVII вв. новой абстракции. В некоторых из них еще угадывается сходство с первоначальными западными прототипами (ладьи с о-ва Фаддея и Мангазии), но в большинстве заметны местные модификации многоярусной композиции. Фигура коня в этих наборах осталась условно-изобразительной, так же как в западноевропейских шахматах того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petzold J.* Schach. Eine Kulturgeschichte. Leipzig, 1986.
2. *Greygose F* Chessmen. London, 1979.
3. *Chicco A., Pratesi F., Sanrito A.* Medioevo scacchistico Toscano. Milano, 1984.
4. *Gassowska E.* Wcześnosredniowieczne szachy z Sandomierza // Archeologia Polski. 1964. IX. 1.
5. Wichmann Hans und Siegfried. Schach. Ursprung und Wandlung der Spielfigur in zwölf Jahrhunderten. München, 1960.
6. Британский музей. Лондон. Альбом. Составитель Б. Ривкин. М.: Изобраз. искусство, 1980.
7. *Срезневский И. И.* Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912.
8. *Линдер И. М.* Шахматные реалии в былинах // СЭ. 1984. № 3.
9. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975.
10. *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Беларусь, 1985.
11. *Монгайт А. Я., Даркевич В. П.* Рязанская экспедиция // АО-1969. М., 1970.

12. *Зверуго Я. Г* Древний Волковыск. Минск: Наука и техника, 1975.
13. *Преткин В. И.* «Русский» изобразительный канон на музыкальные инструменты // ПКНО. М., 1990.
14. *Арциховский А. В.* Оружие // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948.
15. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41.
16. *Schildhauer J.* Die Hanse. Geschichte und Kultur. Leipzig, 1984.
17. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. 1971. Вып. Е1-55.
18. *Lanier Graham F.* Chess Sets. Collectors Blue Books. London, 1968.
19. *Рыбина Е. А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
20. *Штыхов П., Захаренко П.* Древние сокровища Белоруссии. Минск: Беларусь, 1971.
21. *Тарасенко В. Р.* Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск: АН БССР, 1957.
22. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
23. *Юшко А. А.* Древний город на реке Москве // Природа. 1985. № 11.
24. *Штыхов Г В.* Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978.
25. *Шовкопляс Г. М.* Найдавніші шашки і шахи з Києва // Археологія. 1965. Т. 19.
26. *Шовкопляс Г М.* Про косторізне ремесло в стародавньому Києві // Середни віки на Україні. 1973. Вып. 2.
27. *Боровский Я. Е., Сагайдак М. А.* Археологические исследования Верхнего Киева в 1978—1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев: Наук. думка, 1985.
28. *Штыхов Г В.* Исследования в Северной Белоруссии // АО-1969. М., 1970.
29. *Загорульский Э. М.* Раскопки в Копыси // АО-1972. М., 1973.
30. *Трусов О. А., Паничева Л. С.* Раскопки в Лидском замке // АО-1978. М., 1979.
31. *Загорульский Э. М.* Археология Белоруссии. Минск: Высш. шк., 1965.
32. *Алексеев Л. В., Ионе И. Г* Новые раскопки в Мстиславле // АО-1976. М., 1977.
33. *Никольская Т. Н.* Городище у дер. Николо-Ленивец (раскопки 1954—1958 гг.) // СА. 1962. № 1.
34. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
35. *Кильдюшевский В. И.* Раскопки древнего Орешка // АО-1972. М., 1973.
36. *Штыхов Г В.* Древний Полоцк. Минск: Наука и техника, 1975.
37. *Колединский Л. В.* Работы в Слуцке // АО-1985. М., 1987.
38. *Авдусин Д. А., Асташова Н. И.* Отчет о раскопках в Смоленске в 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5318.
39. *Седова М. В.* Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции за 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9084.
40. *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1975.
41. *Рабинович М. Г* О древней Москве, М.: Наука, 1964.
42. *Овсянников О. В., Царева Л. А.* Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973—1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
43. *Седов В. В., Лабутина И. К. и др.* Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 11299.
44. *Седова М. В., Чалых Н. Е.* Альбом иллюстраций к отчету Владимиро-Суздальской экспедиции за 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9863а.
45. *Замятнин С. Н.* О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951.
46. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М.: Наука, 1981.
47. *Старков В. Ф.* Исследования русских памятников на Шпицбергене. // АО-1982. М., 1984.
48. *Колединский Л. В.* Раскопки на детинце древнего Слуцка // АО-1986. М., 1988.

Московский государственный университет
им М. В. Ломоносова

Ye. A. RYBINA

ON THE HISTORY OF CHESS

The game originated from India where the figurative style of chess-pieces emerged and their names reflected real persons and artefacts. After the penetration of the game to different geographic zones and cultural circles the forms and the names of pieces changed. In Arab countries figurative pieces were replaced by abstract ones according to Islamic canon of art (Fig. 1). In Western Europe gradually a new type of chess-pieces was worked out, a tiered one with geometric appearence (Fig. 3). In Mediaeval Russia figurative chess-pieces were not popular. There are known only 5 of then of local origin. A collektion of abstract pieces axcavated in Mediaeval Russian towns includes more than 150 of them. The most representative materials were found in Novgorod (112 pieces), mainly of Arabic abstract type (Fig. 4). Mostly they were carved of wood and represent local variants of Ababic types. The earliest finds are dated to the second half of the 13th century, but not the 11the as it was claimed earlier. During the excavation at the Goths'Yard — a trading station of Ganza tradesmen — a set of West European chess-pieces was found (Fig. 5). Except Novogorod 20 Mediaeval Russian sites yielded chess-pieces, totally 44 findings (Fig. 6). Among them abstract Arabic and West European types should be distinguished (Fig. 5).

Е. Ю. МЕДНИКОВА, П. А. РАППОПОРТ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАСТВОРЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

История строительной техники — одна из важных сторон истории человеческой культуры. К сожалению, в изучении истории средневековой архитектуры сложилась традиция, в соответствии с которой основное внимание уделяли развитию архитектурных форм, значительно меньше — общим конструктивным особенностям памятников и почти полностью игнорировали детали строительной техники. Лишь в сравнительно недавнее время стали появляться работы, специально посвященные строительно-техническим аспектам истории архитектуры [1, с. 123]. Появились и специальные работы, в которых рассматриваются отдельные строительно-технические проблемы, в том числе и изучение строительных растворов [2, с. 132]. Такое положение в полной мере имеет место и в изучении истории русской средневековой архитектуры. Здесь также только в последнее время стали обращать внимание на изучение организации строительного производства, строительных конструкций и материалов [3, с. 163]. Привлекло внимание и изучение строительных растворов. Первые же попытки такого изучения показали, что в домонгольский период русской истории (т. е. до середины XIII в.) строительные растворы из различных древнерусских земель существенно различаются между собой [4, с. 152]. Анализ строительных растворов показал, что эти сведения могут существенно дополнить наши представления об общей картине развития архитектуры. Так, в частности, строительные растворы оказались хорошим индикатором, указывающим на принадлежность данного памятника к определенной архитектурной школе, отвечающим строительным традициям этой школы.

В настоящей статье делается попытка выявить и проследить хронологическую эволюцию строительных растворов внутри одной архитектурной школы — новгородской. Всего было исполнено 165 анализов проб строительного раствора из памятников Новгорода и Новгородской земли XI—XIII вв. и 85 анализов из памятников новгородской архитектуры XIV—XVII вв. Выяснилось, что составы строительного раствора далеко не идентичны из разных проб даже в пределах одного памятника. Очевидно, что при составлении раствора его компоненты вводились без точной их дозировки. Тем не менее анализ позволяет выявить наиболее типичные для каждого памятника составы растворов.

В прилагаемых таблицах приведены характерные образцы растворов: в табл. 1 — для памятников XI—XIII вв., а в табл. 2 — для памятников XIV—XVII вв. В разделе 1 этих таблиц показан процент (по весу) нерастворимого остатка, полученного после обработки образца раствора соляной кислотой (практически это соответствует проценту заполнителя в растворе), в разделе 2 — процентное соотношение составных частей этого заполнителя. При этом в графах A и B указана так называемая цемянка, т. е. заполнитель растворов, состоящий из обожженной керамики, но в графе A это — толченый кирпич, а в графе B — специально обожженная глина, в графе C — песок, а в графе D — мелко толченный известняк. В разделе 3 те же компоненты даются в приблизительном их соотношении между собой, состав всего заполнителя принимается за единицу.

Согласно анализам, все растворы достаточно четко делятся на четыре груп-

© Е. Ю. Медникова, П. А. Раппопорт, 1991 г.

пы. К 1-й группе относится один, наиболее древний памятник — Софийский собор. Раствор этого собора очень жирный, с соотношением связующего с заполнителем более чем 1:1. Заполнитель — исключительно цемянка, причем кирпичный бой и специально обожженная глина — примерно поровну. Цемянка некрупная, с размером зерен толченого кирпича в среднем от 1 до 10 мм. Такой раствор вполне совпадает с киевскими растворами XI в.

Ко 2-й группе относятся новгородские памятники первой четверти XII в. (табл. 1; 2—6). По составу раствора они близки Софийскому собору, но количество кирпичного боя в цемянке в них заметно преобладает над специально обожженной глиной. При этом цемянка более крупная, в отдельных случаях — до 1,5 см. Песок встречается в ничтожном количестве, очевидно, попав в раствор вместе с цемянкой. В целом состав этих растворов также мало отличается от состава киевских растворов конца XI — начала XII в. Следует отметить, что в конце этого периода в составе растворов заметны некоторые изменения; так, в растворе церкви Ивана на Опоках в заполнителе отмечено небольшое количество толченого известняка. Очевидно, мастера постепенно начали использовать в качестве заполнителя местный материал — известняк, заменяя им искусственно заготовляемую обожженную глину.

В 3-ю группу входят памятники Новгорода и Новгородской земли, возводимые с 30-х годов XII в. по начало XIII в. (табл. 1; 7—20). Заполнителем раствора здесь служат два компонента: цемянка в виде кирпичного боя и толченый известняк. Цемянка в виде специально обожженной глины больше не применяется. Таким образом, полностью реализуется та тенденция перехода к местным материалам, которая наметилась уже в 20-х годах XII в. Соотношение компонентов заполнителя различное в одних памятниках больше цемянки, в других — известняка. При этом известняк использовался того же сорта, который применен и в кладке стен этого здания. Песок по-прежнему встречается в ничтожном количестве, за исключением одного памятника (церковь Ильи на Славне), где достигает 18%. Возможно, это связано с обильным количеством песка в примененных известняке или кирпиче. Судить о жирности растворов данной группы трудно, так как при растворении в соляной кислоте могла раствориться не только известь связующего, но частично и дробленый известняк заполнителя. Поэтому величина нерастворимого остатка здесь может быть несколько меньше, чем действительное количество заполнителя. Тем не менее ясно, что растворы и здесь очень жирные.

Химический состав извести не определяется, поскольку известно, что древнерусские зодчие не выбирали сознательно определенный сорт извести (гидравлическая или воздушная), и качество извести определялось тем, из какого исходного материала ее выжигали [5, с. 89].

Можно отметить, что раствор фундаментов в данных памятниках имеет совершенно иное соотношение компонентов заполнителя: толченый известняк здесь полностью преобладает над цемянкой (табл. 3). В двух полностью сохранившихся памятниках (церкви Успения и Георгия в Старой Ладоге) удалось выяснить, что раствор, примененный в подпружных арках, совпадает не с раствором стен, а с раствором фундаментов. Два памятника данной группы были построены не новгородскими, а приезжими мастерами: церковь Петра и Павла на Синичьей горе строили полоцкие каменщики, а Пятницкую церковь — смоленские. Тем не менее строительный раствор обоих памятников — не полоцкого или смоленского типа, а новгородский.

Очень существенно отличается от более ранних раствор памятников 4-й группы, т. е. относящихся к XIV—XVII вв. (табл. 2). Здесь основной компонент заполнителя — песок. Песок использован угловатый, неокатанный, различных размеров — большей частью от 0,1 до 0,5 мм, хотя порой встречается и более крупный. Как правило, песок составляет не менее 80% заполнителя. Кроме песка в небольшом количестве использован толченый известняк. Судить о жирности растворов здесь также трудно, поскольку при анализе соляная кислота могла

Таблица 1

Гранулометрический анализ строительных растворов памятников XI—XII вв.

№ п. п.	Памятник	Дата	1. Нерастворимый остаток	2. Состав нерастворимого остатка				3. Соотношение частей нерастворимого остатка			
				кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)	кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)
1	Софийский собор	1045—1050 гг	43,8	21,9	19,7	—	—	0,5	0,5	—	—
2	Церковь Благовещения на Городище	1103 г.	34,9	29,7	5,1	—	—	0,8	0,2	—	—
3	Николо-Дворищенский собор	1113 г.	31,1	24,3	6,4	—	—	0,8	0,2	—	—
4	Собор Антониева монастыря	1117—1119 гг.	52,1	41,7	9,1	—	—	0,8	0,2	—	—
5	Георгиевский собор Юрьева монастыря	1119 г.	61,9	53,1	6,3	—	—	0,9	0,1	—	—
6	Церковь Ивана на Опоках	1127—1130 гг.	48,3	36,1	7,0	—	4,3	0,75	0,2	—	0,1
7	Церковь Успения на Торгу	1135—1144 гг.	38,9	31,1	—	—	6,6	0,8	—	—	0,2
8	Церковь Ивана Предтечи в Пскове	40-е годы XII в.	37,7	15,1		—	22,4	0,4	—	—	0,6
9	Церковь Климента в Старой Ладоге	1153 г.	38,7	15,5	—	—	23,2	0,4	—	—	0,6
10	Церковь Успения в Старой Ладоге	50-е годы XII в.	37,1	14,8	—	—	22,1	0,4	—	—	0,6
11	Церковь Георгия в Старой Ладоге	60-е годы XII в.	29,9	12,0	—	—	17,6	0,4	—	—	0,6

№ п. п.	Памятник	Дата	1. Нерастворимый остаток	2. Состав нерастворимого остатка				3. Соотношение частей нерастворимого остатка			
				кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)	кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)
12	Церковь Благовещения на Мячине	1179 г.	43,6	25,0	—	—	18,4	0,6	—	—	0,4
13	Церковь Петра и Павла на Синичьей горе	1185—1192 гг.	53,2	15,1	—	—	37,3	0,3	—	—	0,7
14	Николо-Дворищенский собор (лестничная башня)	80-е годы. XII в.	27,8	16,9	—	—	8,9	0,6	—	—	0,4
15	Спасский собор Хутынского монастыря	1192 г.	36,3	16,1	—	—	20,1	0,4	—	—	0,6
16	Церковь Воскресения на Мячине	1195—1196 гг.	37,4	27,8	—	—	9,6	0,7	—	—	0,3
17	Церковь Спаса на Нередице	1198 г.	33,1	23,0	—	—	10,1	0,7	—	—	0,3
18	Церковь Ильи на Славне	1198—1202 гг	53,6	29,3	—	9,5	14,3	0,55	—	0,18	0,27
19	Церковь Пантелеймона	1207 г	59,1	41,4	—	1,5	15,6	0,7	—	0,03	0,27
20	Пятницкая церковь	1207 г	40,9	20,4	—	—	19,9	0,5	—	—	0,5
21	Перынская церковь	20—30-е годы XII в.	24,5	12,6	—	—	11,9	0,5	—	—	0,5

Таблица

Гранулометрический анализ строительных растворов памятников XIV—XVII вв.

№ п. п.	Памятник	Дата	1. Нерастворимый остаток	2. Состав нерастворимого остатка				3. Соотношение частей нерастворимого остатка			
				кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)	кирпичный бой (A)	обожженная глина (B)	песок (C)	известняк (D)
1	Церковь архангела Михаила	1300 г	71,1	—	—	64,1	6,9	—	—	0,9	0,1
2	Церковь Георгия на Торгу	1356 г.	44,9	—	—	40,2	4,3	—	—	0,9	0,1
3	Церковь Покрова в Зверином монастыре	1399 г	39,4	0,5	—	35,1	3,1	—	—	0,9	0,1
4	Церковь Петра и Павла в Кожевниках	1406 г.	39,0	—	—	37,0	1,8	—	—	0,9	0,1
5	Церковь Ивана на Опоках (перестройка)	1453 г	61,7	—	—	55,9	5,8	—	—	0,9	0,1
6	Церковь Успения на Торгу (перестройка)	1458	58,1	—	—	29,6	28,3	—	—	0,5	0,4
7	Церковь Жен Мироносиц	1510	61,9	—	—	48,7	12,1	—	—	0,8	0,2
8	Церковь Прокопия	1529 г.	60,8	—	—	60,1	—	—	—	1	—
9	Звонница	XVI в.	37,9	0,7	—	30,3	6,4	—	—	0,8	0,2
10	Звонница (перестройка)	80-е годы XVII в.	45,4	—	—	38,6	6,2	—	—	0,8	0,2
11	Знаменский монастырь (Святые ворота)	То же	59,3	—	—	47,4	11,7	—	—	0,8	0,2

Таблица 3

Гранулометрический анализ строительных растворов фундаментов

№ п. п.	Памятник	Дата	1. Нерастворимый остаток	2. Состав нерастворимого остатка			3. Соотношение частей нерастворимого остатка		
				цемянка	песок	известняк	цемянка	песок	известняк
1	Церковь Ивана на Опоках	1127—1130 гг.	56,4	6,6	—	47,2	0,1	—	0,9
2	Церковь Климента в Старой Ладоге	1153 г.	26,1	2,4	—	23,9	0,1	—	0,9
3	Церковь Успения в Старой Ладоге	50-е годы XII в.	31,2	1,2	—	30	0,1	—	0,9
4	Церковь Георгия в Старой Ладоге	60-е годы XII в.	19,4	1,8	—	17,4	0,1	—	0,9
5	Церковь Пантелеймона	1207 г.	25,2	0,4	3,0	20,0	0,02	0,13	0,85

растворить кроме извести и некоторую часть известняка заполнителя. В целом все же видно, что растворы этого времени несколько менее жирные, чем более древние. Эволюции в составе растворов от XIV к XVII в. не наблюдается, несмотря на то, что в развитии новгородского зодчества в конце XV в. произошел крутой перелом, связанный с подчинением Новгорода Москве.

Изучение строительных растворов древнего Новгорода существенно дополняет наши представления о процессе сложения и развития новгородской архитектурной школы. Несомненно, детальное изучение растворов других регионов Древней Руси сможет дать ценные сведения об общей картине развития древнерусской архитектуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aubert M.* La construction au Moyen Âge // Bulletin monumental. Paris, 1961. T. CXIX. № 3.
2. *Jedrzejewska H.* Old mortars in Poland. A new method of investigation // Conservation. 1960. V. 5. № 4.
3. *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии. М., 1985.
4. *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Древнерусские строительные растворы // СА. 1983. № 2.
5. *Медникова Е. Ю.* К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах // КСИА. 1982. Вып. 172.

Ленинградское отделение Института
археологии АН СССР

Ye. Yu. MEDNIKOVA, P. A. RAPPOPORT

GROUTINGS OF ANCIENT NOVGOROD

Having studied the groutings used in architectural monuments from Novgorod and its vicinity in the 11th — 13th centuries and Novgorodan architecture of the 14th — 17th centuries the authors make an attempt to describe some chronological differences in grouts. They devided them in four groups according to their composition investigated analytically. The first group is represented by St. Sophia cathedral, whose composition of grouts coincides with one of St. Sophia of Kiev (11th century). The second group includes the Novgorodan monuments of early 12th century, the third one unites the monuments from Novgorod and its vicinity built beginning from the 30-s of the 12th century up to early 13th century. Their style reflects a tendency of usage of local building materials. The fourth group of grouts is characterized by its strong difference and is dated from the 14th up the 17th century. This group does not demonstrate any evolution inspite of strong Moscow architectural influence in the 15th century caused by subordination of Novgorod by Moscow.

К. А. МЕРЖАНОВА

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВА)

Среди проблем средневековой истории Русского государства одной из наименее разработанных остается проблема реконструкции численности и состава населения. Это и не удивительно. Если для эпохи позднего средневековья и начала Нового времени сохранилось достаточное количество письменных источников, содержащих необходимые для палеодемографических реконструкций статистические данные, то для предшествующего времени такого рода источники практически отсутствуют [1]. Вероятно, именно поэтому историки предпочитают давать оценки численности населения (в том числе оценки плотности расселения в пределах административных территорий), оперируя средними цифрами [2]. На недостаточность такого подхода к решению вопросов палеодемографии уже указывалось [3, 4]

Сказанное в полной мере относится и к решению палеодемографических проблем средневекового русского города. Более или менее надежные статистические данные о городском населении Руси содержатся только в источниках XVI—XVII вв. Для более раннего времени сведения письменных источников разрозненные и неполные. Поэтому исследователи обычно исходят из возможности и сравнительной достоверности метода ретроспективных оценок, при котором данные о численности городского населения, зафиксированные источниками XVI—XVII вв., с теми или иными оговорками переносятся на более раннее время [5, с. 240, 241]

В предлагаемой работе предпринята попытка разработки метода оценок численности средневекового города на примере Пскова. Выбор именно Пскова не случаен. В последние десятилетия значительно интенсифицировались археологические работы в черте города [6, с. 30—45; 7, с. 79, табл. 1], и в результате к середине 1980-х годов территория средневекового Пскова оказалась как бы «накрыта» сетью раскопов, расстояния между которыми порой не превышают 100—150 м (рис. 1) Благодаря широкомасштабным раскопкам получены важные сведения о микротопографии города и росте его территории. На сегодняшний день имеется возможность восстанавливать процесс формирования освоенной под жилую застройку территории с той редкой степенью дробности, которая пока остается недостижимой для большинства средневековых русских городов [8, с. 104 и сл.]

Вторым немаловажным обстоятельством является тот факт, что в Пскове археологическому изучению подвергаются культурные отложения эпохи позднего средневековья и кануна нового времени — XVII — начала XVIII в. [7, с. 81] Подробные сведения о численности населения Пскова того же периода содержат Разрядные книги. А это дает возможность сопоставить между собой две независимые группы данных.

Вопрос о численности и составе псковского населения эпохи средневековья и начала Нового времени неоднократно затрагивался в литературе [1, 9—12]. Однако динамика изменений исследователями практически не анализировалась.

Из табл. 1, составленной по Разрядным книгам за 1610—1630 гг. [13], отчетливо видно, что со второй половины 20-х годов XVII в. численность посад-

© К. А. Мержанова, 1991 г.

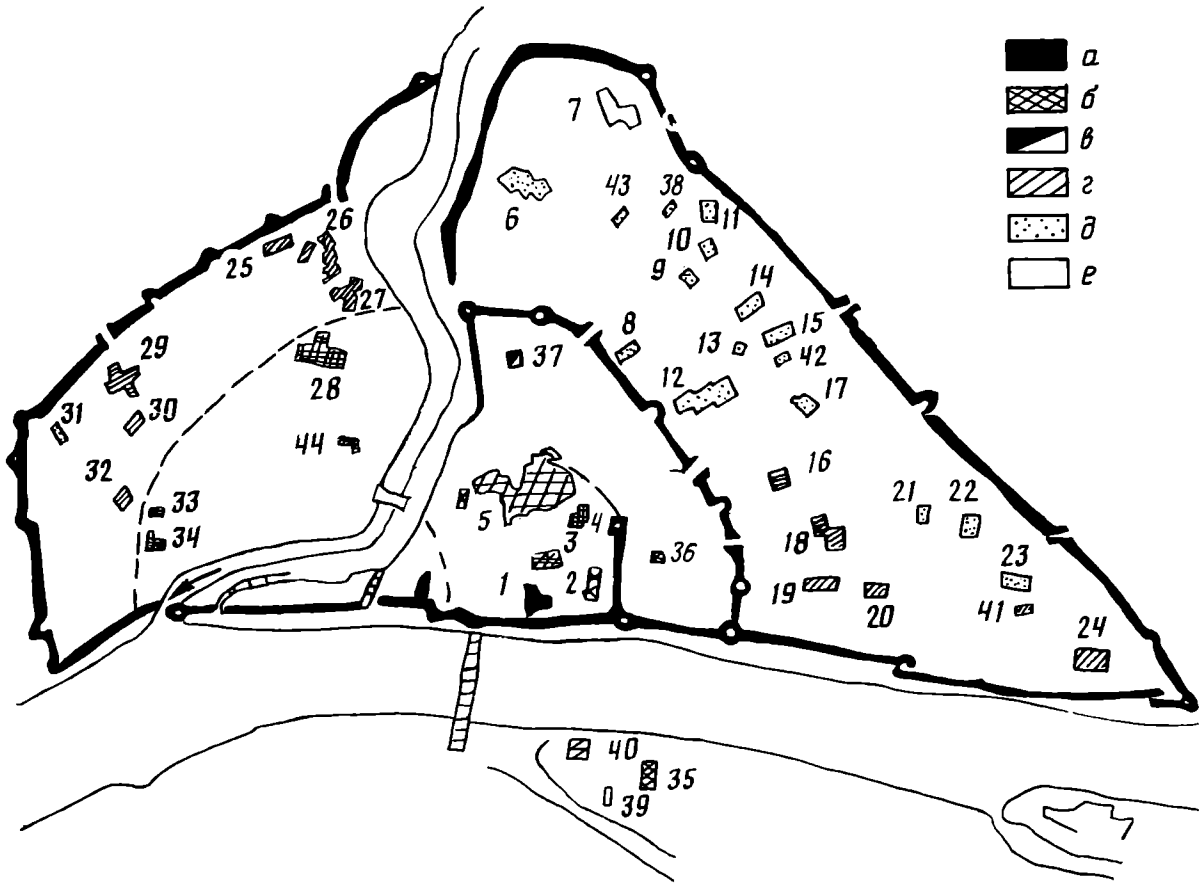


Рис. 1. Схема псковской крепости (по И. К. Лабутиной, с дополнениями) с обозначением мест раскопов: *1* — 1956 г., ул. Советская; *2* — 1972 г Псковгражданпроект; *3* — 1955, 1958—1960 гг., ул. Советская; *4* — 1954 г., Октябрьская площадь; *5* — ул. Ленина — Пединститут; *6* — 1981 г.— Благовещенский; *7* — 1981—1982 гг., Михайловский; *8* — 1967 г., ул К. Маркса; *9* — 1955 г., Новоторговский-1; *10* — 1980 г., Новоторговский-2; *11* — 1982 г., Новоторговский-3; *12* — 1983—1985 гг., Лужский; *13* — 1977 г., ул. Гоголя; *14* — 1981 г., Петровский-1; *15* — 1981 г., Октябрьский; *16* — 1947 г., у церкви Анастасии; *17* — 1978—1979 гг., ул. Гоголя; *18* — 1974—1975 гг., Романиха; *19* — 1983 г., ул. Детская; *20* — 1974 г., угол улиц Детской и Калинина; *21* — 1976, 1982, 1984 гг., Поганкины палаты; *22* — 1977—1978 гг., палаты Поздноевых; *23* — 1981 г., ул. Советская; *24* — 1985 г., Покровский; *25* — 1983 г., Толокнянский; *26* — 1979, 1981—1982 гг Первомайский; *27* — 1978 г., угол улиц Школьная и Герцена; *28* — 1980, 1985—1986 гг., Богоявленский 1—3; *29* — 1983—1985 гг., Ильинский; *30* — 1979 г., Образский; *31* — 1984 г., ул. О. Кошевого; *32* — 1978 г., ул. Первомайская; *33* — 1977 г Воскресенский-1; *34* — 1981 г., Воскресенский-2; *35* — 1986 г., Изборский; *36* — 1973 г., у Дома Профсоюзов; *37* — 1973 г., ул. К. Маркса; *38* — 1985—1986 гг., Петровский-2; *39* — 1987 г., Изборский-2; *40* — 1987 г., Изборский-3; *41* — 1988 г., ул. Советская; *42* — 1988 г Кузнецкий; *43* — 1987 г Петровский-3; *44* — 1988 г Козмодемьянский-1. Штриховкой обозначена начальная дата слоя в раскопах: *а* — X — первая половина XI в.; *б* — конец XI—XII в.; *в* — XIII—XIV вв., *г* — XV в.; *д* — XVI в.; *е* — вторая половина XVII в.

ского населения заметно падает. В это же время увеличивается, правда, незначительно, число остальных категорий псковского населения: дворян, детей боярских, псковских помещиков и др. Общая тенденция постепенного падения численности посадского населения представляется верной [1] Причиной намеченного процесса, вероятнее всего, был переход тяглового населения в служилое, а также развитие закладничества. Видимо, только посадское строение 1649—1652 гг. привело к увеличению численности населения псковского посада. К 1655 г число боеспособных посадских людей Пскова по сравнению с 1644 г

[1] К сожалению, уверенности в том, что сведения Разрядных книг абсолютно достоверны, нет На эту мысль наводят так называемые «парные цифры»: 1625 и 1626 гг 1627 и 1628; 1630 и 1633; 1631, 1632 и 1635 гг Не исключено, что какие-то цифры могли браться писцами «с потолка» (например, переписывались данные прежних лет)

Таблица

Динамика изменения численности населения за 1610—1630-е годы

Год	Посадские люди, гости в посаде	Дворяне, дети боярские, псковские помещики, пусторжевцы, осадная служба	Стрельцы, головы, сотники	Казаки, атаманы, есаулы	Пушкари, затинщики	Воротники, съезжей избы сторожа, плотники, кузнецы	Каменщики, новокрещенные татары	Все городские целовальники, немецкие переводчики	Ездовые, подъячие, недельщики, рассыльщики	Общее число
1616	3134	164	620	370	80			11		4420
1617	3130	219	1000	178	86			11		4910
1618	3130	219	1000	178	86			11		4913
1619	3130	193	1000	244	84	99	27	11	34	
1625	3130	252	1012	204	84	64	25	1	34	4807
1626	3130	252	1012	204	84	64	25	1	34	4807
1627	1081	264	1012	164	84	52			15	2660
1628	1081	264	1012	164	84	55			15	2588
1630	2658	281	1012	154	84	69			16	4205 *
1631	1058	172	1008	154	84	72			15	2661
1632	1058	286	1008	154	84	72	18		11	2694
1633	2659	281	1012	154	84	69			16	4205
1635	1058	254	1092 **	154	84	72	18		15	2487
1636	892	255	1396	134	84	59	18		8	2737

* В 1630 г. указывался еще псковский голова (1 чел.)
** Из них 50 чел. жили в Печерском монастыре.

увеличилось на 53,4%. Однако по сравнению с серединой 20-х годов XVII в. это увеличение было небольшим (около 6%). Таким образом, категория служилого населения Пскова, по всей видимости, активно пополнялась за счет посадских людей. Следовательно, из трех крупных групп населения Пскова XVII в. посадские люди не всегда составляли большинство.

Но если тенденция постепенного падения численности посадского (т. е. тяглового) населения в принципе объяснима, то постепенное падение численности всего населения города объяснить значительно сложнее. Из табл. 1 следует, что значительно менялась только численность посадских людей. Возможно, это связано с различиями в подсчете: в одном случае в число жителей включали не только мужчин, но и их семьи (жен, детей и проч.), а в другом — только тягловое мужское население [2]

По данным, приведенным в табл. 1, заметно также изменение численности дворян и помещиков: со 124 человек в 1616 г. до 161 в 1617 г. Иными словами, за год численность этой группы возросла на 37 человек. Оставаясь стабильным в 1618 г., количество дворян и помещиков в 1619 г. уменьшается до 131 человека, а в дальнейшем наблюдается последовательное его увеличение. Представляется сомнительным изменение критерия учета для этих лет. Скорее всего, в группе дворян и помещиков подсчитывалось только мужское население.

Колебания числа казаков в период с 1616 по 1628 г. можно объяснить выводом их из города, переменой внутреннего и внешнего положения. К 1630 г. происходит сокращение численности казаков до 154 человек, стабилизировавшейся на последующие 5 лет. Колебания численности остальных категорий населения незначительны.

Таким образом, изменение общего числа жителей Пскова происходит главным образом за счет двух групп населения: посадских людей и дворян. В. И. Шунков на основании росписей 1626/1627, 1632/1633 и 1644 приводит следующие данные: в 1626/1627 г. в Пскове было 2660 человек, из них служилых людей (дворяне, казаки, стрельцы, пушкари и проч.) — 1579, посадских — 1081; в 1632/1633 г.— 2679, из них служилых — 1681, посадских — 998; в 1644 г.— 2609, из них служилых — 1882, посадских — 727. Таким образом, с увеличением численности служилых людей число посадских сокращается. Процент посадского населения по отношению к служилому в 1626/1627, 1632/1633 и 1644 гг. был равен 40,4; 37,28 соответственно [12, с. 104]. Характерно, что у В. И. Шункова общее число жителей в 1627 г. совпадает с данными Разрядных книг (2660 человек: посадских людей — 1081, служилых — 1579). А вот уже в данных 1632/1633 гг. наблюдаются существенные различия: по росписи — 2679 человек, а по Разрядным книгам — 4205. Эта разница получается за счет посадских людей, число которых в Разрядных книгах (2659 чел.) значительно превышает данные росписи (998 чел.)

Сопоставляя данные Разрядных книг и росписи, численность населения Пскова во второй четверти XVII в. можно в среднем определить в 2,5—2,7 тыс. человек. Если принять во внимание семьи (а в каждом дворе средневекового города жило не менее 6 человек [14, с. 65]), то это число возрастет до 15—16 тыс. человек.

Однако Разрядные книги не учитывают такую большую категорию населения, как духовенство. Попытаемся определить его численность. В Пскове в XVII в. существовало 7 соборов, объединявших священнослужителей более чем 60 храмов, и около 50 монастырей. Число священнослужителей, объединявшихся в соборы, определяется исходя из того, что в состав собора входило обычно до 100 лиц духовного звания [15, с. 343, 344]. Таким образом, в городе фиксирует-

---

[2] Этому, правда, противоречит тот факт, что и за 1627, и за 1630 гг. в Разрядных книгах указано число посадских людей вместе «со всякими жилицкими людьми и детьми, именинниками и захребетниками», но в первом случае приведена цифра 1080 человек, а во втором — 2658.

ся до 700 священнослужителей, а с учетом численности их семей число лиц, связанных с белым духовенством Пскова, составляет до 2 тыс. человек.

До XVI в. монастыри немноголюдны: в малых насчитывалось 2—3 человека братии, в крупных — 6—7 Однако к XVII в. количество братии несколько увеличивается: до 13—15 человек в малых и 20—30 в крупных монастырях [15, с. 341] Если взять среднее число (19 человек), то получим около 1 тыс. человек. Таким образом, общее число духовенства в Пскове составит около 3 тыс. человек.

Подводя итоги, подчеркнем: общая численность населения Пскова в первой половине XVII в. достигала 20 тыс. человек. Разумеется, эта цифра не абсолютна, возможны отклонения в численности населения города в ту или другую сторону. Однако эти колебания вряд ли были очень значительными.

Большое значение для изучения роста территории Пскова имеют иконографические источники: планы и изображения города. Основным источником, безусловно, является план 1740 г.[3] Зафиксированная на этом плане картина городской застройки, несомненно, отражает ситуацию более раннего времени. Микротопография плана 1740 г. позволяет реально представить степень заселенности городской территории на первую половину XVIII в. Детальные реконструкции плотности застройки городской территории по данным археологии эпохи XVII в. пока не предпринимались. Наверное, единственной в своем роде попыткой наметить схему исторической топографии Пскова XVII в. стала работа Ю. П. Спегальского, посвященная каменным жилым постройкам XVII в. [16, с. 170] По распространению в черте города жилых каменных построек, действительно, можно представить городскую территорию и степень ее освоения под жилую застройку. Однако детальная реконструкция городской застройки не входила в задачу исследователя: Ю. П. Спегальский подробно анализировал гражданские архитектурные сооружения Пскова XVII в., а реконструкцию застройки предпринял только для отдельных кварталов [17, с. 9] [4].

Традиционный метод восстановления площади застройки — синхронизация раскопов [19, с. 13; 20]. Для оценки определенной территории необходимо уяснить наличие реальной жизни застройки в каждом конкретном случае на интересующий период. Обычно исследователь, проведя раскопки, датирует открытые сооружения по составу найденных вещей и по данным дендрохронологии. Однако не во всех раскопах в Пскове в значительном количестве представлены датирующие предметы, и далеко не для всех раскопов имеются дендрохронологические определения [21, с. 210—224]. Поэтому чаще всего время застройки участка определяют по дате культурного слоя, а последняя устанавливается не по совокупности ряда признаков, а прежде всего по керамике — наиболее массовой категории археологических находок в средневековом городе.

К сожалению, даты, определенные разными исследователями по керамическому материалу, различаются между собой. Тем не менее, допуская, что одни и те же типы сосудов бытовали в пределах города в одно и то же время, можно уверенно утверждать, что керамика является основным источником для синхронизации раскопов, в разные годы заложенных на территории города. Поэтому, не вдаваясь в дискуссию о датировке тех или иных видов и разновидностей средневековой керамики Пскова, отметим: тенденции изменения керамического набора во времени, установленные для Пскова В. И. Кильдюшевским [22, с. 13—15; 23, с. 111, 112] и С. В. Белецким [24], в целом близки и могут быть использованы как основание для синхронизации раскопов в черте средневекового Пскова [5]

---

[3] Для Пскова существуют планы 1694 и 1706 гг. Однако они не дают полной картины города и посада XVII — начала XVIII в. В этом смысле единственным является план 1740 г., который отражает застройку города и свободные пространства.

[4] Реконструкция перекрестка двух улиц у дома Печенко была подтверждена раскопками [18, с. 57—59]

[5] Пользуюсь случаем поблагодарить С. В. Белецкого, предоставившего мне возможность воспользоваться своей картотекой псковской керамики и неоднократно консультировавшего меня по вопросам синхронизации раскопов в Пскове по керамическим материалам.

Слои с находками XVI—XVII в. открыты в черте Пскова в подавляющем большинстве раскопов на посаде. Традиционно Псков делится на несколько частей: Кром и Довмонтов город, Средний город, Окольный город, Запсковье и Завеличье. Кром и Довмонтов город в территорию посада не входят.

Средний город. В раскопе № 4 верхний горизонт застройки относится к XVII в. [25. с. 14, 15]. Сравнительно большая площадь (ок. 716,8 м^2) была вскрыта в 1955, 1958—1960 гг. у здания старой почты. Здесь к XVII в. относится верхний горизонт застройки [25, с. 30] Этим же временем датируются позднейший строительный горизонт в раскопе № 1 [25, с. 43, 44] и позднейшие слои, зафиксированные при зачистке слоя в котловане у здания старой почты в 1961 г. [26]

В 1968—1988 гг. (с перерывами) была вскрыта громадная площадь (около 1 га) у здания пединститута на ул. Ленина. В культурном слое открыты остатки деревянной застройки [27—31] В слоях XVII в. кроме остатков застройки (в том числе строения воеводского двора) обнаружены образцы строительной керамики: киоты, изразцы, фигурные кирпичи и др. [6, с. 16]. Слои XVII в. наблюдались также в траншее по трассе теплоцентрали во дворе пединститута [32]. Отложения XVII в. были представлены в раскопе № 2 участками дворов, огражденных частоколами [33, с. 138] Следы застройки в слоях XVII в. в раскопе № 36 не выявлены, но это объясняется плохой сохранностью дерева в слое и недостаточностью вскрытой площади. Найденные в слое печные муравленные и полихромные изразцы [34, с. 123] свидетельствуют о жилом характере освоения участка. Таким образом, заселение территории Среднего города, прослеживаемое археологически, хорошо согласуется с данными плана 1740 г.

Окольный город. В раскопе № 16 к XVII в. относятся ямы, в том числе подвалы жилых домов [35]. Остатки двух построек были открыты в слоях XVII в. в раскопе № 8. Автор раскопок связывает их с Новым Торгом [36, с. 34].

В раскопе № 20 в слоях XVII в. были открыты остатки горизонта жилых построек, включавшие настил из досок и развал печи. К датирующим находкам этого слоя относятся фрагменты поливных изразцов, глиняной посуды [34, с. 128, 129]

В раскопах № 18, 19 к XVII в. относится более половины всех материковых ям [37, с. 73], в том числе остатки погребов [38]

Строительные остатки XVII в. в раскопе № 21 из-за небольшой его площади не выявлены. До строительства Поганкиных палат этот участок входил в зону жилой застройки, фиксируемой текстами купчих грамот, сохранившихся в книге Поганкина [39]

В раскопе № 13 средний строительный горизонт застройки относится к XVII в. В остатках жилых построек были найдены индивидуальные находки, к которым принадлежит польский медный солид 1661 г., счетный жетон середины XVI в. во вторичном использовании (в качестве подвесок применялись на протяжении всего XVII в.), голландские курительные трубки XVII—XVIII вв. [40, с. 111—115].

В раскопе № 17 в строительном горизонте XVII в. были открыты остатки жилых построек. В качестве датирующих находок здесь можно назвать изразцы, киоты и поливную керамику XVII в. [41, с. 86—89].

В раскопе № 14 горизонт XVII в. зафиксирован развалами изразцовых печей, что доказывает существование жилой застройки [42].

Существование скудельницы на рубеже XVI—XVII вв. в раскопе № 38 [43, с. 102—104] ставит под сомнение наличие здесь жилой застройки в XVII в.

В раскопе № 43 горизонт XVII в. представлен гладкостенной керамикой, кубышкой с зеленой поливой, фрагментами киотов. Жилая застройка относится к XVI—XVIII вв. [44, л. 85, 90].

В раскопе № 15 в слоях XVII в. вскрыты остатки сгоревшей во время пожара постройки. К этому же времени относится большинство материковых ям [45, с. 60, 61].

Следы застройки в слоях XVII в. в раскопе № 23 не выявлены из-за полного нарушения слоя. Найденные в перемешанном слое многочисленные фрагменты керамики свидетельствуют о жилом характере освоения участка [46].

В раскопе № 6 объекты в слое отсутствуют, однако существование в этом районе жилой застройки фиксируется многочисленными находками изразцов XVII в. В раскопе преобладал материал XVII—XVIII вв. По мнению О. К. Волочковой, в более раннее время площадь раскопа приходилась на сады и огороды. Жилая застройка относится к XVI—XVII вв. [47, с. 59, 60]

В раскопе № 7 лучше всего сохранились позднесредневековые слои. Дальнейший строительный горизонт, представленный остатками жилых и хозяйственных построек, относится ко второй половине (последней четверти?) XVII в. [18, с. 57—59]

В раскопе № 12 к XVII в. относятся ямы и погреба [48]

В раскопе № 24 в слое XVII в. был вскрыт верхний ярус уличной мостовой, прослеженный в площади раскопа. Он подстилается слоем пожарища, сопоставляемого с осадой Пскова в 1581 г. К следам жилой застройки относится значительная часть материковых ям, в том числе не менее восьми подвалов от жилых построек [49, с. 75, 76].

В раскопе № 41 в строительном горизонте XVII в. жилые постройки не выявлены, однако обнаружено большое количество разнообразных хозяйственных ям, остатки пяти погребов, канавки от частоколов. На хозяйственное назначение указывают ямы с производственными отходами: изразцы, крицы, черепицы. Прослойки ошлакованной керамики свидетельствуют о гончарном производстве. К датирующим находкам этого слоя относятся подавляющее количество керамики и вещевые находки [50, л. 574]

В раскопе № 42 культурный слой уничтожен поздними постройками. Небольшой участок сохранившегося слоя и ямы датируются рубежом XVII—XVIII вв. (по керамическому материалу и индивидуальным находкам) [50, л. 597]

Запсковье. В раскопе № 33 к XVII в. относятся остатки нескольких погребов жилых построек [51] Этим же временем датировано и большинство материковых ям в раскопах № 26, 32 [52, 53]. Здесь открыты остатки жилого квартала XVI—XVII вв. В. И. Кильдюшевский отмечает, что в XVIII в. жилой застройки на участке раскопа уже нет [54, с. 100—104]. Это хорошо согласуется с планом 1740 г., где участок этих раскопов отмечен как хозяйственная зона.

В раскопе № 30 к слоям XVII в. относятся значительная часть материковых ям и подавляющее большинство находок [55, с. 160—162]. Также XVII в. датируются позднейшие из открытых объектов (плитняковые вымостки) в раскопе № 28 и значительное количество материковых ям, позволившие зафиксировать не только остатки жилой застройки, но и восстановить планировку участка [56].

В раскопах № 34, 29 к XVII в. отнесено более половины материковых ям [57, с. 57], в том числе погреба и подпольные части построек [48, 58]

В раскопе № 25 для XVIII в. и более позднего времени фиксируется почти полное отсутствие материковых ям. В этот период участок имел хозяйственное значение, что хорошо согласуется с планом 1740 г. [59, с. 71—73]. Для XVII в. существование в площади раскопа жилой застройки несомненно: две постройки надежно отнесены к XVII в. по находкам в них монетных кладов [60, с. 37; 61, с. 114, 115]

В раскопе № 44 к XVII в. относятся некоторые материковые ямы, а также комплекс кузнечного производства, датируемого по керамическому материалу XVI—XVII вв. [50, л. 601].

Завеличье. Территория Завеличья, не входившая в пределы крепостных сооружений Пскова, археологически исследована пока недостаточно. Планомерные раскопки начались здесь только в 1986—1987 гг. Во всех раскопах открыты следы жилой застройки XVII в. в виде материковых ям и плохо сохранившихся

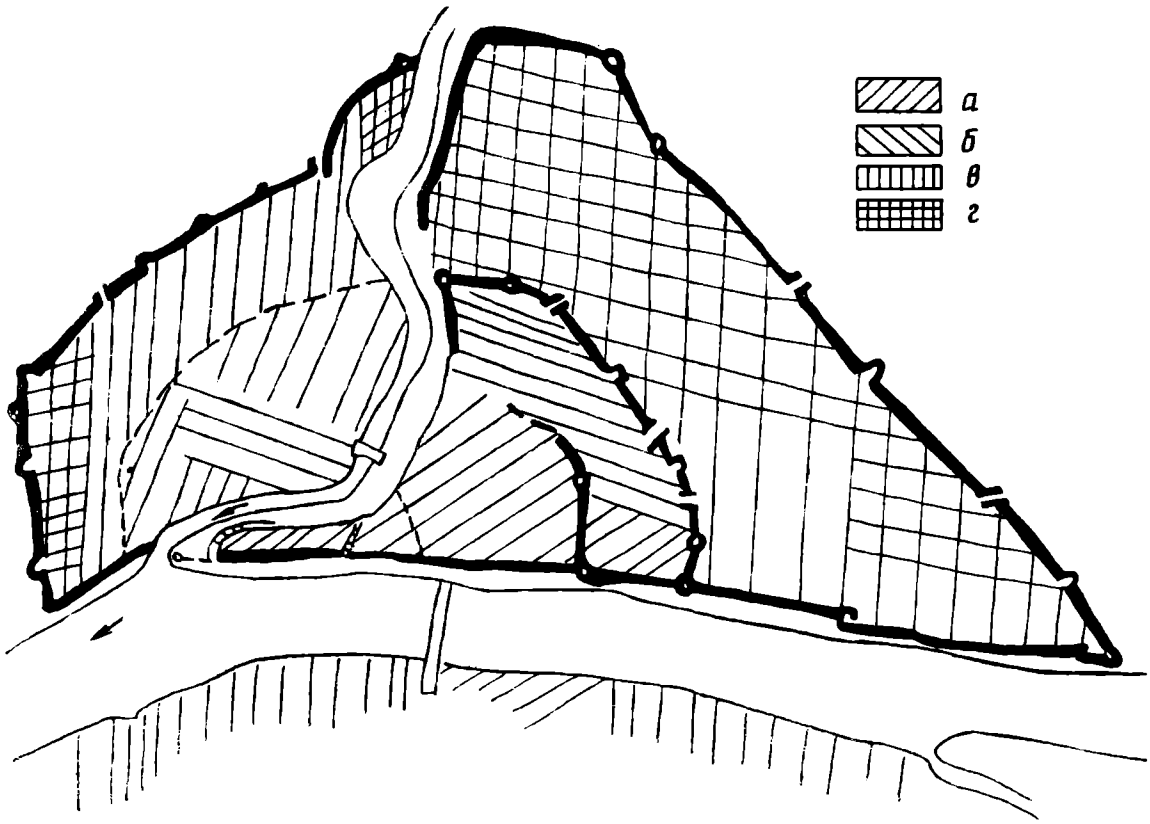


Рис. 2. Территория распространения слоя с находками. *а* — конец XI—XII в., *б* — XIII—XIV вв., *в* — XV в., *г* — XVI—XVII вв.

объектов (развалы печей) [44, 62, 63] Подъемный материал, собранный по обнажениям и трассам городских коммуникаций, свидетельствует о наличии культурного слоя в узкой прибрежной полосе на значительном пространстве от Мирожского монастыря до церкви Иоанна Предтечи Ивановского монастыря [64, с. 31] Таким образом, площадь, освоенная под городские кварталы на Завеличье, составляла около 100 га. Однако определить плотность городской застройки для этой части Пскова пока уверенно не удается. Можно лишь предполагать, что плотность застройки была здесь значительно меньше, чем в черте городских фортификационных сооружений.

То же самое необходимо сказать и о территориях окологородских слобод, располагавшихся за пределами крепостных стен. Подъемный материал, собранный по траншеям городских коммуникаций и в обнажениях культурного слоя, свидетельствует о том, что территория, занятая окологородскими слободами, располагалась на правом берегу р. Псковы, к северо-востоку и востоку от крепостных стен, и в междуречье Псковы и Великой — к югу и юго-востоку от Псковской крепости [64, с. 30] Однако археологические исследования здесь до сих пор не проводились, поэтому можно лишь предполагать, что плотность застройки в слободах была меньше, чем в пределах города.

Подводя итоги, следует отметить, что площадь, освоенная под жилую застройку в черте города, составляла около 213 га, а с учетом площадей, заселенных слободами,—360 га (включая слободы на Запсковье и посады на Завеличье) При общей численности жителей города, оцененной в 20 тыс. человек, средняя плотность населения города составляет 55,5 человек на 1 га.

Правда, учитывая что плотность населения на территории Завеличенского посада и в слободах была меньше, чем в пределах крепости, возможно, что средняя плотность населения не всюду и не вполне отражает реальную плот-

ность населения города. В черте фортификационных сооружений она, несомненно, была намного выше.

Сопоставляя наблюдения, полученные в результате археологических раскопок, нетрудно заметить, что план 1740 г. далеко не всегда отражает картину городской застройки более раннего времени. Наличие материковых ям, погребов и даже остатков построек в ряде раскопов доказывает существование жилой застройки в XVII в. в тех местах, где она была утрачена к XVIII в. (например, в раскопах № 25, 26). По-видимому, этот факт свидетельствует о сокращении численности населения в городе в конце XVII — начале XVIII в.

Реконструкция заселения городской территории Пскова в XI—XVI вв. может быть представлена в следующем виде. Слои, содержащие следы жилой застройки X — первой половины XI в., зафиксированы в южной части Крома, на территории Довмонтова города и в северной части Среднего города [64, с. 18; 25, с. 54; 19, с. 11]

Вторая половина XI—XII в. Ко второй половине XI в. (рис. 2) относится начало формирования культурного слоя в юго-восточной части Среднего города, в пределах стены 1309 г. (раскоп № 5) [6, с. 14]. В отложениях этого же времени (раскоп № 2) были вскрыты остатки 17 срубов. Датирующими находками здесь являются керамика, медный пластинчатый браслет со звериными головками на концах (XI — начало XII в.), бусы с пластинчатым узором — с ободком и цилиндрические (существовали с конца XI в.) [33, с. 138, 148] Наиболее густая заселенность и ранняя застройка наблюдаются на территории Старого Застенья (первоначальное ядро Среднего города).

В раскопах у здания старой почты выявлены древнейшие слои рассматриваемого периода. Так, в отложениях XI в. вскрыт целый ряд остатков деревянных сооружений, которые являлись основаниями двух жилых построек. Видимо, этот участок был заселен ремесленниками, занимавшимися обработкой железа, так как в районе построек найдены груда камней и значительное количество кусков железа и шлаков, окрашенных в синий цвет [25, с. 37] В слоях XII в. была открыта усадьба, в которой жилище объединялось с хозяйственным двором, хлевом и колодцем [25, с. 22].

Материалы раскопа № 36 позволяют отнести первоначальное заселение участка к рубежу XI—XII вв. Наиболее ранний керамический комплекс датируется серединой — третьей четвертью XI в. [34, с. 124]

К XI—XII вв. относится первоначальное освоение центральной части Запсковья. Начало освоения периферийных районов датируется XV и даже XVI—XVII вв. Граница между древнейшей территорией и периферийными участками проходит в районе ул. Школьная или в квартале между улицами Школьная и Первомайская [64, с. 29] Следует отметить, что вследствие специфики культурного слоя Запсковья объекты в слое сохраняются крайне фрагментарно. Поэтому четкое восстановление системы застройки затруднено.

В строительном горизонте XI—XII вв. (раскоп № 28) отсутствует какая-либо система в расположении частокольных канавок. Ямы этого времени были встречены как в восточно-юго-восточной, так и в северо-западной — центральной части раскопа. Они составляют две компактные группы, на пространстве между которыми ямы раннего времени отсутствуют. Вероятно, в начальный период освоения участка под жилую застройку усадьбы располагались сравнительно свободно (можно сказать, хаотично), оставляя целые незастроенные пространства.

Эта система говорит, скорее всего, в пользу окологородского характера освоения участка, а не городского [56]

В раскопе № 34 ранние ямы, свидетельствующие об освоении участка под жилую застройку, относятся к XII в. [57, с. 57]

Комплексы ям раскопа № 44 свидетельствуют об освоении участка под сплошную жилую застройку по крайней мере с рубежа XI—XII вв., а единичные фрагменты сосудов датируются не позднее середины — третьей четвер-

ти XI в. Вероятно, эти находки являются следами древнейшего освоения Запсковья под псковские посады [50, л. 619].

На Завеличье древнейшие культурные слои относятся также к XI—XII вв. Жилая застройка зафиксирована здесь остатками трех построек с глинобитными печами. В предматериковом слое найдены три западноевропейских динария XI в., а также медная монета с отверстием, подражающая фризскому динарию. Автор раскопок делает вывод о заселении Завеличья в начале XII в. и ставит вопрос о перенесении даты в XI в. [63]

XII—XIV вв. В это время происходит уплотнение застройки XII в., что прослежено на материалах раскопов у здания старой почты. В слоях данного периода открыты два сруба: кузница и жилая изба [25, с. 46] Раскопки на ул. Ленина, вероятно, в будущем дадут богатый материал. Однако сейчас он находится в стадии разработки. Известно только, что в XIII—XIV вв. на территории Среднего города (в площади раскопов) одновременно существовало не менее 40 дворов [65, с. 26; 66, с. 10—12]

В раскопе № 41 в XII—XIII вв. находилась усадьба, существовавшая непродолжительное время и исчезнувшая в первой половине XIII в. [50, с. 574].

Первоначальное заселение участка раскопа № 40 относится ко второй половине XII в. Об этом свидетельствуют остатки трех глинобитных печей и большое количество богато орнаментированной керамики, индивидуальные находки [44, л. 79]

В раскопе № 28 характер застройки существенно не меняется. Вероятно, в это время район раскопа подвергался существенной перепланировке: через кварталы более древней жилой застройки прокладывается улица, по обе стороны от которой упорядочивается усадебная застройка; территории отдельных усадеб разделяются между собой частоколами [56]

XV в. Отложения этого времени встречаются в раскопах № 18—20 (заглубленные в материк погреба и подпольные части построек, отдельные материковые ямы) [8, 16, 24—26, 29, 32] Правда, почти во всех раскопах эти слои крайне плохо прослеживаются. Так, в раскопе № 16 к жилой застройке относятся единичные ямы. То же можно сказать и о раскопе № 18 [35] Единичные ямы говорят только о первоначальном освоении участка.

Вторичное освоение территории раскопа № 41 относится ко второй половине XV — началу XVI в., когда вокруг Полонища возникли крепостные стены [50, л. 574]

В строительном горизонте XV в. (раскоп № 20) были открыты две постройки, дата которых установлена по многочисленным находкам керамики рубежа XV—XVI вв. [34, с. 129—132] В раскопе № 19 следы жилой застройки не выявлены из-за плохой сохранности слоя. Самый ранний материал, встреченный в раскопе, относится к XV в. [37, с. 73]

В раскопе № 24 открыты материковые ямы, заполненные углистым слоем с большим количеством бронзового шлака. Вероятно, во второй половине XV—XVI в. этот район был заселен ремесленниками-металлургами [49, с. 77, 78]. Видимо, этот участок не входил в городскую территорию, а являлся окологородской слободой.

На Запсковье серийные ямы встречены только в раскопах № 25, 29. В раскопе № 29 можно предполагать наличие кузниц в XV—XVI вв. На это указывают многочисленные находки железных шлаков и криц [67, с. 76] В раскопе № 26 были открыты только единичные ямы этого времени [54, с. 100—104].

В раскопе № 28 горизонт XV—XVI вв. читается в материке значительно хуже, чем более древние горизонты. В западной части раскопа к этому времени нарос культурный слой мощностью 0,6—0,7 м. Материковых ям XV—XVI вв. здесь почти нет. Однако горизонт застройки более или менее отчетливо фиксируется по слабо сохранившимся объектам: с обеих сторон от улицы слабо читаются остатки жилых построек (сохранились в виде плитняковых подкладочных вымосток под нижний венец сруба). В восточной половине раскопа

(материк залегал выше) объекты слоя отсутствуют, зато серийно представлены материковые ямы XV—XVI вв. По крайней мере часть этих ям — остатки подпольных частей жилых построек [56]

В XV — начале XVI в. в раскопе № 40 открыты ремесленная мастерская по первичной обработке криц и две жилые постройки. Археологическая застройка этого времени прослежена по плитняковому фундаменту, слою криц и шлаков, остаткам двух глинобитных печей на каменном основании [44, л. 79]

XVI в. Слои, содержащие следы жилой застройки этого периода, фиксируют все раскопы на Запсковье и на Полонище, кроме раскопа № 7 Отчетливые следы жилой застройки есть и в раскопе № 26, где открыт целый жилой квартал XVI—XVII вв. [54, с. 100—104] В раскопе № 30 зафиксировано 20 ям, заполненных керамикой XVI—XVII вв. Дерево в раскопе не сохранилось [55, с. 160—162]

В раскопах № 13, 17 к слоям XVI в. относится нижний строительный горизонт, в котором открыты клеть и яма с остатками бронзолитейного производства [40, с. 108, 117], а также многочисленные ямы в материке [41, с. 91]

Таким образом, застройка псковского посада представляется в следующем виде (табл. 2) Первоначально застраивались южная часть Крома, территория Довмонтова города, а также северная часть Среднего города, где обнаружены древнейшие строительные горизонты X — первой половины XI в. Со второй половины XI в. и с XII в. начинается застройка юго-восточной части Среднего города и территории Старого Застенья, а также центральной части Запсковья и района Изборской улицы на Завеличье. В XIII—XIV вв. новая территория не осваивается, но происходит уплотнение застройки XII в.

В XV в. городская территория значительно расширяется. Следы жилой застройки наблюдаются в черте Окольного города на Полонище, причем более или менее отчетливые слои конца XIV—XV в. выявлены только в западной части (район ул. Детская). Следы слабо сохранившейся застройки XV в. вскрыты в раскопах 1947 и 1974—1975 гг., а также в раскопах № 8, 24. На Запсковье застраивались участки в районе улиц Школьная и Первомайская. Территория Завеличья значительно расширяется.

Остальная часть Полонища и Запсковья застраивается в XVI в. Исключение составляет только Михайловский раскоп, в котором древнейшие слои относятся ко второй половине XVII в. Таким образом, первоначальная застройка псковского посада носила гнездовой характер.

Предложенная схема первоначального освоения псковского посада несколько отличается от схемы И. К. Лабутиной, в которой начало освоения Запсковья датируется XIV в., а топография Пскова ограничивается XV в. [68].

Уяснив территорию застройки в XI—XVI вв., можно попытаться определить ее площадь для каждого периода в отдельности. Для этого предлагается следующий метод определения: на карту с нанесенными раскопами накладывается масштабная сетка, где один квадрат равен 1,5 га. Таким образом, получаем площадь жилой застройки в XII в.—61,5 га; в XIV в.— 76,5; в XV в.— 128,7; в XVI в.— 161,2 га.

Все приведенные в статье результаты исследований позволяют сделать следующие выводы.

1. Стена 1309 г «режет» посад «по живому». И только стена 1375 г. окружает *весь* посад. Это хорошо согласуется со сведениями летописей о строительстве этой стены: «по старой стенкы... около всего посада» [69, с. 23]

2. Стена 60-х годов XV в. охватывает посад с большим запасом, территория имеет гнездовую застройку, между которой находятся большие свободные пространства, что хорошо согласуется с данными письменных источников.

3. В XVI в. происходят уплотнение застройки, перепланировка города.

Попытаемся с помощью ретроспективного метода определить вероятное число жителей Пскова на каждый этап роста городской территории, а также дать анализ динамики его изменения. Суть метода заключается в следующем: на

Таблица 2

Застройка псковского посада

Раскоп	XVI в.	XV в.	XIV в.	XIII в.	XII в.	Вторая половина XI в.	Конец X— первая половина XI в.
1	+	+	+	+	+	+	+
2	+	+	+	+	+	+	
3	+	+	+	+	+	+	
4	+	+	+	+	+	+	
5	+	+	+	+	+	+	
6	+	+	+	+	+	+	
7	+	+	+	+	+	+	
8	+	+	+	+	+		
9	+	+	+	+	+		
10	+	+	+	+			
11	+	+					
12	+	+					
13	+	+					
14	+	+					
15	+	+					
16	+	+					
17	+	+					
18	+	+					
19	+	+					
20	+	+					
21	+	+					
22	+						
23	+						
24	+						
25	+						
26	+						
27	+						
28	+						
29	+						
30	+						
31	+						

Примечание. Раскопы: 1 — ул. Советская (1956 г.), 2 — Псковгражданпроект (1972 г.), 3 — 1955, 1958, 1959, 4 — 1954, 5 — ул. Ленина — Пединститут, 6 — у Дома Профсоюзов, 7 — Богоявленский 1—2, 8 — Воскресенский, 1, 9 — Воскресенский 2, 10 — ул. К. Маркса (В. Д. Белецкий), 11 — угол улиц Детская Калинина, 12 — ул. Детская, 13 — раскоп 1947 г., 14 — Романиха, 15 — ул. К. Маркса (И. К. Лабутина), 16 — Покровский, 17 — Первомайский (В. И. Кильдюшевский), 18 — Толокнянский, 19 — Ильинский, 20 — Первомайский (Л. А. Царькова), 21 — Октябрьский, 22 — Лужский, 23 — Благовещенский, 24 — Новоторговский 1, 25 — Новоторговский 2, 26 — Новоторговский 3, 27 — ул. Гоголя (В. И. Кильдюшевский) 28 — ул. Гоголя (Т. В. Сергина), 29 — Петровский 1, 30 — ул. Советская, 31 — Образский.

основании имеющихся данных о плотности населения Пскова в первой половине XVII в. (94 человека на 1 га) определить его численность на XI—XVI вв.

Площадь городской застройки, реконструированная на периоды XI—XVI вв., известна. Исходя из предположения, что плотность населения в XI—XVII вв. была более или менее стабильной, можно попытаться определить число жителей для каждого этапа. Так, в XII в. в Пскове на площади в 61,5 га жило до 5,8 тыс. человек; в XIV в. на 76,5 га — 7,2 тыс.; в XV в. на 128,7 га — 12,1 тыс.; в XVI в. на 161,2 га — 15,2 тыс. человек. Таким образом, с XII по XIV в. численность населения увеличивается на 24%, с XIV по XV в.— на 68, с XV по XVI в.— на 26%. Самое значительное увеличение числа жителей приходится на XV в. т. е. на то время, когда город был окружен последней крепостной стеной. Именно в это время происходит резкое расширение городской территории. По сравнению с XII в. площадь территории Пскова увеличивается в XV в. приблизительно в 2,1 раза. Примерно так же изменяется и число жителей. Наименее значительный рост численности населения относится к XIV в. Действительно, в XIII—XIV вв. новая территория практически не осваивается, происходит уплотнение застройки XII в.

Вероятно, небольшое изменение числа жителей в XVI в. можно также объяснить уплотнением застройки XV в.

Однако кроме роста городской территории необходимо учитывать также влияние климатических условий на демографические изменения (эпидемии, пожары, неурожаи и проч.). В XII в. в Пскове было 12 голодных лет, 2 года эпидемий, 1 раз зафиксировано землетрясение [70, с. 122—130] XIII век был, пожалуй, наиболее благоприятным. Так, голодных лет всего было 6, причем 5 из них приходились на период 1200—1230 гг., а 6-й — на самый конец века. Только 1 раз, также в конце столетия, отмечена эпидемия, наступившая, вероятно, вследствие голода [70, с. 130—142] Напротив, голод и эпидемии в XIV в. возникают в основном во второй половине столетия и также были связаны между собой. В течение этого периода Псков горел несколько раз: в одних случаях — дотла, в других — значительно [70, с. 142—156]. Видимо, эти обстоятельства также повлияли на столь незначительный процент прироста населения.

На протяжении всего XV в. Псков горел несколько раз, из них 2 — полностью, 8 — значительно. На этот период приходится 11 голодных и 10 «моровых» лет. Кроме того, в 1456 г. от молний погибло множество людей и скота; 2 года город страдал от больших наводнений [70, с. 156—178] Интересно, что численность жителей увеличивается при этом на 68% по сравнению с XIV в. Видимо, имеет значение тот факт, что стена 1465 г охватила территорию города с большим запасом.

В XVI в. ситуация в Пскове была следующей: голодных лет было 8, пожаров — 5 (причем в 1500 г. сгорело все Запсковье), эпидемий — 12 (при этом в 1522 г. «много дворов вымерло и стояли пусты», в одной скудельнице было похоронено 11,5 тыс. чел.; в 1594—1595 гг Псков настолько вымер, что были присланы люди из других городов для пополнения города) [70, с. 179—199] Действительно, увеличение населения получается очень незначительным (всего на 26%). Может быть, оно произошло в основном за счет вновь прибывших людей либо реально было меньше.

Таким образом, в определении числа жителей Пскова играл роль не только факт расширения городской территории, но и иные, в том числе и природные факторы. Вероятно, полученные цифры более или менее точно отражают численность псковского населения в XI—XVI вв. Площадь жилой застройки увеличилась с 61,5 (XII в.) до 213 га (XVII в.) Число жителей Пскова возросло с 5,8 тыс. в XII в. до 20 тыс. человек в XVII. Скорее всего, рост населения Пскова прямо пропорционален росту городской застройки.

Однако численность населения зависит не только от расширения территории города, но и от внутренних демографических изменений (рождаемости, смертности и т. п.), внешних факторов (междоусобицы, войны, нашествия и т. п.), а также от климатических условий. Вероятно, только совокупностью этих причин можно объяснить столь незначительный рост численности псковского населения на отдельных этапах его жизни (например, в XVI в.).

Полученные данные, разумеется, не являются точными. Они могут быть верными лишь в том случае, если плотность населения, действительно, была стабильной на протяжении XI—XVII вв. В противном случае изменения могли быть либо сильными, либо незначительными. Тогда предложенное число жителей или резко отличается от действительности, или колеблется около своей средней величины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
2. *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
3. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М., Станюкович А. К. и др.* Сельское расселение на Северо-Западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

4. *Белецкий С. В., Фролов В. П.* Средневековые сельские поселения в нижнем течении р. Великой // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.
5. *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т 64.
6. *Лабутина И. К.* Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
7 *Седов В. В., Белецкий С. В.* Псковская экспедиция в 1980—1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
8. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
9. *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. I. Вып. 2. Киев: Тип. А. И. Гроссман, 1919.
10. *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
11. *Чистякова Е. В.* Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34.
12. *Шунков В. И.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. // Исторические записки. 1939. Т. 5.
13. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II отд. с.е.и.в. канцелярии. Т 1—2. СПб., 1853—1855.
14. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. Т 15. М., Наука, 1985.
15. *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
16. *Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
17 *Спегальский Ю. П* Дом Печенко. Псков: Лениздат, Псковское отд-ние, 1973.
18. *Белецкий С. В., Фролов В. П.* Михайловский раскоп // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1982. Вып. 2.
19. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. № 160.
20. *Белецкий С. В.* К методике реконструкции процесса роста территории средневекового города // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. М., 1977
21. *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопок Пскова // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
22. *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XIII—XVII вв. (опыт классификации) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1986. Вып. 6.
23. *Кильдюшевский В. И.* Керамика городов Северо-Западной Руси (Псковская и Новгородская земля) в конце XIII—XVII в. (итоги изучения) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987). М., 1987
24. *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли (2-я пол. I — нач. II тыс. н. э.) как исторический источник. М.: ИА АН СССР, 1979.
25. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4.
26. *Гроздилов Г П.* Отчет за 1961 г. // Архив ИА АН СССР Р-1. № 2367, 2367а.
27 *Плоткин К. М.* Раскоп X на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
28. *Закурина Т Ю.* Раскоп XI на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
29. *Волочкова О. К.* Раскоп XII на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
30. *Колосова И. О., Лабутина И. К.* Раскоп XIII на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
31. *Седов В. В.* Раскоп IXа на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
32. *Лабутина И. К.* Отчет за 1967 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3580, 3580б.
33. *Лабутина И. К.* Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
34. *Овсянников О. В., Царькова Л. А.* Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
35. *Тараканова С. А.* Отчет за 1947 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 168.
36. *Лабутина И. К.* Раскоп 1967 г в Окольном городе Пскова (К методике выявления непотревоженных участков слоя) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1982. Вып. 2.
37 *Фролов В. П.* Раскоп на ул. Детской // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Вып. 5.
38. *Царькова Л. А.* Отчет за 1974—1975 гг. // Архив ИА АН СССР Р-1. № 8963.
39. *Поганкин С. И.* Книга псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Списал с подлинника д. ч. Псковского губ. стат. к-та К. Г Евлентьев. Псков, 1870.
40. *Кильдюшевский В. И.* Раскопки на ул. Гоголя в 1977 г // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
41 *Сергина Т В.* Раскопки в Окольном городе в 1978—1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
42. *Москвина Т* Отчет за 1981 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 10585.
43. *Ершова Т Е.* Скудельница средневекового Пскова. По материалам раскопок 1985—1986 годов // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Крат. тез. докл. к научно-практ. конф., посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Псков, 1987
44. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1987 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 12162.

45. *Колосова И. О.* [Раскоп на Октябрьском проспекте] // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1982. Вып. 2.
46. *Урьева А. Ф.* Отчет за 1981 г // Архив ИА АН СССР Р-1 № 8795
47 *Волочкова О. К.* [Благовещенский раскоп] // Археология Пскова и Псковской земли. 1982 Вып. 2.
48. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1984—1985 гг // Архив ИА АН СССР. Р-1 № 10527, 10122.
49. *Харлашов Б. Н* Раскопки на ул. Калинина // Археология и история Пскова и Псковской земли 1986. Вып. 6.
50. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1988 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 12655
51. *Плоткин К. М.* Отчет за 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9319.
52. *Ширинский С. С.* Отчет за 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9021.
53. *Царькова Л. А* Отчет за 1978 г // Архив ИА АН СССР Р-1 № 9322.
54. *Кильдюшевский В. И.* Новые исследования на Запсковье // Новое в археологии Северо Запада СССР Л.: Наука, 1985.
55. *Волочкова О. К.* Охранный раскоп у церкви Нерукотворного Образа на Запсковье // Археологическое изучение Пскова. М.. Наука, 1983.
56. *Белецкий С. В., Мержанова К. А.* Новые данные по археологии Запсковья (г. Псков) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8
57 *Белецкий С. В.* [Воскресенский—2 раскоп] // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1982. Вып. 2.
58. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1983 г // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9870
59. *Белецкий С. В.* Толокнянский раскоп в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Вып 5.
60. *Шорин П. А.* Монетные клады Псковской земли (клады русских монет XV—XVII вв.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Вып. 5.
61. *Шорин П. А.* Клад монет XVII в. из раскопок 1983 г. в Пскове // КСИА. 1985. № 183.
62. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1986 г. // Архив ИА АН СССР Р-1 № 11299
63. *Харлашов Б. Н* Раскопки на Завеличье // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Вып. 8.
64. *Белецкий С. В.* Псков. Свод памятников истории и культуры СССР. Псковская обл. Памятники археологии // Рукопись в секторе археологических сводов ИА АН СССР.
65. *Лабутина И. К.* Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР Рига, 1983.
66. *Лабутина И. К.* К изучению двора средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1983. Вып. 3.
67 *Седов В. В., Волочкова О. К., Закурина Т Ю. и др.* Работы в Псковской экспедиции в 1984 г // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Вып. 5.
68. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М.: Наука, 1985.
69. Псковские летописи. Ч. 1. М.; Л.: Наука, 1941.
70. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. Л.. Гидрометеоиздат, 1983.

Институт археологии АН СССР,
Москва

K. A. MERZHANOVA

THE NUMBER OF POPULATION IN A MEDIAEVAL TOWN: THE POSSIBILITIES OF RECONSTRUCTION (THE EXAMPLE OF PSKOV)

Summary

The author suggests a reconstruction of building system of Pskov in the 11th—17th centuries aimed at establishing the number of population in this period comparising the archaeological data and that of the written sources. In the 12th century the built area covered 61,5 ha and in the 17th century it increased to 213 ha. Probably the increase of population was in proportion with these figures. The number of population depends on some other factors of demographic nature such as the number of born and dead people. The influence of some climatic factors on the number of population of Pskov is outlined. These data should be reliable in case of stability of population density during all the period from the 11th up to the 17th centuries. If not so, the difference should be strong of insignificant. In this way the proposed figures of inhabitants differ from the real ones or are close to the average ones.

Дискуссии

Н. Л. МОРГУНОВА

К ВОПРОСУ О ПОЛТАВКИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИУРАЛЬЯ

Исключительный интерес вызывает у читателей журнала «Советская археология» дискуссия по проблемам культурного соотношения памятников эпохи ранней и средней бронзы в Волго-Уральском междуречье. Ее проведение, безусловно, имеет позитивное значение. Поскольку материалы Приуралья по данной теме пока малознакомы специалистам, а их значение достаточно велико для изучения проблем эпохи бронзы всего Волго-Уральского региона, считаю необходимым вступить в дискуссию и высказаться по ряду вопросов.

Первые древнеямные памятники в Приуралье (Увак, Герасимовка и др.) были открыты в конце 50-х годов экспедицией под руководством К. Ф. Смирнова. Датируя памятники не позднее конца III тыс. до н. э. и определяя их культурную принадлежность как древнеямную, исследователи отмечали такие их особенности, как положение погребенных на правом боку, независимость количества охры от хронологической позиции погребения, наличие уступов (ступенек) в погребенной почве вокруг могильных ям (Герасимовка), наличие деревянных перекрытий [1, с. 156—159; с. 46—60] Н. Я. Мерперт поддержал выделение приуральской группы волжско-уральского варианта древнеямной культурно-исторической общности (КИО) [3, с. 89—97] Н. К. Качалова попыталась обосновать тезис о распространении полтавкинской культуры на территории Приуралья, основываясь на некоторых материалах могильников Новая Белогорка, Хабарное I, Новый Кумак [4, с. 12, рис. 4], несмотря на иные выводы об их культурной и хронологической позиции автора раскопок Э. А. Федоровой-Давыдовой [5, с. 133—152] что и было верно отмечено Г Г Пятых [6, с. 114—116] Действительно, материалов, позволявших столь категорично ставить вопрос о приуральской полтавкинской культуре, практически не существовало. Ссылка же на предварительное сообщение в «Археологических открытиях» о результатах моих раскопок Болдыревских могильников до их публикации вызывает некоторое недоумение [7, с. 218]. Конечно, можно предполагать, что заселенность Южного Приуралья полтавкинскими племенами была такой же, как и в хорошо изученных многолетними раскопками нижневолжских и средневолжских районах [7, с. 220] Однако я полагаю, что, прежде чем делать столь ответственные выводы, необходимо провести основательный анализ имеющихся материалов. Но и в этом случае, учитывая отставание Приуральского района в изучении памятников эпохи бронзы и необходимость продолжения накопления источников, следует воздержаться от категоричных выводов и нетерпимости к иным точкам зрения.

Коротко остановлюсь на характеристике приуральских материалов древнеямного и полтавкинского времени, известных из раскопок К. Ф. Смирнова, Э. А. Федоровой-Давыдовой и исследованных в последние годы мною, О. И. Пороховой, А. Ю. Кравцовым, С. В. Богдановым. Большая часть их подготовлена к публикации и сдана в печать, в том числе в редакцию «Советской археологии».

© Н. Л. Моргунова, 1991 г.

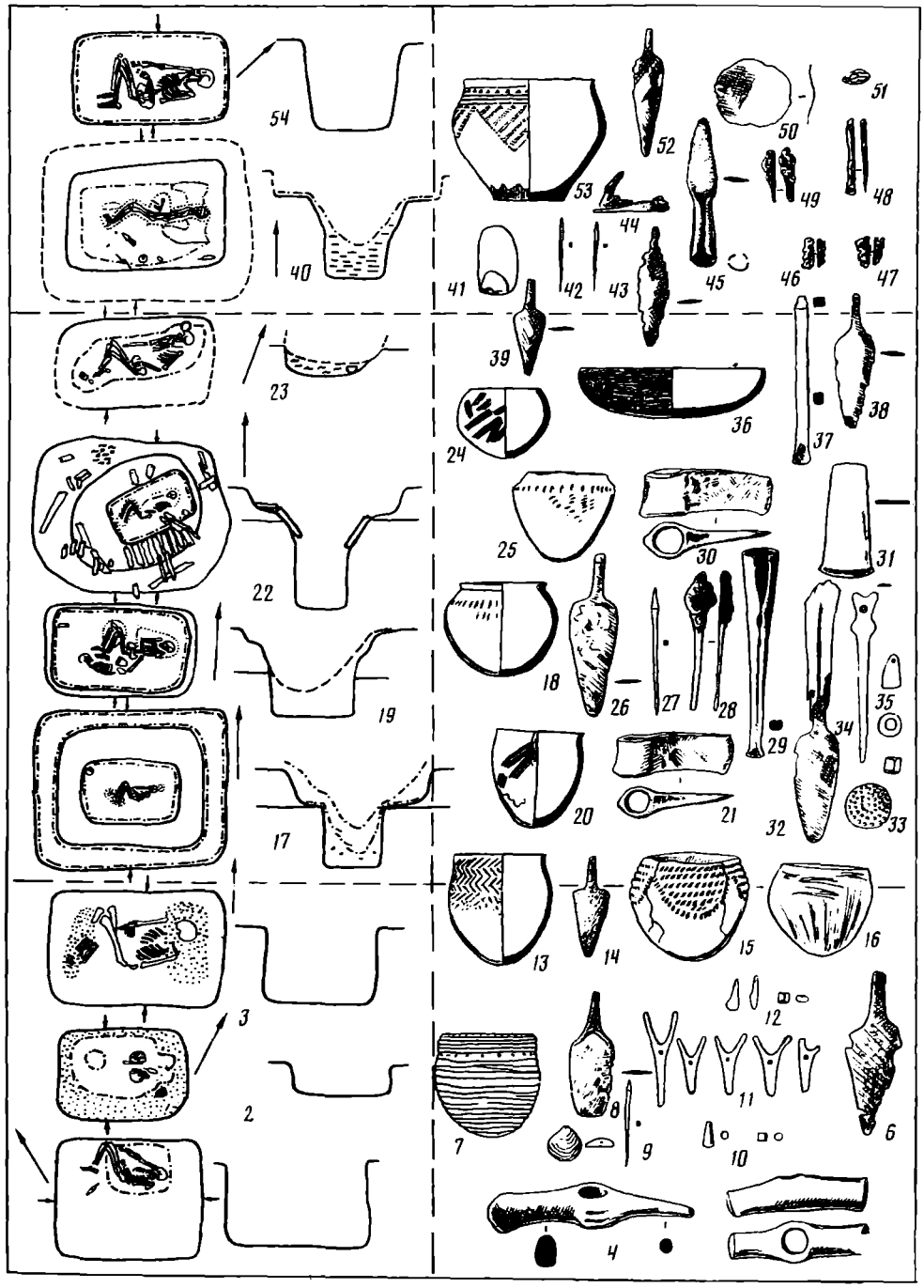


Рис. 1. *1, 4* — Нижняя Павловка V, 1/2; *2, 7—12* — Герасимовка II, 4/2; *3* — Трудовое II, 5/2; *5, 6* — Увак 12/4; *13, 14* — Тамар-Уткуль VIII, 5/1; *15, 16, 25* — хутор Барышников 3/6, 5/1, 4/1; *17, 18* — Линевка III, 1/1; *19—21* — Тамар-Уткуль VIII, 4/1; *22* — Болдырево IV, 3/7; *23, 24* — Болдырево IV, 2/5; *26—31* — Тамар-Уткуль VII, 8/4; *32—35* — Тамар-Уткуль VII, 1/1; *36, 37* — Пятилетка 5/2; *38* — Изобильное I, 3/1; *39* — Болдырево I, 10/3; *40—51* — Болдырево I, 1/1 *52, 53* — Болдырево I, 2/1 (*4—6, 8, 9, 14, 21, 26—33, 37—39, 42—45, 52* — медь; *28, 44, 46—49* — железо; *7, 13, 15, 16, 18, 20, 24, 25, 36, 53* — глина; *11, 32, 34, 35* — кость; *41, 51* — камень)

В настоящее время изучено 88 курганов эпохи ранней и средней бронзы в которых было 92 погребения (в том числе 62 целых, непотревоженных). Такие могильники, как Болдырево I, Тамар-Уткуль VII и VIII, Нижняя Павловка V Пятилетка, раскопаны полностью. В 4 курганах отмечены случаи стратиграфии

Все изученные памятники приурочены к южным районам области, тяготея к берегам р. Урал и ее притокам: Илеку, Кинделе, Иртеку и др. Они находились

на ровных площадках первых террас, реже — на возвышенных участках в поймах рек. Число курганов в одной группе — от 3 до 11. Их расположение относительно друг друга или кучное (эта планировка преобладает), или цепочкой вдоль края террасы. В каждой группе имелось от 1 до 3 крупных курганов (диаметром более 30 м) Могильник Болдырево IV состоял только из 3 курганов значительных размеров — от 30 до 90 м в диаметре. По положению погребенных выделяется две группы. Особую группу составляют парные погребения (8 погребений). Однако по положению основных костяков они могут быть включены в одну из первых двух групп.

К I группе (20 погребений) отнесены погребения с костяками, скорченными на спине с подогнутыми вправо ногами (рис. 1, *3*), ориентированные на восток и северо-восток. Все погребения совершены под небольшими курганами, диаметром до 20 м, в простых ямах с отвесными стенками. Три могилы имели несколько усложненную конструкцию с расширением стенок в погребенной почве, однако еще далекую от классических ступенчатых конструкций, в которых обязательным элементом является настил из травы или коры на уступах. На дне большинства ям имелась подстилка из травы или коры, обязательна охра различной интенсивности, имеются редкие включения угля или золы, в трех случаях — забутовка придонной части ямы глиной. Инвентарь встречен примерно в 1/3 погребений, но он всегда малочислен (один-два предмета в погребении). Среди находок отметим четыре сосуда круглодонной формы (рис. 1, *15, 16, 25*), деревянное колесо (Герасимовка I, 7/1), костяные трубочки и кольцо, кремневые сколы и др. Характерно отсутствие металла.

Датировка погребений I группы затруднена отсутствием или малой информативностью инвентаря. Однако все найденные в 4 погребениях сосуды соотносятся с керамикой II хронологической ступени древнеямной культуры Нижнего Поволжья [3, с. 60—68] и I—II групп Средневолжского района [8, с. 25—29] Идентичность обряда остальных погребений и погребений с сосудами дает некоторые основания полагать, что захоронения по обряду I группы в Приуралье распространились, в основном в послебережновское время, в уже сложившихся традициях древнеямной культуры. Что касается сохранения данной черты обрядности в полтавкинское время, то пока имеется лишь 1 погребение на спине, безынвентарное, в могильнике Болдырево I (рис. 1, *54*), все курганы которого, видимо, относятся к этому периоду.

Во II группе — 34 погребения с костяками на правом боку. Ориентировка та же — на восток и северо-восток. По конструкции могильных ям выделено две подгруппы: А — погребения в простых прямоугольных ямах с отвесными стенками, Б — в ямах усложненной или сложной ступенчатой конструкции, в двух случаях дополненных дромосом. К подгруппе А отнесено 18 погребений. В устройство могильных ям входила обязательная подстилка на дне, в четырех случаях отмечены перекрытия из деревянных плах, иногда подсыпка мела, угля или золы, в одном случае — над костяком слой травы. Размеры курганов над данной подгруппой погребений в основном небольшие до 20 м в диаметре, но 6 курганов имели диаметр более 30 м. Среди инвентаря медные ножи (рис. 1, *39*), топор-клевец (рис. 1, *4*), молоток (рис. 1, *5*), круглодонный сосуд с расчесами (рис. 1, *24*), фрагмент керамики с елочным орнаментом.

В подгруппе Б погребения совершались в обширных ямах квадратно-прямоугольных очертаний на уровне погребенной почвы, с уступами по всей окружности ям и постепенным сужением стенок в материке. Часть ям имела более простую конструкцию — по одной-две ступеньке в материке. Для всех ям характерно увеличение глубины. К данной подгруппе относится большинство всех крупных курганов — около 65%. Сложная конструкция могильных ям помимо обязательной подстилки на заплечиках и дне ямы дополнялась такими элементами, как интенсивная окраска охрой костяков, забутовка придонной части глиной (шесть случаев), перекрытия из плах на уровне заплечиков (четыре случая), подсыпка мела и угля. В погр. 1 кург. 1 мог. Болдырево I (диаметр

64, высота 6 м) к этим деталям добавились покрывало из темной коры с аппликацией, выполненной из белой коры в виде расправленных крыльев птицы, венчик на голове и подушечка из глины под ней. Лишь в четырех погребениях отсутствовал инвентарь. Остальные содержали от 1 до 12 вещей. В двух захоронениях найдены сосуды (рис. 1, *18, 53*). Остальные предметы (около 30) изготовлены из меди, железа, камня, кости.

Древнеямная принадлежность погребений подгруппы А не вызывает сомнений. Все они по погребальному обряду и инвентарю аналогичны материалам II хронологической ступени древнеямных памятников Нижнего Поволжья, их датировка не выходит за рамки III тыс. до н. э. Сложности возникают с определением культурной и хронологической принадлежности подгруппы Б. По таким признакам, как конструкция могильных ям, наличие подстилок на дне ямы, прослоек в заполнении, перекрытий, золы, угля и мела, они должны быть сопоставлены с памятниками так называемых полтавкинских культур Нижнего и Среднего Поволжья, несмотря на некоторые вполне объяснимые региональными особенностями отличия [4, с. 4—13; 8, с. 29—52] Из всех исследованных в Приуралье памятников раннеполтавкинским синхронен могильник Болдырево I (10 курганов). Этому не противоречит инвентарь 3 курганов (№ 1, 2, 10), копье с разомкнутой втулкой, аналогичное балановско-фатьяновским (рис. 1, *45*), сосуд плоскодонной формы (рис. 1, *53*), ножи (рис 1, *39, 43*) Эти курганы помимо инвентаря отличают ступенчатая конструкция ям, положение погребенного на правом боку и значительные размеры насыпей (рис. 1 *40*). Однако при видимой усложненности погребального обряда в этих курганах легко усматривается сохранение всех ведущих признаков ямной культуры Приуралья и сопредельных территорий: одна могила под курганом, форма и структура насыпей, положение костяков и их ориентировка, наличие подстилок и охры, форма ножей и шильев. Многие из этих черт характерны и для рядовых курганов I Болдыревского могильника (диаметром до 20 м), но уже без усложняющих деталей обряда. В равной мере они свойственны и погребальному обряду двух других древнеямных памятников, исследованных в окрестностях с. Болдырево — Болдырево IV и Трудовое II и относящихся к более раннему времени. Одно из таких погребений с сосудом (рис. 1, *23, 24*) являлось впускным в курган значительных размеров (диаметр 34, высота 3 м), где основное, ограбленное погребение было совершено в глубокой яме с классическими ступеньками и перекрыто накатником. В нем прослежены наличие подстилки на дне и ступеньках, обилие охры, восточная ориентировка, найдены медное шило с упором, обломок железного предмета. Подобная конструкция могилы выявлена в соседнем кургане (рис. 1, *22*), где костяк с ориентировкой на северо-восток лежал на правом боку, без сопровождающего инвентаря.

Таким образом, позиция авторов полтавкинской концепции, в которой «правобочное» положение костяков и ступенчатая конструкция могильных ям выступают как один из ведущих признаков полтавкинской культуры, на материалах Приуралья не подтверждается. Они свидетельствуют о зарождении этих черт обряда в среде древнеямного населения. Это следует из анализа не только болдыревских могильников, но и других памятников в бассейнах рек Урал и Илек. Так, «правобочное» положение костяков в погребениях ямной культуры Оренбуржья было отмечено как особенная черта на примере таких памятников, как Увак, Герасимовка и др. (рис. 1, *1—12*). Причем она свойственна и наиболее архаичным погребениям. Так, Э. А. Федорова-Давыдова обосновала достаточно раннюю дату погребения из Увака 12/4 с медным молотком и ножом, относя его к середине III тыс. до н. э. [2, с. 55] Видимо, близок ему по времени и комплекс Нижняя Павловка V 1/2, в котором вместе с костяком на правом боку обнаружен медный топорик-клевец. Аналогии ему в Закавказье а также в энеолите Балкан и Украины не позволяют установить точную дату погребения, однако склоняют к достаточно архаичной его позиции в сравнении с остальными приуральскими захоронениями. «Правобочность» характерна

и для целого ряда памятников, по инвентарю имеющих четкие параллели со II хронологической группой по Н. Я. Мерперту (рис. 1, *13, 14, 19, 21*). Все эти факты говорят о том, что положение костяков на правом боку не только особенная черта древнеямной культуры Приуралья, но и свойственная ей на всем протяжении ее здесь существования. При этом замечено, что «правобочность» более присуща курганам, каким-либо образом выделяющимся из общего стандарта: крупной насыпью, усложненной ямой, богатством инвентаря, а иногда сочетанием этих особенностей. Подсчеты показывают, что в Оренбуржье под курганами до 20 м в диаметре совершено 21 погребение (66% от общего их числа) с обрядом положения на правом боку, от 20 до 30 м — 4, соответственно 50%; более 30 м — во всех 16 курганах (100%).

Примерно та же картина наблюдается в соотношении формы могильной ямы и размера кургана: до 20 м — в простых ямах — 69%, в сложных со ступеньками — 31%, от 20 до 30 м — соответственно 73 и 27%; от 30 до 40 м — 41 и 59%; более 40 м — 17 и 83%. При этом в сложных ямах находились только «правобочные» костяки.

Начало распространения ступенчатой конструкции могильных ям в Приуралье следует отнести к последней четверти III тыс. до н. э., т. е. к позднеямному периоду, не исключая появление свидетельств об их более раннем бытовании. Подтверждением тому служат следующие факты. В кург. 2 Болдырево IV, как уже отмечалось, подобная форма ямы перекрывалась погребением с типичным сосудом ямной культуры II хронологической ступени (рис. 1, *22—24*) В кургане Линевка III, 1/1 (диаметр 30 м) «правобочное» погребение в яме, по всем основным показателям аналогичное эталонам Красносамарских «полтавкинских» курганов [9, с. 39—57], сопровождалось сосудом древнеямного типа (рис. 1, *17, 18*) Датировка могильников VII и VIII у с. Тамар-Уткуль, где отмечены те же особенности в большинстве погребений, также не выходит за пределы III тыс. до н. э., что обосновывается целыми комплексами металлических изделий и керамики: Тамар-Уткуль VIII, 4/1 (рис. 1, *19, 21*), Тамар-Уткуль VII, 8/4 (рис. 1, *26—31*), 1/1 (рис. 1, *32—35*) и др. Распространение погребений на правом боку и ступенчатой конструкции ямы в памятниках волго-уральского варианта древнеямной КИО отнюдь не равнозначно. На Нижней Волге, судя по имеющимся сообщениям, они единичны и имеют иную конструкцию [10, с. 309; 11, с. 55] В Среднем Поволжье встречаются чаще, но и здесь по численности уступают положению на спине в простых ямах [8, 9] В средневолжских памятниках также просматривается тенденция сочетания усложненного за счет конструкции ямы обряда с увеличением размеров насыпи кургана. Однако по причине механического разброса имеющихся здесь материалов по хронологическим группам, минуя предварительный анализ погребальной обрядности и принимая эти признаки как основные при выделении II и III групп [8], на мой взгляд, намечен неверный подход и к пониманию основополагающих процессов этнического и социального развития в древнеямном обществе Волго-Уральского региона. Вызывает сомнение такая жесткая схема, в которой каждое погребение, в том числе и безынвентарные, нашло свое единственное место, хотя в целом она, конечно, намечена правильно. Однако в свете приведенных выше наблюдений для Приуралья трудно согласиться с отнесением на основании положения костяков на спине и наличия сосуда ямного типа двух погребений Кашпирского III могильника к древнеямной культуре, а погребение на правом боку в яме со ступеньками в кург 1 — к полтавкинской культуре [8, рис. 3, 4; 12, с. 175—183] В последнем находились нож и два шила, типичных и для ямной культуры. Думается, что вряд ли хронологический промежуток между этими тремя захоронениями был столь значителен. Наши исследования на сплошь раскопанных могильниках показывают, как правило, близкие хронологические позиции ямных курганов в одном некрополе (Тамар-Уткуль VII, VIII, Болдырево I)

Сравнивая материалы эпох ранней и средней бронзы Приуралья и Среднего

Поволжья, приходишь к выводу о единых тенденциях в развитии древнеямной культуры на данной территории, что наблюдается здесь и в предшествующие периоды неолита и энеолита [13, с. 27—35; 14] Древнеямные стандарты в погребальном обряде и инвентаре в основном сохраняются на всем протяжении развития культуры, оставаясь ведущими и в катакомбное время. Единственной бесспорной новацией, считающейся полтавкинским признаком, остается появление плоскодонности и некоторых других черт на керамике, что, однако, нуждается в подкреплении данными по технологии. Именно корреляция признаков погребального обряда с керамикой была положена в обоснование выделения полтавкинской культуры [15, с. 6] К сожалению, о дальнейшей процедуре анализа источников и степени их информативности специалистам приходится только догадываться, так как полтавкинская концепция далеко не достаточно подкреплена публикацией памятников, считающихся эталонными для Нижнего Поволжья. Да и есть ли эти эталоны? Во всяком случае, найти их в имеющихся по этой проблеме немногочисленных статьях [4, 7, 16] довольно сложно.

Сказанное в равной мере может быть отнесено и к «катакомбной» концепции В. И. Мельника, выводы которого обоснованы в диссертации, малодоступной специалистам, и очень скупо представлены в печати [17—19] По ним судить о степени доказательности данной концепции не представляется возможным. Лишь материалы Куйбышевского Заволжья введены в научный оборот в почти полном объеме, что способствует нормальному их осмыслению и дает возможность для проведения сравнительного анализа с материалами сопредельных территорий [9, 12, 21, 22] Видимо, в данной ситуации и возникают столь противоречивые позиции различных исследователей [6, 7, 18—20] Подобный подход имел место и в выделении приуральской культуры полтавкинской КИО [4, 23], что, как уже отмечалось, было сделано с необоснованной поспешностью. Материалы, которыми мы располагаем на сегодняшний день, это не подтверждают. Поэтому попытки определять ход дискуссии как «поворот назад», к давно пройденным рубежам в изучении проблем эпохи бронзы Волго-Уралья [7, с. 213], мне кажутся неверными.

Основываясь на материалах Приуралья и Среднего Поволжья, где ступенчатая конструкция могильных ям в совокупности с увеличением их размеров как по горизонтали, так и по глубине, как правило, сочетается или с богатым инвентарем, или с увеличением насыпи кургана при усложнении всей обрядности, а иногда соединяет все это вместе (Болдырево I, 1/1 — рис. 1, *40—51*), можно полагать, что данные признаки являются отражением сложных социальных процессов, происходивших в древнеямном обществе, а не следствием замены одной культуры другой. То, что процесс социальной дифференциации в среде древнеямного населения имел значительное развитие, отмечалось многими учеными [3, с. 130—134; 14, с. 71; 24, с. 90, 91; 25, с. 165—172] В задачу данной статьи не входит рассмотрение этих вопросов, они требуют специального изучения. Однако в плане дискуссии необходимо отметить, что достаточно яркие признаки социальной неоднородности в среде древнеямного населения Приуралья видны уже в самых ранних для этого района погребениях. Таковым является комплекс кургана 4/2 из могильника Герасимовка II [26, с. 172, 173] Весь обряд погребения, обилие инвентаря, состоящего из более 10 предметов (рис. 1, *2, 7—12*), выделяют этот курган из множества обычных ямных погребений. Значительными размерами насыпи (более 30 м в диаметре, 2 м высотой), обширной, хотя и простой формы, ямой, наличием оружия в виде топора-клевца отмечен кург. 1 в могильнике Нижняя Павловка V Более поздним является ряд парных погребений, в которых сопутствующие костяки всегда занимают подчиненное место (за спиной или в ногах) по отношению к основным (рис. 1, *13, 14, 19—21*). Имеются случаи специального расчленения сопровождающих костяков, среди которых особо выделяется погребение в могильнике Пятилетка 5/2 (раскопки С. В. Богданова, 1988 г.) с массивным медным долотом (рис. 1, *36, 37*). В нем за спиной основного мужского костяка на правом боку находились

обожженные кости расчлененного в нескольких местах трупа. Накоплен материал о принадлежности к высокопоставленным группам общества представителей ремесленников: металлургов, плотников, которые, видимо, нередко выдвигались и на исполнение наиболее престижных обязанностей вождей, жрецов и военной аристократии (Тамар-Уткуль VII, 8/4, 1/1; Тамар-Уткуль VIII, 4/1; Утевка I, 1/1; Колтубанка) Высокий общественный статус ремесленников отмечен по материалам Павловского могильника на Среднем Дону А. Т Синюком [25, с. 165—172]

По мере развития древнеямной культуры наблюдается и все большее разнообразие в подходе к различным группам захоронения. Констатируя консерватизм древнеямного обряда на протяжении почти целого тысячелетия (скорченное на спине или на боку положение костяка, восточная ориентировка, посыпка охрой, подстилка на дне ямы, малочисленность инвентаря), все более заметными становятся на их фоне социально значимые курганы, в которых эти стандарты дополняются усложняющимися деталями. В одних случаях это крупная насыпь кургана, как, например, в кург. 3 могильника Н. Павловка V, где вокруг обычного погребения под насыпью находился ров, заполненный углем. В других, что встречается чаще, выделение статуса погребенного происходило как за счет увеличения насыпи и размеров могилы, так и усложнения конструкции ямы путем сооружения ступенек и уступов, а также перекрытий из дерева, забутовки ямы грунтом, покрывал и т. п. Все больше возрастает и «неравенство» погребенных по инвентарю, их сопровождающему. В погр. 1 в самом крупном из раскопанных в Приуралье курганов — Болдырево I, 1/1 находился обильный инвентарь — около 12 предметов, в том числе 6 железных (рис. 1, *44, 46—50*), причем, по определению Н. Н. Тереховой, 2 из них были изготовлены из железа от метеоритов разного происхождения, что наряду с пышным обрядом (сложная яма, забутовка и двойное дно, покрывало с аппликацией в виде крыльев, венчик на голове, пеленание трупа и др.) говорит о высоком социальном статусе погребенного, возможно, подкрепленном и имущественным правом. Столь же высок социальный ранг погребенного в кург. 1 I Утевского могильника [21]. Приведенные факты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что процесс социального развития в древнеямном обществе протекал значительно сложнее, чем нам представлялось ранее. В Волго-Уральском регионе особая роль в этих процессах, видимо, принадлежала группе приуральского населения, благосостояние которого базировалось не только на интенсификации скотоводческого хозяйства в благоприятной экологической обстановке, но и на успешном развитии металлургии благодаря собственности на Каргалинские месторождения меди [27, с. 68, 69]. Именно в Приуралье и Куйбышевском Заволжье, экологически едином и объединенном бассейном р. Самара районе, сосредоточена основная масса известных металлических изделий ранней бронзы, изготовленных из каргалинской меди. В Нижнем Поволжье они сравнительно немногочисленны, так же как и неизвестны здесь пока подобные Утевке или Болдыреву крупные курганы. Причем в Приуралье в ходе разведок выявлены многочисленные группы курганов ранней бронзы, в том числе и больших размеров. Чем это объяснить? В плане рабочей гипотезы можно предположить, что на развитие процесса разложения родовых отношений в среде нижневолжских племен тормозящее влияние оказало катакомбное население, о проникновении которого в Заволжье уже накоплено достаточно много сведений [11; 15, с. 16; 18; 28] Выяснение исторической сути взаимодействия ямных и катакомбных групп, которое, возможно, было далеко не равноправным, судя по отсутствию здесь социально значимых ямных погребений, аналогичных средневолжским и приуральским, нуждается в специальном изучении. Катакомбные влияния слабо прослеживаются в Среднем Поволжье и почти вовсе не ощущаются в Оренбуржье, что, видимо, и объясняет в какой-то степени феномен сохранения древнеямных традиций в этих районах и в эпоху средней бронзы.

В свете сказанного и учитывая настоятельную необходимость дальнейшего

изучения исторических процессов как в Волго-Уралье, так и по всей степной зоне, представляется, что ему должно предшествовать правильное понимание вопросов культурной принадлежности памятников эпохи ранней и средней бронзы, их хронологии, этапов развития культуры при условии выработки единых методических подходов и быстрейшего ввода в научный оборот источников, как тех, которые еще не опубликованы, так и тех, которые будут накапливаться в дальнейшем. Иначе наши попытки подойти к решению более крупных исторических проблем окажутся безуспешными. От того, каким будет подход к анализу и интерпретации археологических источников по отдельным вариантам древнеямной общности, зависит и осмысления общих процессов в огромной зоне, получившей в работах последних лет наименование Циркумпонтийской, что, безусловно, явилось значительным вкладом в историческую науку [29, с. 7—35; 30, с. 37—56; 31, с. 14—30]. Поэтому хочется надеяться, что развернувшаяся дискуссия поможет ее участникам прийти к позитивным сдвигам в исследованиях проблем эпохи ранней и средней бронзы Волго-Уралья не только в области интенсификации полевых исследований и накопления материалов, но и качественного их анализа и осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов К. Ф.* Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
2. *Федорова-Давыдова Э. А.* Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
3. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
4. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
5. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
6. *Пятых Г. Г.* К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. 1990. № 1.
7. *Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
8. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1979.
9. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф.* Полтавские могильники у с. Красносамарское // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1988.
10. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
11. *Ляхов С. В.* Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы у с. Новая Квасниковка // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1990.
12. *Иванов В. А., Пестрикова В. И.* Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982.
13. *Моргунова Н. Л.* Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в Южной зоне лесостепи Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: Изд-во Башк. фил. АН СССР. 1987
14. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья, степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1981.
15. *Качалова Н. К.* Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1965.
16. *Качалова Н. К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
17. *Мельник В. И.* Об основаниях гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1978.
18. *Мельник В. И.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк, 1979.
19. *Мельник В. И.* К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. 1982. Вып. 169.
20. *Турецкий М. А.* О соотношении позднеямных и раннеполтавкинских комплексов Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1990.
21. *Васильев И. Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
22. *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Покровский курганный могильник // Наш край. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1975.
23. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.

24. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975.
25. *Синюк А. Т* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
26. *Порохова О. И.* Раскопки памятников эпохи бронзы в Оренбургской области // АО-1982. М., 1984.
27 *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
28. *Баринов Д. Г., Дремов И. И.* Новые материалы по эпохе средней бронзы Саратовского Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1990.
29. *Мерперт Н. Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тыс. до н. э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
30. *Черных Е. Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
31. *Черных Е. Н.* Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989.

Оренбургский государственный педагогический институт

N. L. MORGUNOVA

ON POLTAVKA CULTURE IN THE URALS AREA

Summary

The article is devoted to the Early and Middle Bronze Ages materials excavated during the last 10 years in Southern Urals. The burial rite and the grave goods of the investigated kurgans are characteristic for the Uralian group of pit-grave culture, which existed there in the period of catacomb-grave culture also. This idea does not allow the author to agree with I. B. Vasilyev and N. K. Kachalova who outlined Poltavka culture in the Urals area. A number of characteristics which these scholars ascribe to Poltavka culture such as stpped form of graves, large barrow mounds, „princely" mortuary gifts according to the author are testifying the decline of tribal organization in the pit-grave culture society. A new stratified social structure was being formed, and this process was reflected by a divercity of burial rite. The author claims that „Poltavka" conception is not supported with necessary publication and interpretation of the archaeological materials from the Lower Volga region. The analysis of the Uralian burials dated to the beginning of the 2nd millenium B. C. contradicts the conception.

В. П. ШИЛОВ

О «ПОЛТАВКИНСКИХ» ПОГРЕБЕНИЯХ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

За последние два десятилетия невероятно быстро начала разрастаться территория расселения полтавкинских племен в степях, лесостепях и пустынных районах Северного Прикаспия от Заволжья на северо-запад, север, юг, юго-восток, восток и юго-запад. По мнению некоторых исследователей, территория полтавкинцев охватывает междуречье Волги и Дона, Северный Прикаспий в Заволжье, Южное Приуралье (оренбургские и уральские степи), север Казахстана и достигает на востоке даже ряда регионов Южной Сибири [1, с. 4 сл.; 2, с. 109 сл.; 3, с. 111 сл.; 4, с. 54]

Я уже имел случай обсуждать эту проблему [5, с. 95 сл.]. Однако сейчас не могу не остановиться на ряде «полтавкинских» погребений, выделенных Н. К. Качаловой в Южном Приуралье, поскольку они происходят из курганных находок и представляют закрытые комплексы [1, с. 11 сл.] В связи с этим хочу отметить, что я не считаю необходимым здесь останавливаться на находках «полтавкинской» керамики на песчаных выдувах Северного Прикаспия и в Заволжье, поскольку они происходят в основном из открытых местонахождений. К тому же здесь, судя по публикациям, выявлено всего несколько более сотни фрагментов керамики в том числе из развеянных погребений, обряд захоронения которых не установлен [2, с. 106 сл.] Вместе с тем И. Б. Васильев и его коллеги исходят из ложных предпосылок, что песчаные дюны не движутся по горизонтали, а археологические материалы после выдувания песка проецируются строго по вертикали на подстилающий материк. Этот вывод вряд ли решает задачу происхождения археологических памятников, расположенных на барханных песках. Во время сильных бурь барханы перемещаются и на очень далекие расстояния. На выдувах древних погребений очень часто остаются не целые изделия, а отдельные фрагменты сосудов и других вещей. Остальные части уносятся под воздействием громадной силы ветров. В связи с этим невольно хочется напомнить авторам, что в июле 1988 г. у оз. Кара-Бутак, близ Илецкой защиты, во время сильной бури из 500 курганов с песчаной насыпью сохранилось около 100. На месте курганов остались отдельные вещи, которые собирали окрестные скотоводы [6, с. 20].

Как отмечает П. П. Барынкин, керамика «полтавкинского» облика на поселении Кызыл-Хак I залегала сразу же под слоем наносного песка, т. е. после частичного развеивания культурного слоя он был снова занесен песком.

Следовательно, дюны все же движутся вопреки мнению, высказанному И. Б. Васильевым и его коллегами [7, с. 81] [1]

В августе 1983 г на западном берегу оз. Цыган-Нур в Калмыцких степях во время черной бури были снесены в это озеро и разрушены десятки фундаментальных крыш хозяйственных построек и жилых домов, даже единицы мелкого рогатого скота оказались унесенными сильными смерчами. Необходимо напомнить, что памятники древней хорезмийской цивилизации, видимо, были сооружены не на барханах, однако они были занесены песками и вновь открыты экспедициями С. П. Толстого. Что же касается существа вопроса, то с указанными авторами трудно спорить, поскольку они опубликовали сравнительно небольшие археологические материалы и, самое главное, не ознакомили читателей с открытыми ими памятниками. К тому же археологические остатки, которые они рассматривают как «полтавкинские» поселения, содержали всего: Кызыл-Хак I — 29 фрагментов керамики, Кок-Мурун — 6, Буровая 22 — 9, Тау-Тюбе — 15 и т. д., а на других от 1 до 3. Так что на таких незначительных материалах вряд ли правомочно ставить такие важные проблемы, как заселение края, стратиграфия, а тем более проблемы палеодемографии этого региона [2, с. 105, 109, 116, табл. I].

© В. П. Шилов, 1991 г.

По мнению Н. К. Качаловой, основную территорию «полтавкинских» памятников в Южном Приуралье составляют курганы Уральской и Оренбургской областей. Она упоминает со ссылкой на работу Б. Ф. Железчикова и Ф. И. Иксановой, что находки керамики полтавкинской ступени встречаются по всему левобережью р. Урал [1, с. 11сл.] Оба автора в своей работе отмечают, «что по ряду случайных находок мы можем подтвердить наличие на территории области памятников, входящих в ямную и катакомбную этнокультурные общности. По всей территории встречаются находки керамики, относящиеся к полтавкинской культуре» [8, с. 62] К сожалению, эти находки не были опубликованы ни упомянутыми авторами, ни Н. К. Качаловой, так что сейчас трудно составить представление о них. Во всяком случае, имеются серьезные основания говорить о наличии полтавкинских погребений на берегу р. Урал, о чем бесспорно, свидетельствует курган 8, исследованный П. С. Рыковым в 1925 г. у ст. Шипово VI, содержавший два полтавкинских (№ 1 и 2) и впускное срубное (№ 3) погребения. При рытье ямы для срубного погребения № 3 были нарушены захоронения № 1 и 2 [9, с. 16]. Описание его приведено Н. К. Качаловой [1, с. 12, табл. 4, *12*]. Сосуд из погребения 8/2 Шипово VI имеет близкие аналогии в полтавкинской керамике Нижнего Поволжья [10, с. 232, рис. 12, *6*].

Теперь обратимся к стратиграфическим данным собственно южноуральских «полтавкинских» погребений. Для обоснования своего положения о наличии здесь рассматриваемых погребений Н. К. Качалова привлекла всего 11 памятников [1, с. 12, табл. 4].

Если исключить из памятников «полтавкинской» ступени Южного Приуралья находки вне комплексов, то для анализа остается всего шесть погребений, которые диагнозируются Н. К. Качаловой как «полтавкинские».

Как отмечает Н. К. Качалова южноуральские «полтавкинские» погребения, как и в Нижнем Поволжье, были основными или впускными в насыпи, сооруженные в эпоху ямной культуры [1, с. 11 сл.] Однако здесь допущена неточность. Основное «полтавкинское» погребение встречено только в кургане ст. Шипово 8/2, который расположен на восточной периферии распространения памятников полтавкинской ступени Нижнего Поволжья. В использованных же ею материалах Южного Приуралья не встречено ни одного кургана, где бы основными [2] являлись погребения ямной культуры, а впускными — полтавкинские [1, с. 11]. Рассмотрим стратиграфию «полтавкинских» погребений, представленных в работе Н. К. Качаловой.

Новая Белогорка I, 2/17 (Сорочинский р-н Оренбургской обл.), погребение впускное, в материке, обнаружено в северо-восточном секторе, не в центре, а во второй кольцевой траншее, в небольшой яме размерами 1,4×0,85×1,40 м (рис. 1, *2*). Сверху яма перекрыта большой разбитой плитой, обычай, характерный для андроновских племен (рис. 3, *2*). Костяк лежал ничком, скорченно, головой на восток. Кисти напротив лица. Кисти рук, таз и колени окрашены красной краской. В засыпи кальцинированные кости, угли и растительный тлен. В изголовье обнаружено два типично срубных баночных сосуда, причем один из них украшен нарезным и накольчатым орнаментом, характерным для керамики срубной культуры [11, с. 90, 91, рис. 5, *4, 5*] (рис. 1, *3*).

Новая Белогорка погр. 2/10 является также впускным и расположено к юго-западу от центра кургана. Основное погребение кург. 2, видимо, 41, андроновское, обнаружено в каменном ящике, перекрытом плитами. Костяк лежал на левом боку, скорченно, головой на восток. Кисти рук, очевидно, напротив лица [12, с. 16, 17, рис. 59, 61] (рис. 2, *1*).

Погребения кург. 2 Новой Белогорки рассматриваются его исследователями

[2] К сожалению, авторы раскопок при полевых работах, как правило, не выясняли, какое из погребений являлось основным. Поэтому определение их сейчас иногда затруднительно. Во всяком случае, все «полтавкинские» погребения локализуются на периферии, у края насыпей, за исключением одного, под индивидуальной надписью (Хабарное 1, 17/1).

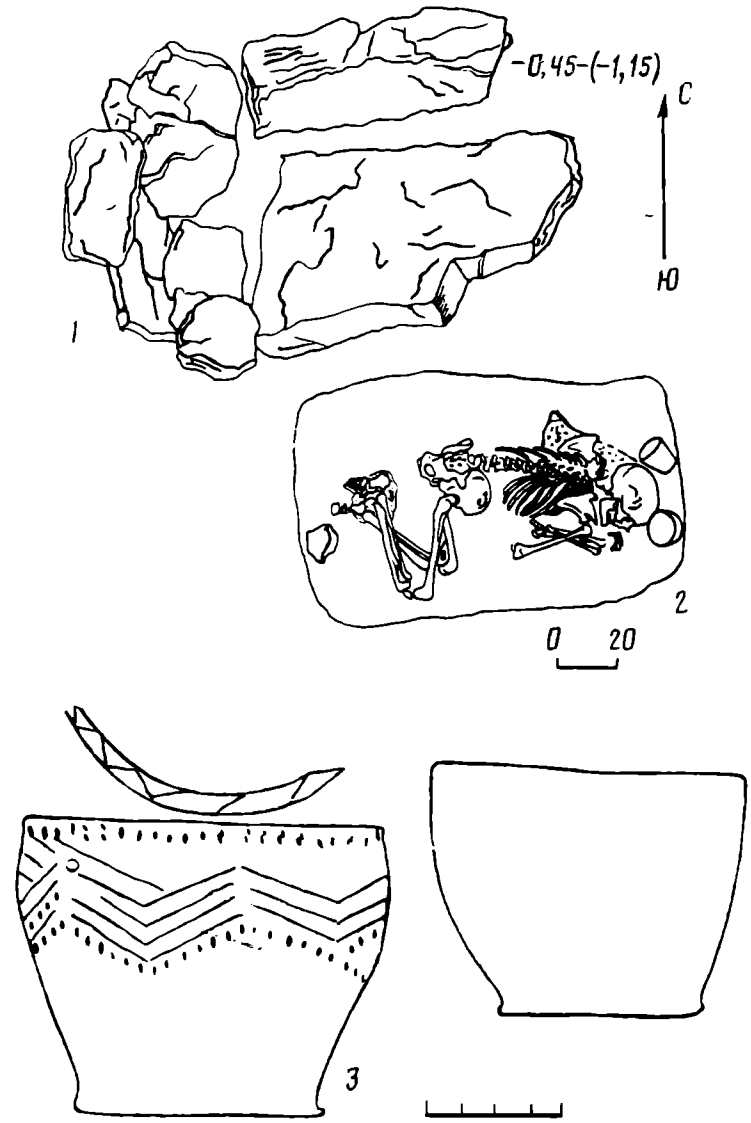


Рис. 1. Новая Белогорка. *1* — каменные плиты погр. 2/17; *2* — план погр. 2/17; *3* — срубные сосуды из погр. 2/17

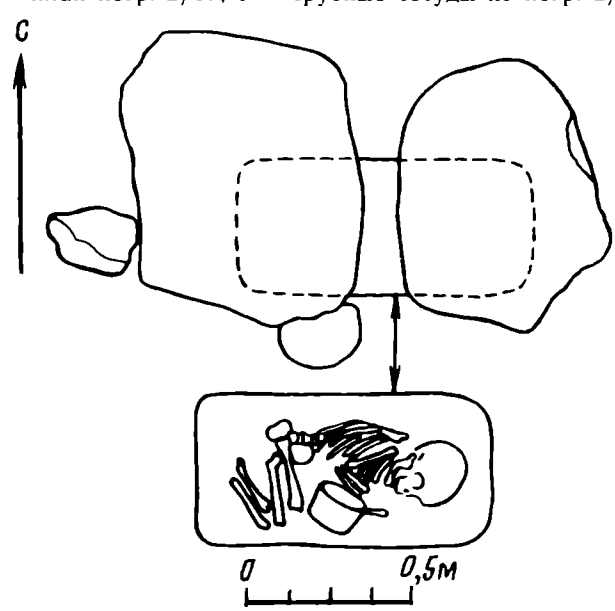


Рис. 2. Новая Белогорка, план погр. 2/10

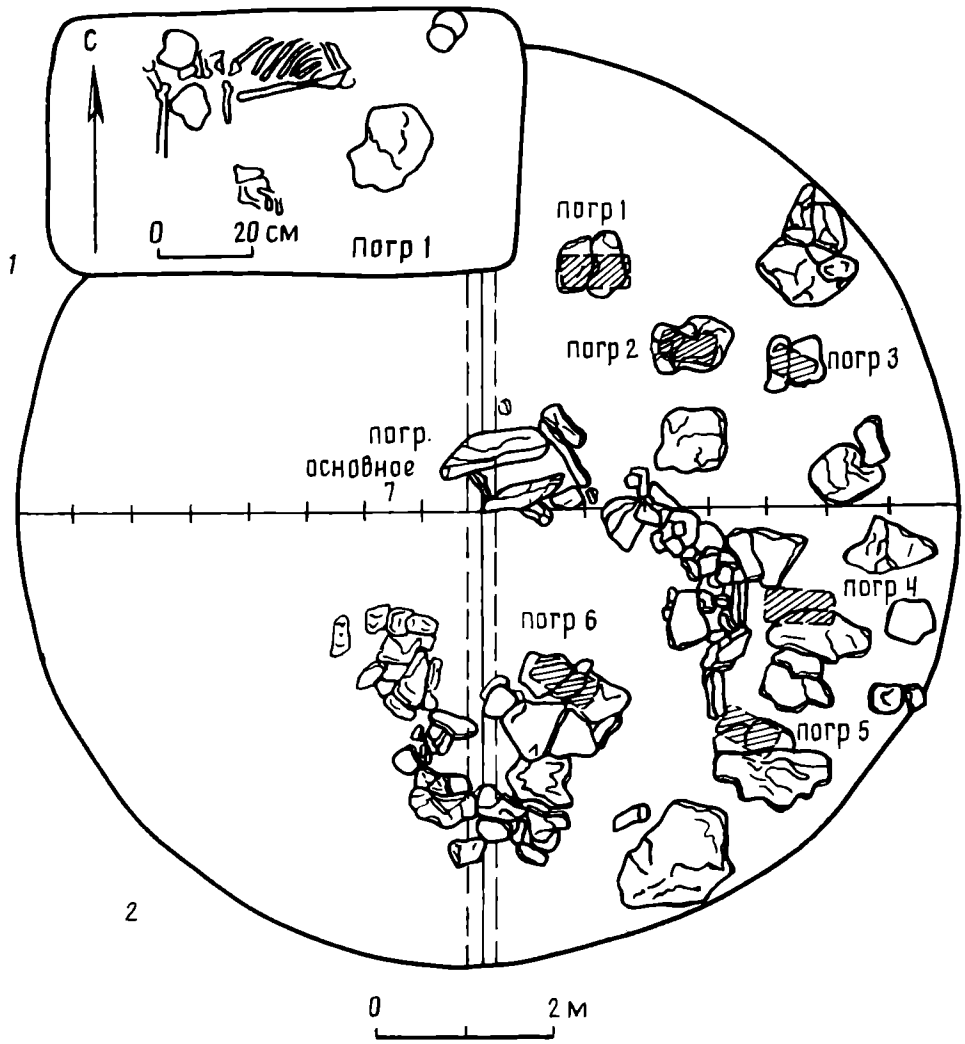


Рис. 3. *1* — Новая Белогорка, план погр. 3/1; *2* — план кург. 3

К. Ф. Смирновым и Э. А. Федоровой-Давыдовой как родовое кладбище срубно-алакульских племен [11, с. 90, 91, рис. 5, *4, 5*; 12, с. 16 сл.; 13, с. 94, 95].

Новая Белогорка погр. 3/1 (Сорочинский р-н Оренбургской обл.) впускное в материке, обнаружено в северо-восточном секторе кургана на периферии в небольшой яме размерами 1,0×0,55×1,55 м (рис. 3, *2*). Яма была перекрыта каменными плитами, как у многих андроновских погребений. На дне могилы лежал костяк ребенка на левом боку, скорченно, головой на восток (рис. 3, *1*). В изголовье лежал биконический сосуд с отогнутым наружу краем. На шейке и плечиках оттиски елочного узора, нанесенного зубчатым штампом (рис. 4).

Основным, видимо, являлось погребение 3/7 в каменном ящике (рис. 3, *2*), ориентированном по линии запад — восток, размерами 1,4×0,9×1,5 м. Костяк полностью разрушен сурками. Наличие каменного ящика в центре кургана с выкидом вокруг позволяет предполагать, что здесь было андроновское (алакульское?) захоронение [12, с. 16, 17] Впускное погр. 3/1 также, видимо, андроновское (рис. 3).

Герасимовка 1 3/1 (р. Киндель, Илекский р-н Оренбургской обл.) погребение впускное, в материке, обнаружено на границе северо-восточного и юго-восточного секторов кургана, у самой его полы (рис. 5, *1*). Небольшая могильная яма ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Размеры могилы 0,95×0,6×0,7—0,72 м. Костяк женщины средних лет, лежал на правом боку, скорченно, головой на юго-юго-восток. Кисти рук, согнутых

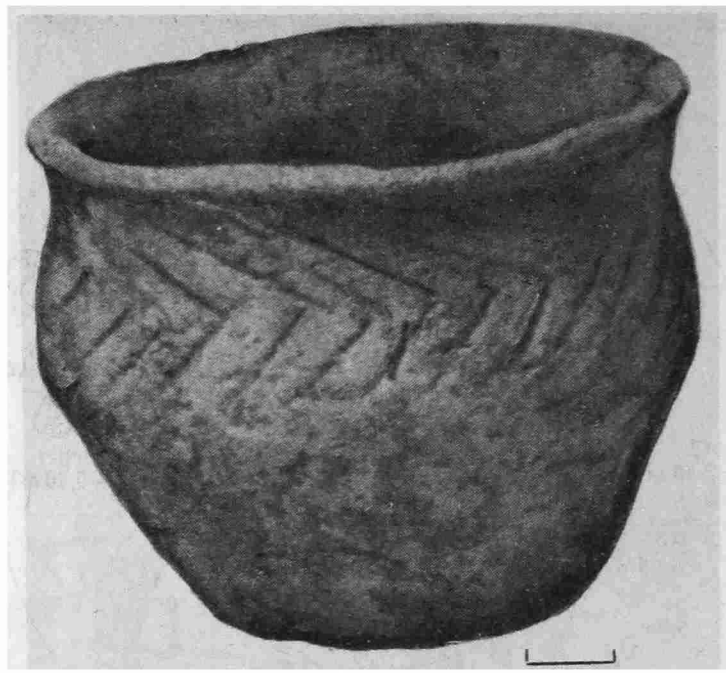


Рис. 4. Новая Белогорка, сосуд из погр. 3/1

в локтях, покоились перед лицом (рис. 5, *2*). На левой щеке и под черепом прослеживались следы красной краски. У темени находился баночный сосуд со слегка отогнутым наружу краем, плечики которого были орнаментированы круговой тройной зигзагообразной линией, нанесенной мелкозубчатым штампом-гусеницей, а не гладким, как пишет Н. К. Качалова [1, с. 13] (рис. 5, *3*). Кроме того, в инвентаре этого погребения обнаружено ребро крупного животного (лошади?). Основное погр. 3/8 частично разрушено грабительской воронкой. Яма ориентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Размеры ее 2×1,25×1,55 м. Костяк лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток (рис. 5, *2*). Культурная принадлежность погребенного не ясна. Во всяком случае, основное погр. 3/8 старше «полтавкинского» 3/1 (рис. 5, *1*) [13, с. 18 сл.].

Следует обратить внимание на выкид, лежащий на погребенной почве в северной части кургана. Не исключено, что здесь с северной и восточной сторон насыпи сделана позднейшая присыпка (в том числе и над «полтавкинским» погр. 3/1), под которой были захоронены срубные и алакульские погребения, последовательность которых не была установлена во время полевых работ (рис. 5, *1*).

Герасимовка 1. Погр. 11/4, впускное, обнаружено в юго-восточном секторе, почти у самой полы кургана в прямоугольной яме в округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад (рис. 6, *1*). Размеры ямы 1,20×1,0×0,4 м. Костяк женщины лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток. Кисти рук, согнутые в локтях, покоились перед грудью (рис. 6, *4*). На костях следы красной краски. В северо-западном углу обнаружен типичный срубный баночный сосуд с загнутым внутрь краем [3] Поверхность его сглажена гребенчатым штампом. Помимо этого, здесь же найдены мелкие пастовые бусины-бисер (рис. 6, *5*), часто встречающиеся и в срубных погребениях.

Основным погребением кург. 11, обнаруженным несколько южнее центра кургана, является погр. 7 (рис. 6, *1*). Оно находилось в прямоугольной яме

[3] Рисунок этого сосуда у Н. К. Качаловой неточен: сужены наибольший диаметр (ср. [1, табл. 4, *2*] и наша фотокопия из отчета К. Ф. Смирнова, рис. 6, *5*).

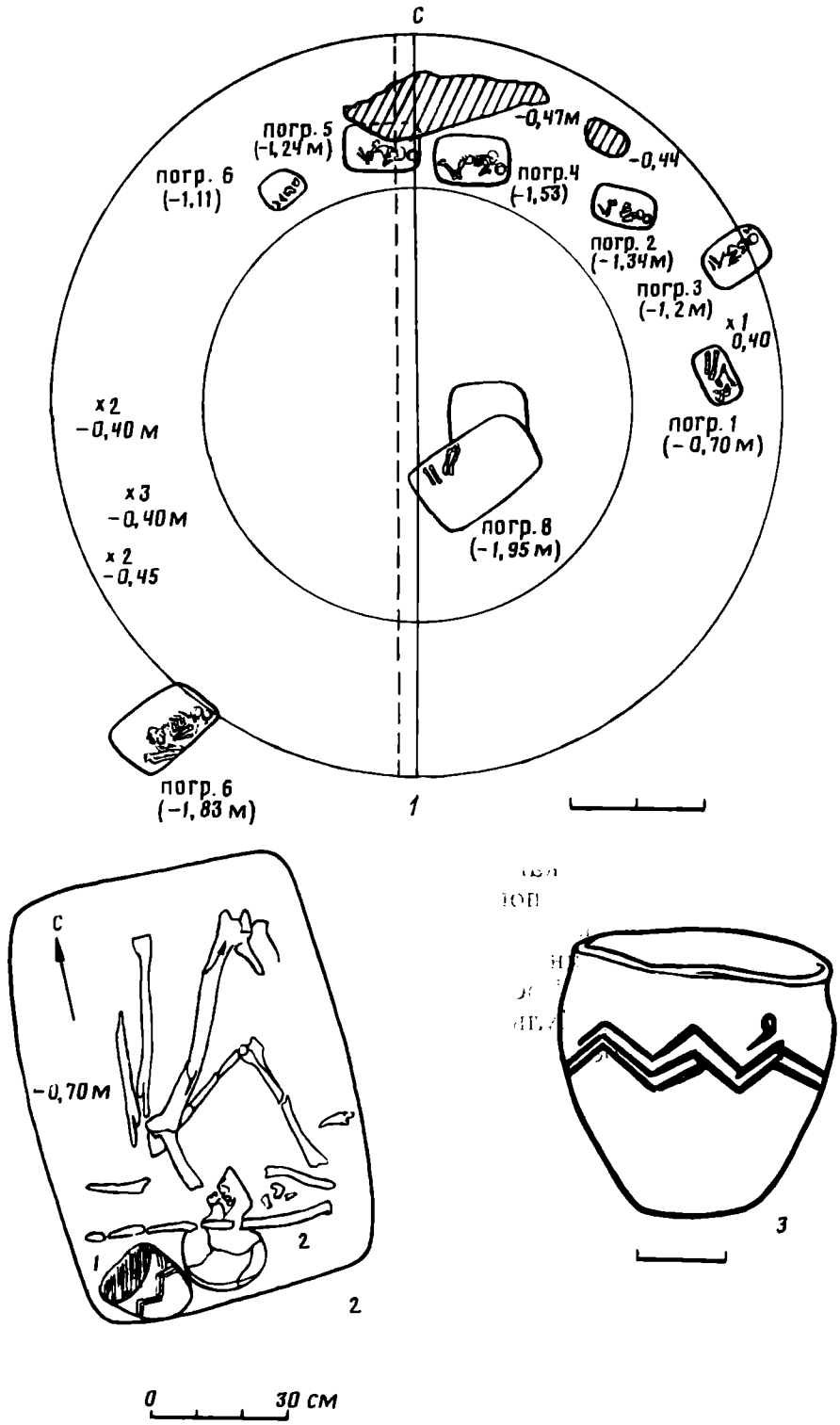


Рис. 5. Герасимовка 1. *1* — план кург. 3; *2* — план погр. 3/1; сосуд из погр. 3/1

(1,70×1,3×1,20 м) с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад (рис. 6, *2*). В засыпи могилы обнаружен крупный обломок андроновского сосуда с меандровым орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом (рис. 6, *3*). Находка этого алакульского сосуда еще раз убедительно показывает, что в этом кургане основным было алакульское погр. 7, а впускным не «полтавкинское», а срубное погр. 4 с баночным сосудом [14, с. 32] (рис. 6, *5*).

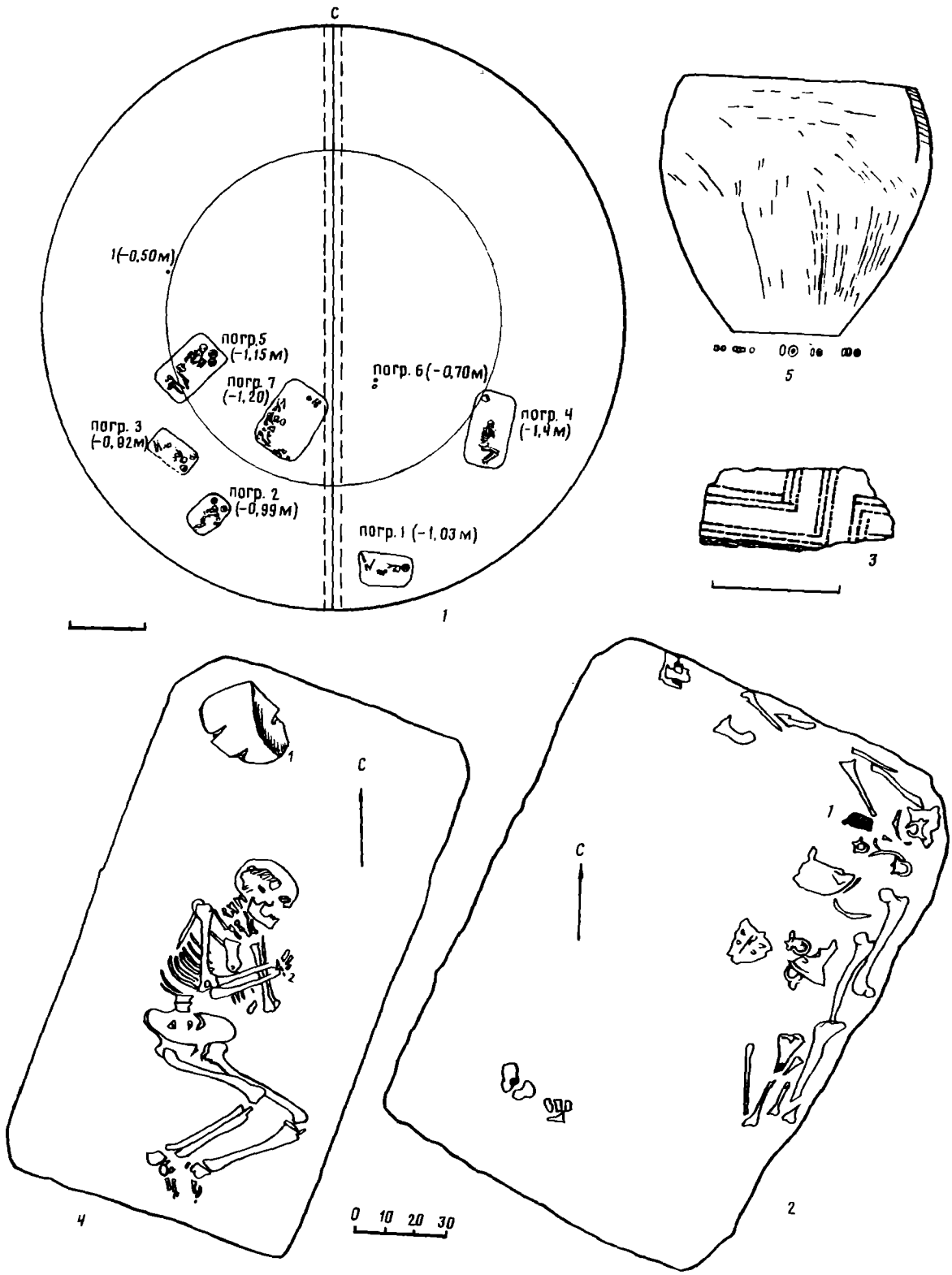


Рис. 6. Могильник Герасимовка 1. *1* — план кург. 11; *2* — план основного погр. 11/7; *3* — фрагмент алакульского сосуда из погр. 11/7; *4* — план «полтавкинского» погр. 11/4; *5* — сосуд и пастовые бусы из погр. 11/4

Герасимовка 1, 12/4 погребение впускное, в материке, обнаружено у юго-восточной полы кургана (рис. 7, *1*) в небольшой (0,9×0,7×1,20 м) яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. На дне могилы лежал костяк ребенка, скорченно, на левом боку, завалившись на грудь, головой на северо-восток-восток. Кисти согнутых в локтях рук покоились напротив груди (рис. 7, *3*). Сзади черепа, обнаружены два сосуда: баночный срубный или алакульский без орнамента (рис. 7, *5*) и алакульский, украшенный тремя зонами двойных круговых линий, нанесенных мелкозубчатым чеканом. Верхняя и нижняя зоны украшены круговым тройным зигзагом, средняя зона треугольниками, иногда заполненными оттисками того же зубчатого штампа (рис. 7, *5*). У дна — косые насечки, оттиснутые тем же штампом (ср. алакульский сосуд из с. Спасское I, кург. 1/3 [15, с. 47, рис. 13, *8*] и сосуд на нашем рис. 7, *5* из Герасимовки, кург. 12/4).

Основное погр. 8 кург. 12 обнаружено в центре кургана в прямоугольной яме с округлыми углами, размерами 1,70×1,1×1,20 м, ориентированной длинной осью по линии северо-восток — юго-запад (рис. 7, *1*). На дне могилы оказалось парное погребение мужчины и женщины. Мужчина лежал скорченно, на левом боку, завалившись на грудь, головой на северо-восток, лицом обращен к женскому скелету. Женщина покоилась на правом боку, скорченно, головой на северо-восток. Кисти у подбородка (рис. 7, *2*). В головах обоих костяков обнаружены три лепных сосуда: два алакульских и один баночный срубный. Здесь же найдены голубой пастовый бисер и астрогалы барана (рис. 7, *4*). Таким образом, и в этом кургане основным является андроновское погребение [14, с. 37, 38].

Помимо этого, в курганах 8 и 13 того же могильника Герасимовка 1 основные захоронения [4] 3 и 5 относились к алакульской культуре, а впускные, до мелких деталей обряда погребения и инвентаря, повторяли отнесенные Н. К. Качаловой к «полтавкинским» [14, с. 37].

Хабарное 17/1 (Халиловский р-н Оренбургской обл., правый берег р. Урал), погребение под индивидуальной каменной насыпью размером 7×6 м. В центре, в материке, обнаружена небольшая прямоугольная «могила» с округлыми углами (вернее, грабительская воронка), размерами 0,95×0,9×1,15 м, ориентированная длинной осью по линии запад — восток. В засыпи ее на различной глубине встречались обломки костей младенца и отдельные фрагменты сосуда. На дне могилы в центре обнаружено несколько обломков того же сосуда и обломок трубчатой кости ребенка. В восточной части — обломки черепа и два коренных молочных зуба ребенка. На дне местами прослеживался тонкий слой темного тлена (подстилка). Судя по расположению костей, ребенок, возможно, был положен головой на северо-восток. Из-за нарушения погребения грабителями детали обряда не были выявлены. Из обломков керамики удалось склеить кубок на высоком цилиндрическом поддоне. Снаружи сосуд орнаментирован оттисками круговых горизонтальных рядов мелкозубчатого чекана. Тем же орнаментом украшено снаружи и дно сосуда. Погребение датировано Э. А. Федоровой-Давыдовой концом первой половины — серединой II тыс. до н. э. (правда, без оснований). Так же, без аргументации, это погребение отнесено Н. К. Качаловой к «полтавкинской» культуре [1, с. 11 сл; 16, 17, рис. 59—61].

Рассмотрим подробно материалы из приведенных выше погребений.

Новая Белогорка Сорочинского р-на Оренбургской обл. [1, с. 12, табл. 4, *5*] Сосуд из этого погребения ошибочно связан Н. К. Качаловой с погр. 2/15, которое безынвентарно. Сосуд происходит из кострища кургана № 2.

Новая Белогорка 2/17. Сосуд [1, с. 12, табл. 4, *11*] происходит не из погр. 2/17, как указывает Н. К. Качалова, а из погр. 2/10 того же кургана (рис. 2). К тому же ее рисунок сосуда не точен — искажает и форму, и его орнаментацию

[4] Наличие выкида вокруг могильных ям свидетельствует о том, что это именно основные погребения.

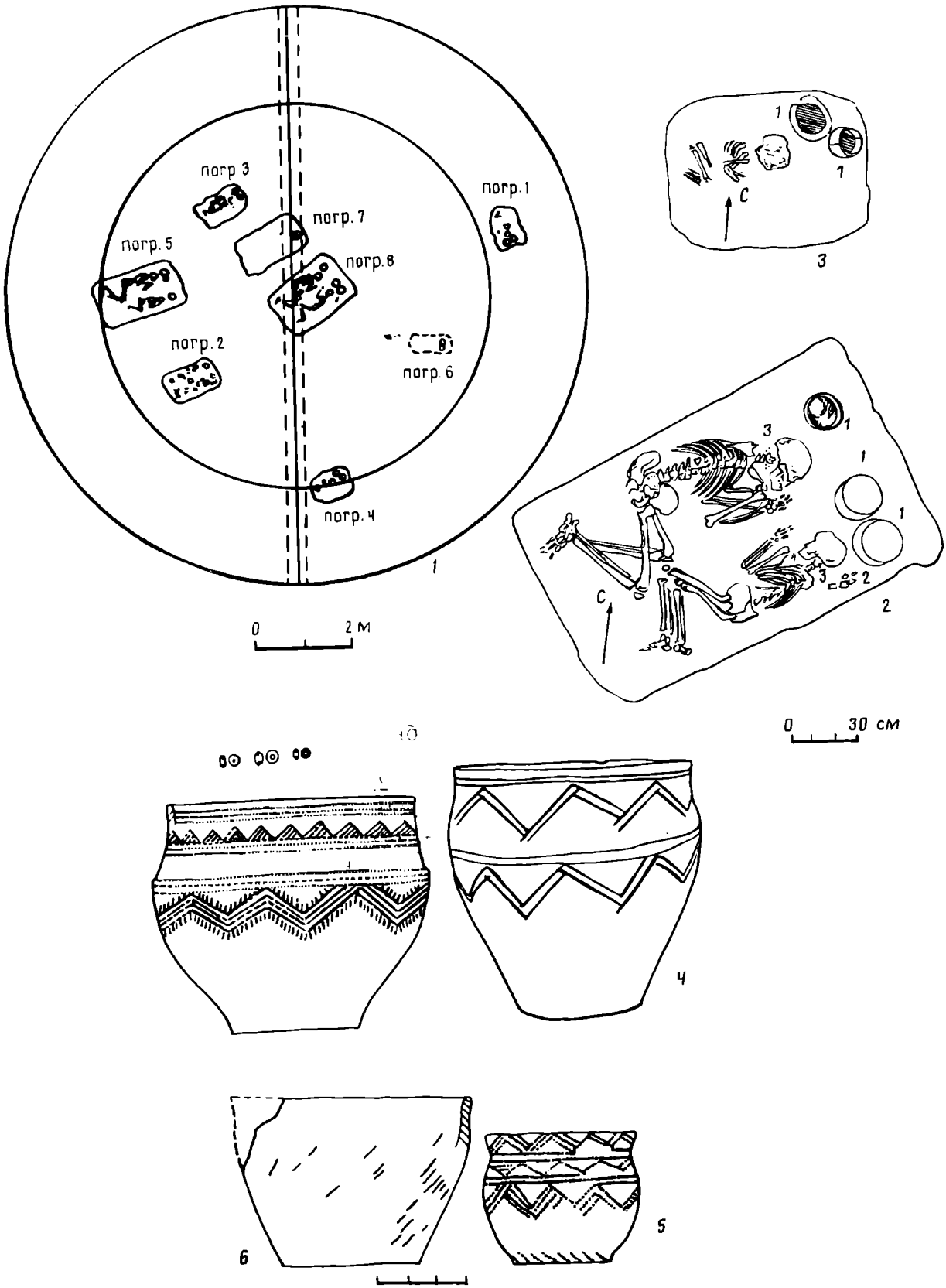


Рис. 7 Могильник Герасимовка. 1. *1* — план кург. 12; *2* — план основного погребения кург 12/8; *3* — план «полтавкинского» погр. 12/4; *4* — сосуды и пастовые бусы основного погр. 12/8; *5* — сосуды из «полтавкинского» погр. 12/4

Рис. 8. Новая Белогорка, сосуд из погр. 2/10

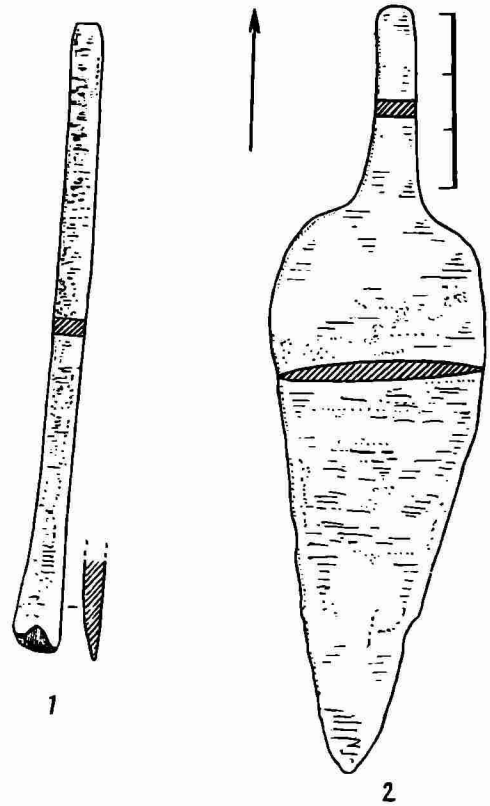


Рис. 9. Кург. 1 у магометанского кладбища около г. Уральска. *1* — бронзовая стамеска; *2* — бронзовый нож

(рис. 8). В погр. же 2/17 обнаружены два срубных баночных сосуда, изданных Э. А. Федоровой-Давыдовой [11, с. 90, 91, рис. 5, *4, 5*] (рис. 1, *3*).

Новая Белогорка, сосуд из погр. 2/36 [1, с. 12, табл. 4, *10*] Э. А. Федорова-Давыдова определяет как катакомбный [11, с. 90, 91, рис. 5, *3*], а Н. К. Качалова как «полтавкинский» [11, с. 12, табл. 4, *10*].

Хабарное I, Илекский р-н Оренбургской обл., кург. 17 [1, с. 12, табл. 4, *9*]. Кубок из этого погребения Н. К. Качалова то правильно связывает с этим погребением, то с погребением в подбое Хабарное I (кург. 25), где в комплексе вообще нет керамики (ср. [1, с. 12, табл. 4, *9* и с. 13]). Неверно также, что этот кубок орнаментирован шагающей гребенкой, как утверждает Н. К. Качалова.

Город Уральск, кург 1 [1, с. 12, табл. 4, *7, 8*] Оба орудия происходят не из кург. 1 Шипово V, как указывает Н. К. Качалова (кург. 1 Шипово V — сарматское погребение — *В. Ш.*), а из группы № 40 по нумерации П. С. Рыкова, из кургана у магометанского кладбища г. Уральска. Последний высотой 0,4 м и диаметром 22 м. Могила ориентирована длинной осью по линии запад — восток, размеры ее 2,50×1,8×3 м. В засыпи могилы на глубине 2,50 м обнаружен настил из поперечно лежащих тонких досок. Несколько выше досок, по краям могилы с восточной и западной сторон, выявлены зола и уголь. На дне могилы в юго-восточном углу находилась деревянная плаха, положенная вдоль, а при ней обнаружены в кучке: бронзовый листовидный нож длиной 13,3 см (наибольшие ширина и толщина клинка соответственно 3,7 и 0,3 см, сечение черешка 0,7×0,25 см (рис. 9, *2*); бронзовая стамеска, прямоугольная в сечении с несколько выступающей по обе стороны рабочей частью с оттянутым проковкой лезвием. Длина орудия 11 см, сечение посредине 0,6×0,3 см, ширина рабочей части 0,9 см (рис. 9, *1*); железный наконечник стрелы. Поскольку П. С. Рыков копал курган колодцем, то не исключено, что он не раскопал сарматское погребение этого кургана, откуда железный наконечник стрелы, видимо, был перенесен

в могилу грызунами. Здесь же, несколько ближе к центру могилы, был найден зуб ребенка. Под настилом, у западной стенки,— известь (мел?) и красная краска, а в северо-западном углу могилы — нижняя челюсть лошади, обильно окрашенная красной краской. Здесь, видимо, было детское погребение [9] Н. К. Качалова неверно отнесла это погребение к полтавкинскому времени и ошиблась при выяснении функционального назначения одного из орудий этого комплекса (шило). Е. Н. Черных совершенно справедливо определил функциональное назначение этого орудия как стамески и отнес это погребение к ямной культуре [17, с. 124, рис. 34, *455, 457*] (рис. 9, *1, 2*). Эта стамеска находит близкие аналогии среди бронзовых орудий кургана у ст. Новосвободной [18, табл. VIII, *5—8,* слева], а медный нож в комплексах ямных погребений Оренбургских степей [19, с. 17—20, рис. 79; 20, с. 94, рис. 2, *1—3*]. Следовательно, и это погребение следует исключить из полтавкинских, поскольку оно относится к ямной культуре.

Неясно, почему Н. К. Качалова связывает погребения Хабарное I кург. 25 с бронзовым височным колечком и Новый Кумак с полтавкинскими [1, с. 13] И последнее — в погребении Калиновского литейщика 8/42 не был обнаружен бронзовый нож [1, с. 9, табл. 3, *55*].

Подведем итоги. Выделенная Н. К. Качаловой группа из шести «полтавкинских» захоронений в Южном Приуралье характеризуется следующими признаками:

1. Погребения совершены в небольших ямах размерами от 1,4×0,85×2,1 до 0,9×0,7×1,90 м. В двух случаях ямы были перекрыты большими каменными плитами (Новая Белогорка 2/17, 3/1), а в одной над могилой встречена подквадратная каменная насыпь (Хабарное I, кург. 17). Использование камня для сооружения могил не свойственно полтавкинским и обычно для андроновских погребений.

2. В тех случаях, когда сохранились костяки, они лежали на левом боку скорченно. В одном случае костяк лежал ничком скорченно (Новая Белогорка 2/17). Руки обычно резко согнуты в локтях, кисти покоились против лица или груди. Ориентировка неустойчива: три костяка ориентированы головой на восток, один на востоко-северо-восток, один — юго-юго-восток.

3. В трех погребениях костяки окрашены красной краской, иногда обильно (Новая Белогорка 2/17). Встречались меловая посыпка и угли (Новая Белогорка 2/17).

Погребальный инвентарь небогат и состоит из глиняных сосудов, пастовых бус и ребра лошади (?).

Керамика представлена сосудами следующих типов:: баночными срубного типа (Новая Белогорка 2/17, 3/1; Герасимовка 11/4; Герасимовка 3/1) и андроновскими (Герасимовка 1,12/4). В одном погребении встречено сочетание андроновских и срубного сосуда (Герасимовка 12/4). В могильнике Хабарное I, 17/1 интересен кубок на высокой подставке, украшенный круговыми полосками с косыми насечками между ними, нанесенными мелкозубчатым чеканом. По форме он повторяет андроновские сосуды (21, табл. XVI, *13*).

Таким образом, керамика этих «полтавкинских» погребений находит полные аналогии либо в срубной, либо в алакульской культуре, в то же время совершенно отсутствуют сосуды, встречающиеся в памятниках полтавкинской ступени Нижнего Поволжья [1, с. 9, табл. 3; 22, с. 3 сл.]

Пастовые импортные рубленые бусы повторяют формы как срубных и андроновских, так и более ранних памятников.

Наличие ребер лошади (?) в погребениях известно в андроновской, предкавказской, а также срубной культурах.

Анализ стратиграфических наблюдений и материалов погребений Южного Приуралья, отнесенных Н. К. Качаловой к полтавкинской ступени, позволяет отнести к ним два погребения: Шипово VI, кург. 8/1—2, находящиеся на восточной периферии распространения полтавкинских племен Нижнего Поволжья на берегу р. Урал, которые обычно связывались с этой культурой.

Как установлено выше, в пяти случаях (кроме Хабарное I, кург. 17/1) все «полтавкинские» погребения располагались на периферии курганных насыпей. Основными же являлись захоронения андроновской культуры (алакульские). В обряде погребения здесь четко прослеживались андроновские черты: каменные ящики, перекрытия из каменных плит, керамика и т. п.

Как установила Э. А. Федорова-Давыдова, алакульские памятники датируются в Южном Приуралье XV—XIII вв. до н. э. [23, с. 3, сл.; 21, с. 56—58]. Это подтверждают и исследования М. Гимбутас [25, с. 143—172].

Археологические данные о времени бытования алакульских памятников Южного Приуралья подкрепляют также результаты радиокарбонных анализов ^{14}C. Ранние алакульские поселения датируются XV—XIV вв. до н. э. [17, с. 91], а поздние 1229 ± 80, т. е. XIII—XII вв. до н. э. [26, с. 89].

Итак, поскольку алакульские погребения Южного Приуралья датируются не раньше XV в. до н. э., естественно, что впускные в эти курганы «полтавкинские» погребения Южного Приуралья не могут быть таковыми, как утверждает Н. К. Качалова. Эти погребения, судя по находкам одинаковых бронзовых наконечников копий с ромбическим стержнем, синхронны по времени покровскому этапу срубной культуры.

Во всяком случае, хронологический разрыв между нижневолжскими полтавкинскими (1700 г. до н. э.) и «полтавкинскими» Южного Урала (1500 г. до н. э.) составляет по крайней мере 200 лет. Поэтому дополнительно не обоснованные и малоосязаемые импульсы, идущие, по мнению некоторых исследователей, от полтавкинских племен Нижнего Поволжья в Южное Приуралье и восточнее требуют хоть каких-то обоснований.

Не исключено, что при дальнейших полевых исследованиях здесь могут быть открыты более ранние погребения, синхронные полтавкинской ступени, о чем косвенно свидетельствуют находки в Южном Приуралье погребений ямной культуры, генетически связанные в Заволжье с полтавкинскими, но будут ли они в Южном Приуралье полтавкинскими, покажут будущие исследования. Во всяком случае, если здесь действительно появятся полтавкинские погребения, то они по всем параметрам должны соответствовать захоронениям полтавкинской ступени Нижнего Поволжья, иначе они не будут иметь права называться полтавкинскими.

А пока приходится согласиться с выводами авторов раскопок этих могильников Южного Приуралья К. Ф. Смирновым, Э. А. Федоровой-Давыдовой, М. Г Мошковой, М. П. Абрамовой, С. А. Поповым и другими исследователями, согласно которым открытые ими многочисленные погребения срубной и андроновской культур появились здесь, в пограничном регионе, в результате тесных контактов обоих массивов примерно в одно время — около середины II тыс. до н. э. Отсюда смешанные черты обряда погребения и инвентаря двух этих культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
2. *Васильев И. Б., Колев Ю. И., Кузнецов П. Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: ГПИ, 1986.
3. *Дубягин П. С., Чикризов В. А., Чуринов В. Н., Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Новые материалы неолита — бронзы из Северного Прикаспия // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: ГПИ, 1982.
4. *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья Л.: Наука, 1979.
5. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
6. *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. М.: МАВГ Ш, ТМАО, 1889.
7. *Барынкин П. П.* Кызыл-Хак I новый памятник позднего неолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1986.
8. *Железчиков Б. Ф., Иксанова Ф. М.* К вопросу о культурной принадлежности памятников

второй половины II тысячелетия до н. э. в Уральской области // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбыш. пед. ин-та. Т. 221. Куйбышев, 1978.
9. *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае // Изв. НВИИЮВО. СГУ 1926. Вып. 1.
10. *Смирнов К. Ф.* Курганы из сел Иловатка и Политотдельское Волгоградской области // МИА. 1959. № 60.
11. *Федорова-Давыдова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
12. *Федорова-Давыдова Э. А.* Отчет Оренбургской экспедиции за 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1767
13. *Смирнов К. Ф.* Отчет Оренбургской экспедиции за 1957 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1686.
14. *Смирнов К. Ф.* Отчет Оренбургской экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2927
15. *Стоколос В. С.* Культура поселения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
16. *Федорова-Давыдова Э. А.* Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1929
17 *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
18. *Попова Т Б.* Дольмены станицы Новосвободной // Тр. ГИМ. 1962. Вып. XXXIV
19. *Порохова О. И.* Отчет за 1987 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 12015.
20. *Федорова-Давыдова Э. А.* Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Тр. ГИМ. 1971.
21. Андроновская культура // Свод археологических памятников. 1966. В-32. Вып. 1.
22. *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985.
23. *Федорова-Давыдова Э. А.* Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1968.
24. *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры) // Тр. ГИМ. 1960. № 37.
25. *Gimbutas M.* Borodino, Seima their contemporazies // Prehistorie society. 1956. № 9. N. F. 1957. T. XXII.
26. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962

Институт археологии АН СССР,
Москва

V. P. SHILOV

ON THE POLTAVKA-TYPE BURIALS IN THE SOUTHERN URALS

Summary

The author has analysed the kurgan burials in the Southern Urals which were ascribed by N. K. Kachalova to the Poltavka stage and suggests their connection with timber-grave-Alakul sites synchronous to the Pokrovsk stage of timber-grave culture. This thesis is supported by the position of Alakul and timber-grave burials in barrow-mounds where Alakul graves are primary ones, and Poltavka-type graves are secondary ones. The date of the Alakul burials in this area is suggested by radiocarbon analysis — 1500—1300 B. C., and by the find of the Pokrovsk-type spearhead in Alakul grave excavated by E. A. Fedorova-Davydova. Speaking about the Poltavka-type pottery found in the North Caspian sands by A. N. Melentyev and I. B. Vasilyev one should have in mind its small quantity and the open character of the assemblages which now cannot be definitely connected with any certain culture.

Е. П. МЫСЬКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Периодизация памятников срубной культурно-исторической общности — одна из ключевых проблем отечественной археологии. Без ее решения невозможна разработка многих важных вопросов, связанных с изучением целого ряда культур позднего бронзового века Восточно-европейской степи и лесостепи. Именно поэтому к разработке периодизации срубных древностей неоднократно обращались многие советские и зарубежные исследователи. При этом следует отметить, что в силу ряда обстоятельств особый интерес у специалистов всегда вызывали срубные памятники Нижнего Поволжья. Не останавливаясь подробно на историографии проблемы периодизации нижневолжских срубных памятников, поскольку в литературе об этом имеются достаточно подробные сведения [1, с. 21—34], обратимся к рассмотрению некоторых положений периодизационной схемы Н. К. Качаловой. На основании сопоставления стратиграфических данных целого ряда курганных могильников Нижнего Поволжья ею были выделены раннесрубные памятники этого региона — погребения первого хронологического этапа, или бережновского хронологического горизонта.

Погребения эти Н. К. Качалова характеризует следующими основными признаками: большие прямоугольные или подквадратные ямы размером от 2,5×1,5 до 1,8×1,4 м, обычно перекрытые бревенчатыми накатниками; положение погребенных на левом боку, скорченно, головой на восток (такая ориентировка выдерживается довольно строго, и даже незначительные отклонения от нее крайне редки); кисти рук погребенных чаще расположены перед лицом, но в некоторых случаях они вытянуты вперед или опущены к коленям. В отдельных захоронениях отмечается наличие мела или охры. Подавляющее большинство погребений являются основными или впускными с обязательной последующей досыпкой насыпи. Керамика из этих погребений по формам и некоторым элементам орнамента сближается с полтавкинской; у остроребериых сосудов чаще присутствуют округлобокость, чем биконичность профиля, а орнаментальная зона обычно опускается ниже ребра. Отличительными особенностями орнаментации этого времени являются преобладание мелкозубчатого штампа и тщательность его нанесения. Территориально эти погребения распространены в заволжских районах Саратовской, Волгоградской и частично Астраханской областей [2, с. 72—75; 3, с. 37; 4, с. 33].

Большинство исследователей признали правильность основного вывода Н. К. Качаловой. Сейчас почти ни у кого не вызывает сомнения, что такие погребальные комплексы относятся к раннесрубному времени. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что предложенная схема не лишена и некоторых недостатков.

Прежде всего территорию распространения этих памятников не следует ограничивать левобережьем Волги, поскольку принципиальных различий между раннесрубными погребениями Заволжья и Волго-Донского междуречья не наблюдается. Памятники, аналогичные заволжским, известны не только в Волго-Донском междуречье (Ерзовка V, кург. 2 погр. 2 и кург 4. погр. 6; Ерзовка II,

© Е. П. Мыськов, 1991 г.

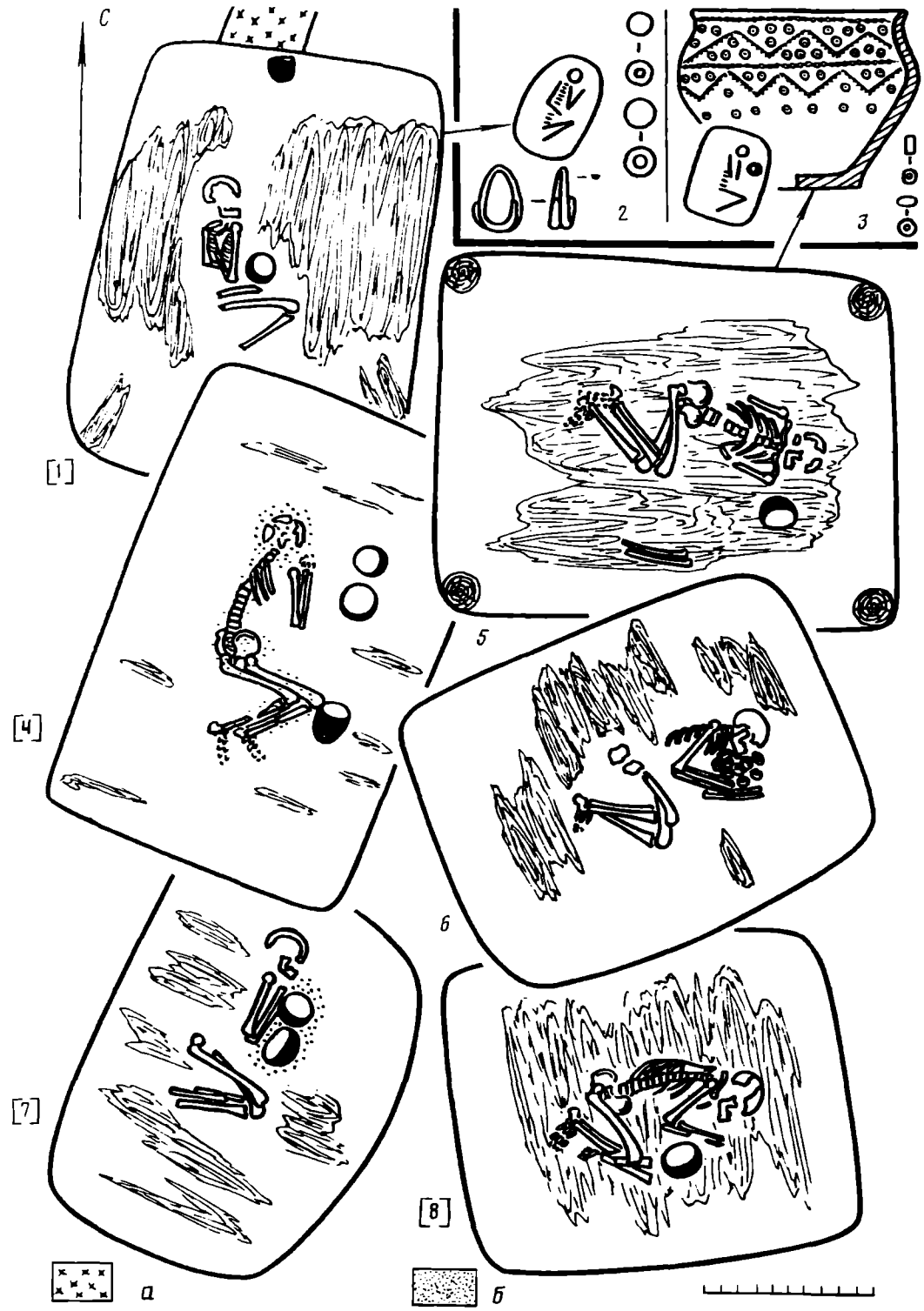


Рис. 1. Первая группа погребений бережновского типа. *1, 20, 21* — Верхний Балыклей II, погр. 8 кург. *7, 2* — Верхний Балыклей II, погр. 3 кург 7; *3* — Быково IV, погр. 4 кург. 7; *4, 17, 18, 23* — Верхнее Погромное, погр. 4 кург. 18; *5* — Быково IV, погр. 5 кург. 7; *6, 28* — Верхний Балыклей I, погр. 3 дюна 1; *7, 19, 22* — Быково III, погр. 4 кург. 1; *8, 25* — Громки, погр. 1 кург. 1; *9, 12, 13, 14, 27* — Чир I, погр. 1 кург 1; *10, 16* — Ерзовка V, погр. 2 кург. 2; *11, 15, 26* — Ерзовка V, погр. 3 кург 2; *24* — Купцын Толга, погр. *10* кург. 46 (*а* — угли; *б* — охра)

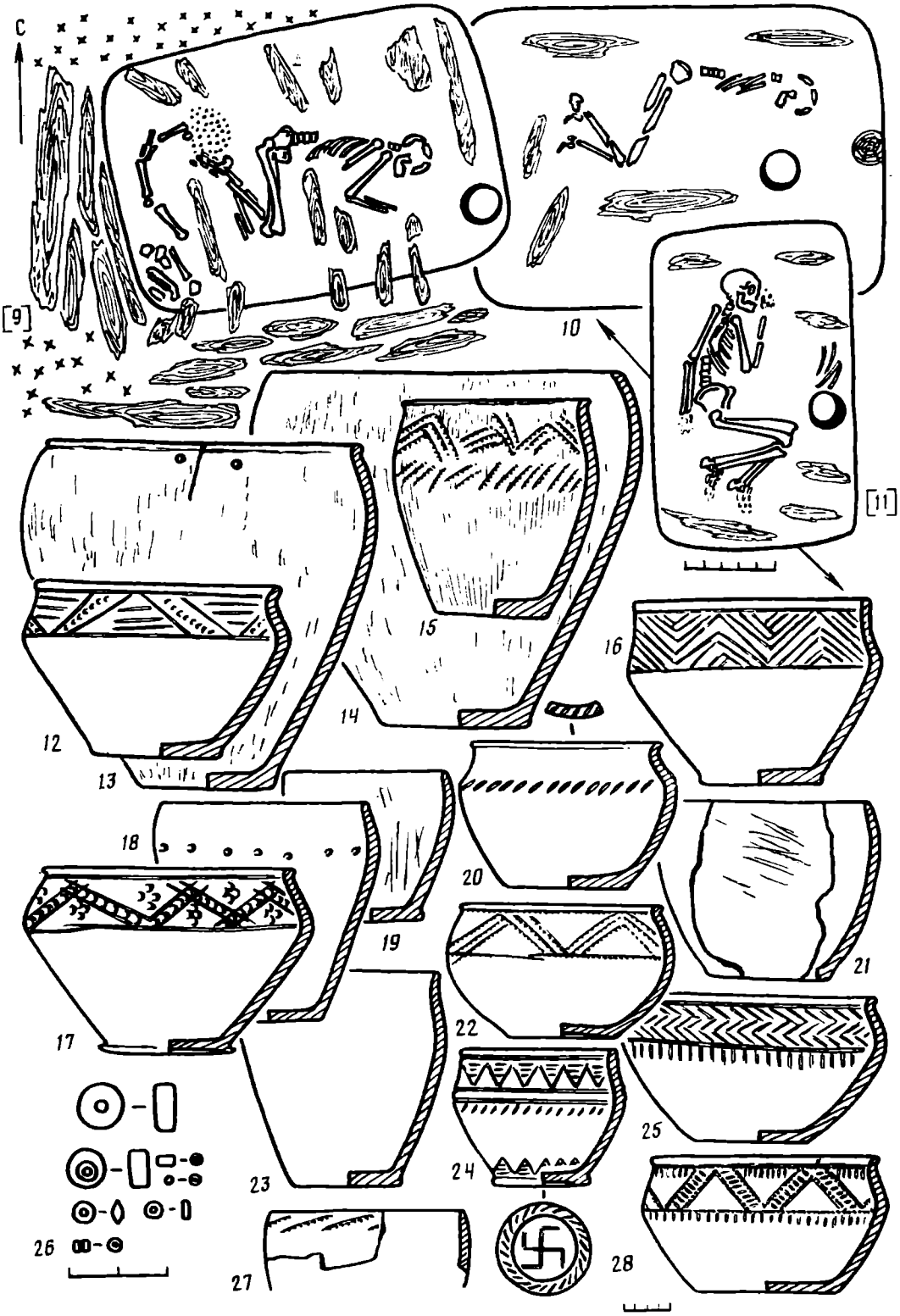


Рис. 1 *(продолжение)*

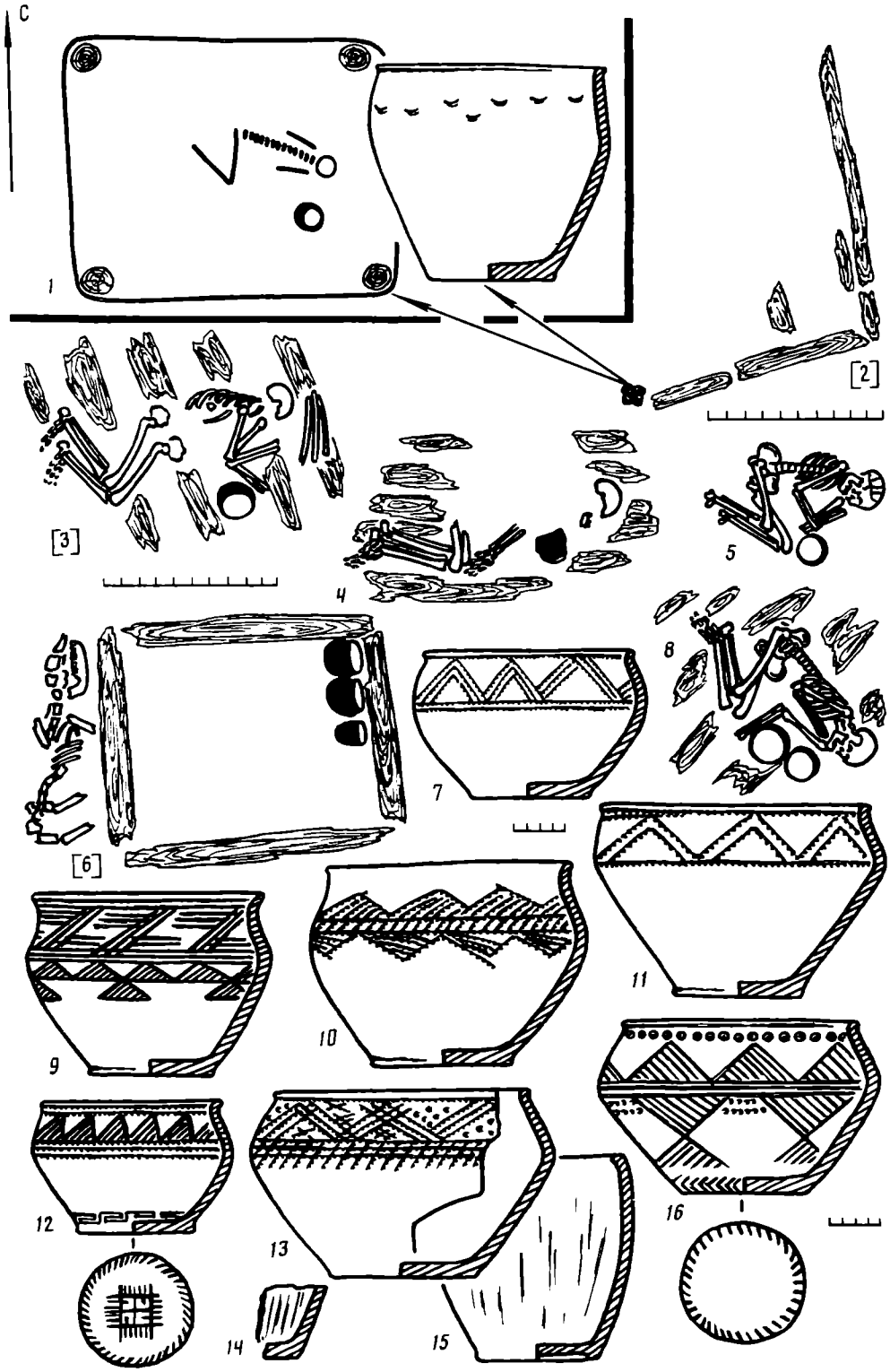


Рис. 2. Вторая группа погребений бережновского типа. *1* — Быково IV, погр. 5 кург. 7; *2, 14* — Быково IV, погр. 1 кург 7; *3, 16* — Вертячий, погр. 17 кург 7; *4, 13* — Красная Деревня, погр. 1 кург 9; *5, 12* — Первомайский VIII, погр. 9 кург. 3; *6, 9, 10, 15* — Чир II, погр. 1 кург 1; *7, 8, 11* — Могута, погр. 1. кург. 11

кург. 1 погр. 1; Ларин Пруд, кург. 2 погр. 5 [5, с. 17, 21]; Бердеевская дорога [6, с. 218]; Купцын Толга, кург. 46 погр. 10 [7, с. 110]), но и на правом берегу Дона, например в могильниках Чир I и Чир II (рис. 1, *9*; 2, *6*).

Кроме того, из 60 погребений бережновского хронологического горизонта, представленных в работах Н. К. Качаловой, лишь очень немногие точно соответствуют характеристике, которую она сама сформулировала. Только 32% из них являются основными или впускными с последующей досыпкой, все остальные погребения впускные, причем треть из них — впускные в насыпь. Большие ямы отмечены лишь в трех погребениях II Бережновского могильника. Это погребения из кург. 64, погр. 4 кург. 80, погр. 5 кург. 88 [8, с. 68, 79, 80, 88]. Все остальные захоронения совершены в небольших могилах, среди которых преобладают ямы размером 1,6×1,2 м. Деревянные конструкции или их следы отмечены только в 42% погребений, а восточная ориентировка погребенных — в 70% Количество погребений, которые сочетают три и более признака, например большие размеры могилы, деревянную конструкцию и восточную ориентировку, также невелико — всего 21%. Такое несоответствие позволяет заключить, что часть погребений, включенных в бережновский хронологический горизонт, не соответствует его основным признакам.

Нетрудно заметить, что для выделения раннесрубных памятников Н. К. Качалова использовала прежде всего особенности погребального обряда: поза и ориентировка погребенных, форма и размеры могильных ям, наличие деревянных конструкций, краски и т. д.; анализ сопровождающего инвентаря, в том числе керамики, дан в общих чертах. При этом за ведущий признак погребального обряда была принята восточная ориентировка погребенных. Иначе трудно объяснить, почему в число погребений бережновского хронологического горизонта были включены детские погребения из кург. 35 I Бережновского могильника и погр. 4 и 8 кург 2 II Бережновского могильника [3, с. 30] Все они впускные в насыпь, никаких следов перекрытий над могилами не отмечено, кисти рук погребенных расположены перед лицом, мел и охра отсутствуют, а обнаруженная в погребениях керамика не имеет ничего общего с полтавкинской [9, с. 94, 101, 120, 121]. То же самое можно сказать и о погр. 4 кург. 80 II Бережновского могильника, которое также оказалось включенным в бережновский хронологический горизонт, хотя по всем особенностям обряда и инвентаря, кроме восточной ориентировки, оно бесспорно относится к числу памятников покровского типа, относимых Н. К. Качаловой к более позднему времени [10, с. 35, 36] Совершенно ясно, что ни один отдельно взятый признак погребального обряда, будь то положение погребенного, его поза или ориентировка, не является определяющим. Именно поэтому, устанавливая хронологическое положение любого памятника, гораздо надежнее опираться не на отдельные признаки, а на всю совокупность имеющихся в нашем распоряжении особенностей погребального обряда и сопровождающего инвентаря.

Необходимо обратить внимание на еще одно обстоятельство. Хронологические построения Н. К. Качаловой основаны на материалах послевоенных раскопок, иногда недостаточно полно документированных,— это признает и она сама [3, с. 29]. К настоящему времени в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье исследованы сотни новых погребальных памятников, среди которых есть и стратифицированные, а также несколько раннесрубных поселений. Их анализ показывает, что выделенные Н. К. Качаловой погребения характеризуют не хронологический горизонт в целом, а лишь какую-то его часть, причем не самую значительную; поэтому в дальнейшем я буду называть их не памятниками бережновского хронологического горизонта, а классическими погребениями бережновского типа.

Известны случаи, когда такие погребения оказывались впускными в курганы, сооруженные над более ранними срубными захоронениями (рис. 1, *10, 11*; 2, *1, 2*). Кроме того, выявлены памятники, которые по стратиграфическому положению, обряду и инвентарю бесспорно относятся к раннесрубному времени,

но отличаются от классических погребений бережновского типа. В связи с этим общую характеристику раннесрубных памятников рассматриваемого региона необходимо скорректировать.

Обратимся непосредственно к материалам [1] Комплектуя иллюстрации, я не ставил перед собой задачу дать полную сводку всех известных к настоящему времени раннесрубных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. Основное внимание было уделено стратифицированным и наиболее выразительным погребальным комплексам.

Среди представленных памятников несколько захоронений точно соответствует характеристике, сформулированной Н. К. Качаловой, поэтому они должны быть отнесены к числу классических погребений бережновского типа. Это погребения из могильников Быково IV (рис. 1, *5*), Верхний Балыклей (рис. 1, *6*), Громки (рис. 1, *8*), Чир I (рис. 1, *9*), Ерзовка V (рис. 1, *10*). Нужно сказать, что такие памятники в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье немногочисленны. Большинство исследованных здесь к настоящему времени захоронений в большей или меньшей степени отличается от классических погребений бережновского типа. Например, восточная ориентировка погребенных, которой в периодизационной схеме Н. К. Качаловой отводится весьма существенная роль, в нижневолжских раннесрубных захоронениях выдерживается далеко не всегда. Известны десятки погребений, которые по всем показателям сопоставимы с классическими памятниками бережновского типа, но умершие в них ориентированы головой на север, северо-восток или юго-восток. В качестве примера можно привести погребения из могильников Верхний Балыклей II (рис. 1, *1*), Верхнее Погромное (рис. 1, *4*), Быково V (рис. 1, *7*), Ерзовка V (рис. 1, *11*). Синхронность этих погребений классическим бережновским, а возможно, и еще бóльшая их древность надежно подтверждаются не только полной идентичностью погребального обряда и сопровождающего инвентаря, но и прямой стратиграфией в одном из курганов могильника Ерзовка V (рис. 1, *10, 11*).

Только 2/3 раннесрубных погребений Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья являются основными или впускными с последующей досыпкой насыпи. Выделяются довольно большая группа впускных захоронений, в том числе и впускных в насыпь. Как правило, такие памятники полностью аналогичны классическим погребениям бережновского типа. Наиболее показательны в этом отношении погребения из могильников Красная Деревня (рис. 2, *4*), Могута (рис. 2, *8*), Первомайский VIII (рис. 2, *5*). Сейчас можно считать установленным, что формы погребальных сооружений и способы захоронений в раннесрубное время были весьма разнообразны. Наряду с трупоположениями в больших прямоугольных могилах с бревенчатыми накатниками известны трупоположения на древнем горизонте в срубах [11, с. 58; 12, с. 294] и без них (рис. 2, *3*), а также отдельные трупосожжения и кенотафы (рис. 2, *2, 6*). Важно отметить, что ранняя дата некоторых из них надежно подтверждается стратиграфическими данными, как, например, в кург. 7 могильника Быково IV, где сруб на горизонте был перекрыт материковым выкидом из могильной ямы классического бережновского захоронения (рис. 2, *1, 2*).

Весьма своеобразную и довольно многочисленную группу раннесрубных погребений Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья представляют погребения в небольших (даже тесных) овальных ямах без мощных перекрытий, причем почти половина из них являются впускными в курганы ранней и средней бронзы. Отнесение этих памятников к раннесрубному времени основывается на нескольких случаях прямой стратиграфии (рис. 3, *1—4*) и на датировках отдель-

---

[1] На иллюстрациях в моей статье планы погребений и их инвентарь в большинстве случаев представлены комплексно. Номера основных погребений даны в квадратных скобках. Стрелками показаны случаи прямой стратиграфии, причем направление стрелки показывает последовательность захоронений — от ранних к более поздним. Сплошным контуром обведены комплексы, перекрывающие или подстилающие раннесрубные погребения. Их планы даны в виде схем.

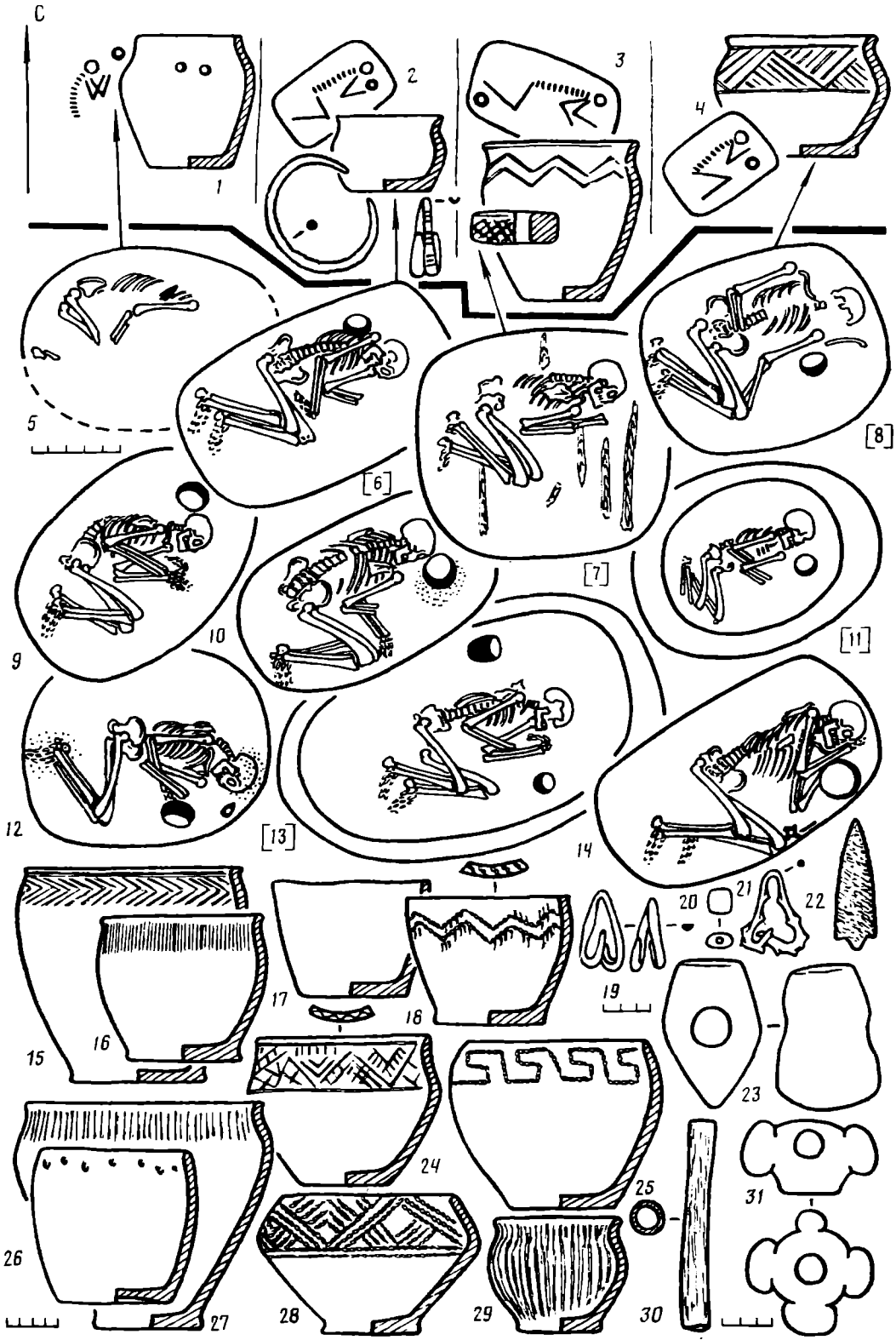


Рис. 3. Третья группа погребений бережновского типа. *1* — Нагавский II, погр. 3 кург. 1; *2* — Ченин, погр. 2 кург. 3; *3* — Тормосин, погр. 1 кург. 3; *4* — Вишневка, погр. 4 кург. 1; *5, 22* — Нагавский II, погр. 4 кург. 1; *6, 27, 29* — Ченин, погр. 1 кург. 2; *7* — Тормосин, погр. 2 кург. 3; *8, 17* — Вишневка, погр. 5 кург. 1; *9, 25* — Ильевка, погр. 6 кург. 11, *10, 26* — Мариновка, погр. 9 кург. 1; *11, 18* — Колобовка, погр. 2 кург. 4; *12, 23, 24* — Волжский, погр. 24 кург 1: *13, 15, 16, 19—21* — Химкомбинат гр. Б, погр. 2 кург. 3; *14, 28, 30, 31* — Никольское III, погр. 5 кург 1

ных предметов сопровождающего инвентаря. В одном из таких погребений найден клиновидный сверленый каменный топор с усеченно-коническим обухом (рис. 3, *23*), который датируется на позднее середины II тыс. до н. э. [13, с. 57; 14, с. 72]; в погр. 4 кург. 1 могильника Нагавский II — кремневый наконечник стрелы сейминского типа (рис. 3, *22*). Такие стрелки известны в абашевских, петровских, раннесрубных и раннеалакульских древностях [15, с. 106], а в погр. 5 кург 1 могильника Никольское III найдена полированная каменная булава (рис. 3, *31*), по форме очень близкая нижневолжским крестовидным каменным булавам эпохи средней бронзы [16, с. 94]. Весьма архаична и шнуровая орнаментация на отдельных сосудах, происходящих из этой группы погребений (рис. 3, *18, 25, 28*). То же самое можно сказать и о некоторых особенностях погребального обряда, например о наличии в могилах охры (рис. 3, *10, 12*), положении рук погребенных у колен или у груди, положении умерших на спине (рис. 3, *8*) и т. д.

К сожалению, пока нет убедительных данных, позволяющих установить точное хронологическое соотношение этой группы погребений с классическими погребениями бережновского типа. С одной стороны, хорошо заметны их связь с местными памятниками эпохи средней бронзы и близость к классическим бережновским захоронениям, от которых они отличаются только формой и размерами погребальных сооружений, а также составом керамики, о чем подробнее будет сказано ниже. С другой стороны, в нашем распоряжении имеются случаи прямой стратиграфии, которые фиксируют более позднее положение погребений в тесных овальных ямах по отношению к классическим бережновским захоронениям. Такие ситуации отмечены в кург. 63 II Бережновского могильника [8, с. 63] и в кург. 7 могильника Верхний Балыклей II (рис. 1, *1, 2*); по всей видимости, они свидетельствуют о довольно широком хронологическом диапазоне погребений в тесных овальных ямах.

Таким образом, в настоящее время все погребения бережновского типа можно разделить на три группы, различающиеся в основном размерами и конструкцией погребальных сооружений. Первая группа представлена классическими бережновскими захоронениями, вторая — погребениями на древнем горизонте и в насыпи, третья — погребениями в небольших овальных ямах без мощных перекрытий.

Интересной особенностью многих погребений бережновского типа является обряд предварительной подготовки места будущего захоронения. Это обширные по площади выстилки из травы, камыша или веток вокруг могильной ямы на древнем горизонте, которые зафиксированы в курганах из могильников Чир II (рис. 2, *6*), Громки (рис. 1, *8*), Новоаннинск [14, с. 294], или сооруженные еще до захоронения ямы и рвы, заполненные углями, золой, костями животных и фрагментами сосудов, как в кург. 4 южной группы у с. Бережновки [9, с. 118] и в кург. 7 могильника Верхний Балыклей II (рис. 1, *1*), а также зольники и кострища у могильных ям, как в кург 90 и 91 II Бережновского могильника [8, с. 92, 95], кургане Чир II (рис. 1, *9*), кург. 2 могильника Ченин (рис. 3, *6*) и др.

Удалось выделить некоторые другие специфические особенности раннесрубных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, которые не нашли отражения в работах Н. К. Качаловой. Судя по исследованным к настоящему времени погребальным комплексам, общую характеристику памятников бережновского типа можно сформулировать следующим образом. Погребения бережновского типа бывают как основными, так и впускными в насыпи более ранних эпох, однако почти все они — одиночные и практически никогда не составляют больших групп в одном кургане. Размеры курганных насыпей, сооруженных над погребениями бережновского типа, различны — от едва заметных всхолмлений до грандиозных сооружений объемом до 1500 м^3 Очень большие курганы срубной культуры в Нижнем Поволжье немногочисленны, но именно они содержат наиболее архаичные захоронения. Своеобразной

особенностью некоторых погребений бережновского типа является обряд предварительной подготовки места будущего захоронения.

Формы и размеры могильных ям довольно разнообразны. Весьма часто, хотя далеко не всегда, в ямах встречаются более или менее сложные деревянные конструкции, известны и наземные бревенчатые сооружения в виде одновенцовых срубов. Положение погребенных — скорченное на левом боку, причем явно преобладают сильная и средняя степени скорченности. Руки погребенных обычно расположены перед грудью, вытянуты вперед или опущены к коленям, иногда перекрещены в предплечьях и лежат у нижней челюсти. Положение обеих рук точно перед лицом встречается нечасто. Преобладают восточная ориентировка погребенных. Около 10% погребений бережновского типа сопровождается охрой.

Инвентарь погребений чаще всего представлен только керамикой, которая почти всегда располагается непосредственно перед погребенным — у черепа, груди или колен, очень редко — за спиной. Предметы из камня и кости встречаются нечасто, изделия из металла редки и обычно представлены только украшениями: подвесками и браслетами — круглыми, полукруглыми, иногда желобчатыми в сечении.

Керамика, происходящая из погребений бережновского типа, весьма своеобразна. Прежде всего необходимо отметить, что в классических бережновских погребениях обычно находят один-два, редко — три сосуда, среди которых почти всегда есть хотя бы один приземистый [2] остроребериый или чашевидный с традиционной орнаментацией из различных геометрических фигур, заключенных между горизонтальными линиями. Иногда встречаются и более сложные орнаментальные композиции, занимающие всю поверхность сосуда и даже заходящие на дно. Остроребериые и чашевидные сосуды в этой группе погребений явно преобладают над горшками. Приземистые чашевидные сосуды (рис. 1, *22, 25*; 2, *7*; 4, *22*) представляют собой особый тип раннесрубной керамики. Они встречаются только в памятниках бережновского типа и совершенно не характерны ни для погребений покровского типа, ни для памятников развитой и поздней срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья.

Несколько иная картина наблюдается в третьей группе погребений бережновского типа (рис. 3). Обычно в них встречается только один сосуд, чаще всего — неорнаментированный или просто орнаментированный баночный. Остроребериые и чашевидные формы весьма редки, так же как и сложные орнаментальные композиции, столь характерные для классических погребений бережновского типа. Во многих погребениях третьей группы керамика вообще отсутствует.

Сосуды из погребений бережновского типа, как правило, изготовлены из глины с примесью песка, шамота или без примесей; они часто хорошо обожжены. Поверхности их ровно сглажены, реже — подлощены или покрыты неглубокими параллельными бороздками от сглаживания мелкозубчатой гребенкой. Техника выполнения орнамента различна. Преобладают прочерченные композиции (около половины всей орнаментированной керамики); несколько меньше (примерно 30%) сосудов, орнаментированных мелкозубчатым штампом. Около 10% керамики украшено орнаментом в виде наколов и вдавлений и примерно столько же — оттисками перевитого шнура и отпечатками трубочки.

Общеизвестно, что наиболее полное представление об особенностях керамического материала можно получить на основе изучения бытовых памятников. К сожалению, в Нижнем и Волго-Донском междуречье исследованы памятников срубной культуры очень долго носили явно односторонний характер. Основные усилия были направлены на раскопки курганных могильников, а ста-

[2] Под термином «приземистые» здесь понимаются сосуды, у которых наибольший диаметр более чем в 1,5 раза превышает высоту.

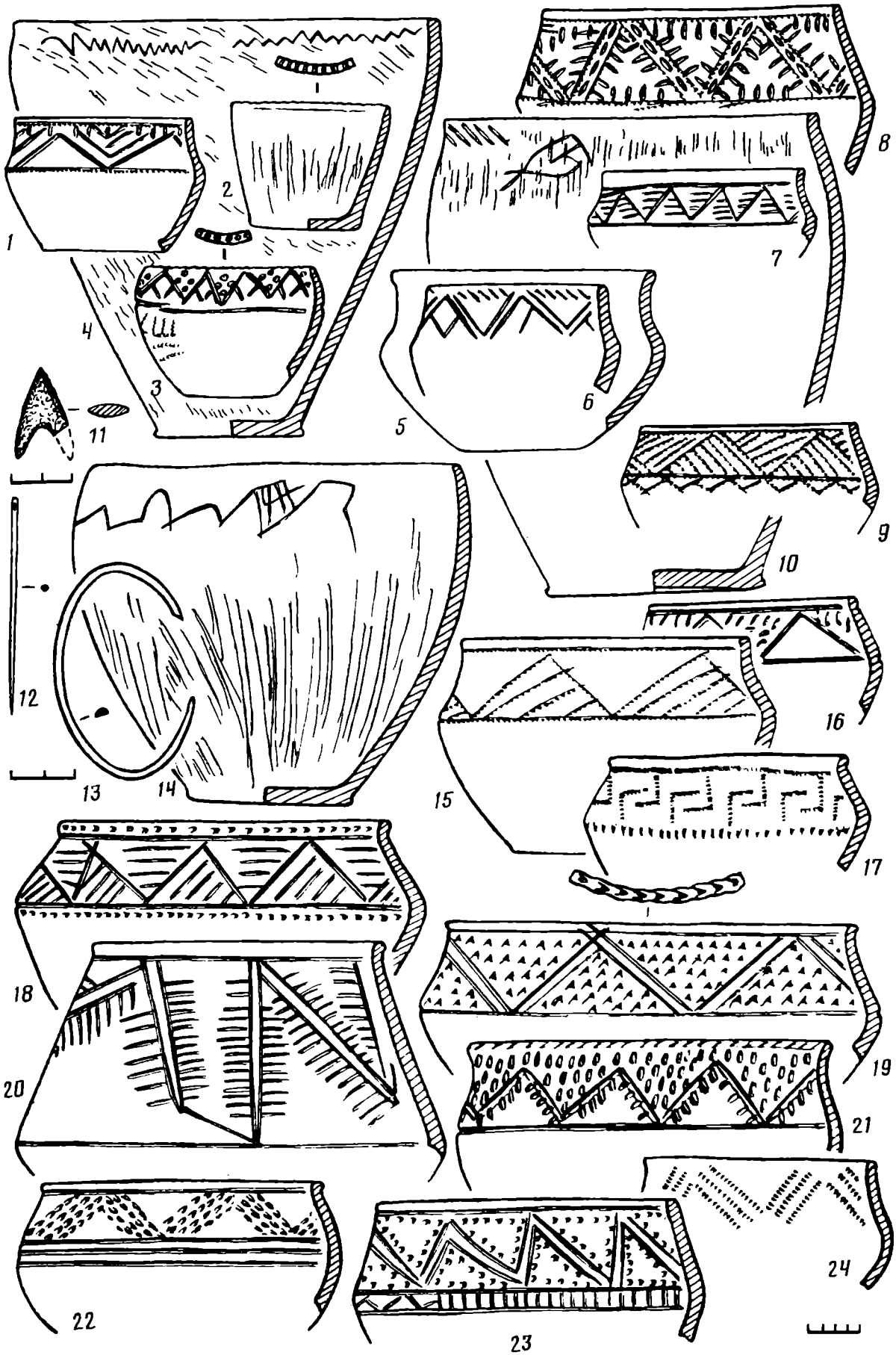


Рис. 4. Находки с поселения Сухая Мечетка IV

ционарные исследования бытовых памятников проводились очень редко. В результате до недавнего времени здесь не было известно ни одного поселения, которое можно было бы с полной уверенностью отнести к раннесрубному времени [4, с. 40]. Сейчас положение изменилось. Саратовскими и волгоградскими исследователями были проведены раскопки нескольких раннесрубных поселений. Поскольку материалы раскопок пока не опубликованы, на характеристике одного из таких памятников я остановлюсь подробнее.

Речь пойдет о поселении Сухая Мечетка IV, расположенном на северной окраине Волгограда. В раскопе площадью 200 м^2 частично исследован котлован большой полуземляночной постройки, ориентированной с северо-запада на юго-восток. Мощность культурного слоя на отдельных участках раскопа достигала 1,65 м. Всего на поселении найдены около 4 тыс. фрагментов керамики и более 5 тыс. обломков костей животных. Из других находок следует отметить бронзовую иглу с ушком (рис. 4, *12*), бронзовый браслет с несомкнутыми приостренными концами (рис. 4, *13*), костяные трубочки, пронизки и проколки, лепные глиняные пряслица, каменные песты, скребки и ножевидные пластины, а также кварцитовый наконечник стрелы с глубокой выемкой в основании (рис. 4, *11*). Важно отметить, что состав находок и стратиграфические условия их залегания позволяют рассматривать поселение Сухая Мечетка IV как однослойный бытовой памятник.

Вся обнаруженная на поселении керамика изготовлена из глины с примесью шамота, песка или без примесей; обжиг в большинстве случаев довольно качественный. Поверхности сосудов ровно сглажены, иногда поглощены или покрыты неглубокими узкими бороздками. Широкие вертикальные борозды от сглаживания крупнозубчатым штампом отмечены лишь на 5% сосудов (рис. 4, *14*). Преобладают закрытые, слабопрофилированные и прямостенные банки (67% от всех реконструируемых сосудов), 22% составляют остроребериые сосуды, 8% — горшки и 3% — чашевидные сосуды (рис. 4) Чуть меньше половины сосудов, найденных на поселении, орнаментировано. Прочерченные композиции составляют 60% от всей орнаментированной керамики, 20% сосудов украшено различными сочетаниями вдавления и наколов, 10% — оттисками зубчатого штампа и столько же — отпечатками трубочки и перевитого шнура. Один сосуд украшен орнаментом, выполненным в отступающей технике (рис. 4, 17).

Ранняя дата поселения надежно подтверждается прежде всего особенностями керамики: явным преобладанием остроребериых форм над горшками, наличием в коллекции чашевидных сосудов (рис. 4, *22*), широким распространением традиционных раннесрубных композиций в виде геометрических фигур, заключенных между горизонтальными линиями, а также такими архаичными приемами орнаментации, как отпечатки шнура, трубочки, отступающей техники. Кроме того, на поселении найден наконечник стрелы с глубокой выемкой в основании, который, по многочисленным аналогиям, датируется не позднее середины II тыс. до н. э. Не противоречит такой дате и полукруглый в сечении бронзовый браслет. Появление таких украшений Е. Н. Черных относит к досейминскому хронологическому горизонту [17, табл. Г]

Таким образом, материалы, полученные при раскопках поселения Сухая Мечетка IV, по всем основным параметрам сопоставимы с материалами погребений бережновского типа. Весьма близкое сходство наблюдается и в формах сосудов, и в основных элементах орнаментации, и в технологии изготовления керамики. Не менее важно то, что хронологическая близость погребений бережновского типа и поселения Сухая Мечетка IV подтверждается и некоторыми другими категориями инвентаря. Правда, имеются и отличия, например явное преобладание баночных форм на поселении и относительная немногочисленность по сравнению с погребальными комплексами сосудов, орнаментированных зубчатым штампом. Однако эти отличия не слишком существенны и, кроме того, вполне закономерны, поскольку полные аналогии для керамических комплексов поселений и погребений вряд ли возможны. Нужно сказать, что поселе-

ние Сухая Мечетка IV не единственный раннесрубный бытовой памятник в Нижнем Поволжье. Не менее яркие и выразительные раннесрубные материалы получены при раскопках поселения Преображенка [18, с. 187]

Несколько сосудов, найденных на протяжении Сухая Мечетка IV, украшены композициями в виде меандров, причем в двух случаях орнамент прочерчен, в одном оттиснут трубочкой и в одном выполнен в отступающей технике (рис. 4, *17*). Подобные алакульские проявления на раннесрубных памятниках смежных территорий неоднократно фиксировались исследователями [19, с. 48—66; 20, с. 100—109; 21, с. 143—153; 22, с. 88—106] Достаточно широкое распространение такая керамика имеет и в погребениях бережновского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (рис. 2, *9, 10, 12*; 3, *25*). Хотя алакульские орнаментальные традиции на срубной керамике прослеживаются на протяжении весьма длительного времени, можно согласиться с тем, что именно в раннесрубных памятниках они наиболее многочисленны и ярки, а позднее становятся более расплывчатыми и малочисленными [20, с. 109] Интересно и то, что некоторые сосуды, происходящие из погребений бережновского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, находят прямые аналогии в петровских комплексах урало-казахстанских степей (рис. 1, *24*; 2, *16*). Это позволяет допустить их частичную, а возможно, и полную синхронизацию.

Говоря о памятниках бережновского типа, нельзя обойти стороной и проблему формирования срубной культуры Нижнего Поволжья, хотя ее решение не входит в задачу настоящей работы. По справедливому замечанию Н. К. Качаловой, генезис срубной культуры здесь нельзя рассматривать как простую трансформацию во времени позднеполтавкинских памятников [2, с. 77]; несомненно, этот процесс был более сложным. Однако совершенно ясно, что его нельзя сводить только к миграционным факторам.

Существует мнение, согласно которому, раннесрубные памятники Нижнего Поволжья практически не связаны с местными культурами эпохи средней бронзы [23, с. 23, 24]. С этим довольно трудно согласиться, во-первых, потому, что погребения третьей группы бережновского типа (рис. 3) органически сочетают в себе характерные особенности погребений эпохи средней бронзы и раннесрубных захоронений и, следовательно, в большинстве случаев могут рассматриваться как памятники переходного периода. Наиболее отчетливо их сходство с позднеполтавкинскими, позднекатакомбными погребениями и памятниками культуры многоваликовой керамики (КМК) прослеживается в особенностях погребального обряда, причем порой это сходство доходит до полного тождества (рис. 3, *5, 6, 8, 10, 12*). Во-вторых, почти всех формы раннесрубной керамики имеют близкие аналогии в местных позднеполтавкинских и позднекатакомбных памятниках, в которых широко представлены банки, как закрытые, так и прямостенные, остроребериые и чашевидные формы, горшки. Определенные черты сходства прослеживаются и в технике нанесения орнамента (шнур, мелкозубчатый штамп), и в формах орнаментации (заштрихованные треугольники, зигзаги с «бахромой», горизонтальная елочка), причем орнамент в виде горизонтальной елочки, столь характерный для позднеполтавкинской и позднекатакомбной керамики, представлен на раннесрубной посуде Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья достаточно широко (рис. 1, *25*; 2, *16*; 3, *15*) [8, с. 131, рис. 49, *5—7*, рис. 31, *11*, рис. 22, *13*] Весьма показательны в этом отношении и срубные погребения в подбоях и катакомбах [24, с. 130—138], и находки в отдельных срубных захоронениях фрагментов сосудов, которые, очевидно, как и в катакомбных погребениях, использовались в качестве жаровен (рис. 1, *21*; 2, *13*).

Конечно, между памятниками эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья и памятниками бережновского типа прослеживается и весьма существенные различия, но это вполне понятно, поскольку мы имеем дело с различными археологическими культурами. Тем не менее сейчас уже можно с полной уверенностью говорить о том, что одним из основных

компонентов в сложении памятников бережновского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья были местные культуры эпохи средней бронзы, в первую очередь позднеполтавкинская и позднекатакомбная, а также, возможно, и КМК. Достаточно отчетливо прослеживается и влияние восточного раннеалакульского импульса. Несомненно также и то, что сложение памятников бережновского типа проходило без участия абашевского населения, поскольку они не несут на себе абсолютно никаких следов абашевского влияния.

Среди погребальных памятников срубной культурно-исторической общности внимание исследователя давно привлекают комплексы с отдельными абашевскими элементами. Впервые такие погребения на Нижней Волге были выделены К. Ф. Смирновым и И. В. Синицыным, причем К. Ф. Смирнов считал, что их появление здесь — результат прямого взаимодействия срубного и абашевского населения [25, с. 315], а И. В. Синицын видел в них отражение генетической связи абашевских и срубных племен [9, с. 193] В дальнейшем изучением этих своеобразных памятников занимались многие исследователи. Были переосмыслены материалы старых раскопок, опубликованы новые погребальные комплексы, представлены сводки погребений, дана их общая характеристика. К сожалению, в литературе пока не установилось единой терминологии: одни и те же памятники называют абашевско-срубными, срубными с абашевскими элементами, срубно-абашевскими или погребениями покровского типа. Наиболее удачным представляется последнее наименование, поскольку все остальные подразумевают синкретизм этих комплексов, что, по всей вероятности, не совсем точно отражает сущность тех процессов, в результате которых они образовались [26, с. 71]

В последние годы интерес к памятникам покровского типа значительно повысился. Тем не менее до настоящего времени не решены окончательно вопросы их происхождения, распространения, датировки и выделения из общей массы срубных захоронений.

Обращаясь к рассмотрению погребений покровского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, необходимо прежде всего остановиться на их общей характеристике. Основные отличительные признаки этих памятников уже сформулированы исследователями [10, с. 34; 27, с. 58—63] Это большие прямоугольные могилы, обычно перекрытые бревнами, плахами или жердями. Умершие похоронены на левом боку, в слабо скорченном положении, головой в северный сектор кургана. Очень часто погребенные уложены ближе к западной стенке могильной ямы, кисти рук обычно расположены у лица, реже — у подбородка или груди, еще реже — у колен. Нередко на дне могильных ям, в их заполнении или рядом с ними встречаются угли и зола. В некоторых нижневолжских погребениях покровского типа встречается охра.

Весьма своеобразно размещение инвентаря в этих погребениях. Керамика и кости животных помещались не только на дне могилы, но и на перекрытии или на древнем горизонте рядом с могильной ямой, что в целом не характерно для памятников бережновского типа. Определенная закономерность наблюдается и в расположении сосудов в могиле. Чаще всего они расположены не перед погребенным, как в погребениях бережновского типа, а за головой, за спиной, у ног или в углах могильной ямы.

В глиняной посуде, происходящей из погребений покровского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, обычно отчетливо прослеживается наследие абашевских керамических традиций — более или менее выраженная колоколовидность профиля, упорядоченные борозды на поверхности от сглаживания крупнозубчатым штампом, плавный переход от дна к стенкам сосуда, наличие желобка или уступа на внутренней стороне венчика. В качестве отощителя глины чаще всего использовалась крупнодробленая ракушка, реже — песок или шамот.

Довольно часто погребения покровского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья сопровождаются многочисленным и разнообразным

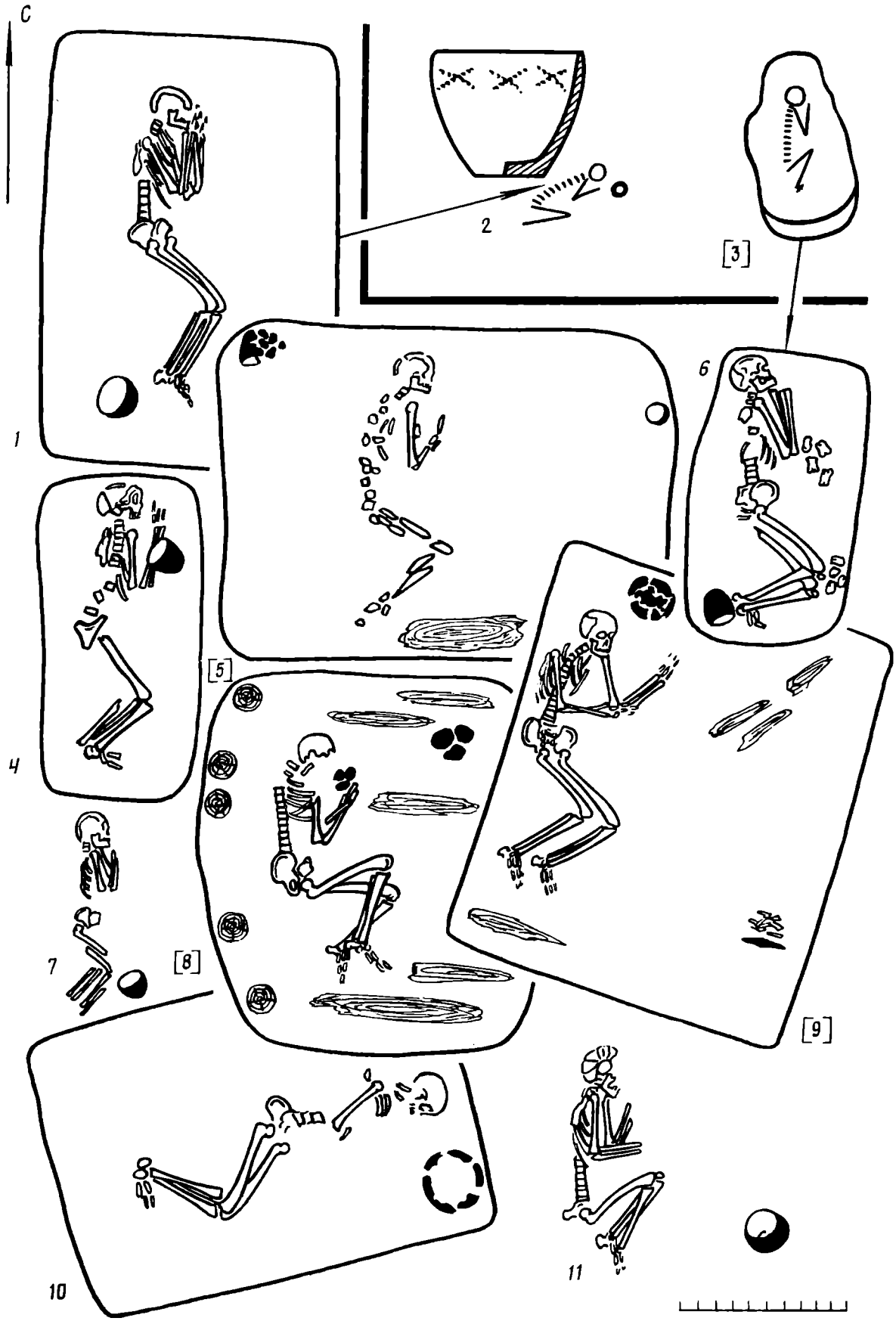


Рис. 5

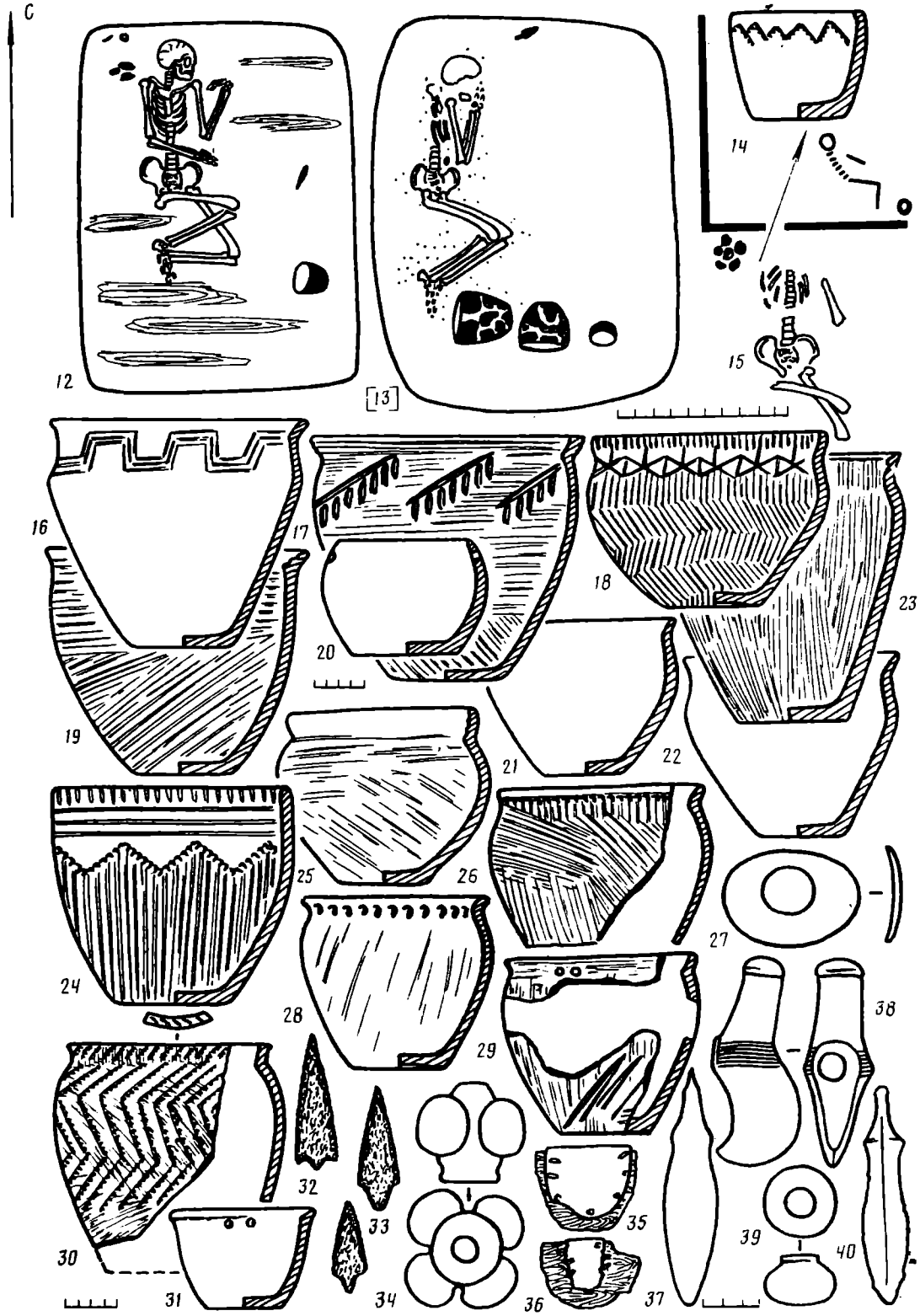


Рис. 5. Погребения покровского типа. *1, 16* — Сидоры, погр. 7 кург 1; *2* — Сидоры, погр. 1 кург. 1; *3* — Первомайский VIII, погр. 2 кург 8; *4, 22* — Березовский, погр. 4 кург 17; *5, 20, 26, 35* — Ерзовка I, погр. 1 кург 5; *6, 28* — Первомайский VIII, погр. 1 кург. 8; *7* — Красная Деревня, погр. 1 кург 15; *8, 21* — Быково IV, погр. 2 кург 5; *9, 24* — Быково V, погр. 2 кург 10; *10, 19* — Сидоры, погр. 4 кург 1; *11, 25* — Верхний Балыклей II, погр. 10 кург. 5; *12, 36, 37* — Короли, погр. 4 кург 4; *13, 27* — Савельевский, погр. 3 кург 7; *14* — Волжский, погр. 13 кург 1; *15, 29* — Волжский, погр. 12 кург. 1; *17* — Сидоры, погр. 10 кург. 1; *18* — Подгорный, погр. 16 кург 6; *23, 31, 38—40* — Верхний Балыклей II, погр. 6 кург. 6; *30* — Быково III, погр. 5 кург. 7; *32* — Покровск, кург 8; *33* — Покровск, погр. 3 кург 7; *34* — Натальино, погр. 1 кург. 7

инвентарем. При этом отдельные категории инвентаря, например предметы вооружения, псалии, деревянные чаши с бронзовыми накладками, встречаются только в погребениях покровского типа и совершенно не характерны для бережновских захоронений [28, с. 151]

Еще совсем недавно считалось, что количество таких погребений в Нижнем Поволжье ограничивается всего несколькими десятками, а население, оставившее их, не сыграло практически никакой роли в истории срубных племен [29, с. 12] В настоящее время точно установлено, что роль эта была весьма значительной [1, с. 31—34; 10, с. 119; 30, с. 31—35] Количество погребений покровского типа в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье превышает 200, причем почти все они обладают устойчивой суммой перечисленных признаков как в погребальном обряде, так и в инвентаре; известны и бытовые памятники [1, с. 34] Большинство погребений покровского типа исследовано в пределах Саратовской обл., на границе степи и лесостепи, где они нередко составляют большие могильники. Наиболее известным из них, хотя и не самым крупным, является Покровский могильник, в котором раскопано 19 таких захоронений [27, с. 57] Чем дальше на юг, тем меньше погребений покровского типа встречается при раскопках курганов. Южную границу их распространения проводят по линии Быково — Сидоры — Слащевская [10, с. 4] или опускают до г. Дубовки Волгоградской обл. [1, с. 30] В последние годы такие погребения исследованы в курганах могильника Ерзовка I у г. Волгограда (рис. 5, *5*), в кург. 1 в г. Волжском (рис. 5, *15*), в нескольких курганах могильника Первомайский на Дону, в 40 км к югу от г. Волгограда (рис. 5, *6*). Все эти находки позволяют провести южную границу распространения памятников покровского типа в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье примерно по широте Волгограда.

Все известные к настоящему времени нижневолжские погребения покровского типа можно условно разделить на две большие группы. Первая из них представлена классическими погребениями покровского типа, которые полностью соответствуют приведенной выше характеристике (рис. 5, *5, 9, 12, 13*), а также погребениями-кенотафами [31, с. 140—142; 32, с. 173, 196]. Погребения второй группы чаще совершены в насыпях курганов или в небольших удлиненно-прямоугольных могилах, умершие уложены в центре ямы, а инвентарь обычно представлен только керамикой (рис. 5, *1, 4, 6, 7, 11, 15*).

Особого внимания заслуживает проблема происхождения нижневолжских памятников покровского типа. Обычно процесс их формирования рисуется следующим образом: абашевское население проникало в Нижнее Поволжье из районов лесостепи и вступало в контакт с местными срубными племенами. Иными словами, появление на этой территории памятников покровского типа представляется как результат простого смешения местного срубного и пришлого абашевского населения [30, с. 33] Однако собственно абашевских памятников [3] в степях Нижнего Поволжья практически нет [10, с. 30—33]. Это значит, что комплексы покровского типа здесь сформироваться не могли. Поэтому можно утверждать, что из районов лесостепи в Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье проникали не абашевские племена, а вполне сформировавшееся население, которое оставило после себя памятники, близкие погребениям Покровских курганов. Процесс формирования этого населения, очевидно, был во многом близок процессу сложения раннесрубных памятников на территории Среднего Поволжья [33, с. 10]

Для установления точной начальной даты продвижения лесостепного населения в степные районы Поволжья пока мало данных. Н. К. Качалова, не возражая против общей синхронизации основных этапов развития срубной культуры Нижнего и Среднего Поволжья, а значит, и синхронизации бережновских и пок-

[3] К абашевским я вслед за А. Д. Пряхиным отношу погребения с положением умерших на спине и с инвентарем абашевского облика [10, с. 9].

ровских комплексов, поскольку в Среднем Поволжье в раннесрубное время преобладают именно памятники покровского типа [26, с. 71], считает, что последние появились в степной зоне лишь в самом конце первого периода развития нижневолжской срубной культуры и что здесь им предшествуют памятники бережновского типа [30, с. 32] Существует другая точка зрения, согласно которой, нижневолжские памятники бережновского и покровского типов синхронны [26, с. 71; 28, с. 151, 152, 34; с. 208]

Судя по тому, что в некоторых раннесрубных погребениях Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья встречается довольно архаичная керамика, которая по орнаменту сопоставима с позднеполтавкинской или позднекатакомбной, а по форме и технологии изготовления — с абашевской посудой (рис. 5, *18, 30*), начало продвижения лесостепного населения в степную зону можно отнести к периоду становления срубной культурно-исторической общности. О весьма раннем появлении памятников покровского типа на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья свидетельствуют находки в некоторых из них костяных пряжек, которые датируются не позднее середины II тыс. до н. э. (рис. 5, *27*) [35, с. 121] В отдельных погребениях покровского типа, так же как и в погребениях бережновского типа, встречается посуда, аналогичная керамике петровских комплексов, как например, в кург 35 Покровского могильника. Очень близки к ним и некоторые другие предметы сопровождающего инвентаря бережновских и покровских захоронений: наконечники стрел сейминского типа (рис. 5, *32, 33*), крестовидные булавы (рис. 5, *34*), отдельные типы украшений — подвески и браслеты. Показательны и некоторые стратиграфические данные. В кург. 1 в г Волжском впускным срубным захоронением было нарушено погребение покровского типа, что позволяет говорить о достаточно ранней дате последнего (рис. 5, *14, 15*) Близкая стратиграфическая ситуация отмечена и в кург. 1 могильника Сидоры (рис. 5, *1, 2*) [10, с. 30, 31]

Факты свидетельствуют о том, что в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье памятники покровского типа, очевидно, не моложе памятников бережновского типа. Их хронологическое совмещение представляется вполне допустимым еще и потому, что до настоящего времени здесь не отмечено ни одного случая прямой стратиграфии между классическими бережновскими и классическими покровскими захоронениями, что является косвенным подтверждением их хронологической близости.

Даже при поверхностном сравнении погребений бережновского и покровского типов бросаются в глаза резкие различия между ними, которые проявляются в ориентировке и степени скорченности погребенных, в составе и размещении инвентаря, в формах и технологии изготовления керамики. Впервые эти различия были сформулированы в работе Н. К. Качаловой, которой удалось достаточно убедительно противопоставить эти типы погребальных памятников [2, с. 71—73]. Нетрудно заметить, что погребения бережновского типа и памятники типа Покровских курганов не только не обладают одинаковым набором элементов в погребальном обряде и инвентаре, как считают некоторые исследователи [28, с. 152], а, напротив, не имеют между собой практически ничего общего. В материалах подавляющего большинства погребений бережновского типа не прослеживается никаких следов абашевского влияния, причем в южных районах Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья преобладают именно такие памятники. Что же касается мнения о том, будто в Поволжье, в том числе и в степном, буквально во всех раннесрубных комплексах встречается абашевская керамика [36, с. 46], то его следует признать совершенно не обоснованным.

Продвижение лесостепного срубного населения в степные районы Нижнего Поволжья вряд ли было мирным. Очевидно, какое-то время пришельцы находились во враждебных отношениях с местным срубным населением и не вступали с ним в непосредственную связь, а стремились сохранить свою этническую чистоту. Именно поэтому в степях Нижнего Поволжья и Волго-Донского

междуречья классические погребения покровского типа практически никогда не встречаются в тех курганах, где есть классические погребения бережновского типа, и наоборот. По-видимому, пришлое лесостепное население предпочитало сооружать отдельные кладбища, не связанные с кладбищами местных срубных племен. Эти предположения согласуются с выводами исследователей, которые обращались к рассмотрению аналогичных процессов на смежных территориях [37, с. 101—103] Такое изолированное сосуществование двух различных массивов населения на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, очевидно, сохранялось довольно долго, поскольку памятников покровского типа, еще не испытавших на себе влияния степного срубного населения, здесь немало. Однако в дальнейшем начинается процесс постепенного смешения степных и лесостепных срубных племен, в результате которого на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья сформировались многочисленные синкретические памятники, органически сочетающие в себе особенности бережновских и покровских комплексов и характеризующие период развитой срубной культуры этого региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малов Н. М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
2. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3.
3. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
4. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
5. *Мамонтов В. И.* О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3.
6. *Синицын И. В.* Археологические памятники у села Пролейки // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1956.
7. *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.
8. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78.
9. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
10. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
11. *Синицын И. В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археол. сб. Саратов, 1966.
12. *Мамонтов В. И.* Погребения эпохи бронзы Новоаннинского курганного могильника // СА. 1974. № 1.
13. *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры // САИ. 1976. Вып. В1-21.
14. *Беседин В. И.* Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
15. *Бочкарев В. С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Пробл. археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986.
16. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
17. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
18. *Лопатин В. А.* Исследования в зоне строительства Североершовской оросительной системы // АО-1985. М., 1987.
19. *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук, думка, 1987
20. *Березанская С. С., Гершкович Я. А.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
21. *Пряхин А. А.* Поселение срубной культурно-исторической общности у д. Раздольное // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
22. *Зудина В. Н.* Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
23. *Мельник В. И.* К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. 1982. Вып. 169.
24. *Лопатин В. А., Малов Н. М.* Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. 1988. № 1.
25. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
26. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
27. *Сагайдак В. И.* О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
28. *Пятых Г. Г.* О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2.
29. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1976. Вып. 17.

30. *Качалова Н. К.* О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
31. *Мыськов Е. П.* Кенотаф эпохи бронзы из курганного могильника Верхний Балыклей // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
32. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
33. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
34. *Малов Н. М.* Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. 1983. № 4.
35. *Петров Ю. Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
36. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко В. В., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
37. *Потемкина Т. М.* Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Волгоградский государственный педагогический
институт им. А. С. Серафимовича

YE. P. MYSKOV

ON THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF TIMBER-GRAVE CULTURE ON THE LOWER VOLGA AND THE TERRITORY BETWEEN VOLGA AND DON

Summary

In the problem of periodization of timber-grave culture on the Lower Volga a great role playes N. K. Kachalova, who described the early sites of the culture there — the so-called burials of Berezhnovka chronological horizon. The study of the early timber-grave assemblages excavated lately suggests the conclusion that the burials outlined by N. K. Kachalova form not a chronological horizon but a part of it. Now it will be better to call these monuments „classical Berezhnovka-type burials" Except them on the Lower Volga and the area between the Volga and the Don there can be outlined two more groups of Berezhnovka-type burials which differ from one another mainly in grave constructions. One of the groups has some similarities with late Poltavka and late catacomb-grave sites. The materials and stratigraphic data of the burials allow the author to sunchronize the sites of Berezhnovka-type with Pokrovsk kurgans. These groups evidently form the early timber-grave horizon on the Lower Volga. The formation of Pokrovsk-type sites was influenced by Abashevo culture in the territory of the Middle Volga and the Middle Don forest-steppes. During the earliest stage of timber-grave cultural and historical unit this population began to move to the steppes of the Lower Volga. Active contacts between the local steppic tribes of Berezhnovka type and the newcomers from the forest-steppe (Pokrovsk-type burials) resulted in emergance of numerous mixed groups which characterize the period of developed timber-grave culture in this area.

Публикации

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Хотылевская стоянка является одним из наиболее ранних памятников эпохи позднего палеолита на территории верхнего участка Средней Десны. Ее раскопки дали богатейший кремневый инвентарь, в котором только коллекция каменных орудий составляет более 5 тыс. экземпляров.

Кремневый инвентарь, как известно, является одним из основных показателей степени развития производственного и экономического уровня древних обитателей поселения, а также культурной принадлежности памятника. И чем полнее представлены коллекции, тем точнее и определеннее можно судить о месте памятника в структуре палеолита.

Планиграфическое распределение кремневых изделий на раскопанной площади Хотылевской стоянки и статистические данные показывают, что большинство находок происходит из зольников, ям со скоплениями отходов производства или с мест выбросов, связанных с остатками жилых и хозяйственных сооружений. На окраине жилой площадки кремня встречено совсем немного.

Основу кремневого инвентаря, если не считать отбойников, ретушеров и нуклевидных орудий, составляют ножевидные пластины. Отщепы использовались очень редко. За типичные орудия мы принимаем только такие изделия, которые имеют вторичную обработку. Всего нами выделено 11 категорий орудий, которые образуют более или менее выраженные инвентарные группы или типы. Остановимся на характеристике каждой такой группы в отдельности.

Резцы (рис. 1, 2) Это самая многочисленная группа орудий — более 2500 экз. Краевых резцовых сколов собрано 1452 экз. Орудия этой группы неоднородны и могут быть разделены на ряд подгрупп. К одной из них относятся резцы на углу сломанной (или усеченной) пластины (537 экз.). Следует отметить, что резцы этой подгруппы бывают на пластинах с одним или двумя поперечными изломами, а также на пластинах с обломанным основанием. Видимо, к ним следует отнести резцы и с косыми поперечными изломами, которые являются переходными формами от угловатых к боковым. По количеству углов, имеющих резцовые сколы, и по оформлению рабочего края они могут быть расчленены еще более дробно. Это резцы на сломанной пластине с резцовым сколом только на одном углу — 438 экз., резцы на сломанной пластине с резцовыми сколами на двух углах одного конца — 39 экз. В редких случаях по поперечному краю между резцовыми сколами имеется ретушь. Резцы на сломанной пластине, у которых резцовые сколы расположены на противоположных углах с той или иной боковых сторон,— 35 экз., на противолежащих углах — 12 экз. На четырех углах сломанной пластины резцовые сколы встречены в единственном случае. Следует отметить, что лезвие резца иногда формировалось несколькими сколами, т. е. они являются многофасеточными. Среди них имеются сильно затупленные, сработанные, а иногда и подправлявшиеся, подживленные.

© Ф. М. Заверняев, 1991 г.

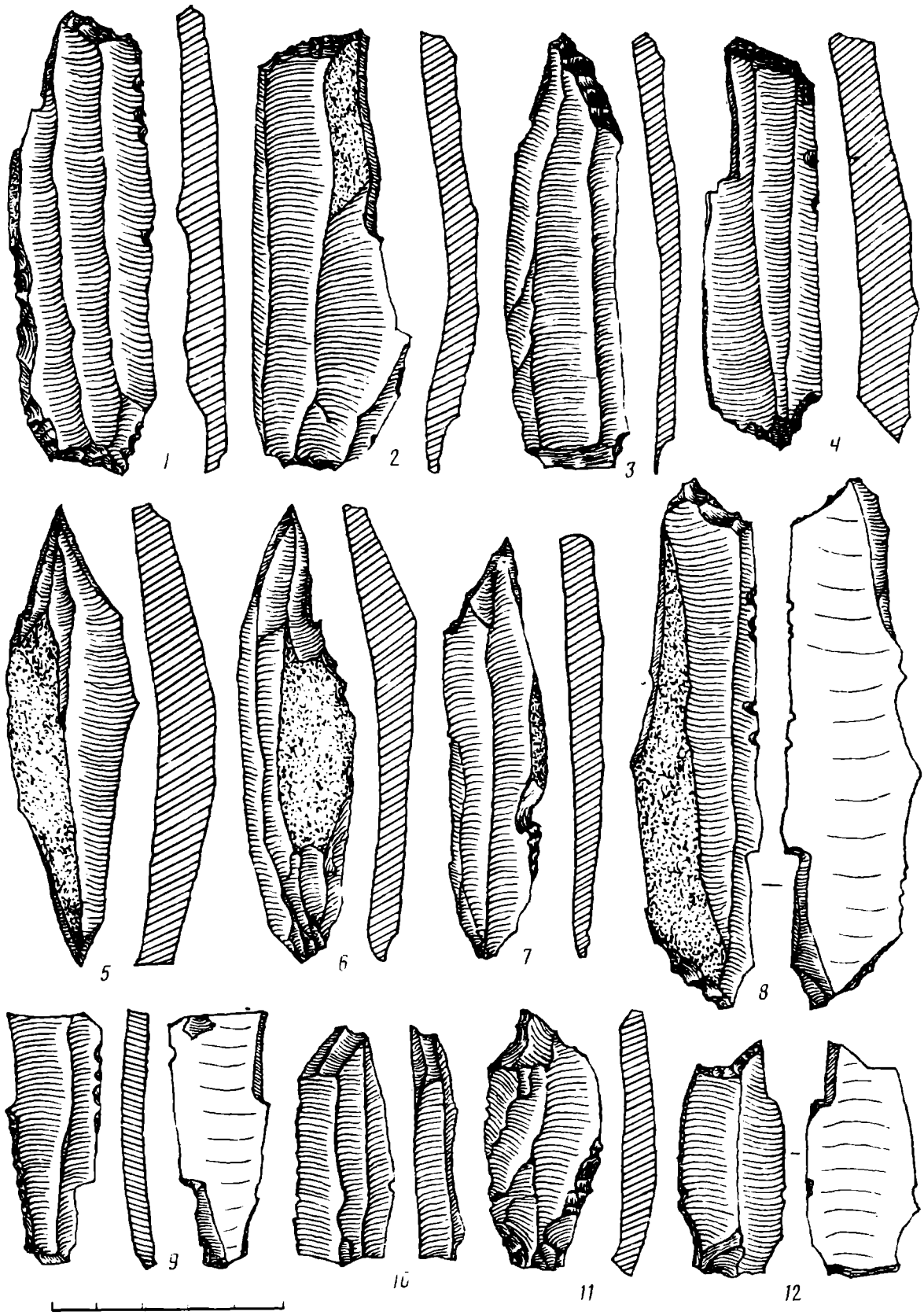


Рис. 1 Хотылевская стоянка. Резцы. *1—4* — с округлой и косой ретушной спинкой, *5* — двойной срединный; *6, 7* — срединные; *8* — двойной боковой; *9* — двойной угловой; *10* — ориньякского типа. *11 12* — клювовидные

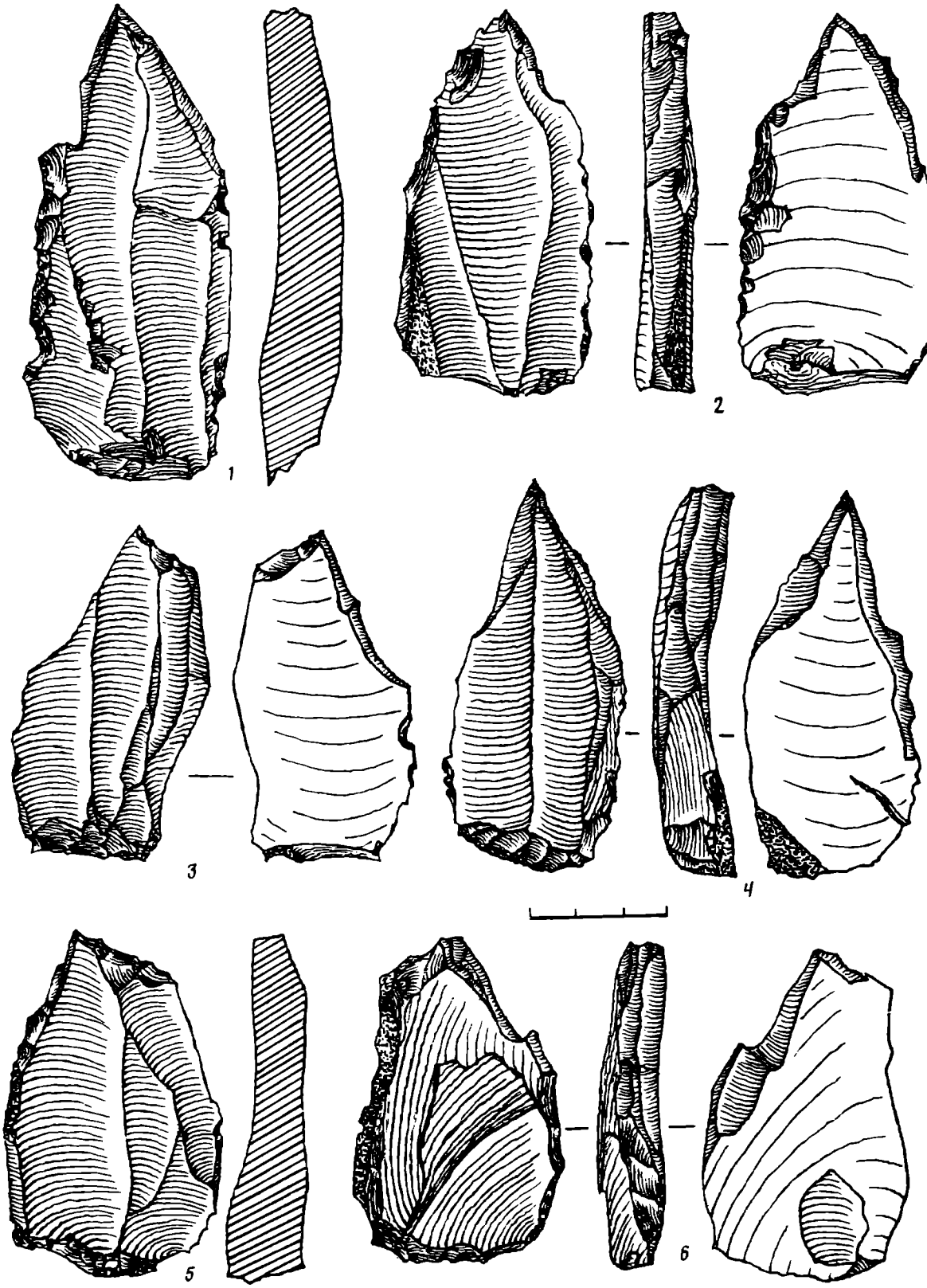


Рис. 2. Хотылевская стоянка. Резцы. *1, 2* — срединные на массивных пластинах; *3* — боковой с выемчатой спинкой; *4* — срединный в комбинации с округлым скребковидным лезвием; *5, 6* — боковые с выпрямленной косой спинкой, покрытой ретушью

Как видно, резцы на углу сломанной пластины представляют довольно распространенный тип. Это, по-видимому, самый древний и простейший резец.

Ко второй подгруппе мы относим боковые резцы — 1274 экз. Это такие орудия, у которых рабочее лезвие занимает промежуточное положение между продольной осью заготовки и одной из боковых сторон. Резцовый скол у них никогда не имеет строго перпендикулярного направления по отношению к боковой стороне, всегда скошен. Среди резцов этой подгруппы имеются резцы на конце целой пластины, на пластинах с обломанным основанием и на расчлененных пластинах. Некоторые резцы изготовлены на отщепах. У значительной части резцов этого типа на спинке имеется ретушь, формирующая выпуклый, вогнутый или косой (диагональный) край. Некоторые резцы ретуши не имеют.

Среди боковых резцов большой процент составляют многофасеточные.

В этой подгруппе мы выделяем восемь подтипов. К первому из них относятся боковые резцы на целых заготовках с округлой ретушированной или нересушированной спинкой — 237 экз. Ко второму подтипу относятся боковые резцы на сломанной пластине с ретушью. Их насчитывается в коллекции 345 экз. К третьему подтипу относятся боковые резцы на сломанной пластине без ретуши — 393 экз. К четвертому подтипу относятся боковые резцы с ретушированной или неретушированной выемкой на спинке, образующие клювовидные выступы-резцы,— 111 экз. К пятому подтипу относятся боковые резцы с продольно стесанной спинкой — 74 экз. Особенностью таких резцов является нанесение на выпуклой спинке удлиненной ретуши вдоль поперечного излома. Такие резцы напоминают узкие торцовые скребочки с режущими мысиками-кромками по углам. Нам кажется, что они и действительно могли выполнять роль комбинированного орудия — микроскребка и резца одновременно. Аналогичные резцы типичны только для ориньяка. Еще Г Обермайер отмечал, что «характерным для ориньякского периода типом является скорее дугообразно согнутый резец. Обыкновенно у него один продольный край прямой, широкий и плоский, тогда как другой изогнут клювообразно к острию, вследствие того что отбито множество тонких осколочков по дуговой линии от его верхней стороны» [1, с. 204, рис. 102]. Подобных резцов в стоянках Восточной Европы мы пока не знаем.

К шестому подтипу относятся двойные боковые резцы с ретушью или без ретуши с резцовыми сколами на противоположных углах одной из боковых сторон заготовки — 54 экз. И наконец, к седьмому подтипу относятся боковые резцы с ретушью или без, с резцовыми сколами на противолежащих углах заготовки — 40 экз., а к восьмому — 2 экз. двойных клювовидных резцов на противолежащих углах заготовки.

Срединных резцов в коллекции насчитывается 444 экз. К ним мы относим такие орудия, у которых лезвие, образованное резцовыми сколами, располагается по центральной продольной оси заготовки или слабо смещено в ту или иную сторону. В большинстве случаев они многофасеточные. Такие резцы изготовлялись как на целых, так и на сломанных пластинах. Сюда же мы относим и полиэдрические резцы.

Срединные резцы Хотылевской стоянки нами расчленены на шесть подтипов. К первому из них относятся срединные резцы на концах нерасчлененных заготовок — 90 экз. Ко второму подтипу относятся срединные резцы на пластинах с изломами — 286 экз. К третьему подтипу относятся срединные резцы на нерасчлененной пластине с одним подретушированным резцовым снятием — 33 экз. К четвертому подтипу относятся срединные резцы на целых или сломанных пластинах с двумя подретушированными резцовыми снятиями (краями) — 6 экз. Эти резцы напоминают концевые острия, но имеют хорошо выраженный резцовый угол. К пятому подтипу относятся двойные срединные резцы, в том числе многофасеточные и полиэдрические — 28 экз. И к шестому подтипу относятся двойные срединные резцы, у которых на том или ином рабочем крае один резцовый скол подретуширован,— 1 экз.

Поперечно-ретушных резцов в коллекции всего 10 экз. Они расчленяются на два подтипа. К первому относятся резцы с прямым поперечно-ретушированным краем — 7 экз., ко второму — с поперечно-ретушированной выемкой — 3 экз.

Двойных комбинированных резцов насчитывается 172 экз. По сочетанию рабочих концов они распределены на 13 подтипов.

К первому подтипу относятся резцы, у которых на одном конце заготовки резцовое лезвие расположено на углу сломанной пластины, а на другом конце — боковой резец с ретушированной или неретушированной спинкой,— 53 экз. Ко второму подтипу относятся резцы, у которых на обоих углах поперечного излома пластины имеется по резцовому сколу, а на другом конце пластины — боковой резец,— 22 экз. К третьему подтипу относятся изделия с таким сочетанием: на одном конце угловой резец, на другом боковой резец клювовидного типа — 2 экз. К четвертому подтипу относится сочетание углового резца на одном конце сломанной пластины и срединного резца на другом конце — 14 экз. Пятый подтип формируют изделия, у которых на одном конце два резцовых лезвия по углам сломанной пластины, а на другом конце срединный резец,— 9 экз. К шестому подтипу отнесены резцы в комбинации: на одном конце боковой, а на другом срединный — 33 экз. К седьмому подтипу отнесены орудия, у которых на одном конце заготовки имеется боковой резец, а на другом — резец с торцевой ретушью,— 11 экз. К восьмому подтипу относятся резцы, лезвия которых расположены на двух углах по слому пластины, а на противоположном конце заготовки — поперечно-ретушный резец,— 2 экз. На двух экземплярах прослеживается сочетание бокового резца на одном конце пластины с поперечно-ретушным резцом на другом конце — это девятый подтип. К десятому подтипу отнесены изделия с боковым резцом на одном конце заготовки и клювовидным резцом на другом конце заготовки — 9 экз. Одиннадцатый подтип формируют изделия с комбинацией из срединного резца на одном конце заготовки и бокового с торцово-удлиненной ретушью на другом конце — 12 экз. К двенадцатому подтипу отнесены резцы с сочетанием углового на одном конце сломанной пластины и резцового лезвия с торцово-удлиненной ретушью — 2 экз. И у единственного экземпляра на обоих концах имеются боковые косоретушные резцы с противолежащим направлением краевых сколов — это тринадцатый подтип.

Скребки (рис. 3) Их насчитывается в коллекции 798 экз. По своему количеству они среди орудий занимают третье место. За исключением нескольких экземпляров, все они изготовлены на пластинчатых заготовках, иногда на сломанных. Имеются скребки на концах треугольных пластин, напоминающих мустьерские, но большей частью на правильных ножевидных пластинах. Коллекция скребков расчленена условно на 19 подгрупп, из них 10 подгрупп составляют однолезвийные орудия и 9 — двойные.

К первой подгруппе относятся скребки с правильным дугообразным лезвием. Среди них имеются скребки с крутым, навесным и косоуплощенным рабочим краем Некоторые скребки имеют ладьевидную форму. В эту подгруппу включено 425 скребков, среди которых только 4 экз. на отщепах, все остальные изготовлены на пластинах.

Ко второй подгруппе отнесены скребки с выпрямленным или близким к прямому рабочим краем (с настоящим прямым рабочим лезвием скребков нет). Рабочее лезвие у них оформлено крутой или уплощенной ретушью. Таких скребков в коллекции 29 экз.

Скребки с вогнутым рабочим краем (26 экз.) отнесены к третьей подгруппе. Четвертую подгруппу формируют скребки с выпуклым скошенным вправо или влево лезвием (94 экз.) Семь скребков с угловатым рабочим лезвием составляют пятую подгруппу. Шестую подгруппу составляют скребки с выпрямленным рабочим лезвием на правом или левом углу пластины — 14 экз. К седьмой подгруппе относятся скребки с филенчатым или геометрическим рабочим краем —

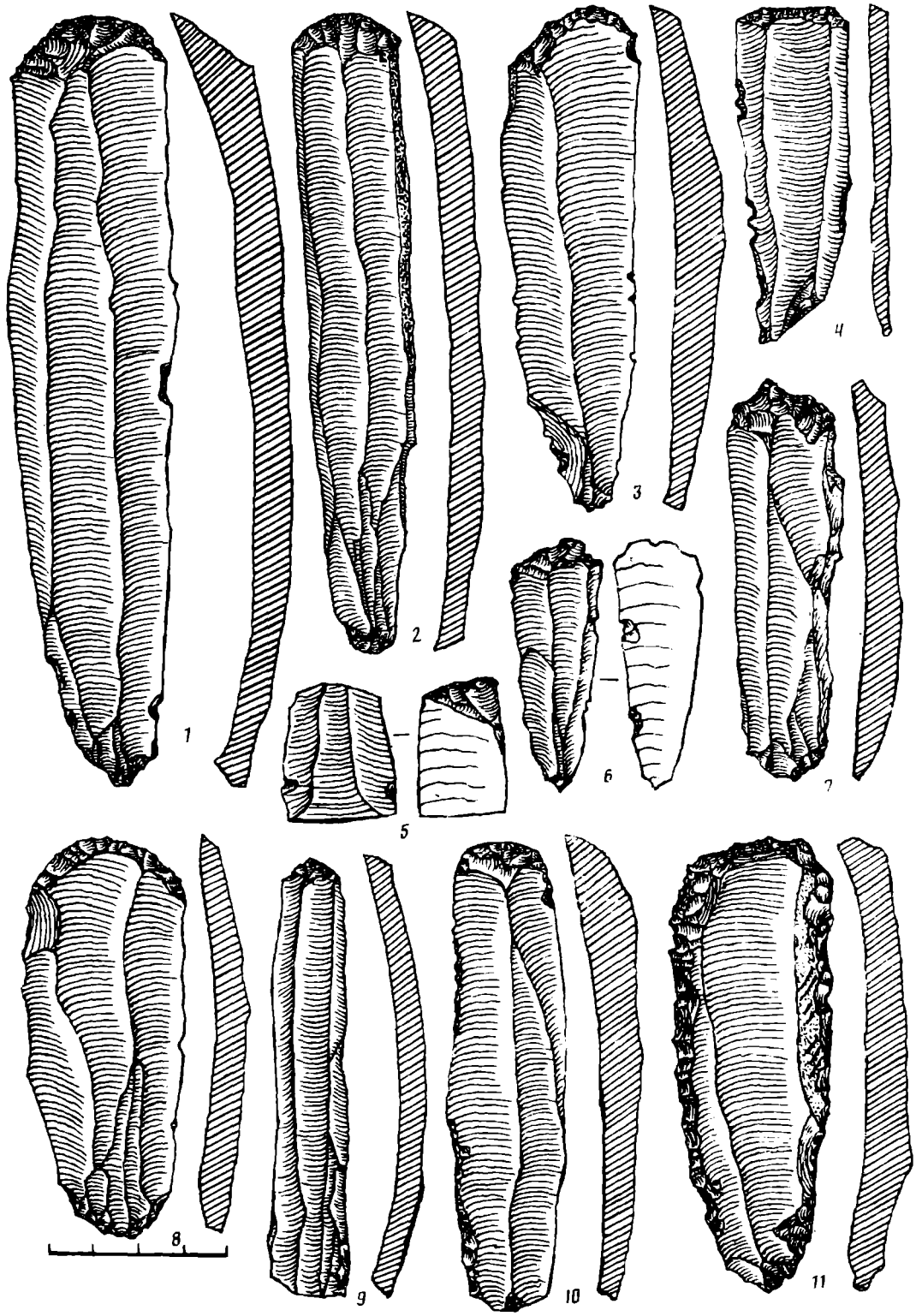


Рис. 3. Хотылевская стоянка. Скребки. *1, 2, 8* — с округлым лезвием; *3* — со скошенным лезвием; *4* — с выпрямленным лезвием; *5* — с выпрямленным лезвием, обработанным со стороны брюшка; *6, 7* — с мысиками; *9* — с остроугольным рабочим краем; *10* — ладьевидный; *11* — с фигурным лезвием и грубой ретушью на боковых краях пластинки

31 экз. Скребки с угловатым, иногда слегка скругленным рабочим лезвием, расположенным по центральной оси заготовки (37 экз.), мы относим к восьмой подгруппе. Девятую подгруппу составляют скребки с остроугольным или скругленным мысиком в центральной части рабочего края — 20 экз. К десятой подгруппе относятся скребки с рабочим лезвием на диагональном сломе — 4 экз. Семь двойных скребков с дугообразными лезвиями, расположенными на противоположных концах пластин, составляют одиннадцатую подгруппу. В двенадцатую подгруппу входят двойные скребки, у которых одно лезвие выпуклое, второе, расположенное на противоположном конце, угловатое,— 2 экз. К тринадцатой подгруппе отнесен 1 экз. двойного скребка, у которого одно лезвие выпуклое, второе прямое. К четырнадцатой подгруппе относятся двойные скребки, у которых на одном конце округлый рабочий край, на другом филенчатый,— 3 экз. Пятнадцатая подгруппа: один двойной скребок, у которого одно лезвие округлое, а второе с оформленным мысиком. К шестнадцатой подгруппе относятся два скребка, у которых одно лезвие выпуклое боковое, а второе фигурное. В семнадцатую подгруппу выделен один скребок, у которого одно рабочее лезвие выпуклое дугообразное, а второе вогнутое. Имеется один скребок, у которого одно лезвие прямое скошенное, а второе вогнутое,— это восемнадцатая подгруппа. И наконец, 1 экз. двойного скребка, у которого на одном конце округлый рабочий край, скошенный вбок, а на другом конце вогнутое лезвие,— девятнадцатая подгруппа.

Пластины с ретушью (рис. 4, 5). Их насчитывается в коллекции 339 экз. К этой группе орудий мы относим как целые, так и расчлененные пластины, имеющие по краям полную или частичную ретушь. Эти изделия мы распределяем на шесть подгрупп.

К первой подгруппе относятся нерасчлененные пластины с полной, частичной, прерывистой и выемчатой ретушью по одному или обоим краям, их 34 экз. Во вторую подгруппу отнесены пластины с такой же обработкой краев, но с поперечными изломами — 126 экз. Третья подгруппа: 96 экз. пластин с одним поперечным изломом и с такой же обработкой краев. В четвертую подгруппу выделена одна пластина с противоположной ретушью. К пятой подгруппе отнесено 70 экз. пластин со скошенной угловатой ретушью. Они могут быть расчлененными или нет, с заостряющей или притупливающей ретушью. Иногда такие пластины с притупливающим обушком напоминают костенковские резаки [2, рис. 46, *1*] К шестой подгруппе относятся пластинки с приостренными краями и поперечной выемчатой ретушью на конце (рис. 4). Это типичные ножи костенковского типа — 12 экз. Некоторые имеют полную сохранность. Надо полагать, такие ножи у хотылевских позднепалеолитических охотников не были редкими и играли важную роль.

Проколки (рис. 6). Их в коллекции насчитывается 35 экз. Надо отметить, что они типологически выражены недостаточно четко. Все инструменты этого типа имеют выделенное со стороны спинки жальце. Типологическая нечеткость объясняется, вероятно, тем, что большинство отверстий на костяных изделиях не просверливалось, а прорезалось.

Пластинки с притупленной спинкой (рис. 7). Их собрано 876 экз. По количеству они занимают второе место среди орудий. По технике нанесения притупляющей ретуши они несколько различаются между собой. У одних пластинок ретушь наносилась с края только одной плоскости параллельными удлиненными фасетками, а края выравнивались мелкой краевой ретушью с обеих плоскостей. У других изделий срезающая ретушь нанесена только с одной плоскости и следов выравнивания с противоположной плоскости нет. Имеются орудия, у которых срезающая ретушь наполовину с одной плоскости, наполовину с другой. Преобладает встречная ретушь. В большинстве случаев притупливающая ретушь наносилась со стороны брюшка.

Судя по формам и технике обработки, эти изделия предназначались для различных целей. Мы выделяем в коллекции девять подгрупп.

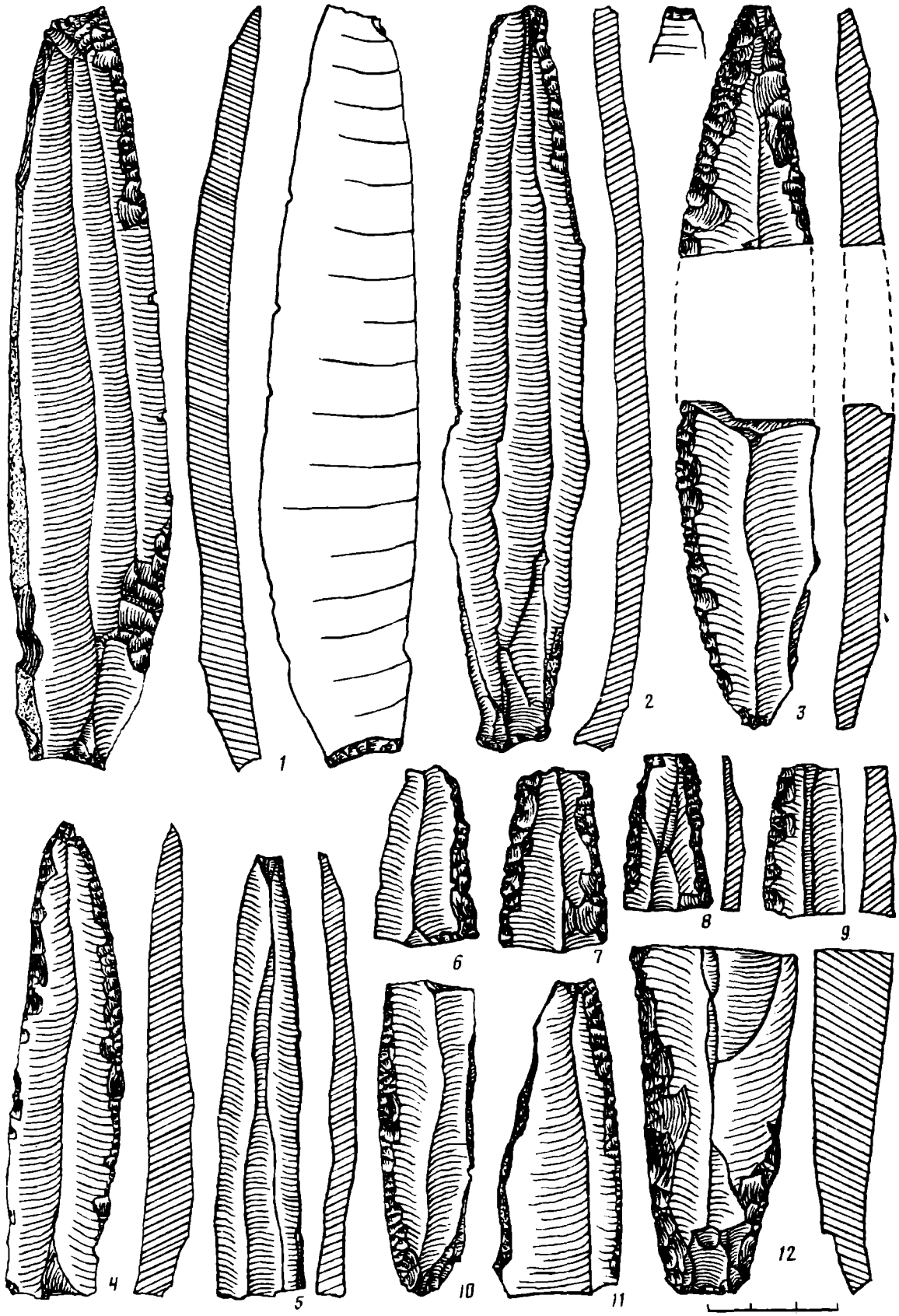


Рис. 4. Хотылевская стоянка. Ножи костенковского типа

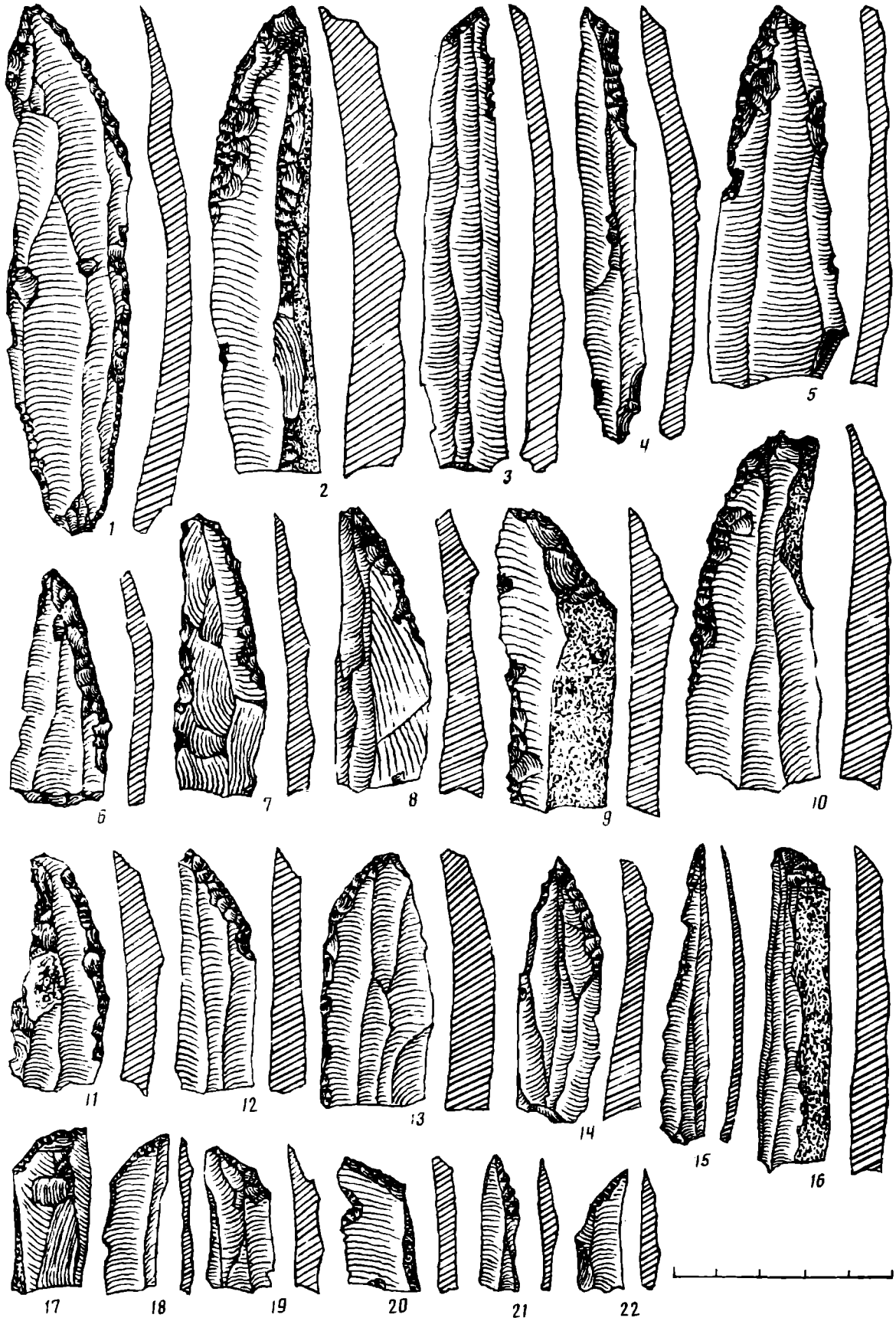


Рис. 5. Хотылевская стоянка. Пластины со скошенной ретушью

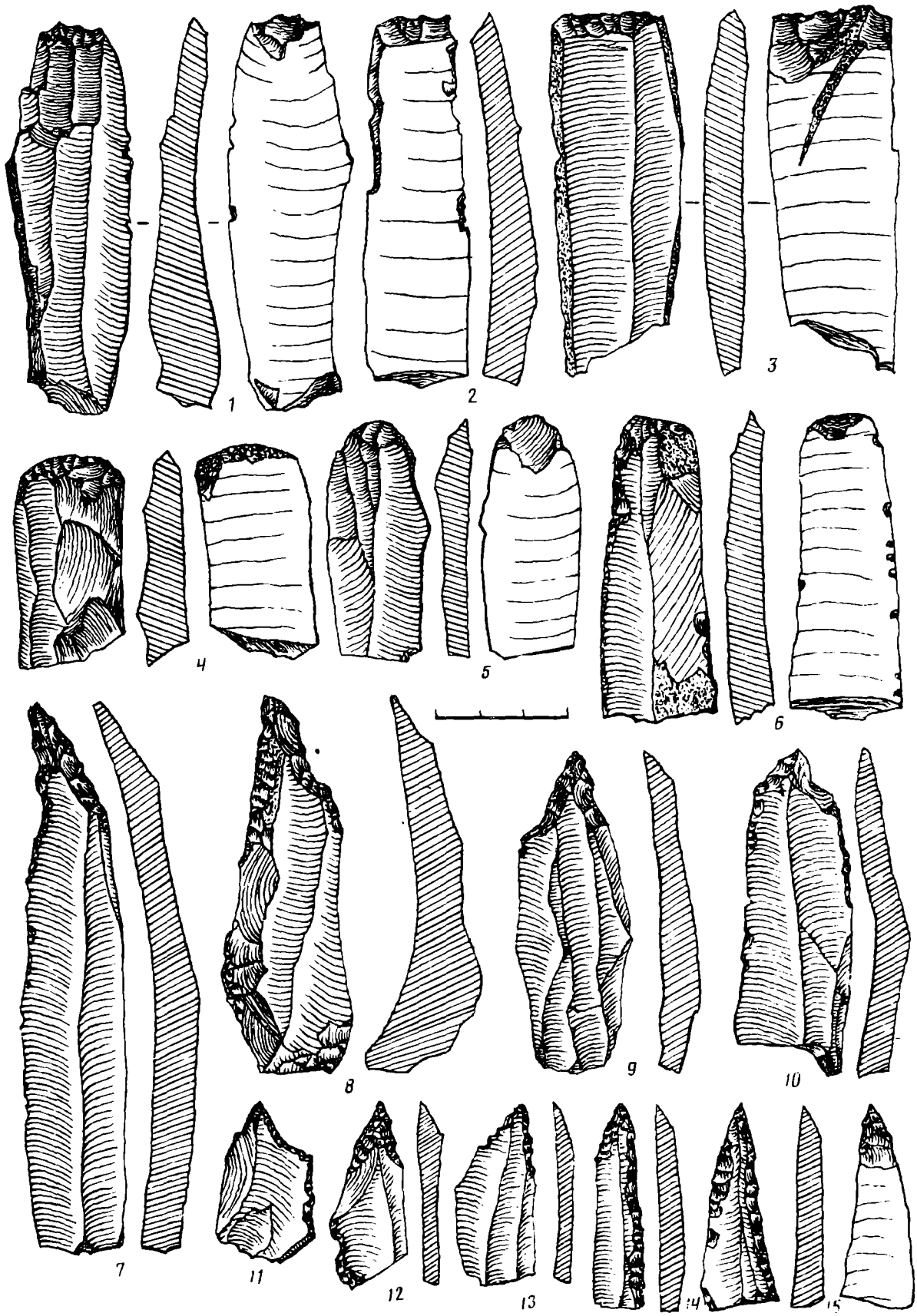


Рис. 6. Хотылевская стоянка. *1 — 6* — пластины с двусторонней подтеской на одном обломанном конце; *7 — 15* — орудия типа проколок

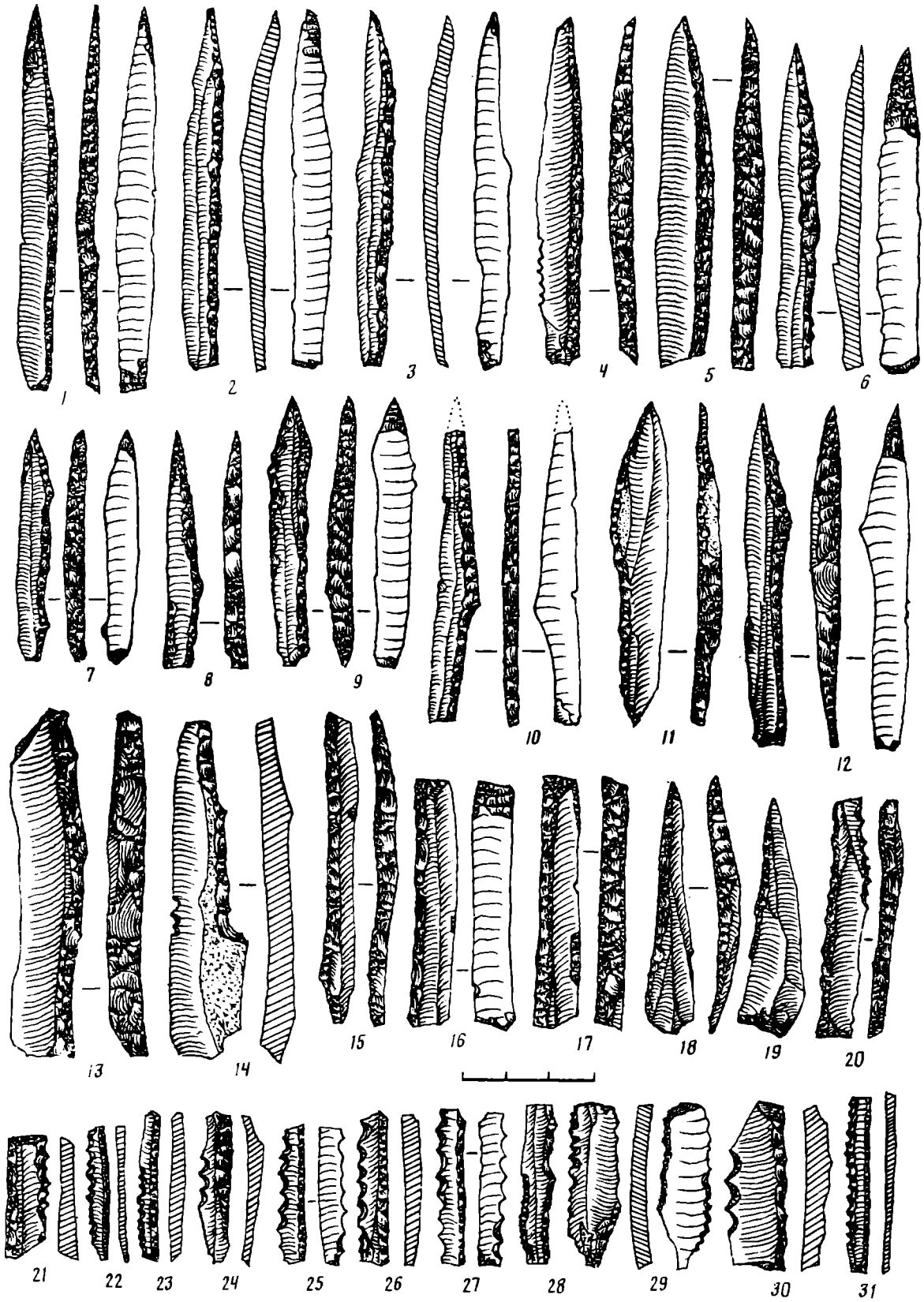


Рис. 7 Хотылевская стоянка. Пластины с притупленными спинками. *1 — 6* — острия ориньякского типа; *7—12* — наконечники с боковыми выемками; *13, 15* — пластины с притупленными спинками; *14* — с частично притупленной спинкой; *16, 17* — с притупленной спинкой и скребковидным лезвием; *18, 19* — острия; *20* — комбинированное орудие на пластине с притупленной спинкой; *21—31* — орудия с зубчатыми краями типа пилок (*21—28, 31* — на микропластинках)

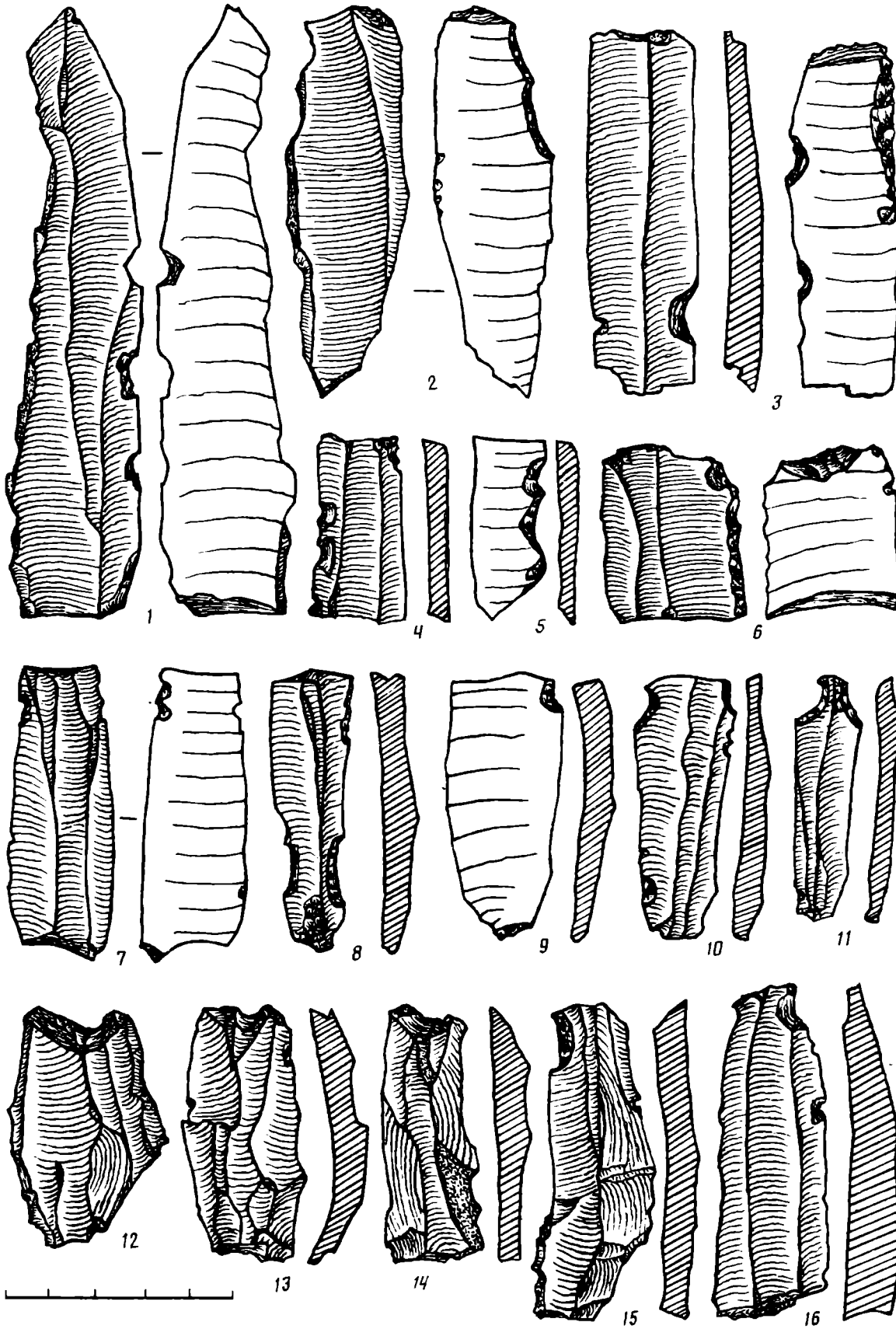


Рис. 8. Хотылевская стоянка. Пластины с фасетированными выемками и выбоинками

К первой подгруппе относятся пластинки с притупленной спинкой на заготовках с двумя поперечными изломами — 371 экз. Во вторую подгруппу отнесены пластинки с притупленной спинкой на заготовках с одним поперечным изломом — 51 экз. К третьей подгруппе относятся пластинки с притупливающей ретушью и на концах — 190 экз. Четвертую подгруппу составляют пластинки с частично притупленным краем на заготовках с поперечными изломами — 95 экз. К пятой подгруппе относятся пластинки с притупленной спинкой и одним или двумя поперечными лезвиями на концах — 114 экз. Шестую подгруппу составляют пластинки, имеющие выемчатую или вогнуто-выпуклую притупленную спинку,— 14 экз. Седьмую подгруппу составляют изделия на заготовках с поперечными изломами в комбинации с фасетированными выемками — 18 экз. К восьмой подгруппе относятся пластинки с притупленным краем, у которых на другой стороне зубчатая или пильчатая ретушь,— 9 экз. Девятую составляют 6 экз. на заготовках с двумя изломами и одним подтесанным концом со стороны брюшка.

Из этой серии мы выделяем орудия, известные как наконечники с боковой выемкой и острия ориньякского типа.

Наконечников с боковой выемкой 24 экз. Наиболее крупные из них достигают 7,5 см, самые мелкие — 4 см. Почти у всех со стороны брюшка следы приострения кончика острия и кромки режущего края. У отдельных экземпляров длина приострения кончика доходит до 1,5—2 см.

Целых ориньякских острий, т. е. пластинок типа лезвия перочинного ножа с дугообразным краем, 12 экз. Длина наиболее крупных 8,5 см, мелких 3,5—4 см.

Пластинки с фасетированными выемками и выбоинками (рис. 8). Их в коллекции 483 экз По общему количеству они занимают четвертое место среди орудий. Они изготовлены как на целых, так и на расчлененных заготовках. По количеству выемок и выбоин и по их комбинациям выделено 19 подгрупп.

Первая подгруппа — 247 экз.— с одной фасетированной выемкой или выбоиной вторая подгруппа — 68 экз.— с фасетированными выемками или выбоинками, образующими один или несколько зубчиков; третья подгруппа — 46 экз.— с двумя или более фасетированными выемками по одному краю; четвертая подгруппа — 20 экз.— с тремя или более фасетированными выемками на обоих краях: пятая подгруппа — 17 экз.— с симметрично расположенными по обоим краям выемками; шестая подгруппа — 15 экз.— с фасетированными противолежащими выемками или выбоинками; седьмая подгруппа — 118 экз.— с фасетированными выемками или выбоинками на углах слома заготовки — резаки или своеобразные резцы; восьмая группа — 14 экз., фасетированная выемка на поперечном изломе; девятая подгруппа — 22 экз.— с фасетированными выемками на отщепах; десятая подгруппа — 8 экз., фасетированные выемки расположены на обоих углах поперечного слома пластины; одиннадцатая подгруппа — 14 экз., сочетание фасетированной выемки на углу слома с выемками по краям; двенадцатая подгруппа — 4 экз., сочетание зубчатых выемок с фасетированными выемками по краям; тринадцатая подгруппа — 3 экз., на одном краю зубчатые выемки, на другом фасетированные или по обоим краям зубчатые выемки, расположенные друг против друга; четырнадцатая подгруппа — 8 экз., зубчатые фасетированные выемки на углу слома; пятнадцатая подгруппа — 3 экз., на одном углу слома фасетированная выемка и на одном краю зубчатая фасетированная выемка; шестнадцатая подгруппа — 2 экз., сочетание зубчатых фасетированных выемок на углу слома и на краю; семнадцатая подгруппа — 1 экз., сочетание зубчатой и фасетированной выемки на краю; восемнадцатая подгруппа — 1 экз., две зубчатые фасетированные выемки на одном краю; девятнадцатая подгруппа — 3 экз., по две зубчатых и фасетированных выемки, расположенных на обоих краях заготовки, иногда на поперечном сломе и на противоположном конце.

У большинства орудий фасетированные выемки и выбоинки очень неболь-

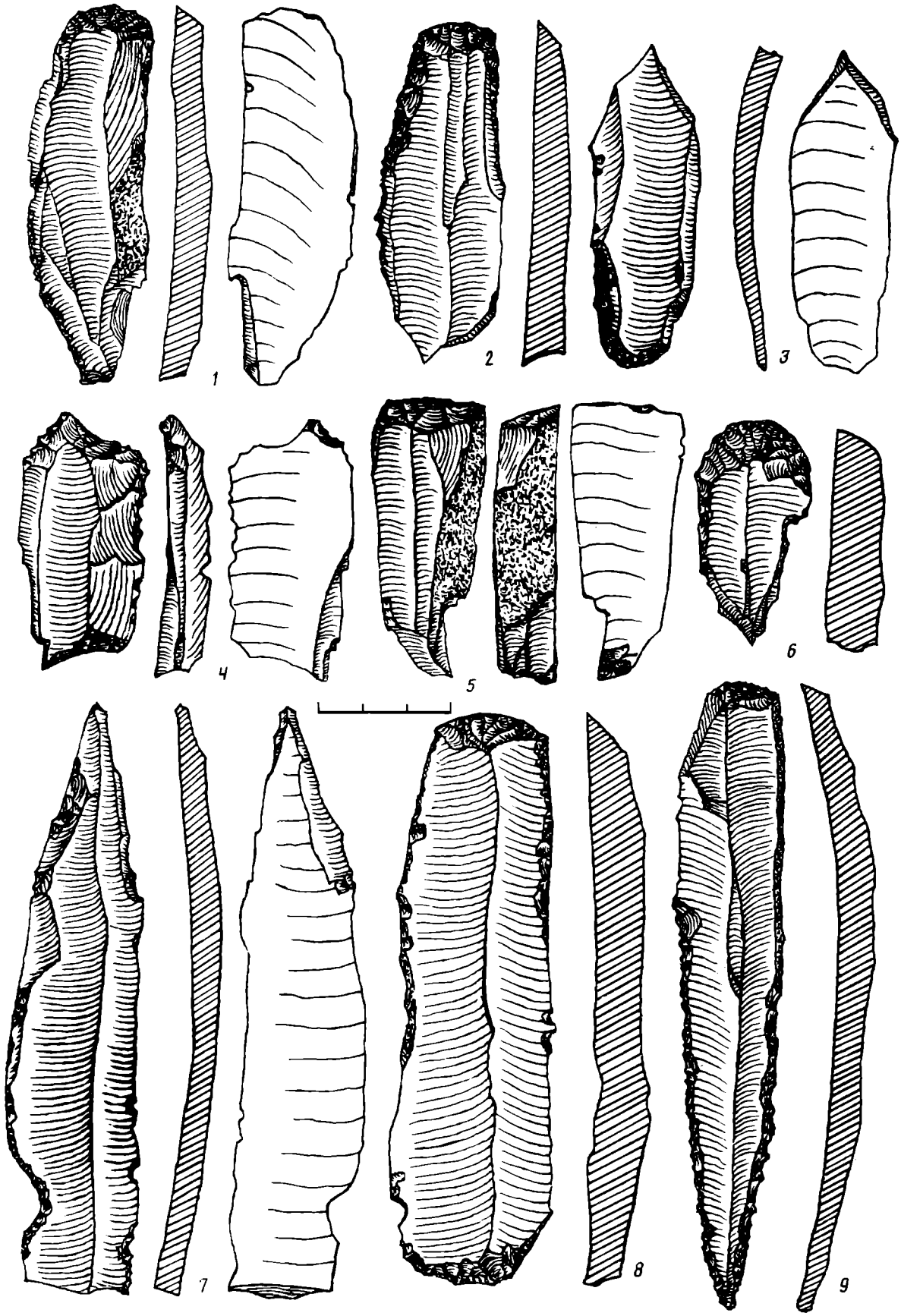


Рис. 9. Хотылевская стоянка. Комбинированные орудия. *1—6* — скребки-резцы различных типов; *7* — серединный резец в комбинации с фасетированными выемками и выбоинками; *8* — двойной скребок в комбинации с частичной ретушью и выбоинками; *9* — скребок в комбинации с острием и проколкой

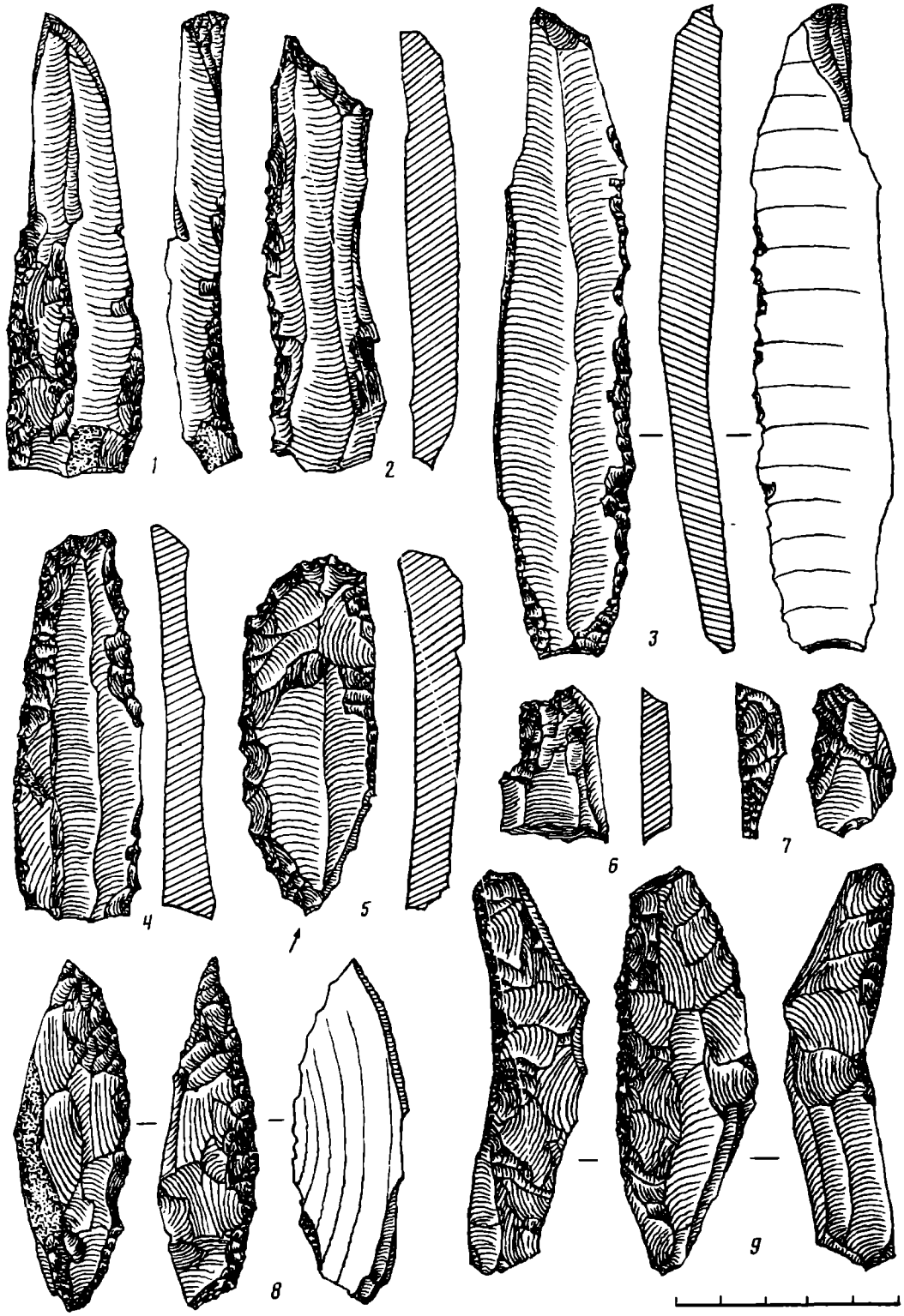


Рис. 10. Хотылевская стоянка. Комбинированные и скребловидные орудия. *1* — резец с продольно-торцевой ретушью в комбинации с крутой ретушью по обоим краям заготовки; *2* — боковой резец с косо-ретушной спинкой в комбинации с односторонней ретушью по краю заготовки; *3* — многофасеточный резец с продольно-торцевой ретушью в комбинации с ретушью, формующей листовидное острие; *4* — боковой скребок в комбинации с крутой ретушью по краям заготовки; *5* — боковой скребок с остроугольным мысиком на одном конце и боковой резец с грубой зубчатой ретушью на другом; *6* — клювовидное орудие в виде бокового остроугольного скребка; *7* — *9* — скребловидные орудия

шие, иногда миниатюрные. Длина их и глубина всего лишь несколько миллиметров, но не более 0,6 см. У мелких выемок ретушь крутая. Но имеются изделия с глубокими и широкими выемками, обработанными более плоской ретушью. Аналогичные орудия с фасетированными выемками (анкошами) встречены в местных мустьерских памятниках [3, табл. XVI] Складывается впечатление, что этот тип орудий с мустьерских заготовок на отщепах перенесен на пластинчатую верхнепалеолитическую основу. Видимо, это объясняется производственной необходимостью.

Комбинированные орудия (рис. 9, 10). Их в коллекции 308 экз. Мы их разделили на 13 подгрупп.

К первой подгруппе относятся резцы разных типов в сочетании со скребками — 120 экз. Во вторую подгруппу входят резцы в комбинации с ретушированными боковыми краями с частичной или прерывистой ретушью — 17 экз. К третьей подгруппе отнесены орудия, у которых на одном конце резец, а продольный край имеет сплошную ретушь,— 26 экз. К четвертой подгруппе отнесены орудия, у которых на одном конце резец того или иного типа, а продольные края полностью ретушированы,— 16 экз. Иногда ретушью на другом конце сформировано острие. Имеются случаи противолежащей ретуши. Пятая подгруппа — 3 экз., резцы на обоих концах, а один продольный край имеет скребловидное лезвие. Шестая подгруппа — 11 экз., резцы на обоих концах, одна сторона имеет притупленную спинку. Седьмая подгруппа — 42 экз., на обоих концах резцы, боковые стороны имеют фасетированные выемки. Восьмая подгруппа — 21 экз., на одном конце скребок того или иного типа, на боковых сторонах частичная или прерывистая ретушь. Девятая подгруппа — 19 экз., на одном конце скребок того или иного типа, на одном продольном краю сплошная ретушь, иногда с частичным переходом на другой край. Десятая подгруппа — 12 экз., скребок концевой в сочетании с обоими ретушированными краями. Одиннадцатая подгруппа — 15 экз., концевой скребок в сочетании с фасетированными выемками по продольным краям. К двенадцатой подгруппе отнесены орудия, у которых по концам заготовки расположены лезвия скребков и резцов, а продольные края сплошь ретушированы,— 1 экз. Тринадцатую подгруппу составляют орудия, у которых на заготовках боковая ретушь сочетается с фасетированными выемками,— 21 экз.

Скребла (рис. 10). В коллекции насчитывается всего 10 экз. орудий, которые условно могут быть охарактеризованы как скребла. Восемь из них на пластинчатых заготовках, два на отщепах. На пластинах они имеют слабовыпуклые и прямые рабочие края. Одно скребло на отщепе имеет выпуклое лезвие, другое прямое. Малое количество и типологическая невыраженность скребел указывает на то, что они вытеснены скорее всего скребками как более удобными инструментами.

Орудия с подтесанными концами (рис. 6) — 16 экз. Все они изготовлены на пластинчатых заготовках. У некоторых орудий конец подтесан только с одной какой-либо стороны, у других подтеска наносилась и со стороны спинки, и с брюшка одновременно. Такие орудия, по-видимому, выполняли роль стамесок и долот. В Хотылево подтеска, как правило, имеется только на одном конце. Мы их сопоставляем с ножами и стамесками костенковско-авдеевской культуры [2, с. 231, 282; 4, рис. 52, 96—4] Но, пожалуй, ближе они к гагаринским орудиям [5, рис. 50, 16—19]

Микроорудия, (рис. 7) Их в коллекции насчитывается 66 экз. Длина их колеблется от 1,5 до 5 см, ширина — от 2 до 44 мм. По форме они повторяют крупные изделия, поэтому на их подробном описании не останавливаемся. Следует только отметить, что в жизни хотылевских людей микроорудия играли значительную роль и их было больше, чем сохранилось в культурном слое.

Нуклевидные орудия — 22 экз. Это довольно массивные и грубо обработанные орудия, не образующие определенных типологических групп, за исключением отбойников и ретушеров. В основном это массивные долотовидные,

скребловидные, дисковидные, клювовидные и клиновидные орудия. Подобные орудия имеются в местных мустьерских памятниках, и их можно рассматривать как пережиточные.

Помимо описанных орудий в коллекции имеются орудия других типов — 31 экз., но они представлены единичными экземплярами и, вероятно, являются случайными.

Итак, подводя итоги рассмотрения каменных орудий из Хотылева II с учетом статистических данных по типологии и морфологии, можно говорить о своеобразном характере инвентаря этого во многом уникального памятника, не имеющего прямых аналогий.

На архаичность комплекса в пределах верхнего палеолита указывает то, что в основе инвентаря лежит крупная правильная ножевидная пластина, присутствуют пережиточные мустьероидные формы, высокий процент двойных и комбинированных орудий, наличие орудий с архаичной ретушью типа противолежащей, зубчатой, занозистой, высокий процент орудий с фасетированными выемками, большое количество крупных всевозможных резцов, в том числе и полиэдрических. У многих орудий рабочий край оформлен с основания заготовки, у некоторых скребковидных орудий, ножей костенковского типа и стамесок имеется подтеска со стороны брюшка. Нередки случаи, когда в рабочее лезвие переоформлялись ударные площадки, а также использовались треугольные пластины мустьерского облика. В наборе инвентаря имеются орудия, типичные для ориньяка. Это резцы с продольно-ретушированной спинкой, резцы, близкие к типу бюске, ладьевидные и килевидные скребки, скребки с мысиком, резцы и скребки с ретушированными боковыми краями, типичные ориньякские острия, микроорудия и др.

По формам и технике обработки кремневый инвентарь Хотылево II имеет некоторое общее сходство с такими памятниками, как верхний слой Костенок 1, Костенки 4, а также Гагарино и Авдеево [2, 5—7] При детальном сопоставлении наибольшее сходство прослеживается с материалами из Гагарино. Различия между хотылевскими и гагаринскими заключаются в размерах заготовок. Но это может найти объяснение в отсутствии на Дону крупного плитчатого кремня, а также, может быть, и разницей в возрасте. Главным отличием инвентаря Хотылево II и Гагарино от костенковско-авдеевских стоянок является отсутствие крупных наконечников с боковой выемкой с плоской солютрейской ретушью. В Гагаринской стоянке встречены только миниатюрные наконечники с боковой выемкой; в Хотылево II кроме миниатюрных имеются наконечники средних размеров, причем двух типов и, по моему мнению, более близкие к костенковско-авдеевским, хотя по ширине и технике обработки они несколько отличны.

В Хотылево II и Гагарино имеются орудия с подтесанными концами, типа стамесок и долот, но они немногочисленны и значительно отличаются от костенковско-авдеевских. Хотылевские и гагаринские стамески ближе друг к другу.

Несмотря на некоторую общую близость кремневого инвентаря Хотылево II к гагаринскому, следует отметить, что в Гагарино отсутствуют некоторые ранние формы, типичные для Хотылева II. Там нет типичных ориньякских острий, пластин с правильными выемчатыми краями, скребел на пластинах, скребков с круговой ретушью, заостренных и комбинированных орудий. Это лишний раз указывает на ранний возраст Хотылево II и на своеобразие хотылевского инвентаря.

Из деснинских памятников Хотылево II ближе всего к Пушкарям I [7—9] Здесь, как и в Хотылево II, обнаружены мощные скопления очажной массы, собрана огромная коллекция нуклеусов, всевозможных пластинчатых заготовок и орудий. Основу пушкаревского инвентаря составляет серия изделий с притупленным краем, распадающаяся на группу пластинок с притупленным краем и группу острий [11]. То же самое прослеживается и в хотылевском инвентаре,

хотя и с определенным отличием. В Хотылево II более четкие типологические формы, имеются тонко обработанные концы со стороны брюшка. В обоих памятниках высок процент резцов на углу сломанной пластины. Имеется сходство и по другим группам орудий.

Определенное технико-морфологическое сходство хотылевский инвентарь обнаруживает и с более отдаленными памятниками, например с седьмым слоем Молодовы 5 на Днестре [11]

Некоторое общее сходство кремневого инвентаря Хотылево II прослеживается с ранними позднепалеолитическими памятниками Центральной Европы, такими как Павлов в Чехословакии [12, 13], Виллендорф в Австрии [14], а также с Ориньяком [12] и Ла Граветт [15] Перечисленные памятники близки и по радиоуглеродным датировкам.

Несмотря на большое своеобразие кремневого инвентаря Хотылево II, как и всей материальной культуры, мы считаем, что эта стоянка является одной из наиболее ранних в пределах позднего палеолита бассейна р. Десны и может быть связана с кругом костенковско-павловско-виллендорфской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Обермайер Г* Доисторический человек. СПб., 1913.
2. *Ефименко П. П.* Костенки 1 М.; Л., 1958.
3. *Заверняев Ф М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л., 1978.
4. *Гвоздовер М. Д.* Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК АН СССР 1961. Вып. 82.
5. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
6. *Рогачев А. Н* Костенки IV Поселение каменного века на Дону // МИА. 1955. № 45.
7. *Воеводский М. В., Алихова-Воеводская А. А.* Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
8. *Борисковский П. И.* Некоторые многослойные памятники бассейна р. Десны // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI
9. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины // МИА. 1955. № 4.
10. *Грехова Л. В.* Поздний палеолит бассейна средней Десны. Природа и развитие первобытного общества. М., 1963
11. Палеолит СССР М., 1984.
12. *Григорьев Г П* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
13. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
14. *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы // СА. 1959. Вып. XXIX—XXX.
15. *Muller-Karpe H* Handbuch der Vorgeschichte. Band Altsteinzeit. München. 1966.

F. M. ZAVERNYAEV

FLINT INDUSTRY OF KHOTYLEVO UPPER PALAEOLITHIC SITE

Summary

A typological and morphological analysis of flint industry from Khotylevo II Upper Palaeolithic site is presented in the article. The collection was formed during ten years of investigations. Eleven cathegories (or series of tools) are outlined. The latter are devided in more or less pronounced groups, which also can be subdivided in minor units. The flint industry like some other materials of the site has very specific character It does not have strict analogies in other Late Palaeolithic sites of the European part of the USSR. The author claimes that some typological and morphological similarities are noticed with the early stage of Kostenki — Villendorf culture, not only in Eastern, but also in Central Europe.

В. К. ПЯСЕЦКИЙ

СРЕДНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЖОРНОВ

Данные о палеолитическом местонахождении Жорнов в Дубновском р-не на Ровенщине, его местоположении, топографии, стратиграфии и детальные сведения о верхнем культурном слое уже опубликованы [1]

Напомним лишь, что все культурные слои местонахождения датируются дофиновским (паудорфским) временем. Ниже будет идти речь о среднем культурном слое (IIA) и о некоторых находках из пункта 2 местонахождения.

Культурный слой IIA в раскопе 1, площадь которого 200 м^2, в пункте 4 лежит на глубине 4,1—4,3 м от условной нулевой точки на современной поверхности. Он отделен от верхнего культурного слоя прослоем супеси мощностью от 5 до 20 см, а от нижнего, мустьерского слоя — супесью мощностью до 20—60 см. Средний культурный слой приурочен к прослою, в котором на всей площади раскопа зафиксировано большое количество древесных углей. Мощность этого прослоя не превышает 5—15 см. Древесный уголь несколько переотложен в результате размыва в древности. Прослежено, что размыв шел с северо-северо-востока на юг-юго-запад (рис. 1). Лишь в одном месте наблюдался пережженный субстрат, что, может быть, свидетельствует о наличии здесь в древности кострища. Но крайне малочисленные археологические находки на площади раскопа в пункте 4 (всего два орудия со вторичной обработкой и несколько обломков пластин) и большое количество угля скорее говорят о следах лесного пожара. Не исключено, что виновником этого пожара был человек. Древесная растительность во время существования культурного слоя IIA, видимо, охватывала не только долины рек, но и выходила на плато, где фиксируются культурные слои. Это не противоречит палеоботаническим данным, полученным для дофиновского горизонта, с которым сопоставляет паудорф М. Ф. Веклич [2, с. 210] Палинологические анализы свидетельствуют о том, что на территории современной Лесостепи в то время «была хорошо развита лесостепь с богатым разнотравьем и такими древесными породами, как сосна, ель, граб, ольха, дуб, ильм, липа, лещина и др.» [3, с. 164] Это общая характеристика дофиновского времени, конкретный же разрез Жорнова требует уточнения.

Отметим, что на площади раскопа 1 на уровне культурного слоя IIA прослежена в плане псевдоморфоза по ледяной жиле, выполненная суглинком слоя 4 (рис. 1). Эта жила связана с раннеосташковским этапом криогенеза.

В пункте 3 местонахождения стратиграфические условия залегания среднего культурного слоя идентичны тем, что наблюдались в пункте 4. Отличие заключается в том, что здесь выявлено лишь несколько небольших линз переотложенного древесного угля, к уровню которых (как и в пункте 4) приурочен культурный слой. В отличие от пункта 4 в пункте 3 отсутствует верхний культурный слой. Нет здесь и мустьерского культурного слоя.

Наибольшая коллекция артефактов из культурного слоя IIA получена в пункте 3 местонахождения, в раскопе площадью около 12 м^2 Значительная часть культурного слоя здесь разрушена карьером. Судя по планиграфическому положению находок в пункте 3, расщепленный кремень залегал в скоплении

© В. К. Пясецкий, 1991 г.

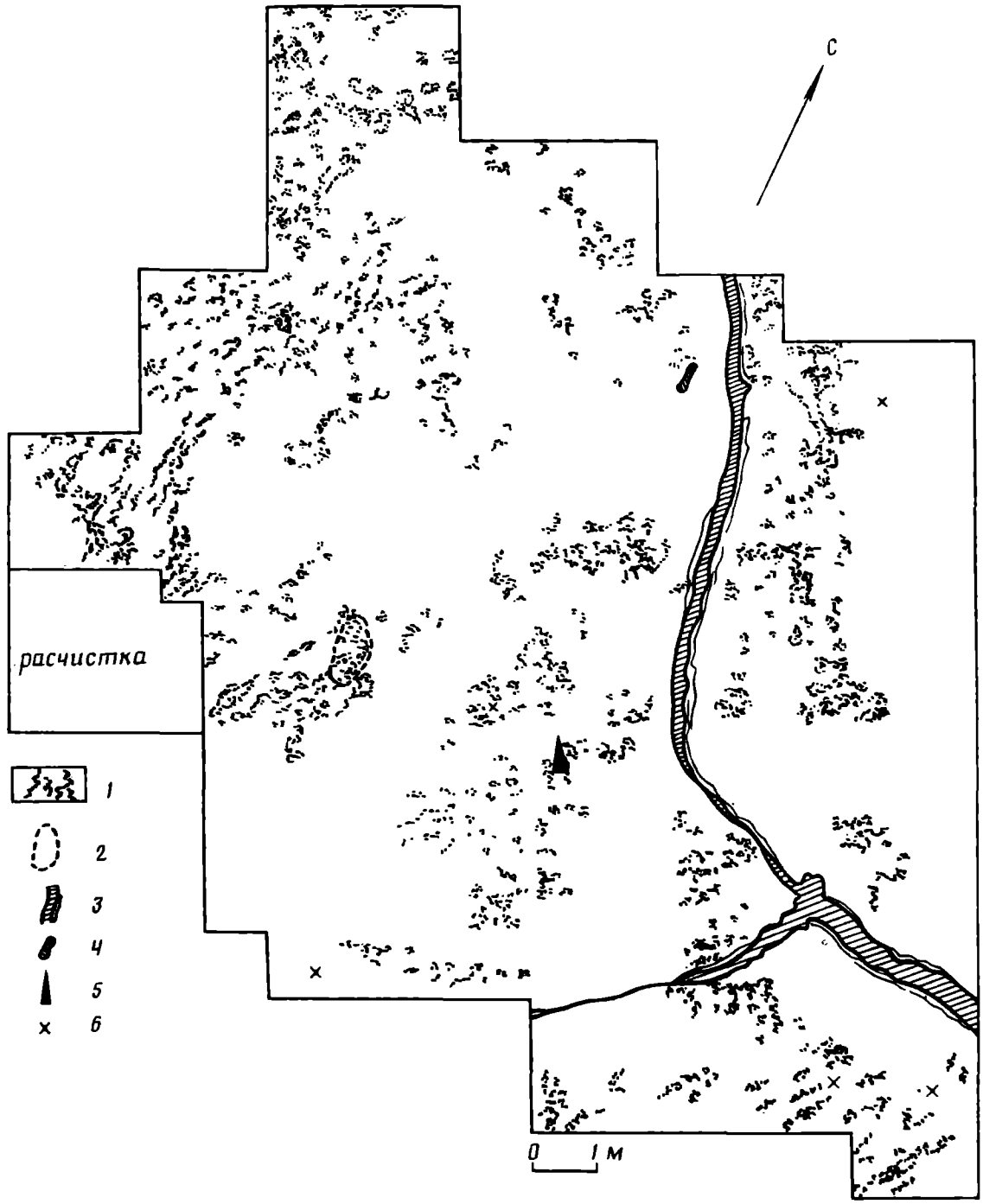


Рис. 1. Палеолитическое местонахождение Жорнов. Пункт 4, раскоп 1. План среднего культурного слоя (IIA). *1* — древесный уголь; *2* — возможные следы кострища; *3* — псевдоморфоза по ледяной жиле; *4* — следы ходов землероев; *5* — граветтское острие; *6* — кремневые пластины

до 5—6 м в диаметре. Здесь где-то находилось и кострище, о чем свидетельствуют обломки кремня со следами действия огня. Находки представлены кремневыми изделиями. Кремень качественный, темно-серый или черный, желваковый, реже — плитчатый, мелового возраста.

Патина на расщепленных кремнях голубоватого цвета. Категории артефактов из пункта 3 представлены в табл. 1.

Жорновское местонахождение находится в районе распространения так называемой липской позднепалеолитической культуры, выделенной Г П. Григорьевым, для которой, по утверждению исследователя, характерны нуклеусы «липского» типа [4, с. 9]

Таблица 1

Кремневые находки из культурного слоя IIA в пункте 3

Кремневые находки	Количество	
	экземпляры	процент
Обломки	39	5,5
Обломки со следами действия огня *	24	
Нуклеусы	21	3,0
одноплощадочные	15	
двухплощадочные	6	
Отщепы	200	28,5
первичные или полупервичные	79	
вторичные	121	
Пластины и пластинки	170	24,2
пластины	102	
пластинки (ширина до 1,2 см)	68	
Пластинчатые снятия, ширина которых менее чем в 2 раза превышает толщину	18	2,6
Продольные массивные сколы с нуклеусов	4	
Реберчатые снятия, в том числе восемь поперечных снятий с нуклеусов	12	1,7
Чешуйки	223	31,8
Орудия со вторичной обработкой	14	2,0
Всего	702	

* В общую сумму не включены.

В коллекции из культурного слоя IIA Жорнова преобладают одноплощадочные нуклеусы, среди которых почти все имеют скошенные ударные площадки (12 экз.). Нуклеусов с площадкой, перпендикулярной рабочей поверхности, 2 экз. Имеется один нуклеус в виде усеченной пирамиды. В группе одноплощадочных больше всего экземпляров с рабочей поверхностью, которая занимает около половины окружности заготовки (рис. 2, *1, 5*), два таких нуклеуса имеют небольшие размеры (рис. 2, *3, 7*) Ударная площадка нуклеусов, как правило, сформирована одним сколом.

Очень характерны одноплощадочные нуклеусы со скошенной площадкой и узкой рабочей поверхностью, изготовленные на уплощенных конкрециях и плитках. Сбоку они имеют подтреугольную форму. Таких нуклеусов 5 экз. (рис. 2, *6, 8, 9, 12*). Прием снятия заготовок на узкой поверхности не случаен, так как имеется нуклеус с узкой рабочей поверхностью, специально уплощенный с одной из боковых сторон (рис. 2, *6*) В случае, если на нуклеусах с узкой рабочей поверхностью ударную площадку не удавалось сформировать одним сколом, снятия с площадок наносились наискось, в направлении от одной уплощенной стороны к другой, так что нуклеус и в этом случае становился косоплощадочным или близким к таковому по отношению к рабочей поверхности (рис. 2, *9, 12*) Среди одноплощадочных выделяется нуклеус, изготовленный из желвака, разбитого вдоль длинной оси. Рабочая поверхность его покрыта в связи с этим укороченными сколами, она тщательно подправлена в той части, что примыкает к ударной площадке (рис. 2, *11*) Этот нуклеус напоминает так называемые нуклеусы-скребки, которые в значительном количестве встречаются на более ранних памятниках данного района.

Почти все двухплощадочные нуклеусы, как и в предыдущих случаях, имеют скошенные ударные площадки. Один из таких нуклеусов имеет смежные рабочие плоскости, примыкающие друг к другу под углом, близким к 90° (рис. 2, *2*). Другой нуклеус уплощен в направлении от рабочей стороны к тыльной. Это, видимо, результат его сработанности (рис. 2, *13*). Как и в группе одноплощадочных, имеются нуклеусы со снятиями на узкой стороне плитчатой заготовки (рис. 2, *10, 14*), причем, как и в первом случае, на одном из нуклеусов одна из

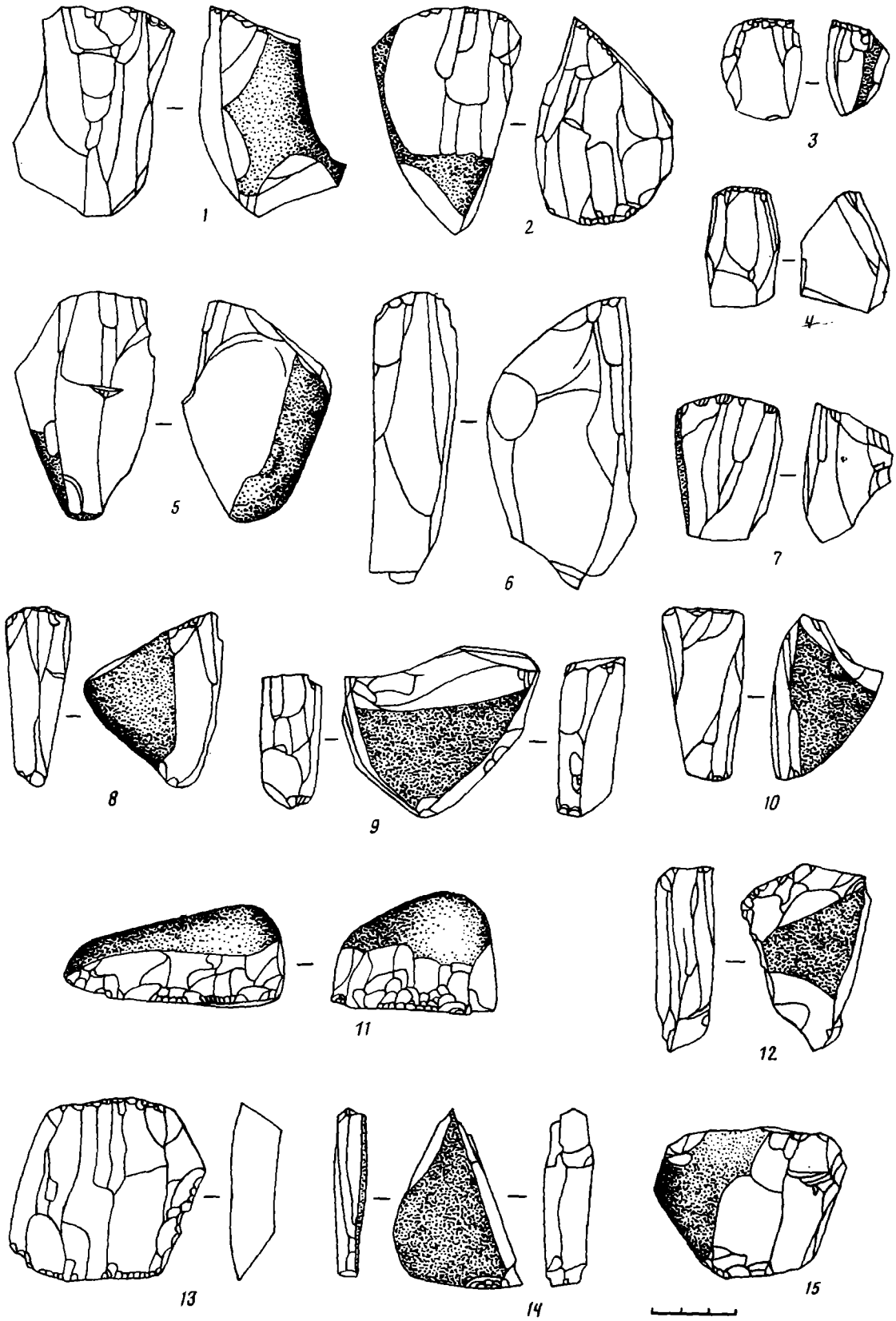


Рис. 2. Жорнов. Нуклеусы среднего культурного слоя из пунктов 3 (*1—3, 5—15*) и 6 (*4*)

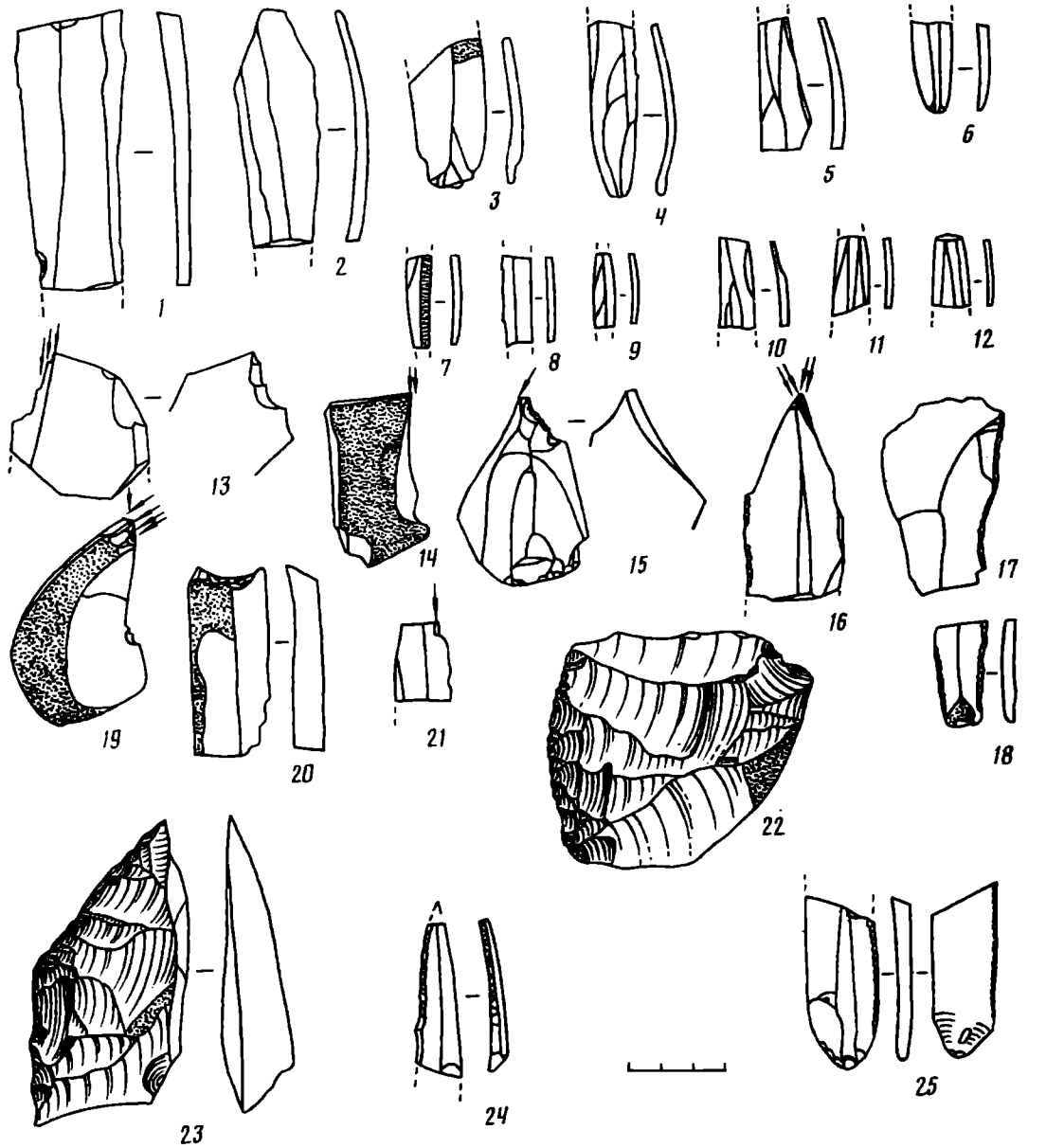


Рис. 3. Жорнов. Кремневые артефакты среднего культурного слоя из пунктов 3 (*1—23*) и 4, раскоп 1 (*24, 25*)

площадок сформирована сколами, нанесенными косо по направлению к боковой плоской стороне, отчего ударная площадка приобретает слабовогнутую форму (рис. 2, *10*). На другом нуклеусе с двумя узкими рабочими сторонами одной из ударной площадок служит дистальный край другой рабочей поверхности. Этот нуклеус напоминает многофасеточный срединный резец, но таковым не является и отличается от резца направлением сколов (рис. 2, *14*).

Как видим, основной особенностью нуклеусов среднего культурного слоя является их полностью установившийся позднепалеолитический облик, наличие в подавляющем большинстве случаев косой ударной площадки. Характерно наличие нуклеусов со снятиями на узкой стороне заготовки (часто — плитчатой). Характерна и своеобразная в некоторых случаях обработка ударных площадок

Таблица 2

Категории кремневых орудий среднего культурного слоя (IIA) в пункте 3 Жорнова

Категория орудий	Количество
Резцы	6
Обломки ножей-скребел	4
Концевой скобель	1
Пластины с ретушью	3
Всего:	14

плитчатых нуклеусов, о чем говорилось выше. Очень характерны и мелкие (видимо, сработанные) нуклеусы (рис. 2, *3, 7*). Нуклеусы «липского» типа, таким образом, в коллекции отсутствуют, хотя они иногда встречаются в значительном количестве в комплексах позднепалеолитических стоянок района [5, с. 147, 151]

Можно предположить, что стоянки с нуклеусами «липского» типа относятся к довольно ранней поре позднего палеолита, но они все же моложе среднего слоя Жорнова. Нельзя согласиться с мнением В. П. Савича, что индустрии с «липскими» нуклеусами относятся к финальной фазе палеолита и к мезолиту [6, с. 127]

Нуклеусы из пункта 3 служили для получения пластинчатых снятий, негативы которых хорошо видны на рабочих поверхностях. Отщепы в основном можно считать отходами производства. Значительное количество первичных и полупервичных отщепов указывает на полный цикл обработки нуклеусов на месте.

Пластины и пластинки в некоторых случаях имеют на одной грани желвачную корку (32 экз. пластин и 18 экз. пластинок). Пластинчатые снятия относительно правильной формы, они достаточно тонкие в сечении. Целые экземпляры отсутствуют (рис. 3, *1—12*) На некоторых из них заметна нерегулярная ретушь утилизации.

Орудия труда с вторичной обработкой со среднего культурного слоя малочисленны (табл. 2).

Низкий процент орудий труда, отсутствие скребков, незавершенность обработки скребел-ножей (их обломки могут составлять, может быть, только два орудия), значительное число нуклеусов — все это может указывать на то, что в пункте 3 находилась мастерская по изготовлению орудий.

Четыре резца изготовлены на пластинах и два — на отщепах. Обычны угловые резцы (рис. 3, *13, 14, 21*). Имеется хороший экземпляр срединного резца с мелкой краевой ретушью на левом крае заготовки (рис. 3, *16*), срединно-боковой резец (рис. 3, *15*). Выделяется многофасеточный резец-бюске (рис. 3, *19*). В отличие от верхнего слоя, где резцы также разнообразны, на резцах из слоя IIA нет боковой, несколько притупляющей ретуши.

Ножи-скребла изготовлены из обломков кремня. Для них характерна приостряющая распространенная ретушь (рис. 3, *22, 23*), чем эти орудия схожи с подобными изделиями из верхнего культурного слоя. Концевой скобель (рис. 3, *20*), возможно, служил заготовкой бокового резца. Ретушированные пластины слоя IIA отличаются от пластин верхнего слоя мелкой краевой ретушью (рис. 3, *17, 18*), так же как пластины без ретуши отличаются от пластин слоя I меньшей шириной и значительно меньшей массивностью, не говоря уже о том, что в верхнем слое практически нет пластинок.

В раскопе 1 в пункте 4 в культурном слое IIA найдены обломок граветтского острия (рис. 3, *24*) и обломок пластины с противолежащей, очень мелкой краевой ретушью (рис. 3, *25*).

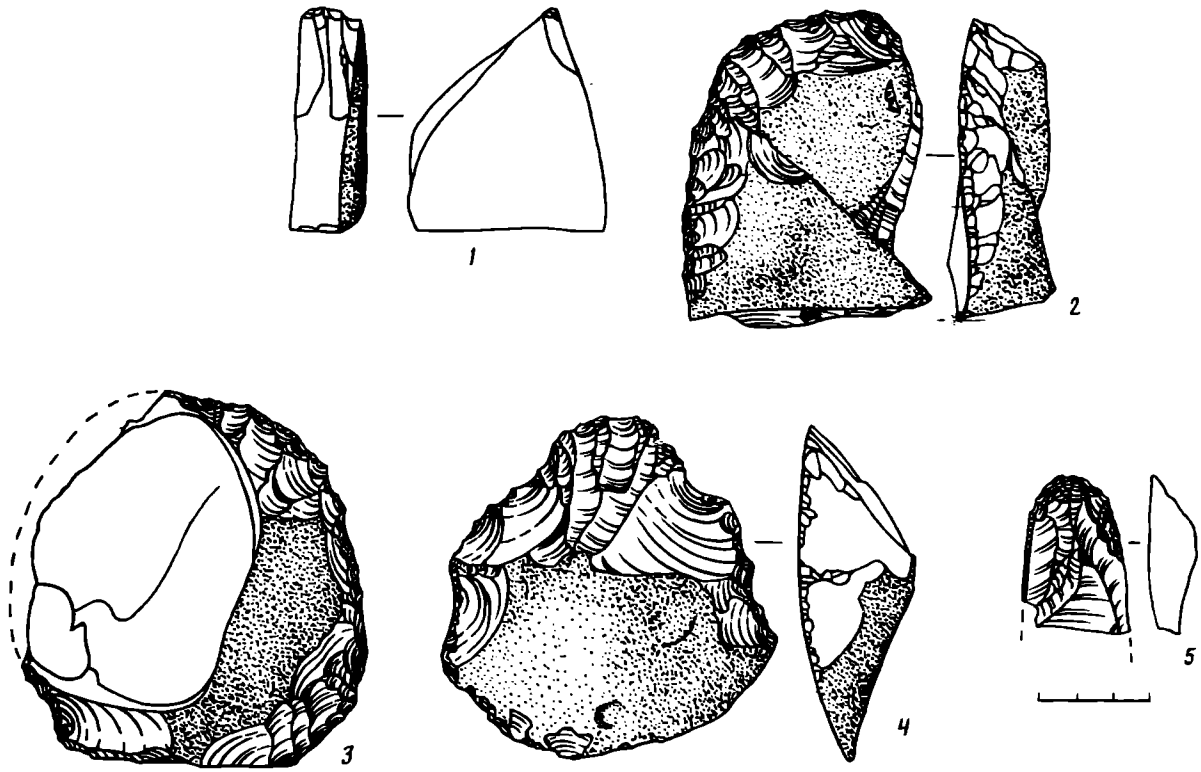


Рис. 4. Жорнов. Кремневые артефакты из пункта 2

Ко времени существования этого культурного слоя следует отнести и мелкий нуклеус из пункта 6 местонахождения (рис. 2, *4*) Этот нуклеус аналогичен двум другим, происходящим из пункта 3.

Особо следует остановиться на некоторых находках из смешанного, разновременного комплекса кремневых изделий, происходящих из пункта 2. Здесь также найден косоплощадочный нуклеус с рабочей поверхностью на узкой стороне заготовки (рис. 4, *1*). В подобный нуклеус превращено разбитое скребло (рис. 4, *2* — верхняя часть скребла) Но сами скребла отличаются от скребел-ножей, происходящих из пункта 3. Они оформлены крутой ретушью (рис. 4, *2, 3*). Очень интересен крупный плечиковый скребок на обломке, рабочая часть которого обработана лямеллярной ретушью (рис. 4, *4*) Найден в этом пункте и концевой скребок на пластине, рабочий край которого несколько сужен и обработан приостряющей ретушью (рис. 4, *5*)

Находки из пункта 2, за исключением косоплощадочных нуклеусов, выглядят более архаично по сравнению с находками из среднего культурного слоя IIA в пунктах 3 и 4. Скребла с крутой краевой ретушью отсутствуют в верхнем слое Жорнова. Нет их и в мустьерском слое. Они похожи на скребла, найденные автором на паудорфской стоянке Иваничи в Ровенском р-не, имеющей раннеориньякоидный набор орудий, а также на скребла, происходящие со стоянки Червоный Камень в Дубновском р-не, набор орудий которой также более ранний, чем артефакты культурного слоя IIA Жорнова. То же относится и к плечиковому скребку.

В то же время эти стоянки, в том числе и упомянутый комплекс орудий из пункта 2 Жорнова, представляют одну линию развития, со слоем IIA Жорнова — линию развития, где практически отсутствуют мустьерские элементы. При этом наличие скребел-ножей в культурном слое IIA Жорнова, которые похожи на подобные изделия, происходящие из культурного слоя I этого местонахождения, можно объяснить контактами между носителями культурных традиций, оставивших верхний культурный слой и слой IIA. Тогда следует допустить,

что группы (или группа) населения, оставившие верхний культурный слой местонахождения, появились в этом районе раньше, чем возник этот верхний культурный слой.

Можно считать, что в Жорнове в палеолитическое время существовало не три, а четыре этапа заселения: между мустьерским слоем и слоем IIA вклиниваются ориньякоидные элементы (видимо, относительно поздние, если учесть лямеллярную ретушь на плечиковом скребке), происходящие из пункта 2 местонахождения.

Культурный слой IIA Жорнова имеет радиоуглеродную дату. По образцам древесного угля, отобранным в раскопе 1 пункта 4, получена дата 28100 ± ± 500 лет до н. д. (ГИН-4143). Эта дата относится и к комплексу находок пункта 3.

Датированные комплексы культурного слоя IIA теперь можно принять за основу для сравнения их с комплексами других стоянок района, которые нередко не имеют геологических датировок, но залегают в аналогичных топографических условиях, на краю высокого плато, нередко — далеко от водных источников.

Так, наиболее ранней является стоянка Иваничи в Ровенском р-не, имеющая паудорфский возраст и архаичный, раннеориньякский набор орудий с нуклеусами-скребками, обработанными техникой снятия отщепов, и скребками на пластинчатых отщепах с грубо ретушированным рабочим краем. Характерны для этой стоянки и скребла с крутым рабочим краем [7, с. 49—53] Ориньякоидная линия развития находит продолжение в материале, происходящем со стоянки Червоный Камень. Здесь наряду с архаичными скребками-нуклеусами, подобными тем, что найдены в Иваничах, в большом количестве появляются более мелкие скребки-нуклеусы, обработанные лямеллярной ретушью, найдены все те же скребла с крутой ретушью рабочего края, а скребки на пластинах становятся менее архаичны, но не имеют той «ориньякской» ретуши, что характерна для верхнего слоя Жорнова. К этому этапу развития можно отнести и находки, происходящие из пункта 2 Жорнова, о которых речь шла выше.

Слой IIA Жорнова, если исходить из того, что в нем найдено граветтское острие, и если учесть его радиоуглеродную дату, относится уже к граветтскому времени. Но имеются свидетельства о генетической связи индустрии этого культурного слоя с таким более ранним памятником, как Червоный Камень, так как на обеих стоянках наблюдается большое сходство в группе нуклеусов: и тут, и там это косоплощадочные нуклеусы и нуклеусы со снятиями на узкой стороне, а также нуклеусы типа изображенных на рис. 2, *3, 4, 7* В слое IIA Жорнова, кроме того, имеется архаичный нуклеус-скребок, обработанный отщеповой техникой. Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что стоянку Червоный Камень, расположенную на поверхности высокого мыса, являющегося частью плато Кременецкой возвышенности, которая здесь лишена верхнеплейстоценового осадочного покрова, также следует датировать паудорфским временем. Замыкает этот хронологический ряд верхний культурный слой Жорнова, не имеющий прямой генетической связи с этими более ранними индустриями. Интересно при этом, что он залегает стратиграфически выше слоя IIA местонахождения, в котором уже отмечаются граветтские элементы.

Сопоставлять кремневый комплекс культурного слоя IIA Жорнова с комплексами стоянок более отдаленных районов не представляется возможным. Причинами являются малочисленность орудий труда и то обстоятельство, что в публикациях редко можно встретить детальное описание нуклеусов, хотя, как было показано выше, они могут быть в сочетании достаточно характерны. Можно лишь констатировать, что этот культурный слой Жорнова не самый ранний среди стоянок с граветтскими элементами. Так, «нижний граветт» Виллендорфа II датируется временем 32 000 ± 3000 (H246/231), Стоянка Дольни Вестонице (ранняя фаза павловской культуры) имеет дату 29 000 ± 200 (CrN — 2598) [8, с. 22]. В целом же павловская фация граветтской культуры, по

выражению Ю. Барты, имеет возраст 27 000—18 000 лет до н. э. [9, с. 128] Следовательно, культурный слой IIA Жорнова можно отнести к сравнительно раннему периоду существования стоянок, имеющих в наборе орудий труда граветтские элементы. Этому не противоречит и определенное сходство инвентаря слоя IIA с инвентарем более ранних ориньякоидных памятников района.

Стратиграфические данные, полученные по местонахождению Жорнов и по стоянке Иваничи, свидетельствуют, что начало верхнего палеолита в рассматриваемом районе следует относить к паудорфскому времени. Это, по-видимому, может касаться и всей Русской равнины. Данный вывод согласуется со взглядами некоторых исследователей. Например, Я. Козловский и С. Козловский связывают начало верхнего палеолита с интерстадиалом арси. При этом паудорф в стратиграфической колонке они помещают выше [10, с. 21, таблица]. С арси связывает начало верхнего палеолита и Арлетт-Леруа-Гуран [11, с. 21]. Но этот интерстадиал, как показал Г П. Григорьев, является частью паудорфа [12, с. 108]

Становление верхнего палеолита в паудорфе на открытых пространствах могло иметь место при достаточно теплом климате. А. И. Москвитин считал молого-шекснинский теплый интервал, с которым он сопоставлял паудорф, не межстадиалом, а настоящим межледниковьем [13, с. 24 и др.] Он в своих работах неоднократно указывал, что геологами часто недооцениваются осадки паудорфа в качестве настоящих погребенных почв в связи с последующей деградацией этих почв под воздействием криогенных процессов осташковского оледенения. Некоторые геологи до недавних пор нередко в осадках паудорфа видели только «горизонты оглеения» или почвы, образование которых проходило в условиях вечной мерзлоты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пясецкий В. К.* Палеолитическое местонахождение Жорнов, верхний культурный слой // СА. 1991. № 2.
2. *Веклич М. Ф.* Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наук. думка, 1968.
3. *Артюшенко А. Т.* Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. Киев: Наук. думка, 1970.
4. *Островский М. И., Григорьев Г П* Липская палеолитическая культура // СА. 1966. № 4.
5. *Рудинський М. Я.* Дубно-Кременецька палеолітична експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. 1952. Т. 4.
6. *Савич В. П.* Пізньопалеолітичне населенняя південно-західної Волині. Київ: Наук. думка, 1975.
7. *Пясецький В. К.* Орінякська стоянка Іваничі на Волині // Археологія, 1988. Вып. 64.
8. *Долуханов П. М.* Хронология палеолитических культур // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
9. *Barta J.* Paleolit a mezolit // Slov. Archeol. 1980. R. XXVIII: Č. 1.
10. *Kozlowski J K., Kozlowski S. K.* Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa, 1977.
11. *Долуханов П. М.* Хронология палеолитических культур // Пробл. абсолютного датирования в археологии. М., Наука, 1972.
12. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, 1968.
13. *Москвитин А. И.* Стратиграфия плейстоцена Центральной и Западной Европы. М.: Наука, 1970.

Ровенская геологоразведочная экспедиция
ПГО «Севукргеология»

V. K. PYASETSKY

THE MIDDLE CULTURAL LAYER OF THE PALAEOLITHIC SITE OF ZHORNOV

Summary

The stone industry of the middle cultural layer IIA of Zhornov site is characterized by cores with oblique striking-surface. Among them the author points the cores with narrow working plane and miniature ones. There is a large number of blades narrow in section, small blades are also noted. Tools are not numerous. Burines are not retouched unlike the burines from the upper cultural layer Blades are retouched on their edges. A gravettian point was found. There exists a radiocarbon date for the layer IIA — 28 100±500 B. P (GIN-4143). The gravettian point and this date suggest the connection of the middle layer with the early phase of industry characterized by gravettian elements. Having analysed the stratigraphy of the site the author suggests that the emergance of the Upper Palaeolithic in the territory of the Russian valley is dated to Paudorf period.

Ф. И. САЙГИН, А. И. ЮДИН

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ КУШУМСКОЙ СТОЯНКИ

Кушумская стоянка находится в 3 км к северо-западу от с. Милорадовки Краснопартизанского р-на Саратовской обл. Памятник расположен у истока р. Большой Узень, которая берет начало из Кушумского пруда, и вытянут вдоль берега на 50 м, ширина его как минимум 10 м. В настоящее время Кушумский пруд и верховья Большого Узеня включены в систему Чалыклинского канала, и при периодическом водосбросе и подпитке реки происходит интенсивное размывание культурного слоя, материалы из которого обнаруживаются вниз по руслу реки на протяжении 1 км. С 1977 г., когда была открыта стоянка, здесь собрано свыше 5 тыс. каменных предметов, в том числе почти 1700 ножевидных пластин и орудий.

В 1981 г. В. А. Лопатин заложил на стоянке два небольших раскопа по 16 м^2 [1, с. 154, 155] Культурный слой залегает сразу под 15—20-сантиметровым слоем гумуса и достигает толщины 1,35 м у берега реки. Во втором раскопе, разбитом несколько дальше от берега, на пологом склоне слой не превышал 0,3—0,4 м. Наиболее насыщена находками нижняя часть культурного слоя в первом раскопе. Верхняя его половина сложена из культурных напластований, перемещенных со склона террасы. Переотложенный культурный слой отличается от подстилающего более темным цветом. Но даже в непереотложенной нижней части, где встречено несколько позвонков животного в естественном сочленении, материалы, относящиеся к разным эпохам, залегают совместно. Подобная перемешанность разновременных находок в значительном по мощности культурном слое характерна для подавляющего большинства памятников Степного Заволжья. В раскопах найдено небольшое количество невыразительной керамики с примесью толченой раковины, фрагменты срубных сосудов и каменные изделия, аналогичные подъемному материалу.

Располагаясь в центральной части степной зоны Заволжья, Кушумская стоянка выделяется среди аналогичных памятников этого региона чрезвычайным разнообразием каменных изделий. Орудия Кушумской стоянки представляют собой наиболее полный комплекс нео-энеолитического времени из известных в Степном Заволжье. В подобном комплексе, почти исчерпывающе характеризующем каменную индустрию на значительном хронологическом отрезке, можно выделить ряд специфических черт, присущих и другим памятникам Заволжья.

К сожалению, керамика Кушумской стоянки фрагментарна и немногочисленна. Она орнаментирована глубокими жемчужными вдавливаниями, треугольной лопаточкой в отступающей манере и оттисками зубчатого штампа. Найденные фрагменты венчиков принадлежат прямостенным сосудам, в глине заметны примеси толченой раковины или шамота (рис. 1). Ближайшие аналогии кушумской керамике встречаются на неолитических и энеолитических памятниках Степного Заволжья. Некоторые аналогии обнаруживаются севернее [2, с. 4, рис. 1, *20, 21*], а наличие нескольких фрагментов с обильной примесью талька указывает на восточные связи.

Каменный инвентарь Кушумской стоянки представлен в табл. 1. В этой и последующих таблицах для сокращения описательной части кроме типа орудия

© Ф. И. Сайгин, А. И. Юдин, 1991 г.

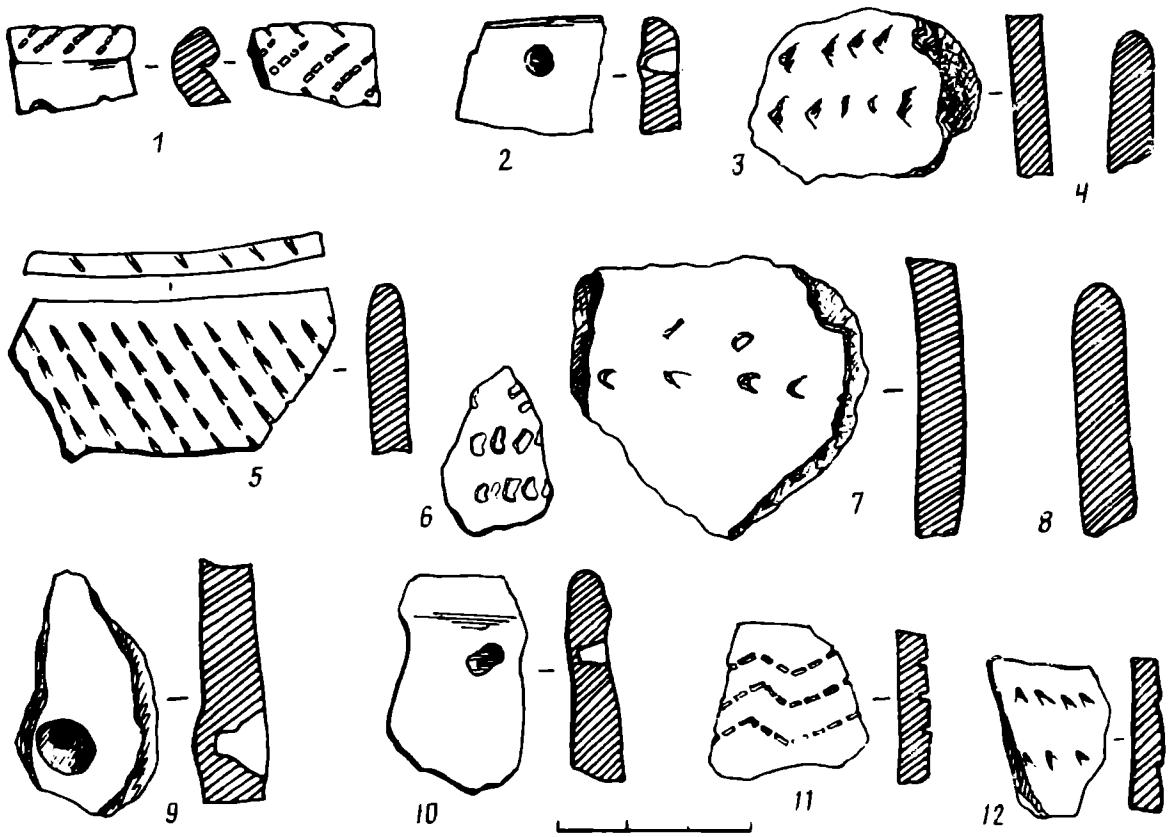


Рис. 1 Керамика Кушумской стоянки

и количества экземпляров указаны состав использованного сырья и номера соответствующих рисунков. В основе описания каменных изделий лежит схема классификации, предложенная Д. Я. Телегиным [3], с необходимыми изменениями и дополнениями, отражающими специфику данного комплекса.

Ножевидные пластины представлены 898 экз. Целые пластины встречаются редко, максимальная длина кремневых пластин 5—6, кварцитовые достигают 20 см. Ширина пластин из кремня и яшмы колеблется от 6 до 24 при преобладании размеров 6—15 мм, максимум их распределения приходится на 8 мм. Большая часть ранних типов орудий изготовлена на пластинах этих размеров. Ширина пластин из кварцита изменяется от 6 до 41, встречены единичные макропластины шириной до 70 мм. Максимальное количество кварцитовых пластин имеет ширину от 12 до 21 мм. Выделяется серия ребристых макропластин со следами забитости по верхней грани спинки (рис. 2, *6*) На части пластин заметны заломы и следы сработанности, что говорит об их использовании в качестве орудий без дополнительной подработки. Вторичную обработку имеют 198 пластин. Обычно ретушью покрыты одна или две грани со спинки, изредка — одна грань с брюшка. Данные сечения пластин являются обломками ножей. В коллекции имеется 26 экз. их целых форм.

Ножи на пластинах разбиваются на две группы в зависимости от формы исходной заготовки. В одном случае брали целую пластину, по краям которой наносилась ретушь, а иногда на верхнем или нижнем ее конце оформлялся скребок (рис. 2, *22, 23, 39*) В другом случае заготовкой служило сечение пластины, часто слегка изогнутой формы (рис. 2, *24—27*) По форме к ним близки ножи на плохо ограненных пластинах (рис. 2, *31*). К категории ножей на пластинах надо отнести и 67 обломков ножей со скребковидным концом (рис. 3, *1—10*) Почти все они изготовлены на кварцитовых пластинах шириной 20—30 мм. Рабочее лезвие скребка обычно полукруглое или слегка скошено.

Таблица 1

Каменные орудия Кушумской стоянки

Орудия	Материал			Всего	Рисунок
	кварцит	кремень	яшма		
Ножевидные пластины	475	208	17	700	2, *1—10*
Ножевидные пластины с ретушью	149	36	13	198	2, *11—21*
Нуклеусы	10	23	4	37	4
Геометрические микролиты	2	16	—	18	5, *1—16*
Пластины-вкладыши	15	13	—	28	5, *17—32*
Резцы	3	9	—	12	3, *24, 25;* 8, *33, 34*
Пластины с выемками	7	10	—	17	2, *32—37*
Ножи на пластинах	11	15	—	26	2, *22—31; 38, 39*
Ножи на отщепах	13	6	—	19	3, *31—33;* 7, *30—32, 34—36*
Обломки ножей со скребковидной рукоятью	56	8	3	67	3, *1—10*
Скребки на продольных сколах и укороченных пластинах	167	56	13	236	6, *1—7, 9—47*
Концевые скребки на пластинах	105	34	4	143	3, *11—23*
Скребки на отщепах	52	36	3	91	7, *1—18, 20, 21, 23—28*
Скребла	6	2	—	8	7, *19, 22, 29, 33*
Проколки и острия	3	6	1	10	6, *8;* 8, *25—32*
Скобели	4	—	—	4	3, *35*
Наконечники стрел и дротиков	31	26	1	58	8, *1—24*
Орудия ударного типа	2	—	—	2	3, *26, 27*
Тесло	—	—	—	1	3, *29*
Другие	1	2	—	3	3, *28, 30, 34*
Всего	1112	506	59	1678	

Ножи на отщепах разделяются на три типа. Кремневые ножи на небольших отщепах имеют двустороннюю вторичную обработку, в результате которой образовалась режущая кромка по периметру орудия или его части (рис. 3, *31—33*). Ножи второго типа изготовлены из кварцита, покрыты сплошной двусторонней ретушью, имеют вытянутую подовальную форму. От наконечников дротиков они отличаются асимметричностью и большей волнистостью режущей кромки. Третий тип — ножи на крупных отщепах с односторонней краевой ретушью.

Найдено 37 нуклеусов, с которых получены пластины для большей части вышеперечисленных орудий. Соответственно ножевидным пластинам нуклеусы меньших размеров — из кремня и яшмы, крупные — из кварцита. Нуклеусы разделяются на пирамидальные (рис. 4, *7, 16—20, 26—29*), призматические (рис, 4, *8, 21*), торцовые (рис. 4, *9—11*), плоские (рис. 4, *1—5*) и уплощенные, на которых пластины скалывались по части периметра (рис. 4, *12—15, 25*). Все нуклеусы одноплощадочные, площадка прямая или слегка скошена. В большинстве случаев ударные площадки гладкие, но встречаются и подправленные сколами (рис. 4, *4, 7, 16*). На плоских нуклеусах пластины скалывались с одной (рис. 4, *1—3*) или двух (рис. 4, *4, 5*) сторон, на призматических и пирамидальных негативы сколов идут по всему периметру. Один из кварцитовых нуклеусов имеет следы вторичного использования в качестве отбойника (рис. 4, *26*). Границы между различными типами нуклеусов часто весьма условны.

Вкладышевые орудия представлены 46 предметами. Это 7 трапеций: 3 средневысокие, с двумя обработанными гранями (рис. 5, *1, 2, 5*), 2 — со струганной спинкой (рис. 5, *6, 7*) и по 1 сегментовидной (рис. 5, *13*) и низкой форм (рис. 5, *8*). Найдено 5 сегментов, 3 из них обработаны крутой краевой ретушью по дугообразному краю только со стороны спинки, 1 — с брюшка и 1 сегмент — с обеих сторон (рис, 5, *3, 4, 11, 14, 15*). Обнаружен микролит, не находящий аналогий. Это половина сегмента, обработанная ретушью со всех сторон (рис. 5, *16а*). Пластины-вкладыши (28 экз.) выполнены из ножевидных пластин шириной

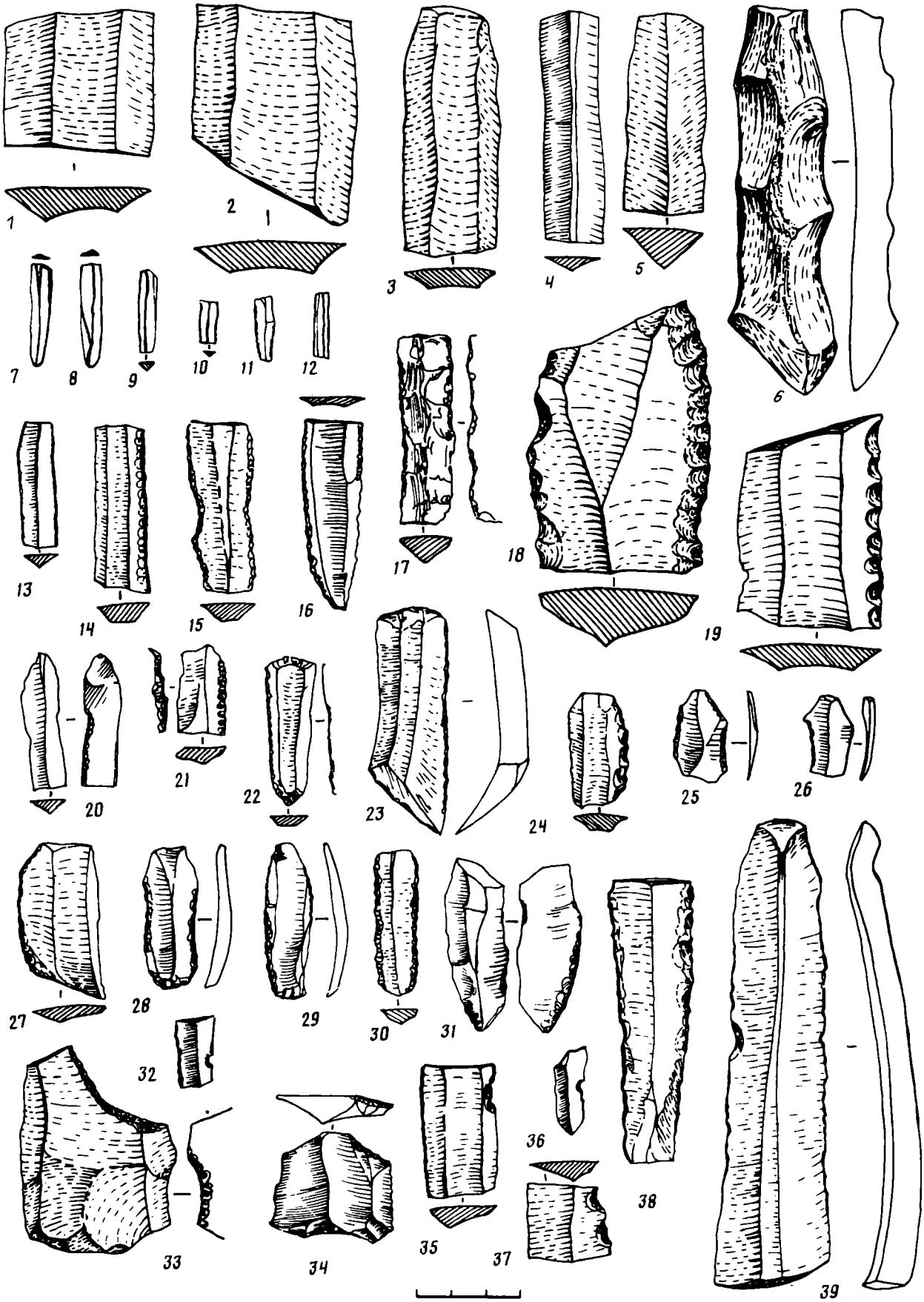


Рис. 2. Ножевидные пластины (*1—10*), пластины с ретушью (*11—21*), ножи на пластинах (*22—31, 38, 39*) и пластины с выемками (*32—37*)

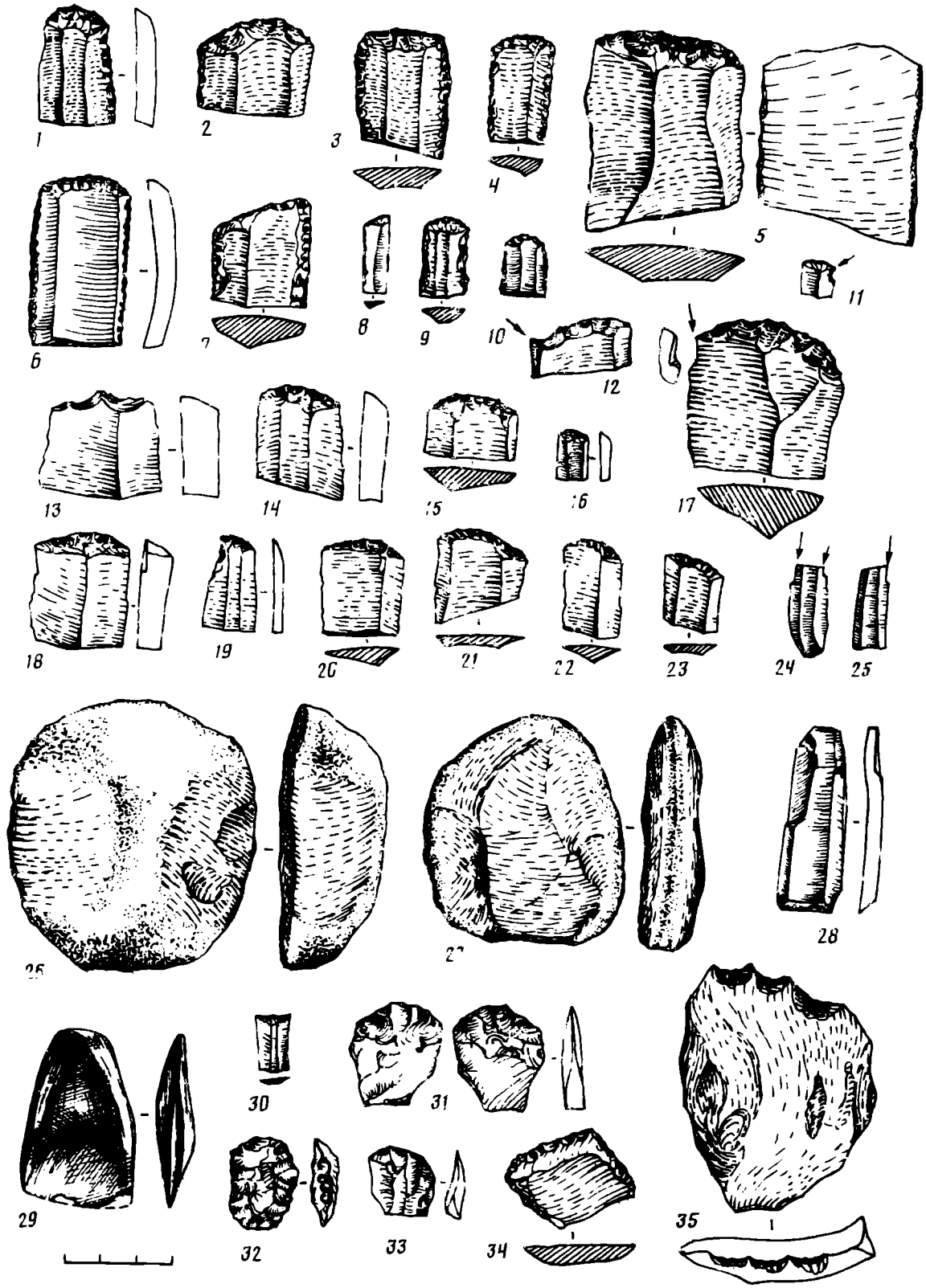


Рис. 3. Обломки ножей со скребковидным окончанием (*1—10*), концевые скребки на пластинах (*11—23*), резцы (*24, 25*), орудия ударного типа (*26, 27*), долотовидное орудие (*28*), тесло (*29*), пластина с прямосрезанным концом (*30*), ножи на отщепах первого типа (*31—33*), скребковое орудие (*34*), скобель (*35*)

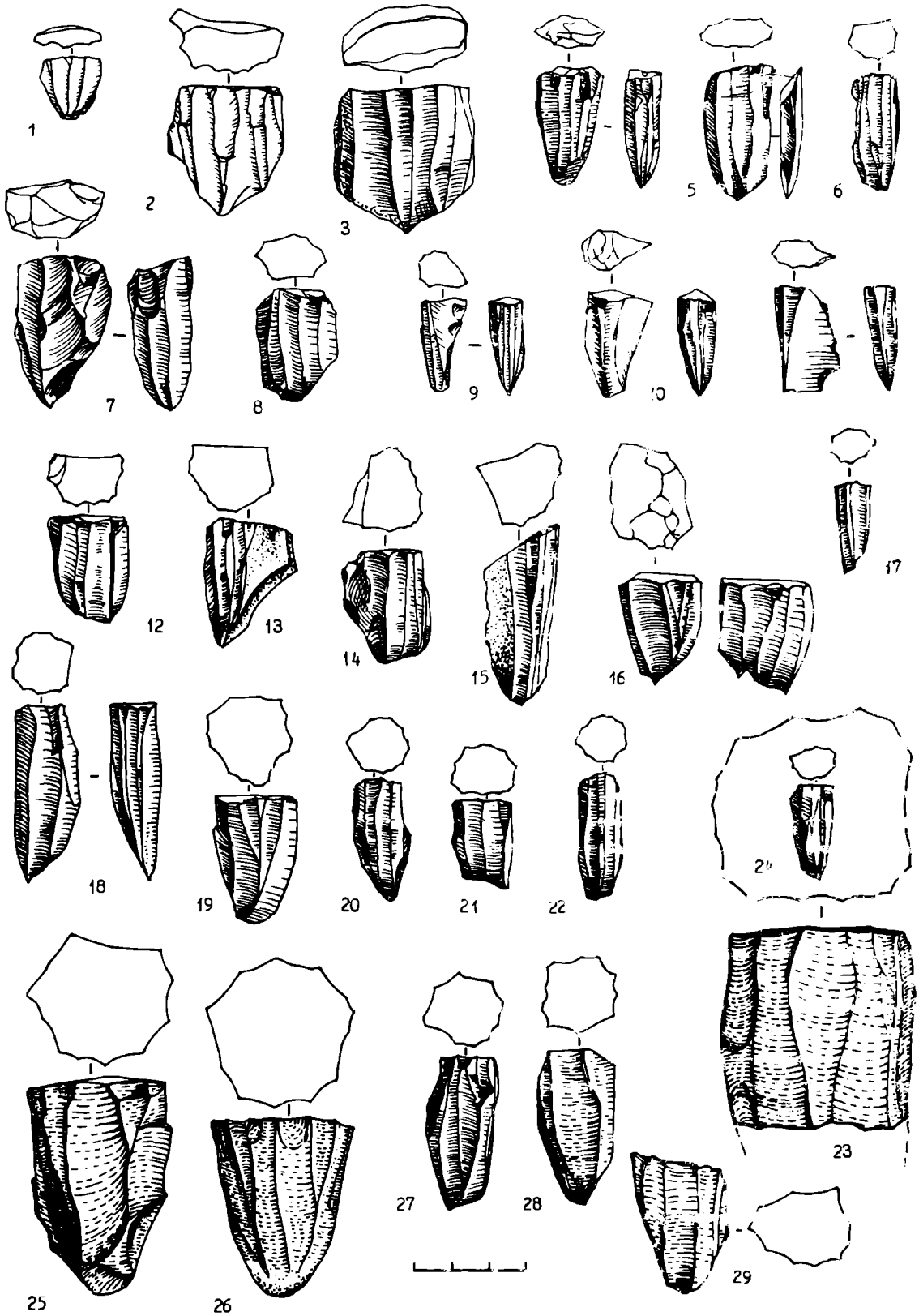


Рис. 4. Нуклеусы

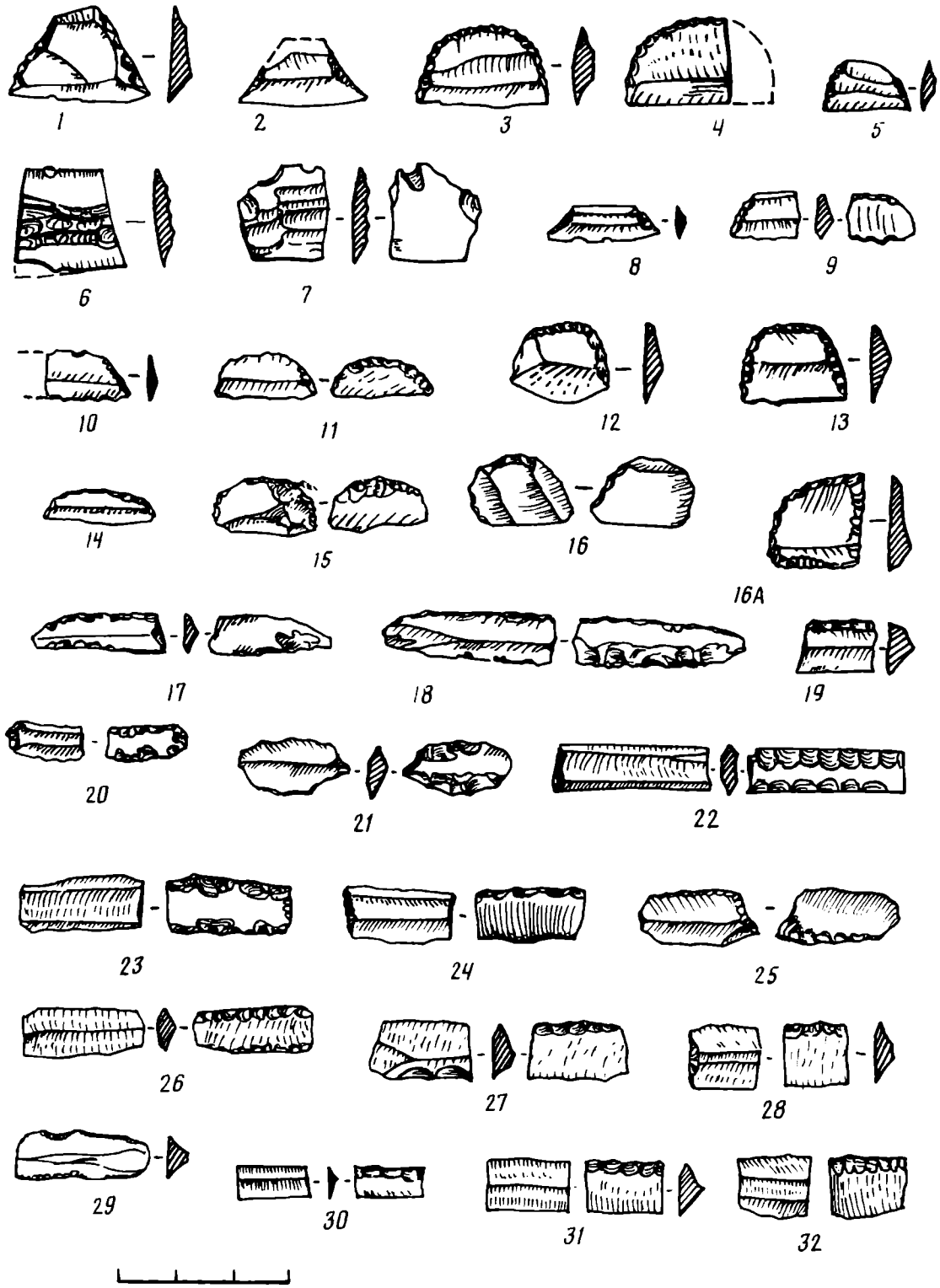


Рис. 5. Вкладышевые орудия

6—12 мм, имеют длину от 12 до 30 мм. Характер вторичной обработки и состав сырья указаны в табл. 2. 3 пластины дополнительно подработаны с торцевой стороны (рис. 5, *24, 25, 28*) Еще 4 изделия отнесены к вкладышевым орудиям условно. Сечения ножевидных пластин с кососрезанным концом могут быть как косыми остриями, так и обломками трапеций. Вероятнее последнее, поскольку стороны пластин имеют следы сработанности (рис. 5, *9, 10*) Следы сработан-

Таблица 2

Пластины-вкладыши

Характер обработки	Материал		Всего	Рисунок
	кремень	кварцит		
Ретушь по одной грани со стороны брюшка	3	7	10	5, *28, 30—32*
Ретушь по двум граням со стороны брюшка	3	5	8	5, *20—24, 26*
Ретушь по одной или двум граням со стороны спинки	2	1	3	5, *19, 29*
Ретушь по одной грани спинки и одной брюшка	1	2	3	5, *25*
Другие	3	1	4	5, *17, 18*
Всего:	12	16	28	

Таблица 3

Скребки на продольных сколах и укороченных пластинах

Тип	Материал			Всего	Рисунок
	кварцит	кремень	яшма		
Концевые	89	16	5	110	6, *3—5, 21, 22, 24, 39, 42, 44, 46*
Концевые с краевой ретушью	20	13	2	35	6, *1, 6, 7, 23, 26, 27, 41, 43*
Ретушированные на 3/4	16	10	2	28	6, *11, 15—18, 25*
Со скошенным лезвием	9	2	—	11	6, *31, 32, 34*
Двойные	8	—	—	8	6, *35, 36*
Скребки-ножи	5	6	4	15	6, *9, 10, 12—14, 20, 33*
Скребки-резцы	7	7	—	14	6, *2, 30, 45*
Со скоблевидной выемкой	11	1	—	12	6, *28, 29*
Другие	2	1	—	3	6, *23, 38*
Всего	167	56	13	236	

ности, характерные для вкладышей, есть и на 2 изделиях, по форме напоминающих сегменты (рис. 5, *12, 16*).

Резцы на углу сломанной пластины представлены 10 экз.; резцовая грань оформлена с одной, реже — с двух сторон пластины (рис. 3, *24, 25*). Резцы на отщепах относятся к серединному типу. Встречено 17 пластин с выемкой. Они разделяются на микропластины с выемкой со стороны спинки, на более крупные пластины с одной — тремя выемками и на крупные пластины с выемкой на поперечной стороне (рис. 2, *32—37*).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах с нуклеусов представляют собой самую многочисленную категорию орудий и отличаются разнообразием типов (табл. 3). При классификации этих орудий учитывалась форма рабочего лезвия, т. е. функциональное назначение орудия, без учета всей формы скребка. Возможна дальнейшая классификация по другим признакам при условии накопления достаточных серий внутри выделенных групп. Так, например, скребки с полукруглым лезвием, составляющие самую крупную серию, можно разделить на виды, опираясь на их общую форму (подквадратные, прямоугольные, трапециевидные) и размеры. Концевые, концевые с краевой ретушью и скребки с ретушью на $^3/_4$ составляют большинство среди скребков на укороченных пластинах и продольных сколах с нуклеусов. Выделена группа скребков-ножей, у которых кроме скребкового имеется одно или два режущих лезвия. От концевых с краевой ретушью и скребков с ретушью на $^3/_4$ они отличаются тем, что их боковые грани обработаны пологой ретушью, уменьшающей толщину лезвия и приостряющей его. Скребки-резцы и скребки со скоблевидными выемками типологически не отличаются от остальных, за исключением дополнительной подработки. В раздел «другие» отнесены скребки с рабочими

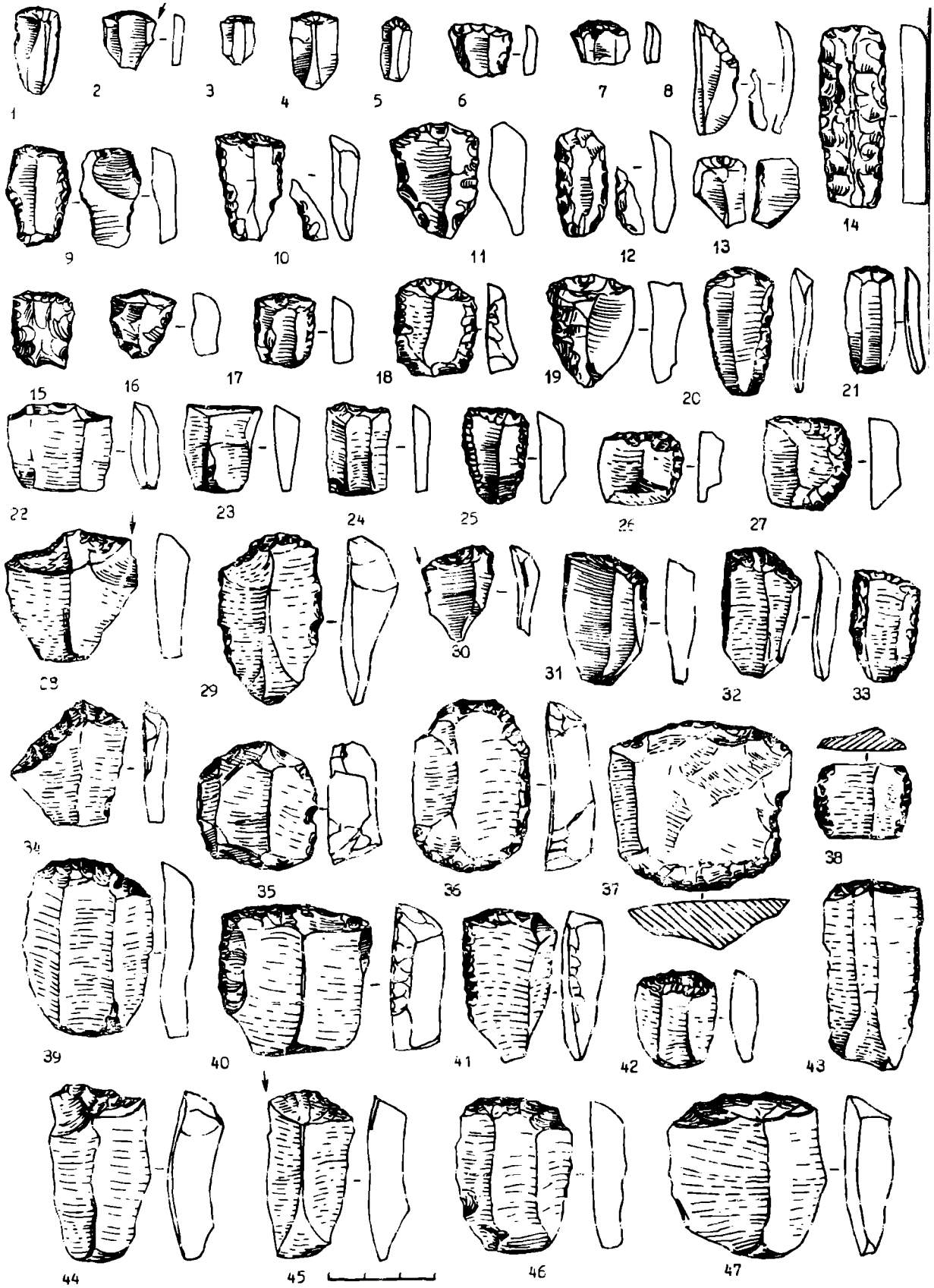


Рис. 6. Скребки на продольных сколах с нуклеусов и укороченных пластинах (*1—7, 9—47*), острие (*8*)

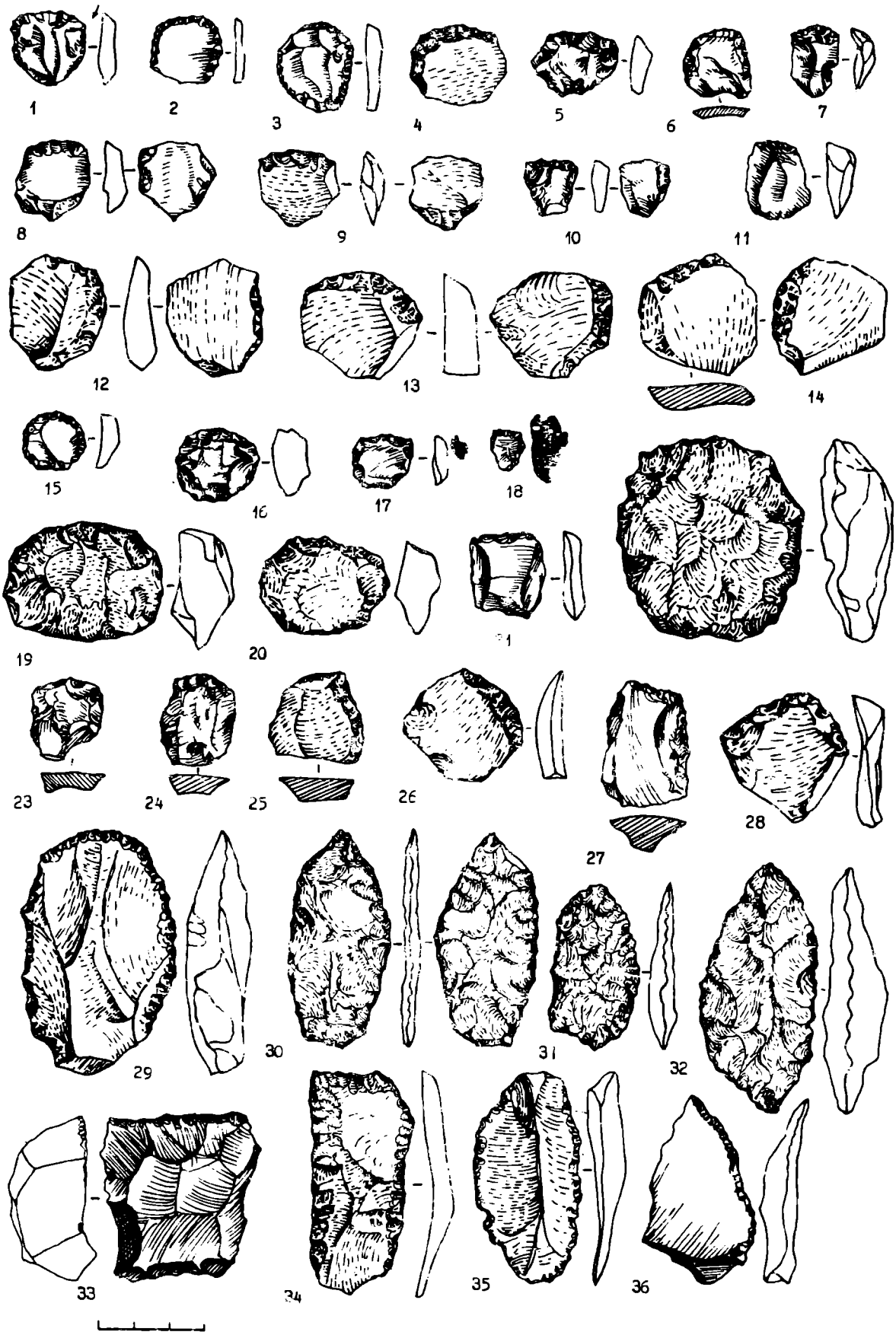


Рис. 7 Скребки на отщепах (*1—18, 20, 21, 23, 28*), скребла (*19, 22, 29, 33*), ножи на отщепах второго (*30—32*) и третьего (*34—36*) типов

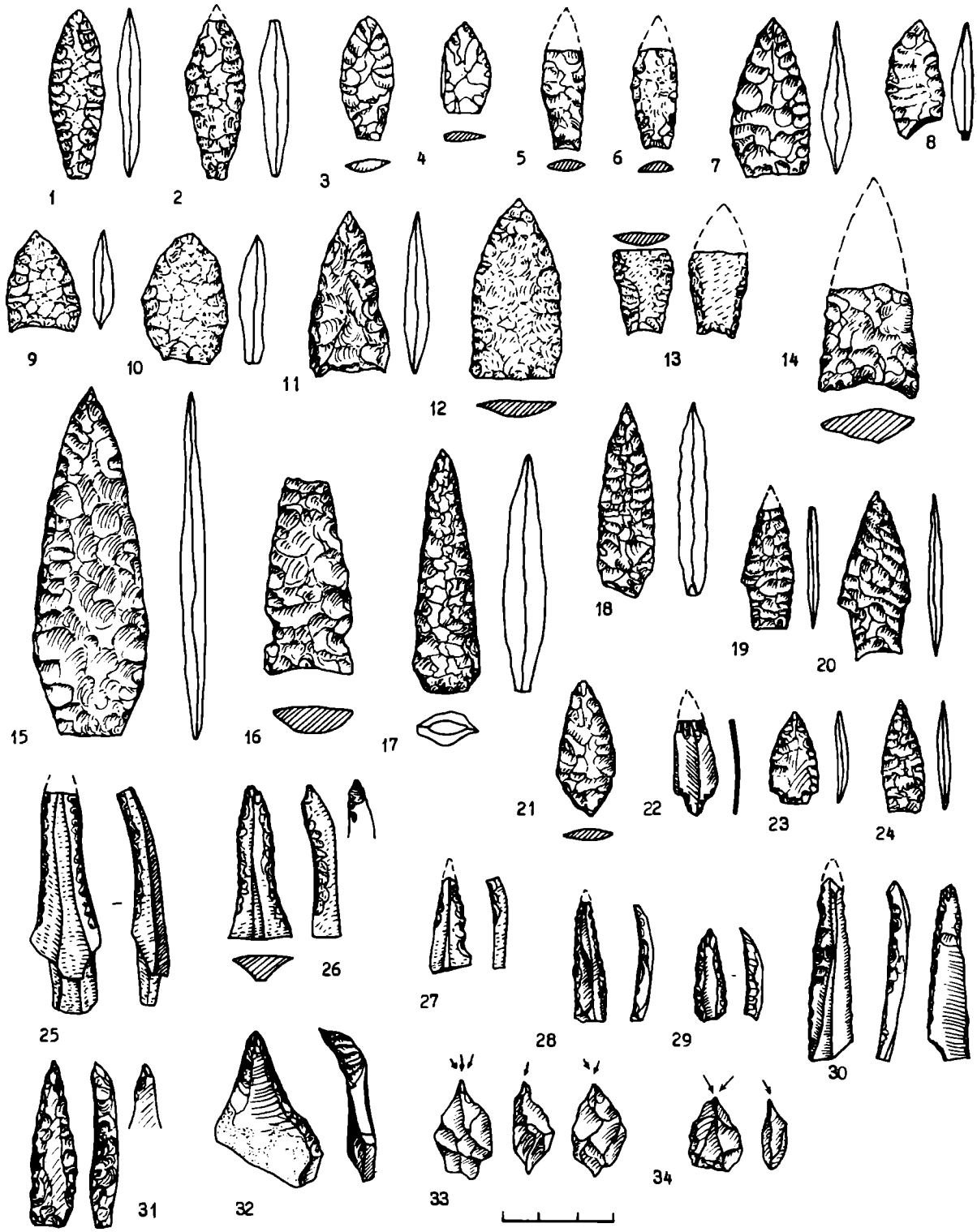


Рис. 8. Наконечники стрел и дротиков (*1—24*), проколки и острия (*25—32*), резцы (*33, 34*)

лезвиями по продольным сторонам пластины (2 экз., рис. 6, *38*) и скребок на пластине с прямосрезанным концом (рис. 6, *23*).

Концевые скребки на сечениях ножевидных пластин представлены в табл. 4. Типы выделены по тем же признакам, что и у скребков на укороченных пластинах.

В табл. 5 описаны скребки на отщепах. Концевые скребки имеют различную

Таблица 4

Скребки на сечениях ножевидных пластин

Тип	Материал			Всего	Рисунок
	кварцит	кремень	яшма		
Концевые	88	19	2	103	3, *14—16, 20—22*
Со скошенным лезвием	5	6	2	13	3, *23*
Концевые с краевой ретушью	2	2	—	4	3, *19*
Скребки с «мордочкой»	1	3	—	4	—
Комбинированные орудия:					
скребки-резцы	6	3	—	9	3, *11, 12, 17, 18*
скребки со скоблевидной выемкой	3	1	—	4	3, *13*
Всего	105	34	4	143	

Таблица 5

Скребки на отщепах

Тип	Материал			Всего	Рисунок
	кварцит	кремень	яшма		
Концевые	15	15		30	7, *7, 9, 17, 18*
Концевые с краевой ретушью	10	3	1	14	7, *25, 27*
Боковые	5	1		6	7, *26*
Скребки с ретушью на 3/4	4	4	1	9	7, *2, 4, 6, 20*
Округлые	1	4		5	7, *5, 15—17*
Двойные и двойные двусторонние	5	3		8	7, *8—14*
Близкие к стрельчатым	4			4	7, *28*
Комбинированные орудия:					
скребки-ножи	2	5		7	7, *3, 21, 23, 24*
скребки-резцы	1		1	2	7, *1*
скребок со скоблевидной выемкой	1			1	
Всего	48	35	3	86	

форму; их рабочее лезвие находится на утолщенной части отщепа, противоположной месту ударного бугорка. На боковых скребках рабочая грань формировалась на стороне, перпендикулярной ударному бугорку.

Скребла выполнены на крупных отщепах овальной (рис. 7, *19, 22, 29*) и подпрямоугольной форм (рис. 7, *33*).

К орудиям скобляще́го типа относятся плоские отщепы с двумя-тремя неглубокими выемками (рис. 3, *35*).

К категории «острия» отнесены орудия, определяемые как проколки, и острие со скошенным лезвием (рис. 6, *8*). Боковые стороны проколок обработаны притупляющей ретушью, жальце часто подтесано со стороны брюшка. Нижняя часть орудия может расширяться, образуя «плечики», или оформляется в виде насада (рис. 8, *25—31*)

Наконечники стрел и дротиков представлены 27 целыми или реконструируемыми формами и 31 обломком. Учитывая значение данной категории предметов для культурного и хронологического определения, мы перечислим их подробно, хотя некоторые не составляют серий и найдены в 1—2 экз. Наконечники стрел: подтреугольные (рис. 8, *9, 11*) и подтреугольные с частично параллельными сторонами (рис. 8, *7, 12*); миндалевидные — с усеченным основанием (рис. 8, *3, 4, 10*), с небольшой выемкой в основании (рис. 8, *8, 13*), с подтреугольным основанием (рис. 8, *21*), вытянутых пропорций с усеченным основанием и намечающимся черешком — с прямым узким основанием (рис. 8, *1, 2*), с прямым широким основанием (рис. 8, *24*), с выемкой в основании (рис. 8, *5, 6*); черешковые стрелы — с коротким черешком (рис. 8, *22, 23*), асимметричные с широким черешком (рис. 8, *19, 20*). Наконечники дротиков: листовидные с усеченным

основанием (рис. 8, *15*), подтреугольные (рис. 8, *14*), с намечающимся черешком (рис. 8, *17 18*), с боковыми выемками (рис. 8, *16*).

Найдено 2 округлых и плоских орудия ударного действия со следами забитости (рис. 3, *26, 27*).

Из шлифованных орудий встречено небольшое тесло (рис. 3, *29*) из темно-бурой глинистой породы с примесью гидроокислов железа. В последнюю графу табл 1 внесены предметы, обнаруженные также в 1 экз.: долотовидное орудие (рис 3, *28*), микропластина с прямосрезанным концом (рис. 3, *30*) и скребковое орудие ромбовидной формы (рис. 3, *34*).

Из приведенного описания видно, что комплекс каменных орудий Кушумской стоянки обладает определенным своеобразием. В первую очередь это касается состава сырья. Большая часть орудий изготовлена из кварцита и мелкозернистого кварцевого песчаника (66, 31%), широкое использование которых обусловлено их местным заволжским происхождением [1] Цвет этих пород изменяется от молочно-белого до темно-коричневого. Преобладают орудия из камня светло-серых и светло-коричневых тонов. Таким же цветовым разнообразием характеризуются кремневое сырье (30, 17%) и орудия из яшмы ($\sim$3, 5%) Немногочисленность последних объясняется тем, что яшмы и микрокремнистые глинизированные породы в отличие от кварцита и кремня попадали сюда из Южного Зауралья.

Орудия из кремня и яшмы в целом отличаются небольшими размерами, тогда как макротехника характерна для кварцитовых изделий. Как упоминалось выше, максимум распределения ширины кремневых ножевидных пластин приходится на 8, а кварцитовых — на 12—21 мм. Подобная закономерность прослежена у всех орудий, выполненных на пластинах и продольных сколах с нуклеусов. Далее. Из кремня и яшмы изготовлены преимущественно ранние категории орудий, находящие наибольшее количество аналогий в неолитических комплексах: геометрические микролиты, микропластины и орудия на них, некоторые типы наконечников стрел Преобладающее использование кремня в неолите подтверждается несколькими чистыми комплексами (Варфоломеевская стоянка, Савинка, Борсы), обнаруженными недавно в Заволжье.

К энеолитическому времени мы можем отнести значительную часть изделий из кварцита, хотя дачное разделение по эпохам в достаточной степени условно: если одни орудия локализуются во времени, то другие бытовали на протяжении значительного хронологического отрезка, и даже среди наиболее ранних категорий встречаются предметы из кварцита.

Своеобразной чертой кушумского комплекса следует признать почти полное отсутствие шлифованных орудий. Вероятно, их функции выполняли орудия на кварцитовых макропластинах и крупных продольных сколах с нуклеусов.

Господство кварцитовой техники в Заволжье начинается с эпохи энеолита. Кварцитовые макроорудия, подобные кушумским, составляют основу комплекса энеолитической стоянки Озинки-II на р. Чалыкля [4, с. 137, 138] Крупные кварцитовые орудия характерны для энеолитических памятников среднего течения р. Большой Узень (Резвое, Орошаемое) [5, с. 40—50] В этом плане особенно показательны энеолитическая стоянка Алтата [6; 7, с. 17] и поселение Манахов I [5, с. 39, 40], где кремневые орудия единичны. Разведками последних лет в Степном Заволжье выявлены десятки памятников с кварцитовой индустрией, подавляющая масса которых относится к различным периодам энеолита.

Разнообразный и многочисленный набор орудий Кушумской стоянки дает возможность увидеть, что переход от кремневой индустрии к кварцитовой и общая макролизация изделий не повлекли за собой изменений в технике обработки камня. Имеются серии орудий (ножи на пластинах, скребки на продольных

---

[1] Определения образцов пород выполнены экспресс-методом в минералого-петрографической лаборатории НИИ геологии Саратовского государственного университета минералогии Т. И. Погуца и И. В. Мизиновой.

сколах и укороченных пластинах) из кварцита и кремня, в которых совпадают формы предметов, способы нанесения ретуши, а различия касаются только размеров изделий. Аналогичный процесс перехода к кварцитовой индустрии при сохранении прежней технологии происходил в начале энеолита в Северном Прикаспии [8, с. 13, 14]. Сравнение заволжских комплексов каменных орудий (в том числе Кушумской стоянки) с материалами соседних регионов показывает, что максимальная степень сходства по ряду признаков обнаруживается с неоэнеолитическими памятниками Северного Прикаспия — территории, примыкающей к южной границе Степного Заволжья [9, с. 114, рис. 1; 10, с. 119—125, рис. 17—22].

Сейчас трудно связать выделенные типы орудий Кушумской стоянки с местными культурами позднего каменного века. Этому препятствует фрагментарность керамической коллекции. Но, как установлено полевыми исследованиями последних лет, стоянки Степного Заволжья содержат вполне определенные комплексы орудий на разных этапах неолита — энеолита. Детальная характеристика таких комплексов в будущем позволит установить культурно-хронологическое место группы памятников, не сохранивших выразительной керамики в силу неблагоприятных условий залегания культурного слоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лопатин В. А., Миронов В. Г.* Работы Заволжского отряда // АО—1981. М., 1983.
2. *Выборнов А. А., Пенин Г. Г.* Неолитические стоянки на р. Самара // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд. КГПИ, 1979.
3. *Телегин Д. Я.* К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. Киев: Наук. думка, 1978.
4. *Лопатин В. А.* Раскопки в Саратовском Заволжье // АО—1980. М., 1981.
5. *Юдин А. И.* Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд. КГПИ, 1986.
6. *Деревягин Ю. В., Третьяков В. П.* Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области // СА. 1974. № 4.
7. *Телегін Д. Я.* Про неолітичні пам'ятки Подесення і Степового Поволжжя // Археологія. 1981. Вып. 36.
8. *Мелентьев А. Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Пробл. археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд. ГКПИ, 1976.
9. *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия // КСИА. 1975. Вып. 141.
10. *Дубягин П. С., Чикризов Ф. Д., Чурилов В. А. и др.* Новые материалы неолита — бронзы из Северного Прикаспия // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд. КГПИ, 1982.

Саратовский государственный университет

F. I. SAYGIN, A. I. YUDIN

STONE TOOLS FROM THE KUSHUM SETTLEMENT

The site is situated near the source of the Bolshoy Uzen river in Krasnopartizansk district, Saratov region. The cultural layer is partly replaced. In the bed of the river and on the surface of the site more than 5.000 stone artefacts were collected, among them ca. 1700 blades and tools. In this collection practically all cathegories and types of stone tools typical for the Neolithic and Chalcolithic of the Volga steppes are represented. The collection no doubt was formed during a long period of time, so it is described as a whole. There are 20 functional cathegories of tools in it. The characteristic features of the Kushum collection are: the prevalence of quartzite and sandstone (66,3 per cent), the microlithic character of the Neolithic tools, the macrolithic forms of the Chalcolithic ones, the prevalence of flint in the Neolithic and great quantity of quartzite in the Chalcolithic. The technological tradition is the same during the two periods. The materials of the Kushum settlement situated in the central part of the left-bank Volga steppes allow the author to characterize the level of development of the stone industry in the late period of the Stone Age. The sites of this territory demonstrate a number of similarities with the Neo-Aeneolithic materials in the North Caspian area.

Н. Н. ЧЕРЕДНИЧЕНКО, С. Ж. ПУСТОВАЛОВ

БОЕВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ И КОЛЕСНИЧИЕ В ОБЩЕСТВЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ)

Проблеме социологической интерпретации погребений эпохи бронзы, содержавших в качестве деталей погребального ритуала или сопровождающего инвентаря повозки или их модели, изображения, посвящена значительная литература. Вместе с тем каждая новая такая находка добавляет новые нюансы и помогает освещать иные вопросы социальной истории древних обществ. Среди различных дискуссионных аспектов проблемы довольно сложными являются вопросы времени появления в степной полосе Восточной Европы древнейших боевых колесниц, а также общественное положение умерших, сопровождавшихся колесницами.

С этой точки зрения заслуживает особого внимания катакомбное погребение, раскопанное недалеко от г. Запорожья на правом берегу р. Днепр (с. Марьевка, кург. 11, погр. 27) [1, с. 58—60] Погребение было впущено в юго-западную полу кургана, получившего у местного населения название «Тягунова Могила». Высота его составляла ~7 м, диаметр — до 80 м.

Погребальное сооружение — катакомба с двумя камерами (рис. 1, 2). Входная яма — подпрямоугольной формы, размеры ее 2,45×2,0 м; глубина дна составляла 4,4 м от уровня впуска (8,35 м от «0»). Ориентирована входная яма по линии восток — юго-восток — запад — северо-запад. В восточной части входной ямы располагался наклонный пандус длиной 1,8 м, наибольшей глубиной 0,45 м от дна входной ямы, шириной у входа в первую камеру 1,3 м. В противоположной, западной части входной ямы вырыт неглубокий (0,2—0,15 м) ровик для заслона, содержавший остатки деревянных плашек, поставленных вертикально. Плашки шириной до 0,06 м, длина не устанавливается. Плашки были прикрыты глиняной заглушкой, оплывшей частично в дромос второй камеры.

Вход в первую камеру находился в восточной стенке входной ямы. Ширина входа — 1,3 м, высота 1,0—1,1 м, форма — арочная. В камеру вел дромос длиной 0,8, шириной у камеры 1,55 м. Камера ниже дна дромоса на 1,1 м (5,8 м от уровня впуска; 9,75 м от «0»). Форма камеры — подпрямоугольная. Прилегающая ко входу стенка вогнута внутрь, противоположная имеет небольшой угол посередине. Размеры камеры 4,2×2,3 м (сохранившаяся высота у западной стенки — 1,2, у северной — 1,25 м). Реконструируемая высота камеры у входа — 2,2 м. Потолок, судя по сохранившимся остаткам, был уплощенным. Камера ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На ее стенках хорошо заметны следы орудий с лезвием шириной 0,06 м. В камере погребены четыре человека.

В северо-восточной части камеры лежал скелет мужчины 35—40 лет, скорченно на левом боку, головой на юг; ноги поджаты к тазу; левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть ее лежит на бедренной кости левой ноги. У ног погребенного находились три овечьих астрагала. Кости скелета несколько потревожены: череп откатился в сторону, левая ключица находилась на груди. Под головой погребенного обнаружена растительная подстилка,

© Н. Н. Чередниченко, С. Ж. Пустовалов, 1991 г.

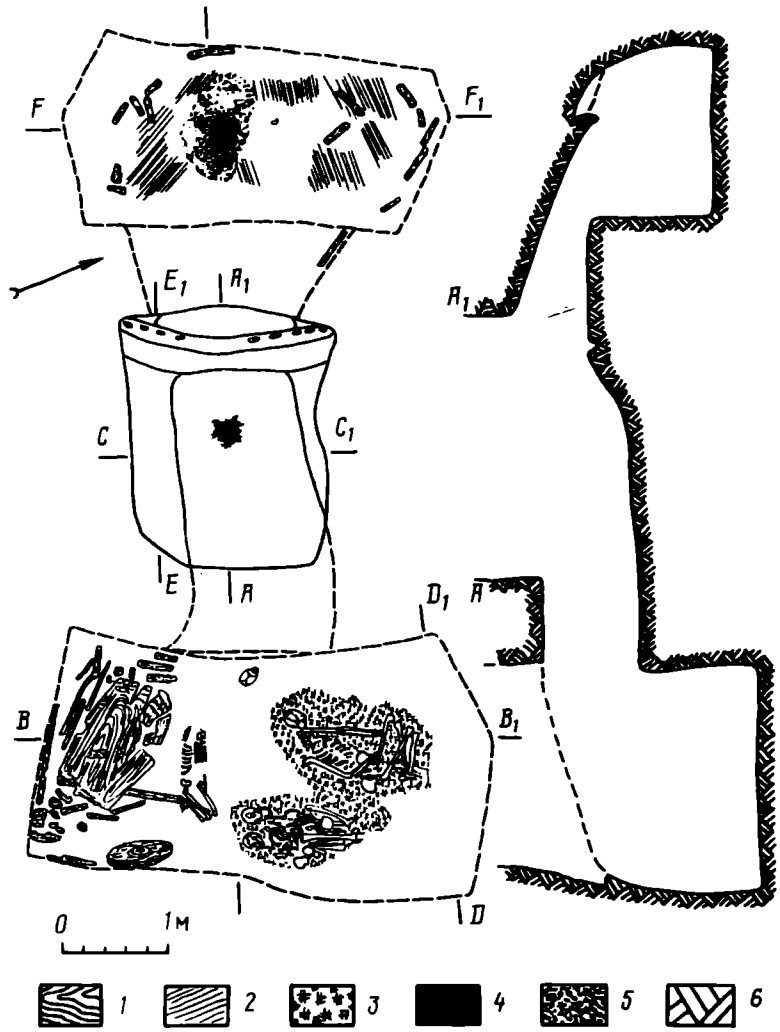


Рис. 1. План и разрез погр. 27 кург 11 (Тягунова Могила) у с. Марьевка. *1* — дерево; *2* — камни; *3* — погребальное ложе; *4* — прокаленный грунт; *5* — угли; *6* — материк

а под ней меловая подсыпка. Рядом, у восточной стенки в северной части камеры, лежали расчлененными два скелета. Их кости были уложены в следующем порядке. Наиболее северными были бедренные, берцовые и плечевые кости; под ними и ближе к центру камеры находились локтевые и лучевые, там же были кости таза и ребра. С востока кучкой лежали: фаланги пальцев рук и ног, плюсневые и пястные кости, коленные чашечки. С юга основными отверстиями вверх помещены два черепа. На них были положены нижние челюсти. На некоторых костях таза и под ними прослежена охра. Под погребенными находилась растительная подстилка, под которой шла меловая посыпка. Череп, находившийся ближе к стенке, принадлежал женщине 45—50 лет, другой — мужчине 30—35 лет [1]

В центральной части камеры у останков повозки находились кости ребенка 7—8 лет. Он лежал скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти их находились перед лицом. Ноги согнуты в коленях, пятки — у таза. Череп ребенка помещался перед входом в камеру, причем это не могло произойти по причине обвала потолка, поскольку череп был защищен мягким затеком из входной ямы и лежал непосредственно на дне камеры. У ног и рук ребенка отмечены пятна охры.

[1] Определение пола и возраста погребенных было проведено Р. А. Старовойтовой и С. И. Круц, любезно предоставивших авторам свои материалы.

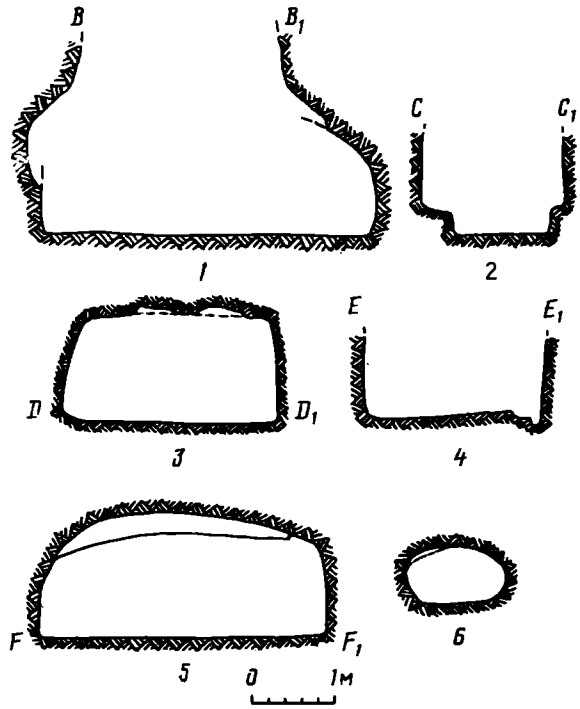


Рис. 2. Разрезы погр. 27, круг. 11

В южной части камеры в слоях затека находились повозка и бронзовое острие с остатками деревянного стержня.

Вторая камера. В западной части входной ямы располагался второй вход, овальной формы, размеры его: ширина — 1,35 м, высота — 0,75 м. Дно камеры ниже дна дромоса на 1.2 м (5,5 м от уровня впуска, 9,45 м от «0»). Она подпрямоугольной формы, размеры ее: 3,6×1,65 м, высота уплощенного потолка — 1,55 м. Камера ориентирована по линии север — северо-восток — юг — юго-запад. В заполнении камеры встречались фрагменты деревянных изделий, располагавшиеся по периметру камеры. На дне обнаружена растительная подстилка, под которой в центре камеры находились древесные угли и слой прокала диаметром 0,3 м. В северной части камеры обнаружены три половинки козьих или овечьих копытец, еще одна половинка лежала ближе ко входу в камеру.

Над погребением в южной трети кургана прослежена досыпка из светлого суглинка с включениями чернозема. Мощность досыпки — 0,5 м.

Форма погребальной камеры, шахты, положение скелетов, стратиграфическое положение погребения в кургане позволяют отнести данный комплекс к наиболее раннему этапу существования катакомбной общности в Северном Причерноморье. Данный тип погребений датируется в Нижнем Поднепровье рубежом III—II тыс. до н. э., а по последним данным,— даже последними веками III тыс. до н. э. [2, с. 91, 92]

Остановимся теперь на описании и реконструкции повозки. Она находилась в центре южной части первой камеры. Верхняя часть кузова и одно из колес были сильно повреждены или частично уничтожены обвалом потолка камеры уже в процессе раскопок, тогда как нижняя часть повозки уцелела благодаря тому, что покрывалась слоями затека из входной ямы (рис. 3, *а*). Здесь лежала нижняя часть кузова в виде цельной плахи, выдолбленной наподобие корыта, размеры ее: 1,2×0,74 м, высота — 0,15 м. Продольные и задняя стенки кузова — прямые, а передняя — заоваленная. Толщина днища — 0,25 м. Таким образом, передняя часть кузова была овальной.

Судя по сохранившимся остаткам, для основы кузова, как и остальных деталей, была использована лиственная кольцесосудистая порода дерева. Борта

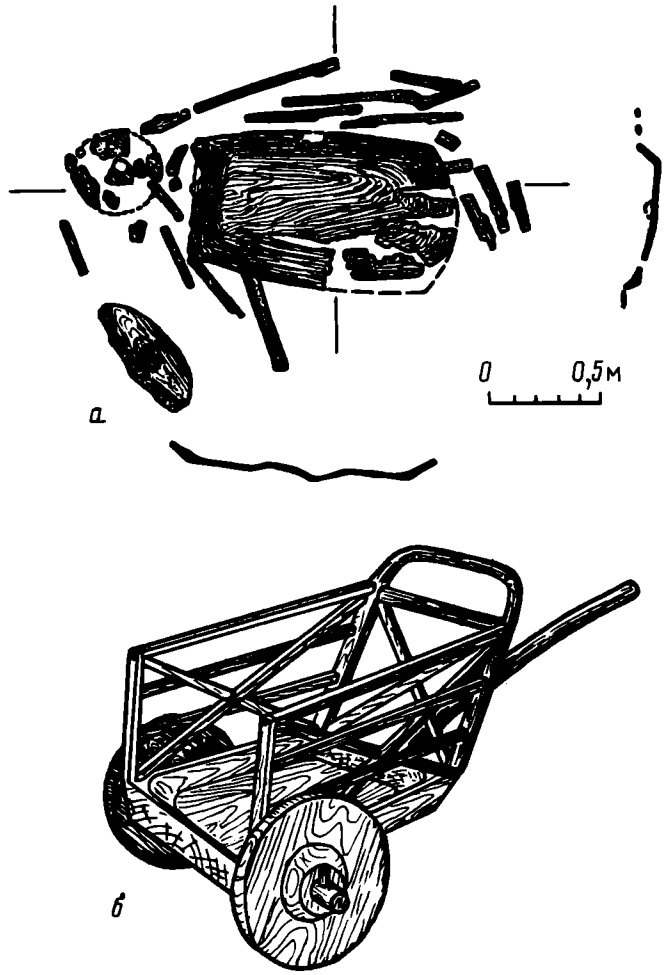


Рис. 3. Колесница из погр. 27, кург. 11 у с. Марьевка. *а* — план и разрезы; *б* — реконструкция внешнего вида колесницы (вариант 1)

повозки состояли из нескольких легких деревянных планок; они развалились под воздействием времени и обвала. Так, с юго-востока прослежены три планки левого борта: у самого кузова — планка размерами 0,6×0,06 м, вторая — 0,55×0,03 м, третья — 0,75×0,03 м. Планки подпрямоугольные в разрезе. Там же, между планками левого борта, лежала часть дышла с характерным для него изгибом. Очевидно, что был лишь обломок; его размеры: 0,95×0,06 м. Под кузовом лежала ось длиной 1,15 м, диаметром 0,06 м.

У северо-восточной стенки находились три планки правого борта: размеры первой — 0,3×0,06 м, второй — 0,35×0,06, третьей — 0,25×0,04 м.

У западного угла находилась планка переднего борта длиной 0,4 м, шириной 0,04 м, севернее нее была еще одна (0,3×0,03 м) В юго-западном углу лежало бронзовое острие длиной 1,1 см, шириной 0,4 см, квадратное в сечении; длина сохранившейся части рукояти — 2,2 см, толщина рукояти — 1,8 см, сечение круглое.

У восточной стенки стояло первое колесо, диаметром 0,6 м, шириной обода 0,05 м. В средней части колеса выступала на 0,1 м ступица диаметром 0,15 м. Второе колесо находилось в углу у южной стенки камеры. Оно сильно повреждено и не поддается реконструкции.

За исключением упряжи и дышла, повозка была помещена в камеру целиком, возможно, части ее доставлены в камеру и собраны на месте.

Двухколесная повозка восстанавливается на основе сохранившихся остат-

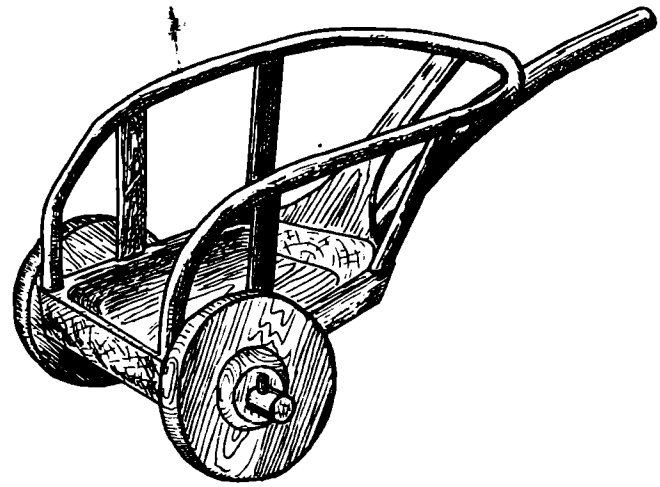


Рис. 4. Реконструкция внешнего вида колесницы из погр. 27, кург. 11 (вариант 2)

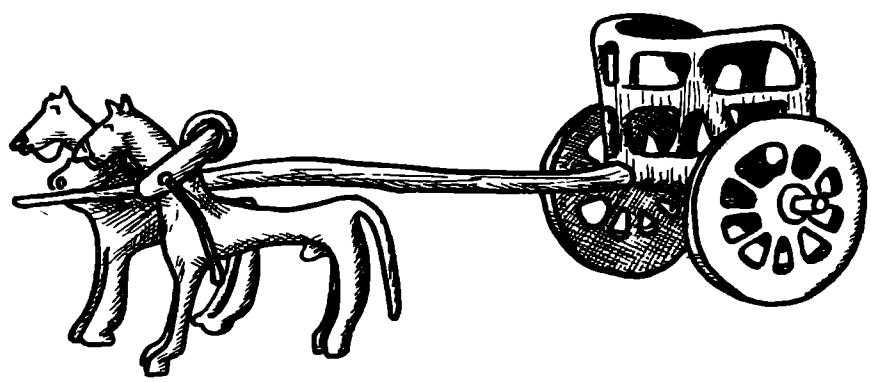


Рис. 5. Бронзовая модель боевой колесницы из Гохеби-Руставского карьера (конец II тыс. до н. э.)

ков и привлекаемых аналогий в следующем виде. Это одноосная колесница с относительно высокими бортами, с мощной, изготовленной из цельного куска дерева нижней частью кузова и смещенной к задней стенке осью (рис. 3, *б*; 4). Ось, вероятно, неподвижно крепилась к нижнему краю кузова. На ней вращались сплошные цельные колеса с выступающими втулками. Колеса удерживались на оси с помощью чек.

О конструкции бортов по остаткам в камере погребения у с. Марьевка можно сказать, что они не были сплошными, а состояли из планок. Верхняя их часть, возможно, была мягких, овальных очертаний, как это видно на различных изображениях боевых колесниц (рис. 5—7). Не исключено, что борта состояли из трех параллельных планок, крепившихся к стойке у задней стенки и к стойке передка (рис. 5).

Передний борт восстанавливается нами на основе аналогий несколько выше остальных бортов. Так как нижняя часть кузова имела заоваленную переднюю стенку, передок в целом можно считать овальным. Как свидетельствуют ближневосточные параллели, решетчатые борта могли обтягиваться кожей, войлоком, зашиваться досками.

Длинная ось колесницы играла роль амортизатора. Аналогичную функцию выполняло и дышло, жестко соединенное с кузовом. Смещенная назад ось увеличивала рычаг амортизации при движении.

К сожалению, нет возможности достоверно говорить об упряжном животном. Населением эпохи ранней бронзы кроме лошадей в качестве упряжного животного использовались различные эвкиды: онагры, ослы, о чем свидетель-

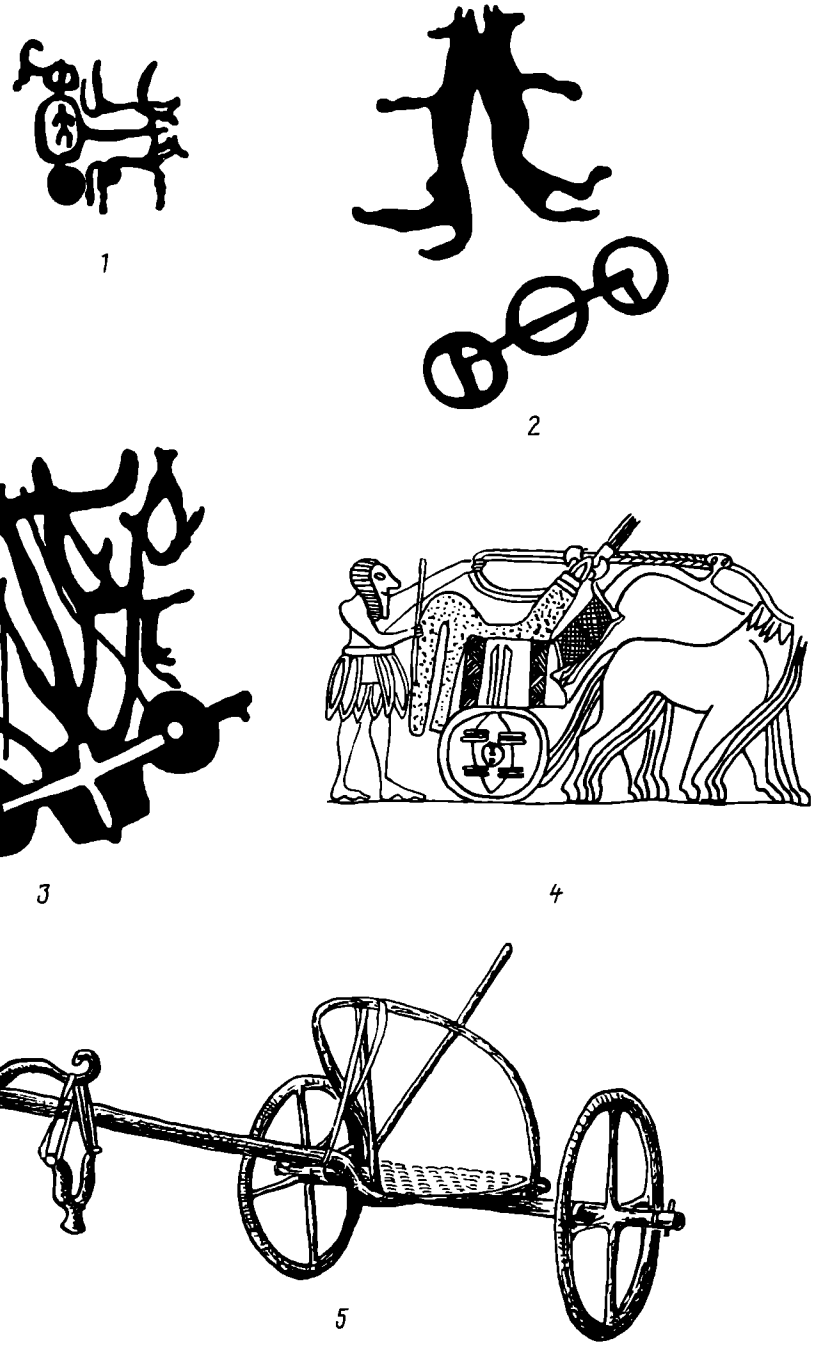


Рис. 6. *1* — первая колесница из ущелья Бичигтын-ам; *2* — четвертая колесница из ущелья Яманы-ус; *3* — вторая ховдсомонская колесница, гора Тэвин-ул; *4* — рельефное изображение колесницы на известняковой плите из Ура (конец IV—III тыс. до н. э.).; *5* — колесница времени XVIII династии из Египта

ствуют костные остатки на знаменитом Михайловском поселении [3, с. 55—67] Странно, что М. В. Горелик отрицает возможность использования населением евразийских степей эвкидов для запряжки повозок и колесниц [4, с. 188, 191]

Найденное бронзовое острие является не чем иным, как остатком стрекала. Отличия наконечников стрекал в катакомбных захоронениях состоят в том, что рабочая часть острия короткая и выпуклая, а черенок, вставляющийся в стержень, длинный и тонкий, часто с едва вогнутыми гранями. Такое острие вставлялось в древко длиной до 1,4 м, как это было прослежено в погребении 2, курган 5 у с. Заможное. В заможнинском могильнике были найдены и более короткие стрекала, длиной 1 м [5, с. 84] Наличие стрекала предполагает и

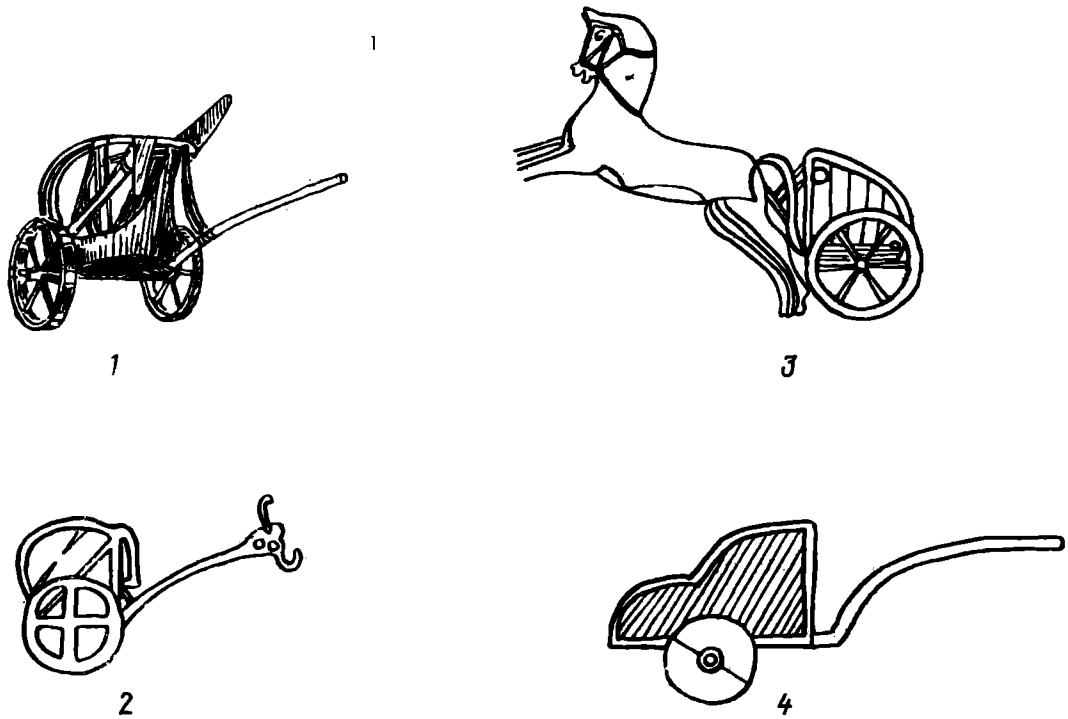


Рис. 7 Малоазийские и египетские изображения колесниц

наличие у упряжных животных недоуздка с поводьями, крепившимися к кольцу, продетому в ноздри животного [6, с. 147].

Погребения с повозками достаточно широко известны в катакомбной общности. Для материалов до середины 70-х годов их сводку привела Е. Е. Кузьмина [7, с. 68—87]. За прошедшее время накопился новый значительный материал по данной проблеме. Однако большинство новых находок содержат либо лишь части повозок, либо экипажи находятся во входных ямах погребений, часто будучи использованы в качестве закладов. Обычай использовать колеса или их части в закладе входа в камеру широко бытовал у населения катакомбной общности.

Целые повозки, находящиеся в камере погребения, в Нижнем Поднепровье известны нам лишь в двух случаях: в погребении 23, курган 2 у с. Екатериновка на Криворожье, где погребенный находился непосредственно в самой повозке [8, с. 42], и в Северном Крыму (кург. 14, погр. 28 у с. Болотное) [9]. Оба погребения близки публикуемому в настоящей статье в культурно-хронологическом плане. Камера криворожского погребения имела огромные размеры (5,0×3,1 м), обильный инвентарь: два бронзовых «шила», бронзовый нож, 2 серебряных подвески, 300 мелких бус из ракушек, а также горшок и фрагмент курильницы (жаровня?) Северо-Крымское погребение более скромно. Размеры камеры всего 2,45×1,85 м; среди инвентаря бронзовые нож и пластина от боевого пояса, «шило», горшок, кремневый отщеп, рогожа, мешок с зерном, украшение из клыка животного.

По нашему мнению, здесь похоронены воины, занимавшие в катакомбном обществе достаточно высокое положение, возможно военные вожди, а находившиеся в этих могилах четырехколесные повозки, наверное, следует рассматривать как боевые колесницы. Как известно, использование четырехколесных боевых колесниц на Дневном Востоке прекрасно документируется различными находками из комплексов III—II тыс. до н. э. [10], а так как появление в степи колесного транспорта большинством исследователей связывается с влиянием Востока [11], то вполне допустимо, что идея использования четырехколесных боевых повозок могла быть воспринята как ямными, так и катакомбными пле-

менами, хотя это предположение нуждается в дополнительной аргументации.

О назначении колесницы, найденной в погребении у с. Марьевка, можно сказать следующее. Конечно, помещение колесницы в могилу как будто свидетельствует о ее культовом назначении, как и все, что сопровождает покойника. В религиозных системах индоевропейских народов колесница является атрибутом целого ряда богов [11—13] Однако она вряд ли была изготовлена специально для проведения погребальной церемонии. Одними из аргументов в пользу ее хозяйственного назначения могли бы служить сплошная конструкция колеса и отсутствие лошадей в запряжке [14, с. 176] Однако мощная основа кузова в сочетании с небольшими его размерами, наклонный передок, асимметрично расположенная в задней части кузова ось, аналогии с переднеазиатскими боевыми колесницами позволяет авторам уверенно предполагать боевое назначение марьевской колесницы, ее военное использование.

Таким образом, в Северопричерноморских степях в катакомбном погребении впервые обнаружена древнейшая пока в степях Восточной Европы одноосная боевая колесница на сплошных колесах. Поскольку она обнаружена в раннекатакомбном погребении, то ее можно датировать, самое позднее, рубежом III—II тыс. до н. э.

В технико-типологическом аспекте она является тем переходным звеном, которое связывает массивные ямные повозки и развитые колесницы эпохи средней и поздней бронзы. Наиболее древние из них относятся ко второй четверти II тыс. до н. э. [12, 15]

Не менее важен и интерпретационный, социологический аспект рассматриваемой проблемы. Традиционно со времени Г Чайлда [16] наличие повозок связывалось с самым высоким социальным статусом погребенного, хотя имелись попытки считать повозки только показателем имущественного достатка [17]

Результативным критерием, позволяющим проверить справедливость той или иной точки зрения на роль повозки в качестве детали погребального обряда, является мера трудовых затрат, с помощью которых комплексно анализируется погребение.

В среднем погребения с повозками характеризуются обширными, намного больше обычных погребальными сооружениями, металлическими изделиями, сложными погребальными ложами, наличием досыпки или даже насыпи над погребениями, наличием оружия и некоторыми другими признаками. К тому же, как правило, эти признаки встречаются в комплексе [18, с. 146—149] Если с указанных позиций рассматривать марьевское захоронение, то окажется, что объем извлеченного при его сооружении грунта в 11 раз превышает объем ординарного погребения катакомбной общности (4 $м^3$) Над погребением сооружена мощная досыпка — 0,5 м, занимавшая $^1/_3$ кургана с южной стороны. При совершении погребальной церемонии были устроены глиняный и деревянный заслоны, пандус — те признаки, на социальный характер которых мы указывали и раньше [19, с. 136]

Исходя из расположения скелетов в камере, можно полагать, что погребение, и колесница в том числе, предназначалось лишь одному из четырех человек — а именно зрелому мужчине (35—40 лет), лежавшему в центре северной части первой камеры. Расчлененные костяки — это погребенные при нем, так же как и скелет ребенка, обращенный лицом к главному покойнику. Ребенок положен таким образом вопреки нормам катакомбного общества — поперек длинной оси камеры, руки его лежали кистями перед лицом, что также нехарактерно для катакомбного обряда. Его место у колесницы может быть истолковано как определенная связь с его обязанностями по содержанию колесницы или упряжных животных. Другими словами, он такой же погребальный инвентарь, как и экипаж. Если допустить, что имело место насильственное умерщвление ребенка, то помещение его головы у входа в камеру теми, кто проводил захоронение, также представляется неслучайным. Как известно, человеческие жертвоприношения, вероятность которых допускал еще М. И. Артамонов [20, с. 108—125], рядовым

общинникам не полагались. На неординарное положение умершего мужчины 35—40 лет указывает и сложное погребальное ложе, состоявшее из подушки, подстилки и меловой посыпки. Под расчлененными скелетами — просто подстилка, под ребенком ничего нет. Наконец, в погребении обнаружено изделие из бронзы — наконечник стрекала. Для Поднепровья, где металл встречается в среднем в 5% погребений, этот признак свидетельствует о неординарности погребенного. Более того, стрекало, семантически близкое посоху, могло также выступать и символом власти [21, с. 36—38]

Таким образом, погребение с колесницей из кургана «Тягунова Могила» в социальном плане сочетает в себе ряд признаков высокого социального ранга умершего: а) значительный объем грунта (следует отметить, что весьма экономное в отношении умерших катакомбное общество в данном случае устраивает полностью отдельную пустую камеру без погребенных; остатки, найденные в ней, позволяют говорить о культовом назначении последней); б) досыпку; в) боевую колесницу; г) металл; д) сложное погребальное ложе; е) человеческое жертвоприношение?

Авторам представляется, что к проблеме определения социального статуса погребенных с повозками следует подходить с одной стороны комплексно, а с другой — дифференцированно. Если весь комплекс признаков, как в данном случае, свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного, то это, действительно, представитель высшего эшелона власти катакомбного общества (аналогичная картина наблюдается и в погребении из кургана на Криворожье)

Если же погребение ничем иным, кроме повозки, не выделяется или перечень этих признаков неполон, такое захоронение занимает промежуточное положение между высшим общественным слоем и рядовыми общинниками. При этом чем полнее комплекс признаков, тем выше социальный статус погребенного, и наоборот

Разделение социального и имущественного аспектов для позднепервобытных и раннеклассовых обществ представляется неправомерным, ибо имущественное положение индивида в таких обществах определялось прежде всего социальным статусом [22] Конкретизируя понятие «высший эшелон власти» в связи с появлением в степи в ямно-катакомбное время боевых колесниц, следует отметить следующее. Тесная связь колесниц с родоплеменной знатью, выдвинувшейся в результате военных действий, позволяет полагать, что погребение в Тягуновой Могиле и аналогичные ему — это воины-колесничие. Видимо, только для знати оказалось возможно использование этого новейшего, бесспорно, дорогого для того времени достижения военной техники. Именно поэтому так немногочисленны рассматриваемые погребения. В связи с этим думается, что в процессе выделения родоплеменной знати в отдельных родах в ходе частых военных столкновений на первый план выдвигались воины с незаурядными физическими данными, которые и становились во главе воинских отрядов, вначале родовых, а затем благодаря все тем же качествам и во главе более крупных: племенных, межплеменного войска; наконец, они могли сохранить свое приобретенное социальное положение в мирное время, т. е. становились во главе общины, всего племени, союза племен. Вероятно, такое «продвижение» одного или нескольких военачальников в пределах племенной иерархической лестницы одновременно приводило к усилению могущества рода или родов, из которых происходили эти военные вожди. «Как известно, в ранних варварских обществах аристократические роды удерживали власть и влияние в течение многих поколений. Точно так же и в Микенах знатный род, выдвигавший басилеев из своей среды, сохранял господствующее положение на протяжении длительного времени» [23, с. 56]

Конечно, наши рассуждения не лишены определенного схематизма и тем не менее как один из возможных вариантов объяснения такого явления, как наличие рассматриваемых в больших могилах в степной полосе колесниц, могут

быть приняты. Любопытно, что в греческом героическом эпосе, например, аристократические роды, удерживавшие власть в своих руках, утверждали свое право властвовать в обществе ссылками на своих могущественных и сильных предков [23, с. 56], получивших ее некогда, очевидно, благодаря своим незаурядным физическим данным. Таким же образом могла укреплять свое могущество и родоплеменная знать в степях Восточной Европы в первой половине II тыс. до н. э.; среди этой знати, в значительной степени еще первобытной, своеобразной элитой являлись в это время, безусловно, «сражающиеся с колесницы», для которых совершенно необходимы были наряду с другими качествами и большая физическая сила, и выносливость, и мужество, и стойкость и т. д.

Итак, с нашей точки зрения, мы имеем все основания считать погребенных в рассматриваемых могилах степной полосы представителями родоплеменной знати, а конкретнее — своеобразной военной аристократии, которой для того, чтобы сохранять свое привилегированное положение в обществе, как и микенским басилеям, еще приходилось, видимо, сражаться во время войны в первых рядах войска.

Наконец, следует сказать о той большой роли колесниц, которую они играли в социальной организации индоарийского общества, об обособленной прослойке колесничих в этом обществе, в том числе и о правителях-колесничих, о чем писалось уже достаточно много [24, с. 51] Дело в том, что в отечественной науке всеобщее признание получила точка зрения об индоиранской принадлежности носителей ямной и катакомбной культурно-исторических общностей [25, с. 149—151] Следовательно, погребения Причерноморских степей с остатками колесниц можно интерпретировать в свете представлений индоарийского общества как погребения колесничих.

Далее, общепризнанным в науке стал тот факт, что на Древнем Востоке одновременно с распространением колесниц и колесничей тактики боя происходило и проникновение индоариев, что выразилось в появлении правящей династии и господствующей верхушки индоариев в хеттском государстве и в Миттани, в индоевропейской принадлежности даже гиксосов к касситской династии в Вавилоне [26, с. 163, 164]. Вследствие этого появление в степях Евразии погребений колесничих представляется нам звеньями одной цепи распространения колесниц и связанных с ними явлений социального характера на всей территории Старого Света.

При таком подходе к проблеме степных колесниц, т. е. рассматривая ее как часть единого процесса, протекавшего в пределах очерченного региона, перед нами предстают в ином свете многие вопросы, еще недавно казавшиеся непонятными. Мы можем увереннее предполагать использование катакомбными племенами колесниц в военном деле и высокий социальный ранг умершего, который подчеркивался помещением в его могилу колесницы.

Разумеется, в данном случае нами подразумевается не просто механическое перенесение социальной структуры древневосточных обществ на образования эпохи бронзы в степи, а имеется в виду тот факт, что на основе возросшего уровня экономического развития в первой половине II тыс. до н. э. происходит дальнейшая социальная дифференциация в степном обществе, результатом чего явилось возвышение верхушки родоплеменной знати настолько, что она оказалась в состоянии использовать в военных целях новейшее техническое достижение того времени — боевые колесницы, а также стала, как и на Древнем Востоке, подчеркивать свое могущество и превосходство над рядовыми общинниками посредством идеологии, в частности, погребального обряда — сооружением обширных могил и помещением в них колесниц.

Итак, по нашему мнению, имеются все основания считать, что погребенный в Тягуновой Могиле колесничий-воин был не просто представителем родоплеменной верхушки, а вождем крупного потестарного объединения, который тем не менее для подтверждения своего привилегированного положения во время войны сражался на колеснице в первых рядах войска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. и др.* Отчет о работе Верхнетарасовской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА АН УССР. Ф. Е. 1976/2.
2. *Чмихов М. А., Черняков І. Т.* Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. Київ, 1988.
3. *Бібікова В. І.* До історії доместикації коня на південному сході Європи // Археологія, 1969. Т. XXII.
4. *Горелик М. В.* Боевые колесницы Переднего Востока III—II тыс. до н. э. // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.
5. *Отрощенко В. В., Рассамакин Ю. Я., Пустовалов С. Ж.* Отчет Запорожской экспедиции за 1981 г. // Архив ИА АН УССР. Ф. Е. 1981/10.
6. *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., Наука, 1976.
7. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
8. *Крылова Л. П.* Отчет о раскопках Днепропетровского исторического музея в 1969—1970 гг. // Архив ИА АН УССР. Ф. Е. 1969—70/106.
9. *Корпусова В. Н. и др.* Отчет о раскопках Северо-Крымской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН УССР. Ф. Е. 1978/12.
10. Nagel Wolfgang der mesopotamische straitwagin mid seine Entwickl wicklung im ostmediterremen Bereich. B., 1966.
11. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
12. *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА. 1980. Вып. 161.
13. *Чередниченко Н. Н.* Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
14. *Кожин П. М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., Наука, 1985.
15. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблемы ранних иранских племен // СА. 1977. № 4.
16. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. Пер. с англ. М.: Иностр. лит., 1956.
17. *Häusler A.* Zur ältesten Geschichte von Rad und Rad im nordpontischen Raum // EAZ. 1981. № 4.
18. *Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж.* Моделировка лица по черепу у племен катакомбной общности // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. М., 1987.
19. *Пустовалов С. Ж., Черных Л. А.* Опыт применения формализованно-статистических методов для половозрастного анализа погребений катакомбной культуры // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982.
20. *Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // ПИДО. 1934. № 7, 8.
21. *Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж.* Портреты прошлого // Знание — сила. 1983. № 8.
22. *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.
23. *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тысячелетии до н. э. М.: Наука, 1966.
24. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
25. *Мерперт Н. Я.* Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века // История СССР. Т. 1. М., 1966.
26. *Maxwell-Hyscop K. R.* Western Asiatic Jewellery from 3000—612 B. C. L., 1971.

Институт археологии АН УССР,
Киев

N. N. CHEREDNICHENKO, S. Zh. PUSTOVALOV

CHARIOTS AND CHARIOTEERS IN THE CATACOMB CULTURE SOCIETY (THE EXCAVATIONS IN THE LOWER DNIEPER AREA)

Summary

In the article a description of the catacomb burial containing a battle chariot is given. This assemblage was excavated near Voronezh, on the right bank of the Dnieper. According to the reconstruction the chariot had one axle and solid wheels. It is dated to the end of the 3rd — the beginning of the 2nd mill. B. C. and is now the earliest one in the steppes of the Eastern Europe. The authors point out a number of characteristics which should be taken into account when analyzing the social status of the buried in this grave. After the detailed study the authors make a conclusion that the charioteer was a representative of tribal authorities, namely, a chieftain of a large potestarian community.

В. Б. БАХШАЛИЕВ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ НАХИЧЕВАНИ

Археологические исследования последних лет позволяют проследить в материальной культуре Нахичевани некоторые элементы, характерные для культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа Восточного Закавказья. Особенно ярко отражено это явление в материалах могильника близ с. Коланы Шахбузского р-на Нахичеванской АР В настоящей работе приводится описание шести погребений могильника, раскопанных нами в 1986 г. Могильник расположен на отроге хребта, протянувшегося вдоль левого берега р. Нахичеванчай, который включается в общую систему гор Малого Кавказа. Могильник размещается на двух террасах, окруженных со всех сторон глубокими впадинами.

Погребения в основном представлены каменными ящиками прямоугольной формы, иногда с округленными углами. Встречаются также каменные ящики овальной формы. Сверху они обычно никак не отмечены, только углы перекрытия некоторых каменных ящиков обнажены (часть таких могил разрушена местным населением).

В некоторых местах могильника встречены скопления камней небольших размеров.

На нижней террасе могильника было раскопано пять погребений.

Погребение 1 расположено на южном пределе могильника. На поверхности зафиксировано скопление камней небольших размеров. При снятии грунта обнаружены обломки сероглиняных сосудов. Погребение открыто на глубине 0,1—0,6 м от дневной поверхности. Оно было обложено маленькими каменными плитами овальной формы и ориентировано с севера на юг. Скелет обнаружен не был. Погребение содержало два сероглиняных сосуда и четыре браслета. Длина погребения — 0,8, ширина — 0,5, глубина — 0,5 м.

Керамические изделия, обнаруженные над могилой и в ней самой, изготовлены из глины с примесью песка равномерного обжига. Они имеют серый цвет, иногда с бурыми пятнами. Поверхность их хорошо сглажена.

Инвентарь погребения. Фрагмент венчика толстостенного сосуда, отогнутого наружу, с вертикальным сплющенным краем (рис. 1, *1*). Фрагмент венчика толстостенного кувшина, отогнутого наружу, с закругленным краем (рис. 1, *2*). Часть корпуса кружки с прямым венчиком. Под венчиком овальная в сечении ручка с выступом (рис. 1, *3*). Кувшин с отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом, выпуклым корпусом и плоским дном. Плечи охвачены четырьмя рядами врезных линий. Поверхность слегка залощена (рис. 1, *6*). Кружка с прямым венчиком, цилиндрическим горлом, выпуклым корпусом и плоским дном. В верхней части имеется овальная в сечении ручка с выступом. Поддон сосуда заранее отбит, по-видимому во время исполнения погребального обряда (рис. 1, *4*). Браслеты с заходящими концами. Одни из них изготовлены из овальной в сечении, а другие — из круглой бронзовой проволоки. Концы сплощены и имеют подквадратную форму (рис. 1, *5*)

Погребение 2. На поверхности кучка камней небольшого размера. Во время снятия земельного покрова обнаружены многочисленные фрагменты серо- и красноглиняных сосудов. Могильная яма имела четырехугольную форму и была

© В. Б. Бахшалиев, 1991 г.

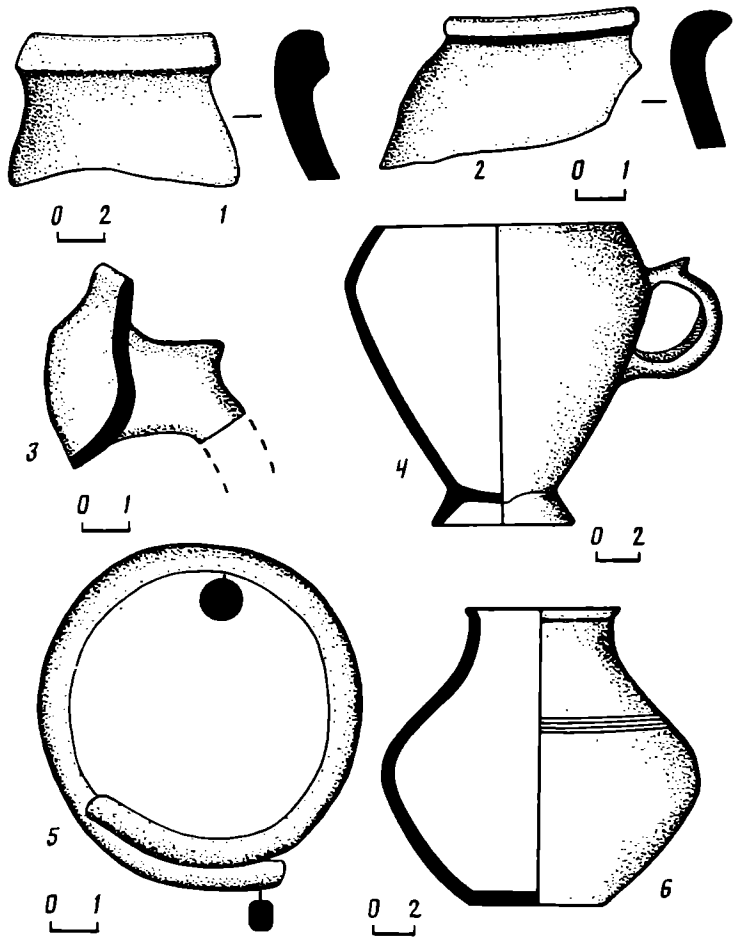


Рис. 1. Инвентарь из погр. 1

обложена (по одной с торца и по три с боковых сторон) каменными плитами; ориентирована с запада на восток. Перекрытие состояло из трех каменных плит, положенных поперек могильной ямы. Два скорченных костяка плохой сохранности ориентированы головами на запад. В погребении обнаружены одно блюдо и значительное число бронзовых изделий. Длина погребения — 1,5, ширина — 0,5, глубина — 0,9 м.

Керамику из засыпки можно разделить на две группы: красно- и сероглиняная.

Красноглиняная керамика представлена черепками кувшинов. Они с примесью песка, хорошего обжига. Венчики их отогнуты наружу. Один кувшин с цилиндрическим горлом (рис. 2, *1*), у других горло не выражено. Корпуса последних украшены врезными линиями и насечками (рис. 2, *2, 3*).

Сероглиняная керамика представлена черепками кувшинов, мисок и кружки. Они из глины с примесью песка, равномерного обжига.

Кувшины с отогнутым наружу венчиком, выпуклым корпусом. Поверхность их хорошо сглажена, без орнамента (рис. 2, *4*).

Миски представлены тремя фрагментами. Один из них с прямым невыраженным венчиком, цилиндроконическим корпусом. Под венчиком орнамент из трех рядов врезных линий (рис. 2, *6*). Вторая миска с отогнутым наружу венчиком, биконическим корпусом. Поверхность украшена врезной волнистой линией (рис. 2, *5*). Третья миска с прямым венчиком и выпуклым корпусом. Под венчиком имеется ушкообразный выступ с проушиной (рис. 2, *9*).

Фрагмент кружки с прямым венчиком и выпуклым корпусом в верхней части имеет овальную в сечении ручку с выступом (рис. 2, *7*).

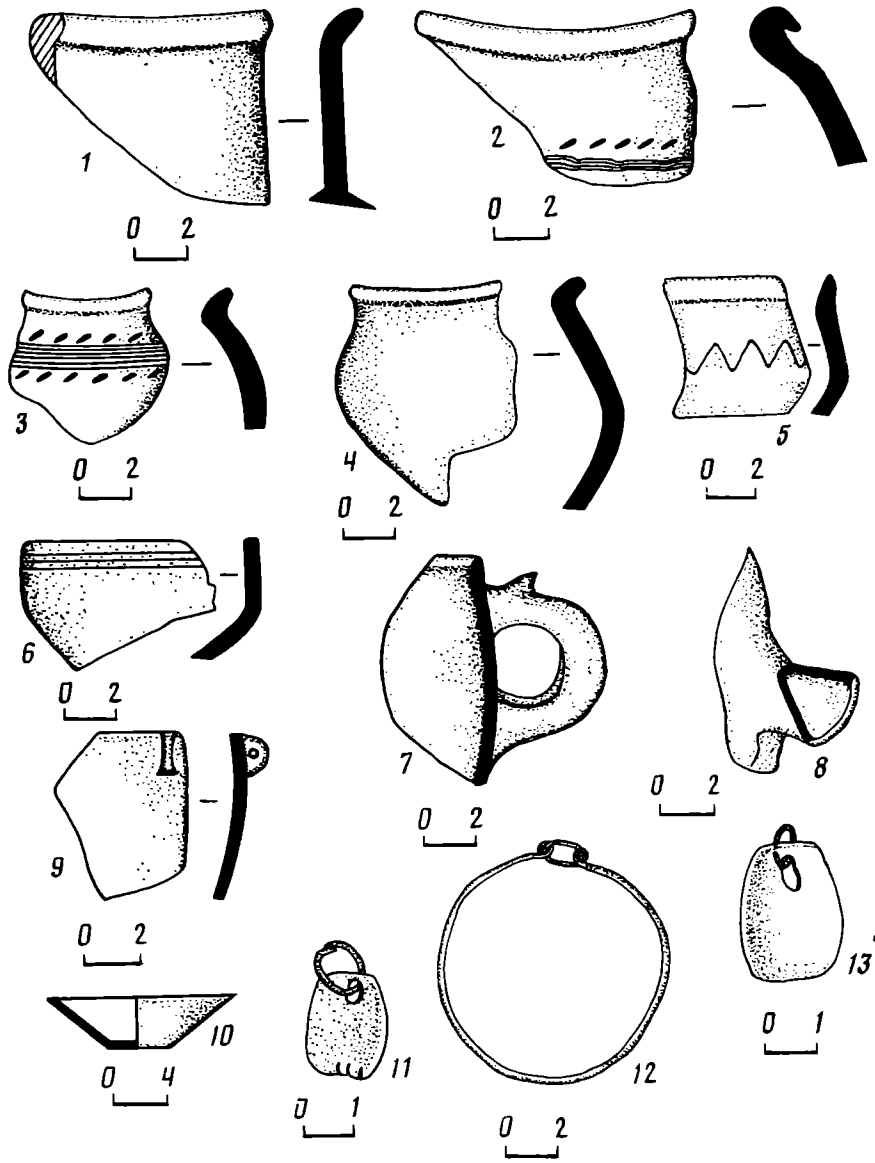


Рис. 2. Керамика и украшения из погр. 2

Фрагмент сосуда с носиком имеет выпуклый корпус (рис. 2, *8*)

Сероглиняное блюдо с прямым венчиком имеет конический корпус и плоское дно. Поверхность хорошо сглажена (рис. 2, *10*)

Гривна из тонкой бронзовой проволоки, концы сплющены и загнуты в виде петли, в них вдето кольцо из той же проволоки (рис. 2, *12*)

Проволочные серьги с подвесками из раковины и без них. Одни из них с разомкнутыми, а другие с заходящими концами (рис. 2, *11, 13*).

Браслеты из круглой или овальной в сечении бронзовой проволоки с разомкнутыми концами (рис. 3, *1, 2*)

Кольца-перстни с заходящими концами изготовлены из листовой бронзы (рис. 3, *3*).

Височные кольца из овальной и круглой в сечении бронзовой проволоки с заходящими концами (рис. 3, *4*)

Бусы из камня. Пять бусин имеют дисковидную (рис. 3, *5—7*) форму, одна — прямоугольную с округлыми концами (рис. 3, *8*), одна — ромбическую. Последняя в середине немного изогнута и имеет три отверстия (рис. 3, *9*) Обнаружена также одна агатовая бусина дисковидной формы (рис. 3, *10*)

Погребение 3 находилось на склоне холма. Во время снятия земельного

покрова найдены черепки серо- и красноглиняных сосудов. В засыпке попадались и камни. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована с севера на юг. Восточная ее стенка выложена маленькими камнями, остальные — каменными плитами. Погребение перекрыто двумя каменными плитами. Каменный ящик содержал три скорченных костяка плохой сохранности, головами на север. В погребении обнаружены один керамический кувшин и значительное число украшений. Длина погребения — 1,8, ширина — 1,0, глубина — 1,5 м.

Керамика из засыпки этого погребения также разделяется на две группы: красно- и сероглиняная.

Красноглиняная керамика представлена черепками кувшинов с примесью песка, хорошего обжига. Венчики их отогнуты наружу. Один из них с цилиндрическим горлом (рис. 3, *11*), другой с невыраженным горлом, поверхность его украшена ломаной линией и насечками (рис. 3, *12*).

Сероглиняная керамика представлена черепками кувшинов и кружек с примесью песка, равномерного обжига. Поверхности их хорошо сглажены.

Кувшины имеют отогнутый наружу венчик, цилиндрическое горло, выпуклый корпус. Поверхность одного из них украшена волнистыми линиями (рис. 3, *13*).

Кружка с прямым венчиком, выпуклый корпус имеет в верхней части овальную в сечении ручку (рис. 3, *14*). Зафиксированы также многочисленные фрагменты поддонов таких сосудов.

Кувшин с отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом, выпуклым корпусом и плоским дном украшен под горлом несколькими рядами врезных линий (рис. 3, *15*).

Интересны бронзовые гривны с нанизанными на них агатовыми, пастовыми бусами, раковинами и бронзовыми подвесками. Конец одной из них, сплюснутый и змеевидно изогнутый, имеет петельку-застежку (рис. 3, *16*). Большинство агатовых бус, нанизанных на гривну, рубленые; имеются также бусы цилиндрической и биконической формы. Бронзовые подвески литые. На поверхности одной из них припаяно шесть шариков (рис. 3, *16, а*), другая имеет выступы (рис. 3, *16, б*). На обоих концах второй гривны имеются змеевидные пружинки. Один конец закручен в спираль для вдевания другого конца (рис. 3, *17*). Агатовые бусы, нанизанные на гривну, в основном рубленые. Имеются две цилиндрические и одна пастовая бусина, плоская с одной стороны и зазубренная с другой. Бронзовая подвеска литая (рис. 3, *17, а*).

Серьги из тонкой бронзовой проволоки с подвесками из раковин имеют разомкнутые или заходящие концы (рис. 3, *21, 22*). Конец одной из них согнут в виде петли (рис. 3, *22*).

Браслеты изготовлены из круглой в сечении бронзовой проволоки, концы заходящие или разомкнутые (рис. 3, *18, 19*). Один из браслетов изготовлен из листовой бронзы. Концы закручены в спираль (рис. 3, *20*).

Кольца-перстни представлены 2 экз. Один из них четырехгранный, с сомкнутыми концами (рис. 3, *24*); второй — с заходящими концами, изнутри плоский, снаружи выпуклый (рис. 3, *23*)

Дисковидная ажурная подвеска с ушком для подвешивания имеет круглое отверстие, обрамленное прорезными треугольниками (рис. 3, *25*).

Булавки изготовлены из круглого в сечении бронзового прута, суживающегося к острию. Сверху они сплюснуты и завернуты в трубочку (рис. 3, *28*).

Среди погребального инвентаря имеются две дисковидные бусины, вырезанные из раковины. Сквозное отверстие проходит по продольной и поперечной оси (рис. 3, *26, 27*).

Погребение 4 было засыпано грунтом. При расчистке засыпки обнаружены фрагменты сероглиняных сосудов. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами. Стенки выложены плитами (под одной с торцовых сторон и по три с боковых). Погребение ориентировано с севера на юг Вскрыто два скорченных костяка плохой сохранности, головами на север. Длина погребения — 1,2, ширина — 0,9, глубина — 0,7 м. Инвентарь состоял из двух керамических сосудов и значительного количества бронзовых изделий.

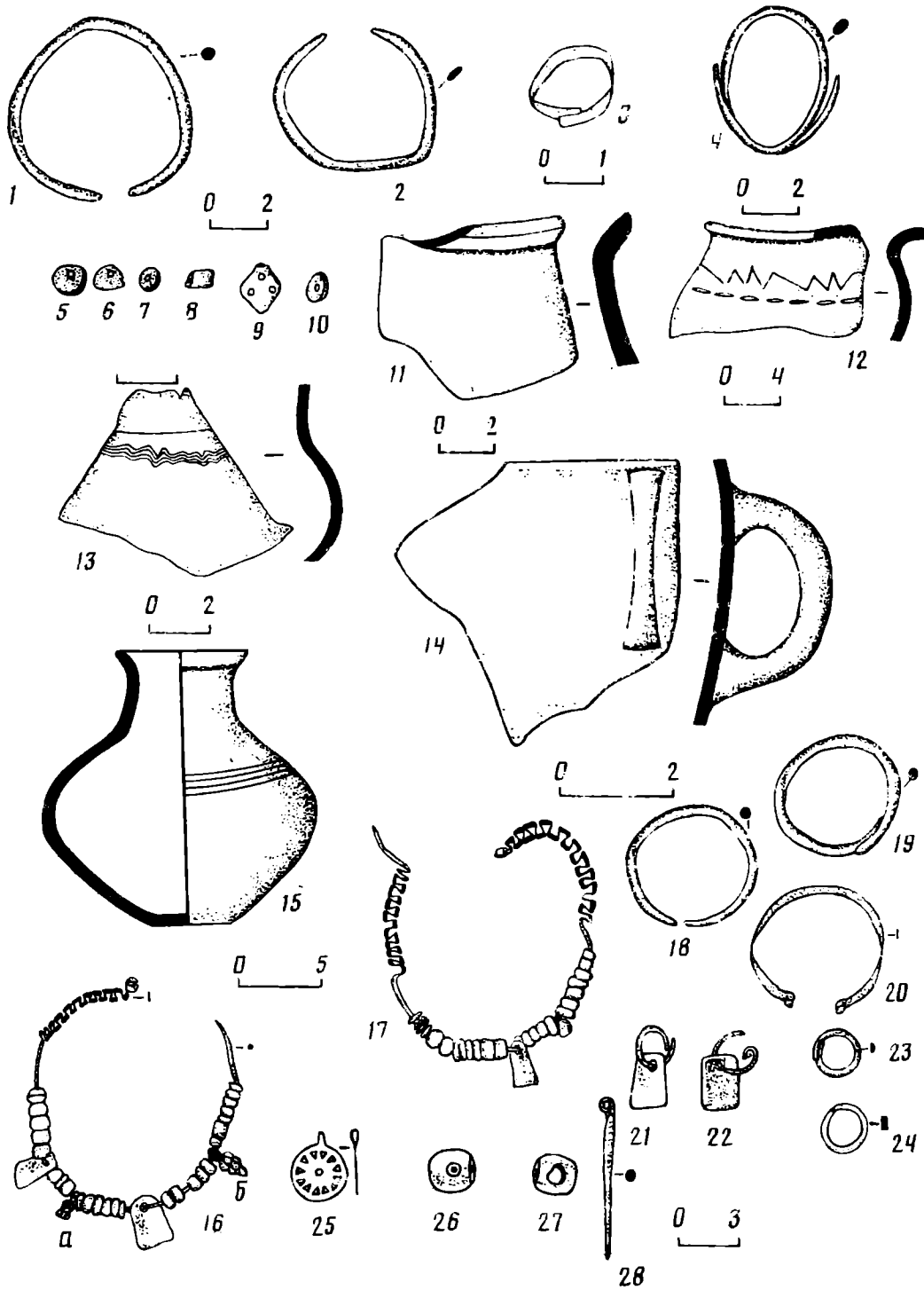


Рис. 3. Керамика и украшения из погр. 2 и 3: *1—10* — погр. 2; *11—28* — погр. 3

Керамика из засыпки представлена черепками сероглиняных кувшинов и мисок с примесью песка, равномерного обжига.

Кувшины имеют отогнутый наружу венчик, цилиндрическое горло, выпуклый корпус. Поверхность одного из них украшена насечками, другого — врезными линиями (рис. 4, *1, 2*)

У миски загнутый вовнутрь прямой венчик, выступающие плечики и конический корпус (рис. 4, *4*).

Кружки из погребения представлены 2 экз. Одна из них с отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом и выпуклым корпусом, суживающимся ко дну

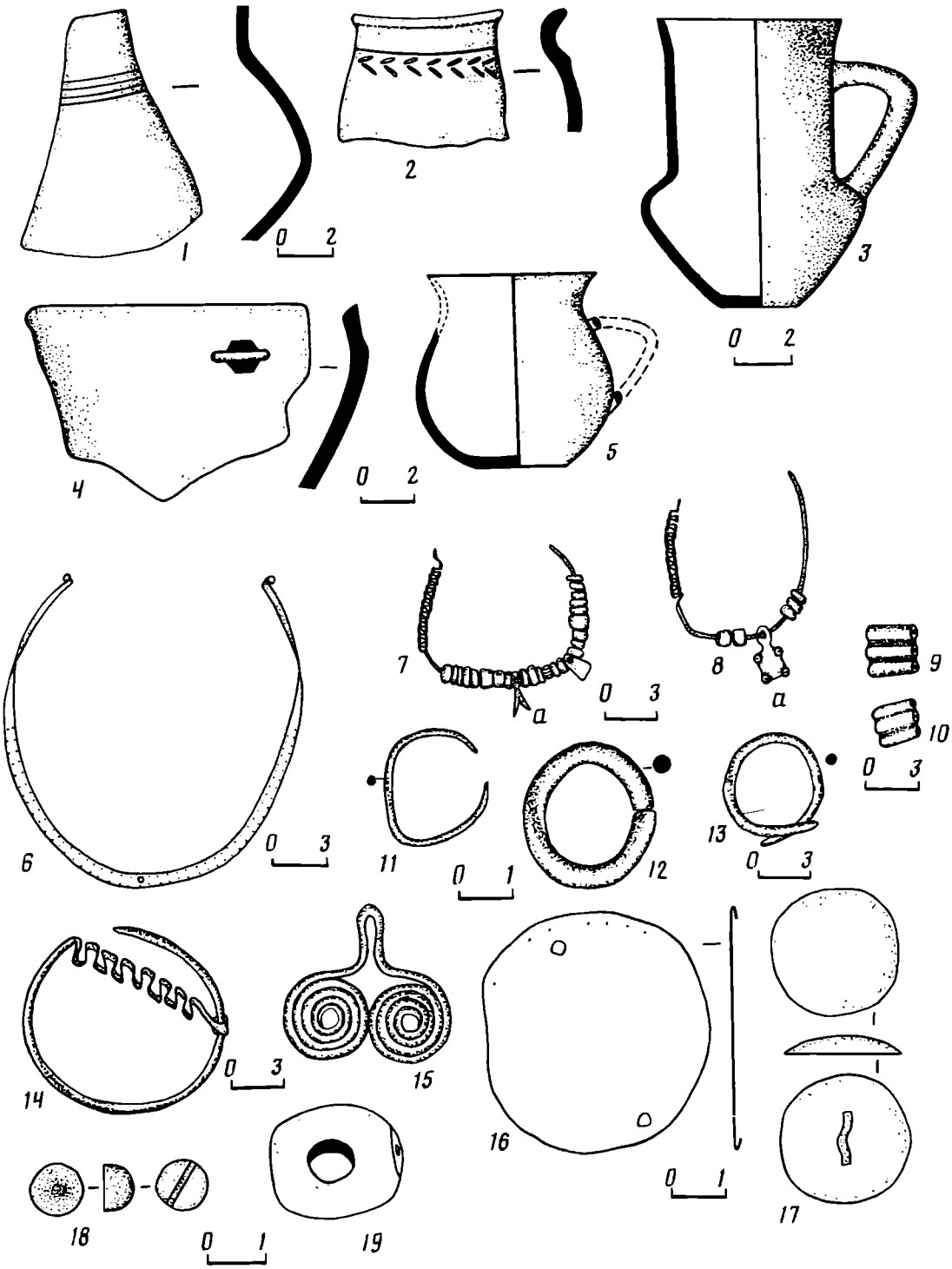


Рис. 4. Керамика и украшения из погр. 4

(рис. 4, *3*) Вторая кружка также с отогнутым венчиком и выпуклым корпусом. Ручка ее сломана (рис. 4, *5*).

Налобная повязка изготовлена из листовой бронзы. Концы ее суживаются и закручиваются в петли. Оба края снаружи украшены точечным орнаментом (рис. 4, *6*).

Гривны с нанизанными агатовыми бусами (рис. 4, *7, 8*) повреждены. С одной стороны они сплюснуты и змееобразно изогнуты. На одной из них кроме агатовых бус нанизаны каннелированная пастовая бусина, раковина и бронзовая под-

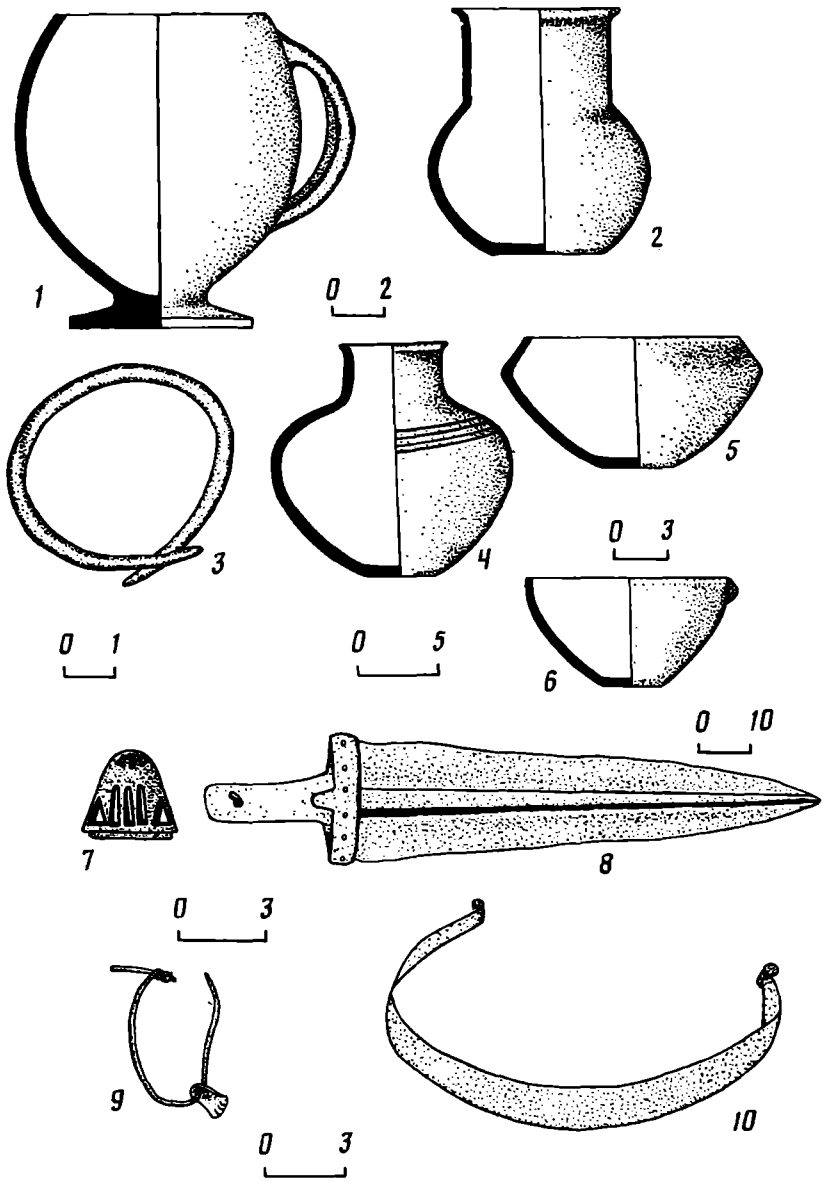


Рис. 5. Инвентарь погр. 5 и 6: *1—3* — погр. 5; *4—10* — погр. 6

веска (рис. 4, *7*). Подвеска сверху округлая, снизу раздвоенная (рис. 4, *7, а*). На второй гривне (рис. 4, *8*) кроме агатовых бус имеются одна пастовая бусина и трехгранная подвеска с припаянными шариками и петелькой наверху (рис. 4, *8, а*).

В погребении также обнаружены следующие предметы: серьга из бронзовой проволоки с разомкнутыми концами (рис. 4, *11*); браслеты из круглой или овальной в сечении бронзовой проволоки с заходящими концами (рис. 4, *13*). Кольца-перстни с сомкнутыми концами, изготовлены из круглой бронзовой проволоки (рис. 4, *12*). Височные кольца со змеевидным пересечением, изготовлены из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 4, *14*) Очковидные подвески представлены 3 экз. Они изготовлены из круглого в сечении бронзового прута (рис. 4, *15*). Дисковидная височная подвеска из листовой бронзы с загнутым краем и точечным орнаментом, по краям ее имеются два сквозных отверстия (рис. 4, *16*).

Пуговицы. Одна из них с одной стороны выпуклая, на обратной стороне имеется петелька из листовой бронзы (рис. 4, *17*). Другие пуговицы имеют полушаровидную форму с перемычкой на обратной стороне (рис. 4, *18*). Две из них — диаметром 1 см, шесть — 0,5 см.

Бронзовые бусы в виде трех соединенных трубочек представлены 2 экз. Они литые. Поверхность покрыта рыхлой патиной (рис. 4, *9, 10*).

Бусина из раковины по продольной оси имеет узкое, а поперек — широкое отверстие. Поверхность ее гладкая (рис. 4, *19*).

Погребение 5 было засыпано грунтом. В засыпке черепков глиняных сосудов не найдено. Могильная яма имела многоугольную форму. Скелет не обнаружен. Инвентарь представлен тремя сероглиняными сосудами и височными кольцами. Длина погребения — 1,0, ширина — 0,9, глубина — 0,5 м.

Кувшины имеют отогнутый венчик, цилиндрическое горло, шаровидный корпус и плоское дно. Поверхность их хорошо сглажена (рис. 5, *2*).

Кружка с прямым венчиком, шаровидным корпусом, суживающимся ко дну. Поддон дисковидный. В верхней части корпуса имеется овальная в сечении ручка (рис. 5, *1*).

Височные кольца с заходящими концами изготовлены из круглой бронзовой проволоки (рис. 5, *3*).

Погребение 6 было расположено на верхней террасе и засыпано грунтом. В засыпке черепков керамических сосудов не обнаружено. Могильная яма имела четырехугольную форму, ориентирована с севера на юг. Восточная стенка внизу выложена тремя плитами, а сверху — камнями небольшого размера. Западная стенка выложена двумя рядами каменных плит. В каждом ряду по две плиты. Торцовые стороны выложены двумя плитами. Перекрытие состояло из двух больших плит. В западной части погребения выявлено пять скорченных костяков плохой сохранности, в сидячем положении, а у восточной стены — два костяка: один в лежачем, другой в сидячем положении. В погребении обнаружено три сероглиняных сосуда и значительное число украшений. Длина погребения — 1,4, ширина — 1,1, глубина — 0,9 м.

Инвентарь погребения. Кувшин с цилиндрическим горлом, выпуклым корпусом и плоским дном. Под горлом он охвачен несколькими рядами врезных линий (рис. 5, *4*)

Миски по форме различны. Одна из них с прямым венчиком, выпуклым тупореберчатым корпусом, суживающимся ко дну. Дно плоское (рис. 5, *5*). Вторая миска — большой вместимости. Она имеет прямой венчик, конусовидный корпус и плоское дно. На краю венчика имеется ушкообразный выступ с отверстием (рис. 5, *6*)

Кинжал с треугольным плоским клинком, суживающимся к острию. По продольной оси проходит выступающее прямоугольное ребро. Черенок кинжала плоский, с отверстием для накладок (рис. 5, *8*) Обойма кинжала имеет два трапецевидных выступа, украшена прорезными кружками. Набалдашник ажурный, имеет конусообразную форму (рис. 5, *7*).

Налобная повязка изготовлена из широкой листовой бронзы, на концах сужена и закручена в спираль (рис. 5, *10*)

Гривна с нанизанной раковиной. Один конец ее расплющен и закручен в спираль (рис. 5, *9*).

Бронзовые серьги из проволоки. На одну из них нанизаны три агатовые бусины и одна раковина (рис. 6, *1*), на вторую нанизаны пастовая, бронзовая и агатовая бусины и раковина (рис. 6, *2*), на третью серьгу нанизаны одна пастовая, три агатовые бусины, одна раковина и цепочка из трех колец (рис. 6, *3*). Концы серьги закручены и вдеты друг в друга. На четвертую серьгу нанизаны одна пастовая, одна агатовая и две бронзовые бусины (рис. 6, *4*). Пятая серьга состоит из двух частей, прикрепленных друг к другу. На ней нанизаны одна бронзовая, две агатовые и три пастовые бусины. Одна из пастовых бусин каннелированная. Для подвешивания в нее вдето колечко из тонкой бронзовой проволоки (рис. 6, *5*). На шестую серьгу нанизаны шесть агатовых бусин (рис. 6, *6*), на седьмую — одна раковина (рис. 6, *7*).

Браслеты изготовлены из овальной в сечении, круглой и четырехгранной бронзовой проволоки (рис. 6, *8—11*). Они с разомкнутыми и заходящими кон-

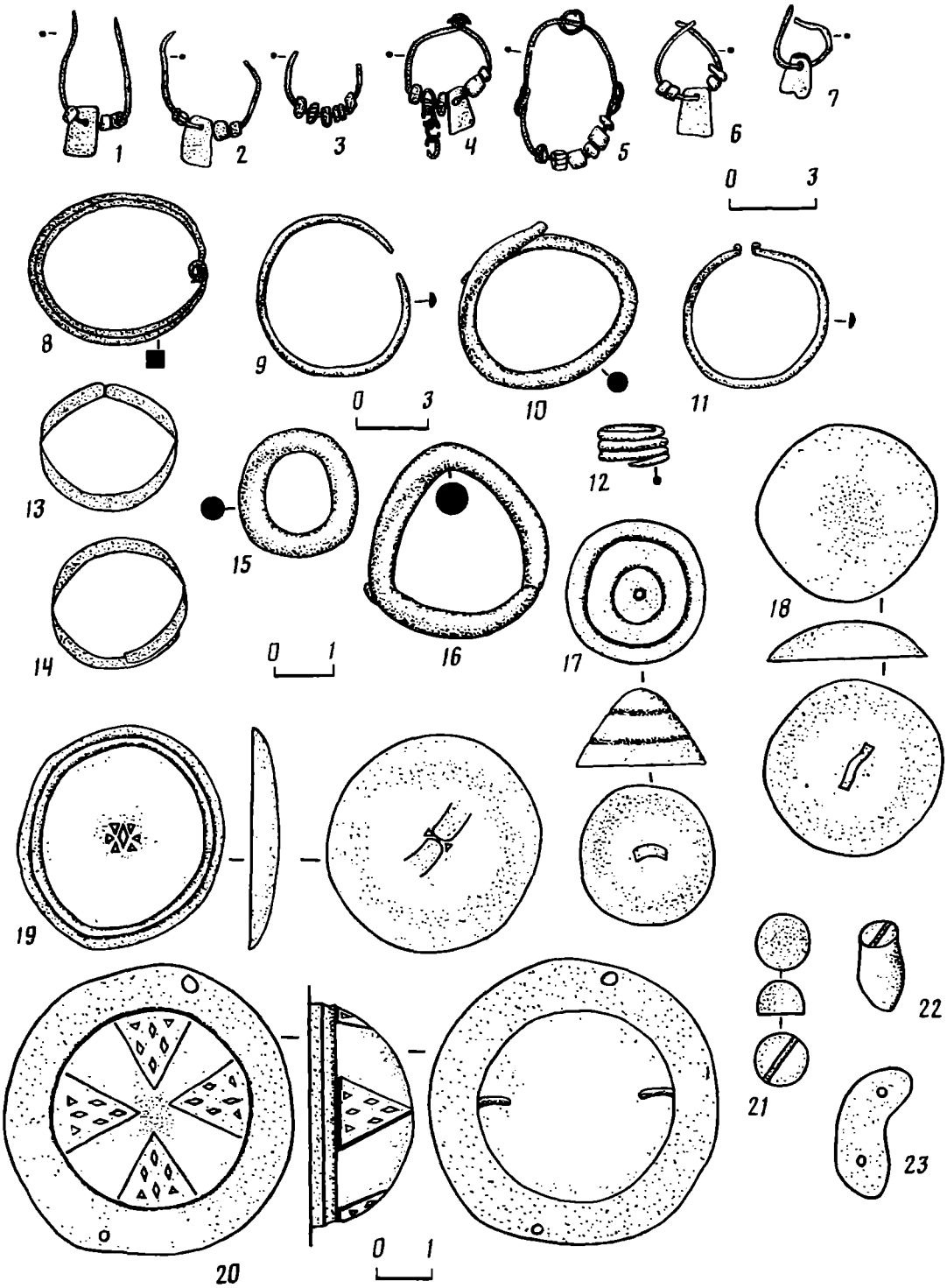


Рис. 6. Украшения из погр. 6

цами. Концы одного из них расплющены, закручены в спираль и вдеты друг в друга (рис. 6, *8*). Некоторые браслеты изнутри плоские, а снаружи выпуклые (рис. 6, *9*). Концы некоторых браслетов сплюснуты и отогнуты назад (рис. 6, *11*).

Кольца-перстни изготовлены из листовой бронзы. Они с сомкнутыми или заходящими концами (рис. 6, *13, 14*). Одно из колец вырезано из раковины (рис. 6, *15*). Височные кольца изготовлены из бронзовой проволоки круглого сечения (рис. 6, *16*). Кольца в три оборота изготовлены из круглой бронзовой проволоки. Они сильно окислены (рис. 6, *12*).

Бронзовая подвеска шатрообразной формы с перекладиной на обратной стороне (рис. 6, *22*). Подвеска, вырезанная из раковины, имеет дуговидную форму с двумя отверстиями (рис. 6, *23*).

Пуговицы по форме различны. Одна из них имеет конусовидную форму с петелькой на обратной стороне. Поверхность охвачена двумя полосками (рис. 6, *17*). На обратной стороне ее заметны остатки от литейной формы. Вторая пуговица выпуклая. Средняя часть ее украшена прорезными треугольниками и ромбами, по краям процарапано две линии (рис. 6, *19*). Третья пуговица сравнительно крупная. Она имеет полушаровидную форму с широкими краями. Поверхность украшена ажурными треугольниками и охвачена бороздкой. По краю имеются два отверстия, на обратной стороне — проволочные дуговидные выступы (рис. 6, *20*) Остальные пять пуговиц имеют одинаковую форму. Все они выпуклые, с петелькой на обратной стороне (рис. 6, *18*). Имеются также четыре маленькие пуговицы полушаровидной формы с перекладиной на обратной стороне (рис. 6, *21*)

Материалы описанного могильника находят широкие аналогии среди погребальных комплексов ходжалы-кедабекской культуры. При этом керамические изделия по форме и технике изготовления в основном сохранили традиции культуры эпохи поздней бронзы Нахичевани. Орнаментация сосудов в виде нескольких рядов врезных линий и насечек особенно характерна для позднебронзовой керамики Нахичевани [1, с. 66—72] Пристального внимания заслуживают сосуды с маленьким поддоном. Такие сосуды на территории Нахичевани получают широкое распространение в конце II тыс. до н. э. [2, с. 69] На территории Нахичевани кружки с овальной в сечении ручкой, имеющей шишкообразные выступы, появляются в начале I тыс. до н. э. Такие сосуды хорошо известны из Кызылванка и Джульфинской коллекции [3] Сосуды с такими ручками известны также из памятников Северного Кавказа I тыс. до н. э. [4, с. 128—130, табл. XV]

Кинжалы, аналогичные найденным из погр. 6 нашего раскопа, известны из каменного ящика 70 Кедабека [5, с. 70, табл. XI], погр. 77 Мингечаура, Ханлара [6, с. 58—62, рис. 40, *а*] и других памятников. Такие кинжалы характерны для памятников Восточного Закавказья [7] Очковидные подвески с загнутыми наружу спиралями известны из Ханлара и Мингечаура [8, табл. XI] Исследования показывают, что такие подвески в основном характерны для памятников Нахичевани, поэтому не исключена возможность распространения таких украшений из Нахичевани в другие памятники Азербайджана.

Пуговицы с петелькой и перекладиной на обратной стороне, бусы, вырезанные из раковины, височные пластинки, налобные повязки, плодовидные подвески хорошо известны из Мингечаура, Кедабека и Човдара [9] При этом следует отметить, что такие височные пластинки известны только из памятников Азербайджана.

Аналоги гривнам с нанизанными на них агатовыми, пастовыми бусами и раковинами из памятников Азербайджана пока не известны. Однако агатовые, пастовые и бронзовые бусы, нанизанные на них, хорошо известны из памятников Азербайджана. При этом проволочные серьги с раковинами считаются характерными для памятников расписной керамики Азербайджана [9, с. 108] Наиболее ранние экземпляры их происходят из Федоровской коллекции [10, с. 3—15], которая в настоящее время датируется началом II тыс. до н. э. [11, с. 55]

Несмотря на сходство некоторых черт формы и орнаментации керамики из описанных погребений с керамикой предшествующих периодов, все же она приобретает новый облик, отличающий ее от позднебронзовых керамических изделий. При этом красно- и сероглиняные кувшины с отогнутым венчиком и цилиндрическим горлом, а также сероглиняные кружки тяготеют к материалам I тыс. до н. э. и позволяют датировать описанные комплексы началом I тыс. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев В. Г* Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане. Баку: Элм, 1977.
2. *Бахшалиев В. Б., Алиев В. Г* Новые находки Шахтахтинского некрополя // Изв. АН АзССР. История, философия и право. 1985. № 4.
3. *Алиев В. Г* Джульфинские археологические находки // Изв. АН АзССР. История, философия и право. 1968. № 3.
4. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. *Халилов Дж. А.* Археологические памятники Западного Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1959.
6. *Асланов Г М., Ваидов Р. М., Ионе Г И.* Древний Мингечаур. Баку: Изд-во АН АзССР, 1959.
7. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977
8. *Садыхзаде Ш. Г* Древние украшения Азербайджана. Баку: Ишыг, 1971.
9. *Алиев В. Г* Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане. Баку: Элм, 1977
10. *Спицын С. А.* Некоторые закавказские могильники // Изв. ИАК. 1909. Вып. 29.
11. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964.

Нахичеванский научный центр
АН АзССР

V. B. BAKHSHALIEV

THE CEMETERY OF THE EARLY IRON AGE IN THE TERRITORY OF ANCIENT NAKHCHEVAN

Summary

The archaeological investigations of the recent years prove that some specific features of Khajali-gedebek culture could be observed in the materials from Nakhchevan during the Late Bronze and Early Iron Ages which in their turn have some similarities with Urmia sites. This especially is clear from the materials of recently found cemetery. It is situated on the left bank of the Nakhchevanchay river near the village Kolani, Shahbuz region, Nakhchevan ASSR. The description of six burials and grave goods from them is presented. The burials mainly consisted of stone cists of rectangular form sometimes with rounded angles. Newly found materials are dated to the 1st millenium B. C.

Е. П. БУНЯТЯН, В. М. ЗУБАРЬ

НОВЫЙ УЧАСТОК ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

На протяжении 1983—1985 гг. Античный отряд Херсонесской экспедиции Института археологии АН УССР совместно с Херсонесским историко-археологическим заповедником продолжал исследования участка некрополя, расположенного за западными оборонительными стенами Херсонеса [1, с. 327, 328; 2, с. 261, 262; 3, с. 262, 263] Основное внимание в эти годы было уделено исследованию широкими площадями участка грунтового некрополя, расположенного к западу от башни V, на третьей террасе восточного склона Песочной балки [4, с. 278, 279] В ходе раскопок вскрыта площадь около 500 м^2, на которой открыто 68 погребений эллинистической и римской эпох. Настоящая работа посвящена небольшой, но весьма интересной группе дестких захоронений позднеантичного времени, открытой на указанном участке некрополя Херсонеса в 1985 г

Участок детских захоронений расположен в юго-западной части раскопа и топографически обособлен. Он находился к югу от ряда могил первых веков нашей эры, вырубленных в скале и содержавших захоронения взрослых, и к западу от участка могил, сооруженных под уступом скалы или углубленных в грунт до уровня скалы (рис. 1). Детские захоронения неоднородны как по типам погребальных сооружений, так и по количеству погребенных в них.

Заслуживает особого внимания комплекс из четырех могил, состоявших из двух черепичных (55 и 57), одного амфорного (53) и одного захоронения, совершенного в кирпичной конструкции (56) (рис. 2). Черепичные могилы были построены одновременно, так как были расположены параллельно и имели одну общую стенку. Продольные стенки обеих могил были сооружены из трех поставленных на продольное ребро керамид, а поперечные ограждены небольшими необработанными камнями уплощенной формы, также поставленными на ребро (рис. 2, II, IV)

Могила 55 была заполнена пятью-шестью скелетами детей грудного возраста, которые были похоронены одновременно. Положение костяков ввиду их плохой сохранности не прослежено. В заполнении могилы найдены округлая янтарная бусина и бронзовая овальная, вероятно поясная, обоймочка (рис. 2, *1, 2*). В могиле 57 было совершено погребение ребенка возрастом до 2 лет [1] в вытянутом положении, головой на восток (рис. 3). В области грудной клетки найдено 17 цилиндрических пронизей непрозрачного стекла, четыре витые пронизи в виде нерасчлененного столбика из темного стекла и круглая стеклянная бусина (рис. 2, *3—5*)

Могилы 55 и 57 были сооружены из листов красноглиняной ангобированной черепицы двух типов, которые были, очевидно, изготовлены в Херсонесе в первых веках нашей эры [5, с. 49, табл. 53, *1—4, 8* — тип 1; табл. 35, *5* — тип 2] (рис. 4, *1—7, 9—11*). Этим же временем датируются фрагменты черепицы от перекрытия, которые представлены хорошо известными в позднеантичный период типами [6, с. 43, табл. 31, *5а*; 5, с. 49, табл. 35, *2а*]

[1] Определение Т А. Назаровой.

© Е. П. Бунятян, В. М. Зубарь, 1991 г.

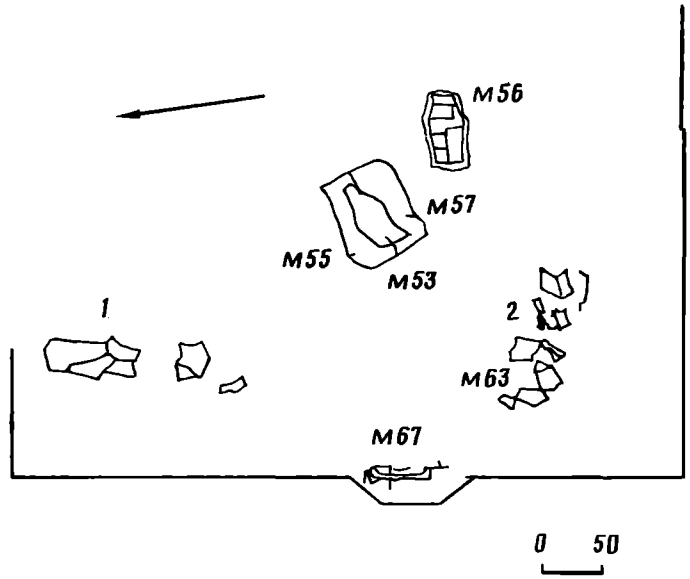


Рис. 1. Схема расположения детских захоронений на западном участке некрополя Херсонеса. *1, 2* — керамические скопления

Однако датировку этих погребений можно уточнить. На перекрытии могил было совершено парное детское захоронение в амфоре — могила 53 (рис. 5). При устройстве этого погребения черепичное перекрытие могил 55 и 57 было сдвинуто и в образовавшийся промежуток была уложена амфора. С боковых сторон она была укреплена мелкими необработанными камнями. Горловина сосуда была отбита, а отверстие после совершения захоронения младенцев заложено крупным фрагментом другой амфоры. Боковая стенка тулова амфоры была выбита и служила крышкой. К моменту раскопок она сползла к западу. В амфоре одновременно было похоронено два грудных младенца, головами в противоположные стороны — на юго-запад и северо-восток. При расчистке могилы найдена бронзовая римская монета времени императора Константина I или одного из его сыновей (306—361 гг.) [2]

Для погребения младенцев была использована фрагментированная коричневоглиняная амфора с перехватом в средней части. Придонная часть сосуда конусовидная, ножка в виде небольшого округлого выступа. В глине значительна примесь песка и пироксена. Верхняя часть отбита (рис. 6, *1*).

Аналогичные амфоры с перехватом были распространены в бассейнах Средиземного и Черного морей. Ранний вариант таких амфор появляется в III в. н. э., широко распространен в IV в. [7, с. 312, 313, рис. 10; 8, с. 61, рис. 70, с. 120, рис. 149; 9, с. 121, табл. 40, 103; 10, с. 150] и без существенных изменений доживает до конца V в. [11, с. 82, 83, тип 1, рис. 2]. Датировка описанной амфоры IV в. подтверждается не только приведенными аналогами, но и указанной бронзовой монетой, которая была обнаружена рядом с ней. К этому же времени относится и фрагмент стенки амфоры, которым была закрыта горловина (типа [9, табл. XI, 101; 12, с. 101, рис. 14]).

Безусловная взаимосвязь трех описанных могил позволяет говорить об их относительной, а может быть, и абсолютной одновременности. Исходя из этого, весь комплекс могил 53, 55, 57 может быть отнесен к IV в.

Территориально и хронологически к описанному комплексу примыкает могила 56 (рис. 2, III; 7). Она представляла собой также детское захоронение, совершенное в кирпичной гробнице. Продольные стенки могилы образованы дву-

[2] Монета определена заведующей фондами Херсонесского заповедника Т. И. Костромичевой.

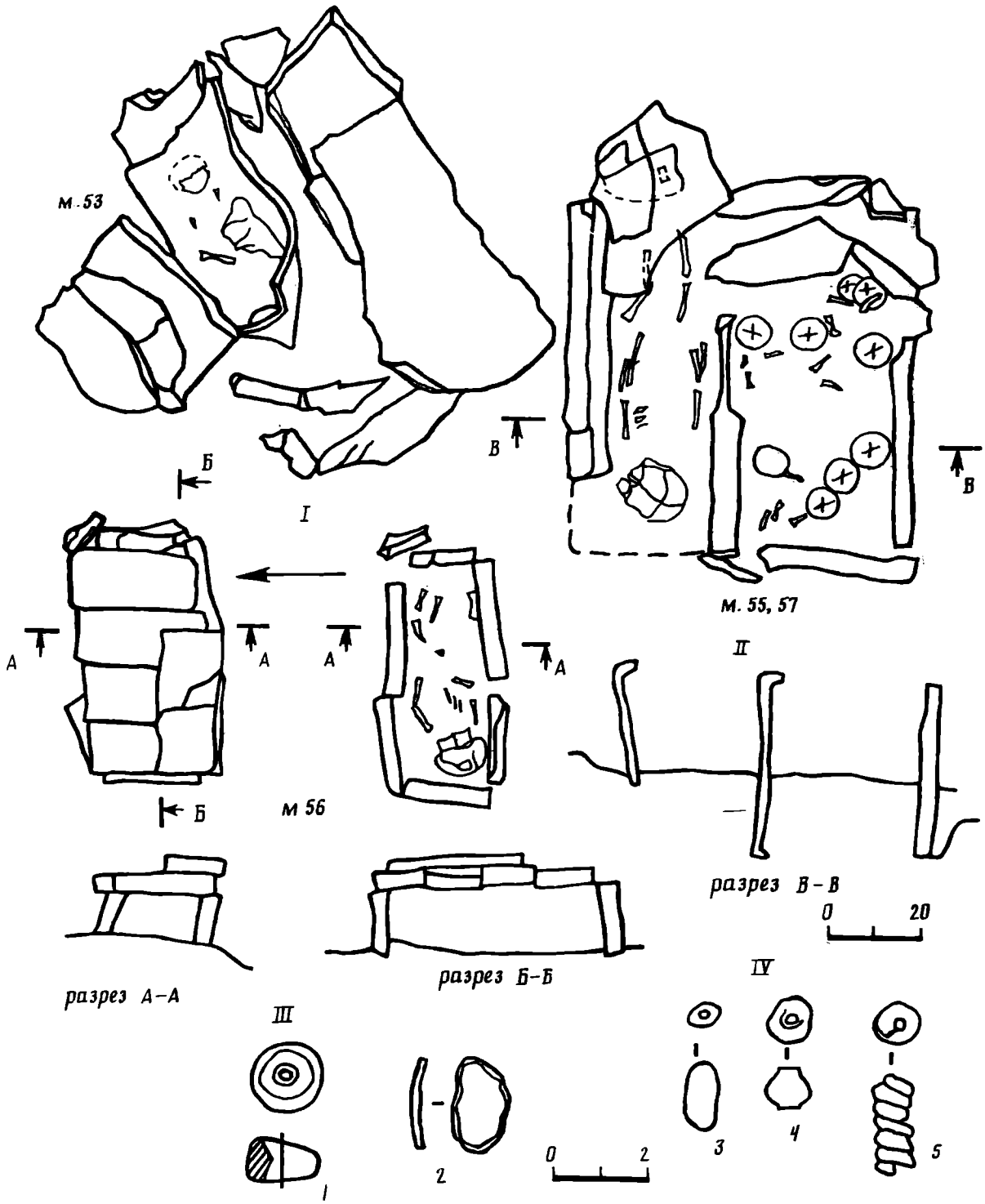


Рис. 2. Планы и разрезы детских захоронений 53, 55—57. *1—5* — инвентарь из погребений (*1, 2* — погр. 55, *3—5* — погр. 57)

мя поставленными на продольное ребро кирпичами, поперечная восточная — половиной, а западная — целым кирпичом. Перекрытие состояло из пяти кирпичей: четыре положены вплотную друг к другу поперек могилы, а пятый лежал поверх них вдоль северной стенки. Ориентирована гробница по линии запад — восток. В ней на спине, в вытянутом положении, головой на восток был похоронен ребенок в возрасте до 2 лет. Руки чуть согнуты в локтях, ноги чуть подогнуты коленями влево. Погребальный инвентарь отсутствовал. В заполнении могилы встречены отдельные мелкие угольки.

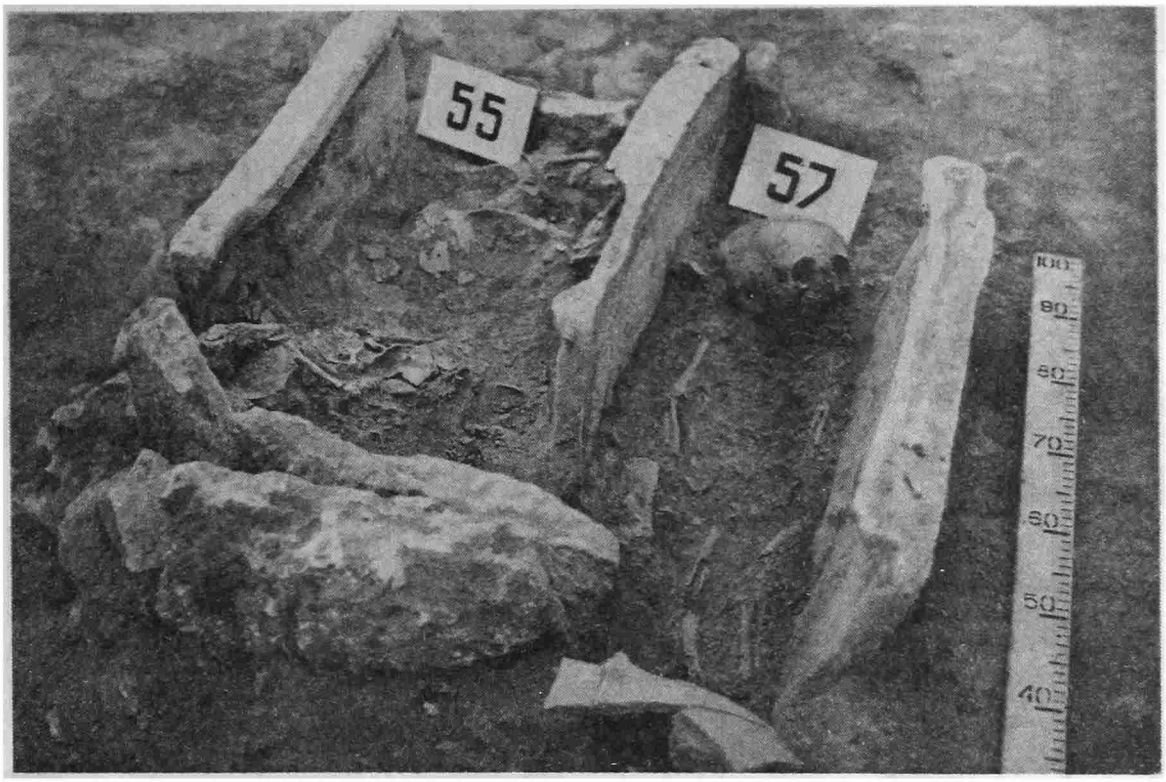


Рис. 3. Детские захоронения 55 и 57

Гробница сооружена из красноглиняных прямоугольных кирпичей с двойными, прочерченными по сырой глине желобками на лицевой стороне. Размеры целых экземпляров, см. 25×11,5×4,5; 29×13×4; 28,7×12×4; 29×12,3×5; 31×12,5×4 (рис. 4, *8*) Описанный тип кирпичей появляется только в позднеантичный период. В Херсонесе такой кирпич часто использовался при строительстве рыбозасолочных цистерн, виноделен, для вымостки улиц и дворов. Им иногда замуровывали ниши-лежанки в позднеантичных и средневековых склепах [5, с. 49] В частности, таким кирпичом была замурована ниша-лежанка в склепе, открытом в 1983 г на западном участке некрополя [13, с. 36, 37, рис. 92—95]

Описанные черепичные могилы (55 и 57) и кирпичную (56) следует рассматривать в качестве разновидности черепичных могил, которые в античных некрополях Средиземноморья и Причерноморья получили широкое распространение с конца V—IV в. до н. э. [14, с. 15] С рубежа нашей эры этот тип погребальных сооружений исчезает, хотя в Херсонесе черепичные могилы эллинистического времени иногда использовали для вторичных захоронений [14, с. 16] [3] Аналогичное явление характерно не только для Херсонеса, но и для других античных центров, например для Коринфа [15, с. 74, 75] Ряд данных, полученных в ходе раскопок некрополя Херсонеса, позволяет предполагать, что и в первые века нашей эры эпизодически строили черепичные могилы [14, с. 17], хотя это и не носило такого массового характера, как ранее. Наличие на публикуемом участке черепичной конструкции, могилы, сложенной по типу черепичной конструкции, а также могилы, сложенной по типу черепичной из керамических кирпичей, свидетельствует о живучести в Херсонесе традиционных черт греческого погребального обряда, уходящего своими корнями в эллинистическую эпоху.

Еще одна детская могила (63) располагалась к юго-западу от могил 53, 55,

[3] В 1985 г. на этом же участке некрополя Херсонеса открыта могила, обложенная черепицей с клеймами конца IV — начала III в. до н. э., в которой было совершено повторное женское захоронение с керамикой I в. н. э.

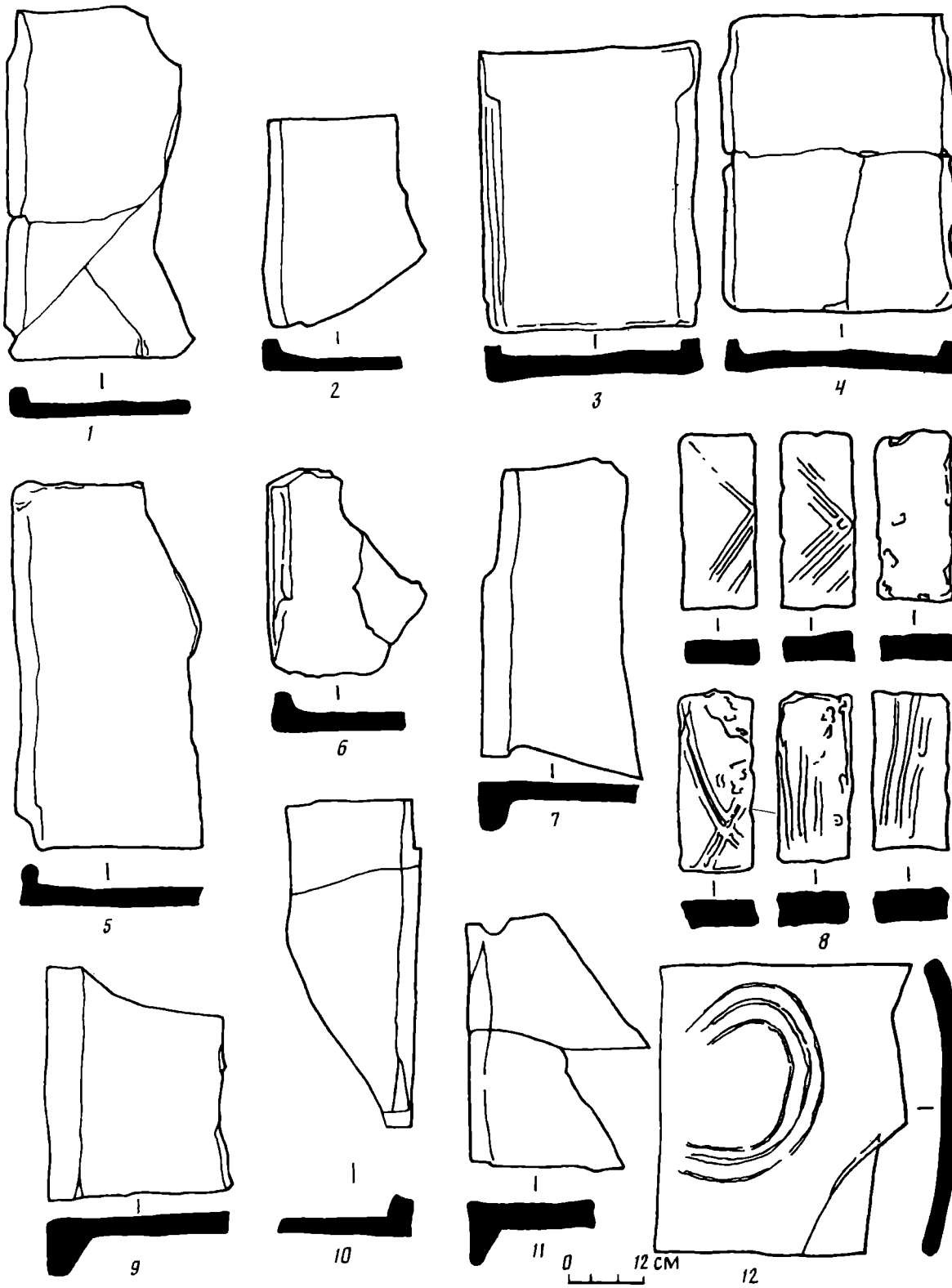


Рис. 4. Керамические плиты и кирпичи детских могил 55—57

57 и представляла собой захоронение в амфоре (рис. 8). Амфора была уложена на глубине 0,5 м горловиной на запад и с боковых сторон укреплена поставленными на ребро небольшими необработанными камнями уплощенной формы. В амфоре выявлено захоронение грудного младенца, положенного головой к горловине.

Рис. 5. Детское погребение (53) в амфоре

Фрагментированная амфора представляла собой слабоангобированный красноглиняный сосуд с продолговатым и сужающимся книзу рифленым туловом и округлым дном. Венчик и горло отсутствуют, сечение ручек, судя по сохранившимся основаниям, уплощенное (рис. 6, *2*) По аналогиям описанная амфора может быть датирована IV в. н. э. [8, с. 121, 122, рис. 150, *1*, 151; 12, рис. 38, *3*] Косвенно датировка подтверждается тем, что на этом участке некрополя Херсонеса грунтовые погребения в эпоху раннего средневековья уже не совершали.

К западу от могил 53, 55, 57 открыто последнее детское амфорное захоронение — 67 (рис. 9). Амфора была уложена на глубине 0,8 м, горловиной на юго-запад и с боковых сторон укреплена небольшими необработанными камнями. Ее горловина была закрыта таким же камнем. Внутри амфоры было совершено захоронение младенца грудного возраста головой к горловине. Инвентарь отсутствовал.

В данном случае для захоронения была использована фрагментированная слабоангобированная амфора с отогнутым наружу венчиком, сразу переходящим в тулово. Ручки-ушки петлевидные, уплощенные в сечении. В области плечиков имеется полоса густого глубокого рифления (рис. 8, *3*) Дно и придонная часть отсутствовали, но по сужению корпуса в средней части можно предположить, что придонная часть амфоры была конусовидной. Именно такую форму нижней части имеют амфоры III—IV вв., которые использовались для захоронения детей в некрополе Коринфа [16, с. 356] Интересно, что аналогичную

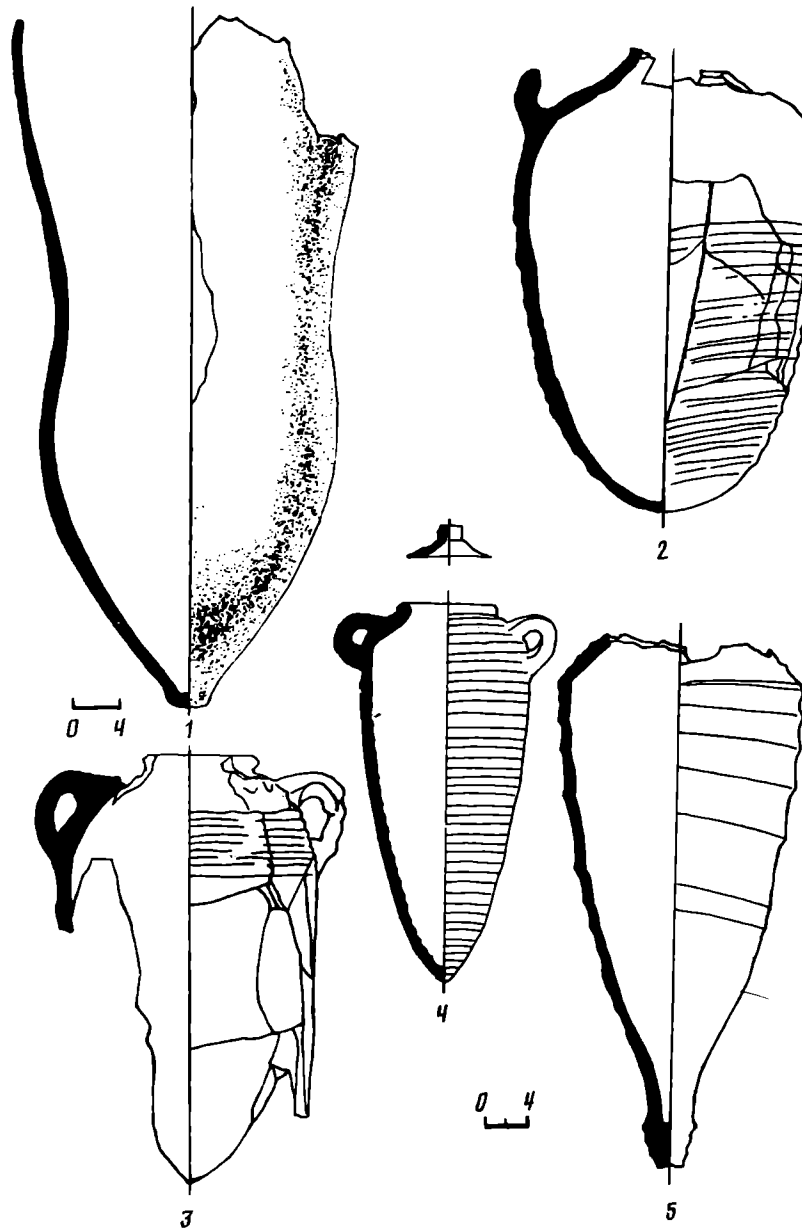


Рис. 6. Амфоры детских захоронений

форму имела амфора-урна, обнаруженная в погребальном комплексе на западном участке грунтового некрополя в 1983 г.; она по условиям находки не может быть датирована позднее II в. н. э. [13, с. 15—18, мог. 17] [4] Приведенные данные, а также датировка других амфор, использовавшихся для захоронения детей на этом участке, позволяет отнести амфору из могилы 67 к IV в. Возможно, этот тип сосудов послужил исходным вариантом для амфор-корчаг, которые хорошо известны в Херсонесе в раннесредневековую эпоху [11, с. 84, 85, тип III, IV, рис. 4, 5]

Территориально к детскому участку могильника примыкали два скопления керамики. Одно из них (рис. 1, *1*) находилось к северу от могил 55, 57 и представляло собой скопление крупных фрагментов черепицы (типа [5, с. 49, табл. 35, *5*]) и пифоса. На одном фрагменте вогнутой керамиды (типа [6, с. 43, табл. 31, *5*]) ближе к ее короткой стороне были прочерчены по сырой глине

[4] Близкая по форме амфора I в. н. э., которая могла послужить исходным типом для аналогичных сосудов, обнаружена при раскопках Виндониссы [17, с. 88, 89, табл. 25, 580]

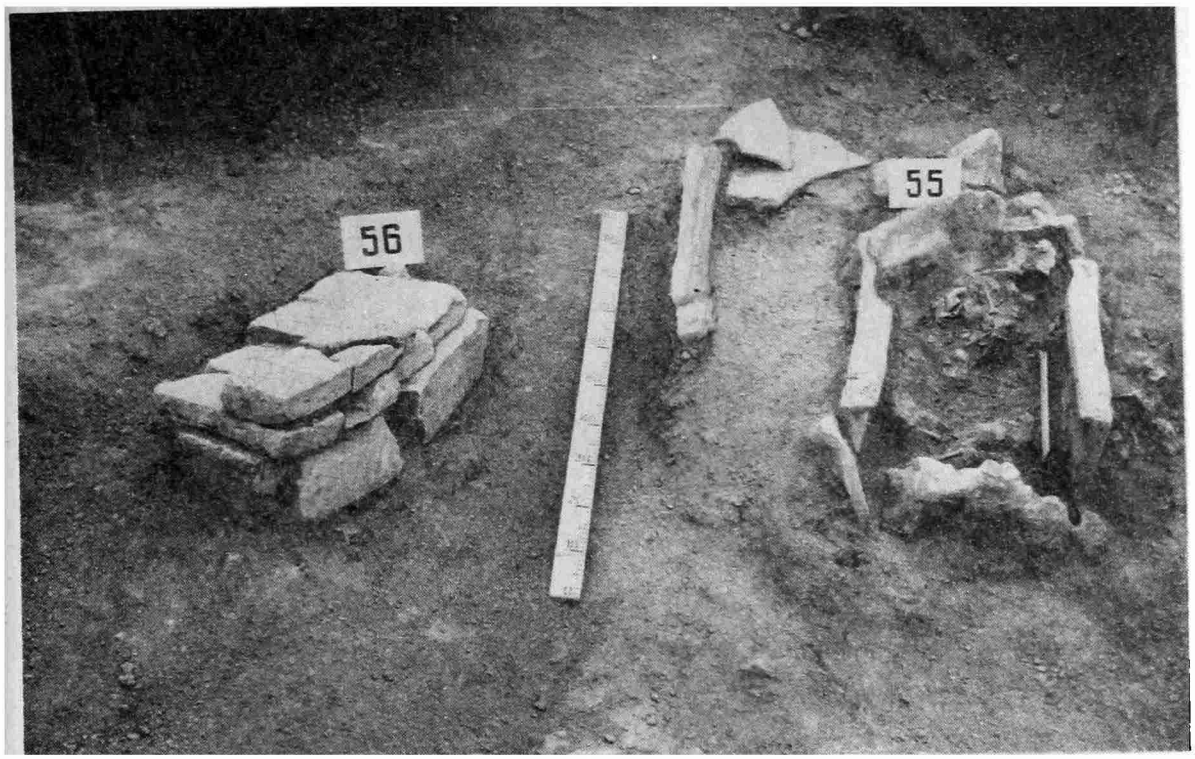


Рис. 7 Комплекс захоронений 55—57

Рис. 8. Амфорное захоронение 63

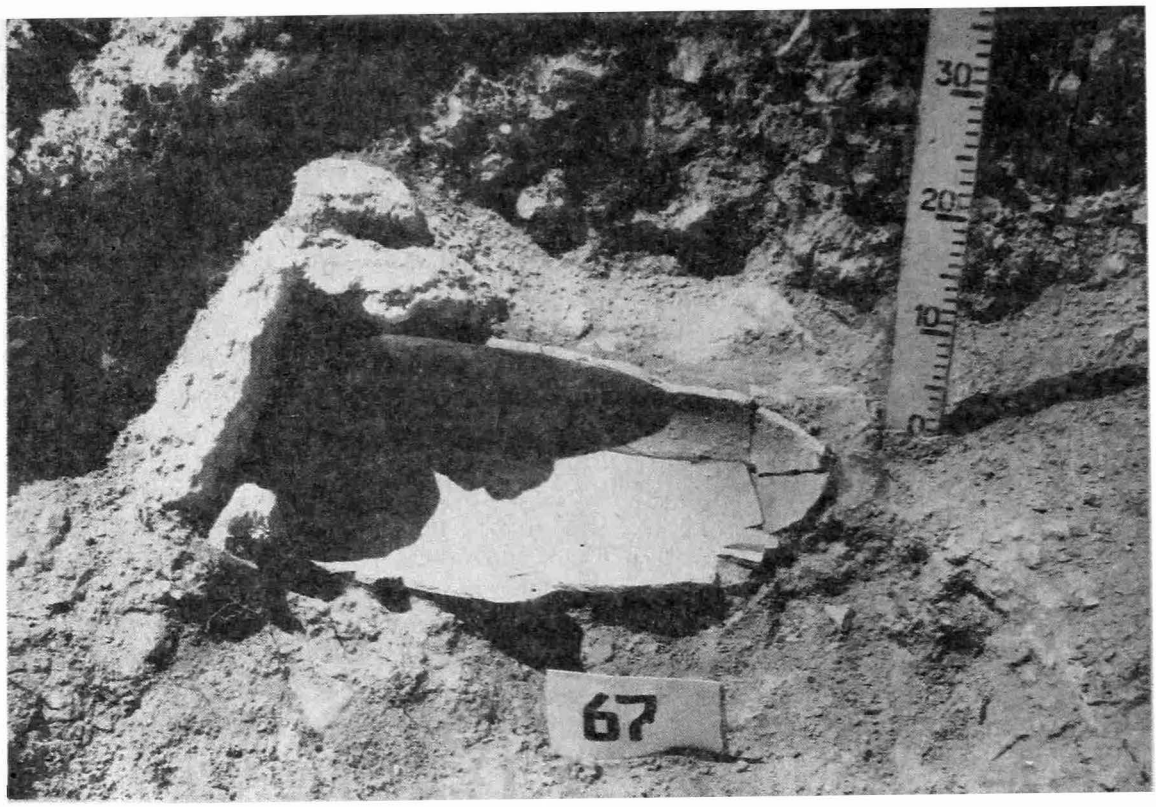


Рис. 9. Амфорное захоронение 67

полукруглые желобки (рис. 6, *12*) Второе скопление черепиц и фрагментов амфор (рис. 1, *2*) находилось между могилами 57 и 63. Фрагментированные керамиды располагались снизу, поверх них шел слой фрагментов амфорных стенок, положенных выпуклой стороной кверху. По черепице это скопление можно датировать позднеантичным временем [5, с. 49, тип 2]. Так как под этими скоплениями керамического материала не зафиксировано следов погребений, их можно рассматривать в качестве остатков строительного материала, не полностью использованного при устройстве детских могил.

Погребения в амфорах детей неоднократно встречались в некрополе Херсонеса, причем их подавляющее большинство, так же как и в других некрополях античных городов Северного Причерноморья, датируется классическим и эллинистическим периодами [14, с. 50, 51]. Однако есть основания предполагать, что по крайней мере часть амфорных захоронений, открытых в некрополе Херсонеса до революции, относится к первым векам нашей эры. Это в первую очередь безынвентарные захоронения в амфорах, обнаруженные на участках, где погребения совершались преимущественно в римскую эпоху. Безусловно, к первым векам нашей эры, а возможно, к позднеантичному или раннесредневековому периоду относится захоронение, обнаруженное Р. Х. Лепером в 1911 г. вместе с краснолаковым блюдцем второй половины I в. н. э., а также амфорные погребения в склепе 2417 и в дромосе склепа, открытого Е. Г Суровым в западной части Херсонесского городища [14, с. 50].

Новые данные, свидетельствующие об использовании амфор для захоронения детей в позднеантичный период, были получены при исследовании западного участка некрополя Херсонеса [2, с. 261, 262; 3, с. 262, 263; 4, с. 278, 279] В 1981 г. в склепе, вырубленном в скале, было обнаружено детское захоронение, совершенное в керамической водопроводной трубе, которой в данном случае была заменена амфора. По условиям находки это погребение не могло быть совершено ранее второй половины IV в. н. э. [18, с. 13, рис. 11, *7*] В 1983 г при

раскопках входного отверстия склепа на террасе восточного склона Песочной балки было открыто одно детское захоронение [13, рис. 37, 38, *1*, с. 13], совершенное в фрагментированной амфоре, вероятно, самосского производства IV — начала V в. [9, с. 118, 119, табл. 38, 95] (рис. 8, *5*). И наконец, новым свидетельством осуществления этого традиционного античного погребального обряда в Херсонесе IV в. н. э. являются три публикуемых захоронения.

Приведенные материалы наряду с другими данными позволяют подтвердить тезис о наличии в Херсонесе определенного переходного периода от язычества к христианству [19, с. 14], для которого было характерно устойчивое сохранение, по крайней мере частью населения, греческих воззрений на потусторонний мир, которые были связаны с идеей обратимости [20, с. 206; 21, с. 221, 222] [5]

Интересно отметить, что в первые века нашей эры, несмотря на некоторое уменьшение хорошо датируемых амфорных захоронений в некрополях античных центров Северного Причерноморья [14, с. 51], такие погребения фиксируют в некрополе Танаиса [22, с. 45, 46], на городище Козырка [23, с. 49—96; 24, с. 138—143], в некрополе Беляуса [25, с. 287], в могильниках Заветное [26, с. 95—109], Скалистое III [27, с. 133, 136], на Усть-Альминском городище [28, с. 315; 29, с. 260; 30, с. 250], в Юго-Западном Крыму, а также в Неаполе Скифском [31, с. 169], т. е. там, где состав населения был смешанным. Обычно такое явление исследователи объясняют усилением эллинизации негреческого населения [24, с. 142; 31, с. 169; 32, с. 92; 33, с. 33] Однако тот факт, что на поселении у с. Козырка, Усть-Альминском городище и в Неаполе Скифском погребения детей в сосудах открыты не в могильниках, а непосредственно под полом жилых помещений, не позволяет видеть в этой черте погребального обряда простое заимствование. (В одном детском погребении в сосуде, открытом на городище у с. Козырка, обнаружен лепной горшок с тремя соскообразными выступами [24, с. 143], а в ходе работ на Усть-Альминском городище было открыто детское захоронение в амфоре, в которой костяк младенца был посыпан зернами пшеницы [34, с. 249].) Учитывая тот факт, что культ плодородия получил сравнительно широкое распространение у негреческого населения Северного Причерноморья в первые века нашей эры, и особенно в Юго-Западном Крыму [32, с. 160; 35, с. 15—18], можно заключить, что появление в этом районе детских захоронений в сосудах следует в первую очередь связывать с усилением роли земледелия в хозяйстве и изменениями в области идеологии, связанными с этим процессом, на определенном этапе развития общества.

Следует обратить внимание на обособленность публикуемого детского участка погребений. Аналогичное явление отмечено и в других некрополях античных городов Северного Причерноморья. Так, в ходе раскопок Ольвийского некрополя к западу от северо-западной части городища, за Заячьей балкой, на возвышенности открыты исключительно детские грунтовые захоронения I—II вв. Инвентарь, обнаруженный во всех погребениях этой группы, за исключением одного, очень скромен [36, с. 285—286; 37, с. 171]. В 1955—1957 гг. детский участок погребений, располагавшийся между стеной и рвом в северо-западной части городища, был исследован в Танаисе. Здесь открыто 10 детских безынвентарных захоронений, которые были совершены либо в амфорах, либо под фрагментами их стенок, что можно рассматривать как разновидность амфорных захоронений. По амфорам этот участок суммарно датируют II—IV вв. [22, с. 45, 46, 88; 38, с. 60]

Существование специальных кладбищ или обособленных детских участков на территории могильников прослеживается на протяжении различных исторических эпох, начиная с мезолита [39] В целом этот обычай восходит скорее всего к древнейшему и естественно возникшему половозрастному разделению труда, а также к функционированию половозрастной системы как структу-

[5] В Херсонесе до середины V в. н. э. эпизодически применялся обряд кремации, несовместимый с христианской догматикой [14, с. 58]

рообразующего принципа. Исследователи считают, что могильники, выдержанные по принципу половозрастной дифференциации, отражают весьма архаичные социальные структуры [39, с. 25] Укрепление семьи как экономической ячейки общества и смена половозрастного принципа организации общества генеалогическим приводят в конечном счете к возникновению принципиально новых структур — классовых. Однако обычай обособления специальных детских кладбищ сохраняется и в классовых обществах вплоть до средневековья и даже до наших дней. Отчасти его объясняют этнографически засвидетельствованными представлениями об особом свойстве души младенца, в частности о ее безгрешности, что также в конечном итоге восходит к архаическому мышлению. Таким образом, формально сходные явления известны на протяжении довольно длительного периода истории, и их нужно интерпретировать исходя из конкретно-исторической ситуации.

При попытке объяснить это явление для некрополя Херсонеса необходимо исходить из того, что на грунтовом участке западного некрополя еще не открыто погребений IV в. н. э. Судя по результатам наших работ в 1983—1985 гг., грунтовые погребения здесь прекращают совершать в III в. н. э. Однако нельзя сказать, что этот участок некрополя перестает использоваться вообще. Здесь продолжают хоронить, но только в склепах, и в IV—V, и в VI—VII вв. [40, с. 71—77; 41, с. 77—87] Можно сделать вывод, что характер захоронений здесь меняется и, несмотря на использование склепов, этот участок применительно к IV в. н. э. стоит рассматривать как периферию грунтового некрополя города.

Коллективный характер детских погребений и их хронологическая близость, с нашей точки зрения, могут свидетельствовать о том, что здесь были похоронены дети, умершие одновременно. При такой ситуации единственным объяснением обособленности детского участка может быть вспышка какой-то эпидемии, унесший сразу много жизней. В связи с этим интересно, что Е. Г Суровым в западной части Херсонесского городища был открыт склеп этого же времени, в котором при расчистке было зафиксировано около 50 безынвентарных погребений, соврешенных, вероятно, одновременно [42, с. 94] Рассмотренные комплексы позволяют предполагать, что в позднеантичный период какие-то эпидемические заболевания приводили к массовой смертности в среде населения Херсонеса, чем и следует объяснить появление в некрополе таких специфических и обособленных участков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Зубарь В. М., Рыжов С. Г* Раскопки некрополя Херсонеса // АО-1975. М., 1976.
2. *Зубарь В. М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО-1981. М., 1983.
3. *Зубарь В. М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО-1982. М., 1984.
4. *Зубарь В. М.* Исследование Западного некрополя Херсонеса // АО-1983. М., 1985.
5. *Борисова В. В.* Строительные керамические материалы. Херсонес // САИ. 1966. Вып. Г1-20.
6. *Брашинский И. Б.* Строительные керамические материалы. Ольвия // САИ. 1966. Вып. Г1-20.
7 *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1938 гг. // ВДИ. 1940. № 3—4.
8. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
9. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
10. *Кругликова И. Т* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
11. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Уч. зап. УрГУ 1971. № 112. Серия историческая. Вып. 22 (Античная древность и средние века).
12. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1970.
13. *Зубарь В. М., Шевченко А. В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1983 г. // НА ИА АН УССР. № 1983/34а.
14. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
15. *Blegen C. W., Palmer H., Young R. S.* The North Cemetery Princeton: New-Jersey: Glückstadt, 1964 (Corinth. V 13).
16. *Waele E. J* The Fountain of Lerna and the Early Christian Cemetery at Corinth // AJA. 1935. V 39. № 3.
17. *Ettlinger E., Simonett Ch.* Römische Keramik aus dem Schutthügel von Vindonissa. Basel: Verlag Khäuser. 1952.

18. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В., Костромичева Т И.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1981 г. // НА ИА АН УССР. № 1981/60.
19. *Мещеряков В. Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1980.
20. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
21. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1966.
22. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
23. *Бураков А. В.* Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1962. Т. XI.
24. *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий н. э. Киев: Наук. думка, 1976.
25. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В.* Раскопки городища и некрополя Беляус // АО-1976. М., 1977.
26. *Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. е. — III ст. не. біля с. Завітне Бахчисарайського р-ну // Археологія. 1963. Т. XV
27. *Богданова Н. А., Гущина И. И.* Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967 Вып. 112.
28. *Высотская Т. Н., Лобода И. И.* Работы Альминского отряда // АО-1975. М., 1976.
29. *Высотская Т Н.* Раскопки Усть-Альминского городища и могильника // АО-1979. М., 1980.
30. *Высотская Т. Н.* Раскопки Усть-Альминского городища и могильника // АО-1981. М., 1983.
31. *Высотская Т Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
32. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
33. *Богданова Н. А.* Погребальный обряд сельского населения Позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1982.
34. *Высотская Т Н.* Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. АДСВ. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984.
35. *Богданова Н. А.* Религиозные представления сельского населения позднескифского государства в Крыму: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1980.
36. *Козуб Ю. И.* Раскопки некрополя Ольвии // АО-1973. М., 1974.
37. *Козуб Ю. И.* Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.
38. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1972.
39. *Хлобыстина М. Д.* Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. 1975. № 4.
40. *Зубар В. М., Магомедов Б. В.* Нові дослідженняя середньовічних поховань Херсонесу // Археологія. 1981. Вып. 36.
41. *Зубар В. М., Рижов С. Г* Розкопки Західного некрополя Херсонесу // Археологія. 1982. Вип. 39.
42. *Суров Е. Г* Херсонес Таврический. Свердловск: УрГу, 1961.

Институт археологии АН УССР,
Киев

Ye. P. BUNYATYAN, V. M. ZUBAR

A NEW AREA OF LATE CLASSIC NECROPOLIS WITH CHILDREN' BURIALS IN KHERSONES

Summary

A group of children' burials was investigated at the late classic necropolis situated to the west from the fortification walls of Khersones. The graves were located in separated area of the flat cemetery. The dead were placed in amphorae or in pits where tile or bricks were used, the total number of burials six. One of the tiled pits contained five or six sceletons of babies, and in one of the amphorae there were two sceletons. The types of tile and amphorae as well as bronze coin of emperor Konstantius I or one of his sons minted in 306-361 A. D. allow the authors to date the burials to the 4th century. The fact of isolation of children' burials at necropolises can be traced as early as the Mesolithic. These facts can be explained by different reasons, but the published materials support the opinion about some period of time transitional from paganism of Christianity in Khersones. A significant number of children' burials might be caused by some epidemic.

Заметки

В. А. АРЕФЬЕВ

О МЕТОДИКЕ ОБРАБОТКИ ОРНАМЕНТА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ

В настоящее время большинство методик обработки керамики по орнаменту строится на выделении многочисленных признаков и взаимовстречаемости данных признаков на сосудах. Самым распространенным является статистико-типологический метод, основанный на изучении как целых (или реконструированных) сосудов, так и отдельных их фрагментов. При этом предпочтение отдается целым сосудам как содержащим целостную и законченную систему признаков, причем выделенные системы признаков предлагаются в качестве источника для культурно-хронологических интерпретаций. Наиболее часто в систему признаков включаются отдельные элементы, мотивы, композиции орнамента. Кроме этих признаков выделяют форму и размеры оттисков, характеризующие орнаментир (инструмент для нанесения орнамента), и расположение оттисков, характеризующее способы нанесения орнамента.

Методика изучения технологии орнаментирования направлена на изучение процесса, а не продукта этого процесса, т. е. не столько на то, что производилось, сколько на то, как производилось. Изготовление сосудов, обработка их поверхности и некоторые другие производственные процессы, связанные с керамическими сосудами, рассматривались в литературе, но изготовление орнамента как определенного процесса не нашло должного освещения.

Рассматривая орнаментирование как устойчивый, часто повторяющийся производственный процесс, можно выделить ряд взаимосвязанных операций: 1) выбор и подготовка орнаментира; 2) построение орнамента, включающее разметку орнаментируемого поля; 3) нанесение орнамента, включающее положение и движение инструмента относительно орнаментируемой поверхности. Из трех выделенных операций наиболее интенсивно изучаются первая и третья: выбор и подготовка инструмента и способы нанесения орнамента. Вторая операция также нашла отражение в работах археологов, но на основе формального подхода. Ситуация объясняется тем, что нет достаточно надежных приемов изучения разметки орнаментируемого поля и построения орнамента.

В результате изучения прочерченно-накольчатой керамики неолитических поселений Тагильского Зауралья были выявлены фрагменты дважды орнаментированных сосудов [1]. Изучение последовательности нанесения орнамента на данных сосудах явилось началом выявления приемов, помогающих восстановить разметку орнаментируемого поля и само построение орнамента. Приемы основаны на изучении расположения и формы оттисков под микроскопом и сравнении их с экспериментальными образцами.

На археологических материалах были зафиксированы следующие случаи.

1. Перекрывание ранее нанесенных элементов орнамента последующими (рис. 1, *1—4*). Чаще всего ранний элемент в данном месте не просматривается или просматривается очень слабо. Это перекрывание наиболее показательно и почти всегда видно невооруженным глазом. Перспективными для изучения участками являются контактные зоны элементов орнамента.

© В. А. Арефьев, 1991 г.

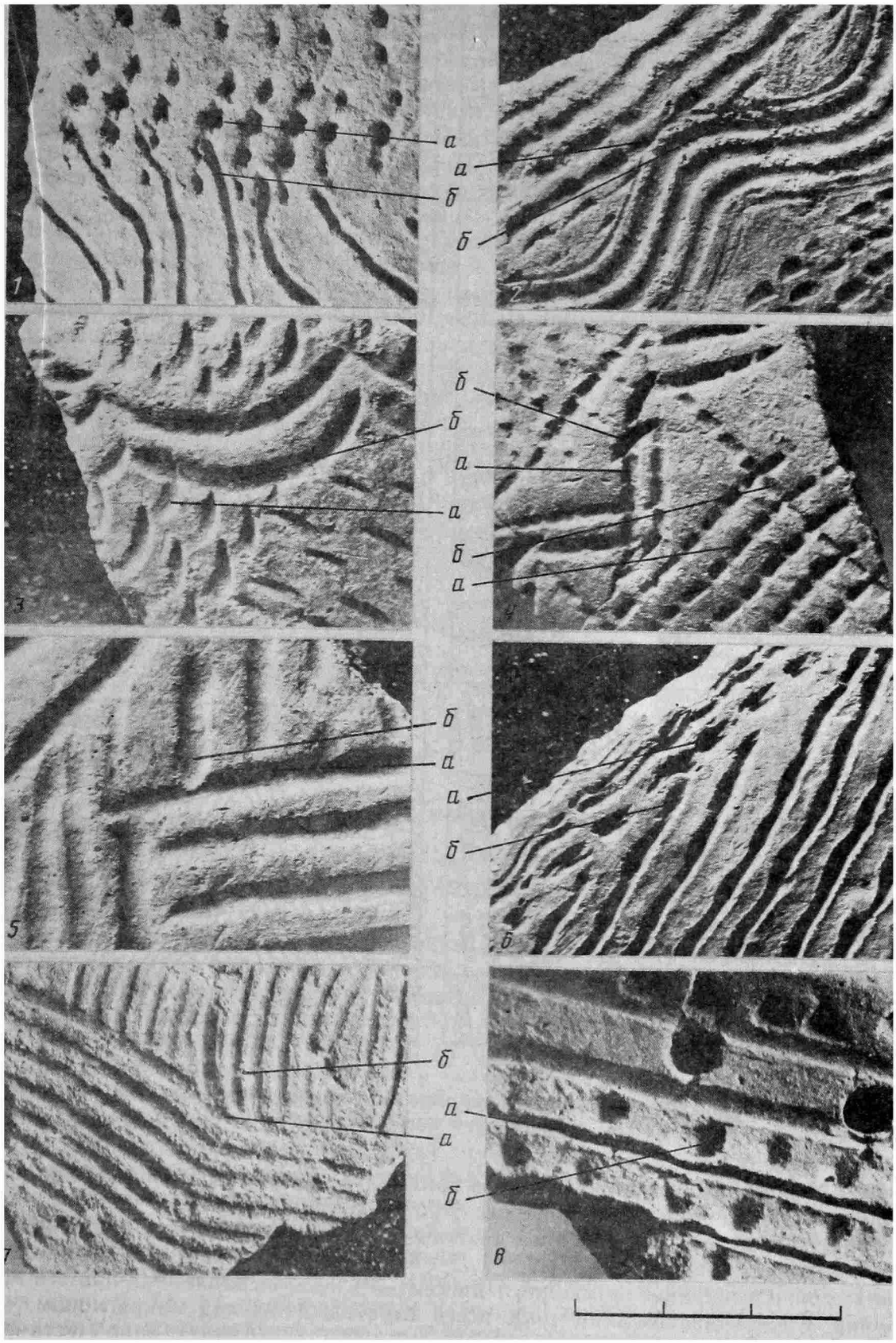


Рис. 1. *1—4* — перекрывание ранних элементов орнамента поздними; *5—8* — деформация ранних элементов орнамента поздними. *а* — ранний элемент, *б* — поздний элемент

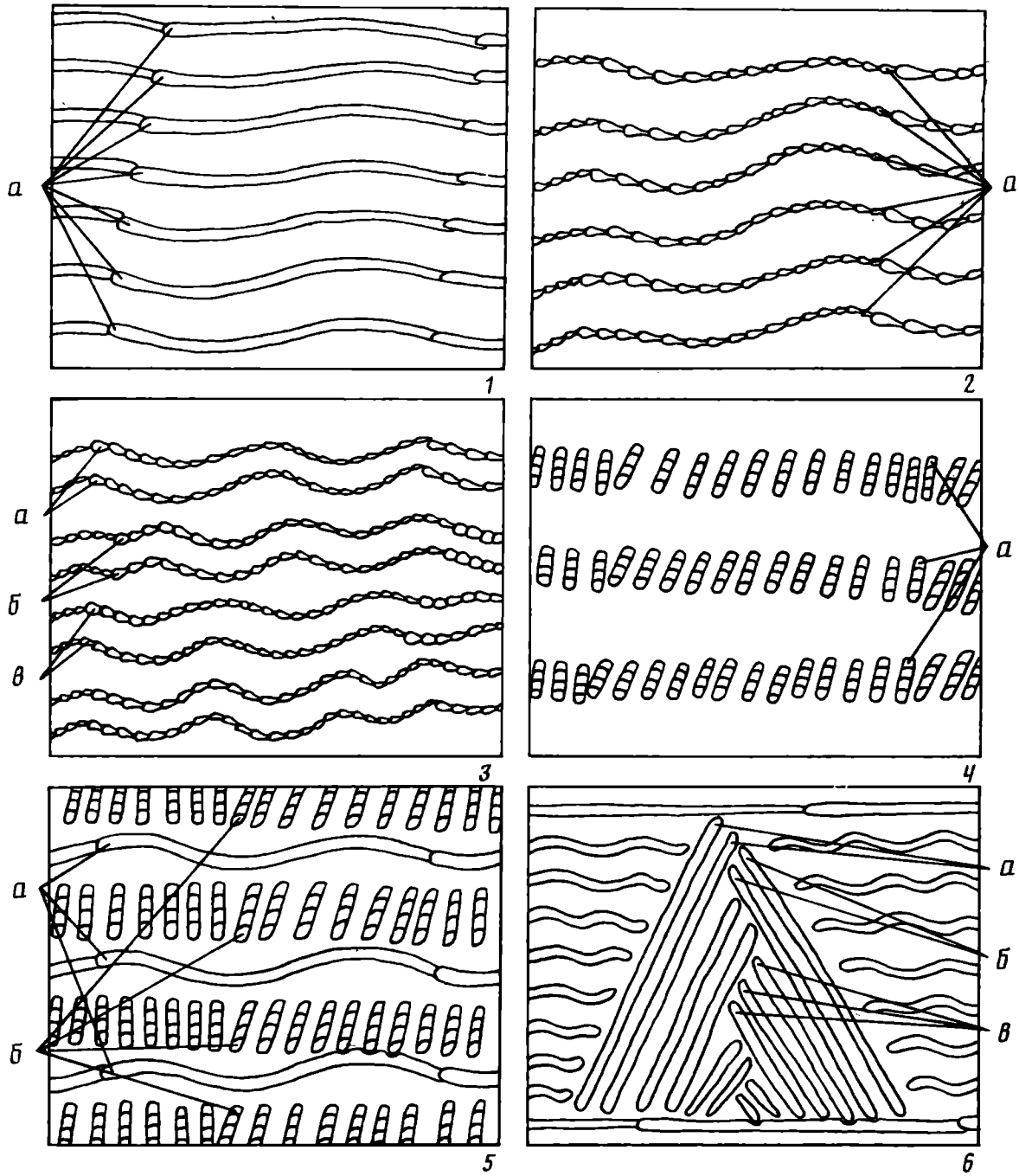


Рис. 2. Сопоставимость элементов орнамента, выполненных с одной установки. *а—в* — элементы, выполненные с одной установки

2. Деформация ранних элементов орнамента глиной, выдавленной при нанесении последующих, расположенных рядом. В этих случаях по одному и тому же месту орнамент не наносился дважды, а деформация оттисков происходила за счет пластичности глины (рис. 1, *5—8*). Отмечены также случаи, когда деформируется не ранее нанесенный элемент, а глина, выдавленная при его нанесении. Случаи деформации чаще всего заметны лишь под микроскопом.

3. Сопоставимость отдельных элементов, выполненных с одной установки (рис. 2, *1—6*). Под одной установкой подразумевается неподвижное, зафиксированное положение сосуда по отношению к человеку, наносящему орнамент. В этом случае размер благоприятной зоны для нанесения орнамента в горизон-

тальном направлении составляет около 12—18 см. В дальнейшем происходит изменение положения сосуда путем поворота его вокруг вертикальной оси на 30—60° В зависимости от размера сосуда и зоны, благоприятной для нанесения орнамента, замыкание горизонтальных поясов происходит за 6—12 установок. Начало и конец таких зон орнамента, нанесенных с одной установки, фиксируется по одинаковости, схожести оттисков. Случаи сопоставимости хорошо прослеживаются на целых или почти целых сосудах. Сопоставимость элементов помогает понять построение мотивов, композиций орнамента, а при типологическом методе — более точно называть их.

Восстановление очередности, последовательности нанесения орнамента позволяет охарактеризовать построение и всего орнамента на сосуде. Необходимо отметить, что оно наиболее полно восстанавливается на сосудах со сплошной, плотной орнаментацией. Благоприятными для изучения являются орнаменты с расположением элементов в различных направлениях; при этом легче восстанавливается построение на сосудах с грубым, небрежно выполненным орнаментом без последующей дополнительной обработки.

Подводя итоги, необходимо отметить, что целью предложенной методики в отличие от типологической является выявление круга технических, технологических требований, определяющих сам процесс,— требований, причины возникновения и устойчивости которых в настоящее время не представляется возможным выявить, но нашедших свое отражение в виде устойчивых, повторяющихся факторов, зафиксированных на сосудах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арефьев В. А.* Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Урала. 1986. Вып. 18.

Институт истории и археологии
УрО АН СССР, Нижний Тагил

Ф. А. СУНГАТОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ЗАУРАЛЬЕ

Весной 1988 г. в музей Бурангуловской средней школы Абзелиловского р-на Башкирской АССР были переданы вещи, случайно обнаруженные на северной окраине д. Ишкильдино при строительстве дороги. В ходе осмотра, проведенного автором, было установлено, что они происходят из разрушенного земляного кургана диаметром около 20 м, высотой 1,5 м. В процессе разрушения под его насыпью были найдены кости человека и лошади. Ни стратиграфию курганной насыпи, ни форму и размеры могильной ямы, ни положение костяка и вещей при нем установить, к сожалению, не удалось.

Из данного кургана в школьный музей поступили следующие вещи: 1) серебряная пряжка с эллипсоидной дужкой, подвижным, слегка прогнутым язычком, немного выступающим за рамку и удлиненным прямоугольным щитком (рис. 1, *1*); 2) железные двусоставные удила с бронзовыми, круглыми в сечении кольцами, снабженные длинными серебряными пластинами-зажимами (рис. 1, *5*); 3) железный нож (рис. 1, *4*); 4) костяной наконечник, вероятно, копья (рис. 1, *7*); 5) прямоугольный в сечении оселок из серого песчаника (рис. 1, *9*); 6) железный двулезвийный меч без перекрестия и навершия, длиной 0,96 м (рис. 1, *10*); 7) деформированный бронзовый обломок пластины (рис. 1, *8*); 8) серебряная пластинчатая секировидная подвеска с одним облом-

© Ф. А. Сунгатов, 1991 г.

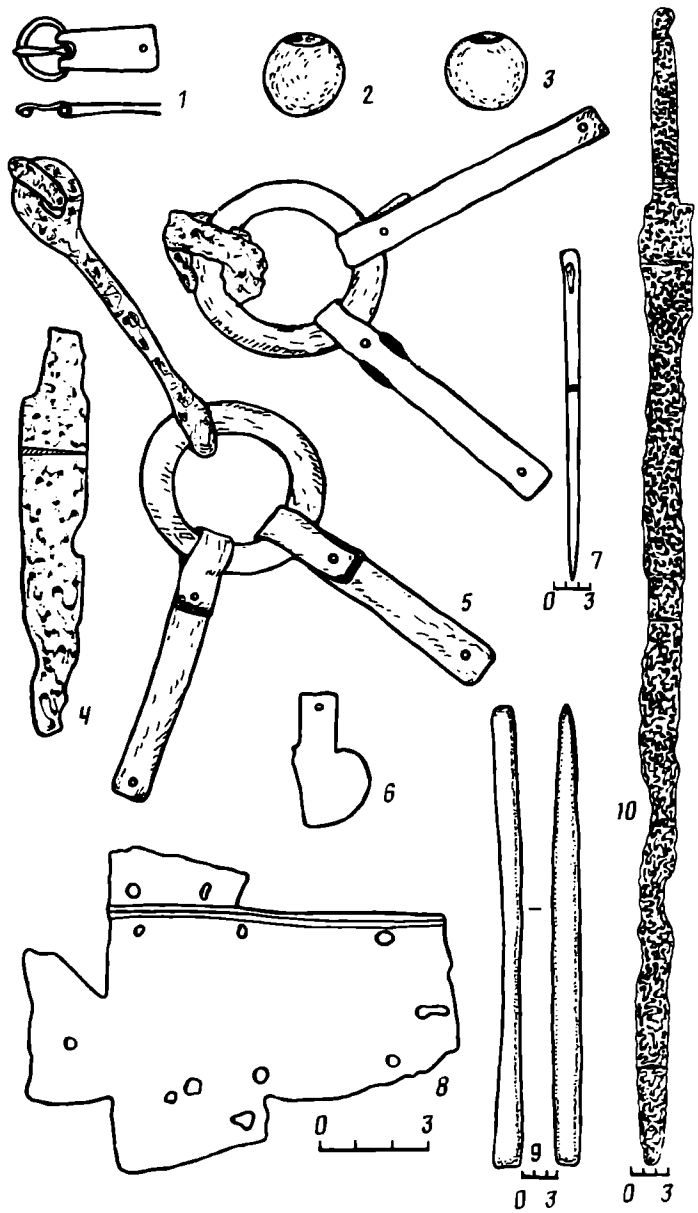


Рис. 1. Вещи из погребения Ишкильдинского кургана

ленным краем (рис. 1, *6*); 9) две серебряные подвески шарообразной формы со сквозным отверстием (рис. 1, *2, 3*).

Судя по этим находкам, курган можно отнести к числу редких пока на Южном Урале памятников первой половины I тыс. н. э. Его дату позволяют определить имеющиеся аналогии отдельным вещам. Вышеописанная пряжка (рис. 1, *1*) по форме близка пряжке из Мишкиной пристани и Сибайского кургана 2. Подобная пряжка, но без щитка и бóльшая по размеру происходит из Уязыбашевского кургана 1 [1, табл. IV, *6*, XXXIX, *1*; 2, табл. 82, *80*] В одном из погребений II Ахмеровского могильника III—IV вв. н. э. сходные пряжки представлены как со щитком, так и без него [3, с. 85, рис. 6, *14, 15*] За пределами Южноуральского региона такие пряжки находятся в комплексах памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа III—IV вв. н. э. [4, с. 115, рис. 4, *18—20*; 5, рис. 15, *15*; 6, с. 24—27, рис. 1, *2, 10—12* и др.] Меч из Ишкильдинского кургана относится к III типу по классификации А. М. Хазанова и датируется III—IV вв. н. э. [7, с. 17, 20] По мнению М. Г Мошковой, такие мечи содержатся в наиболее поздних комплексах позднесарматской культуры [1,

с. 196] В памятниках Южного Урала мечи этого типа представлены в IV группе курганов у пос. Комсомольский [2, табл. LIII, *12, 13*]. К III—IV вв. н. э. относятся двусоставные удила и секировидная подвеска. Подобные находки известны в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья (Березняки) [1, табл. 81, *47, 49*]. На основании приведенных аналогий Ишкильдинский курган может быть датирован III—IV вв. н. э.

III—IV века н. э. на Южном Урале характеризуются сложностью этнических процессов. Южное Зауралье в то время было районом обитания племен поздних сармат и гуннов. Возможно, что Ишкильдинский курган оставлен одной из этих групп. Однако конкретизировать вывод об этнокультурной принадлежности данного памятника на основе имеющегося материала пока не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
2. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983.
3. *Васюткин С. М.* Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
4. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.
5. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.
6. *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989.
7. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

Институт истории, языка и литературы
БНЦ УрО СССР, Уфа

Э. В. ШАВКУНОВ, А. Л. ИВЛИЕВ

БОХАЙСКАЯ ПЛАКЕТКА ИЗ ПРИМОРЬЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БУДДИЙСКОЙ КУМИРНИ

В конце 1987 г. в Приморской государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева учеником 53-й средней школы г. Владивостока Р. Фадеевым была передана металлическая плакетка явно древнего происхождения. Плакетка была найдена им летом того же года в выбросе земли, оставшейся после строительства одного из сооружений морской экспедиционной базы Тихоокеанского океанологического института ДВО АН СССР на мысе Шульца в бухте Витязь в Хасанском р-не Приморского края.

Плакетка (рис. 1), как было установлено после ее очистки от земли и глины, отлита из бронзы и представляет собой изображение буддийской кумиренки с помещенной внутри нее статуей Будды. Общая высота плакетки 10,2 см, при этом высота крыши вместе с архитектурными украшениями на ее коньке составляет 3,6 см. Ширина плакетки непосредственно под стрехой крыши 4,2 см, а в нижней ее части над ободком 4,6 см. По бокам и внизу плакетка обрамлена узким ободком высотой 0,3 см. Толщина плакетки колеблется в пределах от 0,3 до 0,6 см. С левой и правой сторон нижнего ободка имеются по одной выступающей вперед петельке. Такие же петельки имеются и на фронтальной стороне стрехи крыши, причем расположены они прямо над нижними петельками. В центре нижней части плакетки находится штырек длиной 1,2 см, при помощи которого плакетка могла крепиться, например, к рукоятке, в земле или же на каком-нибудь специальном помосте.

Изображение статуи Будды выполнено техникой литья в низком рельефе. Будда сидит на скрещенных «по-турецки» ногах на цветке полураспустившегося

© Э. В. Шавкунов, А. Л. Ивлиев, 1991 г.

Рис. 1. Плакетка из бухты Витязь

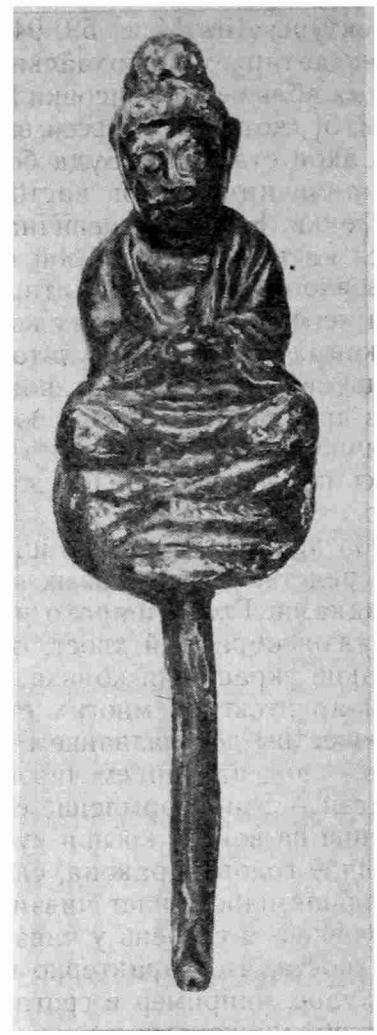


Рис. 2. Статуэтка Будды из Краскинского городища

лотоса. Ладони рук вложены одна в другую и покоятся на ступнях ног. Лицо круглое, явно монголоидного типа: с широко поставленными чуть наискосок глазами, широким приплюснуым носом, толстыми губами. Мочки ушей сильно оттянуты вниз. Волосы пышной, но невысокой шапкой обрамляют голову. Будда облачен в халат с широкими рукавами, его борта оторочены широкой лентой. На распахнутой груди прослеживается что-то наподобие помочей.

Судя по всему, рассматриваемая плакетка представляет собой буддийскую иконку от домашнего алтаря. Подобные иконки со свободно вращающимися на вставленных в специальные пазы или петельки штырьках двустворчатыми дверцами были распространены в средневековой Корее [1, рис. 232; 2, рис. на с. 86]. Такая же двустворчатая дверца была когда-то и у рассматриваемой плакетки, о чем можно судить по наличию петелек у основания и под стрехой кумиренки.

Иконографически Будда на плакетке имеет много общих черт, особенно если помимо прочего учесть еще и наличие штырька в ее нижней части, с бронзовой позолоченной статуэткой Будды (рис. 2) из датируемого IX — началом X в. Краскинского городища [1] [3, с. 14], являвшегося во времена государства Бохай (698—926 гг.) морским портом и одновременно административным центром

[1] Авторы выражают благодарность В. И. Болдину за предоставленную возможность публикации статуэтки Будды из Краскинского городища.

префектуры Янь [4, с. 59, 94]. Кстати, подобные штырьки имеются и на двух других датируемых бохайским временем бронзовых статуэтках Будд, обнаруженных вблизи с. Борисовки Уссурийского р-на Приморского края [5, с. 50—52, рис. 2, 3], которые, по всей видимости, можно считать одним из отличительных признаков статуэток Будд бохайского происхождения.

Самой интересной частью рассматриваемой плакетки является крыша кумиренки. Крыша черепичная, о чем красноречиво свидетельствуют чередующиеся на ней между собой овальные желобки и ребристые валики, которые, вне всякого сомнения, имитируют собой нижний (желобки) и верхний (валики) ряды черепицы. На обоих концах крыши установлены характерные для средневековых буддийских культовых сооружений Дальнего Востока архитектурные украшения в виде противостоящих друг другу скульптурных изображений голов дракона. К сожалению, голова дракона на левой стороне конька крыши частично была отбита еще в древности, но зато на правой стороне она сохранилась полностью, причем все детали на ней просматриваются довольно явственно.

Оба дракона держат в широко раскрытых клыкастых пастях конек крыши. Непосредственно позади их пасти видны бакенбарды с имитирующими волосы бороздками. Глаза широко раскрыты. Над головой, круто изогнувшись, нависает клювообразный хвост, обрамленный сзади рифленым гребнем.

Такие украшения конька крыши были широко распространены в средневековой архитектуре многих стран Дальнего Востока. В средневековом Китае они известны под названием чивэй («хвост совы»), а его дальнейшая модификация — под названием чивэнь («клюв совы»). Главное, что отличает чивэнь от чивэй,— это оформление его нижней части в виде головы дракона. Хотя украшение на коньке крыши кумиренки на плакетке из-за того, что оно выполнено в виде головы дракона, следует отнести к чивэнь, однако своими контурами он больше напоминает чивэй танского Китая (618—907 гг.). Примечательно, что рифленый гребень у чивэнь на плакетке не доходит до конца клювообразного хвоста, что характерно и для танских чивэй, изображенных на фресках в Дуньхуане, например в гротах № 148 и 172 [6, с. 390, рис. 4, 5], а также для чивэй, обнаруженных в развалинах когурёского дворца Анхак в Пхеньяне и на развалинах Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне [2, рис. на с. 30, 69, 71; 7, рис. 180, 200; 8, с. 42, 43]. Такое сходство чивэнь на плакетке с чивэй танского Китая, Когурё и Бохая свидетельствует, очевидно, об их хронологической близости. Следует полагать, что перед нами ранняя разновидность чивэнь, так как чивэнь XI—XIX вв. не имеют гребня такой формы и часто отличаются наличием дополнительных деталей — раздвоенного рыбьего хвоста над головой и кисти из перьев на рифленом гребне [9, с. 49, рис. 6; 10, с. 68, 69].

Наиболее ранние чивэнь, как установил Гу Цинъи, появляются со среднего периода Тан. В доказательство этот китайский исследователь приводит отрывок из анналов Мин-хуана в «Цзю тан шу», в котором сообщается, что в 726 г. сильный ураган сорвал с ворот Дуаньмэнь, а также с других ворот, храмов и даосских монастырей китайской столицы установленные на их крышах чивэни [10, с. 69]. Таким образом, ранние чивэнь вроде тех, что изображены на плакетке, существовали в VIII—X вв.

Датировку плакетки можно существенно сузить. Для этого отметим сначала, что плакетка найдена примерно в 70 км к востоку от датируемого IX—началом X в. Краскинского городища, т. е. на подведомственной бохайскому департаменту Янь территории. Как уже отмечалось выше, обнаруженная на Краскинском городище бронзовая статуэтка Будды иконографически во многом соотносится с изображением Будды на плакетке. Наконец, чивэнь на плакетке иконографически больше всего соотносится с аналогичным бохайским архитектурным украшением кровли в виде терракотовой головы дракона, обнаруженным во время раскопок в Приморском крае остатков Абрикосовского храма, датируемого второй половиной IX — началом X в. [4, с. 87, 88, табл. XXVI].

К сожалению, далеко не все фрагменты головы дракона из Абрикосовского храма, в том числе клювообразный хвост над головой, удалось собрать воедино в процессе реставрационных работ. Тем не менее стилистическое единство чивэней с Абрикосовского храма и с кумиренки на плакетке весьма велико. Все это и дает основание датировать рассматриваемую плакетку второй половиной IX — началом X в.

Это пока первая и единственная датируемая бохайским временем находка буддийской иконки подобного рода. Ее ценность заключается прежде всего в том, что она дает наглядное представление об архитектуре небольших, сельского типа буддийских кумирен того времени. Вместе с тем эта икона служит еще одним свидетельством высокого профессионального мастерства бохайских торевтов, в чьих произведениях, несмотря на некоторый схематизм в передаче деталей, прослеживается стремление к реальному отражению окружающего их мира.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО АН СССР, Владивосток

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Eckardt P. A.* Geschichte der Koreanischen Kunst. Lpz, 1929.
2. Центральный исторический музей Кореи. Пхеньян: Редакция альбомов управления по хранению памятников культуры КНДР, 1979.
3. *Болдин В. И.* Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в Приморском крае в 1981 г.// Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР (г. Владивосток). Ф. 1. Оп. 2. № 171.
4. *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
5. *Окладников А. П.* Две бронзовые статуэтки бохайского времени из Приморья // История и культура востока Азии. Т. III. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975.
6. *Лю Чжипин, Фу Синянь.* Предварительная реконструкция павильона Линьдэдянь // Каогу. 1963. № 7 (на кит. яз.).
7 Исторические памятники Кореи. Пхеньян: Памятники культуры, 1980.
8. *Вэй Цуньчэн.* Архитектура Бохая // Хэйлунцзян вэньу цункань. 1984. № 4 (на кит. яз.).
9. *Фу Синянь* О датировке картины Чжань Цзыцяня «Весеннее гулянье» // Вэньу. 1978. № 11. (на кит. яз.).
10. *Гу Цинъи.* Отражение облика архитектурных сооружений на наскальных изображениях эпохи Тан в Сычуани // Вэньу. 1961. № 11 (на кит. яз.).

Критика и библиография

Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины / Ред. О. Г. Шапошникова. Киев: Наукова думка, 1988. 140 с. 53 рис. 9 табл.

Издательство «Наукова думка» в Киеве выпустило в свет в 1988 г. сборник «Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины». Эта книга является результатом многолетних исследований памятников эпохи энеолита и ранней бронзы в зонах строительства мелиоративных систем степной полосы Украины. Сборник содержит 12 статей, авторами которых являются исследователи-археологи Института археологии АН УССР. Цель рецензируемой книги заключается в описании не только непосредственных результатов археологических работ на памятниках ямной культуры и современных ей соседних культурных группировок, но также и научное освещение вопросов социально-экономического, культурного и духовного развития населения в эпоху перелома энеолита и бронзы в этом районе Европы (с. 2).

Сборник открывается статьей Ю. А. Шилова «Грот быка по материалам древнейших курганов». Так называемый «грот быка», именуемый также «гротом мамонта», находится в северо-западной части вершины холма в пойме р. Молочная у г. Мелитополь. Песчаниковые плиты Каменной Могилы покрыты тысячами изображений периода верхнего палеолита — позднего средневековья, но особое внимание исследователей всегда привлекали петроглифы «грота быка». Здесь три группы изображений. Первая группа изображений находится на потолке грота и включает обращенную головой на юго-восток человеческую фигуру с поднятыми руками; ниже этой фигуры вверх брюхом — волк. Оба эти изображения окружены линиями, зигзагами. Вторая группа — это изображения четырех быков «в позиции круговой обороны». Третья группа представляет изображения парнокопытных, а также животного, которое некоторыми учеными трактуется как мамонт или бык. Автор статьи приводит выводы О. Н. Бадера [1], В. Н. Даниленко [2], а также Б. Ф. Землякова [3, с. 33—36] и М. Я. Рудинского [4, с. 39—42], присоединяясь к мнению последних.

Культурная принадлежность, а также хронологическое разграничение скальных изображений в так называемом «гроте быка» вызывали много споров. В литературе изображения эти были известны как проявление охотничье-магического характера в эпоху верхнего палеолита или же как художественная интерпретация магической защиты домашнего скота в эпоху докерамического неолита [5, с. 126—139; 6, с. 78—90; 4].

В 1981 г. во время исследовательских раскопок кургана в пос. Великая Александровка (Херсонская обл.) появились новые иконографические источники. Они позволяли автору статьи по-новому интерпретировать известные, раньше описанные изображения в «гроте быка». Основное погребение 24 нижнемихайловского типа и подхороненное к нему позднетрипольское погребение 23 были окружены кромлехом из вертикально установленных плит. На двух из них были изображены четверо животных: пара преследующих вепря собак и «бык» или «мамонт», аналогичный изображенному в Каменной Могиле — «гроте быка». Автор предполагает, что изображения животных возникли во время сооружения трипольского погребения 23, когда кромлех не был заполнен комьями чернозема. Изображения быка широко распространены в искусстве трипольской (сравнения приводят к керамике периода С 1), а также майкопской культуры. Изобразительный комплекс на Великоалександровском кромлехе иллюстрирует, по мнению Ю. А. Шилова, контакты обеих этих культур и относится к середине III тыс. до н. э. В это время также могли возникнуть изображения, в «гроте быка», а их авторы происходили из круга поздней трипольской и нижнемихайловской культур.

Автор дает очень интересную интерпретацию значения анализируемых изображений. В Великой Александровке он видит символику годового обращения солнца и вселенной. Изображение быка

© Э. Клосинска, 1991 г.

на кромлехе символизирует, по мнению автора статьи, зодиакальное созвездие Тельца, в котором солнце находилось в период весеннего равноденствия в интересующее нас время (4440—1720 гг. до н. э.). Изображения собак и вепря символизирует созвездие Большого и Малого Псов и Стрельца-Скорпиона. Стрелец-Скорпион в период 4250—2200 гг. до н. э. противостоял Тельцу своим положением и отстоял от него на 6 месяцев (изображения быка, собак и вепря отстоят в кромлехе на 6 плит). Эта смелая «космическая» интерпретация изображения животных, относящихся к III тыс. до н. э., может встретить некоторое возражения. Не отрицая широкого знания карты неба, каким могли располагать жители степной зоны Украины уже в эпоху неолита, надо отметить, что тогдашняя интерпретация наблюдаемых астрономических явлений не всегда должна отвечать нашей современной их трактовке. Современные названия созвездий появлялись вместе с развитием астрономических знаний, начиная с IV в. до н. э. (Греция, где названия взяты из мифологии) по XII—XVIII вв. [7, с. 505]. Неужели созвездия, названные авторами статьи, а III тыс. до н. э. отождествлялись с теми же изображениями на карте неба, что и сегодня?

Так же смелой и не лишенной фантазии является интерпретация Ю. А. Шиловым скальных изображений из «грота быка». Изображения быков символизируют, по мнению автора, четыре времени года, а изображенный человек — это маг, переводящий вселенную из статики в динамику, в то время как волк, лежащий у его ног, символизирует победу над силами зла.

Статью «Относительная хронология позднеолитических погребений бассейна р. Молочная» написал Ю. Я. Рассамакин. Наряду с представлением и анализом материалов из кургана 14 у с. Виноградное (Запорожская обл.) автор знакомит читателя с широкой панорамой позднего энеолита в Азово-Черноморском регионе. Отчетливо намечается здесь «горизонт не только относительно синхронных, но и в определенной степени родственных групп памятников» (с. 21), охватывающих Доно-Дунайскую степную зону. Материалы из этих памятников принадлежат к позднеусатовской, животиловской, Днепро-Бугской и др. группам. Специфические черты погребального обряда — это одинаковое стратиграфическое положение в курганах, прямоугольные ямы с уступами, положение умерших в позе «адорации», ориентации в восточном или южном направлении, а также схожая модель инвентаря. Близость названных групп можно объяснить длительностью общего направления культурного развития, определившегося в раннеэнеолитический период. Группы эти, как по погребальному обряду, так и по культурному инвентарю сильно отличаются от ямной культуры. О направлении культурных контактов Ю. Я. Рассамакиным горизонта нельзя судить однозначно. Автор доказывает, что в середине III тыс. до н. э. население Азово-Черноморского региона поддерживало непосредственные контакты с культурами Древнего Востока и Балкано-Карпатского региона. Однако самые сильные культурные импульсы приходили с востока — с территорий Кавказа, а также с запада — от трипольской культуры. Граница этих влияний пролегла, кажется, вдоль Днепра. Синхронизация памятников этого позднеэнеолитического горизонта с материалами ямной культуры, по мнению автора, невозможна. Так, в инвентаре, как и в погребальном обряде, отсутствуют данные о двусторонних контактах. Интенсивное заселение ямной культуры, происходившее на азово-черноморских пространствах в эпоху ранней бронзы, позволяет предполагать, что культурные и демографические изменения произошли здесь очень быстро.

Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков являются авторами очень интересной, хотя и дискуссионной работы «К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности». Первые разработки вопросов социальной стратификации племен ямной культуры осуществлены на материалах уникального Михайловского поселения-крепости середины III — начала II тыс. до н. э. Благодаря им ученые установили существование стационарных центров, возглавляемых племенной верхушкой [8, с. 168—172]. Авторы обращают внимание на факт, что общественная дифференциация прявляется у племен ямной культуры также в погребальном обряде. Авторы ссылаются здесь на суждение Е. Е. Кузьминой, которая, разработав критерии классификации захоронений, занималась вопросом многих в это время погребений с повозками и контактов их владельцев с управляющей верхушкой, происходящей из этнической индоиранской знати [9, с. 66, 69, 86, 87].

Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков на основе 98 погребений, относящихся к 37 курганам Поингулья (Николаевская обл.), проделывают многостепенный анализ общественной дифференциации в пределах культурных ямных племен. Следует подчеркнуть, что представленный анализ очень сложен, труден в восприятии, особенно для иноязычного читателя.

Полевые наблюдения над материалами ямной культуры показывают, что наряду с могилами «стандартных» размеров имеются резко отличающиеся размерами — общим объемом. По мнению авторов статьи, трудовые затраты на сооружение погребений могут служить критерием при анализе

социально-дифференцирующих показателей. Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков на вступительном этапе анализа приняли, что в качестве критерия будут рассматривать те составные элементы погребального обряда, которые можно измерить и выразить абсолютными величинами (с. 30). Но, читая статью, убеждаемся, что исследовались те признаки, которых измерить нельзя (например, поза и ориентация умершего, форма ямы); их 39 группировку авторы представили на отдельной таблице (с. 35). Затраты на отправление погребального обряда измерялось принятой единицей измерения — кубическим метром. Человеческий труд, затраченный на подготовку ямы, ее перекрытие и сооружение насыпи над погребением, в работе Н. Д. Довженко и Н. А. Рычкова перелагается в объем конструкционного материала. Авторы исследовали объем насыпи, ямы для захоронения, входной ямы (не вполне ясно, что обозначает это понятие), а также каменной плиты (нет анализа сохранившихся неоднократно деревянных перекрытий). Совокупные объемы трудовых затрат на погребальное сооружение можно выразить следующим образом:

$$V_c = V_{мя} + V_{вя} + 2V_п + 2V_н,$$

где V_c — совокупные трудовые затраты на погребальное сооружение; $V_{мя}$ — объем могильной ямы, $V_{вя}$ — объем входной ямы, $V_п$ — объем каменного перекрытия, $V_н$ — объем насыпи.

Некоторые сомнения наряду с неопределенным понятием «входной ямы», вызывать может удвоение последних членов формулы. Судя по краткому объяснению (с. 30), это произошло только по интуиции авторов статьи, считающих, что сооружение каменной плиты и создание курганной насыпи требовало удвоенных (почему именно удвоенных?) трудовых затрат. Этот рискованный прием противоречит точности анализа.

На основе подсчетов по указанной формуле авторы выделили три группы курганов; к первой из них относятся десять погребений, совокупный объем трудовых затрат которых превышал 2000 м ^{3}, ко второй (28 погребений) с трудовыми затратами от 500 до 2000 м^3, в третью группу были включены все остальные погребения с объемом трудовых затрат менее 500 м^3 Авторы сопоставили также объем ям и каменного заклада, представляя цифры до второго места после запятой (техническая сторона этого не была описана) и выделяя три группы захоронений в зоне курганов. В дальнейшей части анализа авторы представили те компоненты погребального обряда, которые нельзя измерить, в том числе ориентировку и позу погребенных, а также наличие и характер инвентаря, и сравнили с выделенными в статье группами захоронений. На основе представленных результатов читатель приходит к выводу, что классификация, проделанная ценой таких точных подсчетов, могла (с таким же результатом) быть проведена на основе характеристики описательных признаков компонентов погребального обряда.

Авторы рассматривают возможность связать три выделенные группы погребений с разным общественным положением их владельцев. К первой группе относят вождей и жрецов, ко второй — наездников-воинов, к третьей — пастухов, «доставляющих корм скоту». Несмотря на популяризируемое суждение об индоиранском происхождении причерноморских племен [10, с. 101—125] в III и II тыс. до н. э., перенесение кастового деления в Индии на ямную культуру кажется необоснованным.

Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков подчеркивают гипотетичность такой интерпретации и утверждают, что необходимы еще дополнительные проверки и исследования (в том числе антропологические анализы). С этим читатель вполне может согласиться. Погребальный обряд — это прежде всего сфера духовной культуры, трудно представить ее числами. То же самое можно сказать и об общественной дифференциации. По неизвестным причинам авторы статьи не рассматривали в исследованиях возраст и пол умерших, а также распределение этих элементов в выделенных общественных группах. Курганы больших размеров сооружались также и над детскими захоронениями, расположенными в больших прямоугольных могильных ямах, ориентированных на восток, значит, принадлежащих к первой выделенной авторами группе погребений — вождей и жрецов. Доводы мы находим в рецензируемой книге (ср. курган 5 из Новоселовки с. 92, 93, а также курган 8 из Кременевки с. 101).

Следующая обширная статья «Балковский курган», написанная С. Н. Ляшко и В. В. Отрощенко, посвящена публикации материалов одного объекта. Балковский курган, находящийся на окраине с. Балки (Запорожская обл.), принадлежит к числу самых больших могильных объектов ямной культуры (высота 5 м, диаметр 64—70 м). Огромная, сооруженная в четыре приема насыпь помещала всего 57 погребений. Объект использовался в качестве некрополя не только в эпоху бронзы (погребения ямные, катакомбные, культуры многоваликовой керамики). Обнаружено здесь

также киммерийское погребение, относящееся к гальштатской эпохе (новочеркасская группа киммерийских), а также гуннское погребение, датируемое второй половиной IV в. до н. э. Позднесредневековое кладбище (23 погребение) находилось на южном склоне у подножия насыпи и может быть связано с группой памятников, трактуемых в литературе как ногайские, татарские, не связанные с христианством [11, с. 148, 156; 12, с. 15—32; 13, с. 316—321]. Ориентировочная его дата XIV—XV вв., а факт, что черепа обращены лицевой частью на юг, в сторону Мекки, указывает на принадлежность погребений населению, исповедовавшему мусульманство.

Возникновение этого кургана связано со второй половиной III тыс. до н. э., когда здесь была возведена насыпь над первым погребением. Основное погребение в центре кургана сохранилось лучше всех других объектов этого типа в кургане. Это была ямная могила, в ней умерший был накрыт четырехколесной деревянной повозкой. Другие элементы инвентаря — это кинжальчик из мышьяковой бронзы со следами деревянной распавшейся ручки, кремневый отщеп, а также вероятно, деревянный сосуд. На стенках могильной ямы сохранились следы двух типов орудия труда. Проведен анализ инвентаря погребений: основное погребение датировано 2420±120 г. до н. э. (КИ-606), и это соответствует хронологии, полученной авторами на основе стратиграфических наблюдений, а также материалов, являющихся инвентарем погребений.

Представлению материалов новых исследований посвящена следующая статья «Курганы ямной культуры в бассейне р. Базавлук в Днепровском степном правобережье». Автор работы Л. Т. Самойленко генерализованным образом представляет результаты археологических раскопок, которые велись здесь в 1974—1979 гг. Исследованы 43 кургана ямной культуры, в которых обнаружено 197 погребений. Все погребения совершались в прямоугольных ямах, реже — неровных в плане, с каменными или деревянными перекрытиями. Большинство каменных перекрытий состояло из одного — четырех больших камней, положенных поперек ямы. Иногда встречались примитивно обработанные стелы. Стела из перекрытия над основными ямным погребением кургана 3 близ с. Михайловка (Днепропетровская обл.) была покрыта красной охрой, а близ с. Марьевка (там же) стелы были элементом кромлехов. Автор утверждает, что стелы символизировали идолов-божеств древних ямников. Деревянные перекрытия чаще всего состояли из небольших плоских колод, которые лежали поперек ямы. Ямы часто перекрывались корой или циновкой. В отдельных курганах наблюдаются такие же элементы погребального обряда, так как ритуалом впускные погребения походили на основное. Это наблюдение касается также широких пространств степного Поднепровья и Побужья.

Инвентарь курганов в бассейне р. Базалык не отличается от инвентаря погребений, присущего всему ареалу распространения ямной культуры. В погребениях были найдены детали деревянных повозок, очень часто охра, иногда керамика. Основная масса керамических изделий близка керамике типа Б верхнего слоя Михайловского поселения [8, с. 102—107, табл. 14, 15]. Эта керамика находит многочисленные аналогии в инвентарях погребений позднего этапа ямной культуры и позволяет датировать их последней четвертью III — началом II тыс. до н. э. Изделий из металла (серебо, бронза), кремня и камня, а также из кости в исследованных курганах было немного. Среди изделий из кости были найдены молоточковидная булавка, а также трубочки — их некоторые исследователи считают элементами древнейших музыкальных инструментов [14, с. 74, 75] или же амулетами, использовавшимися для повышения надоев молока [15, с. 186—192]. В нескольких погребениях обнаружены кости животных (мелкого рогатого скота, быка, коня). Автор предполагает, что мясо козы (овцы), лежащее в сосудах в головах умершего, служило ему пищей. Кости, положенные у ног погребенных, символизировали самих животных, входивших в состав стада рода или племени покойного. Интересно также наблюдение Л. Г. Самойленко, касающееся ориентации погребений. Преобладает западная с отклонениями на север и юг (рис. 3 на с. 71). Автор предполагает, что это может отражать сезонные отклонения восхода солнца и луны или же дифференциацию на обрядовые группы ямной культуры.

Статья «Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины» Г. Л. Евдокимова и Ю. Я. Рассамакина — это отчет о новейших исследованиях, а также их анализ. Здесь представлены материалы двух могильников: кургана с. Облои (Голопристанский р-н), а также кургана на окраине г. Скадовска. В насыпанном в четыре приема кургане в с. Облои находилось 26 погребений, в том числе энеолитические, ямные, катакомбные, скифские и сарматские. Очень интересна стратиграфия кургана из г. Скадовска. Курган сооружен в семь приемов. Первая насыпь перекрыла группу энеолитических погребений и была окружена кольцевым рвом, в юго-восточной части находилась перемычка в виде порога. В слоях кургана размещались ямные, кеми-обинские и сарматские погребения.

Авторы предполагают и анализируют исключительно энеолитические материалы, исходя из положения, что энеолитические курганы — это редкость, в особенности с такой сложной стратиграфией. Особенное внимание они обращают на наличие рва с перемычкой в скадовском кургане, утверждая, что в энеолите в погребальном обряде традиции сходны независимо от типа погребений или культуры, к которой относятся (например, у нижнемихайловского типа). В ямной культуре таких конструкций не обнаружено.

В погребениях анализируемых курганов найдена керамика, ее можно поставить в один ряд с материалами кеми-обинской культуры Крыма. Сосуд со шнуровым орнаментом (погребение 4, Облоевский курган 2) — явление единичное. Авторы статьи склонны связывать это с влиянием усатовских традиций. В описанных погребениях были обнаружены также изделия из чистой меди. Это трубчатые и спиральные пронизи. Трубчатые пронизи чаще всего встречаются при вытянутых погребениях от Орели до Никополя. Опиральные пронизи распространены не так широко (от Никополя до Черноморского побережья).

Оба могильника могут быть отнесены к началу третьей четверти III тыс. до н. э. Ни в каком отношении они не имеют ничего общего с ямной культурой. Их можно отнести к памятникам нижнемихайловского типа, входящим в более обширный ареал азово-черноморской линии развития степного энеолита.

Л. Ф. Константинеску в статье «Новые материалы позднеямного времени северо-восточного Приазовья» сообщает, что изучение ямной культуры названной территории велось уже в конце XIX — начале XX в., но систематические исследования начинаются в 60-е годы в связи с большими работами экспедиций ИА АН УССР. Автор публикует материалы экспедиций 1976—1977 гг. из 11 курганов, которые располагались в селах Новоселовка, Октябрьское, Кременевка, Волонтеровка и г. Донецк. Для описываемых курганов характерна слабая насыщенность курганов ямными погребениями — в среднем одно — три в кургане. Эта особенность касается всего Восточного Приазовья, что, по мнению автора, свидетельствует о небольшой плотности населения этого региона в III тыс. до н. э. Анализ материалов, стратиграфические данные, детали погребального обряда позволяют разделить погребения на хронологические группы, относящиеся к разным этапам развития ямной культуры.

В инвентаре описываемых погребений самое большое значение имеет керамика, отличающаяся небольшим количеством и своеобразием. Здесь наблюдается переход от высоких форм с богатой орнаментацией к приземистым формам с короткой шейкой. Л. Ф. Константинеску обращает внимание на сходство их с керамикой так называемой молочанской группы Западного Приазовья. Другие элементы инвентаря — это отдельные костяные молоточковидные булавки, а также кремневые и каменные изделия. Материалы, описываемые автором статьи, представляют собой приазово-крымский вариант ямной культуры, хотя обнаружить можно также связи и с нижнеднепровским вариантом этой культуры.

Представлению и анализу одного только памятника посвящена статья «Кремневый скипетр Васильевского кургана». Целью авторов — А. И. Кубышева и А. Л. Нечитайло — было введение в научный оборот уникального предмета, условного названного скипетром. Он обнаружен в 1984 г в погребении ямной культуры во время раскопок кургана 1 на окраине с. Васильева (Херсонская обл.). Он входил в группу из четырех насыпей, прикрывающих 16 погребений ямной и катакомбной культур, а также срубных погребений. Погребение 5 (ямной культуры), где обнаружен скипетр, не было основным. Датируется оно, по мнению авторов, третьей четвертью III тыс. до н. э., значит, относится ко второму этапу ямной культуры, отражавшему уже начало общественной дифференциации древнеямного общества.

Скипетр сделан из кремня крымского происхождения. Оформлен в виде трезубца, одновременно напоминает стилизованную голову быка. Кромка обушка сохраняет следы использования. Данные трасологического анализа позволили отнести это изделие к предметам атрибутов власти, так как не обнаружено следов использования скипетра в качестве оружия или орудия; кроме того, его значительные размеры позволяют предполагать, что он был неудобен в ежедневном пользовании. Авторы статьи приравнивают эту находку к энеолитическим скипетрам зооморфного характера в виде голов коня или птицы, а также к каменным булавам и топорам, относящимся к эпохе средней бронзы. Можно также привести одновременные, хотя и немногочисленные аналогии из ямной культуры. Малочисленность находок изделий этого типа можно объяснить тем, что предметы эти были собственностью представителей узкой верхушки общества. Об исключительной позиции умершего из погребения 5 в Васильевке свидетельствует также специфическая форма насыпи над

погребением: вершина кургана как бы сглажена; на ней, как предполагают авторы статьи, могло находиться святилище.

Все предметы в виде головы рогатого животного отражают, по мнению А. И. Кубышева и А. Л. Нечитайло, религиозно-магические воззрения скотоводческих племен. Надо подчеркнуть, что их интерпретация неоднозначна, так как иногда эти предметы называют изображениями идола-оранта [16, с. 62, 66, 67, 137; 17, с. 257, 258, рис. 65], что не меняет их религиозной функции. Авторы приводят много примеров таких мотивов в средиземноморских сюжетах (Эгея, Микены, Кипр, Вавилон, Египет), выражающих ассоциацию культа матери и быка (Иштар, Исида).

А. А. Мельник и И. Л. Сердюкова во время исследования кургана ямной культуры в г. Кривой Рог оказались перед задачей реконструировать исключительно хорошо сохранившуюся деревянную повозку, обнаруженную в погребении 1. Результатом их работы является статья «Реконструкция погребальной повозки ямной культуры». В погребении 1 сохранилось много элементов повозки: колеса, кузов, дышло, борт, а также детали каркаса перекрытия. Все эти элементы соединялись деревянными брусьями. Опираясь на сохранившиеся части, А. А. Мельник и И. Л. Сердюкова реконструировали повозку (рис. 3, с. 122). Благодаря подковообразному дышлу повозка приобретала большую маневренность; благодаря общим пропорциям устойчивость (отношение ширины к ее длине 1/3). Размер колес говорит о неприспособленности повозки под значительный груз, а применение деревянных, не металлических деталей поворотного механизма — о неприспособленности к длительному функционированию. Повозка была создана не для хозяйственного использования, а, как предполагают авторы, для сугубо ритуальных целей.

Л. В. Субботин в статье «Мегалитическое погребение у с. Татарбунары» рассматривает вопрос культуры шаровидных амфор в степях Украины, а также ее связи с племенами ямной культуры. Поводом для этих рассуждений было мегалитическое погребение, выявленное у с. Татарбунары (Одесская обл.), принадлежащее по словам автора, к культуре шаровидных амфор. В окрестностях Одессы в 1966 г. обнаружены первые выпущенные в насыпи курганов ямной культуры погребения. Дальнейшие исследования принесли очередные находки; в настоящее время к востоку от Буга зафиксировано 70 погребений культуры шаровидных амфор. Л. В. Субботин обращает внимание на факт, что эта культура на своем обширном ареале не представляла собой единого целого. В ней можно выделить ряд локальных вариантов, ближайшими из которых к Северо-Западному Причерноморью являются волынский и подольский. По всей вероятности, именно отсюда элементы культуры шаровидных амфор проникали в ямную культуру. В свою очередь, результатом распространения на север и запад являются памятники ямной культуры в Белоруссии и на левобережье Днепра, а также в румынской Молдове. Взаимовлияние этих двух культур следует отнести к концу III — началу II тыс. до н. э.

В статье «Исследования кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкое» Н. М. Шмаглый и М. Ю. Видейко пытаются выяснить хронологическое соотношение двух возникших в разное время и в разных культурах памятников, т. е. трипольского поселения и курганного могильника ямной культуры. Трипольское поселение погибло в огне пожара. Радиоуглеродные даты определяют время поселения 2940 ± 50—2650 ± 60 лет до н. э., а археомагнитные — XXIX—XXVIII вв. до н. э. Стратиграфический анализ памятника позволяет утверждать, что ко времени сооружения кургана стены домов-площадок, уничтоженных пожаром, сохранились лишь на незначительную высоту.

Инвентарь погребений можно отнести к позднему этапу, значит, время гибели поселения и время сооружения на его площади кургана разделяют 200—400 лет.

Авторы считают, что в настоящее время нет данных, позволяющих связать исчезнование крупных трипольских поселений с миграцией племен ямной культуры. Главными причинами, влияющими на трансформацию трипольской культуры, были социально-экономические сдвиги в трипольском обществе. При экстенсивном характере трипольского земледелия (от 65 до 91% пахотных земель в округе в эпоху позднего Триполья) крупные поселения исчезли [18, с. 538—544].

Рецензируемое собрание двенадцати статей включает работу С. Я. Ольговского «О цветной металлообработке у племен ямной культуры». Во вступлении автор рассматривает историю вопроса и доказывает необходимость спектрально-аналитического исследования немногих предметов из металла, найденных в погребениях. Основная масса предметов из металла, а также связанных с местной металлургией (каменных ступ для дробления руды и сопла) происходит из верхнего слоя Михайловского поселения. Обнаруженные здесь предметы (шилья, ножи, долота, тесла) проанализированы спектрально, выяснена тождественность металла с кавказскими месторождениями [8, с. 147,

табл. XXVI, с. 152, 155, рис. 40, табл. 2, 3]. Е. Н. Черных установил химическое сходство металла ямной, полтавкинской и катакомбной культур, а также факт эксплуатации южноуральских и кавказских месторождений [19, с. 60, 64, 71].

С. Я. Ольговский, изучив коллекцию 13 изделий из позднеямных погребений, обнаруженных в окрестностях Одессы, приходит к выводу, что здесь изготовлялись предметы из серебра с примесью меди (от 1 до 10%), а также из чистой меди с примесями других металлов ниже 1%. Структура металла ямной культуры не отличается от структуры украшений катакомбной культуры, а металлы срубной культуры содержат повышенную примесь олова. Автор приходит к выводу, что медь ямной культуры в западных районах Восточной Европы связана с месторождениями Южного Урала и Кавказа, которые обеспечивали сырьем мастеров ямной культуры из более восточных областей. Как считает С. Я. Ольговский, большая удаленность Нижнего Поднестровья от традиционных источников сырья вынуждала здешних металлургов смешивать материал и искать другие источники сырья.

Все проявления материальной и духовной культуры племен ямной культуры издавна привлекали внимание исследователей. Результатом этого уже к концу XIX в. были многие наблюдения и материалы. В 20-е и 30-е годы нашего столетия собранные материалы систематизированы, а также разработаны основы их периодизации [20, с. 336, 337] В настоящее время ямная культура принадлежит к числу наиболее изученных культур начала эпохи бронзы на территории Советского Союза. С целью получения новых источников информации ведутся дальнейшие исследования. Эти работы, несомненно, заслуживают похвалы, несмотря на некоторые возражения, вызываемые методами разработки и публикации результатов этих исследований. Статьи, входящие в рецензируемый сборник, отличаются единым подходом, и, хотя в своем большинстве не претендуют на окончательное решение вопроса, кажутся достойными внимания, так как вводят в оборот новые материалы ямной культуры. Авторы статей, возможно, из-за недостатка места, а также необходимости создать сборник как определенное однородное целое применили сокращенный и унифицированный способ подачи информации. Может быть, поэтому у читателя создается впечатление неполности, недостатка некоторых деталей, в частности там, где описаны источники. В исключительно сжатом виде представлены вопросы построения курганов ямной культуры — объектов с очень сложной стратиграфией. В некоторых статьях так же выборочно отнеслись их авторы к источникам материальной культуры, отсюда создается впечатление, что эти материалы не описаны полностью, и исчерпывающий, полный анализ является делом будущего. В других статьях в свою очередь анализ описываемых источников кажется недостаточным, а опись инвентаря погребений занимает много места. Отсюда заметна поверхностность в характеристике материала и анализе археологических исследований, поверхностность, которой «грешат» не только советские исследователи.

Не лишена серьезных недостатков также и иллюстрированная сторона сборника. Это касается, прежде всего, общих планов и профилей курганов; схемы кажутся слишком упрощенными тем более, что стратиграфия этих объектов очень сложна. К тому же применение большого масштаба привело к тому, что публикуемая документация мало разборчива. В некоторых случаях возражения вызывает чрезмерное уплотнение рисунков в таблицах (с. 45, рис. 3; с. 104, рис. 8) или же их некоммуникабельность (с. 56, рис. 11). С другой стороны, отсутствует топографическое описание объектов. Это ставит зарубежного читателя; не знакомого с топографией этих районов и географических названий столь обширной территории, какой является Украина, в очень затруднительное положение. Локализация небольших населенных пунктов, лежащих на небольших водных потоках, на картах, доступных в Польше, практически невозможна. Желательно, чтобы сборник вместе с каждой разработкой включал небольшие фрагменты карты, согласно общепринятой европейской традиции публиковать новые археологические находки.

Рассматриваемый сборник, несмотря на указанные недостатки, является хорошей «визитной карточкой» исследовательской деятельности Института археологии АН УССР в Киеве. Книга наглядно показывает, что только в 70-е и 80-е годы это учреждение исследовало свыше 100 курганов ямной культуры больших размеров и с богатым содержанием. Видна, однако, диспропорция между количеством материала и сокращенностью его разработки. Остается надеяться, что это не последнее слово ИА АН УССР, посвященное материалам ямной культуры Украины.

Институт истории материальной
культуры, Вроцлав, Польша

Э. Клосинска

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадер О. Н.* Работы Азово-Черноморской экспедиции Института археологии АН УССР // Тр. сов. секции INQUA. 1937. Вып. 6.
2. *Даниленко В. Н.* Кам'яна огилла. Киев, 1986.
3. *Земляков М. Я.* Об изображении мамонта из «Мамонтова грота» Каменной Могилы на Мелитопольщине // КСИИМК. 1939. Вып. 2.
4. *Рудинский М.Я.* Кам'яна Могила. Киев, 1961.
5. *Бадер О. Н.* Древние изображения на потолках гротов в Приазовье // МИА. 1941. № 2.
6. *Даниленко В. Н.* Про наскальные изображения Кам'яно Могили // Археологія. 1950. Т. 4.
7. Wielka Enzyklopedia Powszechna PWN. T. 4. Warszawa, 1964.
8. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселения. Киев, 1962.
9. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт в этнической социальной истории древнего населения древнерусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
10. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1961.
11. *Клейн Л. С.* Кургани біля с Троіцького // АН УРСР. 1960. Т. 8.
12. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966) // МАСП. 1970.
13. *Когонашвили Е. Н.* К вопросу о средневековом населении Северного Крыма // Шепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье. Симферополь, 1969.
14. *Крупнов Е. И., Синицын И. А.* Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.
15. *Галкин Л. Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. 1975. № 3.
16. *Vladár J.* Praveká Plastica. Tartan, 1979.
17. Pravěke Ďějiny Čech. Praga, 1978.
18. Історія міст и сіл УРСР. Киев, 1972.
19. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. // МИА. 1966. № 132.
20. Археологія Украіны. Киев, 1985.

Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков

Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М.: Наука, 1988. 208 с.

Рецензируемая работа написана коллективом сотрудников лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР, созданной и возглавлявшейся в течение 20 лет, вплоть до 1970 г., М. М. Герасимовым (1907—1970), автором метода документальной скульптурной и графической реконструкции лица по его костной основе. Здесь нет необходимости останавливаться на оценке его деятельности; достаточно напомнить, что в отличие от всех занимавшихся этой проблемой, его вклад в разработку методики скульптурной реконструкции выходит за рамки более или менее случайных эмпирических наблюдений. Контрольные реконструкции и соответствующие экспертизы подтвердили эффективность применяемой методики, а созданная М. М. Герасимовым галерея портретов (список учтенных реконструкций включает 144 названия [1]) послужила основой для решения им некоторых проблем расо- и этногенеза.

Прошло более 20 лет со времени последних публикаций М. М. Герасимова. За это время благодаря интенсивным археологическим исследованиям накоплен значительный палеоантропологический материал, позволивший во многом иначе взглянуть на проблемы формирования и распространения антропологических типов на территории нашей страны. Предложенная нашему вниманию книга, как написано в аннотации, является продолжением и развитием идей М. М. Герасимова, а представленные реконструкции выполнены с учетом «последних теоретических и методических достижений нашей науки» (с. 4). Книга состоит из двух разделов. Первый называется «Антропологическая реконструкция и пути ее развития». Можно полагать, что он и содержит изложение вышеназванных достижений антропологической реконструкции, «особого раздела отечественной антропологии», по мнению авторов (с. 3). Второй раздел, по объему составляющий $^2/_3$ книги, посвящен собственно теме книги.

Книга прекрасно иллюстрирована, содержит 18 графических реконструкций и 35 фототаблиц скульптурных реконструкций, выполненных главным образом Г В. Лебединской, включает большой табличный материал.

Очевидно, хотя авторство и не указано, что первый раздел написан Г. В. Лебединской, поскольку

© М. М. Герасимова, Г И. Медведев, Л. Т. Яблонский, 1991 г.

представляет собой несколько дополненное и переработанное изложение ее статей и диссертационной работы. Кстати сказать, такая высокая степень коллегиальности делает честь Г. В. Лебединской как заведующей лабораторией. Раздел содержит подробный критический обзор работ, посвященных проблеме взаимосвязи мягкой и костной ткани, начиная с работ учеников Ж. Кювье. Пожалуй, это наиболее полная сводка работ, посвященных в той или иной мере означенной проблеме и проблеме реконструкции внешнего облика на костной основе. В разделе подробно описаны исследования анатомов конца прошлого и начала нашего века, рентгенологические исследования первой трети нашего века, некоторые опыты реконструкций первобытного человека и работы по идентификации скелетных останков исторических лиц. Жаль, что в работе не нашлось места для целостного изложения концепции М. М. Герасимова, который совершенно иначе, чем его предшественники, подошел к решению проблемы восстановления лица, не изложены, пусть кратко, его методологические и методические принципы построения скульптурной и графической реконструкций. Отдельные моменты методики М. М. Герасимова обсуждаются в данной работе лишь в связи с тем, нашли или не нашли они подтверждение в результатах исследовательской деятельности лаборатории. Книги М. М. Герасимова с течением времени делаются все более раритетными, анализ же метода М. М. Герасимова позволил бы выявить те моменты, которые наиболее уязвимы, наименее подтверждены фактологической базой, и, таким образом, выявить направление научного поиска.

Итак, каковы же новые программы и методы, разрабатываемые лабораторией? Прежде всего это изучение зонального распределения толщины мягких тканей лица у различных этнотерриториальных групп. Авторами было изучено пять мужских и три женские различные этнотерриториальные группы. В работе приводятся табличные данные и текстовое описание вариаций толщины мягких тканей. Оставляя «углубленный анализ» на будущее, исследователи вынуждены констатировать, что «достоверных различий по полу и этносу не выявлено...» (с. 19). Кстати сказать, и наблюдения авторов прошлых лет (Биркнера, Кольмана, Фишера и т. д.) в области расовых вариаций толщины мягких тканей, и новые данные, полученные коллективом лаборатории, ни в коей мере не противоречат данным М. М. Герасимова и его основной идее, что толщина мягкой ткани определяется степенью развития рельефа, а приведенные толстоты в принципе укладываются в условно принятые ученым «технически вспомогательные стандарты». Авторы монографии не предлагают никаких новых шкал, никаких поправок к стандартам М. М. Герасимова. Непонятно, как эти новые данные могут быть использованы при создании реконструкций. Таким образом, это направление работ, в настоящий момент во всяком случае, мало что дает для создания индивидуального портрета, хотя, безусловно, метод ультразвуковой локации в изучении зонального распределения мягких тканей на лице в связи с отсутствием секционного материала и ограничением возможностей использования рентгеновских лучей — весьма перспективное направление в деле коннексии краниологических и соматологических данных. Очевидно, что развитие метода лежит не только в области разработки эталонных толстот, но и уточнения приемов реконструкции отдельных деталей лица с учетом формообразующих особенностей черепа. В этом плане интересными и многообещающими кажутся предпринятые исследователями поиски зависимостей между отдельными участками мягкого и костного носа, между шириной зубной дуги на разных участках и шириной ротовой щели, толщиной верхней губы и высотой коронок зубов и т. д. Авторами были предложены некоторые уточнения методов воспроизведения носа, рта и глаз. К сожалению, в книге не помещены материалы каких-либо контрольных опытов или криминалистических опознаний, которые бы документировали предложенные в данной монографии уточнения к методике, и мы должны принимать их на веру. Много места уделяется авторами изложению перспектив развития метода, которые они видят в возможностях применения ЭВМ и стереофотометрии. Однако, по их собственному заключению, эти исследования в самом начале пути, так же как и создание объемной модели с помощью ЭВМ. Подводя итоги, авторы пишут, что «современный этап развития антропологической реконструкции характеризуется новым методическим подходом, заключающимся в разработке программ и методов исследования, направленных на получение массовой информации по различным группам населения» (с. 67). Это заключение кажется по меньшей мере странным, так как задача получения массовой информации и статистической обработки результатов в той мере, в какой она представлена в настоящей работе, была сформулирована еще в работах М. М. Герасимова 40- и 30-летней давности. И если методические достижения лаборатории можно проследить и выявить, несмотря на неструктурированность этого раздела и отсутствие видимой логики изложения, то о каких теоретических (с. 4) достижениях идет речь в монографии — можно только

гадать! Ведь, как явствует из текста самой монографии, разработки по уточнению принципов восстановления областей носа и глаза были выполнены Г. В. Лебединской в 50—60-е годы [2—4], т. е. еще при жизни М. М. Герасимова. Основной вывод, полученный в результате использования ультразвука, сводится к тому, что толщина мягких покровов независима «от этноса» (с. 19). Ранее к аналогичному выводу пришел М. М. Герасимов [5, с. 35], применив при этом терминологически более правильную формулировку о независимости толщины мягких тканей от «расовой категории». Во «Введении» анонсирован метод построения стереофотограмм, однако в тексте монографии (с. 23) он упомянут лишь в одном абзаце, который содержит призыв к его использованию в дальнейшем. То же касается и применения автоматизации в процессе восстановления внешнего облика. Авторы признают, что «попытки изобразить лицо человека с помощью технических средств пока нельзя считать удовлетворительными» (с. 57). Подобные призывы вообще характерны для методической части книги. Это касается и поиска новых опорных точек для восстановления наружного носа (с. 53), глаза (с. 63). Авторы считают, что «предстоит большая работа, которая в итоге должна привести к практическому решению вопроса» (с. 59), что «автоматизация антропологической реконструкции явится важнейшим достоянием научной объективизации этого процесса» (с. 59), что «...благодаря этой работе в руках антропологов оказался ценнейший материал для сопоставления...» (с. 148), однако, как ни странно, никаких сопоставлений далее не последовало. Присутствие в тексте оценочных критериев проделанной или предполагаемой работы весьма уместно в отчете, но вызывает удивление в монографии.

Первый вопрос, который возникает при прочтении второй части монографии, связан с принципом отбора реконструкций для публикации. Ссылка авторов на то, что «в работе не упоминаются те из них, которые тематически выходят за временные и географические рамки, фиксированные в названии монографии» (с. 158), этого вопроса не снимают. Временные рамки не указаны в названии; что же касается географических — территории СССР, то они достаточно широки. Если имелось в виду, что в монографии опубликованы только те реконструкции, которые были выполнены с учетом «последних теоретических и методических достижений» (с. 4), то это не соответствует существу дела, так как подавляющее число представленных в книге реконструкций, выполненных Г. В. Лебединской, было создано еще при жизни М. М. Герасимова, с использованием его методики. Если Г. В. Лебединская хотела продемонстрировать главным образом свои работы, то такая подборка не оправдывает название монографии, поскольку в этом случае образуются существенные временные и культурные лакуны, а представленные портреты никак не отражают всего многообразия древних антропологических типов на территории СССР. Между тем среди работ М. М. Герасимова — только не опубликованных около сорока [1]. Значительную часть фонда Института этнографии АН СССР составляют реконструкции, выполненные Т. С. Сурниной, проработавшей в лаборатории свыше 30 лет. Более двух десятков реконструкций выполнено и частично опубликовано одним из авторов настоящей рецензии [6] Привлечение хотя бы некоторых из упомянутых работ позволило бы, с одной стороны, дать более адекватную картину многообразия древних типов населения СССР, а с другой — продемонстрировать реальное воплощение мысли М. М. Герасимова о том, что «процессу восстановления лица по черепу можно обучить, как любому антропологическому приему» [5, с. 18]. Весьма странным выглядит, например, то обстоятельство, что нам представлены реконструкции детей из Сунгиря, публиковавшиеся и ранее [7], но отсутствует реконструкция М. М. Герасимова по черепу из того же могильника или что на табл. VI приводится реконструкция Г. В. Лебединской по мужскому черепу из Вольненского могильника, но отсутствует реконструкция Т. С. Сурниной по женскому черепу из соседнего погребения. Число подобных примеров можно умножить. Вышесказанное совершенно необъяснимо ни с научной, ни с этической стороны.

Итак, вторая часть книги состоит из шести разделов: палеолит, мезолит, неолит, бронзовый век, эпоха железа, античность и средневековье, включающих 25 аннотаций к реконструкциям. Обращает на себя внимание отсутствие единого плана этих аннотаций к портретам. Иногда они представляют собой очень краткий очерк, например «Пьяноборская культура» или «Скифское время», а иногда — довольно подробные, изобилующие маловажными деталями описания отдельных черепов, например «Могильник у Долгого озера (Канск)», или погребального обряда — «Фофановский могильник».

Мы не располагаем возможностью подробно проанализировать каждую из этих аннотаций, приведем лишь наиболее яркие примеры вольного обращения авторов с археологическими и палеоантропологическими материалами. Открывает вторую часть книги очерк «Палеолит», и почти

сразу же многое, мягко говоря, вызывает удивление, например небрежность в изложении взглядов цитируемых авторов. Чего только стоит утверждение, что Г Ф. Дебец относил неандертальца из Тешик-Таша в работе 1947 г. «к типичным неандертальцам либо западноевропейского, либо переднеазиатского типа, в то время как В. В. Бунак (1951) отмечал в нем черты, переходные между палеоантропом и человеком современного вида» (с. 72). Здесь сразу несколько ошибок. Г Ф. Дебец, действительно, в первой публикации подчеркивал, что тешик-ташская находка отличается от азиатских и африканских форм, а сближается главным образом с европейскими; в работе 1947 г. он включил тешик-ташскую находку в группу «классических» неандертальцев, по терминологии Гремяцкого, или в группу Спи, по терминологии Вайденрейха, и лишь в 1956 г. высказался в пользу сближения ее с прогрессивными неандертальцами типа переднеазиатских или группы Эрингсдорф. В. В. Бунак, изучивший эндокран тешик-ташского ребенка, отметил, что тот по конфигурации рельефа отличается от неандертальских, что в контексте его идей никоим образом не является свидетельством наличия «переходных черт».

Цитируя далее В. В. Бунака (с. 75) в поддержку гипотезы об исключении неандертальцев из магистрали развития человека, авторы опять допускают некоторую передержку, поскольку В. В. Бунак отрицал возможность трансформации мустьерских неандертальцев в ранний сапиентный тип, но отнюдь не исключал ее для довюрмских гоминид штейнгеймской группы. К тому же о какой «переходности» тешикташца тогда могла бы идти речь, или Бунак был непоследователен в своих взглядах? Выяснению филогенетического положения тешик-ташской находки и истории вопроса посвящена обстоятельная работа В. П. Алексеева [8], ссылка на которую была бы здесь весьма уместна, а знакомство авторов с ней позволило бы им избежать вульгаризации в изложении.

Отрицая неандертальскую стадию в эволюции современного человека, авторы главными аргументами выдвигают принцип Далло [9] и характер изменчивости тотальных и генерализованных параметров мозгового черепа, изученный одним из сотрудников лаборатории [10], оставляя за пределами своего внимания не только целый ряд теоретических разработок последних лет, но и конкретные находки, например в Сен-Сезере, меняющие наши представления о жесткой связи стадиальной морфологии черепа с типом каменной индустрии. Вся огромная литература в этой области (прекрасный обзор европейских и американских работ за последние 10 лет [11], к сожалению, не был доступен авторам в период написания работы) игнорируется, авторы ссылаются на работы 35-летней давности (с. 75). Завершается раздел о палеолите кратким перечнем имеющихся палеоантропологических находок из Костенок и описанием сунгирских детей. Охарактеризовав результаты археологических исследований, дав некоторые реконструкции образа жизни сунгирцев, описав подробно погребальный обряд, авторы не сочли нужным остановиться на антропологической проблематике, связанной с этими находками, на том круге вопросов, который обсуждался в коллективной монографии [7] Между тем в анализе результатов исследования сунгирцев находит отражение, в частности, проблема «переходности», которая рассматривается разными авторами как в аспекте стадиальной трансформации, так и в плане соотношения антропо- и расогенеза. Нам же в рецензируемой работе предлагаются фотографии реконструкции внешнего вида сунгирских детей без какого-либо авторского комментария. В связи с этим возникает вопрос: что такое предлагаемая реконструкция — иллюстрация или инструмент познания? На сей счет существуют разные мнения. М. М. Герасимов никогда не рассматривал создаваемые им реконструкции как некую самоцель. Он считал, что методика скульптурной и графической реконструкции должна явиться одним из многих приемов классической антропологической науки [5, с. 18] В. П. Алексеев [12], напротив, считает, что этот метод не дает принципиально новой информации сравнительно с изучением черепа, поскольку воспроизведенные мягкие ткани целиком зависят от строения черепа. Нам кажется, череп несет в себе такой огромный запас информации, что существующие краниометрические и краниоскопические методики представляют собой формализацию лишь некоторой ее части. Методика, разработанная М. М. Герасимовым,— еще один, иной способ прочтения этой информации. Интересно, какой точки зрения придерживаются авторы рецензируемой работы? Реконструкции молчат.

Раздел содержит и просто курьезы. Так, довольно странными выглядят рассуждения о климате в мустьерское время. Авторы предполагают достаточно мягкий климат (с. 73), поскольку «трудно предположить, что мустьерцы обладали такой же техникой изготовления меховой одежды, как люди более поздней эпохи». Этот неожиданный аргумент заставляет заметить, что климат менялся вне зависимости от умения древних людей шить одежду. Имеется целый ряд свидетельств о достаточно суровом времени существования мустьерских пещерных стоянок Крыма и Кавказа

и о позднемикулинском или ранневалдайском возрасте мустьерских местонахождений на Русской равнине, т. е. мустьерский человек проник в средние широты, когда уже началось похолодание [13]. Не имея возможности столь же подробно рассмотреть два последующих раздела из-за недостатка места, отметим лишь, что авторы практически игнорируют ту картину, которая сложилась в результате многочисленных и результативных исследований палеоантропологов, и даже не пытаются составить у читателя общее представление о формировании, распространении и взаимоотношениях различных антропологических типов в неолите. Отсылая нас к реконструкциям, авторы, за редким исключением, не высказывают своей точки зрения ни по одной из острейших дискуссионных проблем неолитического расо- и этногенеза, а если и высказывают, то достаточно путанно. Например, описывая черепа из Вовнигского (с. 95) и Вольненского (с. 99) могильников, авторы со ссылкой на И. И. Гохмана [14] пишут о единстве типа неолитического населения Надпорожья, между тем как вышеупомянутый исследователь считает, что в этих могильниках представлен главным образом один из вариантов, а наиболее специфичный, исключительно широколицый вариант представлен в ранненеолитическом могильнике Васильевка II, по одному из черепов которого, кстати, имеется реконструкция, выполненная Т. С. Сурниной. И совсем несообразным кажется объяснение массивности строения черепов неолитического населения Надпорожья условиями жизни, существенно отличавшимися от условий жизни неолитических племен Западной Европы и Средиземноморья. А как же тогда объяснить тот факт, что в эпоху мезолита население Надпорожья «по своим антропологическим особенностям не выходит за пределы вариаций признаков у мезолитического населения Западной Европы» [14, с. 187]? Или тогда условия были похожи?

Обратимся к разделу, посвященному эпохе бронзы.

Все рассуждения, связанные с реконструкцией из могильника Кокча 3, основаны на работах археологов, написанных еще в 40-е и 50-е годы. За время, минувшее с тех пор, в низовьях Амударьи были сделаны значительные археологические открытия, позволившие в существенной мере уточнить историко-культурную ситуацию в регионе в эпоху бронзы. Речь идет прежде всего о типологических и хронологических соотношениях тазабагъябской, суярганской и амирабадской культур (последняя, кстати, вообще не упоминается при довольно подробной археологической характеристике региона). Можно предполагать, что при написании текста авторы не успели ознакомиться с последней монографией, специально посвященной исследованию могильников Тумек-Кичиджик и Кокча 3 [15] Однако вне поля зрения исследователей почему-то осталась фундаментальная монография М. А. Итиной [16], знакомство с которой позволило бы им избежать многочисленных неточностей, обусловленных повторением устаревших концепций и нашедших отражение в интерпретации палеоантропологических материалов.

Конечно, авторы не являются археологами, но это не снимает с них ответственности за научность изложения археологических материалов, раз уж они взялись за такое дело. Эта ответственность лишь возрастает оттого, что, как сказано в аннотации к книге, «авторы обращаются к широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Родины».

Впрочем, существенные промахи допущены ими и при интерпретации палеоантропологических материалов. Так, на с. 120 утверждается, что «фатьяновские племена имеют единый антропологический тип», который в первую очередь характеризуется гипердолихокранией. Там же в круг памятников фатьяновской культуры они включают Балановский могильник, хотя еще в 60-е гг. автор раскопок О. Н. Бадер [17, с. 306] писал о резких различиях в балановской и фатьяновской культурах. В то же время М. М. Герасимов [5, с. 489 и сл.] и М. С. Акимова [18, с. 334] выявили антропологическую неоднородность балановского населения, установив в его составе средиземноморский и лапоноидный типы.

Подобное вольное обращение с археологическим и палеоантропологическим материалом не вносит в науку ничего, кроме путаницы. К сожалению, авторам не удалось ее избежать и при характеристике материалов, относящихся к эпохе раннего железа.

Ошибочным является утверждение на с. 133 о том, что «своеобразие скифской культуры раскрывается в так называемом зверином стиле», поскольку материалы, накопленные за последние десятилетия, показывают, что этот стиль был распространен на значительных территориях — от Китая до Подунавья (неслучайно этот стиль чаще всего называют скифо-сибирским) и нет никаких оснований причислять население этих территорий к собственно скифам. Что касается манеры изображения, то вопреки мнению авторов (с. 133) реалистические изображения животных именно в статичных позах характерны прежде всего для ранних этапов классического звериного

стиля. Далее на этой же странице следует целый каскад небрежностей и неточностей в изложении археологических и исторических данных. Непонятно, откуда авторы почерпнули сведения о том, что распространение единой скифской культуры по всей степной зоне Европы завершилось к VII в. до н. э. Сомнительным или, во всяком случае, спорным является категорическое утверждение (без всяких ссылок на источники), что в скифское время границей между Европой и Азией являлся Дон. Версия Геродота об азиатском происхождении скифов нуждается в проверке со стороны палеоантропологических источников, и, говоря о ней, надо было во всяком случае коснуться и научной полемики вокруг гипотез о генезисе скифской культуры Северного Причерноморья (сводка данных: [19]).

Дезинформирующим читателя является утверждение авторов (с. 134), что «сарматская культура была широко распространена в южных степях Урала и Поволжья с VI в. до н. э. до IV в. н. э.». Если уж авторы самостоятельно решили исключить из ареала сарматских племен области Северного Причерноморья и Предкавказья, а также удревнить сарматскую культуру на пару веков, то это надо было как-то аргументировать.

Столь же несуразным выглядит утверждение на с. 135—136 о том, что древнейшие могилы, оставленные саками, относятся еще к бронзовому веку (IV—V вв. до н. э.) Неверен и вывод о том, что «сакским племенам присущи европеоидные признаки андроновского антропологического типа и близких к нему форм протоевропейского типа» (с. 136). Со ссылкой на работу С. П. Толстова 1960 г. (т. е. времени, когда на Сырдарье еще не были открыты и изучены классические памятники сакской культуры) даются неверные сведения о существовании кокча-тенгизской культуры вплоть до II в. до н. э. (с. 137); акчадарьинская дельта Амударьи названа сырдарьинской; ни разу не упомянуты в связи с сакской археологией Приаралья всемирно известные комплексы Южный Тагискен и Уйгарак [20—22], хотя при раскопках этих могильников был получен весьма выразительный краниологический материал, который, кстати, свидетельствует о значительной доле монголоидной примеси у некоторых групп саков Казахстана, о мезобрахикрании, сочетавшейся у них с мезоморфностью [23]

Примеры ошибочного, в лучшем случае несовременного изложения археологических и антропологических концепций можно было бы продолжить, и лишь за неимением места нам приходится ограничиться уже приведенными. К числу недостатков можно отнести также и небрежно выполненные ссылки на рисунки: например, на с. 97 рис. 9—11 или на с. 114 табл. XII. В первом случае авторы обещают «хозяйственные ямы», а во втором — инвентарь суярганского типа, на рисунках же графические и скульптурная реконструкции.

Оценивая общий результат, необходимо отметить отсутствие в монографии фундаментальных проблем антропологии; читая книгу, трудно сложить отдельные представления в целостную картину даже квалифицированному читателю. Обидно, что книга, обращенная к широкому кругу читателей, необходимая, ожидаемая и, можно сказать с уверенностью, с интересом встреченная читателем, страдает облегченным подходом к решению многих важных проблем антропо- и расогенеза, изобилует ошибками в освещении археологической проблематики.

Институт этнографии АН СССР, Москва — *М. М. Герасимова, Г. И. Медведев,*

Иркутский государственный университет — *Л. Т. Яблонский*

Институт археологии АН СССР, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасимова М. М.* Список скульптурных реконструкций М. М. Герасимова // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973.
2. *Лебединская Г. В.* К вопросу об объективном воспроизведении разреза глаз при реконструкции лица по черепу // Краткие сообщения Ин-та этнографии. Вып. XXVII. М., 1957
3. *Лебединская Г. В.* О корреляции между размерами мягких тканей с костной основой носа // СЭ. 1965. № 3.
4. *Лебединская Г. В.* Некоторые закономерности строения носа и его костной основы // Вопр. антропологии. 1968. Вып. 30.
5. *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXVIII. М., 1955.
6. *Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987.

7. Сунгирь. Палеоантропологическое исследование. М.: Наука, 1984.
8. *Алексеев В. П.* Положение Тешик-ташской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973.
9. *Dollo L.* Les Lois de L'evolution // Bull. Soc. belge geol. 1983. № 7.
10. *Пестряков А. П.* Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки. М., 1987.
11. *Зубов А. А.* Эволюция рода Homo от архантропа до современного человека // Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Т. II. Становление и эволюция человека. М., 1987.
12. *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979.
13. *Иванова И. К.* Ископаемый человек и его культура // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Полутом I. М.: Наука, 1982.
14. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
15. *Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т* Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XV. М.: Наука, 1986.
16. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э. // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. X. М.: Наука, 1977.
17 *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М.: Наука, 1963.
18. *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О. Н. Балановский могильник. М.: Наука, 1963.
19. *Мурзин В. Ю.* Некоторые дискуссионные вопросы современного скифоведения // Археология Украинской ССР. Т. II. Киев: Наук. думка, 1986.
20. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2.
21. *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифо-сибирской археологии // МИА. 1976. № 177.
22. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭ. 1973. Т. VIII.
23. *Трофимова Т. А.* Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos, V 19 (N. S. II). Brno, 1967.

Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков. Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М.: Наука, 1988. 208 с.

Работы М. М. Герасимова, выдающегося советского антрополога, разработавшего методику восстановления внешнего облика лица человека по черепу, пользуются мировой известностью. Им выполнены почти две сотни реконструкций по черепам древних людей, найденным в могильниках эпох палеолита, мезолита, неолита, создана галерея наглядных образов мужчин, женщин, детей, живших на территории нашей страны и в более поздние исторические периоды, восстановлены скульптурные портреты многих исторических деятелей, знакомых ранее только по описаниям и документам.

Интерес к работам М. М. Герасимова не исключал скептического отношения многих ученых к самой идее возможности портретной реконструкции. Высказывались мнения, что успехом своих «произведений» М. М. Герасимов обязан не столько разработанной теории, сколько собственной интуиции и таланту, что феномен Герасимова окончится вместе с его уходом из жизни.

Выход в свет рецензируемой книги показывает, что скептики были неправы. М. М. Герасимовым была создана школа, дело его продолжают талантливые ученики и последователи.

Книга содержит два больших, почти одинаковых по размеру раздела: «Антропологическая реконструкция и пути ее развития» и «Антропологические типы древнего населения на территории СССР», имеет приложение, состоящее из 35 фотографий скульптурных реконструкций.

Наличие в книге большого методического раздела — факт сам по себе знаменательный. Он

© И. И. Гохман, 1991 г.

показывает, что авторы не следовали слепо по пути, проложенному М. М. Герасимовым и его предшественниками, вклад которых они, кстати сказать, скрупулезно и вдумчиво анализируют и используют в работе. Не представляет собой этот раздел и изложения общих методов и способов антропологической реконструкции, повторяющего то, что уже имелось в прежних публикациях. Цель его — дальнейшее развитие методов реконструкции на современном уровне науки с сохранением всего ценного, что было уже накоплено, внедрение в практику идей, которые раньше были слабо обоснованы материалом или которые в силу технических трудностей не могли быть вовсе проверены, и, наконец, разработка новых идей и подходов, совершенствующих способы воссоздания индивидуального портрета по черепу средствами антропологической науки.

В данном очерке методики авторы останавливаются на рассмотрении нескольких вопросов. Первый из них посвящен общей проблеме зависимости формы мягких тканей лица от костной основы. Авторы, естественно, разделяют в этом вопросе позицию М. М. Герасимова, который в острой полемике отстаивал идею наличия связей между чертами лица и элементами строения лицевого скелета. На существовании этой зависимости только и возможно создание портретной реконструкции. М. М. Герасимов доказывал свою правоту, проведя серии измерений толщины мягких тканей на трупах. В дальнейшем он вместе со своими учениками изучал этот вопрос на рентгенограммах живых людей.

Недостаток первого способа состоит в посмертных изменениях мягких тканей, деформирующих их истинную толщину; второй способ помимо того, что имеет сложности методического характера, подвергает исследуемого дополнительному рентгенологическому облучению не с лечебной целью и уже поэтому некорректен. Авторы применили новый способ исследования локального распределения толщины мягких покровов лица — ультразвуковую локацию. Использование этого метода после апробации позволило качественно изменить характер изучаемого материала. Появилась возможность изучать этнотерриториальные и расовые группы, репрезентативные по численности. В табл. 1 приводятся данные по пяти группам мужчин: абхазам, русским, башкирам (две группы), узбекам, в табл. 2 — по трем группам женщин: абхазкам, русским, узбечкам. В табличном материале группы изучены по 17 специально разработанным признакам, но в действительности по ходу исследования было добавлено еще 7 признаков (с. 18). Общая численность обследованных составляет 950 человек. Авторы полагают, что для окончательных обобщений накопленный материал пока недостаточен и что измерения ультразвуковой локацией следует проводить, сочетая их со стереофотограмметрическим методом, дающим возможность получения «топографической карты» поверхности лица. Тем не менее уже сейчас сделан ряд интересных выводов касательно различий толщины мягких тканей у мужчин и женщин и в меньшей степени в разных этнотерриториальных (расовых) группах. Дальнейшая работа в этом направлении, несомненно, будет представлять интерес не только для совершенствования методов реконструкции, но и для этнической антропологии.

Следующая тема, подробно разрабатываемая в книге,— исследование носовой области лица. Выбор авторов станет понятным, если вспомнить, что писал М. М. Герасимов в предисловии к своей последней крупной монографии «Люди каменного века», опубликованной в 1964 г.: «Мы в полной мере принимаем упреки наших коллег в том, что теоретическая база предложенного метода восстановления лица по черепу еще недостаточно разработана. Так, например, мы не можем пока предложить математического выражения соотношений формы мягкого носа и его костной основы, несмотря на то, что эта связь совершенно очевидна» (с. 6). Попытка решения именно этого сложного вопроса и предпринята его учениками в рецензируемом труде.

Материалом для этой работы послужили рентгенограммы лиц русской национальности, накопленные в лаборатории пластической реконструкции, и рентгенограммы из архива В. В. Гинзбурга в Секторе антропологии Института этнографии АН СССР в Ленинграде. Материал был разбит на шесть возрастных групп и изучен по специальной программе (рис. 2, с. 26). Предметом исследования явились не столько размеры и углы, сколько характеризуемые ими зависимости костной основы и мягкого носа. Результаты выявленных корреляций представлены в 29 таблицах. Получены весьма существенные данные, статистически обосновывающие детали реконструкции носовой области. В частности, представляется интересным наличие внутригрупповой зависимости между длиной носовых костей и высотой костного носа, которая хорошо известна на межрасовом уровне. Так, у монголоидов, характеризующихся большими размерами высоты лица и носа, носовые кости заметно длиннее, чем у европеоидов и негроидов. Исследователи установили значительно более высокие связи между линейными размерами, чем между угловыми, которые

крайне слабы. Важным опорным пунктом для определения при реконструкции длины спинки носа оказался размер высоты костного носа, а также выступание носа, обнаружившее связь с высотой грушевидного отверстия.

Несомненно интересным оказался вывод о слабой и даже очень слабой, а иногда и обратной зависимости выступания носовых костей и хрящевой части носа. Этот вывод хорошо согласуется с большой изменчивостью угла выступания носа на черепе, значительно превышающей изменчивость симотической высоты. Он соответствует также наблюдающимся фактам малого угла выступания носовых костей у отдельных европеоидных по всему комплексу признаков, в том числе и по симотической высоте, черепов. Для портретной реконструкции полученный авторами результат имеет огромное значение.

В рамках рецензии невозможно рассмотреть весь круг вопросов, связанных с изучением авторами корреляционных связей в структуре носовой области. Остановлюсь лишь на общеизвестном факте отсутствия внутригрупповой корреляции между шириной носа на живом человеке и на черепе, который подтвержден и авторами данной работы. Факт этот крайне интересен тем, что ширина носа, как и ширина грушевидного отверстия на черепе, является важным расово-диагностическим признаком высокой таксономической ценности. Межгрупповая корреляция, компактность однородных ареалов, приуроченность к географическим расам и формирование групповых различий в процессе отбора несомненны. Вместе с тем, по имеющимся в литературе данным (У. Хауэллс), изменчивость ширины носа одинакова как в однородных, так и в смешанных по происхождению группах. Это обстоятельство отражает сложность носовой структуры и разнообразие морфообразований в процессе адаптации. Одним из таких проявлений является, конечно, оттопыренность ноздрей. Авторы напомнили наблюдения М. М. Герасимова о связи между оттопыренностью крыльев носа и формой нижнего края грушевидного отверстия и провели исследование зависимости ширины носа от расстояния между альвеолярным возвышением клыков на уровне точки субназале (табл. 33), доказав, что таковая существует.

Менее подробно авторы останавливаются на вопросах морфологии и реконструкции глазничной и ротовой областей. Материалы здесь приводятся большие и интересные (табл. 35—40, с. 61—67), но явно ощущается, что сегодня проблемы находятся еще на стадии осмысления и разработки. Отложив их обсуждение до более подробной публикации, вернусь к еще одному аспекту реконструкции носовой области, а именно к воссозданию контура наружного носа, представляющему большие трудности в силу значительной индивидуальной изменчивости. Способ реконструкции контура спинки носа, изложенный М. М. Герасимовым, как отмечают авторы, прост, но требует огромного опыта и во многих деталях субъективен. Авторы пытаются объективизировать метод, используя сравнение контура носовой области на черепе и мягких тканей на уже упомянутых рентгенограммах. Полученные результаты дали ряд ценных наблюдений, которые, как они пишут (с. 47), еще предстоит «теоретически осмыслить». Пока же они предлагают проверку правильности реконструкции с помощью соматологической программы, определяя формы реконструированного и истинного контура по балловой системе. В этом сравнении оказалось 63% совпадений, что авторы считают хорошим результатом, ибо таковой вероятен и при работе с живыми людьми разных исследователей.

Исходя из полученных результатов, авторы используют значительный краниологический материал, относящийся к разным расовым группам, для которых был восстановлен контур носа и сопоставлен с данными исследователей этих же групп на живых людях. Совпадение итогов не вызывает сомнений в том, что на межгрупповом уровне предлагаемый метод реконструкции контура носа «работает» хорошо. Авторы полагают, что это дает возможность получения усредненных данных по краниологическим сериям древних людей и проведения их сравнения с живыми людьми, т. е. перехода к новому, ранее невозможному аспекту антропологических исследований.

На мой взгляд, предлагаемый метод сопоставления древнего и современного населения имеет лишь теоретическое, а не практическое значение. Прежде всего соматологическая методика фиксации описательных признаков сама по себе крайне уязвима. Она субъективна и применяется до сих пор лишь потому, что не найдена ей замена, не нуждающаяся в сложном и дорогостоящем оборудовании и обладающая одновременно высокой в количественном отношении пропускной способностью. Это, однако, лишь дело времени и средств. К этим недостаткам соматологической методики добавляются еще аналогичного типа вариации при реконструкции, что не может не увеличивать субъективность оценок в целом. Следовательно, полученный результат полного совпадения (63%), который не может считаться объективно высоким (он хорош только для описательной

методики), на самом деле еще ниже. Да в таком сопоставлении и нет практической надобности. Древнее население может быть весьма точно сопоставлено с современным использованием краниометрических методов, включающих обширную программу с хорошо разработанными способами сравнительного анализа.

Кроме того, межгрупповой анализ нельзя считать целью портретной реконструкции. Эффективность ее как раз и заключается в возможности точного воспроизведения индивидуального портрета, а не усредненного типа, что подчеркивал в своих трудах М. М. Герасимов. Такая задача ставит, на мой взгляд, определенные требования в методических разработках. В частности, в них, пожалуй, нельзя считать достаточным обычный в биологических исследованиях 5%-ный уровень значимости, которым удовлетворились авторы рецензируемой работы. Поскольку в реконструкциях требуется точность индивидуального портрета, удовлетворительным уровнем значимости формально и практически следует признать 1%-ную апробацию. Понятно, что в реальности достижение такой точности — дело непростое, и мне представляется, что исследователи встали на правильный путь, избрав многовариантный подход в изучении разнообразных связей при построении деталей портрета.

В дальнейшем авторы предполагают широко использовать ЭВМ как для исследований, так и для построения графических контуров (с. 55—58); первые такие работы, в частности для построения контура носа, уже начаты. Эти исследования представляются очень перспективными. Однако значение их, мне кажется, заключается не столько в ускорении процесса построения реконструкций и наращивании количества данных, сколько в возможностях изучения многомерных связей и вариантов, которые трудно учесть человеку. Этим достигается, следовательно, точность портрета. В этом плане, очевидно, и необходимо вести исследования при разработке программ для ЭВМ.

Второй раздел книги называется, как и вся книга, «Антропологические типы древнего населения территории СССР». Он построен по хронологическому принципу и включает шесть глав: «Палеолит», «Мезолит», «Неолит», «Бронзовый век», «Эпоха железа», «Античность и средневековье». Каждая глава содержит весьма подробную характеристику эпохи: ее хронологическую протяженность, климатические и географические условия, хозяйство и материальную культуру, занятия и образ жизни населения, общественное устройство и социальную структуру, другие особенности и проблемы, специфичные для каждой эпохи. Далее в каждой главе довольно подробно описывается археология памятников, из которых происходят черепа, по которым выполнена пластическая реконструкция, что позволяет читателю полнее проникнуться духом эпохи. Дается также подробная антропологическая характеристика населения, представленного могильником или группой могильников, отмечаются интересные или специфические особенности некоторых черепов, обсуждаются проблемы генезиса населения, контактов, миграций, антропологической типологии, т. е. все то, что составляет предмет и задачи этнической или исторической антропологии. Отличает этот раздел от других подобных изданий то, что по ходу дела или в конце соответствующего описания имеется отсылка к соответствующей таблице, где воспроизведена фотография пластической реконструкции. Некоторые разделы иллюстрированы сериями скульптур и графических реконструкций, выполненных Г. В. Лебединской. Например, фатьяновская культура представлена четырьмя пластическими и шестью графическими реконструкциями, могильник Николаевка-Казацкое — тремя графическими реконструкциями, могильники Эквен и Уэлен — тремя скульптурными и четырьмя графическими реконструкциями. В общей сложности книга иллюстрирована 35 скульптурными и 21 графической реконструкциями. К сожалению, в нее вошли далеко не все работы авторов. Так, из текста (с. 148) читатель узнает, что по черепам из древнеэскимосского Эквенского могильника Г. В. Лебединской сделано 30 графических портретов, что, действительно, составляет целую галерею.

Таким образом, публикуемые в книге портреты древних людей существенно дополняют представления о внешнем облике наших предков, известном по работам М. М. Герасимова. Некоторые дополняют хронологические периоды и расширяют географию. К таковым, несомненно, следует отнести реконструкции детей со стоянки Сунгирь, из мезолитических могильников Васильевка III на Украине, Звейниеки в Латвии, Пепкинского могильника абашевской культуры. Авторы, разумеется, для своего кропотливого труда выбирали наиболее выигрышные, проблемные материалы.

На этой мажорной ноте вполне можно закончить разговор о рассматриваемой книге, пожелав ее авторам дальнейших поисков и успехов. Но иной читатель может задуматься, почему рецензент,

вроде бы профессионал, уделил в рецензии много места первому, методическому разделу и ограничился по существу общими фразами по поводу основного раздела.

На это имеются свои причины. Поскольку мы уже договорились о том, что собственно рецензия завершена, будем рассматривать последующее как мои личные соображения, ни к чему не обязывающие авторов книги, но, полагаю, не бесполезные в их дальнейшей работе.

Дело в том, что по содержанию, характеру и стилю изложения два раздела книги не только не сочетаются, но находятся как бы в абсолютном противоречии. Отчасти объяснение этому можно найти в краткой аннотации на обороте титула, из которой следует, что книга предназначена для широкого читателя. Совершенно очевидно, что первый раздел, насыщенный цифрами, статистикой и специальной терминологией, абсолютно «не по зубам» широкому читателю. Задача второго раздела, по-видимому, состоит в оправдании этого предназначения. И вот авторы взваливают на себя крайне неблагоприятную работу — создать «оживленному» ими действующему лицу историческую, этнокультурную и антропологическую декорацию, на фоне которой ему, этому действующему лицу, оказалась отведенной роль статиста-иллюстрации.

В самом деле, в главе «Палеолит» из 13 страниц текста 7 отведены общей характеристике этой эпохи, 6 — описанию сунгирьской стоянки и лишь несколько строк содержат информацию о том, кем и когда были выполнены реконструкции скульптурных портретов, со ссылкой на иллюстрации. Все остальные главы построены по такому же плану. Только в двух случаях: при описании скульптурных портретов мужчины из могильника у Долгого озера (с. 100, 101) и женщины из городища Старая Рязань (с. 155—157) — дается описание самого процесса реконструкции.

Возникает вопрос: зачем авторы так обеднили свою деятельность? Ведь каждая реконструкция — это интереснейший творческий процесс с присущими всякому истинному творчеству мучениями и сомнениями, потерями и неожиданными находками, интуицией и, наконец, творческой индивидуальностью, что особенно существенно, когда речь идет о воссоздании человеческого лица. Я думаю, причин здесь две. Первая заключается в том, что авторы поскромничали, так как ряд реконструкций был опубликован раньше. В этих предшествующих публикациях имеется как подробное описание объектов, так и процесса их реконструкции. Вторая причина, полагаю, в том, что они сочли это описание сложным для широкого читателя. И напрасно.

В заключение авторы пишут, что «в работе по созданию реконструированных на основе черепа портретов людей прошлых исторических эпох был применен метод М. М. Герасимова с включением данных, полученных в результате исследований последних лет» (с. 158). Однако среди реконструкций, представленных в книге, есть и такие, создание которых относится к концу 50-х — началу 60-х годов, например человек из могильника Васильевка III или из Усть-Бельского могильника на Чукотке. Какая блестящая возможность продемонстрировать на практике новые методические достижения коллектива по сравнению со старыми методами, показать и проиллюстрировать ход процесса реконструкции, познакомить специалистов и широкого читателя с творческой кухней процесса воссоздания портрета по черепу! Разве это не лучше и не увлекательней, чем чтение пространных историко-антропологических описаний, которые все равно сложны для широкого читателя и неинтересны для специалиста, ибо компилятивны по существу.

Мне кажется, что лучше было бы ограничиться самыми краткими историческими и антропологическими сведениями о происхождении материала, отослав интересующихся подробностями к оригинальным археологическим и антропологическим работам и существующим многочисленным сводкам, и заполнить освободившееся место конкретным материалом, связанным с основной темой книги — портретами древних людей. Тем самым авторы избегли бы обычных при составлении таких общих характеристик издержек, которые имеются и на страницах этой книги. К таковым относятся и не всегда корректное, поданное от лица авторов изложение некоторых фактов или идей без ссылок на источник, и просто ошибки. Так, например, читатель узнает из текста (с. 139), что в состав хуннского племенного союза входили монгольские и тюркские племена, хотя проблема языка хунну, как известно, сегодня еще далека от решения. А основной областью формирования хуннов (а не периферией) оказывается Забайкалье (с. 140)!

Крайне сомнительна «конструкция» новой эпохи, которая называется «Античность и средневековье». Характерные черты этой эпохи по сравнению с предыдущей авторы усматривают в том, что «складываются первые государства с присущим им классовым строем и социальной структурой, значительно более сложной, чем в догосударственных обществах» (с. 149). А как же древние рабовладельческие государства Египет, Вавилон, Китай? Не помогает здесь и ссылка на то, что

речь идет о территории СССР,— не следует забывать об Урарту. Есть и другие огрехи, но, повторяю, они неизбежны при данном построении работы.

Заключая эти рассуждения, я еще раз напомню читателю, что они лежат за пределами рецензии. Критиковать легче, чем делать дело. Авторы имеют право на свою точку зрения, касающуюся содержания и структуры книги. Пожелаем же авторскому коллективу, утвердившему школу пластической реконструкции М. М. Герасимова, дальнейших творческих успехов и новых интересных книг.

Институт этнологии и антропологии
АН СССР, Ленинград

И. И. Гохман

The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East/Ed. Hoffecker J. F., Wolf C. A.// British Archaeological Reports. International Series. 437, Oxford, 1988.

Сборник составляют статьи европейских и американских авторов по материалам территорий, традиционно считающихся наиболее перспективными для разработки проблемы происхождения верхнего палеолита и трансформации мустьерской культуры. Вынесение в заглавие именно раннего верхнего палеолита несколько сужает задачу и, хотя мустьерские материалы привлекаются как фон почти во всех исследованиях, ориентирует авторов на более узкий аспект проблемы и отличает издание от ряда ему подобных [1—3].

Составители сборника Дж. Хоффекер и К. Фулф основываются на двучленной периодизации верхнего палеолита «как наиболее традиционной для Ближнего Востока и Европы», отмечая не везде достаточную четкость и несинхронность границ. Верхний рубеж раннего периода проводится на Ближнем Востоке по появлению геометрических микролитов (ок. 20 тыс. лет до н. д.); для Западной Европы связывается с распространением солютре и позднего граветта ок. 20—22 тыс. лет до н. д; для Центральной и Восточной — с возникновением «восточного граветта» и, возможно, с изменением скелетной морфологии населения. Нижняя граница представляется более ясной как граница между мустьерской и верхнепалеолитической эпохами. Обобщая выводы статей сборника, принципиальными признаками раннего этапа верхнего палеолита составители считают два показателя: во-первых, бóльшую, чем в последующие периоды, меж- и внутрирегиональную изменчивость инвентаря поселений; во-вторых, противопоставление и совместное существование на разных территориях разных культурных традиций: в Западной Европе — ориньяка и перигордьена, в Центральной — ориньяка и селета, в Леванте — ахмарской культуры и левантийского ориньяка; в Окско-Донском бассейне — стрелецкой и спицынской культур и т. д. Ставится вопрос о различной интерпретационной нагрузке этих явлений в зависимости от региональных традиций исследования, в частности в связи с проблемой антропологических различий носителей этих технико-типологических традиций.

Хотя в предисловии выражается приверженность авторов «синтетическому» подходу к решению проблемы [4, с. 255—273; 5, с. 169—192], практически во всех статьях решающим остается традиционное «аналитическое» направление, основанное на анализе в первую очередь кремневого инвентаря. Это не означает отхода от расширения привлекаемого к проблеме круга источников, а скорее показывает несоответствие имеющейся источниковедческой базы современным требованиям.

В статьях П. Вермеерша и П. Ван Пиера «Ранний верхний палеолит Египта» проблема содержания этого периода развития дается на фоне общей периодизации палеолита Северо-Восточной Африки начиная со среднего палеолита до конца верхнего. Выделяются три последовательные стадии развития мустье, две «переходные» индустрии и три культуры раннего верхнего палеолита. Не обсуждая своих расхождений с наиболее распространенными представлениями о периодизации палеолита этой территории [6, 7], авторы выделяют основную линию развития и ряд «инородных» традиций неместного происхождения. Основная линия от одной из групп второго этапа развития среднего палеолита (группа «С», характеризуемая встречным двухплощадочным

© А. А. Синицын, 1991 г.

скалыванием и высоким содержанием пластин, соответствующая зубчатому мустье Э. Маркса) через переходные индустрии с хальфа- и леваллуа-технологией развивается в раннюю верхнепалеолитическую индустрию типа Шувикат (основанную на пластинчатом принципе первичного расщепления и с преобладанием в инвентаре зубчатых изделий, резцов и скребков) [1] Инородными признаются индустрии поздней хронологической группы среднего палеолита, наиболее яркая культура раннего верхнего палеолита Назлет-Хатер-4 (с датами порядка 33 тыс. лет до н. д.), весь поздний верхний палеолит. Происхождение всех этих индустрий остается неясным, хотя авторами высказывается ряд предположений. Естественное для обзорной статьи отсутствие детальной аргументации оставляет многие вопросы неясными. В первую очередь обращает на себя внимание неопределенность критериев выделения «переходных» индустрий (леваллуазская технология в сочетании с верхнепалеолитической типологией), согласно которым под эту категорию попадает значительно более широкий круг материалов, чем это дается в статье. К тому же обе индустрии, отнесенные к переходным (типа ст. 1018, сопоставляемой с халфаном Маркса, и типа ст. E71P1), раньше датировались более поздним временем (порядка 17—20 тыс. лет тому назад [6, с. 150—151; 7, с. 2434]). Нельзя исключать и того, что различия, признаваемые авторами культурными и хронологическими, могут отражать функциональные различия мест обитания. Главной проблемой изучения палеолита Египта, видимо, остается хронологическая, и именно с ней можно связывать устранение столь больших расхождений во мнениях исследователей.

Три статьи посвящены проблематике раннего верхнего палеолита Ближнего Востока. В двух (О. Бар-Йозеф, А. Бельфер-Коен. «Ранний верхний палеолит в левантийских пещерах»; Э. Маркс, К. Р. Ферринг. «Ранний верхний палеолит Леванта») рассматриваются археологические материалы; третья (К. А. Вулф. «Анализ фаунистических остатков ранних верхнепалеолитических стоянок Леванта») посвящена реконструкции способов охоты. В двух первых главная трудность задачи связывается с сопоставлением данных по пещерам и стоянкам открытого типа; в обеих авторы придерживаются максимально строгого отбора привлекаемого материала, используя только бесспорные данные и оставляя за пределами рассмотрения те, которые вызывают хотя бы небольшое сомнение. После того как такие сомнения были высказаны относительно ряда пещерных памятников и особенно комплексов с остриями Эмире [8, с. 51—98], количество переходных от среднего к верхнему палеолиту индустрий значительно сузилось [9]. И хотя в обобщающей таблице первой статьи в качестве переходных фигурируют такие памятники, как Эмире, Эль-Вад (F) и Эт Табан (B), сам процесс перехода рассматривается только на материалах Бокер Тактит и Кзар Акил. В обеих статьях выделяются переходные индустрии и индустрии раннего верхнего палеолита; верхняя граница рассматриваемого периода проводится по появлению кебарской культуры; ранний верхний палеолит характеризуется сосуществованием ахмарской культуры и левантийского ориньяка (хотя этот вопрос обсуждается как отдельная проблема). Есть и расхождения: если О. Бар-Йозеф и А. Бельфер-Коен слои XXV—XXI Кзар Акил относят к переходным индустриям, то Э. Маркс и К. Р. Ферринг выделяют их в «зачаточный» (initial) верхний палеолит, хотя определения этого понятия не дается. Процесс трансформации культуры иллюстрируется материалами Бокер Тактит и сводится по существу к изменению стратегии редукции нуклеусов [10, с. 13—33] — от преобладания леваллуазских пластинчатых нуклеусов встречного параллельного скалывания в нижних слоях к преобладанию призматических одноплощадочных в верхнем. При этом первостепенное значение приобретает именно процессуальный аспект, поскольку в результате обеих «стратегий» получались практически одинаковые заготовки. Хронологические рамки «переходного» периода определяются в пределах 42—37 тыс. лет до н. д.; наиболее древние проявления ахмарской культуры оцениваются в 32 тыс. (Бокер, пункт A), левантийского ориньяка — более 30 тыс. лет до н. д.

Открытым остается вопрос о связи верхнепалеолитической технологии с ранним левантийским мустье, характеризуемым техникой уни- и бидирекционного получения леваллуазских пластинчатых заготовок. Позднее мустье, однако, не дает развития этой технологии, а развивается в ином направлении [11, с. 29] Показательно, что в обеих статьях подчеркивается отсутствие генетических связей «переходных» индустрий как со среднепалеолитическими комплексами, так и с ранними верхнепалеолитическими. Этим самым их «переходность» вызывает определенные сомнения, поскольку показывает только возможность перехода от мустье к верхнему палеолиту, при их рас-

[1] TL-дату для Шувикат 1 в 24700±2500 (Ox—253) авторы считают омоложенной.

смотрении как эпохальных явлений, а не конкретно от одной из разновидностей мустье Леванта к одной из местных верхнепалеолитических культур. Авторы обеих статей высказывают предположения о возможном происхождении местного ориньяка и ахмарской культуры, но вместе с тем подчеркивают отсутствие достоверного решения.

Исходным моментом исследования К. Вулф является положение о том, что возрастной состав фауны, содержащейся в культурных слоях поселений, отражает различные способы ее добычи. На основании разделения «катастрофического» (catastrophic) и «истощающего» (attritional) [12, с. 195—217, 13, с. 47—57] способов добычи стадных животных она проводит сравнение мустьерских (Кебара, Табун, Кзар Акил) и верхнепалеолитических (Кебара, Хайоним, Кзар Акил) комплексов по содержанию в них остатков лани, дикого козла и косули.

«Катастрофический» состав выражается преобладанием остатков самых молодых возрастных групп по аналогии с естественными процессами, когда именно эти группы оказываются наиболее подверженными гибели при природных катастрофах (наводнениях, кратковременных паводках). На графиках распределения частот возрастных групп «катастрофический» состав выражается одновершинной кривой с максимальными значениями на уровне самых молодых возрастных групп. Для археологического материала такое распределение предположительно сопоставляется с коллективной охотой с применением технических средств (силки, лук, стрелы), ведущей к уничтожению в первую очередь наиболее уязвимой части стада.

«Истощающий» состав фауны отражает нормальное истощение стада в естественных условиях, когда наиболее подверженными гибели (от хищников, голода) оказываются представители как наиболее молодых, так и наиболее старых групп. На графике количественного распределения наличие двух групп с высоким уровнем смертности дает двувершинную кривую, на практике — с более выраженным пиком смертности молодых животных. Такое распределение сопоставляется автором с охотничьей стратегией, основанной на индивидуальной добыче животных, возможно, в сочетании со сбором трупов.

На основании данных по материалам стоянок К. Вулф приходит к выводу о том, что в мустье добыча мясных ресурсов основывалась на сосуществовании разных способов охоты, возможно, в сочетании со сбором падали. Начальные фазы верхнего палеолита, с этой точки зрения, не поддаются однозначной интерпретации, а изменение охотничьей стратегии фиксируется внутри второй фазы развития левантийского ориньяка и связывается предположительно с началом применения лука и стрел.

Авторам статьи «Исследование „темной" зоны: ранний верхний палеолит Баско-Кантабрийской Испании и Гаскони» Л. Г Страусом и К. В. Хеллером главный фактор трансформации мустьерской культуры в верхнепалеолитическую видится в изменении характера адаптации и замене биологической эволюции человека социокультурной. Весь период раннего верхнего палеолита до распространения солютре рассматривается ими как переходный и характеризуется сосуществованием ориньякской и перигордийской традиций с включением своеобразного местного компонента (кливеров и бифасов). Характеризуя культуру переходного периода на основе широкого круга источников (кремневого и костяного инвентаря, анатомических остатков, произведений искусства и украшений, образа жизни), авторы видят его сущность в изменении «символического поведения», усилении избирательности охоты и социальной организации населения. По их мнению, представление раннего верхнего палеолита как двух параллельно развивающихся филетических линий и теория синтетотипа [14, с. 141—163] не являются взаимоисключающими, поскольку реальный процесс эволюции был значительно сложнее, чем представляют эти концепции в чистом виде.

Основной проблемой раннего верхнего палеолита Португалии, по мнению Ж. Зильао («Ранний верхний палеолит Португалии»), является установление его существования, т. е. обоснование правомерности его выделения как периодизационной единицы в сопоставлении, с одной стороны, с мустьерскими, с другой — с поздними верхнепалеолитическими материалами. Достоверных ранних верхнепалеолитических памятников на настоящий момент в Португалии немного. Ориньякская традиция представлена стоянкой Росьо ду Кабо, сближающейся по «типологической структуре» с развитым ориньяком Северной Испании (так называемой фации Пендо), характеризуется преобладанием резцов над скребками, высоким содержанием резцов бюске и почти полным отсутствием типичной ориньякской ретуши. Граветтская традиция, представленная значительно бóльшим числом памятников, характеризуется комплексами III слоя грота Даш Салемаш и Казал до Фелипе с рядом специфических признаков, среди которых наиболее важным является высокое (до 16%) содержание острий «типа Казал до Фелипе», по форме близких остриям

фон-Ив. Бóльшая часть имеющегося в распоряжении автора материала, к сожалению, не обладает необходимой достоверностью, и поэтому традиционные вопросы генезиса, хронологии и распространения ранних верхнепалеолитических индустрий решаются только на уровне предположений.

Статья Ф. Харольда «Шательперрон и ранний ориньяк во Франции» посвящена рассмотрению взаимоотношений этих индустрий с точки зрения недавно возрожденной дискуссии о культурной и функциональной интерпретации сходства — различия между ними [15, с. 224—235]. Анализируя распространение ранних ориньякских и шательперронских памятников, автор приходит к выводу, что на территории Перигора мустье сменяется шательперроном, который затем некоторое время сосуществует с ориньяком, позднее уступая ему место. Замещение шательперрона ориньяком имеет не только хронологическую, но и пространственную направленность — с юго-востока (Лангедок) на северо-запад.

Сравнительный анализ индустрий по разным признакам показывает, что раннеориньякский набор типов более разнообразен, чем шательперронский (в среднем на 11 типов), ориньякские стоянки по площади в среднем на 70% превышают шательперронские и, по крайней мере в пещерах, характеризуются большей интенсивностью обитания. Памятники раннего ориньяка значительно богаче шательперронских по содержанию костяного инвентаря. Факт присутствия в Сан-Сезер неандертальского погребения в шательперронском контексте принимается как таковой и для более широких заключений признается недостаточным.

Обобщая результаты сравнения индустрий, автор считает более предпочтительной гипотезу о культурном различии шательперрона и раннего ориньяка. Допуская наличие между ними и функциональных различий, Ф. Харольд считает две модели интерпретации не взаимоисключающими, а взаимодополняющими друг друга.

Статья Я. К. Козловского «Переход от среднего к раннему верхнему палеолиту в Центральной Европе и на Балканах» отличается широтой обобщаемого материала. Как и большинство современных исследователей, качественное различие среднего и верхнего палеолита автор видит прежде всего в технике первичного расщепления, и в первую очередь в «стратегии редукции нуклеусов». Отличительным признаком верхнепалеолитической технологии, по Я. К. Козловскому, является принцип регулирования плоскости скалывания посредством специально подготовленного продольного фронтального ребра, что обеспечивает «более высокий уровень стандартизации получаемых на такой основе заготовок». Хотя подобная технология зарождается в раннем палеолите (Пекары и др.) и, по мнению автора, с полным основанием может рассматриваться как протоверхнепалеолитическая, от собственно верхнепалеолитической она отличается использованием твердого отбойника, тогда как в верхнем палеолите основой пластинчатой технологии является использование мягкого отбойника.

В Центральной Европе ранний верхний палеолит характеризуется повсеместным распространением ориньякской традиции в сочетании с разнообразными вариантами культур с листовидными двусторонне обработанными формами. Особое значение имеет то, что центрально-европейский ориньяк имеет наиболее ранние в Европе даты (Ишталлошко — 42 тыс. до н. д.); новые датировки II культурного слоя Виллендорфа $2 - 41\,700 \pm \frac{3700}{2500}$ и $39\,500 \pm \frac{1500}{1100}$ до н. д.). Хотя, по мнению автора, непрерывной эволюции ориньяка из какой-либо из выделяемых на этой обширной территории мустьерских культур установить не удается, этот факт имеет важное значение сам по себе.

Несмотря на то что индустрии с листовидными двусторонне-обработанными формами представлены в Центральной Европе практически повсеместно как в мустье, так и в раннем верхнем палеолите, непрерывное развитие и преемственность традиций прослеживаются автором только для Моравского селета. При наличии определенных сомнений относительно их комплексности как переходная индустрия рассматриваются материалы стоянки Езержаны, пункты I и II. В остальных случаях между позднемустьерскими и ранними верхнепалеолитическими индустриями наблюдается разрыв постепенности развития технико-типологических традиций, сопровождающийся вдобавок почти повсеместно представленным хронологическим хиатусом в пределах 50—42 тыс. лет до н. д., выраженным эрозионной фазой отложений.

Особый интерес вызывают остродискуссионные вопросы об атрибуции отдельных индустрий, в первую очередь богуницкой (относимой автором к среднему палеолиту и связываемой предположительно с неандертальским населением), раннего верхнего палеолита Рипичени-Извор (рассматриваемого как местная разновидность селета в отличие от определения его как ориньякского авторами раскопок) и пр. Подобные расхождения наглядно показывают недостаточный уровень

разработанности понятийных критериев и в каждом отдельном случае вызывают вопрос о целесообразности использования тех или иных категорий для характеристики материала. Часто создается впечатление, что недостаточно обоснованное использование номенклатурных понятий является серьезным препятствием для понимания специфики материала и содержания эволюционного процесса.

Особый интерес представляет статья Дж. Хоффекера «Стоянки раннего верхнего палеолита европейской части СССР», поскольку при довольно интенсивном обсуждении локальных аспектов этой проблемы [16, 17, с. 109—124; 18, с. 143—144; 19, с. 11—13] обобщающие работы у нас появляются очень редко [20, с. 5—21]. Статья начинается и кончается констатацией своеобразия раннего верхнего палеолита Восточной Европы по сравнению с остальной ее частью и Ближним Востоком. Наряду с отсутствием здесь европейских ранневерхнепалеолитических индустрий, таких, как ориньяк, шательперрон, селет [21, с. 140] в чистом виде, автор видит по крайней мере еще два специфических показателя: бóльшую чем где бы то ни было меж- и внутрирегиональную вариабельность ранних верхнепалеолитических комплексов и частое присутствие в этих индустриях двусторонне обработанных листовидных форм, что характерно, впрочем, и для Центральной Европы [22, с. 3—13].

Хронологические рамки раннего периода верхнего палеолита определяются от 35 до 25 тыс. лет до н. д. (по верхнему контакту брянской почвы и появлению «восточного граветта»). Отдельно даются характеристики условий осадконакопления того времени, природных условий и состояния источниковедческой базы. Археологический материал рассматривается по двум крупным регионам: западной части Русской равнины и Окско-Донскому бассейну. Понятное стремление использовать только наиболее достоверные материалы исключает из рассмотрения ряд важных памятников, возраст которых остается дискуссионным [2] С другой стороны, необычной выглядит в обобщающей работе прочно забытая Ясаковская стоянка, не упоминающаяся даже в таких работах, как «Палеолит СССР».

Для Окско-Донской группы в связи с полученной для II культурного слоя Костенок 17 датой в 36 тыс. лет до н. д. начало верхнего палеолита признается более ранним, чем для западной группы, где столь древних датировок пока не известно. Для обеих групп выделяются две хронологические фазы, по которым и дается характеристика материалов. Для западной группы ранняя фаза характеризуется комплексами 10а,б сл. Молодовы V, сл. 3 Кулычивки и сл. 3а грота Тринка 1; поздняя — сосуществованием по крайней мере трех культурных традиций: типа 10—8 сл. Молодовы V, 4 сл. Корпача и 3 сл. ст. Брынзены 1. В пределах Окско-Донской группы периодизация основывается на костенковской хронологической колонке как наиболее разработанной. К ранней фазе (древнее 35 тыс. лет) относятся стоянки, культурные слои которых приурочены к нижней гумусовой толще Костенок; к поздней — памятники верхнего гумуса и коррелируемые с ними по условиям залегания и радиоуглеродным датам. На раннем этапе верхний палеолит представлен здесь сосуществованием стрелецкой и спицынской культурных традиций; на втором — стрелецкой, городцовской, культурой типа II сл. Тельманской ст. (Костенки 8) и типа III культурного слоя Костенок 1.

Происхождение всех ранневерхнепалеолитических культур остается дискуссионным и сейчас представляется более сложной проблемой, чем несколько лет назад, из-за увеличения числа противоположных точек зрения [23, с. 187—194].

Особый интерес вызывают попытки автора применить к восточноевропейскому материалу критерии «синтетического» подхода, в первую очередь в плане поиска внутренних закономерностей в организации стоянок. К сожалению, эти попытки дают здесь значительно меньше по сравнению с западноевропейскими и ближневосточными стоянками из-за отсутствия специальных исследований в этом направлении.

В заключительной статье сборника, написанной М. Иохимом, как бы подводится итог, но с акцентом на методической стороне проблемы. Главный вопрос дальнейшего исследования, по его мнению, состоит в том, чтобы от описания прошлого на основе артефактов и признаков перейти к его описанию в поведенческих терминах и на этой основе понять и объяснить события и процессы первобытности. Поскольку перейти к объяснению эпохальных изменений на основе просто обобщения локальных процессов невозможно, его поиск связывается с теоретическими разработ-

---

[2] В первую очередь Радомышль, Пушкари I, Гординешты I, ст. им. Талицкого, Русаниха.

ками с учетом всех аспектов проблемы (биологических, поведенческих, экономических), но на основе археологической методологии.

Сборник представляет определенный этап в разработке проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту, показывая перспективы и недостатки современного ее понимания. То, что сейчас локальные исследования преобладают над поиском общих закономерностей, не означает их отрицания. На основании хотя бы того, что мустье в Европе и на Ближнем Востоке сменяется верхним палеолитом и примерно в одном хронологическом диапазоне, можно считать общие закономерности развития культуры на этой территории более значимыми, чем локальные различия. Материалы настоящего сборника позволяют наметить пути поиска общих показателей более низкого уровня. Кроме того, что почти на всех рассматриваемых территориях на раннем этапе верхнего палеолита представлены ориньякоидные культуры [24, с. 20—24], закономерным является вопрос о степени различия, хронологических рамках и культурном значении острий фон-Ив, Эль-Вад, «Казал до Фелипе», североафриканских острий с ретушью ухтата. Насколько можно судить, внутригрупповая изменчивость этих специфических изделий раннего верхнего палеолита ничуть не меньше их межвидовых различий. К отдельным межрегиональным аналогиям можно подходить пока только на уровне постановки вопроса. В первую очередь это касается точки зрения К. Валоха о близости богуницкой индустрии материалам Бокер Тактит [25, 26, с. 41—45]. В более широком плане можно ставить вопрос о большей близости верхнего палеолиту ранних, чем поздних, мустьерских индустрий, по крайней мере для Ближнего Востока, Северо-Восточной Африки, некоторых районов Центральной Европы. Определенные перспективы можно связывать с разработкой критериев различий морфологических признаков действия твердого и мягкого отбойника, детальным анализом и сравнением различных «стратегий» использования нуклеусов, оценкой значения продольного фронтального ребра для регулирования плоскости скалывания [27, с. 163, 164]

С другой стороны, унификация критериев не всегда способствует конкретизации заключений. В частности, употребление таких предельно унифицированных понятий, как ориньяк, для характеристики индустрий, имеющих существенные различия, заставляет сомневаться в целесообразности их использования. Оказалось же возможным выделить внутри первоначально единой солютрейской традиции селет, ежмановицкий или стрелецкий тип культуры.

Особые трудности вызывают вопросы методического плана. Трудно ожидать прогресса в решении проблемы при существующей ее постановке, точнее — при отсутствии таковой. Ожидать каких-либо позитивных результатов на основании «нуль-гипотезы» (проблема решится сама собой при выполнении всех необходимых требований к научному анализу материала) в принципе возможно, если не сомневаться в правильности современных представлений (часто — противоположных) и надежности методов анализа. Если же их не абсолютизировать, то к постановке вопроса должны предъявляться особые требования в зависимости от ориентации проблемы и вероятности ожидаемых решений. Одно дело, если задача состоит в том, чтобы понять, почему переход от мустье к верхнему палеолиту происходит относительно одновременно на обширной территории; другое — если проблема направлена на поиск соответствий изменений антропологического типа населения изменениям в материальной культуре; третье — если нужно решить вопрос генезиса определенной верхнепалеолитической культуры. Скорее всего, различия в постановке задач должны сопровождаться и различиями в способах их решения, а главное — должны ограничить и конкретизировать поиск. На этой основе можно предположить возврат от «синтетического» подхода, в основе которого, по существу лежит метод проб и ошибок (и по мере расширения сравниваемых классов источников увеличение выявленных сходных показателей будет сопровождаться увеличением количества различий до бесконечности) к целенаправленному аналитическому. К тому же различие подходов не настолько принципиально, чтобы противопоставлять их друг другу: в основе обоих лежит традиционный сравнительный анализ на также традиционной типологической базе.

Показательно и то, что практически все построения основываются на эволюционистском понимании развития исключительно как процесса постепенного изменения технических приемов и типологического набора. Такой подход допускает только два варианта решения вопроса о трансформации культуры: или через установление непрерывности развития, или через его прерывность. Выбор одной из двух имеющихся возможностей анализа не требует, делая достаточным сравнение материала на уровне крупных категорий. Статьи сборника иллюстрируют это очень наглядно, но одновременно показывают и недостатки подобного понимания. Во-первых, эволюционные представления не противоречат рассмотрению разрыва постепенности как продолжения развития.

Во-вторых, эволюция не обязательно должна быть линейной, и, с этой точки зрения, отмеченная для некоторых областей бóльшая близость раннемустьерских индустрий верхнему палеолиту, чем позднемустьерских, не означает отрицания эволюции, а только отрицание ее линейного характера. В-третьих, непонятно, почему прерывистые изменения в одном случае оцениваются как эпохальные, а в другом — только как культуроразличающие, хотя, в первую очередь для Ближнего Востока и Северной Африки, изменения на уровне 18—20 тыс. лет до н. д. кажутся ничуть не менее значимыми, чем на рубеже 30—40 тыс. Наконец, непонятной остается смысловая нагрузка «переходных» культур. С одинаковым основанием как «переходные» рассматриваются и материалы единичного памятника (Бокер Тактит), и весь период раннего верхнего палеолита (Страус, Хеллер). И то и другое одинаково приемлемо, если речь идет о смене мустьерской технологии и типологии технико-типологическими традициями верхнего палеолита в целом, но возможно их рассмотрение и как особых явлений на уровне обычных археологических культур. На практике, и это представлено в ряде статей, «переходные» культуры часто не связаны ни с какими-либо местными разновидностями мустье, ни с локальными вернепалеолитическими культурами, и следовательно, не ясно, переходными от чего к чему они являются. Без теоретического обоснования концепция переходных культур остается в значительной степени «открытой для спекуляций» [28, с. 115] На практике использование или неиспользование этого понятия, а также использование в различном понимании (статьи по Ближнему Востоку) ничего не меняет ни для характеристики материалов, ни для характеристики представлений авторов о процессе эволюции и трансформации культуры. Показательно, что без него обходятся именно те исследования, в которых прослеживаются наиболее длительные эволюционные изменения [29, с. 129—139], и, наоборот, оно используется для характеристики явлений, по продолжительности равных периодизационным [30, с. 5—10]

В целом представленные в сборнике статьи позволяют считать наиболее актуальным требованием современного состояния проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту не создание концептуальной модели поиска решения, а в первую очередь ее постановку. Наиболее серьезную трудность при этом, как отмечено М. Иохимом, составляет проблема увязки категорий уровня наблюдений с понятиями современного уровня научных представлений о механизме и причинах развития и трансформации культуры.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР

А. А. Синицын

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *L'homme de Cro-Magnon*. Anthropologie et archeologie/Ed. Camps G., Olivier G. Paris, 1970.
2. The origine of Homo sapiens/Ed. Bordes F. Paris. 1972
3. Mousterian Legacy/Ed. Trinkaus E. BAR. Int. ser 164. Oxford, 1983 (на последний: Рец.: Вишняцкий Л. Б.// СА, 1988, № 4).
4. *Mellars P. A.* The character of the Middle-Upper palaeolithic transition in south-west France // The explanation of culture change: models in prehistory/Ed. Renfrew C. London, 1973.
5. *White R.* Rethinking the Middle-Upper paleolithic transition // Cur Antropol. 1982. V 23. № 2.
6. *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки // Палеолит мира. Л., 1977
7. *Wendorf F., Schild R.* Prehistory of the Nile Valley. New York; San Francisco; London, 1976.
8. *Marks A. E.* The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // Adv. World. Archeol. 1983. V 2.
9. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит мира. Л., 1978.
10. *Marks A. E., Volkman P.* Changing core reduction strategies: a technological shift from the middle to the upper paleolithic in the southern Levant // Mousterian Legacy. BAR. Int. ser. 164. Oxford, 1983.
11. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
12. *Klein R. G.* Stone age predation on large african bovids // J. Archeol. Sci. 1978. V 5. № 2—3.
13. *Klein R. G., Allwarden K., Wolf C.* The calculation and interpretation of ungulate age profiles from dental crown heights // Hunter-gatherer economy in Prehistory: a european perspective/Ed. Bailey G. Cambridge, 1983.
14. *Laplace G.* Les niveaux aurignaciens et l'hypothese du synthetotype // L'homme de Cro-Magnon. Antropologie et archeologie. Paris, 1972.
15. *Ashton N. M.* Spatial patterning in the Middle-Upper palaeolithic transition // World Archeol. 1983. V. 15. № 2.
16. *Борзияк И. А.* Верхнепалеолитическая стоянка Гординешты 1 в Попрутье. Кишинев, 1984.
17. *Мешвелиани Т. К.* О раннем этапе верхнего палеолита Западной Грузии // Археологические изыскания. Матер. VI сессии молодых научных сотрудников. Тбилиси, 1986.

18. *Сапожников И. В.* Ранний этап позднего палеолита в степях Нижнего Приднестровья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. IV республ. конф. молодых археологов. Киев, 1987.
19. *Волокитин А. В.* О первоначальном этапе позднего палеолита (по материалам местонахождений Ангаро-Окинского района) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (23—25 марта 1988 г.). Барнаул, 1988.
20. *Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А.* К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа // СА. 1980. № 2.
21. *Gambassini P.* Le paleolithique supérior ancienn en Campanie. // Aurignacien et gravettien en Europe. Actes de réunions de la 10-ème Comission de l'U.I.S.P.P. (Cracovie-Nitra, 1980). Etudes et recherches archéologique de L'Universite de Liege. N 13. Liege, 1982.
22. *Oliva M.* Role levalloiske techniky a listovitých hrotu ve starši fázi mladého paleolitu na Moravě // Časopis Moravského muzea. 1988. LXXIII.
23. *Гладилин В. Н., Демиденко Ю. Э.* К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия // Четвертичный период. Палеонтология и археология (к XXVIII Междунар. геол. конгр. Вашингтон, 1989). Кишинев, 1989.
24. *Григорьев Г. П.* Ориньякская культура и ориньякоидные культуры Европы // КСИА. 1972. Вып. 131.
25. *Valoch K.* Stone industries of the Middle/Upper Palaeolithic transition // The Pleistocene perspective. V. 1. London, 1986.
26. *Valoch K.* Le début du Paléolithique supérieur en Moravie // La genèse et l'évolution des cultures paléolithiques sur le territoire de la Roumanie/Ed. Chirica V. Iaşi, 1987.
27. *Усик В. И.* Реберчатая пластина как индикатор позднепалеолитической техники первичного расщепления // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. IV республ. конф. молодых археологов. Киев, 1987.
28. *Klein R. G.* Ice-age hunters of the Ukraine. Chicago; London, 1973.
29. *Delporte.* Le passage du Mousterien au Paleolithique supérieur // L'homme de Cro-Magnon. Anthropologie et archeologie. Paris, 1970.
30. *Халиков А. Х.* Некоторые теоретические аспекты перехода от одной археологической эпохи к другой (мезолит — неолит — энеолит) // Пробл. изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988.

N. P i g e o t. Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organisation sociale. XXVe Suppl. á «Gallia Préhistoire». P.: CNRS, 1987. 168 p.

M. O l i v e. Une habitation Magdalénienne d'Étiolles. L'Unité P15.// Mémoires de la Societe préhistorique française. T. 20. P.: CNRS, 1988. 175 p. 69 pl.

Работы французских исследовательниц палеолита Н. Пижо «Мадленцы Этьоля. Экономика расщепления и социальная организация» и М. Олив «Мадленское жилище в Этьоле» лежат в русле направления исследования позднепалеолитических поселений, начало которому было положено известными раскопками в Пенсеване [1, с. 263—371; 2]. Однако если в ставших уже классическими трудах А. Леруа-Гурана и М. Брезийона в основе реконструкции лежало соединение планиграфического метода и ремонтажа, то ныне к ним добавился третий метод — технологический. Подобный подход к анализу каменной индустрии, призванный дополнить статичную картину типологии изучением динамики процесса расщепления, интенсивно развивается в 70—80-х годах [3, с. 369—391; 4, с. 57—85]. Это соответствует генеральному направлению современного палеолитоведения, заключающемуся в применении к материалу все большего числа различных методик с целью извлечения максимума информации.

Основу рецензируемых работ составили материалы, полученные в ходе исследований под руководством И. Табурен на мадленской стоянке Этьоль, расположенной на берегу Сены в 30 км от Парижа.

За годы раскопок на памятнике на площади около 2000 м^2 были изучены остатки более чем 20 жилых структур разнообразного характера. Выделено до 12 последовательных уровней обитания. Рассматриваемые в рецензируемых монографиях комплексы И5 и Р15 относятся к средней части колонки и датируются временем порядка 15 тыс. лет до н. э. Судя по данным ремонтажа и стратиграфии, эти два жилых объекта, располагавшиеся в 10 м друг от друга, одновременны. Как и на других стоянках такого рода в Парижском бассейне, костные остатки очень плохо сохранились

© С. А. Васильев, 1991 г.

(редкие определимые кости принадлежат мамонту, лошади, бизону и северному оленю), так что основным источником для реконструкции служит изучение планиграфического распределения предметов кремневой индустрии и приочажных камней.

Работа Н. Пижо посвящена анализу материалов наиболее мощного из числа изученных в Этьоле комплекса И5. Он представлял собой округлое скопление культурных остатков, концентрировавшихся вокруг очага. Сам очаг имел площадь около 2 м^2, вокруг него на протяжении более метра простиралась концентрическая зона сосредоточения («корона») находок с обилием кремня и массой мелких камней (известняк, гранит). Ремонтаж последних указывает на неоднократные перестройки очажной конструкции. К северу от очага имелись пятна охры. На некотором расстоянии от краев очага по пунктирному залеганию мелких камней прослеживалась внутренняя граница жилого пространства, ограничивающая площадь 12 м^2. По крупным плиткам и нуклеусам выделялась внешняя граница. Между этими линиями в трех секторах — к северу, юго-западу и юго-востоку от очага — имелись промежуточные зоны («резервные пространства»), достигавшие 1 м ширины и почти лишенные находок. Вероятно, они соответствовали спальным местам. Промежутки в расположении камней указывали на два места вероятных выходов из жилья — к югу и востоку. К сожалению, северо-восточный край жилища оказался недоступным для исследования; возможно, здесь располагался третий выход. За пределами жилья были выявлены следы четырех мелких выбросов из очага и четыре кучи отходов расщепления. Подобная картина отличается от постепенного концентрического убывания количества остатков по мере удаления от центра жилого комплекса, как это прослеживалось в Пенсеване; здесь остатки концентрировались в ряде скоплений.

В работе последовательно проводится разделение собственно «технологического» и «экономического» аспектов анализа расщепленного камня. Технологический анализ при этом охватывает выделение набора основных технических приемов подготовки и утилизации ядрищ. Рамки же экономического анализа шире — здесь рассматривается весь процесс операций, производимых с кремнием: доставка сырья, раскалывание ядрищ, использование необработанных заготовок и выделка орудий.

Особенностью изучаемого материала является необычный характер сырья — на стоянку приносились крупные (до 60—70 см в длину) желваки кремня, что давало древнему человеку возможность получать очень длинные пластины с помощью довольно сложной многоступенчатой технической процедуры. В зависимости от формы исходных отдельностей вначале оформлялись преформы ядрищ различного типа — бифасиальные с двумя срединными ребрами, пятиугольной формы с частично созданным срединным ребром, изделия со срединным ребром, оформленным на тыльной стороне будущего нуклеуса. Кроме того, ряд преформ — плосковыпуклые и прямоугольные в сечении — обходились без срединного ребра. Далее подробнейшим образом описаны начальные этапы расщепления — снятие первой ребристой пластины, способы создания и подправки площадок, приемы снятия заготовок и оживления рабочей поверхности ядрища и т. д.

В качестве исходного материала использовались как уже подготовленные принесенные на стоянку ядрища, так и желваки местного кремня. Всего в жилой комплекс И5 было доставлено 300 кг кремня. Причем приносились как крупные отдельности, употреблявшиеся в дальнейшем после оформления в качестве ядрищ для снятия пластин, так и мелкие желваки, служившие для немедленного раскалывания. Первоначальная длина нуклеусов варьировала от 20 до 60 см, с них снимались пластины, длина которых колебалась в широких пределах. Есть вещи 10 см длины и заготовки более 40 см длины. Весь цикл расщепления в Этьоле был подчинен основной цели— получению стандартных крупных пластин для коллективного использования в различных целях (часть их шла в запас, часть уносилась со стоянки). В то же время мелкие сколы использовались тут же. При этом отброшенные мастерами истощенные ядрища подбирались менее опытными работниками. Н. Пижо различает раскалывание «первой руки», производившееся сразу после оформления ядрищ, и расщепление «второй руки» — возобновление использования уже сработанных нуклеусов. Пластины употреблялись для разделки добычи и, может быть, как части охотничьего вооружения. Вторичной обработке было подвергнуто всего 7,7% пластин. В общей сложности насчитывается 503 орудия. Основную часть их (267 экз.) составляют пластинки с притупленным краем, по большей части изготовленные не на специальных заготовках, а на отщепках резцов. На втором месте (144 экз.) — резцы, в основном срединные и косоретушные. Остальные орудия представлены скребками, проколами, усеченными изделиями, клювовидными и комбинированными формами.

Особый интерес вызывает приведенное в табл. XXVI графическое изображение технологической цепочки использования кремня мадленцами. Н. Пижо выделила три стадии технологического

цикла: доставку («приобретение») сырьевого материала, производство (ядрищ, заготовок и орудий) и «потребление» (использование орудий и накопление резервных ядрищ). На схеме разделены случайное расщепление и изготовление специалистами. Завершается таблица изображением «статического видения окончательного материала», т. е. археологической коллекцией. Вероятно, создание технологических схем такого рода в будущем должно непременно войти в практику исследования любой каменной индустрии.

На основе изучения характера ремонтажей и прослеживания «связей» воссоздается целостная картина пространственно-временной организации производственного процесса. При этом несомненную помощь в определении характера скоплений кремня играет форма в плане «связей» по ремонтажу (аналогичные явления прослежены и на материалах Пенсевана). Так, если «связи» между собирающимися предметами образуют в плане удлиненную конфигурацию, то мы имеем дело с выбросом, а если дугообразную — это следы расщепления на месте. Если в пределах скопления подбираются практически все предметы, это признак, указывающий на мастерскую. Если же предметы в куче группируются по размерам под воздействием гравитации, это указывает на выброс. Прослеженные «связи» свидетельствуют о разделении площади жилища на две половины, каждая из которых имела предпочтительные связи с определенными пунктами расщепления. Реконструируется сложная картина «движения» орудий и ядрищ из внешних мастерских в жилье и выброс отходов в мусорные кучи.

При этом наблюдается строгая специализация мест деятельности в зависимости от близости к очагу. Так, расщепление крупных ядрищ специалистами велось внутри жилища вокруг огня и вне обитаемого пространства на четырех мастерских. Следы от менее качественного раскалывания преобладают в зоне, расположенной к северу от очага. Остатки от плохого расщепления, производившегося начинающими, сосредоточиваются в четырех отдельных пунктах внутри жилья, но в стороне от очага. Наблюдаемая специализация пространства отражает, по-видимому, социальную структурированность общества. Как полагает Н. Пижо, жилище И5, вероятно, было обитаемо не одной, а двумя-тремя семьями (по числу «резервных зон»). В отличие от Пенсевана, где основным направлением «связей» был выброс продуктов расщепления из жилья, здесь имеются также следы переноса кремня из внешних мастерских в жилую зону. В то же время планиграфическая картина распределения орудий на двух стоянках сходна: пластинки с притупленным краем концентрировались непосредственно у очага, в окружавшей очаг плотной «короне» насыщенного остатками пространства доминировали резцы, а скребки и пластинки со следами использования рассеяны по всей площади.

Для более детального анализа хронологии функционирования жилища исследовательница прибегла к микростратиграфии ремонтажей. Точнейшая фиксация позволила разграничить в пределах скоплений расщепленного камня ряд микрогоризонтов. На этой основе появилась возможность выделить две фазы обитания жилища, подразделяющиеся на ряд стадий. Свидетельствами первой фазы обитания выступают наиболее ранние цепочки ремонтажей — максимально рассеянные по площади продукты расщепления и сильно сработанные ядрища. В этом периоде основное место раскалывания находилось у очага, а отходы уделялись через южный и западный выходы в кучи вне жилища. На второй фазе основная зона деятельности смещается в западный сектор жилища. За его пределами начали активно функционировать три точки расщепления — мастерские, из которых орудия и нуклеусы поступали во внутреннюю часть, а также шел обмен ядрищами между пунктами раскалывания. Отличаются периоды обитания и по характеру использовавшегося сырья. Как предполагает Н. Пижо, эти фазы свидетельствуют о постоянстве заселения жилища одной группой палеолитических людей.

В целом перед нами предстает картина достаточно сложной технологии обработки камня. При этом крупные желваки, с которых могли быть сняты прекрасные по качеству длинные пластины (более 25 см, иногда до 30—40 см длиной), никогда не попадали в руки начинающих изготовителей, а всегда использовались компетентными людьми. Подобная техника, вероятно, требовала длительного обучения и велась специалистами, изготавливавшими пластины для нужд всего коллектива. Столь же четко регламентировался и отбор сырья. В то же время пластины среднего качества изготавливались менее опытными работниками и предназначались для индивидуального использования. Выводы Н. Пижо свидетельствуют о высокой степени специализации и далеко зашедшем разделении труда в позднепалеолитическом обществе. Это представляет особый интерес для реконструкции социальной организации в ту эпоху.

Книга М. Олив знакомит со значительно менее богатыми находками комплексом Р15. Он

представлял собой сложную каменную наброску на месте очага площадью 4 м², окруженную скоплением культурных остатков неправильно-овальной формы, 4—5 м в поперечнике. К северу от очага располагались три скопления расщепленного кремня, ближнее из которых непосредственно примыкало к очагу. Костные остатки, напротив, встречались в основном к югу от очага. Присутствует также несколько пятен охры и отдельные раковины, вероятно, служившие в качестве украшений. Основной проблемой в изучении данного объекта является вопрос определения границ жилья при отсутствии четких границ скопления остатков. При этом сам мощный характер очага, непосредственно в котором и поблизости от которого встречено 1200 камней общим весом 375 кг, а также присутствие охры указывают на явно жилой характер скопления. Такой вопрос часто стоит перед исследователями позднепалеолитических памятников, и ход рассуждений М. Олив представляет в этом плане большой интерес.

Основную часть работы занимает скрупулезный анализ очажных камней по их взаимному расположению, петрографии, локализации пятен покраснения и почернения — следов воздействия огня и т. д. Проводился также ремонтаж камней и физико-химические анализы. В итоге на первый взгляд бесформенная куча потрескавшихся обломков (именно так подобные объекты обычно описываются при раскопках) обрела свою историю. Выяснилось, что очаг неоднократно перестраивался, при этом обломки камня последовательно заполняли пространство к югу от огня, горевшего в выемке, окруженной концентрической выкладкой. Южный участок скопления, вероятно, использовался для приготовления пищи (здесь встречено большинство костей).

Каменный инвентарь комплекса Р15 в отличие от других жилищ Этьоля немногочислен (всего около 7 тыс. единиц расщепленного кремня). Процедура «технологического» и «экономического» анализа находок аналогична представленной в книге Н. Пижо, но технологический цикл комплекса иной — здесь господствовало получение стандартных пластин средней длины (до 15 см), часть которых уносилась с места расщепления. Велось также опробование ядрищ (как полагает автор, в процессе обучения навыкам раскалывания камня). При этом квалифицированное и неквалифицированное расщепление сосредотачивалось в одних и тех же местах. М. Олив выделяет следующие диагностические признаки для отличения следов обработки камня на месте от простой кучи отходов. Это наличие определенной степени внутренней упорядоченности остатков, полукруглая в плане форма скопления и близость его к очагу. Малая плотность распределения расщепленного кремня не дает возможности провести микростратиграфический анализ ремонтажей. Удалось только выделить три точки раскалывания (две внутри жилища и одну за его пределами). Отходы производства при этом удалялись из жилья в северном направлении. Прослеживание «связей» отработанных ядрищ и продуктов их расщепления помогает установить границы замкнутого пространства. «Движения» как нуклеусов, так и орудий носили центробежный характер, вещи переносились от очага. Планиграфическое распределение немногочисленных орудий дает примерно ту же картину, что в Пенсеване и Вербери: пластинки с притупленным краем концентрировались у очага, распределение скребков более равномерно по площади, резцы сосредоточивались в основном вблизи огня, но есть они и в зонах «эвакуации» остатков.

В целом жилище Р15 реконструируется как округло-овальное сооружение площадью около 15 м² с основным выходом в северном направлении и дополнительным более узким выходом в южную сторону. В пределах жилья установлены две зоны: западная с немногочисленными остатками (вероятно, представлявшая собой место отдыха) и восточная, где велось расщепление камня и изготовление орудий. Несмотря на отсутствие каменной обкладки, жилище Р15 имеет ряд общих черт с другими комплексами Этьола и Геннесдорфа, в частности по разделению внутреннего пространства на две части (то же прослежено в ранней фазе обитания жилища И5, когда расщепление камня сосредоточивалось с одной стороны от очага). Вероятно, жилище Р15 отражает более кратковременное обитание, может быть, соответствовавшее хронологически какому-то периоду заселения жилища И5 (ряд ремонтажей показывает, что обитатели И5 подбирали ядрища, оставленные в Р15). Однако процесс обработки камня в И5 и Р15 был принципиально различен, в последнем случае специализации жилого пространства в зависимости от умения изготовителей не прослеживается.

Обе книги снабжены обширными приложениями, в которых четко, по единообразному плану даны описания наиболее информативных ремонтажей. Результаты иллюстрируются на фототаблицах. Вопрос о наилучшем способе наглядного представления итогов работ такого рода пока не решен. Следует все же заметить, что выбранный авторами рецензируемых монографий прием (прорисовка тушью по слабоконтрастным фотоотпечаткам) уступает чисто графической фиксации с приме-

нением линий разной толщины. Планиграфическая документация сведена на прилагаемых к книгам планах, отпечатанных на кальке на отдельных листах, что дает прекрасную возможность сопоставлять реконструируемые по данным «связей» ремонтажа картины.

Монографии Н. Пижо и М. Олив несомненно представляют большой интерес для всех археологов, занимающихся проблемами позднего палеолита. Помимо ценных методических моментов здесь в деталях прослежена последовательность операций в рамках призматической техники расщепления, что очень важно для исследователей палеолита европейской части СССР. Что касается планиграфического аспекта, то памятники мадлена севера Франции по своему геологическому контексту, характеру культурного слоя и его структур находят прямые аналогии в аллювиальных стоянках сибирского позднего палеолита [5]. Но самое, пожалуй, главное то, что рецензируемые работы открывают еще одну грань тех поистине неисчерпаемых познавательных возможностей, которые таятся в одном из основных археологических источников — каменном инвентаре.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР

С. А. Васильев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* L'habitation magdalénienne n 1 de Pincevent, près de Montereau // Gallia Préhistoire. V. 9. 1966.
2. *Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* Fouilles de Pincevent: essai d'analyse ethnographique d'úne habitat magdalénien (la section 36). VII Suppl. à «Gallia Préhistoire». P.: CNRS, 1972.
3. *Sheets P. D.* Behavioural analysis and the structure of a prehistoric industry // Current Anthropology. 1976. V 16.
4. *Schild R.* Introduction to dynamic technological analysis of chipped stone assem blage // Unconventional archaeology. Wroclaw, 1980.
5. *Гречкина Т. Ю.* Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонтажа материалов кокоревских стоянок): Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1984.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1989 г.

Библиографические указатели

1. Археология Украинской ССР: Библиогр. указ. 1918—1980 / Сост. И. Г Шовкопляс, Н. Г. Дмитренко. АН УССР. ЦНБ. Киев: Наук. думка, 1989. 560 с.
2. Библиография трудов ученых кафедры историографии, источниковедения и археология ХГУ: (К 25-летию кафедры) / Сост. В. Д. Прокопова, Р. Г. Березанская. ХГУ. ЦНБ. Харьков, 1989. 44 с.
3. Советская археологическая литература; Библиогр. указ. 1979—1981 / Сост. Р. Ш. Левина, Т. Н. Заднепровская, Л. М. Всевиов. АН СССР. БАН; ИА. Л.: Наука, 1989. 472 с.
4. Харри Альбертович Моора: Персональный указатель литературы. АН ЭССР. Библиотека. Таллинн, 1989. 80 с.
5. Актуальные проблемы методики западносибирской археологии: ТД регион. науч. конф. / Отв. ред. А. П. Деревянко. АН СССР. СО ИИФФ. Новосибирск, 1989. 220 с.
6. Археологические исследования в Сибири: ТДК / АлтГУ. Барнаул, 1989. 104 с.
7. Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация: ТДК НПК / ВоронГУ Каф. археологии и истории древнего мира. Воронеж, 1989. 52 с.
8. Археология и история западных балтов: Матер. межресп. науч. конф. / Клайпед. краевед. музей. Клайпеда, 1989. 160 с. ил., карт. На литов. яз. Рез. рус.
9. Археология и история Пскова и Псковской земли (1988): ТД НПК / АН СССР. ИА; ПГИАХМЗ; Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1989. 102 с.
10. Археология, этнография и искусствоведение Молдавии: итоги и перспективы: ТД респ. науч.-теорет. конф. / АН МССР. ОЭИ. Кишинев, 1989. 106 с.
11. Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря: Тез. докл. Сов.-датского симпоз. / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1989. 56 с.
12. Вопросы археологии Абхазии: Матер. юбил. науч. сессии АИЯЛИ / Отв. ред. Г К. Шамба. Сухуми: Алашара, 1989. 90 с.; портр.
13. Вятская земля в прошлом и настоящем: ТДС. краевед. науч. конф. / КировГПИ. Киров, 1989. 298 с.
14. Геохронология четвертичного периода: ТД ВС / АН СССР. Секция наук о Земле. КИЧП. Таллинн, 1989. 128 с.
15. Древнее Причерноморье (Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского): ТДК / Одесская охран. археол. экспедиция. Одесса, 1989. 68 с.
16. Зоны и этапы урбанизации: теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»: ТД регион. конф. / АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1989. 136 с.
17. Исследования, поиски, открытия: КТД НК к 225-летию Эрмитажа / ГЭ. Л., 1989. 38 с.
18. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году: ТД к семинару / Азов. краевед. музей. Азов, 1989. 91 с.; ил.
19. Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: ТДС ВНК. Вып. 1: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма / АН СССР. СО ИИФФ; Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск, 1989. 136 с.
20. История и археология Нижнего Подунавья (Чтение памяти проф. А. И. Доватура): ТД НПК / УкрООПИК. Одес. обл. орг.; Одес. археол. экспедиция. Рени, 1989. 160 с.; портр.
21. Кавказ и цивилизация Древнего Востока: Матер. Всесоюз. науч. конф. / Сев.-ОсетГУ; Сев.-ОсетНИИИФЭ. Орджоникидзе: Ир, 1989. 118 с.
22. Комплексные методы исследования археологических источников: Материалы к 5-му совещанию / МГУ. Ист.; МОИП. М., 1989. 46 с.
23. Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Материалы 2-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир (в Подонье—Приазовье)» / Музей истории донского казачества; КемГУ; Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1989. 158 с.
24. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссиям на междунар. конф. М., 1989. Ч. 1. 223 с.; ил., ч. 2. 93 с.; ч. 3. 151 с.
25. Маргулановские чтения (сб. матер. конф.) / АН КазССР. ИИАЭ; ООПИККазССР. Алма-Ата, 1989. 334 с.
26. Материалы 2-й краеведческой конференции / Астрахан. обл. краевед. о-во; Астрахан. пед. ин-т. Астрахань, 1989. 66 с.
27. Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. КомиНЦ. ИЯЛИ. М.: Наука, 1989. Т. 1. 432 с., 2 л. ил.; ил.

© Сост. Л. М. Всевиов, 1991 г.

28. Нарва, Ивангород, Принаровье: взаимодействия культур. История и археология: ТДК / АН СССР. ЛОИА; Нарвский гор. музей. ред. В. П. Петренко, Э. Ф. Эфендиев, Нарва, 1989. 52 с., 8 отд. л. ил.
29. Новгород и Новгородская земля: История и археология: ТНПК / НГОМЗ; Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 2. Новгород, 1989.
30. Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: Тез. науч.-практич. семинара / АН СССР. ИА. М., 1989. 100 с.
31. Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: ТДС 2-го обл. науч.-практ. семинара / Полтав. обл. краевед. музей. Полтава, 1989. 132 с.: ил. (К 100-летию Полтав. краевед. музея).
32. Первая Кубанская археологическая конференция: ТД / КубанГУ; КГИАМЗ. Краснодар, 1989. 150 с.
33. Проблемы археологии скифо-сибирского мира (Социальная структура и общественные отношения): Тез. Всесоюз. археол. конф./КемГУ Ч. 1, 2. Кемерово, 1989.
34. Проблемы археологии Сумщины: ТД обл. науч.-практ. конф. / Сум. краевед. музей. Сумы, 1989. 110 с., 6 л. ил.
35. Проблемы исследований античных городов: Тез. [докл. III науч. чтений, посвященных памяти В. Д. Блаватского] / АН СССР. ИА; Отв. ред. Г А. Кошеленко. М., 1989. 137 с.
36. Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР: ТД 20-й Респ. конф. / АН УССР. ИА. ОАМ; Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1989. 250 с.
37 Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: (по материалам Восточной Европы и США): ТД Сов.-американ. симпоз. / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1989. 66 с.
38. Скифия и Боспор: Археол. материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева / АН СССР. ЛОИА; Музей истории донского казачества; Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск, 1989. 134 с.
39. 150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839—1989): ТД Юбил. конф. / ОАО, ОАМ; ОдесГУ. Одесса, 1989. 52 с.
40. Студенческие археологические открытия 1987—1988 годов: ТДС Зональной выставки студенческих и аспирантских работ / ЧИГУ Грозный, 1989. 32 с.
41. Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященный 90-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова / АН СССР. ИА; МГУ; Запорож. ОКМ. Запорожье, 1989. 194 с.
42. Тезисы докладов обл. науч.-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе» / Донецкий обл. краевед. музей. Донецк, 1989. 188 с.
43. Тезисы обл. науч.-практ. конф. «Памятники истории и культуры Омской области» / ОмскГПИ; Отв. ред. Б. А. Коников. Омск, 1989. Вып. 2. Археология. 80 с.
44. Труды XV Международного конгресса по стеклу: археометрия. Л., 1989. 98 с.; ил.

Археологические периодические и продолжающиеся издания

45. Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. / АН МССР. ОЭИ; Кишинев, 1989. 222 с.; ил. карт.
46. Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья [Сб. ст.] / ПлесГИАХМЗ. Вып. 1, 2. Иваново, 1989.
47. Археологические раскопки в Армении / АН АрмССР. ИАЭ. № 21. Ереван, 1989.
48. Археология и этнография Марийского края / МарНИИЯЛИ. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989.
49. Археология СССР. В 20 т. / АН СССР ИА; Гл.ред. Б. А. Рыбаков. [Т. 2, 10]. М.: Наука, 1989.
50. Археология СССР: Свод археол. источников / АН СССР ИА.; Под общ. ред. Б. А. Рабакова. М.; Л.: Наука, 1989. Вып. 2—6. Вып. 3.
51. Археологія АН УССР. ІА. Київ: Наук. думка. 1989. Выходит по 4 номера в год.
52. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода / АН СССР. КИПЧ. № 58. М., 1989.
53. Краткие сообщения Института археологии / АН СССР. ИА. Вып. 195—198. М.: Наука, 1989.
54. Нумизматика и эпиграфика / АН СССР ИА. № 15. М.: Наука, 1989.
55. Палеолит мира: Исследования по археологии древнего каменного века / АН СССР. ИА; Отв. ред. П. И. Борисковский. [Т. 3] Л.: Наука, 1989.
56. Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология / АН СССР. НСИМК. 1988. М.: Наука, 1989.
57 Помнікі гісторыі і культуры Беларусі: Інфарм. навук.-метадыч. бюллетэнь Беларус. т-ва аховы помнікау гіс. і культ. Мінск: Полымя, 1989. Выходит по 4 номера в год.
58. Советская археология / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. Выходит по 4 номера в год.
59. Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 54. Л.: Искусство, 1989.
60. Труды Гос. Исторического музея. Вып. 70. М., 1989.
61 Труды Гос. Эрмитажа. Т. 27 Л.: Искусство, 1989.
62. Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 19. Ашхабад, 1989.
63. Художественное наследие: Хранение. Исследование. Реставрация / ВНИИР. Вып. 12, 1989. Внеочеред. вып. 1989. М., 1989.

Учебные пособия

64. *Аванесова Н. А.* Эпоха бронзы Средней Азии: пособие/СамаркандГУ Самарканд, 1989. Ч. 1 116 с.; ил. Библиогр.: с. 94—101
65. *Авдусин Д. А.* Основы археологии: Учебник. М.: Высш. шк., 1989. 336 с.; ил.
66. *Варенов А. В.* Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы: Учеб. пособие / НовосибГУ. Новосибирск, 1989. 92 с.; ил. Библиогр.: с. 85—90.
67. *Варенов А. В.* Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников: Метод. указания / НовосибГУ. Новосибирск, 1989. 20 с.
68. *Виноградов В. Б., Бакаев Х. З.* Монетные находки Северного Кавказа (до XIX в.) как историко-культурный источник: Программа спецкурса (Чеч.-ИнгГУ). Грозный, 1989. 12 с.
69. *Горбунов В. С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье: Учеб. пособие по спецкурсу / КуйбышевГПИ; БашкГПИ. Куйбышев; Уфа, 1989. 134 с.; ил.
70. *Ковалева В. Т.* Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу / УрГУ Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.; ил.
71. *Ковалева И. Ф.* Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины): Учеб. пособие / ДнепропетрГУ Днепропетровск, 1989.89 с.; ил. Библиогр.: с. 65—67.
72. *Лазуков Г И.* Плейстоцен территории СССР: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1989. 320 с. Библиогр.: с. 316—317
73. *Мартынов А. И., Шер Я. А.* Методы археологического исследования: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1989. 224 с.; ил. Библиогр.: с. 219—221

Монографии и сборники

74. Адыгея: Ист.-культ. очерк. Ч. 1. / Анфимов Н. В. и др. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1989. 132 с., 2 отд. л. карт.
75. Актуальные вопросы этнографии и археологии Киргизии: Сб. науч. тр. / КирГУ; Отв. ред. А. А. Аганканов. Фрунзе, 1989. 111 с.
76. Актуальные проблемы историографии Древнего Казахстана (Археология) [Сб. ст.] / АН КазССР. Отд. науч. информ. по обществ. наукам; Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1989. 56 с.
77. *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез / АН СССР. Отд-ние ист. М.. Наука, 1989. 446 с.; карт.
78. *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. / Предисл. М. П. Абрамовой; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 134 с.; ил.
79. *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси; Очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1989. 176 с.; 8 л. ил.
80. *Андреев Ю. В.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1989. 232 с.; ил. Библиогр. с. 223—229.
81. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 126 с., 16 л. мл. Библиогр.: с. 122—126.
82. Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана: [Сб. ст.] / Ин-т искусствознания; Отв. ред. Г А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. 168 с.; ил. Библиогр.: с. 163—168.
83. Археологические и исторические исследования на Дальнем Востоке СССР: Препринт / АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1989. 56 с.; ил. Библиогр.: с. 43—47
84. Археологические исследования на новостройках / Отв. ред. И. Т Кругликова; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 104 с.; ил. (КСИА. Вып. 196).
85. Археологические исследования на юге Восточной Европы [Сб. ст.] / ГИМ; Отв. ред. М. П. Абрамова. М., 1989. (ТГИМ; Вып. 70).
86. Археологические культуры Северного Прикаспия [Сб. ст.] / КуйбышГПИ; Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев, 1989. 206 с.; ил.
87. Археологические открытия в Абхазии в 1984 г / АН ГССР Абхаз. ИЯЛИ; Отв. ред. Г К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 88 с.
88. Археологические открытия Урала и Поволжья: [Сб. ст.] / Отв. ред. Э. А. Савельева; АН СССР. УрО. КомиНЦ. ИЯЛИ. Сыктывкар, 1989. 178, с.: ил., карт.
89. Археологические памятники и культуры Южной Сибири [Сб. ст.] / КемГУ; Кемерово, 1989.
90. Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. / АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Ю. С. Худяков, С. А. Гладышев. Новосибирск, 1989. 159 с.; ил.
91. Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья [Сб. ст.] / АН УССР ИА; Отв. ред. Т. Л. Самойлова. Киев: Наук. думка, 1989. 130 с.; ил., карт.
92. Археологические работы 1980—1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища / МарИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1989. (АЭМК; Вып. 15).
93. Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. науч. сб. [посвящ. П. С. Рыкову] / Отв. ред. В. Г Миронов. Саратов, 1989. 168 с.; ил., карт.
94. *Архипов Н. Д.* Древние культуры Якутии. Якут. кн. изд-во, 1989. 200 с.; ил. Библиогр.: с. 183—189.
95. *Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: Исслед. Советской археол. экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, телль Сотто, Кюльтепе // АН СССР. ИА.

М.: Наука, 1989. 368 с.; ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 357—366. + прил.: 1) *Зеликсон Э. М., Кременецкий К. В.* Палеогеография бассейна Джебел Синджара (Сев. Ирак) в VII—VI тыс. до н. э. С. 285—190; 2) *Лисицына Г Н.* Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии. С. 291—297; ил.; 3) *Гаджиев Д. В.* Фауна с поселения телль Магзалия. С. 297—299; 4) *Зубов А. А.* Одонтологическая характеристика древних погребений телль Магзалия. С. 300—302; 5) *Рындина Н. В., Яхонтова Л. К.* Медное шило из телль Магзалии. С. 302—313; ил.; 6) *Черкинский А. Г* Радиоуглеродная датировка поселений телль Магзалия и телль Сотто. С. 313—315; 7) *Бадер Н. О.* Распределение по культурным горизонтам орудий труда и отходов производства из кремня и обсидиана на поселении телль Магзалия. С. 315—319; 8) *Бадер Н. О.* Распределение по культурным горизонтам различных типов глиняной посуды на поселениях телль Сотто и Кюльтепе. С. 320—327; 9) *Бобринский А. А.* Технологическая характеристика керамики из телль Сотто и Кюльтепе. С. 327—334.

96. *Байпаков К. М., Подушкин А. М.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана: (I тыс. н. э.) / АН КазССР. ИИАЭ. Алма-Ата: Наука, 1989. 160 с., 2 отд. л. ил.; карт. Рез. англ.
97. *Белавин А. М., Бородинских Г А., Мельничук А. Ф.* Археологические памятники Соликамского района (Каталог) / Соликамский краевед. музей. Соликамск, 1989. 36 с.: ил.
98. Белорусские изразцы / В. Е. Соболь, М. А. Ткачев, О. А. Трусов, В. В. Угринович. Минск: Беларусь, 1989. 159 с.; ил. На белорус. рус., фр., англ., исп. яз. Библиогр.: с. 159.
99. *Буряков Ю. Ф., Набоков В. И.* У стен древнего Хараджкета / О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1989. 63 с.; ил.
100. *Бяшимова Н. С.* Поливная керамика Южного Туркменистана (IX—XIV вв.) / АН ТССР. ИИ. Ашхабад: Ылым, 1989. 224 с.; ил. Библиогр.: с. 209—223.
101. *Василевский Р. С., Гладышев С. А.* Верхний палеолит Южного Приморья / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 183 с.; ил. Библиогр.: с. 108—111.
102. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. [Сб. ст.] / АН СССР ИА; АН КазССР ИИАЭ; Науч. центр науч. исслед. Франции; Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. 464 с.
103. *Вздорнов Г И.* Волотово: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. 344 с.; ил.
104. Византия и Русь: Сб. ст. памяти В. Д. Лихачевой / АН СССР. Науч. совет. по ист. мировой культуры; Отв. ред. Г К. Вагнер. М.: Наука, 1989. 336 с.
105. *Викторова В. Д.* Научный поиск в археологии / УрГУ. Каф. археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 152 с.
106. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Ист.-эпигр. исслед. / АН СССР. ИВИ. М.: Наука, 1989. 284 с.; ил. Библиогр.: с. 280—282.
107 Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья / КалужОКМ. Калуга, 1989. 78 с.
108. Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сб. науч. тр. / Карач.-ЧеркесНИИИФЭ; Отв. ред. Е. П. Алексеев. Черкесск, 1989. 168 с.; ил., карт.
109. Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Сб. науч. тр. / КарГУ; Отв. ред. В. В. Евдокимов, Караганда, 1989. 124 с. 5 л. ил.; ил., карт.
110. *Высотская Т Н.* Скифские городища. 2-е изд., доп. Симферополь: Таврия, 1989. 96 с.; ил.
111. *Высоцкий С. А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 216 с.; ил. Рез. англ.
112. *Гаврилюк Н. А.* Домашнее производство и быт степных скифов / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 112 с.; ил. Библиогр.: с. 104—109.
113. *Гарковик А. В., Ермаков В. Е., Клюев Н. А.* Археологические памятники Государственного морского заповедника / АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1989. 63 с.; ил. Библиогр.: с. 34—36.
114. *Гафуров Б. Г жан Гафурович.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. 2-е изд. Душанбе: Ирфон, 1989. Кн. 1. 382 с.; ил.: кн. 2 / Послеслов. Б. А. Литвинского. С. 331—383. 480 с., 4 л. ил., карт.; ил. Библиогр.: с. 391—443.
115. *Генинг В. В., Корпусова В. Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья: Вторая курганная группа у с. Целинное: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев, 1989. 44 с.; ил.
116. *Генинг В. В., Корпусова В. Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья: Курганы у с. Богачевка: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев, 1989. 56 с.; ил.
117. *Генинг В. В., Корпусова В. Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья: Курганы у с. Источное и с. Болотное: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев, 1989. 60 с.: ил.
118. *Генинг В. В., Корпусова В. Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья: Первая курганная группа у с. Целинное: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев, 1989. 44 с.; ил., карт.
119. *Генинг В. В., Усик В. И.* Исследования Степной экспедиции Археологического музея: Курганы у с. Осокоровка: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев, 1989. 60 с.: ил.
120. *Генинг В. Ф.* Структура археологического познания: Пробл. социал.-ист. исслед. / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 194 с.
121. *Георгиевская Г. М.* Китойская культура Прибайкалья / АН СССР. СО ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.; ил.

122. *Голдина Р. Д., Кананина В. А.* Средневековые памятники верховьев Камы / УрГУ Свердловск, 1989. 220 с.; ил. Библиогр.: с. 112—115.
123. *Граудонис Я. Я.* Укрепленные поселения в низовьях Даугавы / АН ЛатвССР ИИ. Рига: Зинатне, 1989. 158 с., 4 л. ил.; ил. На латыш. яз. Рез. рус. Библиогр.: с. 93—97
124. *Гусейнова М. А.* Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV—IX вв. до н. э.) / АН АзССР. ИИ. САЭ. Баку: Элм, 1989. 128 с.; ил. Библиогр.: с. 89—95.
125. *Дергачев В. А., Борзияк И. А., Манзура И. В.* Рошканские курганы / АН МССР. ОЭИ. Кишинев: Штиинца, 1989. 174 с.; ил. Библиогр.: с. 72—74.
126. *Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холюшкин Ю. П.* Методы информатики в археологии каменного века / АН СССР. СО ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
127 *Джапаридзе В. М.* Вардцихское городище: (к археол. исследованию городов Эгриси) / АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 216 с., 23 л. ил. На груз. яз. Рез. рус., англ.
128. *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1989. 422 с.; ил.
129. Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археол. поиск): Препринт / Ю. Е. Березкин, А. А. Василевский, А. В. Гарковик, С. В. Горбунов, И. С. Жущиховская, Г. И. Зайцева, Н. А. Клюев, Я. В. Кузьмин, З. С. Лапшина, Е. М. Лосан, Ю. Г. Никитин, А. А. Орехов, Н. В. Плотников, Г. И. Прокофьев, Д. А. Сапфиров; АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1989. 56 с.: ил.
130. Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. тр. [памяти В. И. Довженка] / Отв. ред. П. П. Толочко; АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 200 с.; ил., карт.
131. Древние цивилизации [Сб. ст., посвящ. Б. Б. Пиотровскому] / В. П. Алексеев, В. Г Ардзинба, Г М. Бонград-Левин, В. И. Гуляев, Д. В. Деопик, Г А. Кошеленко, А. М. Лесков, Л. П. Маринович, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Д. С. Раевский, В. И. Сарианиди и др.; Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989. 480 с.; ил.
132. Древний и средневековый Восток и Средиземноморье: Темат. сб. науч. тр. / АзГУ Баку: Изд-во АзГУ, 1989. 104 с.
133 Древний Мерв [Сб. ст.] / АН ТССР; Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад: Ылым, 1989. 208 с., ил. (ТЮТАКЭ; Т. 19).
134. Древности Ставрополья: [Сб. ст.] / Отв. ред. Р. М. Мунчаев; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 288 с. 1 отд. л. ил.; ил., карт.
135. *Дубов И. В.* Великий волжский путь / ЛГУ Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 256 с.; ил., карт.
136. *Дьяков В. И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 238 с., 27 л. ил.; ил.
137. Естественнонаучные методы в археологии: Сб. науч. тр. [посвящ. памяти Б. А. Колчина] АН СССР. ИА. Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: Наука, 1989. 248 с.: ил., карт.
138. *Жулкус В., Климка Л.* Литовские земли Взморья в средние века. Вильнюс: Мокслас, 1989. 94 с.; ил., карт. На литов. яз.
139. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 172 с.; ил. Библиогр.: с. 169—173.
140. Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков [Сб. ст.] / ТюмГУ; Редкол.: М. Ф. Косарев и др. Тюмень, 1989. 158 с.; ил., карт.
141. *Збенович В. Г* Ранний этап трипольской культуры на территории Украины / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 222 с.; ил. (Археология). Библиогр.: с. 212—221.
142. *Зверуго Я. Г* Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. / АН БССР. ИИ. Минск: Навука і тэхніка, 1989. 207 с.; ил. Библиогр.: с. 200—206.
143. *Зиняков Н. М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая / КемГУ Томск, 1989. 274 с.; ил. Библиогр.: с. 139—147.
144. *Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (Материалы раскопок 1983—1985 гг.) Ч. 1—3: Препринт / АН УССР. ИА. Киев, 1989. Ч. 1. Погребальные сооружения и обряд. 47. с.; ч. 2. Каталог погребений. 48 с.; ил.; ч. 3. Отдельные категории материальной культуры. 43 с.: ил.
145. ИПС. Информационно-поисковая система по погребальным памятникам / Е. П. Бунятян, В. Ф. Генинг, С. Ж. Пустовалов, Н. А. Рычков; АН УССР. ИА. Киев, 1989. 45 с. Библиогр.: с. 42—44.
146. ИПС. Подготовка данных по погребальному обряду для ввода в ЭВМ / Е. П. Бунятян, В. Ф. Генинг, С. Ж. Пустовалов, Н. А. Рычков; АН УССР ИА. Киев, 1989. 48 с.: карт.
147. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Ж. В. Андреева, Д. Л. Бродянский, Р. С. Васильевский, А. П. Деревянко, Е. И. Деревянко, Н. Н. Диков, И. С. Жущиховская, Р. В. Козырева, А. П. Окладников, Э. В. Шавкунов, В. Э. Шавкунов и др.; АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. М.: Наука, 1989. 376 с.; ил., карт.
148. История и культура древнерусского города [Сб. ст., посвящ. 60-летию В. Л. Янина] / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1989. 272 с.; ил., карт.
149. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье [Сб. ст.] / ТашкГУ Ташкент, 1989. 103 с.; ил.
150. Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа: Сб. науч. тр. / ГЭ; Науч. ред. Г. И. Смирнова. Л., 1989. 208 с.; ил., карт.
151. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э.: (на материалах Херсонеса). Харків: Вища школа, 1989. 136 с.; ил.

152. Каменный век: памятники, методика, проблемы: (Сб. науч. тр.) АН УССР. ИА. / Отв. ред. С. Н. Бибиков. Киев: Наук. думка, 1989. 182 с.: ил.
153. *Кдырниязов М. Ш.* Материальная культура городов Хорезма в XIII—XIV веках. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 173 с.; ил.
154. Керамика как исторический источник: Сб. науч. тр. / АН СССР. СО ИИФФ.; Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.; ил.
155. *Кобылина М. М.* Фанагория / АН СССР ИА. М.: Наука, 1989. 127 с.; ил. Библиогр.: с. 125.
156. *Ковпаненко Г Т Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепропетровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) / Г Т Ковпаненко, С. С. Бессонова, С. А. Скорый; АН УССР ИА. Киев. Наук. думка, 1989. 331 с.; ил. (Археология). Библиогр.: с. 326—332.
157 *Ковтунович О. В.* Вечный Египет: Очерки прошлого и настоящего долины Нила / Предисл. Р Г Ланды; послесл. А. Васильева; АН СССР ИВ. М.: Наука, 1989. 150 с., 8 л. ил. (Рассказы о странах Востока).
158. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант / АН СССР ИА. М.: Наука, 1989. 196 с.; ил., карт. (Археология СССР САИ. В2-6. Вып. 3). Рез. англ. Библиогр.: с. 138—141.
159. Кондрашкинский курган / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Г А. Левых, Ю. П. Матвеев; ВоронГУ Воронеж, 1989. 20 с.; ил.
160. *Конькова Л. В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР: (Рубеж II—I тыс. до н. э.— XIII в. н. э.) / АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Л.: Наука, 1989. 124 с., 6 л. ил.; ил.
161. *Королев К. С.* Раннесредневековое поселение Угдым II / АН СССР. УрО. КомиНЦ. Сыктывкар, 1989. 20 с.: ил. (Науч. докл.; Вып. 203).
162. *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X—XIII вв. / АН СССР. Карел. фил. ИЯЛИ. Петрозаводск: Карелия, 1989. 350 с.; ил.+прил.: 1) *Спиридонов А. М.* Керамика приладожской курганной культуры. С. 303—315: ил.; 2) *Давидан О. И.* Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья. С. 316—336: ил.; 3) *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья. С. 336—338: ил. Библиогр.: с. 339—342.
163. Красная Речка и Бурана (Материалы и исслед. Кирг. археол. экспедиции) / АН КиргССР. ИИ; Редкол.: В. А. Лившиц и др. Фрунзе: Илим, 1989. 182 с., 21 л. ил.
164. *Куза А. В.* Малые города Древней Руси / АН СССР ИА. М.: Наука, 1989. 169 с., 1 отд. л. карт.: ил.
165. *Кузнецов П. Ф.* Полтавкинская культурно-историческая общность: Препринт / АН СССР. УрО. ИИА; КуйбышевГПИ. Свердловск; Куйбышев, 1989. 74 с.; ил.
166. *Кулаковская Л. В.* Мустьерские культуры Карпатского бассейна / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 128 с.; ил., карт. Библиогр.: с. 122—126.
167 *Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М.* Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР / Упр. культуры Кемеров. облисполкома, КемГУ Кемерово: Кн. изд-во, 1989. Вып. 1. 1989. 156 с.; ил. Библиогр.: с. 153—157.
168. Культура Византии: вторая половина VII—IX в. / В. П. Даркевич, В. Д. Лихачева, А. Л. Якобсон и др.; АН СССР, ИВИ; Отв. ред. З. В. Удальцова, Г Г Литаврин. М.: Наука, 1989. 680 с., 4 л. ил.; ил., карт. Библиогр.: с. 636—658.
169. *Кутайсов В. А., Ланцов С. Б.* Некрополь античной Керкинитиды: История и итоги изучения: Препринт / АН УССР ИА. Киев, 1989. 44 с.
170. *Кутайсов В. А., Ланцов С. Б.* Некрополь античной Керкинитиды: Каталог погребений: Препринт / АН УССР ИА. Киев, 1989. 36 с.
171 *Кухарчук Ю. В.* Палеолит юго-запада СССР и сопредельных территорий: Рихта: Препринт / АН УССР. Ин-т зоологии. Киев, 1989. 68 с.; ил. Библиогр.: с. 40—41.
172. *Ларичев В. Е.* Знаковая система центральной подвески мальтинского ожерелья (материалы к реконструкции зодиака древнекаменного века Сибири): Препринт / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 50 с., 6 л. ил., 9 отд. л. ил.
173. *Ларичев В. Е.* Зодиак в календарных системах древнекаменного века Сибири (мальтинская культура): Препринт / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 74 с.: ил.
174. *Ларичев В. Е.* Синодические обороты планет в календарных системах древнекаменного века Сибири (мальтинская культура): Препринт / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 82 с., 2 л. ил.; ил.
175. *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска в X—XVIII вв. / АН БССР ИИ. Минск: Наука и техника, 1989. 85 с.
176 *Ломтатидзе Г А.* Археологические исследования в Агетском и Иорском ущельях / АН ГССР. Археол. комис. ИИАЭ.ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 324 с.; ил. На груз. яз. Рез. рус. Библиогр.: с. 265—266.
177 *Лордкипанидзе О. Д.* Наследие древней Грузии / АН ГССР Археол. комис. ИИАЭ.ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 437 с.; 16 л. ил.; ил. Библиогр.: с. 371—418.
178. *Лысенко П. Ф.* Открытие Берестья. Минск: Наука и техника, 1989. 160 с.; ил.
179. *Массон В. М.* Первые цивилизации / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1989. 276 с.; ил., карт. Рез. англ. Библиогр.: с. 259—271.
180. Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья: Препринт / А. Р. Артемьев. В. И. Болдин, Д. П. Болотин, Ю. М. Васильев, Э. Р. Гречищев, С. В. Данилов, Б. Р. Зориктуев, Н. Н. Крадин, В. Д. Леньков, Б. С. Сапунов, Г. Л. Силантьев, В. В. Сухих, А. В. Тиваненко, Э. В. Шавкунов; АН СССР ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1989. 68 с.: ил.

181. Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Сб. ст. / АН СССР УрО. БашкНЦ. ИИЯЛ; Под ред. А. Х. Пшеничнюка. Уфа, 1989. 140 с.: ил.
182. Мезолит СССР / Н. О. Бадер, Н. Н. Гурина, П. М. Долуханов, Л. В. Кольцов, Г. Ф. Коробкова, Г. Н. Матюшин, А. Н. Мелентьев, С. В. Ошибкина, Ю. Б. Сериков, А. Н. Сорокин, В. Ф. Старков, Д. Я. Телегин, В. И. Тимофеев, Л. Д. Церетели; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 352 с., 4 л. ил.; ил., карт (Археология СССР [Т. 2]) Библиогр.: с. 330—339.
183. Меоты — предки адыгов [Сб. ст.] / АдыгНИИЭЯЛИ; Отв. ред. Н. В. Анфимов; Авт. предисл. Б. Б. Пиотровский. Майкоп, 1989. 160 с., 1 отд. л. ил.; ил.
184. Методика полевых археологических исследований [Сб. ст.] / АН СССР. ИА.; Отв. ред. и авт. предисл. Д. Б. Шелов. Л.: Наука, 1989. 100 с.: ил.
185. Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии: Сб. науч. тр. / АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, 1989. 282 с.; ил.
186. *Мишкерис В. А.* Согдийская терракота / АН ТаджССР. ИИ. Душанбе: Дониш, 1989. 328 с.; 1 л. ил.; ил.
187. *Молодин В. И., Глушков И. Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.; ил.
188. *Монахов С. Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э.: Опыт системного анализа. Саратов, 1989. 158 с.; ил.
189. *Новиков С. В.* Юго-Западный Иран в античное время: от Александра Македонского до Ардашира I. М.: Изд-во МГУ, 1989. 184 с.; ил.
190. Новое в дальневосточной археологии (Материалы медиевистов) / АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Южно-Сахалинск, 1989. 70 с., 9 л. ил.; ил.
191. *Окороков А. В., Таскаев В. Н.* Подводные раскопки памятников истории и культуры: Метод. рекомендации / АН СССР; НИИК. М., 1989. 93 с.; ил.
192. Олово в художественном ремесле Латвии VI—XX вв. / Авт. сост. Д. Лидака, Д. Микелсоне; Рундальский дворец-музей. Рига: Авотс, 1989. 200 с.; ил. На латыш. и нем. яз.
193. *Оруджев А. Ш.* Керамическое производство в раннесредневековом Азербайджане (IV—VIII вв.). Баку: Элм, 1989. 72 с.; ил. Библиогр.: с. 55—60. На азерб. яз.
194. Палеолит Кавказа и Северной Азии / В. П. Любин, З. А. Абрамова; АН СССР. ИА. Л.: Наука, 1989. 270 с.; ил., карт. (Палеолит мира; [Т. 3]. Библиогр.: с. 244—254.
195. Памятники археологии и этнографии Верхнего Поволжья: Межвуз. сб. / ГорькГУ; Отв. ред. Ф. В. Васильев. Горький, 1989. 100 с.
196. Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье: Сб. науч. трудов / КалининГУ; Отв. ред. В. В. Седов. Калинин, 1989. 160 с.; ил., карт.
197. Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О. Н. Вилков; АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 200 с.: ил.
198. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье / Э. Ф. Патокова, В. Г. Петренко, Н. Б. Бурдо, Л. Ю. Полищук; АН УССР. ОАМ. Киев: Наук. думка, 1989. 138 с.; ил. Библиогр.: с. 134—139.
199. *Патрушев В. С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 122 с.; ил., карт.
200. Первобытная археология: Материалы и исслед.: Сб. науч. тр. [посвящ. 80-летию С. Н. Бибикова] / АН УССР. ИА; Отв. ред. С. С. Березанская. Киев: Наук. думка, 1989. 184 с., 4 л. ил.; ил., карт.
201. *Перегудова С. Я.* Таш-Рабат (По материалам архит.-археол. исслед.) / АН КиргССР. ИИ. Фрунзе: Илим, 1989. 65 с.; 13 л. ил.
202. *Петросян Л. А.* Раскопки памятников Кети и Воскеаска (III—I тыс. до н. э.) / АН АрмССР; ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. 180 с.; ил., карт. (Археол. раскопки в Армении; № 21).
203. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археол. комплекс) / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 288 с.; ил., карт. Библиогр.: с. 284—286.
204. *Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С.* Неолитические могильники Северной Барабы / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.; ил. Библиогр.: с. 98—102.
205. Поселения срубной общности: Межвуз. сб. науч. тр. / ВоронГУ; Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж, 1989. 198 с.; ил.
206. Проблемы археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр.; Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск, 1989. 116 с.; 1 л. ил., ил.
207. Проблемы древних угров на Южном Урале [Сб. ст.] / АН СССР. УрО. БашкНЦ; Отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа, 1989. 138 с.; ил.
208. Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири / С. В. Горбунов, В. Я. Горобец, А. В. Гребенщиков, В. Е. Ермаков, Н. А. Кононенко, В. Н. Копытько, Л. В. Лбова, В. А. Лынша, Л. Н. Мыльникова, В. И. Ташак; АН СССР; ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1989. 56 с.; ил.
209. *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля: Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / АН УзССР. Отд-ние истории, языкознания и литературоведения; Ин-т искусствознания. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.; ил. Библиогр.: с. 200—204 (Поиски и открытия).
210. *Пшеничнюк А. Х.* Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт / АН СССР. УрО. БашкНЦ. ИИЯЛ. Уфа, 1989. 17 с.; ил. Библиогр.: с. 15—16.
211. *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (По материалам могильника эпохи

бронзы «Тигровая Балка» / АН ТаджССР. ИИ. Душанбе: Дониш, 1989. 252 с.; ил. Библиогр.: с. 142—163.

212. Радиоуглеродная хронология древних культур Дальнего Востока СССР: Каталог / Сост. Я. В. Кузьмин; АН СССР. ДВО. Тихоокеан. ин-т географии. Владивосток, 1989. 30 с.: карт. Рез. англ.
213. Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции) / АН СССР. ИА; Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА, 1989. 208 с.; ил.
214. Ранние болгары в Восточной Европе [Сб. ст.] / АН СССР. Казан. фил. / Отв. ред. А. Х. Халиков; Казань, 1989. 134 с.; ил.
215. *Ратнер И. Д., Костюк Л. И.* Древности Херсонщины: Крат. справ. Симферополь: Таврия, 1989. 108 с.; ил. Библиогр.: с. 104—109.
216. Республиканский археолого-архитектурный музей-комплекс башня Бурана: Путеводитель / Авт.: Э. Терекенов. Фрунзе: Кыргызстан, 1989. 30 с.: ил.
217. [Рыбаков Б. А.]. *Rybakov B. A.* Kievan Rus. M.; Progress, 1989. 386 с., 8 л. ил.: (Man through the ages).
218. *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 240 с.; ил., карт.+прил.: 1) *Писарев С. А., Устинов С. В.* Комплексное исследование археологических материалов из раскопок Тиллятепе. С. 235—136; 2) *Черных Е. Н.* Химический состав золотых изделий из погребений. С. 237.
219. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины / ГорькГУ. Ист. фак. Горький: Волго-вят. кн. изд-во, 1989. 399 с.; ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 278—296.
220. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках: [Сб. ст.] / СКНЦВШ; Азов, краевед. музей; Отв. ред. Г А. Федоров-Давыдов. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. 150 с.; ил., карт.
221. *Секерская Н. М.* Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. / АН УССР, ОАМ. Киев: Наук. думка, 1989. 126 с., 14 л. ил.; ил. Библиогр.: с. 119—125.
222. Сельская округа Ольвии / С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Огрешко; АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 238 с.: ил. Рез. англ., фр. Библиогр.: с. 224—237.
223. Славяне: Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исслед.): Межвуз. сб. / ЛГУ; Под. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989. 176 с., 1 отд. л. карт., 2 л. ил.; ил., карт. Библиогр.: с. 156—175.
224. Славяно-русская археология [Сб. ст.] / Отв. ред. И. Т. Кругликова; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 104 с.; ил., карт (КСИА; Вып. 195).
225. *Санов А. Х.* Железный век на территории Южной Осетии / АН ГССР. Юго-ОсетНИИ. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 111 с., 21 л. ил. Библиогр.: с. 96—109.
226. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья [Сб. ст.] / АН СССР. ИА; Отв. ред. К. А. Смирнов. М.: Наука, 1989. 279 с.; ил.
227. Средневековая археология Восточной Европы [Сб. ст.] / АН СССР. ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1989. 128 с.; ил., карт. (КСИА; Вып. 198).
228. *Станко В. Н., Григорьев Г В., Швайко Т Н.* Позднепалеолитическое поселение Анетовка II: вопросы культурно-исторической периодизации позднего палеолита Северного Причерноморья / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 138 с.; ил. Библиогр.: с. 132—137+Прил.: 1) *Смольяninова С. П.* Карта памятников каменного века Степного Побужья. С. 113—126; карт.; 2) *Бибикова В. И., Старкин А. В.* Характеристика остеологического материала из раскопок позднепалеолитического поселения Анетовка II. С. 127—131.
229. Становление европейского средневекового города [Сб. ст.] / Отв. ред. и авт. предисл. В. В. Седов; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 188 с.; ил., карт.
230. Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: Сб. науч. тр. / АН СССР УрО. Отв. ред. В. Д. Викторова, Н. Г Смирнов. Свердловск, 1989. 200 с.; ил.
231. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / М. П. Абрамова, С. С. Бессонова, О. Д. Дашевская, В. В. Дворниченко, И. С. Каменецкий, В. И. Козенкова, В. А. Кореняко, Х. И. Крис, Т. М. Кузнецова, В. И. Марковин, А. И. Мелюкова, Т. В. Мирошина, М. Г. Мошкова, В. Г Петренко, К. Ф. Смирнов; Отв. ред. А. И. Мелюкова; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1989. 464 с., 4 л. ил.; ил., карт. (Археология СССР; т. 10). Библиогр.: с. 423—442.
232. *Сунчугашев Я. И.* Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 98 с.; ил.
233. Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информ. материалы) / АН СССР. УрО. ИА; Отв. ред. В. Д. Викторова. Свердловск, 1989. 90 с.
234. *Тиваненко А. В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы / АН СССР. СО. БИОН. Новосибирск: Наука, 1989. 200 с.; ил.
235. *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1989. 256 с. Рез. англ., нем.
236. *Урушадзе Н. Е.* Изобразительная символика палеолита Грузии / АН СССР. ИИАЭ. ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 154 с.; ил. Рез. фр. Библиогр.: с. 104.
237. Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока: Археол. источники / АН СССР ИВ.; Всесоюз. ассоциация востоковедов. Комис. по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока; Отв. ред. Г А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука, 1989. 308 с.; ил.
238. *Федоров-Давыдов Г А.* Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во МГУ, 1989. 253 с.; ил. (Археология и этнография).

239. *Фролов А. С., Прошкин О. Л.* Археология Калужской области (материалы к Своду памятников). Калуга, 1989. 60 с.; ил. Библиогр.: с. 39—47
240. *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 222 с.; ил.
241. *Хахутайшвили Д. А.* Уплисцихе — город в скалах / АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 126 с.; ил. (Науч.-попул. сер. «Атинати» («Блик»)). На груз. яз.
242. *Цауне А. В.* Рига под Ригой. Рассказ археолога об исчезнувших постройках Древней Риги / АН ЛатвССР. ИИ. Рига: Зинатне, 1989. 136 с., 4 л. ил.; ил.
243. *Чартолани Ш. Г.* К истории Нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи / АН ГССР, Археол. комис. ИИАЭ. ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 268 с., 1 отд. л. карт.; ил. Рез. англ.
244. *Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П.* Курганы Буджакской степи / АН МССР. ОЭИ. Кишинев: Штиинца, 1989. 212 с.; ил. Библиогр.: с. 204—208.
245. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / АН СССР ИА. М.: Наука, 1989. 320 с.; ил., карт. Рез. англ.
246. Четвертичный период: палеонтология и археология: Сб. ст. / АН МССР. ОЭИ; КИЧП; Отв. ред. И. А. Борзияк. Кишинев; Штиинца, 1989. 240 с.; ил., карт. (К 28-му Междунар. геол. конгрессу).
247. Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. / НовосибГПИ; Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск, 1989. 104 с.: ил.
248. Эрмитаж: Первобытная культура. Античное искусство. Искусство стран Востока. Западноевропейское искусство. Русское искусство. Нумизматика: [Альбом] / Авт.-сост. Т. Б. Арапова и др. Л.: Аврора, 1989. 390 с.

Авторефераты диссертаций

249. *Абдукаримохунова Р.* Ташкентская археологическая школа и развитие археологии Средней Азии (Из истории сложения и развития археологии и сов. Средней Азии): Автореф. канд. дис. / КемГУ. Л., 1989. 20 с.
250. *Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время: (III в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 40 с. Список работ авт.: с. 37—40.
251. *Аветисян Г. Г.* Урартская керамика из памятников Араратской долины: Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1989. 20 с.
252. *Апакидзе Д. Б.* Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы — раннего железа: Автореф. канд. дис. / АН АрмССР ИАЭ. Ереван, 1989. 14 с.
253. *Аксенов М. П.* Палеолит и мезолит Верхней Лены: Автореф. докт. дис. / АН СССР СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 35 с. Список работ авт.: с. 31—35.
254. *Амирханов Х. А.* Палеолит юга Аравии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 43 с. Список работ авт.: с. 41—43.
255. *Аргунов В. Г.* Каменный век Северо-Западной Якутии: Автореф. канд. дис. / КемГУ. Якутск, 1989. 27 с., 1 отд. л. табл.
256. *Асатрян Е. А.* Раннесредневековые крепости-поселения Армении: (по материалам памятников Арагацотна): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР ИАЭ. Ереван, 1989. 21 с.
257 *Ашти Ш.* Стилистический анализ мозаичных полов III—VI вв. н. э. в Сирийской Арабской Республике: Автореф. канд. дис. / Акад. художеств СССР. ИЖСА. Л., 1989. 26 с.
258. *Бабаев А. Д.* Историко-археологический очерк Западного Памира: Автореф. докт. дис. / АН СССР СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 45 с. Список работ авт.: с. 42—45.
259. *Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 40 с. Список работ авт.: с. 39—40.
260. *Бахтадзе Н. А.* Скальные памятники Квемо-Картли: Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1989. 26 с.
261. *Бектинеев Ш. И.* Торговые связи городов и денежное обращение на территории Белорусского Подвинья в X—XV вв. (по археол., нумизмат. и письменным данным): Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 18 с.
262. *Богомолов Г. И.* Культура городского центра раннесредневекового Чача: (по материалам городища Канка): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1989. 20 с.
263. *Васильев Е. А.* Энеолит и ранний бронзовый век Средне и Северотаежного Приобья: Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1989. 20 с.
264. *Васильев И. Н.* Технология гончарного производства населения Волжской Болгарии в X—XIV вв.: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1989. 27 с.
265. *Верещагина И. В.* Мезолит и неолит Крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 19 с.
266. *Войтов В. Е.* Культово-поминальные сооружения VI—VIII вв. на территории Монголии: Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1989. 24 с.
267 *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Крыму: история и культура: Автореф. докт. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1989. 26 с. Список работ авт.: с. 24—26.
268. *Гертман А. Н.* Строительная техника древнего Хорезма: Автореф. канд. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1989. 18 с.
269. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита: Автореф. докт. дис. / АН СССР СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 52 с. Список работ авт.: с. 48—52.
270. *Голдина Р. Д.* Верхнее Прикамье во второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. докт. дис. / МГУ. М., 1989. 41 с. Список работ авт.: с. 37—41.

271. *Гребенников Ю. С.* Памятники Степного Побужья IX—III вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1989. 16 с.
272. *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита — бронзы: Автореф. докт. дис. / АН СССР ЛОИА. Л., 1989. 44 с. Список работ авт.: с. 41—44.
273. *Добролюбский А. О.* Кочевники на Юго-Западе СССР в X—XVIII веках (ист.-археол. исслед.): Автореф. докт. ист. / МГУ Ист. фак. М., 1989. 28 с. Список работ авт.: с. 25—28.
274. *Елагин В. С.* Лесостепное Приомье в начале I тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 16 с.
275. *Зализняк Л. Л.* Население Украинского Полесья в финальном палеолите и мезолите: Автореф. докт. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 32 с. Список работ авт.: с. 31—32.
276. *Заргали Э. А.* Архитектура и строительное искусство Кавказской Албании античного периода: Автореф. канд. дис. / Азерб. инж.-строит. ин-т. Баку, 1989. 22 с.
277 *Заяц Ю. А.* Заславль (Изяславль) X—XVIII вв. Хронология и социально-историческая топография: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 20 с.
278. *Иванчик А. И.* Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИВ. М., 1989. 16 с.
279. *Кислый А. Е.* Реконструкция демографической структуры населения степей Северного Причерноморья III—II тыс. до н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 19 с.
280. *Козак Д. Н.* Этнокультурное развитие населения Северо-Западной Украины в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. докт. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1989. 34 с. Список работ авт.: с. 32—34.
281. *Козенкова В. И.* Большой Кавказ в XIV—IV вв. до н. э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития): Науч. доклады, представленные в качестве докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 52 с. Список работ авт.: с. 50—52.
282. *Коваленко С. А.* Античная рельефная керамика III—I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1989. 24 с.
283. *Колесников М. А.* Методы реконструкции хозяйственной деятельности в английской и американской «новой археологии»: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 16 с.
284. *Колпаков Е. М.* Понятия и методы археологической классификации: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1989. 16 с.
285. *Леймус И. А.* Монетное хозяйство Ливонии в XVI веке (1515—1581/94 гг.): Автореф. канд. дис. / АН ЭССР ИИ. Таллинн, 1989. 17 с.
286. *Лобанов Н. А.* Быт горожан Пскова и Изборска XI—XVI вв.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 18 с.
287 *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ЛОИВ. Л., 1989. 39 с. Список работ авт.: с. 35—39.
288. *Маслов К. И.* Римская мозаика Западного Средиземноморья II в. н. э.— нач. IV в. н. э.: Автореф. канд. дис. / Акад. художеств СССР, ИЖСА. Л., 1989. 21 с.
289. *Мирсаатов К.* Хозяйство охотничье-рыболовческих племен Среднеазиатского Междуречья поры мезолита — неолита (источники сырья, эволюция способов его добычи и хозяйственные комплексы): Автореф. докт. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 55 с. Список работ авт.: с. 53—55.
290. *Моруженко А. А.* История населения Лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время: Автореф. докт. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 34 с. Список работ авт.: с. 33—34.
291. *Мошкова М. Г* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 47 с. Список работ авт.: с. 46—47.
292. *Негматуллаева Е. Ю.* Ювелирное искусство Средней Азии в древний период (IV в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. канд. дис. / Ин-т искусствознания им. Хамзы. Ташкент, 1989. 19 с.
293. *Новгородова Э. А.* Основные проблемы историко-культурного развития древней Монголии (III—I тысячелетие до н. э.): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ЛОИВ. Л., 1989.— 34 с. Список работ авт.: с. 28—34.
294. *Овсянников О. В.* Города Архангельского Поморья эпохи средневековья (ист.-археол. исслед.): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 49 с. Список работ авт.: с. 42—49.
295. *Оленковский Н. П.* Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра: Автореф. канд. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1989. 16 с.
296. *Охинько И. В.* Внешние связи Боспора (из истории экономических и политических контактов с Синопой и Понтом в IV—II вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. / ДнепропетрГУ Днепропетровск, 1989. 17 с.
297 *Патрушев В. С.* Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X—VI вв. до н. э.): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 37 с. Список работ авт.: с. 35—37.
298. *Пелещишин Н. А.* Население Западной Волыни и его этнокультурные связи (сер. V — сер. III тыс. до н. э.): Автореф. докт. дис. АН УССР. ИА. Киев, 1989. 32 с. Список работ авт.: с. 30—32.
299. *Пилипко В. Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 32 с. Список работ авт.: с. 29—32.
300. *Пиоро И. С.* Проблемы этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье: Автореф. канд. дис. / КиевГУ. Киев, 1989. 18 с.
301. *Писаревский Н. П.* Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи

Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг.: Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1989. 24 с.

302. *Полин С. В.* Население Северопричерноморских степей в III—II вв. до н. э. (этнополитический аспект): Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 17 с.
303. *Попов В. В.* Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки II: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1989. 22 с.
304. *Радилиловский В. В.* Методологические и методические аспекты исследования проблем урбанизации (на материалах Ташкентского оазиса): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1989. 22 с.
305. *Рассадин С. Е.* Милоградская культура (актуальные проблемы исследования): Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 20 с.
306. *Рахимов Н. Т* История Ура-Тюбе по археологическим данным: Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1989. 17 с.
307. *Рахманов Ш. А.* Средневековая фортификация Северного Тохаристана: V — нач. XIII вв.: Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1989. 24 с.
308. *Резепкин А. Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 24 с.
309. *Реутова М. А.* Реакции уретанообразования в составе лессовых композитов и разработка методов консервации археологических объектов: Автореф. канд. дис. / АН УзССР. Ин-т химии. Ташкент, 1989. 19 с.
310. *Савельев Н. А.* Неолит юга Средней Сибири: (История основных идей и современ. состояние проблемы): Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 25 с.
311. *Савельева Т В.* Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII—XIII вв. (по материалам раскопок городища Талгар и памятников его периферии): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 24 с.
312. *Савенко С. Н.* Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X—XII вв. н. э.: Автореф. канд. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1989. 25 с.
313. *Саганович Г. Н.* Кузнечное ремесло Белоруссии XIV—XVIII вв.: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1989. 18 с.
314. *Сагдуллаев А. С.* Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): Автореф. докт. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1989. 45 с. Список работ авт.: с. 43—45.
315. *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском Полесьях: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 26 с.
316. *Тункина И. В.* Становление классической археологии в России (XVIII— сер. XIX в.): Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л., 1989. 16 с.
317. *Удеумурадов Б. Н.* Комплексы эпохи бронзы Алтын-депе и Маргианы (вопросы связей, хронологии, происхождения): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 19 с.
318. *Ушинскас В. А.* Формирование раннегосударственной территории Литвы I—XIII вв. (по данным археологии): Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л., 1988. 20 с.
319. *Ханмурадов К. Н.* Мервский оазис в сасанидскую эпоху (рубеж античности и раннего средневековья): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1989. 24 с.
320. *Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1989. 25 с.
321. *Шувалов П. В.* Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1989. 16 с.; табл.
322. *Эрлих В. А.* Бронзовый век Западной Сибири. История исследований и идей. Советский период. 20-е — сер. 60-х годов: Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1989. 19 с.
323. *Эртюков В. И.* Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии: Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1989. 18 с.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР

Составитель *Л. М. Всевиов*

Хроника

V ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ «КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ» (МОСКВА, 1989)

21 —23 ноября 1989 г Комиссия по применению методов естественных наук в археологии при Московском обществе испытателей природы совместно с историческим факультетом МГУ провела конференцию «Комплексные методы исследования археологических источников». Это — пятая конференция, первые четыре комиссия провела совместно с Институтом археологии АН СССР Доклады, прочитанные на всех этих конференциях, обнаруживают характерную тенденцию: первоначально акцент ставился на освоение методов, предлагаемых естественными науками, теперь очевидно взаимопроникновение задач различных наук. Особенно плодотворно сотрудничество в палеоботанических, палеозоологических, палеогеографических и палеогеофизических исследованиях; новое направление — исследование древних производств — важно не только само по себе, оно открывает новые возможности в реставрации древностей. Обращение к методам естественных наук оказывается полезным и при решении теоретических и методических проблем археологического исследования.

Владивосток, Владимир, Воронеж, Душанбе, Киев, Ленинград, Минск, Москва, Одесса, Омск, Рига, Самарканд, Свердловск, Ульяновск, Ялта — таковы адреса участников конференции. Комиссия по применению методов естественных наук может быть названа межрегиональным и вневедомственным объединением специалистов различного профиля: археологи, реставраторы, инженеры, металлурги, архитекторы, программисты, геофизики, геологи, географы, математики, зоологи, ботаники участвовали в ее работе.

На конференции были обсуждены следующие направления: древние производства; теория и методика археологических исследований; биология и география в археологии; геофизика в археологии; реставрация древностей и естественные науки. По этим направлениям был прочитан 61 доклад.

Научную программу конференции открыла председатель Комиссии по применению методов естественных наук в археологии Ю. Л. Шапова (Москва), подчеркнувшая результаты и перспективы сотрудничества археологов с другими специалистами и широкое привлечение различных методов естественных наук.

Доклад Н. В. Рындиной (Москва) был посвящен закономерностям развития древнейшей металлообработки Юго-Восточной Европы. Впервые в науке с помощью металлографического анализа доказано использование литейных форм из графита в энеолите Балкан.

Э. В. Сайко (Москва) в докладе «Проблема точного и формирование методологических позиций познания древних производств» показала, что для гуманитарного знания в отличие от естественнонаучного существенно понимание, а не объяснение происходящих процессов. По мнению докладчицы, историю производства необходимо рассматривать как часть культурно-исторического процесса.

© Ю. А. Лихтер, А. В. Мастыкова, А. К. Станюкович, 1991 г.

В докладе «Применение критерия согласия Колмогорова — Смирнова при решении проблем этнической атрибуции скульптуры средневековых кочевников степей Восточной Европы» Л. С. Герасько·ва (Киев) представила разработанную ею методику разделения каменной скульптуры рассматриваемого региона на группы, принадлежавшие различным племенным образованиям.

В. В. Радилиловский (Душанбе) и П. Ю. Черносвитов (Москва) в докладе «Системный подход к изучению урбанизации» предложили рассматривать процесс урбанизации как единую систему, что позволяет раскрыть новые стороны этого исторического процесса.

О. А. Папахристу (Самарканд) прочитала доклад «Ферганский булат IX — начала XIII в.» о тигельном производстве высококачественных сталей (булата) на Ахсикетском городище.

Е. М. Хараламбиева, Г П. Иванов, А. В. Уткин (Владимир) в докладе «Исследование физической природы свойств средневековых булатов и дамасков» поставили свойства булата в связь с его структурой, в которой чередуются полосы твердой науглероженной и мягкой стали.

В. И. Завьялов (Москва) в докладе «Технология производства клинков (Варнинский могильник поломской культуры)» обобщил результаты металлографических анализов изделий из черного металла с раннесредневековых памятников бассейна р. Чепцы.

Главный тезис доклада М. Ф. Гурина (Минск) «О применении азотирования в древнерусской обработке железа», о том, что при изготовлении ножей пластины, предназначенные для наварки, предварительно насыщались азотом, а затем соединялись путем сварки с основой, встретил возражения Л. С. Розановой и Н. Н. Тереховой.

Технологические схемы ножей из раскопок Волоколамска близки к технологическим схемам, применявшимся в других древнерусских городах. Это показал в своем докладе В. И. Ивченков (Москва).

Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова (Москва), Ю. А. Семыкин (Ульяновск) представили доклад на тему «От железной крицы — до готового изделия. Опыт физического моделирования». Авторы разработали и осуществили программу экспериментальных работ по реконструкции технико-технологических процессов, необходимых для превращения крицы в готовое изделие.

Н. В. Рындина, Н. М. Бойных, Г Б. Иденбаум, В. С. Колосова (Москва) в докладе «К проблеме использования сульфидных медных руд в энеолите Балкан» показали на основе металлографического и микрорентгеноструктурного анализов тиглей и медных изделий культур Гумельницы и Варны не предполагавшиеся ранее сложные приемы совместной плавки сульфидных и окисленных медных руд в начале второй половины IV тыс. до н. э. Их открытие опровергает утвердившееся в науке мнение о начале использования сульфидов в эпоху средней — поздней бронзы.

Доклад А. С. Саврасова (Воронеж) «Физическое моделирование некоторых процессов металлообработки (Мосоловское поселение металлургов-литейщиков. Донская лесостепная зона срубной культуры)» вызвал дискуссию по проблемам моделирования. Целью была проверка и конкретизация разработанных автором технологических схем плавки металла и изготовления глиняных литейных форм. По мнению Н. В. Рындиной, нужны большая подготовительная работа и более четкая постановка задач, для решения которых используется моделирование.

Доклад А. Д. Дегтяревой (Воронеж) был посвящен «Технологии металлообработки срубной донской лесостепной культуры». По мнению автора, орудия труда являлись продукцией местного производства, происхождение украшений связано с андроновской культурно-исторической общностью.

А. И. Минжулин (Киев) в докладе «Технология производства древней зерни» продемонстрировал методику реставрации археологических находок из серебра и других металлов и принципиальную натурную реконструкцию древних изделий с зернью.

В докладе Л. В. Коньковой, С. В. Брандт, Н. В. Зарудневой, Н. Н. Фефелова (Владивосток) «Опыт изучения изотопного состава свинца в древних и средневековых бронзах Дальнего Востока» выявлены сходство или различия древних и средневековых бронз и возможные источники металла.

М. С. Шемаханская (Москва) в докладе «Новый этап в производстве металлов: от оловянистой бронзы к полиметаллическим сплавам с цинком» дала картину распространения различных типов сплавов на территории Северной Бактрии и пришла к выводу, что в предкушанское время имела место замена оловянистых бронз полиметаллическими сплавами с цинком.

И. Г Равич (Москва) показала, что коррозионное разрушение меняет состав серебряных монет, что не позволяет правильно определять состав монет методом химического анализа, лучшие результаты достигаются при использовании стереометрической металлографии. В монетах эпохи Караханидов содержалось 30% серебра в сплаве. Обо всем этом говорилось в докладе «Исследование разрушений, состава и технологии изготовления древних изделий из серебра».

М. В. Нацкий, А. П. Белкин, Н. Ю. Шарков (Москва) в докладе «Технологические особенности изготовления серебряных сарматских сосудов» детально рассмотрели технологические приемы, примененные при изготовлении двух котлов и чаши со сложным декором, хранящихся в Астраханском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Гость из Польши (Торунь) М. Рубинкович рассказал о методах и результатах изучения географии стеклоделательных мастерских XII—XVIII вв. на территории Северо-Западного Поморья.

Е. К. Столярова (Москва) в докладе «Химико-технологическое изучение стеклянных бус (по материалам погребений из некрополя у пос. Заозерное)» представила новые данные о распространении сирийских бус в Западном Крыму в период эллинизма, полученные на основании изучения химического состава стекла и техники их изготовления.

Ю. А. Лихтер (Москва) в докладе «О выделении стеклянных вещей, сделанных из полуфабрикатов» предложила принципы определения вещей, сделанных из полуфабрикатов, по следам технологических операций.

В. И. Шляхова (Москва) в докладе «К характеристике среднеазиатской средневековой школы стеклоделия» сделала вывод об использовании в стекловарении Средней Азии VIII — начала XIII в. традиций ближневосточной школы стекловарения.

А. В. Мастыкова (Москва) в докладе «Некоторые принципы реставрации археологического стекла» предложила определять необходимость применения тех или иных методик реставрации в зависимости от химического состава стекла и технологических особенностей обработки стекломассы.

И. С. Жущиховская (Владивосток) показала, что развитие технологии в гончарстве первобытных культур Дальнего Востока в начальный период опережает развитие форм и декора.

В. Л. Носевич (Минск) в докладе «Процесс заселения земли древним человеком» представил первые результаты моделирования на ЭВМ процессов расселения и взаимодействия со средой первобытных коллективов в эпоху нижнего палеолита. Согласно полученным выводам, для заселения Старого Света из одного центра (Восточная Африка) потребовалось около 10 тыс. лет.

В. Г Журавлев, Н. Е. Берлизов (Ленинград) применили факторный анализ для изучения этнической принадлежности северокавказских погребений сарматского времени.

А. Н. Гудим-Левкович (Киев) в докладе «Палеодемографические характеристики населения черняховской культуры (методический подход)» вычислил среднюю продолжительность жизни человека черняховской культуры в целом (31,3 года) и определил среднюю численность семьи, которая колебалась от 3—4 до 8—10 человек.

Н. П. Евсеева, Ю. А. Лихтер (Москва) в докладе «Вещи — автомати-

зированная информационно-поисковая система по археологии» представили систему ввода и переработки информации на персональном компьютере IBM PC XT, реализованную в программной среде d Base III+ на основе описания вещей, предложенного Ю. Л. Щаповой. Авторы также предложили целостную программу изучения декора, вне зависимости от категорий вещей. В дискуссии выступила Ю. Л. Шапова и подробно рассказала о принципах, на которых основана предложенная ею методика описания вещей, и о возможностях, которые она открывает перед археологами.

Методическим проблемам был посвящен доклад О. С. Луковского, В. А. Мешкерис (Ленинград) «Математические критерии в исследовании пропорциональных величин канона некоторых культовых терракот кушанской Бактрии». Математический анализ пропорций трех статуарных иконографических типов терракот кушанской Бактрии позволил авторам заключить, что нормативность канонической пластики основана на стройной системе соответствий, подчиненных единому бактрийскому стилю.

В. П. Грибашев, Т. И. Кузнецова (Москва) в докладе «Геометрия пирамид (опыт деятельностного подхода к реконструкции)» предложили вариант реконструкции технологии разметки при строительстве пирамид Джосера, Хеопса, Хефрена и Микерина, в котором наглядно продемонстрирована взаимосвязь реальных условий проведения разметочных работ и логики геометрической организации пространства пирамид.

Б. В. Мельников, В. В. Дрягин, В. Б. Яшин (Омск) в своем докладе проследили развитие этнокультурных традиций с XIII в. до современности, выделив археолого-этнографический комплекс как метод реконструкции истории этнолокальных групп.

Плодотворно сотрудничество археологов с палеогеографами, геологами и биологами. И. В. Бруяко, В. А. Карпов, В. Г Петренко (Одесса) в докладе «О ритмах палеогеографических изменений и смене культурных групп в Северо-Западном Причерноморье» установили, что смена климатических фаз и археологических культур изучаемого региона имеет закономерный, ритмичный характер.

В. П. Новиков, В. В. Радилиловский (Душанбе) установили, что анизотропия кварца определяет своеобразие кварцевых орудий и приемы обработки.

Ек. Е. Антипина, С. П. Маслов, С. И. Мусатова (Москва) поставили методический вопрос отбора костного материала в процессе раскопок. Отбор «определимых» фрагментов костей ведет к потере 95% пригодного для обработки материала, а доля отдельных видов в обрабатываемом материале может измениться в 2—3 раза. Специалисту необходим весь остеологический материал культурного слоя.

О. П. Журавлев (Киев) в докладе «Животноводство и охота в украинской лесостепи (I тыс. н. э.)» на примере черняховских и раннеславянских памятников показал, что животноводство велось обособленно, без контактов даже с близлежащими поселениями. С. П. Маслов выступил против этого утверждения.

О палеоэтноботанических исследованиях в Приморье рассказала Е. А. Сергушева (Владивосток). На основе ручной флотации был выяснен набор культурных растений и реконструированы системы земледелия; были выдвинуты предположения о путях распространения в средневековье некоторых культурных растений в дальневосточные районы из Китая.

Ю. П. Дробышев, Г. А. Пашкевич (Киев) предложили вариант базы данных по палеоботанике неолита и энеолита на территории Украины. База данных реализована на персональном компьютере ЕС-1840 под управлением MS DOS в программной среде d Base III+.

В. П. Голиков (Москва) в докладе «Анализ античного пурпура и его имитация» на основе химического исследования применявшихся красителей

пришел к выводу, что во многих случаях пурпурный цвет получен за счет его имитации, а не за счет применения классического красителя. В настоящее время автор выделил семь способов имитации.

А. Л. Александровский, М. П. Гласко, М. И. Гоняный, Б. А. Фоломеев (Москва) в докладе «Условия природной среды и древний человек на Средней Оке и Верхнем Дону» на основании междисциплинарных исследований решили вопросы взаимодействия человека и природной среды в период неолита и средневековья.

В свете новых палеоботанических геохронологических исследований было конкретизировано положение геродотовой Гилеи, которую К. В. Кременецкий (Москва) помещает на левом берегу Днепра близ его устья.

Корреляции археологической периодизации и данных геохронологии погребенных почв и пойменных отложений был посвящен доклад С. А. Сычевой, А. А. Узянова, О. А. Чичаговой (Москва). Скоррелировав радиоуглеродные даты погребенных почв в пойменных отложениях с археологической периодизацией, авторы выделили в пойме р. Тускарь два стратиграфических уровня погребенных почв: нижнюю лужгово-глеевую с возрастом 6620 ± 170 и 6970 ± 130 лет назад (?) и верхнюю лугово-лесную — 1060 ± 40 и 1170 ± 60 лет назад. На основе археологических данных удалось определить время формирования лугово-лесной почвы.

Я. В. Кузьмин, Г. М. Шумова (Владивосток) в докладе «Палеогеографические условия развития янковской культуры в Приморье» пришли к выводу, что янковская культура (IX—V вв. до н. э.) существовала во время регрессии Японского моря и похолодания, отмечаемого в Приморье на рубеже суббореального и субатлантического периодов голоцена.

В заключительной дискуссии были даны оценки докладам. Выступавшие отметили необходимость кооперации усилий в дальнейшем, отдавая предпочтение реконструкции техники изготовления вещей, методическим проблемам использования компьютеров в археологии (Г. А. Пашкевич). М. С. Шемаханская предложила создать банк данных по вещам, Ю. А. Лихтер предожила всем желающим принять участие в создании банка данных по вещам на основе методики Ю. Л. Шаповой. Исследователи, связанные с обработкой полевого материала «неархеологического» (ботанический, остеологический и т. п.), С. П. Маслов, В. П. Голиков, предложили обратиться через журнал «Советская археология» к полевым исследователям, четко сформулировав современные требования к отбору такого рода материалов.

На заседаниях секции «Геофизика в археологии» было прочитано 19 докладов.

Заседание открыл А. К. Станюкович (Москва) докладом «Археологическая геофизика в СССР: становление и перспективы». Проведенный наукометрический анализ отечественных публикаций по данной проблеме подтвердил объективную закономерность в развитии данной отрасли науки, выявленную ранее В. В. Глазуновым на основе зарубежных данных. Отмечено три периода развития археологической геофизики: экспериментальный (1957—1963 гг.), методический (1963—1970 гг.) и производственный (1970—1984 гг.). Еще более четко, чем публикации, данную периодизацию отражает число изученных геофизическими методами памятников в год. В середине каждого периода число изученных памятников максимально, на рубеже периодов — минимально. Докладчик отметил, что общим для всех периодов являлся утилитарный подход к археологической геофизике, якобы призванной лишь давать сведения о памятнике, требуемые археологу. Начиная с 1984 г. наступил новый, исследовательский этап развития археологической геофизики. На этом этапе в ходе исследований наибольший интерес представляют количественные геофизические данные об объектах исследования, в том числе об их физических свойствах. Стало возможным получение качественно новой информации о памятниках, осваиваются новые типы памятников и объектов на них, исследование которых

геофизическими методами раньше было невозможным. Многие памятники становятся долговременными «полигонами» для отработки различных методов и методик. В настоящее время в СССР активно действуют постоянные рабочие группы специалистов Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов.

А. В. Мельников и Т. Н. Смекалова (Ленинград) в докладе «Физико-археологическая модель античных сельских поселений Крыма» выступили с новой для археологической геофизики концепцией *физико-археологической модели* памятника (ФАМ). Под ФАМ понимается набор абстрактных возмущающих тел, геометрия, взаимное расположение и контрастность которых приближенно соответствуют реальной структуре памятника. На основе ФАМ выбирается оптимальный комплекс методов и средств геофизического изучения памятника, проводится математическое и физическое моделирование полей и объектов, осуществляется интерпретация реальных аномалий. ФАМ строится путем последовательных приближений с учетом данных раскопок. Докладчики отметили, что произвольный выбор методов изучения памятника, без учета ФАМ, приводит к значительному усложнению интерпретации геофизических данных и даже к дискредитации методов археологической геофизики в целом.

Идею ФАМ, первоначально не содержащую данных гуманитарных наук, дополнил доклад В. М. Слукина и Л. Н. Смирнова «Анализ динамики развития исторических территорий в процессе археолого-геофизических исследований». Основная мысль доклада — необходимость обязательного привлечения исторических источников на всех этапах геофизического исследования. Для изучаемой территории предлагается обратить особое внимание на процесс ее развития, отраженный в письменных источниках, на картах, гравюрах, рисунках и т. п. При этом воссоздается картина поэтапного развития памятника, что дает возможность отождествлять геофизические аномалии с материальными остатками различных эпох. Метод был апробирован в ходе исследований Вологодского и Верхотурского кремлей, Невьянского горно-металлургического центра и позволил идентифицировать ряд утраченных в разное время объектов культурного наследия.

Ряд докладов был посвящен применению методов электроразведки в археологии. В докладе И. Н. Модина, А. Г Яковлева и К. Л. Одинцова (Москва) «О возможностях электроразведки методом сопротивлений при изучении археологических объектов» дано теоретическое обоснование применимости метода в зависимости от типа памятника. Показано, что наиболее успешно метод работает при решении задач археолого-геологического плана: определении мощности четвертичных отложений и культурного слоя, изучении палеорельефа памятника и т. п. Информативность метода связана с уровнем неустранимых шумов, геологическими помехами и контрастностью в геоэлектрических свойствах объекта и вмещающей среды. Существенным является выбор методики электроразведки. Изложены результаты математического моделирования электрического поля над характерными археологическими объектами. Докладчики справедливо считают, что моделирование является необходимым на этапе планирования работ.

В докладе Т. А. Сидельниковой и В. С. Флёрова (Москва) «Применение электропрофилирования при поиске погребений кобанской культуры на Северном Кавказе» даются конкретные примеры результативности электроразведки на кобанском могильнике VII—VI вв. до н. э. Клин-Яр III близ Кисловодска. Предпосылкой применения электроразведки по методу срединного градиента явилось наличие в кобанских погребениях каменных конструкций (ящики, облицовка стенок могильных ям, ступеньки). Моделирование показало ожидаемую амплитуду аномалий электросопротивления над могилами не менее 15% от фона. Съемка выявила серию аномалий с амплитудами 15—20%, которые в большинстве случаев оказались связанными с захоронениями. Эти работы яв-

ляются продолжением широкого комплекса геофизических исследований могильника Клин-Яр III, ведущихся с 1983 г.

Доклады И. В. Исламовой и С. А. Маруева (Москва), В. М. Слукина и М. Ю. Горбачева (Свердловск) дали другие примеры успешного применения электроразведки на различных типах средневековых памятников. Электроразведка позволила выявить такие объекты, как заполненные культурным слоем материковые ямы, картировать фундаменты архитектурных сооружений, реконструировать палеорельеф памятников.

Сообщение М. И. Финкельштейна, Е. Ф. Богатырёва и Н. А. Плаунова (Рига) было посвящено результатам применения в археологии портативного радиолокатора, позволяющего проводить непрерывные подповерхностные зондирования грунта. С помощью прибора найдены остатки первоначальных сооружений Алсунгского замка (XIV в), картированы фундаменты несохранившейся части застройки Старой Риги, исследованы стены и подвалы Вентспилсского замка (XIII в.).

Цикл докладов и сообщений был посвящен другому распространенному методу геофизического изучения памятников археологии — магниторазведке. В докладе А. К. Станюковича «Интерпретация аномалий ΔT от трехмерных археологических объектов (модель стержня)» впервые в отечественной археологической геофизике сделана попытка перейти от качественного уровня интерпретации магнитных аномалий Δ T (констатация наличия объекта и интуитивный прогноз) к количественной экспресс-интерпретации. Для этого предлагается аппроксимировать намагниченный земным полем археологический объект эквивалентным намагниченным стержнем конечной длины, залегающим под произвольным углом к горизонтали в плоскости магнитного меридиана. На основе аналитических выражений для поля ΔT стержня на компьютере рассчитаны палетки для широкого спектра длин и углов наклона стержня в различных геомагнитных широтах. Интерпретация реальных аномалий сводится к отысканию характерных точек на их графиках, затем по палеткам определяются длина, угол наклона, глубина залегания центра и магнитный момент стержня, а при наличии сведений о магнитных свойствах объекта — его объем и масса. Проверка на реальных объектах показала, что ошибка в определении глубины залегания их центра при этом не превышает 5%, а углы наклона эквивалентных стержней хорошо увязываются с реальной геометрией объектов.

В прениях по докладу И. Н. Модин отметил безусловную перспективность такого подхода при интерпретации аномалий в полевых условиях, что не исключает последующей уточненной интерпретации не компьютерах по существующим программам.

Два доклада М. И. Гоняного, Д. Е. Максимова, И. Н. Модина, К. Л. Одинцова, Е. В. Перваго, Т. В. Перваго, С. Н. Бувина, С. Е. Иткиса и М. Я. Каца (Москва) были посвящены результатам комплексного геофизического исследования раннесредневековых поселений на Куликовом поле. Электроразведка и в особенности магниторазведка на поселениях позволили выявить ряд жилых и производственных комплексов, поиск которых традиционными археологическими методами требует колоссальных трудозатрат. Выявлены и раскопаны гончарная мастерская первой половины XIII в., металлургический комплекс XIV в., три гончарных горна XII—XIII вв., два жилища с печами XIII в. Проанализированы аномалии от горнов и печей, имеющие сходное строение, но различные амплитуды и размеры, что позволяет распознавать объекты до раскопок. В прениях по докладам А. К. Станюкович рекомендовал при обследовании больших площадей перейти от традиционной попланшетной съемки к методу свободного поиска, позволяющему безошибочно находить крупные намагниченные объекты при значительной экономии времени на съемку.

Серия докладов большого авторского коллектива, возглавляемого А. В. Мельниковым и Т. Н. Смекаловой, была посвящена широкому комплексу исследований на археологических памятниках Крыма и других регио-

нов. В ходе работ применяется магнитометрия в комплексе с методами изучения физических свойств намагниченных объектов (каппаметрия, спектроскопия методом *электронного парамагнитного резонанса* — ЭПР) Это позволяет объяснить многие специфические особенности магнитных аномалий, связанные с различиями в физико-химическом строении объектов. Изложены результаты изучения поселений Генеральское-Западное, где удалось открыть ранее неизвестный участок застройки, оконтурить его границы и получить сведения о планировке зданий. Картированы также поселения Золотое-Плато и Кошара. В полевых условиях широко применяется фосфатный анализ почв и культурного слоя. В ходе работ по изучению гончарных печей на поселениях применяется метод свободного поиска (по А. К. Станюковичу), затем проводится уточненная съемка аномалий. Математическое моделирование аномалий в комплексе с ЭПР — спектроскопией материалов печей позволяет не только объяснить вид измеренных аномалий, но и судить о степени и продолжительности нагрева отдельных элементов печей. По форме аномалий, как правило, можно судить о типе печи до ее раскопок. ЭПР-спектроскопия и метод ядерного магнитного резонанса успешно применяются для изучения отдельных лабораторных образцов археологических материалов (янтарь, воск, кремень, керамика, железо и пр.). Имеются предпосылки к разработке метода абсолютного датирования материалов на основе данных ЭПР-спектроскопии.

В сообщении А. В. Левашенко, А. В. Окорокова, А. А. Натытника и А. К. Станюковича (Москва) кратко охарактеризованы результаты магниторазведки некоторых исторических водоемов, в частности пруда Иосифо-Волоколамского монастыря, изучавшегося со льда. В магнитном поле локализованы разновременные подсыпки берега строительным мусором. В центральной части пруда локализована кирпичная конструкция, предположительно, оформление родника. Интерпретация аномалий от лежащих на дне пруда железных предметов позволяет определить его глубину. Контуры ныне засыпанных водоемов хорошо локализуются по аномалиям от железного лома на бывших берегах. Важным этапом изучения исторических водоемов является водолазная разведка.

Два доклада В. М. Слукина, Г М. Захариковой и Н. Н. Городецкой (Свердловск) были посвящены неразрушающим методам изучения памятников архитектуры. Теплофизические методы, основанные на фиксации неоднородностей теплового потока от поверхности памятника, позволяют выявлять трещины и скрытие полости в стенах. Метод ультразвуковой интроскопии кирпичной и каменной кладки хорошо фиксирует ослабленные участки конструкций, зоны трещиноватости и пустоты в стенах толщиной до 3 м.

В заключение А. К. Станюкович сообщил о недавних оригинальных исследованиях Ф. Б. Бакшта (Красноярск), в ходе которых наряду с электро- и магниторазведкой впервые в СССР успешно применена радиометрия археологических объектов. Интересны также работы Ф. Б. Бакшта в области каппаметрии культурного слоя и керамических сосудов. Различия в магнитной восприимчивости отдельных частей сосудов дают сведения о технологии их изготовления и положении сосудов в печи при обжиге.

В ходе дискуссии участники заседания отметили, что археологическая геофизика в СССР, действительно, вышла на принципиально новый уровень. Все меньше и меньше проводится элементарных работ картировочного характера, особое внимание уделяется малоизученным физическим свойствам объектов, для чего привлекаются новейшие методы. Широко применяется физическое и математическое моделирование аномалий, сделаны первые успешные шаги в области их количественной интерпретации. Налицо четвертый, исследовательский этап развития данной отрасли науки. Археологическая геофизика стала самостоятельным инструментом исследования памятников археологии, дающим важную информацию, не фиксируемую традиционными археологическими методами. Не последнюю роль в этом играет постоянное творческое общение специалистов

в этой области, в том числе на периодически проводимых совещаниях. Налаживаются контакты с зарубежными исследователями.

Прочитанные доклады будут опубликованы в трудах Комиссии по применению методов естественных наук в археологии. Следующую конференцию предполагается провести через 2 года.

Управление государственного контроля
охраны и использования памятников
истории и культуры, Москва

Московский государственный университет
Лаборатория археометрии Международного
общества «Подводный Мир», Москва

Ю. А. Лихтер, А. В. Мастыкова, А. К. Станюкович

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ

В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1991 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, проблемы мировой археологии, история науки, заметки	№	стр.
Абрамов А. П., Масленников А. А. Амфоры V в. до н. э. из раскопок поселения на мысе Зюк	3	234
Алексеев В. П. Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история	1	5
Алексеев В. П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора	2	65
Алексеев Л. В. Е. Ф. Канкрин и история открытия «Борисовых камней» в Белоруссии	2	256
Арефьев В. А. О методике обработки орнамента керамических сосудов	4	240
Асланов Г., Кашкай С. Погребения некрополя Мунджуглу-Тепе	3	221
Бахшалиев В. Б. Могильник эпохи раннего железа на территории древней Нахичевани	4	217
Бердникова В. И., Ветров В. М., Лыхин Ю. П. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены	2	196
Беспалый Е. И., Парусимов И. Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону	3	161
Бокий Н. М., Горбул Г. П., Отрощенко В. В. Киммерийские захоронения на Кировоградщине	1	173
Бунятян Е. П., Зубарь В. М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса	4	228
Буровский А. М. О характере археологических источников	2	115
Василев В. И. Бронзовая накладка в виде человеческой фигуры из Южной Добруджи	3	273
Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС)	2	5
Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории	1	145
Винокурова Э. П. От центра к периферии. Культурные связи на рубеже XVII и XVIII вв.	3	43
Воронов Ю. Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады	1	225
Гаврилюк Н. А., Пашкевич Г. А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V—IV в. до н. э.	2	51
Гей А. Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика)	1	54
Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений Горного Крыма (на примере Монгупа)	2	232
Гиря Е. Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня	3	115
Гоняный М. И., Недошивина Н. Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону	1	246
Гопак В. Д., Горюнова В. М. Черный металл раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (по материалам Е. А. Горюнова)	1	235
Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э.)	3	20
Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии)	2	111
Даркевич В. П. Византия и Восток	3	69
Дейвид С. Браунд. Римско-сирийская стеклянная чаша из Лоо близ Сочи	3	268
Дороничев В. Б. Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода	3	130
Дьякова О. В. Глиняный гончарный круг из Приморья	2	248
Егорейченко А. А. Очковидные подвески на территории СССР	2	171

	№	стр.
Жарнов Ю. Э. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства	2	76
Жилин М. Г., Мирецкий А. В. Мезолитическая стоянка Хриплево I на Верхней Волге	2	148
Журавлев А. П., Чистякова Э. Л., Жульников А. М. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии	1	167
Заверняев Ф. М. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	4	164
Завьялов В. И., Чеснокова Н. Н. Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура)	2	208
Иванов Г. П. Кувсайский могильник VII—VIII вв. в Ферганской области	3	262
Кашуба М. Т., Гольцева Н. В. Сахарнянский могильник I (Цыглэу)	1	197
Клейн Л. С. В защиту «чистой археологии»	2	103
Козенкова В. И., Багаев М. Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибутики в позднекобанской культуре	4	25
Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур	2	21
Кренке Н. А., Цепкин Е. А. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н. э. по VII в. н. э.	1	104
Кузнецов В. Д. Кепы: ионийская керамика	4	63
Кузнецова Л. В., Седова М. С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье	3	161
Кызласов И. Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов	4	63
Ламберг-Карловски К. Огонь до изобретения керамики и металла	1	156
Любин В. П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры)	1	20
Любин В. П., Куликов О. А. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа	4	5
Макарова Т. И. Княжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси	3	31
Массон В. М. Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций	1	160
Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А. Строительные растворы древнего Новгорода	4	102
Медынцева А. А. Архангельская ставротека и культ Климента на Руси	3	56
Мержанова К. А. Численность населения средневекового города: возможности реконструкции (на примере Пскова)	4	108
Минжулин А. И. Браслет-наруч и колты из клада 1908 г. у с. Старая Буда	2	252
Могильников В. А., Данченко Е. М., Труфанов А. Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа	3	196
Молева Н. В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний	2	71
Моргунов Ю. Ю. Редкая находка с перегородчатой эмалью	1	225
Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья	4	123
Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области)	2	35
Мыськов Е. П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья	4	145
Панова Т. Д. Каменные саркофаги антропоидного типа	2	90
Пидаев Ш. Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза	1	210
Плетнева С. А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники	3	98
Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курган у с. Богоявленское	1	262
Пясецкий В. К. Палеолитическое местонахождение Жорнов: верхний культурный слой	2	131
Пясецкий В. К. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов	4	182
Романова Г. П. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополья эпохи ранней и средней бронзы	2	160
Ромашко В. А., Калагина Г. Н. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье	3	267
Рубан В. В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья	2	182
Рыбина Е. А. Из истории шахматных фигур	4	86
Сайгин Ф. И., Юдин А. И. Каменные орудия Кушумской стоянки	4	191
Санжаров С. Н. К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца	3	5

	№	стр.
Седов Вл. В. Псковские храмы XV в. круга церкви Георгия со Взвоза	1	134
Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле	2	240
Сергеева Н. Ф. О химическом составе изделий Корсуковского клада	2	206
Сергин В. Я. Скопления костей мамонта на палеолитических поселениях	4	9
Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт	3	250
Смирнов К. А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи	4	54
Соловьев В. С. Керамическая плитка из Кафыркалы	3	270
Сунгатов Ф. А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье	4	243
Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области	3	151
Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына (письма к С. Ф. Платонову)	2	265
Травкин П. Н. Зооморфная поделка с Микшинского селища	1	267
Трейстер М. Ю. Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе	1	90
Уткин А. В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера	3	143
Федосеев Н. Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах	2	244
Фоняков Д. И. Цветной металл Торопца (типология и технология)	2	217
Холматов Н. У. Двустороннеобработанные наконечники стрел в неолите Средней Азии	1	43
Чайкина Л. Г. О назначении двух каменных предметов из Рюрикова городища	3	273
Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье)	4	206
Чернецов А. В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (так называемый «посох Никиты Новгородского»)	3	84
Чернов С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII—XV вв. и происхождение волостной общины	1	112
Черных Е. Н. Древний металл и символы	1	162
Шавкунов Э. В. Бохайская кровельная черепица с зооморфным мотивом	1	269
Шавкунов Э. В., Ивлиев А. Л. Бохайская плакетка из Приморья с изображением буддийской кумирни	4	245
Щапова Ю. Л. Археология и морфология	2	120
Шарафутдинова Э. С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье	1	184
Шилов В. П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья	4	132
Яблонский Л. Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья	1	72

Критика и библиография

Амиров Ш., Мишина Т. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. Herausgegeben von Manfred Korfmann. B III_1. Jurgen Seeher. Die Keramik. Mainz am Rhein, 1987	1	275
Богданова Н. М. Романчук А. И. Херсонес в XII—XIV вв. (Историческая топография). Красноярск, 1986	1	283
Васильев С. А. *Pigeot N.* Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organization sociale. XXVe Suppl. à «Gallia Préhistoire». P., 1987.. *Olive M.* Une habitation Magdalénienne d'Étiolles. L'Uité P15 // Mémoires de la Societe préhistorique francaise. T. 20. P., 1988	4	274
Всевиов А. М. Советская археологическая литература за 1989 г.	4	279
Герасимова М. М., Медведев Г. И., Яблонский Л. Т. *Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Лебединская Г. В., Пестряков А. П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988	4	256
Гохман И. И. *Балуева Т С., Веселовская Е. В., Лебединская Г. В., Пестряков А. П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988	4	262
Клосинска Э. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Ред. *О. Г Шапошникова.* Киев, 1988	4	249
Малышев А. А. *Pferdenhirt B.* Die römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans. Untersuchungen zur Chronologie südgallischer Reliefsigillata // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. Jahrgang. 1986	1	272
Мизиев И. М. Ответ В. Н. Каминскому	2	292
Носенко Е. Э. Кельтская археология на страницах журнала «Gallia»	3	279
Питулько В. В. Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. М., 1986. Культуры эпохи раннего металла Северного Пиуралья. М., 1988	2	286
Резепкин А. Д. *Renfrew C.* Arhaeology and Language. The Puzzle of Indo-European origins. L., 1987	2	280

	№	стр.
Синицын А. А. The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East // Ed. *Hoffecker J. F., Wolf C. A.* // British Archaeological Reports. International Series. Oxford, 1988	4	267
Скрипкин А. С. *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1988	3	288
Ставиский Б. Я. *Grenet F.* et collaborateurs. L'Asie Centrale Préislamique; Bibliographie critique. 1977—1986 (Abstracta Iranica. Volume hors série. 3). Institut Francaise Recherche en Iran. Teheran-Paris, 1988	2	284
Филлипс П. Трансологические исследования в Великобритании	2	277

Хроника

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю. Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 1989)	1	291
Гавритухин И. О., Терпиловский Р. В. I и II конференция «Киевская культура, ее истоки и наследие» (Курск, 1988, 1989)	1	296
Гей А. Н. Научно-практический семинар «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР» (Суздаль, 1989)	2	295
Горбунова Н. Г., Каспарова К. В., Кушнарева К. Х., Смирнова Г. И. Борис Борисович Пиотровский (1908—1990 гг.)	3	108
Доде З. В., Охонько Н. А. XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ставрополь, 1990)	3	296
Кокорина Н. А., Кузьминых С. В., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А. Памяти Александры Михайловны Ефимовой	2	301
Лихтер Ю. А., Мастыкова А. В., Станюкович А. К. V Всесоюзная конференция по применению методов естественных наук в археологии «Комплексные методы исследования археологических источников» (Москва, 1989)	4	290
Петрухин В. Я., Чернецов А. В. Конференция «Древнерусское язычество и его традиции» (Псков, 1988)	1	299
Седов В. В. XI Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 1989)	2	298
Столяр А. Д. Памяти Бориса Борисовича Пиотровского	3	112
Хартия по охране и использованию археологического наследия	3	294

Указатель составлен П. Г Гайдуковым

НПО «ИСТОЧНИК»

всегда к вашим услугам!

Если Вы интересуетесь историей, хотите расширить свой исторический кругозор, провести юбилейное мероприятие, интересную выставку...

Если Вы нуждаетесь в исторической справке по самым разным вопросам, в квалифицированной консультации историков, в помощи опытных специалистов при подготовке к изданию книг, при создании документальных и художественных фильмов...

Если Вы заинтересованы в сотрудничестве в ведущими учеными-историками страны...

Если Вам нужны их знания, авторитетные заключения и отзывы...

ОБРАЩАЙТЕСЬ В НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИСТОЧНИК» ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Опытные специалисты окажут Вам следующие услуги:

— Составление справок и обзоров по отечественной и всемирной истории.
— Проведение исторических, археологических и этнографических выставок.
— Поиск и обработка архивных материалов по заказной тематике.
— Выполнение научных исследований по Вашим заказам.
— Научные консультации для специалистов и любителей истории.
— Подготовка и издание научных монографий и сборников, популярных книг, брошюр, альбомов, буклетов по истории.
— Консультирование документальных и художественных кинофильмов, теле- и радиопередач по исторической тематике.
— Обработка архивов предприятий и учреждений.
— Создание банков данных по заказной исторической тематике.
— Выявление и подготовка по заказам клиентов отечественной и зарубежной библиографии по проблемам истории.
— Разработка тематики научных исследований, тематики популяризации отечественной и всемирной истории.
— Редактирование рукописей по исторической тематике.
— Помощь при подготовке юбилейных мероприятий к годовщине основания города, предприятия, фирмы.
— Помощь в заключении соглашений о совместных исторических исследованиях с отечественными и зарубежными партнерами.
— Проведение встреч с ведущими отечественными и зарубежными историками, организация их лекций.
— Ознакомление специалистов с новейшей отечественной и зарубежной историографией.
— И многое другое по Вашим заявкам.

Оплата по твердым расценкам и по договоренности в рублях и СКВ (для иностранных заказчиков).

НАШ АДРЕС:

СССР, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, НПО «Источник»

Телефоны: 126-00-29, 126-05-20

НПО «ИСТОЧНИК» ЖДЕТ ВАС!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.-Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.-Пг.
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.-Пг.
КБИ — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комисии. СПб.-Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при. Московском университете
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquety. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
CGE — Les céramiques de la Gréce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*
Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 17.09.91. Подписано к печати 12.09.91. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр. отт. 68,5 тыс. Уч.-изд. л. 29,0. Бум. л. 9,5
Тираж 2720 экз. Зак. 1725. Цена 3 р. 60 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер. 6.